HISTORIA ROSSICA

ЕЛЕНА МАРАСИНОВА

«ЗАКОН» И «ГРАЖДАНИН» В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA ROSSICA

"ЗАКОН" И "ГРАЖДАНИН" В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:

очерки истории общественного сознания

В книге рассматриваются правовые представления российского общества в годы правления Екатерины Великой. Анализируя сложное переплетение самодержавной традиции и европейского просвещения, автор раскрывает смысл понятий, присутствовавших в языке второй половины XVIII века. Это позволяет рассмотреть развитие институтов подданства и гражданства в России. Исследование основано на широком круге источников — законодательных актах, публицистике, дневниках, переписке, мемуарах, прошениях и художественной литературе. Елена Марасинова — автор книг по истории сознания русского дворянства и политической истории России XVIII века.

9 785444 806968

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA
ROSSICA

Елена Марасинова

“Закон” и “гражданин” в России второй половины XVIII века:

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Новое
Литературное
Обозрение

2017

УДК 342.71(091)(47+57)"175"
ББК 67.400.31-1(2)54
М78

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA
Е. Анисимов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Редактор серии
И. Жданова

Марасинова, Е.

М78 «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания / Елена Марасинова. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 512 с. (Серия HISTORIA ROSSICA)

ISBN 978-5-4448-0696-8

В книге рассматриваются правовые представления российского общества в годы правления Екатерины Великой. Анализируя сложное переплетение самодержавной традиции и европейского просвещения, автор раскрывает смысл понятий, присутствовавших в языке второй половины XVIII века. Это позволяет проследить развитие институтов подданства и гражданства в России. Исследование основано на широком круге источников — законодательных актах, публицистике, дневниках, переписке, мемуарах, прошениях и художественной литературе. Елена Марасинова — автор книг по истории сознания русского дворянства и политической истории России XVIII века.

УДК 342.71(091)(47+57)"1750"
ББК 67.400.31-1(2)54

На обложке:
Федот Шубин. Екатерина II — законодательница. 1789–90.
© Русский музей, Санкт-Петербург

© Е. Марасинова, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

ВВЕДЕНИЕ

РУССКИЙ XVIII ВЕК — НОВЫЙ ЯЗЫК, НОВЫЕ ПОНЯТИЯ

Каждый историк задает прошлому свои вопросы, пытается ли он выявить глубинные причинно-следственные связи, обогатить мозаичную картину прошлого новыми фактами, познает ли себя через драмы собственной страны или же, обнаружив в архивном документе следы реальной пульсирующей жизни, берется вернуть ушедшего человека, чтобы поведать о его существовании. Но всегда между исследователем и многоликим прошлым, предстающим то в образе власти, сословий, событий, то судьбы одной личности, стоит текст, с которым историк и должен установить диалог. Любое более или менее продуктивное общение предполагает способность чувствовать общую атмосферу, тональность разговора, умение уловить скрытый смысл порой незамысловатых слов собеседника, понимание реальных обстоятельств его жизни.

Целенаправленная работа с языком источника как раз и является обязательным условием попытки выстроить диалог с прошлым, избежав при этом доверчивого переноса самоописания другой культуры в исследование. Прочтение текста исторического документа с применением специальных подходов, включающих контент-анализ, методы «интеллектуальной» и «понятийной» истории, приемы, использующиеся в антропологии, социальной психологии и литературоведении, особенно актуальны в отношении русского XVIII века, который условно может быть назван «столетием семиотики».

Безусловно, любое время является переходным, и в языке любой эпохи возникают новые понятия, уходят традиционные, а общеупотребительные наполняются новым смыслом. Одна-

ко именно в России XVIII века терминология и символика стали важнейшим орудием социального контроля со стороны власти и реальным подтверждением достигаемых, как правило, с помощью оружия внешнеполитических успехов. На протяжении столетия по высочайшему повелению был изменен титул монарха и название страны, варьировались официальные наименования подданных, этикетные формы обращения к императору и чиновникам, определения различных социальных групп и сословий, один за другим издавались указы о «знаковых» преобразованиях алфавита, летоисчисления, стиля одежды, планировки городов и т. д.[1] Исходящие от престола «терминологические реформы» сочетались с продуманным воздействием на воображение подданных через символику и разнообразные формы репрезентации величия монархического правления[2].

Хорошо известно, что порой «лексические и знаковые» реформы правительства встречали сознательное сопротивление или же просто наталкивались на инерцию стереотипа. Как не вспомнить здесь слова А. С. Пушкина, что «правительство все еще единственный Европеец в России» и «все Романовы — революционеры»[3].

---

[1] См. об этом: *Otten F.* Untersuchungen zu den Fremd- und Lehnwörtern bei Peter dem Grossen. Köln; Wien, 1985.

[2] В частности, эволюция наименования крещеных язычников, мусульман, буддистов от «иноземцев» до «новопросвещенных» может рассматриваться в качестве одного из примеров «интеллектуальной инженерии» самодержавия, а изменение античной трактовки утраченной идиллии и помпезное провозглашение царствования Екатерины II «Золотым веком» во время маскарада «Торжествующая Минерва» следует идентифицировать как подчинение литературной традиции политическим интересам. Доминанта государства в сфере религии также часто реализовывалась через понятийный аппарат власти. Так, вслед за официальным объявлением «суеверий» не «ересью», а «мошенничеством» решения по духовным делам были перенесены в светские суды. См. три специальных выпуска, подготовленные автором этих строк и посвященные истории понятий применительно к русскому XVIII веку: Русский XVIII век: текст и реальность (Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1–2); Просвещенный монарх и просвещенная личность: Begriffsgeschichte XVIII века (Classical Russia. 1700–1825. 2008–2010. Vol. 3–5); The "Enlightened Monarch" and the "Enlightened Noble" in the Eighteenth-Century Russia (Russian Studies in History. 2009–2010. Vol. 48. № 3. Winter).

[3] Пушкин А. С. — Чаадаеву П. Я. 19 октября 1836 г., СПб. // Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 2. С. 292; *Пушкин А. С.* Дневники, записки. СПб., 1995. С. 45.

Отличительной чертой русского XVIII века было не только использование терминологии в качестве действенного орудия государственной политики, но и чрезвычайная «лексическая активность» образованной части общества и прежде всего интеллектуальной элиты дворянства. Потребность уловить ускользающий смысл некоторых терминов стала приметой времени в этой среде, наиболее чуткой к движению слова, игре и переливам его значений. В XVIII веке спонтанно появляются различные словники, «мысли, замечания, отрывки», «толковые словари»[4], порой предназначенные не столько для печати, сколько для собственного авторского, более глубокого проникновения в содержание тех или иных понятий. Так, в 1783 году в журнале «Собеседник любителей российского слова» был анонимно опубликован «Опыт российского словника» Д. И. Фонвизина. Автор сетует на отсутствие точного смысла, «разума» у некоторых «названий», особенно «изображающих качества души». «Надобно из содержания всей речи распознавать, в каком значении употреблено таковое понятие», «всякий произносит оные, как сам понимает», «без разбору». «Сие неудобство» заставило Фонвизина дать свое толкование ряду понятий, четкое «знаменование» которых было особенно важно с его точки зрения[5].

Терминологическая многозначность русского языка XVIII века оказалась не чисто лингвистической проблемой, захватившей исключительно словесников. В таком бытовом «человеческом документе», как переписка, также было зафиксировано стремление уяснить точный смысл слова или же найти верное определение для

---

[4] См., например: *Муравьев М. Н.* Мысли, замечания, отрывки, выбранные из записок автора // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 331–384; *Княжнин Я. Б.* Отрывок толкового словаря // Собрание сочинений Якова Княжнина. М., 1803. Т. V. С. 293–321.

[5] *Фонвизин Д. И.* Опыт российского словника // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. I. С. 227, 231. По всей видимости, в 1773 году появилось первое издание «Разговора о пользе наук и училищ» В. Н. Татищева, где, в частности, говорилось: «Хвастуны наиболее чужестранных слов... в иной силе, нежели оное слово на собственном языке, употребляют... чрез что силы слов тех ни сами, ни другой кто рассудить не может» (*Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887). См. также: *Татищев В. Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793. Ч. 1–3.

передачи адресату усложняющейся в этот период духовной и интеллектуальной жизни личности. «Мне кажется, что различие вашего и моего мнения происходит от несходных понятий, сопрягаемых нами», — признавался в 1790 году известный масон, розенкрейцер А. М. Кутузов А. И. Плещеевой, жене своего друга А. А. Плещеева, и пытался дать свое «разумение», забыв, что «вместо письма начал писать диссертацию»[6].

Термин и его трактовка в XVIII веке становятся важнейшим аргументом в политическом споре, средством убеждения и одновременно осмысления действительности. Показательно, что необходимость реформы Сената и учреждения Императорского совета канцлер Н. И. Панин пытался донести до Екатерины II через рассуждения о содержании таких понятий, как «просвещенный монарх», «самодержавие», «самовластие», «кроткий государь» и т. п.

В сознании различных групп населения некоторые политические и мировоззренческие термины противопоставлялись официальной трактовке, наделялись неожиданными эпитетами и, следовательно, приобретали новое нетрадиционное содержание. Так, понятие «сын Отечества» оказалось диаметрально разведено в представлениях власти, ожидающей от «истинных подданных» «ревностной службы», и оппозиционно настроенной элиты, которая начинала различать службу Отечеству и службу государю. Назревающие духовные и идейные конфликты в России XVIII века также часто становились проблемой «понятийной» и отражались прежде всего в развитии языка эпохи. Терминологический анализ источников не только обнаружил зарождение фрондерства в среде дворянства, но и позволил определить всю глубину поляризации общества в XVIII веке, стремительное отдаление европеизированной верхушки от многочисленных приверженцев традиционной культуры. «То, что одни называли "суеверием", — пишет, в частности, Е. Б. Смилянская, — для других все еще продолжало быть "истинной верой" и выражением благочестия. Потому анализ понятия "суеверие", вероятно, может дать ключ к пониманию разли-

[6] А. М. Кутузов — А. И. Плещеевой. 17/28 декабря 1790 г., Берлин // Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 56–57.

чий, которые все более явственно отделяли "народную веру" от религиозных воззрений просвещенной элиты»[7].

И наконец, ни в одно столетие русский язык не отличался такой семантической неустойчивостью и не испытывал такого сильного давления со стороны других языковых культур, как в XVIII веке. Тексты этого периода свидетельствуют, что одновременно сосуществовали церковнославянская традиция, бюрократические канцелярские штампы, термины официозной доктрины и светский европеизированный слог, носители которого с трудом успевали адаптировать немецкую военно-бюрократическую лексику и изысканные галлицизмы[8].

Таким образом, детальный понятийный анализ источника вводит в зону особого напряжения, которое неизменно возникает между документом и реальной жизнью и несет информативный заряд большой силы. Эволюция языка может быть уподоблена барометру, способному уловить самое начало глубинных социальных сдвигов, когда у исследователя создается впечатление, что понятие возникает раньше того или иного явления. С другой стороны, в обществе часто происходят процессы, которые не имеют словесной идентификации и осмысливаются лишь спустя несколько поколений.

Терминология эпохи постоянно эволюционирует под влиянием многих обстоятельств и в то же время сама является индикатором скрытых метаморфоз в обществе, фактором, влияющим на сознание современников, действенным орудием социального контроля со стороны политической власти. Так, в русском языке XVIII века понятия могли иметь несколько противоположных по смыслу определений, что свидетельствовало о существовании различных «социальных носителей» у одного и того же термина и, следовательно, о скрытой идеологической напряженности в обществе, которая порой перерастала в открытый социальный конфликт.

---

[7] *Смилянская Е. Б.* «Суеверия» и народная религиозность в России века Просвещения // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1–2. P. 121–154. Как указывает автор, борьба против суеверий сопровождалась всевозможными определениями этого понятия и даже появлением своеобразных «словарей суеверий».

[8] См. об этом подробнее: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Методы *Begriffsgeschichte* позволяют глубже проникнуть в текст источника и получить результаты, отдельные из которых нельзя было заранее спрогнозировать. Терминологический анализ документов часто провоцирует исследователя на емкие неожиданные формулировки и поиск причин открывающихся ему парадоксов русской истории XVIII столетия.

DIE RUSSISCHE BEGRIFFSGESCHICHTE

История понятий: предмет и задачи

Актуальность и методологическая продуктивность *Begriffsgeschichte* или *History of Concepts*[1] давно уже признаны многими исследователями. Базовым фундаментальным трудом в области «понятийной истории» может считаться многотомный лексикон социальных и политических терминов немецкого языка[2]. В жанровом плане эта работа является словарем, где смысл каждого понятия и эволюция его содержания от Античности до Нового времени подвергаются практически монографическому исследованию. Тесно связывая развитие языка с экономическим, политическим и духовным развитием общества, авторы статей словаря целенаправленно выявляют изменения смысла ключевых

[1] Ведущими представителями этого направления в развитии исторической науки считаются Р. Козеллек, К. Скиннер, Дж. Покок: *Koselleck R.* Historische Semantik und Begriffsgeschichte. Stuttgart, 1979; *Idem.* Futures Past: on the Semantics of Historical Time. Cambridge, 1985; *Idem.* Linguistic Change and the History of Events // Journal of Modern History. 1989. Vol. 61. № 4. P. 649–666; *Idem.* Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000; *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge, 1978; *Idem.* Hermeneutics and the Role of History // New Literary History. 1975. Vol. 7. № 1. P. 209–232; *Polock J. G. A.* Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History. L., 1972. Подробное историографическое исследование так называемого «лингвистического поворота» предпринял в своей обобщающей монографии Н. Е. Копосов: *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 284–294.

[2] Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur Politisch-Socialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1997. Bd. 1–8. См. об этом, например: *Dipper Ch.* Die "Geschichtlichen Grundbegriffe". Von der Begriffsgeschichte zur Theorie der historischen Zeiten // Historische Zeitschrift. 2000. № 270. S. 281–308.

социальных терминов той или иной эпохи, таких, например, как «просвещение», «демократия», «диктатура», «бюргер» и др.

Особенно продуктивным представляется подход, идентифицирующий лексические сдвиги, происходящие в результате социальных потрясений, революций, восстаний, религиозных войн и т. п. Фундаментальная источниковая база исследования, включающая произведения художественной литературы, философскую мысль, публицистику, законодательство, прессу и т. д., позволила авторам идентифицировать главных носителей определенных понятий. Несмотря на то что в лексиконе проанализированы важнейшие политические термины лишь преимущественно немецкоязычной Европы, это издание стало важным научным событием, давшим и содержательный материал, и новый импульс для исследований во всех областях истории понятий. Вслед за «Geschichtliche Grundbegriffe» в середине 1980-х годов был опубликован лексикон, посвященный Begriffsgeschichte Франции Нового времени, где анализируются понятия «монарх», «нация», «народ» и т. д.[3]

При всей методологической универсальности и большой информативной востребованности работ англоязычных и, конечно же, немецких специалистов дальнейшее изучение истории России явно требует непосредственного обращения к Begriffsgeschichte на материале русских источников. Многочисленные публикации и конференции последних лет свидетельствуют, что интерес к использованию методик истории понятий для изучения различных аспектов российского прошлого становится все более настоятельным. В настоящий момент существует довольно внушительный перечень проанализированных понятий, которые являются ключевыми для русского языка второй половины XVIII столетия. Термины[4], попавшие в поле зрения специалистов, можно условно разделить на два тематических блока: во-первых, ряд работ посвящен

[3] Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. München, 1985.

[4] Семантическая разница между «понятием», «словом», «термином», «лингвистическим событием» и т. п. очевидна. По этому поводу ведется большая и явно продуктивная для решения теоретико-методологических проблем дискуссия. Однако в данной работе, имеющей конкретно-историческое содержание, *понятие*, *слово* и *термин* будут использоваться как условно взаимозаменяемые, что просто позволит избежать ненужной тавтологии.

социально-политической лексике[5] (*самодержавие, государство, общество, сословие, Отечество, собственность, служба, иноземец, патриот, нация, гражданское общество, образованный человек, купец и др.*), во-вторых, традиционно внимание ученых, и прежде всего филологов, приковано к эмоционально-нравственной сфере духовной жизни общества[6] (*добродетель, мужество, суеверие,*

[5] *Freeze G. L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. 1986. Vol. 91. № 1. P. 11–36; *Schmidt C.* Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie — soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. H. 2. S. 199–211; *Madariaga I.* Autocracy and Sovereignty // Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia. Collected Essays by Isabel de Madariaga. L.; N.Y., 1998. P. 40–56; Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998; *Smith D.* Working the Rough Stone. Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, Ill., 1999 (см. рус. пер.: *Смит Д.* Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006); *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.; СПб., 2009; *Whittaker C. H.* Chosen by "All the Russian People": The *Idea* of an Elected Monarch in Eighteenth-Century *Russia* // Acta Slavica Iaponica. 2001. Vol. 18. P. 1–18; *Nolte H.-H.* Newly enlightened — a case of intellectual engineering // Canadian — American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1–2. P. 33–60; *Борисова Т. Ю.* Борьба за русское «национальное» право в первой четверти XIX века: изобретение новых смыслов старых слов // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. СПб., 2006. Вып. 5. С. 123–151; *Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Служба, промысел, работа: к истории слов и понятий // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 102–200; *Перхавко В. Б.* Купеческая терминология допетровской России // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. 31. С. 316–347; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1–2 и др.

[6] *Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма. I. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 121–142; *Марасинова Е. Н.* Понятие «честь» в сознании российского дворянина (последняя треть XVIII в.) // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 272–292; *Маслов Б. П.* От долгов христианина к гражданскому долгу: очерк истории концептуальной метафоры // Очерки истории семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 201–270; *Круглов В. М.* Имена чувств в русском языке XVIII века. СПб., 1998; *Смилянская Е. Б.* «Суеверия» и народная религиозность в России века Просвещения // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. С. 121–154; *Кагарлицкий Ю. В.* Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 66–78; Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat // Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Wien, 2006. Bd. 50 (понятия: *истина, пошлость, тщеславие, меланхолия, настроение, лень* и др.); Российская империя чувств:

честь, долг, чувствительность, лень, тщеславие, уныние, меланхолия, гордость, добродетель и др.)[7]. Подобная, очень относительная группировка отражает, тем не менее, главные тенденции развития истории понятий применительно к русскому материалу и выявляет круг задействованных в исследованиях источников. Выводы специалистов базируются главным образом на сведениях, почерпнутых из словарей, из законодательных актов, из публицистики, а также художественной литературы. Иначе говоря, центральным объектом изучения остается язык и представления властвующей элиты и интеллектуальных кругов общества.

В связи с этим очерчивается круг приоритетных задач, призванных заполнить отдельные лакуны столь быстро развивающегося направления историографии, которое можно назвать Die Russische Begriffsgeschichte.

1. Учет не только ясно артикулированных определений исследуемого понятия в источниках, исходящих из наиболее образованной среды, но и обстоятельств «бытования» того или иного термина, т. е. исследование социальных практик, так или иначе с ним связанных.
2. Реализация данных подходов при соединении в одном исследовании методик Begriffsgeschichte, приемов анализа повседневности, микроистории и истории казуса. Кроме того, позитивные результаты может дать преодоление некой, спонтанно возникшей в российской «понятийной истории», рокировки цели и метода исследования. Задачи специалистов нередко ограничиваются изучением смыслового содержания того или иного термина, в то время как анализ языка эпохи должен быть прежде всего средством изучения исторической реальности.

подходы к культурной истории эмоций. М., 2010; *Маслов Б. П.* Рождение и смерть Добродетели в России: о механизме пропагации понятий в дискурсе Просвещения // «Понятия о России». Т. 1. С. 343–381 и т. д.

[7] Данный список понятий далеко не полный, тем более что каждый термин исследуется в контексте синонимов и близких по значению слов. Кроме того, очевидно, что разделение понятий на политические и этические в высшей степени умозрительно и любая классификация огрубляет живую ткань языка.

3. Наконец, особую исследовательскую ценность будет иметь изучение понятий, характеризующих взаимоотношения и взаимовосприятие различных социальных групп, а также личности и власти, что в конечном итоге и определяло «семантическую карту»[8] второй половины XVIII — начала XIX столетия.

Таким образом, в монографии предпринята попытка углубить представления о механизме и результативности действия социального контроля престола, о самоидентификации власти, о ценностных приоритетах и их отражении в повседневной жизни с помощью лексического анализа понятий *закон*, *подданный*, *гражданин*, а также их антонимов и, напротив, близких по значению терминов.

Понятие «закон»: историографические проблемы

Очевидно, что в общей перспективе историография данной проблемы так или иначе охватывает громадный пласт исследовательской литературы по истории эпохи правления Екатерины II. С другой стороны, уже отмечалось практически полное отсутствие фундаментальных работ, непосредственно посвященных этимологии понятий *закон*, *подданный*, *гражданин* в русском языке второй половины XVIII века, несмотря на то что специалисты неизбежно выходили и выходят в своих исследованиях на указанные сюжеты. Поэтому будет резонно обобщить наблюдения, сделанные с различных точек зрения историками, филологами и правоведами.

Во-первых, неоспоримым является признание монополии власти абсолютного монарха в сфере законодательства. С особой отчетливостью данное положение формулировалось дореволюционными историками юриспруденции, советскими специалистами, а также некоторыми зарубежными учеными 50–70-х годов XX столетия. «В имперскую эпоху, — отмечал профессор права XIX века

[8] Об этом термине см., в частности: *Greenberg J.* Language, Culture, and Communication. Stanford, 1971; *Eisenstadt S. N.* The Axial Age Breakthrough in Ancient Greece // The Origins and Diversity of Axial Age Civilization. N.Y., 1986. P. 29–39.

В. Н. Латкин, — единственным субъектом законодательной власти стал самодержавный государь, воля которого творила закон»[9]. Исследователь О. А. Омельченко также отмечает, что неограниченная самодержавная власть действовала через установленный исключительно «сверху» государственный закон, основанный на признании обязательности социально-полицейской функции государства[10].

По поводу термина «полицейское государство» (*Polizeistaat*[11]) применительно к характеристике правовой политики российского абсолютизма в историографии ведется дискуссия. Считается, что идеал *полицейского государства* утверждается при Петре I для обозначения разумно организованного с помощью закона общественного устройства[12]. Ключевым в этой концепции становится понятие «регламент» или неукоснительные для исполнения правила, четко определяющие все сферы жизни подданных[13]. Ряд специали-

---

[9] *Латкин В. Н.* Лекции по истории русского права: период империи (XVIII–XIX века). СПб., 1893–1894. С. 5–6. См. также, например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 260; *Wcislo F. W.* Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics: 1855–1914. Princeton, 1990; и др.

[10] *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 380–381. Здесь следует отметить, что объемная по охвату проблем монография О. А. Омельченко стала важнейшим этапом в изучении правовой политики Российского государства второй половины XVIII века. См. также: *Он же.* Императорское Собрание 1763 г.: Комиссия о вольности дворянской. М., 2001.

[11] Собственно сам термин *Polizei* (*police*), означающий «полиция», близок термину *Politik* (*policy*), под которым подразумевается политика, государственное устройство и т. п.

[12] См., например: *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // American Historical Review. 1975. Vol. 80 (5). P. 1221–1243; *Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 48–79; *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976. P. 7–88; *Berman H. J.* The Rule of Law and the Law Based State (Rechtsstaat) // The Harriman Institute Forum. 1991. Vol. 4. № 5. P. 449–458.

[13] Не случайно государство с подобной правовой системой Марк Раев в одной из своих работ определил как *Reglamentstaat*. См.: *Raeff M.* The Bureau-

стов полагает, что российское «полицейское государство» во время правления Екатерины II эволюционировало под влиянием новой концепции «власти закона» в сторону формирования *законной монархии* или даже «правового государства» (*Rechtsstaat*), в котором все ветви правления подчинены закону[14].

Однако подобная социологическая схема представляется излишне формализованной, поскольку в действительности довольно сложно на конкретном историческом материале провести различие между регламентирующими уставами начала XVIII века и, например, жалованными грамотами второй половины столетия, также исходящими от престола и жестко определяющими позиции той или иной социальной группы в обществе. Д. Гриффитс пришел к выводу, что сословная политика абсолютизма не была либеральной или консервативной, про- или антидворянской, в ней лишь реализовались присущие Новому времени представления о *регулярном государстве* с четко определенной законодательно сословной структурой[15].

Кроме того, термин *полицейское государство*, как и понятия *законная монархия* и *правовое государство*, практически не встречается в русских источниках рассматриваемого периода. Так, в официальных документах и публицистике начала XVIII столетия речь шла о *регулярных странах, регулярных народах* и *правильно расположенных государствах*, успехи которых в просвещении, «изобилии», достижении «общего блага» становились образцом для «поднимающейся из небытия» России[16]. Термин *полицейское государство* в со-

---

cratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // American Historical Review. 1979. Vol. 84. № 2. P. 399–411.

[14] *Сергеевич В. И.* Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 188–261; *LeDonne J. P.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796. Princeton, NJ, 1984. P. 3–24, 166–183; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 7–22; и др.

[15] *Griffiths D.* Of Estates, Charters and Constitutions // Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Bekarsfield, CA, 1991. P. XXV.

[16] См., например: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-ое. СПб., 1830 (далее — ПСЗ). Т. V. № 3006. С. 203, № 3151. С. 534–535; *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире; Слово похвальное о преславной над войсками Свейской победе // Феофан Прокопович. Сочинения.

временном русском языке имеет явно негативный оттенок, поэтому его использование в качестве синонима понятия *регулярное государство*[17] приводит к неизбежной деформации смыслов и не может считаться корректным[18]. С другой стороны, включение понятия *регулярное государство*, являющегося элементом самоописания эпохи, а не научной категорией, в терминологический аппарат исследований возможно лишь при четком определении его смыслового наполнения. В этом отношении будет весьма перспективно раскрыть содержание понятия *регулярное государство* в русском языке XVIII столетия через сопоставление с понятиями *самодержец*, *самовластие*, *закон*. Однако если понятия *самодержец* и *самовластие*, как уже отмечалось, становились объектом анализа специалистов, то понятию *закон*, как ни странно, уделялось значительно меньше внимания.

Признание сосредоточения всей полноты законодательных прерогатив в руках монарха подводит многих специалистов к необходимости изучения различных форм регламентации воли самодержца, а также олигархических стремлений ограничения автократической власти императора в области права. Внимание специалистов в данном контексте сосредоточено на двух главных проблемах. Во-первых, еще дореволюционные правоведы отмечали, что в XVIII столетии постепенно складываются жесткие правила подготовки, публикации и обнародования законов. «Сами государи стремились установить незыблемые формы отправления своей законодательной деятельности, — пишет Г. В. Вернадский, — определена была непременная форма публикации и регистрации

М.; Л., 1961. С. 51, 123; *Шафиров П. П.* Рассуждение о причинах Свейской войны // Россию поднял на дыбы... М., 1987. Т. 1. С. 469–471, 548–549.

[17] См., в частности, об этом: *Рейснер М. А.* Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. 1902. № 9–10. С. 5, 14; *Павленко Н. И.* Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. С. 61–64; *Он же.* Петр Первый. М., 1975. С. 269, 280; *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: обзор исследований. М., 1985. С. 99 и др.

[18] См.: об этом, например: *Сыромятников Б. И.* «Регулярное государство» Петра Великого и его идеология. М., 1943. С. 77–82; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 2. С. 138.

законов — через Сенат, постепенно делались попытки установить особую непременную форму для предварительной подготовки или особой прочности юридического бытия группы наиболее существенных законодательных актов»[19]. При этом историки XIX — начала XX века настаивали на той точке зрения, что именно абсолютизм и являлся гарантом незыблемости закона, устанавливающего правовые формы и пределы высочайшей власти. Так, профессор Н. М. Коркунов утверждал, что «самодержавием существующее у нас государственное устройство отличается от монархии ограниченной, законностью — от деспотии, где место закона уступает ничем не сдерживаемый личный произвол правителя»[20]. Эта идея сознательного «самоограничения неограниченной власти» императора находит сторонников и среди современных специалистов[21].

В то же время немало работ посвящено исследованию попыток политической аристократии поставить под контроль законодательную инициативу абсолютного монарха. При этом главный акцент в историографии делается на «Кондициях» 1730 года и проекте Никиты Панина о фундаментальных государственных законах, а также своеобразном завещании канцлера, которое он оставил своему воспитаннику и наследнику престола великому князю Павлу Петровичу[22]. Усматривая в данных выступлениях и борьбу различ-

---

[19] *Вернадский Г. В.* Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. (период империи). Прага, 1924. С. 33.

[20] *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 211.

[21] См., например: *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 2. С. 137–141.

[22] См., например: *Чечулин Н. Д.* Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 3. С. 68–87; *Семевский В. И.* Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века. (Очерк из истории политических и общественных идей) // Былое. 1906. № 1. С. 1–59; № 2. С. 69–117; *Глинский Б. Б.* Борьба за конституцию (1612–1861 гг.) СПб., 1908. С. 48–117; *Scharf C.* Staatsauffassung und Regierungsprogramm eines aufgeklärten Selbstherrschers. Die Instruktion des Großfürsten Paul von 1788 // Gedenkschrift Martin Göhring. Studien zur europäischen Geschichte. Wiesbaden, 1968. S. 91–106; *Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. (1730–1905). Prentice Hall, NJ, 1966; *Сафонов М. М.* Конституционный проект Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. 1974. Т. VI. С. 261–280; *Kenney J. J.* The Vorontsov Party in Russian Politics, 1785–1803. An Examination of the Influence of an Aristocratic Family at the Court of St. Petersburg in the Age of Revolution. New Haven, 1975; *Сафонов М. М.* Конституционный проект

ных группировок правящей элиты, и протест против фаворитизма женских царствований, и призывы к самоограничению власти, специалисты практически единодушно идентифицируют «затейку верховников» и предложения братьев Паниных как «конституционные проекты». Однако следует заметить, что в русском языке XVIII столетия термин «конституция» употреблялся крайне редко, а о «республике» речь могла идти только в отвлеченном плане и никак не применительно к государственному устройству России. Поэтому было бы целесообразно проанализировать, что вкладывали эти «олигархические оппозиции» в понятия *закон, гражданин, самодержавие, самовластие, просвещенный монарх, монаршия воля, изустный указ,* и тем самым действительно прояснить политический смысл и мотивы рассматриваемых выступлений.

Кроме того, говоря об абсолютной власти императора и попытках ее сознательного ограничения или самоограничения, следует иметь в виду саму специфику такого документа, как закон. Очевидно, что правовые акты, призванные обеспечить функционирование всей политической системы, не могут являться следствием своеволия одной персоны без того, чтобы они несли угрозу и для безопасности государства, и для жизни этого потерявшего чувство реальности правителя. Более того, так называемая «неограниченная законодательная власть» ограничивается и корректируется не только объективными обстоятельствами, но и своеобразным давлением снизу — жалобами, петициями, готовностью населения ис-

---

П. А. Зубова — Г. Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Т. X. С. 226–244; *Он же.* Записка Безбородко о потребностях империи Российской // Там же. 1983. Т. XIV. С. 180–195; *Вдовина Л. Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 36–48; *Седов С. А.* Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–61; *Otto A.* Die russische Hofgesellschaft in der Zeit Katharinas II. Dissertation. Tübingen, 2005; *Медушевский А. Н.* Проекты политических реформ в России XVIII в. (К становлению либеральной историографии) // Classical Russia. 1700–1825. 2006. № 1. P. 91–110; *Бугров К. Д., Киселев М. А.* «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110–139; *Польской С. В.* Характеристика политических проектов Н. И. Панина в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2 (99). С. 77–86; и мн. др.

полнять закон или, напротив, молчаливым саботажем высочайших распоряжений. В этом ракурсе было бы перспективно затронуть такие еще не исследованные вопросы, как заложенный в законодательстве и действующий через законодательство механизм социального контроля, восприятие понятия *закон* в повседневности, феномен казуальности русского права. Наконец, изучение политических реалий рассматриваемого периода невозможно без анализа сущности легитимности монархического правления. Иначе говоря, важнейшей составляющей социальной картины человека русского XVIII столетия было признание за царем и императором абсолютной власти в законодательной сфере. Соответственно, контекстное сопоставление понятий *закон, самодержец, самовластие, законодатель, просвещенный монарх* поможет более глубоко проникнуть в указанную проблему.

Несмотря на то что в историографии отсутствуют обобщающие работы, непосредственно направленные на сопоставительный анализ перечисленных понятий в русском языке изучаемой эпохи, многие исследователи указывают на появление принципиально нового отношения к смыслу, роли или даже миссии закона в общественном сознании именно с начала XVIII века. Специалисты отмечают достаточно универсальный характер процесса распространения идей Просвещения и одновременно крепнущей веры в возможность достижения «всеобщего блага» путем введения «регулярных правил». «Уже в конце XVII — начале XVIII века во всех европейских странах, — пишет современный итальянский ученый М. Р. Ди Симоне, — стала ощущаться необходимость радикальной реформы правовых основ, которые в целом (несмотря на региональные различия) продолжали воспроизводить одну и ту же средневековую модель. Данная модель была порождена стратификацией разнородного юридического материала — местных обычаев, общинных и корпоративных статутов, королевских указов»[23].

В отношении России бóльшая часть исследователей придерживается мнения, что именно с правления Петра I главным источ-

[23] Мир Просвещения: исторический словарь. М., 2003. С. 142. См. также: *Labriolle F.* Le "Prosvescenie" russe et les "Lumières" en France (1760–1798) // Revue des etudes slaves. 1966. № 45. P. 75–91 и др.

ником права становится закон, на протяжении XVIII века подчиняющий своей регламентирующей силе все более обширное пространство социальной жизни. Теряющий значимость обычай продолжает оказывать еще ощутимое влияние лишь в среде крестьянства и сельской общины[24]. В связи с этим в историографии выдвигается тезис об охранительном характере опирающегося на традицию законодательства в Московском государстве и реформаторской сущности правовой политики власти в XVIII столетии. Так, А. В. Гордон полагает, что с правления Петра I «воля к радикальному переустройству страны стала частью национального восприятия верховной власти; "власть преобразовывать" сделалась ее высшей легитимацией»[25].

Действительно, еще в 1722 году был издан именной указ «О хранении прав гражданских, о невершении дел против регламентов и имении сего указа во всех судебных местах на столе». В этом документе формулировались положения, гарантирующие полный приоритет закона в правовой сфере. Все чиновники строжайшим образом должны были опираться в своих действиях на регламенты, знать и точно понимать их содержание. О случаях неизбежно возникающих противоречий между казусом и законом, когда «такое дело, что на оное ясного решения не положено», предписывалось отправлять доношение в Сенат. В свою очередь Сенат и коллегии должны были обобщать поступающие с мест данные и составлять «мнения», которые становились основой нового указа, скрепляемого именем императора и включаемого в единую систему регламентов. Иными словами, отрицалась традиционная система, когда «законы писались всуе, их не хранили или играли

---

[24] См., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 270; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 2. С. 137. В то же время некоторые специалисты полагают, что тенденция к отождествлению *закона* и *права* и снижению регулирующего значения *обычая* отчетливо проявилась уже в середине XVII века, после издания Соборного уложения 1649 года. См. об этом, в частности: *Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Источниковедение. М., 2004. С. 341–344.

[25] *Гордон А. В.* Универсально-типологическое и национально-архетипическое в формировании российского образа власти в эпоху Просвещения // Canadian-American Slavic Studies. 2004. № 1–2. P. 13. См. также: *Уортман Р.* Изобретение традиции и репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 34.

как в карты, прибирая масть к масти»[26]. Очевидно, что в этом указе отразился факт возникновения нового правового пространства, которое будет развиваться на протяжении всего XVIII столетия и основываться на следующих принципах: строгое следование законам, действующим на основе преемственности, целенаправленное устранение пробелов в нормативных актах, правовое просвещение должностных лиц и т. п.

Однако общепринятое в исследованиях по истории права мнение о кардинальном изменении соотношения *обычая* и *закона*, за которым утвердился полный приоритет к началу XIX столетия, несколько огрубляет представление о реальной политике российской монархии. Достаточно заметить, что во время правления Екатерины II, когда шло стремительное расширение границ империи, был провозглашен принцип следования местным традициям при главенстве только фундаментальных государственных законов на период введения нового административного управления присоединенных территорий[27]. В связи с этим было бы плодотворно не просто декларировать победу закона над обычаем, а сопоставить понятия *указ*, *обычай*, *непременные законы* в политическом языке второй половины XVIII века.

Наконец, серьезные терминологические дискуссии ведутся вокруг видового разнообразия законодательных актов, среди которых исследователи выделяют *указы, манифесты, уставы, регламенты, артикулы, учреждения, наставления, инструкции, положения, наказы, жалованные грамоты, трактаты, конвенции, договоры.*

---

[26] ПСЗ. Т. VI. № 3970. С. 656–657. 1722. 17 апреля. Немаловажно, что «пространство» формировалось в буквальном смысле — данный указ следовало напечатать, наклеить на доску с подножием и выставить везде, «от Сената до последних судных мест, яко зерцало пред очами судящих». Спустя некоторое время материализовалось и само зерцало в виде трехгранной призмы с расположенными на гранях указами Петра (см. об этом: *Butler W.* On the Formation of a Russian Legal Consciousness the Zerzalo // Idem. Russia and the Law of Nations in Historical Perspective. L., 2009. P. 91–101).

[27] См. некоторые обобщающие работы на данную тему: *Аполлова Н. Г.* К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 355–388; *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkereich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

Историки права неоднократно пытались выявить разницу между *законом* и таким доминирующим по численности нормативным документом, как *указ*. Одновременно немалые усилия направлялись на составление всевозможных классификаций и воспроизведение иерархии законодательных источников, исходя из различий в их названии, процедуре принятия, сфере действия, юридической силе и т. п. Так О. А. Омельченко из всей совокупности нормативных документов выделяет *манифесты*, поскольку они издавались только монархом и были обращены ко всем подданным. К следующей по значимости группе исследователь относит *именные указы*, которые также исходили от высшей персоны, касались существенных вопросов и были адресованы конкретным государственным учреждениям или высшим должностным лицам. К третьей группе, по мнению ученого, принадлежат указы, обнародованные как за подписью самого императора, так и объявленные от его имени Сенатом[28]. В учебниках по отечественному источниковедению также даются определения и условное ранжирование многочисленных видов законодательных актов, однако все эти классификационные схемы имеют скорее обучающий, чем исследовательский характер[29].

В целом можно констатировать, что сложилась специфичная историографическая ситуация — специалисты продолжают стремиться к точным дефинициям и одновременно признают невозможность применения строгой научной терминологии по отношению к российскому законодательству рассматриваемого периода. Собственно еще знаменитый профессор права Н. М. Коркунов утверждал, что «в XVIII столетии законы и высочайшие указы не различались, для законодательства не существовало никакой определенной отличительной формы»[30]. Подобной точки зрения придерживался и В. Н. Латкин, когда писал, что в законодательстве

---

[28] *Омельченко О. А.* Становление абсолютной монархии в России. М., 1986. С. 72–73.

[29] См., например: Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 170–180.

[30] *Коркунов Н. М.* Указ и закон. СПб., 1894. С. 309. Сходной позиции в отношении любой неограниченной монархии придерживались и зарубежные правоведы XIX века. См., например: *Förster A.* Theorie und Praxis des heutigen gemeinen preussischen Privatrechts auf der Grundlage des gemeinen deutschen Rechts. Berlin, 1874. B. 1. S. 34; *Unger J.* System des österreichischen allgemeinen Privatrechts. Leipzig, 1868. B. 1. S. 26.

имперского периода «различие понятий закона, административного распоряжения и судебного решения не вполне отразилось»[31]. Современные исследователи также приходят к выводу, что «теоретически разграничить закон и административное распоряжение в принципе неразрешимая задача, поскольку четкого определения понятия "закон" и критериев для отделения закона от прочих распоряжений верховной власти в российской историко-правовой науке выработано не было»[32].

Не останавливаясь подробно на концепциях отдельных работ, можно суммировать обозначенные в историографии причины жанровой и понятийной размытости законодательного материала. Одним из главных оснований исследователи считают отсутствие разделения исполнительной и законодательной власти в имперской России. Кроме того, специалисты полагают, что смысл названий таких документов, как, например, манифесты, уставы, регламенты, артикулы, учреждения и т. д., во-первых, эволюционировал на протяжении XVIII столетия, а во-вторых, практически не был связан со спецификой содержания и социальных функций различных нормативных актов. Наконец, существует мнение, что принцип отбора документов в ПСЗ также не способствовал выработке четких критериев понятия *закон* и выявлению существенных видовых различий между документами, традиционно причисляемыми к законодательным источникам[33].

Из всего вышесказанного напрашивается вывод о несомненной перспективности обращения к языку самой эпохи и сравнительному сопоставлению понятий *указ*, *фундаментальный закон*, *словес-*

---

[31] *Латкин В. Н.* Лекции по истории русского права. С. 7.

[32] См., например: *Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Источниковедение. С. 343.

[33] См., например: *Карнович Е. П.* О Полном Собрании Законов Российской империи // Русская старина. 1874. № 6. С. 408–440; *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899; *Майков П. М.* О своде законов Российской империи. СПб., 1906; *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1909; *Григорьев В. А.* Объявляемый указ // Журнал министерства юстиции. 1914. № 7. С. 110–143; *Вернадский Г. В.* Обзор истории права Русского государства XVIII–XIX вв.; *Омельченко О. А.* Становление абсолютной монархии в России; *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 1993; *Renaud N. D.* The Legal Force of the 1832 Svod Zakonov // Sudebnik. London, 1997. Vol. 2. Issue 1. P. 83–124 и др.

ное распоряжение, монаршия воля, государственный закон, Закон Божий и т. п. При этом следует иметь в виду, что смысловое наполнение понятия *закон* непосредственно выводит исследователя на проблему взаимоотношений власти и церкви, политической элиты и населения и потому не может изучаться без детального анализа терминов, характеризующих отражение в сознании современников социальной структуры общества.

Сословный строй в России XVIII века: вопрос дефиниций

В историографии единодушно отмечается созидательная инициатива власти в развитии и законодательном оформлении сословного строя и, прежде всего, социального статуса дворянства. Этот практически не опровергаемый никем из исследователей тезис базируется на признании огромной роли Российского государства во всех областях жизни общества[34], его особых политических, хозяйственно-экономических и оборонительно-наступательных функций «гаранта всеобщих условий производства»[35]. Однако сходная оценка активного воздействия государства на процесс законодательного оформления социальной дифференциации общества соседствует с самыми различными и порой диаметрально противоположными трактовками сущности сословного строя в России.

---

[34] В некоторых исследованиях последних десятилетий «активное государственное регулирование и реформирование разных сфер общественной жизни» получило наименование *государственного феодализма*, что привело к расширению содержания этого термина, используемого обычно для обозначения государственной собственности на землю как одного из укладов феодального общества (см., например: *Данилова Л. В.* К вопросу о понятии «государственный феодализм» // Система государственного феодализма в России. М., 1993. С. 3–16). В ряде обобщающих работ по истории XVIII века особая роль государства рассматривается как специфичная черта русского абсолютизма (см., например: *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 20, 25; *Geyer D.* Der Aufgeklärte Absolutismus in Rußland. Bemerkung zur Forschungslage // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30. H. 2. S. 176–189).

[35] См.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561, 565, 572.

В работах дореволюционных российских историков под *сословиями* понимались большие социальные группы, слои, общественные классы, на которые делится общество по правам и обязанностям[36]. С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Б. Н. Чичерин, Н. П. Павлов-Сильванский, Н. М. Коркунов, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер и др. полагали, что элементы сословного строя возникли вместе с древнерусским государством, развивались на протяжении столетий и получили окончательное законодательное оформление в таких документах, как Жалованная грамота городам и Жалованная грамота дворянству 1785 года. При этом С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Б. Н. Чичерин, Н. П. Павлов-Сильванский считали формирование сословного строя объективным процессом, поддерживаемым и стимулируемым государственным законодательством[37]. Напротив, Н. М. Коркунов, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер в сословно-статусной политике власти усматривали много искусственного, не столько соответствующего внутренней логике развития русского социума, сколько воспроизводящего западноевропейские образцы[38]. Периодизация формирования сословного

---

[36] Одним из первых исследований, посвященных непосредственно этой проблематике, стал курс лекций В. О. Ключевского «История сословий в России». «Сословное деление, — пишет Ключевский, — существенно юридическое, устанавливается законом в отличие от других общественных делений, устанавливаемых экономическими, умственными и нравственными условиями» (*Ключевский В. О.* История сословий в России // Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. VI. С. 276–277).

[37] См., например: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Т. VIII. С. 462–465; М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 71–133; *Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 276–277; *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 1–58 и след.; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные // Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. СПб., 1909. Т. 1. С. 224–225 и след.; *Лаппо-Данилевский А. С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38.

[38] Так, например, Н. М. Коркунов писал: «Сословный строй является у нас остатком совершившихся в XVIII столетии попыток привить к русской жизни начала западноевропейского строя. В допетровской Руси сословий в собственном смысле слова не было, да и самое слово "сословие" появляется только в XVIII веке, первоначально для обозначения коллегии, корпорации, universitas personorum и только позднее переносится на корпоративно-организованные сословия» (*Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 274). См. также: *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской куль-

строя в работах дореволюционных ученых совпадала с основными этапами социально-политической истории Российского государства[39]. Практически все исследователи признавали XVIII — первую половину XIX века особым и самостоятельным этапом в развитии социальной структуры русского общества. Некоторые из них, например А. В. Романович-Славатинский, вообще полагали, что «время *от начала XVIII века до отмены крепостного права* в истории нашего дворянства... — замкнутый самостоятельный период, обозначившийся самим ходом исторического развития... когда на Руси появилось *дворянство как сословие*»[40].

В отличие от исследователей XIX века, которые довольно легко оперировали такими терминами, как *сословие*, *социальная группа*, *общественный класс*, *чин*[41] и т. п., советская историографическая традиция отличалась стремлением к особой скрупулезности в использовании понятий, характеризующих социальную страти-

туры. СПб., 1909. Ч. I. Оч. IV (Сословный строй). С. 219–237, 288–298; *Кизеветтер А. А.* Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1904. С. 15–26; *Он же.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 152–183.

[39] Так, В. О. Ключевский полагал, что в XI–XII веках основанием сословного деления было завоевание, во время «удельного периода» XIII–XV веков — «договор с людьми», социальная структура Московской Руси XVI–XVII веков определялась «различием государственных повинностей», и, наконец, с XVIII века стратификация российского общества зависела от «государственных и гражданских» прав тех или иных слоев (*Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 464–466). Эта периодизация сходна с этапами развития сословного строя, которые выделяли С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, П. Н. Милюков. А. В. Романович-Славатинский связывал историю собственно дворянского сословия с тремя периодами — удельно-вечевым, когда существовала переходящая от князя к князю дружина, московским, во время которого поместный служилый класс нес обязательную службу и отбывал наряды по приказу царя, и, наконец, императорским, приведшим к возникновению одной общественной группы — шляхетства, в середине XVIII века освобожденного от обязательной государственной повинности (*Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. XVI).

[40] *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России. С. XVI.

[41] Так, В. О. Ключевский пишет, что «чином в Московском государстве назывался общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствующую его экономическому состоянию» (*Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 353).

фикацию общества. Специалисты признавали существование сословий со времен Киевской Руси, понимая под данным термином социально-правовые группы, которые отличались своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями в обществе, а в сложившемся виде характеризовались наследственностью, относительной замкнутостью и осознанием собственного единства[42]. При анализе социальной структуры советские ученые использовали не только термин *сословие*, но и категорию *класс-сословие*, поскольку, как отмечал М. Т. Белявский, «с одной стороны, понятие "сословие" уже понятия класса», а «с другой стороны, феодальное сословие иногда оказывается шире, чем класс, и включает в свой состав группы, относящиеся к различным классам или занимающие промежуточное положение между классами»[43]. Применительно к российскому XVIII веку в советской историографии выделялись прежде всего класс-сословие феодалов, класс-сословие крестьян и городские сословия[44].

В последние десятилетия под влиянием целого ряда таких обстоятельств, как активизация научных контактов, распространение методологического и концептуального плюрализма исследований, усиление эвристической роли компаративного подхода и т. д., происходит сближение проблематики и выводов в работах российских и зарубежных специалистов. Однако эти несомненно продуктивные тенденции спровоцировали восприятие западноевропейского образца как эталонного и соответственно привели к известному «европоцентризму» при интерпретации некоторых процессов развития российской государственности. В монографии Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)» признаки «истинного сословия» отождест-

[42] Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 348–351.

[43] *Белявский М. Т.* Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1970. № 2. С. 68–69.

[44] Проблемы исследования классово-сословного строя в России были затронуты в ходе дискуссии о русском абсолютизме (История СССР. 1969. № 1. С. 65–66; 1970. № 4. С. 60–63), см. также: *Преображенский А. А.* Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 67–85; *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 241–268.

вляются с чертами *estate*: «1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству, следовательно, приобретаются по рождению; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении (в сословно-представительных учреждениях); 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности — одежда, прическа, особые украшения и т. п.»[45]

По всей видимости, именно ориентация на западную модель подвела Б. Н. Миронова, А. Инкелеса, Р. Фельдмессера, Г. Фриза, М. Конфино и других к выводу о бессословном характере социальной структуры Московского государства, основные категории населения которого «не являлись сословиями в европейском смысле этого понятия»[46]. Большинство разделяющих эту позицию исследователей полагают, что с середины XVII века, а именно с принятия Уложения 1649 года, процесс превращения социальных групп в сословия активизировался, а в XVIII столетии приобрел особую динамику. Политико-правовое статуирование русского общества происходило под влиянием западной модели и завершилось, когда Европа «перешла к бессословному структурированию национальных сообществ», пережив расцвет сословного строя еще в XIII–XV веках. Акцентированным выражением этой же концепции стало предпринятое Р. Фельдмессером условное деление рус-

[45] *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. С. 76, 140. См., например, о характерных признаках сословий в английском обществе: *Scott J.* The Upper Classes. Property and Privileges in Britain. L., 1982. P. 6–11.

[46] См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. С. 80, 140–141; *Inkeles A.* Social Stratification in Modernization of Russia // The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA, 1960. P. 338–352; *Feldmesser R.* Social Classes and Political Structure // The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA, 1960. P. 235–252; *Freeze G. L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History. P. 11–36; *Confino M.* Issues and Nonissues in Russian Social History and Historiography // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional Paper. 1983. № 165. P. 3–7; *Idem.* Traditions, Old and New: Aspects of Protest and Dissent in Modern Russia // Patterns of the Modernity. L., 1987. Vol. II: Beyond the West. P. 11–15.

ского общества начала XVIII века на податное и неподатное население, заключение Г.Л. Фриза о формировании сословий лишь в первой половине XIX столетия и, наконец, мнение М. Конфино об отсутствии сословного строя в России[47].

В данном контексте важным этапом, на мой взгляд, стала состоявшаяся в 1994 году международная конференция «Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в.», участники которой определили наиболее перспективные направления научного поиска: институты сословной организации и характер юридического оформления сословных структур; сословное представительство и эволюция системы государственных органов России; эпохи реформ, перемены в сословной стратификации общества и сословная политика правительства; сословный менталитет и особенности «политического поведения». Несмотря на «неравномерность в изучении разных сословий на разных этапах истории России позднего Средневековья и раннего Нового времени», в большинстве докладов признавался сословный характер русского общества, по крайней мере с XVI века, и приоритет социально-сословных категорий над религиозными и этническими в политике Российского государства[48].

Таким образом, в историографической традиции доминирует мнение о ведущей роли государства в развитии сословий, наиболее конституированным из которых стало в XVIII веке дворянство[49], превратившись из социальной группы служилых людей в

---

[47] См. об одной из дискуссий по проблемам развития сословного строя в России: *Wirtschafter E. K.* Structures of Society: Imperial Russia's "People of Various Ranks". DeKalb, Il, 1994.

[48] См., например, доклады Б.Н. Флори, А. Каппелера, К. Стивенса (Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в.: Чтения памяти Л.В. Черепнина. М., 1994. Ч. I. С. 3–4; Ч. II. С. 158–164, 215–225, 321–333).

[49] Б.Н. Миронов полагает, что «в наибольшей степени идеальному типу сословия соответствовало дворянство, в наименьшей — крестьянство» (*Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1. С. 141). См. об этом также: *Hartley J.M.* A Social History of the Russian Empire. 1650–1825. L.; N.Y., 1999. P. 28–51. И.П. Кулакова также отмечает, что на рубеже XVI–XVII веков дворянство «начало ощущать себя субъектом политики» (*Кулакова И.П.* Взаимоотношения государства и сословий в России второй половины XVI — начала XVII века: терминологические заметки // Мировосприятие и самосознание русского общества XI–XX вв. М., 1994. С. 59–75).

правящий класс, костяк бюрократического аппарата и армии, основную интеллектуальную силу империи, «своего рода несущую конструкцию всей структуры самоорганизации общества (административное и хозяйственное управление, судебно-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культовая и идеологическая функции и т. п.)»[50].

При всей вариативности точек зрения и оценок рассмотренных концепций их объединяет один методологический подход — термины *чин, класс, сословие* включаются специалистами в понятийный аппарат исследований в качестве научных категорий. Однако немаловажно, что в политическом языке изучаемой эпохи эти слова также существовали и далеко не были идентичны современному пониманию. Следовательно, воспроизведение их смыслового содержания представляется необходимым для всестороннего и адекватного анализа социальной структуры русского общества. Кроме того, можно указать еще на целый ряд терминов, с помощью которых в XVIII веке оценивалось положение определенной группы населения в сословной иерархии. К ним относятся встречающиеся с той или иной частотой в источниках понятия *звание, достоинство, штат, сан, род, состояние, чиносостояние.* Фундаментальные исследования, посвященные отражению в языке и сознании общества его социальной структуры, пока отсутствуют, тем не менее в научной литературе имеется ряд статей и отдельных экскурсов в монографиях, где рассматривается этимология перечисленных терминов.

Не останавливаясь подробно на анализе взглядов и концепций специалистов, затрагивающих проблему сословно-статусных дефиниций в политическом мышлении изучаемой эпохи, можно тезисно обобщить сделанные в историографии выводы. Исследователи сходятся на той точке зрения, что понятие *чин* являлось наиболее распространенным и четко выраженным из всех многочисленных категорий, которые использовались для идентификации рангов и статусов населения Московской Руси. Однако в XVII столетии этот термин имел отношение только к верхушке

[50] *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 562.

общества и не затрагивал низшие слои социальной структуры[51]. В XVIII веке смысл понятия *чин* расширяется и одновременно с введением Табели о рангах чрезвычайно осложняется, приобретая отчасти конфликтное содержание[52]. Еще более противоречивой семантическая ситуация становится во второй половине столетия, когда престол и правящая элита ставят вопрос о целенаправленном формировании в России *tiers état* и употребляют в качестве кальки с французского языка понятия *третий чин, третий стан, средний род* и т. п.[53]

По всей видимости, перечисленные обстоятельства повлияли на то, что в рассматриваемый период *чин* в его традиционном понимании был потеснен терминами *состояние, звание* и, наконец, *сословие*. Многие специалисты полагают, что в языке допетровской Руси понятие *сословие* означало «скопление, собрание, скопище» людей и для описания положения различных групп в социальной иерархии общества не использовалось[54]. В конце XVIII века термин *сословие* уже приобретает новый смысловой оттенок и начинает

[51] См.: *Stökl G.* "Gab es im Moskauer Staat Stände?" // Jahrbücher für Geschichte osteuropas. 1963. № 11. P. 321–342; *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 100; *Torke H.-J.* Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689. Leiden, 1974. S. 271–283; *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 93; *Werner P.* Zur Frage nach der Existenz altrussischer Stände // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1980. № 27. S. 64–76.

[52] См.: *Bennett H. A.* Evolution of the Meaning of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time of Peter the Great's Table of Ranks to the Bolshevik Revolution // California Slavic Studies. 1977. № 10. S. 1–43; *Черная Л. А.* О понятии «чин» в русской культуре XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 47. С. 343–356.

[53] См.: *Троицкий С. М.* Дворянские проекты создания «третьего чина» // Общество и государство феодальной России. Сб. статей к 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 226–236; *Griffiths D.* Eighteenth-Century Perception of Backwardness: Projects for the Creation of a "Third Estate" in Catherinean Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1979. № 13. P. 452–472 (см. рус. перевод: *Гриффитс Д.* Восприятие отсталости в XVIII веке: проекты создания «третьего сословия» в екатерининской России // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013); *Тарловская В. Р.* Понятие «Третий чин» и политика «просвещенного абсолютизма» в России // Реформы в России XVI–XIX вв. М., 1992. С. 151–163.

[54] Г. Фриз полагает, что «современное понимание термина *сословие* возникло только в начале XIX века». См.: *Фриз Г.* Сословная парадигма и соци-

отождествляться с социальными группами, обладающими законодательно закрепленными правами и обязанностями, прежде всего с дворянством и жителями городов. На данные внутренние сдвиги в политическом языке немалое влияние оказала законотворческая деятельность императрицы и терминологические предпочтения таких документов, как Жалованные грамоты дворянству и городам и Наказ[55]. Показательно, что в первом издании Словаря Академии Российской понятие *сословие* отождествлялось с понятием *собрание*, что было идентично церковному словарю Петра Алексеева, где *сословие* раскрывалось еще и через слово *причет*. Однако во втором издании под *сословием* понимается «общество, состоящее из известного числа членов». Примечательно, что уже в немецко-русском словаре первой половины XVIII века *Stand* переводится не только как *род*, но и «знатная особа», «человек высокого чина» (ср.: *von hohen Stande* — «шляхетной породы»)[56], а в «Слове на погребение Петра Великого» Феофан Прокопович использует собственно понятие «благородное сословие»[57].

Однако историографическая ситуация понятийного анализа социальных взаимосвязей в России XVIII столетия осложняется не только слабой изученностью политической терминологии самой эпохи, но и концентрацией внимания специалистов исключительно на сословном структурировании общества. Иными словами, при исследовании статусной иерархии недостаточно учитывается тот факт, что для рассматриваемого периода принципиальное значение имел не горизонтальный, а вертикальный вектор — не

альная история России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 121–162.

[55] См. об этом также: *Виноградов В. В.* Возникновение и развитие слова «сословие» // Историко-этимологические заметки. IV (Этимология. 1966. М., 1968); *Schmidt C.* Über die Bezeichung der Stande (sostojanie — soslovie) in Ruβland seit dem 18. Jahrhundert.

[56] См.: Словарь Академии Российской. М., 1793. Т. 5. С. 395; Словарь Академии Российской. М., 1822. Т. 6. С. 395; *Алексеев П. А.* Церковный словарь. М., 1816. Ч. IV. С. 86; Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731. С. 598.

[57] «Вы же, благороднейшее сословие, всякого чина и сана сынове российскии, верностью и повиновением утешайте государыню и матерь вашу» (цит. по: *Западов В. А.* Русская литература XVIII века. 1770–1775. Хрестоматия. М., 1979).

столько самоидентификация личности с собственным сословием, сколько ее отношения с властью. Таким образом, особую важность приобретает воссоздание смыслового содержания понятий, с помощью которых выстраивалась противоречивая взаимосвязь между престолом и населением империи. При этом следует обратиться прежде всего к термину *подданный* и контекстному сопоставлению его употребления в различных видах источников, т. е. к содержательному анализу понятий *холоп*, *раб*, *монарх*, *государь*, *нация*, *общество*, *гражданин* и т. п.

В последние десятилетия проблема подданства применительно к различным периодам русской истории привлекает все большее внимание специалистов. Так, в монографии А. Л. Юрганова «Категории русской средневековой культуры» проводится параллель между вассалитетом Западной Европы и княжеско-дружинными связями Киевской Руси, которые в Московском государстве к XV–XVI векам сменяются новым типом отношений: государь — холоп. Автор выявляет сложную зависимость между развитием государственного подданства и представлениями о *самовластии*, как в сфере религиозного учения, так и в области политического сознания. Этимологии слова *подданный* в языке средневековой Руси уделил внимание и С. М. Каштанов, выявив двоякое значение этого понятия, восходящее к двум латинским терминам *subditus* и *sujet*. В. В. Трепавлов, рассматривая начальный этап формирования многонациональной Российской державы XVI–XVII столетий, детально останавливается на объективных параметрах принадлежности региона к государству и субъективном восприятии различными народностями своего подданства. Автор приходит к выводу, что «среди огромного конгломерата народов, каковым являлась империя к концу XVIII в., не было и не могло быть единства в понимании и восприятии символов и установок государственности». Между тем в работе, которая отличается не только обширной источниковой базой, но и тонкими наблюдениями, выводится несколько закономерностей взаимоотношений власти и нерусского населения, в частности сотрудничество с местными элитами, возведенное в ранг государственной политики, и этническая открытость дворянского сословия; целенаправленное формирование позитивного образа верховного правителя и часто стихийное

возникновение позитивного имиджа всей Российской империи в сознании подданных и т. д.[58]

Исследования, опубликованные в журналах «Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History» и «Ab Imperio» 2006 года, стали заметным этапом в обсуждении проблемы российского подданства. Два специальных выпуска журнала «Kritika» «Подданство и гражданство» были сформированы на основе материалов конференции, прошедшей в 2004 году в Davis Center Гарвардского университета. Редакция журнала объединила статьи, посвященные социальной, национальной и государственной идентификации и самоидентификации в России XIX века, прежде всего в так называемой «поздней империи», и в Советском Союзе. Для тематики данной монографии наибольший интерес могут представлять работы таких авторов, как Джейн Бёбэнк, Пол Верт и Эрик Лор, которые исследуют политику власти в отношении населения государства с помощью терминов *имперский правовой режим*, *узаконенный плюрализм*, *закон*, *обычай*, *мы* и *они* и т. д., а также касаются смыслового наполнения понятий *идеальный гражданин* и *действительный подданный*[59].

Характерно, что если специалисты по истории средневековой Руси при сравнительном анализе подданства часто апеллируют к институту *вассалитета*, то изучение взаимосвязи власти и различных групп населения в имперской России часто ведется в контексте понятия *гражданство*. Именно такой методологический подход и был заявлен редакцией журнала «Ab Imperio» в выпуске, непосредственно посвященном «проблемам сопричастности государству в империи и нации». «Авторы номера показывают, — сказано в пре-

---

[58] *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 134–206. См. также: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.; СПб., 2009. С. 168–239; *Каштанов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // Im memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 217–229.

[59] См.: *Lohr E.* The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. № 2. P. 173–194; *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Ibid. № 3. P. 394–431; *Werth P.* In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order // Ibid. P. 433–458. См. также: *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 64, 92; и др.

дисловии, — что режим отношений подданства на самом деле заключал в себе возможность солидарного политического действия, что можно осмыслить в терминах "гражданственности"». В журнале на самом различном материале был реализован исследовательский принцип воспроизведения «практик и семантик подданства и гражданства», изучения «отношений людей в государстве и с государством», а также отказа от формального институционального анализа[60]. Развернувшаяся дискуссия охватила широкий спектр тем — от местного патриотизма шляхтича XVII века и категории «подданство» во Франции накануне Великой революции до понимания «гражданства» в непризнанной Приднестровской республике и новейшей историографии политической антропологии[61]. Наиболее существенным выводом, сделанным на материале русской истории, стало раскрытие темы подданства как «неполноценного гражданства» в империи и Советском государстве, что позволило, с точки зрения авторов выпуска, подойти к изучаемой проблеме на новом уровне и с иной исследовательской программой.

Закономерно, что рост интереса к институту подданства совпал с появлением целого ряда фундаментальных работ по истории *гражданского общества*, зарождением отдельных элементов

[60] В данном контексте следует отметить, что историки права, напротив, традиционно уделяли особое внимание именно формально-юридическим дефинициям подданства, что представляется не менее важным при изучении данной проблемы (см., например: *Коркунов Н. М.* Подданные и иностранцы: различие прав подданных; установление и прекращение подданства // Коркунов Н. М. Русское государственное право. Введение и общая часть. Т. 1. СПб., 1914. С. 262–273; а также: *Кудинов О. А.* Изменения в правовом статусе подданных Российской империи в 1905–1907 гг.: декларации и правоприменительная практика // Право и политика. 2003. № 11. С. 124–129; *Глушакова С. И.* Права человека в России. М., 2005; *Дружинина А. В.* Эволюция юридического статуса подданного Российской империи (1762–1906). Сочи, 2007; и др.).

[61] См. статьи выпуска, посвященные досоветской истории России: *Яковенко Н.* Жизненное пространство versus идентичность руського шляхтича XVII ст. (на примере Яна/Йоакима Ерлича); *Бикташева А.* L'état c'est nous? Местное гражданство, имперское подданство и ревизия государственных учреждений в Казанской губернии (1819–1820 гг.); *Майорова О.* В поисках нового языка коллективной личности: символизм российской национальной принадлежности во время и после Крымской войны; *Долбилов М.* «Царская вера»: массовые обращения католиков в православие в северо-западном крае Российской империи (1860-е гг.) // Ab Imperio. 2006. № 4.

которого исследователи обнаруживают еще в период правления Екатерины II[62]. Однако собственно о явлении того, что социологи называют *Civil Society* (*Zivilgesellschaft, société civile*) и связывают с плюрализмом, автономией и партнерскими отношениями с государством, специалисты всерьез говорят только применительно к России пореформенной эпохи. Симптоматично также, что если понятиям *общество*[63], *гражданский долг*[64], *гражданское общество*[65], *гражданская общественность*[66] посвящен целый ряд работ, то

[62] Проблема зарождения гражданского общества так или иначе затрагивается во многих работах, посвященных развитию правовой мысли, формированию «третьего сословия», истории театра, частных типографий, масонского движения, организации научных и литературных обществ и т. п. См., например: *Confino M.* Domaines et séigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle: étude de structures agraires et de mentalités économiques. P. 1963; *Степанский А. Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; *Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985; *Wirtschafter E. K.* Structures of Society: Imperial Russia's People of Various Ranks. DeKalb, Ill., 1994; *Медушевский А. Н.* Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 2; Gesellschaft als lokale Veranstaltung: Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarebreiches. Göttingen, 2002; *Туманова А. С.* Самодержавие и общественные организации в России. Тамбов, 2002; *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003; *Marasinova E. N.* Gesellschaften im russischen Imperium im 18. Jahrhundert // Enzyklopädie der Neuzeit. B. 11. Stuttgart 2010. S. 434–452 (Co-Autor H.-H. Nolte) и т. д.

[63] Подробный анализ понятия *общество* в русском языке второй половины XVIII столетия представлен в следующих работах: *Smith D.* Working the Rough Stone. Freemansonry and Society in Eighteeningth-Century Russia. DeKalb, Ill., 1999; *Schierle I.* Zur politisch-sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: "Obščestvo" // Katharina II: Russland und Europa. Beiträge zur Internationalen Forschung. Mainz, 2001. S. 275–306.

[64] См. глубокое лингвистическое исследование в статье Б. П. Маслова «От долгов христианина к гражданскому долгу: очерк истории концептуальной метафоры» (Очерки истории семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 201–270). Примечательно, однако, что в данной работе акцент сделан на понятиях *долг* и *должность*, а понятие *гражданин* практически не рассматривается.

[65] Развернутый очерк истории изучения «гражданского общества» дан в работах американского историка Джозефа Бредли (см., например: *Bradley J.* Civil society in Russia and the Soviet Union // The Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian, Soviet and Eurasian History. 2006. Vol. 7. S. 123–135).

[66] В исследовании М. Хильдермайера был реализован продуктивный метод сопоставления таких близких по значению понятий, как *обществен-*

смысловое содержание понятия *гражданин* оказывается менее изученной темой в современной историографии[67].

Таким образом, даже краткий обзор литературы не отставляет сомнения в необходимости целенаправленного анализа языка исследуемой эпохи, что позволит избежать модернизации и упрощения. Данный тезис оказывается особенно актуальным для периода XVIII столетия, который нередко выступает в фундированных работах по истории понятий в качестве либо отдаленной перспективы, либо оттеняющего фона, т. е. становится объектом беглого схематического изображения. В то же время статьи и монографии, посвященные непосредственно самосознанию русского общества времени правления Екатерины II, обнаруживают недостаток сведений о смысловом содержании таких ключевых понятий, как *закон, подданный, гражданин*. Следовательно, со всей очевидностью прорисовывается актуальная историографическая проблема, связанная с определением круга источников и конкретных методик извлечения из них информации по данному вопросу.

ность — Öffentlichkeit, гражданская общественность — bürgerliche Öffentlichkeit, гражданственность — Bürgerlichkeit (*Хильдермайер М.* Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 года в сравнительном отношении // Интеллигенция в истории. М., 2001. С. 56–68).

[67] Непосредственно о понятии *гражданин*, наравне с другими сюжетами, речь идет в таких работах: *Лор Э.* Гражданство и подданство. История понятий // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 197–222; *Schierle I.* Der Burgerbegriff im Zeitalter Katharinas II. Zur politisch-socialen Begriffssprache des Aufgeklarten Absolutismus in Rußland // Das achtzehnte Jahrhundert. 1995. Jahrgang 19. Heft 1. S. 68–80.

ТЕКСТ И РЕАЛЬНОСТЬ

Текст

Исследовательская задача выявления специфики взаимоотношений власти и личности в России второй половины XVIII века, механизмов социального контроля, а также правового сознания высших слоев общества с помощью аналитических приемов Begriffsgeschichte предполагает использование обширной источниковой базы. Привлечение к работе разнообразных по видовым характеристикам материалов было обусловлено принципиальной установкой на изучение трактовок понятий *закон, подданный, гражданин* и т. д. не только на основе законодательных актов и произведений публицистики, иначе говоря, текстов, отражающих общепринятую официальную точку зрения. В монографии предпринимается также попытка анализа трудноуловимого преломления повседневной реальности и в языке источников личного происхождения — дневниках, переписке, мемуарах, прошениях, а также в художественной литературе.

Соответственно, для описания столь многообразного по своим социальным функциям документального комплекса необходима его рабочая классификация, которая, разумеется, является условной, как всякое ранжирование живого исторического материала. Тем не менее привлеченные к исследованию документы были объединены в группы в соответствие с их видовой принадлежностью, социальными функциями и спецификой отражения реальности прошлого.

Во-первых, полученные в монографии выводы основывались на Полном собрании законов Российской империи (далее — ПСЗ).

Эти материалы практически не использовались для изучения общественного сознания, самоидентификации власти, истории понятий и истории повседневности. Однако именно законодательство второй половины XVIII века можно признать ценнейшим источником по указанным проблемам. В ПСЗ были включены как законы, так и подзаконные акты, четкое разграничение которых, как уже указывалось, отсутствовало в русской правовой науке первой половины XIX века. В предисловии к изданию М.М. Сперанский писал: «В состав сего Собрания под именем законов вмещены, по порядку времени, все постановления, ко всегдашнему исполнению от верховной власти или именем ее от учрежденных ею мест и правительств происшедшие, без всякого изъятия[1]. При сем не было допускаемо различия между законами, ныне действующими, и законами, отмененными»[2].

Таким образом, были опубликованы уложения, уставы, грамоты, наказы, инструкции, манифесты, мнения, акты не юридического характера, отдельные временные и частные распоряжения, а также судебные решения, которые служили образцом для аналогичных дел[3]. Эта множественность нормативного материала иногда оценивается современными специалистами как свидетельство не-

[1] Безусловно, определенные группы законодательных актов не вошли в ПСЗ. Во-первых, ряд законов, сохранившихся в архивах Петербурга и Москвы, так и не был учтен (см. об этом, например: *Карнович Е.П.* О Полном Собрании Законов Российской империи // Русская старина. 1874. № 6. С. 408–440; а также: *Кодан С.В.* Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг. Екатеринбург, 2004; *Renaud N.D.* The Legal Force of the 1832 Svod Zakonov // Sudebnik. London, 1997. Vol. 2. Issue 1. P. 83–124). Во-вторых, по высочайшему решению императора Николая I, не подлежали всеобщей огласке законы, появившиеся вследствие исключительных обстоятельств (в частности: Манифест о вступлении на престол императрицы Екатерины II. 6 июля 1762. СПб., 1762). Кроме того, исключались из собрания некоторые законы, касающиеся отдельного человека, в том числе о награждениях, назначении на должность и т. п., а также указы о внутреннем распорядке в тех или иных присутственных местах. Тем не менее это правило далеко не всегда соблюдалось, и многие акты частного характера были опубликованы, поскольку представляли ценность с точки зрения характеристики нравов прошлого (см. об этом также: *Майков П.М.* О своде законов Российской империи. СПб., 1906).

[2] Предисловие // ПСЗ. Т. I. С. XVIII.

[3] «Каждый закон напечатан от слова до слова, как он находится в подлиннике, или в печатных экземплярах, изданных от правительства» (Предисловие. С. XXIV).

достаточного развития юриспруденции первой половины XIX века, что влечет за собой, с точки зрения правоведов, серьезные погрешности издания[4]. В действительности же стремление опубликовать по возможности больший массив документов было связано не с расплывчатыми критериями отбора, а с принципиальной позицией Сперанского, который справедливо видел в законе важнейший источник не только по истории государства, но и по истории сознания, образа жизни, быта прошлых эпох. «Бывают также в производстве дел случаи, коих начало относится к происшествиям, давно уже протекшим... Распоряжения, по существу своему частные и случайные, но по историческому их достоинству важные, сохранены в Собрании как памятник того века, как указание общественных его нравов, как изображение гражданской его жизни»[5].

Во всем объеме использованных в работе материалов ПСЗ можно условно выделить несколько приоритетных тематических групп. Так, к исследованию были привлечены юридические акты, обеспечивающие издание, публикацию, распространение, хранение, адекватную интерпретацию, исполнение закона[6], а также определение круга вопросов, выходящих за пределы юрисдикции устных распоряжений императора[7]. В этих нормативных документах с особой отчетливостью отразилась не только официальная

---

[4] См., например: *Сидорчук М. В.* Полное собрание законов Российской империи: История создания // Правоведение. 1991. № 4.

[5] Предисловие. С. XIX–XX. См. также: *Сперанский М. М.* Обозрение исторических сведений о своде законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.

[6] См., например: указ о доставлении указов Сената в надлежащие места по адресам с расписками в приеме и о принимании оных дежурными (ПСЗ. Т. XX. № 14789); указ о напечатании и обнародовании нового устава Кадетскому сухопутному корпусу (Т. XVII. № 12741); указ об имении веры по делам, касающимся до общенародного сведения и до государственных во всей империи узаконений одним только печатным указам (Т. XIX. № 14047); высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурору об окончании Сенату дел, на которые существуют ясные законы, не делая по оным особых докладов Ее Императорскому Величеству (Т. XIX. № 13555); сенатский указ «о наказании за превратное истолкование законов» (ПСЗ. Т. XX) и т. д.

[7] См., например: указ о возвращении Ее Императорскому Величеству именного 1743 года указа, запрещающего производить в действо данные Сенату предложения без Высочайших указов за собственноручным Ее Величества подписанием (ПСЗ. Т. XV. № 11369; а также: Т. IX. № 6745, 6773; Т. XI. № 8695).

правовая доктрина, но и действительно бесконечное разнообразие социальной практики, в которой так или иначе преломлялось повседневное бытовое понимание закона. При прочтении и анализе материалов ПСЗ особое внимание уделялось следующим источниковедческим характеристикам документов: наименование закона, в частности *манифест, указ, инструкция, грамота* и т. п.; соотнесение содержания правового акта и ремарки «объявляется во всенародное известие»; наличие или отсутствие толкования, казуальной истории, изложения обстоятельств возникновения указа; контексты упоминаний Наказа, Уложения 1649 года, а также ссылок на прямую связь с законодательством «деда нашего Пера Великого и тетки нашей Елизаветы Петровны» или, напротив, демонстративное отрицание любой преемственности по отношению к правлению Петра III; факты неоднократного издания указов одного содержания; обстоятельства включения в текст указа цитат из Священного Писания[8] и т. п.

Важные сведения о механизме социального контроля власти, об официальных представлениях о социальной иерархии населения, о взаимоотношениях общества и престола удалось почерпнуть из таких указов, как:

- образцы присяг, приносимых военными, гражданскими и духовными лицами, а также вступающими в службу, повышаемыми в чине, и т. д.[9];
- инструкции об отправлении самых различных должностей; законодательно закрепленные реестры «радетельных трудов» и

[8] См., например: объявленный во всенародное известие сенатский указ о штрафах и наказаниях за небытие на исповеди и у святого причащения (ПСЗ. Т. XVII. № 12483); указ о рассылке Наказа, данного Уложенной комиссии, в присутственные места для хранения его на судейском столе при зерцале (Т. XVIII. № 12977); «Сентенция о наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников» (Т. XX. № 14233) и др.

[9] См., например: «Генеральная присяга на чины» с текстом клятвенного обещания (ПСЗ. Т. XVI. № 11601), «Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам», содержащая текст присяги определенных к межевым делам (Т. XVII. № 12659), именной указ, «объявленный Сенату генерал-прокурором, о приводе к присяге вступающих в службу и повышаемых чинами по указу 12 ноября 1721», также воспроизводящий полный текст присяги (Т. XXIII. № 17203), и др.

соответствующих им поощрений[10], описание подвигов и отличий, за которые полагался тот или иной орден[11], указы о награждениях и пожалованиях[12];

- постановления, отражающие взаимоотношения власти и «образованной личности», в том числе указы о запрещенных книгах и частных типографиях, об отношении к Франции периода революции, материалы по делу московских розенкрейцеров[13].

---

[10] См., например, именной указ об удержании судей и чиновников от лихоимства (Т. XVI. № 11616), сенатский указ вследствие именного о означении в представлениях Сенату прилежания, искусства и успехов в делах рекомендуемых чиновников (Т. XXIII. № 16941) и др.

[11] См., например, указы: из Военной коллегии об аттестовании командующим генералам подчиненных им штаб- и обер-офицеров к получению военного ордена Св. Георгия; Манифест об учреждении ордена Святого равноапостольного князя Владимира; сенатский о распространении силы статута ордена Св. Владимира на заслуги, по издании оного оказанные; сенатский о подробном описании в представлениях в Правительствующий сенат присылаемых об удостоении чиновников к награждению орденом Св. Владимира всех подвигов, подающих причину к получению оного ордена; сенатский вследствие именного о разборе в Кавалерской думе докладов и списков удостоиваемых к ордену Св. Владимира, принимая в основание предписание статута, и о предоставлении на Монаршее усмотрение таких особ, коих подвиги гласные подходят под силу установления и точно достойны пожалования орденом; из Военной коллегии об отличиях, дающих право на пожалование орденом Св. Георгия прежде выслуги 25 лет в обер-офицерский чин (ПСЗ. Т. XX. № 14443; Т. XXI. № 15515, 15524; Т. XXII. № 16501; Т. XXIII. № 16830, 17299, 17306, 17308 и др.).

[12] См., например, указы: именной, данный Сенату, о наградах, пожалованных генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому за подвиги его против польских мятежников; именной, данный генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому о пожаловании золотых знаков всем бывшим на штурме Прагском штаб- и обер-офицерам (ПСЗ. Т. XXIII. № 17286–17287).

[13] См., например, указы о сжигании ругательных сочинений публично через палача; о недозволении производить продажу книг, исполненных странными мудрствованиями; о недозволении светским типографиям и книжным лавкам продавать молитвенники, не от Синода изданные; о строжайшем подтверждении частным приставам, чтобы они не допускали непозволенных скопищ народа; о запрещении на бирже, в клубах и трактирах говорить о делах политических; о прекращении сообщения с Францией по случаю происшедшего в оной возмущения и умерщвления короля Людовика XVI; об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг, об учреждении на сей конец цензур в городах Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловской таможне и об упразднении частных типографий (ПСЗ. Т. XVII. № 12313; Т. XXII. № 16362, 16556, 16561, 16564, 16673; Т. XXIII. № 17101,

Наконец, в работе детально рассматриваются такие важнейшие документы, как Табель о рангах, Манифест «о даровании вольности и свободы российскому дворянству», «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства».

В особую группу источников можно выделить законодательные акты, регулирующие отношения власти и подданных расширяющей свои границы Российской империи, в частности:

- указы, четко определяющие наименования посланий на высочайшее имя, процедуру подачи петиций, прошений, жалоб, челобитных, их формуляр, содержание, строго задаваемые эталоны адресации и подписи, социальный состав групп населения, имеющих право на обращение к престолу, штрафы и наказания, предусмотренные за нарушение протокола[14];
- законодательные акты, адресованные населению присоединенных территорий и российским подданным неправославного вероисповедания[15].

17508). См. также: Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 577–672.

[14] 12 июля 1762 года был издан «во всенародное известие» указ «о неподаче никаких просьб и жалоб на Высочайшее имя, минуя надлежащие судебные места», который начинался перечислением указов подобного содержания, уже объявленных как минимум 11 раз в XVIII веке. В 1765 году данный указ был повторен: «сенатский указ, в подтверждение указа 1762 июля 12, о неподавании прошений Ее Императорскому Величеству, минуя надлежащие Присутственные места, и о штрафах и наказаниях, определенных за преступление указа». На протяжении всего царствования императрицы не прекращался как поток жалоб, так и поток запрещающих их указов (ПСЗ. Т. XVI. № 11606; Т. XVII. № 12316; Т. XVIII. № 12903, 12946, 12966 и др.). См. также сенатский указ вследствие именных указов об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя и в Присутственные места подаваемых челобитен: *бьет челом всеподданнейший раб и раба*, и о замене оных словами и речениями: *жалобица или прошение, приносит жалобу или просит имярек всеподданнейший или верный подданный* (Т. XXII. № 16329. С. 534–535. 1786. 19 февраля).

[15] Высочайшая резолюция на доклад Военной коллегии об объявлении пленных турок и татар, воспринявших греко-российскую веру, вольными людьми; именные указы о принятии под Российскую державу уступленных от Польши провинций, о назначении жителям срока для принятия присяги; о неупотреблении никаких принуждений и насилий при обращении Униатов в

Крупный массив законодательных актов был использован в работе для исследования соотношения понятий *Закон Божий* и *закон государственный* в системе социального контроля власти. С этой целью анализировались высочайшие указы о смертной казни, политической смерти, шельмовании, постановления Сената и Синода, касающиеся подобных экзекуций, а также документы, раскрывающие действие моратория на смертную казнь и использование церковных практик для наказания преступников по приговорам светских судов[16]. Кроме того, в исследовании были задействованы опубликованные и неопубликованные материалы многочисленных следственных дел, приговоры по которым предполагали такую форму наказания, как покаяние[17].

Помимо источников, которые можно объединить в данные тематические группы, в работе повышенное внимание было уделено законодательству начала XVIII столетия о престолонаследии, постановлениям периода екатерининского правления об императорских титулах[18], указам, регламентирующим отношения помещика

греко-российскую веру; синодский указ о терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий (ПСЗ. Т. XIX. № 13450, 13490, 13850, 13996; Т. XXI. № 15798; Т. XXII. № 16603; Т. XXIII. № 17272, 17290 и др.).

[16] См., например, статьи Соборного уложения о наказании покаянием (ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10; Рл. XX. Ст. 67, 80; ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10; Гл. XX. Ст. 67, 80. 1649. 29 января); указы об учинении смертной казни иркутскому вице-губернатору Жолобову за разные его законопротивные поступки; о неприведении в исполнение судебными местами без утверждения Сената приговоров, по которым преступники присуждаются к смертной казни или политической смерти; манифест о примерном наказании за убийство матери и сестры преступников Жуковых (ПСЗ. Т. IX. № 7009; Т. XII. № 9312; Т. XVII. № 12600 и др.).

[17] См., например: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 18об, 25, 37об; Д. 5. Л. 55об–57; Д. 6. Л. 41об–42, 46, 51; Д. 7. Л. 37об–38; Д. 8. Л. 78 и др.; Ф. 248. Оп. 62. Кн. 5269–5439. Л. 79–80, 137 и др.; а также Сенатский архив. СПб., 1909. Т. 13; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I и др.

[18] См.: Устав о наследии престола (ПСЗ. Т. VI. № 3893); Правда воли монаршей (Т. VII. № 4870); см., например: Форма о титулах императрицы Екатерины II (ПСЗ. Т. XVI. № 11590), Форма полного титула Ее Императорского Величества (ПСЗ. Т. XXII. № 15919).

и крестьянина[19], и, наконец, имеющим силу закона документам, которые определяли позицию Российской империи и, следовательно, ее государственную доктрину во внешнеполитической сфере[20].

Кроме того, в работе использовались и законодательные акты, не вошедшие в ПСЗ, но сохранившиеся в собраниях гражданской печати ряда библиотек[21]. Поставленные исследовательские задачи предполагали и анализ документов, проясняющих обстоятельства возникновения тех или иных законов, но не вошедших непосредственно в их текст, в том числе императорских распоряжений и распоряжений крупных чиновников, донесений, докладов, писем в Сенат и т. п. К этой же группе можно отнести нереализованные проекты, которым не суждено было приобрести законодательную силу, но в которых тем не менее отразились важные тенденции сословной политики власти и социальной культуры верхушки дворянства. В частности, в источниковую базу работы были включены: протоколы заседаний «Комиссии о вольности дворянства» и представленный императрице доклад собрания о «Праве дворянском»; наставления братьев Паниных будущему императору Павлу I, а также их проекты «О реформе Сената и создании Императорского Совета при монархе», «О фундаментальных государственных законах» (в редакции П. И. Панина и записи Д. И. Фонвизина), записка А. А. Безбородко «О потребностях Империи российской» и др.

---

[19] См., например: сенатский указ о пребывании крестьянам у своих помещиков в должном повиновении и послушании; именной указ, данный Сенату, о запрещении продавать с молотка людей без земли; сенатский указ по высочайше учрежденному докладу о зачете умерших людей в крепостных работах за рекрут при предбудущих наборах (ПСЗ. Т. XVI. № 11678; Т. XIX. № 13634; Т. XXII. № 16465).

[20] См., например: указ с приложением договора, постановленного с Карталинским и Кахетинским царем Ираклием Вторым; трактат между Россией и Францией о дружбе, торговле и мореплавании; Декларация, поданная Министром Ее Императорского Величества Булгаковым в Варшаве Министерству Польскому (ПСЗ. Т. XXI. № 15155, 15261, 15835; Т. XXII. № 16489; Т. XXIII. № 17044 и др.).

[21] См., например: Указ Ее Императорского величества самодержицы всероссийской: [О рассылке указа о порядке взимания сборов с челобитен]: Из Правительствующего Сената. [Б. м., июля 1764]; Указ Ее императорского величества самодержицы всероссийской: [О рассылке указа об учреждении разных воспитательных училищ]: Из Правительствующего Сената. [Б. м., май 1764]; и др.

Таким образом, законодательство рассматривается в работе не только как важнейший источник по социально-экономической и политической истории, но и как документ, воссоздающий содержание государственной идеологии, особенности саморепрезентации власти, а также образ подданных в восприятии престола. Именно в законодательстве была отчетливо выражена позиция правительства, идеальное представление монархии о развитии общества и в той или иной степени разработанный механизм манипуляции сознанием населения, от успешности действия которого, собственно, и зависело исполнение законов.

Важным методологическим принципом работы с текстами документальной базы исследования стал сопоставительный анализ содержания понятий *закон*, *подданный*, *гражданин* и т. д. в источниках различного авторства, видовой принадлежности и назначения. Стремление подобным путем повысить информативную отдачу материала обусловило использование в монографии официальной публицистики и памятников общественной мысли[22] второй половины XVIII века, а также отдельных произведений более ранних и поздних периодов. В частности, при воссоздании смыслового наполнения важнейших терминов русского политического языка XVIII века использовались книга, предназначенная для народных городских училищ, «О должностях человека и гражданина», и ее первоисточник, сочинение С. Пуфендорфа «De Officio Hominis Et Civis Juxta Legen Naturalem Libri Duo»; некоторые публицистические произведения таких дворянских авторов, как М. М. Щербатов («О повреждении нравов в России»), М. Н. Муравьев («Понятие благородства», «Забавы воображения»), Я. Б. Княжнин («Отрывок толкового словаря», «Речь, говоренная в публичном собрании Императорской Академии Художеств, при выпуске из оной питомцев, в 1779 году»), Н. И. Новиков

[22] В данном контексте еще раз следует отметить всю условность классификации привлеченного к работе источниковедческого материала. В частности, послания Д. И. Фонвизина П. И. Панину, отражающие впечатления писателя от заграничных путешествий, близки к дневниковым записям, «Записки» императрицы являются не только воспоминаниями, но и авторским художественным произведением, а прошения А. П. Сумарокова на высочайшее имя часто по своей тональности напоминают яркую публицистику.

(статьи в журнале «Трутень»), Д. И. Фонвизин («Опыт российского словника»[23]), Н. М. Карамзин («Записка о Н. И. Новикове»[24]) и ошибочно приписываемая Радищеву анонимная «Беседа о том, что есть сын Отечества», рукопись политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II неизвестного автора, «Об Общественном договоре или Принципы политического права» Ж.-Ж. Руссо, «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа, «Рассуждения о Франции» Ж. Местра, некоторые проповеди Феофана Прокоповича, работы по истории русского законодательства С. Е. Десницкого, а также публичные лекции профессуры Московского университета[25] и др. Безусловно, по-прежнему важнейшим источником по истории официальной доктрины, общественной мысли, правового сознания остается екатерининский Наказ Уложенной комиссии, текст которого был проанализирован в работе

[23] К работе также привлекались такие публицистические работы Д. И. Фонвизина, опубликованные в двухтомном собрании сочинений, как «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина», «Начертание для составления толкового словаря славяно-российского языка», «Примечание на критику, напечатанную на 113 и 114 страницах II части "Собеседника", касающуюся до опыта российского словника», «Рассуждение о непременных государственных законах», «Способ, коим работа толкового словаря славяно-российского языка скорее и удобнее производиться может» и др.

[24] Также в работе использовались такие произведения Н. М. Карамзина, как «Записка о древней и новой России» (СПб., 1914) и «Историческое похвальное слово Екатерине Второй» (М., 1802).

[25] См.: *Десницкий С. Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1905. Т. 7. № 4. С. 1–45. Кроме того, в документальную базу работы были включены размышления некоторых мыслителей рассматриваемого периода о сущности и смысле законодательства, а также сведения о переводах текстов английских правоведов на русский язык (см., например: *Радищев А. Н.* Опыт о законодавстве // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3; *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887; *Он же.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793. Ч. 1–3; *Безбородко А. А.* Записка для составления законов российских // Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). 1881. Т. 29. С. 643–646; Истолкования английских законов г. Блакстона [Переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской; с подлинника английского перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева]. М., 1780–1782 и др.).

в совокупности с мнениями некоторых придворных об этом труде императрицы, а также его черновыми проектами[26].

Отдельное место в документальной базе работы занимают источники личного происхождения: воспоминания, дневники, журналы, письма и т. п. Важная роль при этом отводится мемуарам и корреспонденции главной персоны в законодательстве и «законоискусстве», занимающей высшее положение в пирамидальной иерархии русского общества. Принципиальное значение взглядов, поступков, приоритетов императрицы определялось особой харизмой, которой традиционно наделялся монарх в России, тенденцией к сакрализации его образа, сильнейшей ориентацией элиты на подражание, твердой верой всех слоев общества в высшее милосердие и персонификацией имиджа государства в глазах европейского мнения. Поэтому на выводы монографии непосредственное влияние оказали материалы, содержащиеся в следующих документах: Записки Екатерины II, включающие «Мысли из особой тетради», Завещание императрицы, «Собственноручная записка Екатерины II об одном из первых заседаний ее в Сенате после восшествия на престол», «Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования», переписка с Гриммом, Вольтером, Дидро, д'Аламбером, Потемкиным, Безбородко, Булгаковым и т. д., а также воспоминания и дневники статс-секретарей[27] и придворных, в том числе А. В. Храповицкого, Д. В. Волкова, А. М. Грибовского, М. А. Гарновского и т. д. Не менее информативны оказались и мемуары других современников, а также обширная переписка представителей верхушки дворянства[28].

---

[26] *Diderot D.* Observations sur le Nakaz, 1774 // Diderot D. Political Writings. 1992; Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, Василия Баскакова и Александра Сумарокова с собственноручными замечаниями государыни // Сб. РИО. 1872. Т. 10; Отзывы о Наказе преосвященных Гавриила, Иннокентия и иеромонаха Платона // Снегирев И. М. Жизнь митрополита Платона. 2-е изд. Т. 2. М., 1856; Отрывок из Наказа комиссии о сочинении проекта нового уложения, писанный Григорием Козицким, с собственноручными поправками Екатерины II // Сб. РИО. 1872. Т. 10; и др.

[27] Статс-секретари иначе именовались еще кабинет-секретарями.

[28] Например, записки И. И. Бецкого, Е. Р. Дашковой, Ф. Н. Голицына, Г. Р. Державина, И. В. Лопухина, пастора А.-Ф. Бюшинга, французского посла Л. Ф. Сегюра, письма Я. И. Булгакова, А. Р. Воронцова и С. Р. Воронцова,

Содержание многих понятий русского языка XVIII века формировалось под влиянием развития художественной литературы, поэтому в ходе исследования были задействованы такие произведения, как оды Г. Р. Державина[29], В. В. Капниста[30], стихотворения Н. А. Львова[31], пьеса Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, выпускаемое М. Н. Муравьевым еженедельно в 1790 году издание «Обитатель предместья» и его же эпистолярный роман «Эмилиевы письма», знаменитая пьеса «Недоросль» Д. И. Фонвизина, а также отдельные творения Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Герцена, Толстого.

Наконец, ни одна работа по Begriffsgeschichte не может обойтись без использования словарей изучаемого периода и, кроме того, сравнительного анализа содержащихся в них сведений и лексиконов других языков, а также современной трактовки тех или иных понятий. На данном основании к исследованию были привлечены: «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского; «Словарь русского языка XI–XVII вв.»; «Словарь Академии Российской» (1798–1794); «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806–1822); «Российский, с немецким и французским переводами, словарь» И. Нордстета (1780–1782); «Новый и полный словарь: Первое отделение, содержащее немецко-российско-французский словарь» И. А. Гейма (1796–1797); «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Историко-этимологический словарь современного русского языка: Teutscher und Reussischer Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch» (факсимильное издание XVII века), «Allgemeines Haushalts-Lexikon» (1751), «Dictionnaire universel François et latin vulgairement appelé

А. М. Кутузова, Н. И. Новикова, Г. А. Полетико, Ф. В. Ростопчина, И. В. Страхова, Д. И. Фонвизина, И. И. Шувалова, М. М. Щербатова и др.

[29] В частности, в работе использовались такие произведения поэта, как «Бог», «Вельможа», «Властителям и судиям», «На птичку», «На смерть князя Мещерского», «Памятник», «Фелица», «Храповицкому».

[30] «Письмо "господину Любослову"», «Ода на истребление в России звания раба Екатериною Второю в 15 день февраля 1786 года», «Ода на рабство» и др.

[31] См., например, послания: «Гав[риле] Романовичу ответ», «Епистола к А. М. Бакунину из Павловского июня 14, 1797», «Его сиятельству графу А. А. Безбородке», эпиграммы: «Эпиграмма завистникам нашего счастья», «Эпиграмма соч[инителю] басен и сказок NN нояб[ря] 26-го» и др.

dictionnaire de Trévoux» (1771), «Geschichtliche Grundbegriffe» (1972–1975), «Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa» (1995) и др.

В работе использовались как опубликованные, так и неопубликованные источники, находящиеся в фондах рукописных отделов библиотек и в архивах Москвы, Петербурга, Германии, Франции, Ирландии и т. д. Наиболее значимые привлеченные собрания документов расширяют круг сведений о государственной деятельности статс-секретарей[32] Екатерины II, ее кабинета и самой императрицы[33]. Особый интерес представляют собственноручные черновики, которые отражают подготовительные этапы возникновения новых законодательных и нормативных актов, официальные бумаги, составленные придворными и содержащие личные пометки Екатерины, а также собственноручные конфирмации императрицы на приговорах по наиболее тяжким преступлениям[34]. Как уже отмеча-

[32] М. В. Бабич справедливо указывает, что понятие «статс-секретарь» появилось лишь в царствование Павла I. Давно сложившаяся в историографии традиция именовать кабинет-секретарей Екатерины II статс-секретарями возникла, по всей видимости, под влиянием «Записок» самого знаменитого «статс-секретаря» Г. Р. Державина. Поэт же писал свои воспоминания уже при Павле, после указа от 19 мая 1800 года о назначении П. И. Кутайсова, когда и было введено это наименование для докладчиков императора (*Бабич М. В.* Из истории государственных учреждений XVIII в.: Кабинет Императорского Величества // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1998. № 6. С. 24–25).

[33] См., например: Переписка и черновые бумаги состоявшего при Кабинете императрицы Екатерины II Сергея Матвеевича Козьмина (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1031. [Ч. 1]); Переписка состоявших при кабинете Екатерины II Петра Турчанинова и Василия Попова. 1794–1796 (Там же. Д. 1102) и др. Уцелевший архив С. М. Козьмина, в обязанности которого входило принятие прошений на высочайшее имя, включает и множество челобитных, имеющих форму частных писем и направленных непосредственно Козьмину для доклада и разъяснения обстоятельств дела императрице. См. также, например: Прошение В. Б. Голицына. 1775 г. (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки [далее — ОР РГБ]. Ф. 64. Карт. 94. Д. 17).

[34] См., например: Собственноручные черновые бумаги о дворянстве (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 333); Заметки Екатерины II о правах на дворянство, о Казенной палате, губернском магистрате, об откупах и др., 14 л. (Там же. Д. 332в); Собственноручные черновые бумаги о должности [первых трех классов] (Там же. Д. 327); Собственноручные черновые бумаги о совете императорского величества (Там же. Д. 326), а также: Копия в Дирекционную Комиссию из Комиссии о разделении на роды государственных жителей (Там же. Д. 275); Журнал резолюций Екатерины II (Там же. Оп. 3. Д. 1–10) за 1776–1795 годы и др.

лось, был привлечен к работе и крупный массив следственных дел и экстрактов уголовных разбирательств, связанных прежде всего с теми преступлениями, сведения о которых доходили до Сената или даже до самой императрицы[35].

Сравнительное изучение русской политической лексики проводилось, в частности, путем сопоставления оригинальных именных и сенатских указов и их переводов на латынь в начале XVIII века, на немецкий — в 1720–1740 годах, а с середины столетия преимущественно на французский язык. Эти документы, регулярно направляемые из Петербурга многим европейским дворам, были обнаружены в рукописных отделах библиотек Тюбингена, Геттингена, Штутгарта и Парижа[36]. Информативные данные о понимании сущности подданства высшими государственными деятелями Российской империи содержала переписка канцлера Н. И. Панина и генерал-губернатора Новороссийской губернии А. П. Мельгунова, которые детально обсуждали тактику отношения к населению приграничных территорий[37].

Важными находками являются впервые вводимые в научный оборот документы, характеризующие представления императрицы и политически активной элиты о роли законодателя, прерогативах самодержавной власти, «пороках самовластия», правах дворянства и сущности «подданства»[38]. К особо интересным документам

[35] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 37об; Д. 4. Л. 58; Д. 6. Л. 46; Д. 9. Л. 17об; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 243; Д. 5138. Л. 851–851об; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 159. Л. 1–4 и др.

[36] См.: Aktenstücke zur Geschichte Rußlands insbesondere der Throbesteigung Katharina's II. // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58e (например, заявление петербургского двора о смерти императора Петра III и перевод документа на немецкий язык: Bekanntgabe des Todes Peters III. St. Petersburg 7. 7. 1762 (Abschrift und Übersetzung des russ. Orginals) // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58e. Bl. 76, 77); Nachlaβ von Baron Georg Thomas von Asch // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 2* Cod. Ms. Asch 236: 1r-14v; Herzog Friedrich Eugen von Württemberg (1732–1797) // Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Sonde Bestände 236. Büschel 134. Urkunden; Attitude politique de la cour de Russie // AF III 79. Dossier № 324/I. Conseil exécutif provisoire et dépêches des agents français.

[37] ОР РГБ. Ф. 16. Карт. 16а. Д. 31.

[38] См., например: черновые записки императрицы Екатерины о толковании воли законодателя (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 330), а также: Неизвестный автор. Правило трактатов (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 162).

можно отнести практически не упоминаемые в историографии[39] бумаги Екатерины о наследовании престола и размышления императрицы по поводу кардинально изменившей порядок передачи власти «Правды воли монаршей»[40]. Сравнительный анализ рукописей обнаружил, что официальная позиция нередко отличалась от взглядов фрондирующей аристократии, о чем свидетельствует и впервые публикуемое на страницах данной монографии анонимное письмо с резкой критикой фаворитизма екатерининского правления[41]. Новый материал о самосознании и саморепрезентации власти удалось почерпнуть из документов, имеющих отношение к титулу императора[42], а также воспитанию наследников престола и, в частности, формированию в них веры в силу «разумных законов»[43]. Уникальным документом представляется обнаруженная в бумагах графа А. А. Безбородко инструкция священнику, ведущему предварительный допрос арестованного преступника, — «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею»[44].

Наконец, в источниковую базу работы были включены отдельные тексты и собрания рукописей, частично напечатанные ранее,

---

[39] Исключение составляет работа О. А. Омельченко. См.: *Омельченко О. А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII века // Проблемы истории абсолютизма: Сборник научных трудов (Всесоюзный юридический заочный институт). М., 1983. С. 43–62.

[40] См.: Записка императрицы Екатерины «О преимуществе Императорского Величества» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324); Записка императрицы Екатерины «О роде и наследии Императорского Величества» (РГАДА. Там же. Д. 325).

[41] Авторская рукопись политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II. 1794 (Там же. Оп. 3. Д. 594).

[42] См.: Проект графа Бестужева-Рюмина о поднесении Екатерине титула Матери Отечества с собственноручным ее отказом. 1762 г. (Там же. Оп. 1. Д. 7); Памятка императрицы Екатерины II на обложке указа «Форма о титулах ее императорского величества» (Там же. Оп. 2. Д. 323).

[43] См., например: Записка о воспитании детей, тут же писанная императрицей Екатериною II копия наставления, данного прусским королем Фридрихом-Вильгельмом подполковнику Рохову касательно воспитания старшего сына его величества 1779 г. (РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113), а также «Продолжение поучительных слов при высочайшем дворе ее императорского величества благочестивой великой государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской, сказанных его императорского высочества учителем иеромонахом Платоном». СПб., 1764 (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 3. Д. 3177).

[44] См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–15об.

главным образом в журналах и других изданиях XIX века. Так, книга Е. С. Шумигорского «Император Павел I: жизнь и царствование» (СПб., 1907) содержала специальный раздел «Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу». Однако сравнение данной публикации и архивного материала выявило, что историк представил в своей работе лишь отдельные тексты, не всегда передавая при этом авторские замечания на полях, заглавные буквы, подчеркивания, исправления, подписи в конце посланий, а также отказался от издания черновых и подготовительных вариантов проектов и писем наследнику[45]. Помимо этого были выверены по оригиналам публикации некоторых других проектов Никиты Панина, отдельных рукописей Екатерины, мнений о Наказе и других источников, напечатанных с пропусками и искажениями[46].

[45] Ср., например: Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, неприменяемые на все времена никакою властью (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 26–31); а также: Проект Н. И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д. И. Фонвизина) // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. С. 4–13.

[46] *Панин Н. И.* Замечания на проект императрицы «Учреждение для управления губерниями» (Российский государственный архив древних актов [далее — РГАДА]. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 162); *Он же.* Записка о преобразовании Сената и других судебных мест, с приложением проекта Манифеста о новой схеме организации Сената (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114); *Он же.* Записка о государственном казенном правлении и о производстве дел, по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17); Письмо Панина Н. П. Екатерине II. 1795. 19 февраля (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1504); *Екатерина II.* Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10); Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 542. Д. 660; Ф. 73. Д. 157. Ср.: Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — Чт. ОИДР). 1858. Кн. 1. Январь-март. Отд. 5. С. 101–104); *Екатерина II.* Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; ср.: Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 382); мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, графа Михаила Воронцова, Василия Баскакова, Александра Сумарокова, Александра Бибикова и Фр. Бемера о законах Екатерины II с собственноручными примечаниями 1765, 1766, 1774 (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8; ср.: Сб. РИО. 1872. Т. 10), см. также неопубликованный документ: Собственноручная записка императрицы Екатерины II относительно рассылки экземпляров «ново-общенародного узаконения» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 56) и т. д.

Таким образом, предложенная систематизация свидетельствует, что источниковая база монографии представлена различными по видовой принадлежности и назначению как опубликованными, так и неопубликованными документами, которые содержат достаточный объем сведений по поставленной проблеме. Однако извлечение так называемой «скрытой информации» предполагает специальные приемы научной критики источников и обработки материала.

От источника к реальности

Важнейшим принципом анализа собранного документального материала стал антропологический метод исследования, который предполагает выявление человеческого содержания исторического процесса. Очевидный факт присутствия представлений, верований, установок, настроений людей во всех событиях прошлого конкретизируется в тезисе о принципиальном воздействии сознания верхушки общества на господствующую в нем систему ценностей. Использование основных положений теории элит в качестве одного из методологических принципов исследования позволит констатировать определяющее влияние взаимоотношений дворянства и власти на семантическую карту русского общества. Наконец, исследование строится на основе методов научного источниковедения, которые заключаются в следующем:

- формирование источниковой базы в соответствии с генеральной совокупностью реально существовавших текстов, с социальными функциями привлекаемых к работе документов и с исследовательскими задачами; создание рабочей классификации привлекаемых материалов; сплошная обработка содержащихся в них данных;
- структурный анализ и комплексное сопоставление сведений, извлеченных из источников различного вида, что предполагает применение методов контент-анализа и «понятийной истории», а также исследовательских приемов, использующихся в семиотике, социальной психологии, антропологии, литературоведении.

Целенаправленный лексический и терминологический анализ источника предполагает хронологический и диахронический подходы, которые позволят проследить этимологические корни тех или иных заимствований в русском языке XVIII века, сложный процесс их адаптации, трансформацию содержания и смену социальных функций. Таким образом может быть реализован и сравнительный подход, предполагающий как сопоставление смыслов, которые вкладывались в одно и то же понятие в различные эпохи, условно по хронологической вертикали, так и на основе материалов синхронных текстов.

Кроме того, детальное изучение языка исторических документов облегчается при использовании приемов контент-анализа текстов, дающих возможность унифицировать и сопоставлять содержащуюся в них информацию. В моих предыдущих публикациях были детально изложены процедуры обработки эпистолярного материала, результаты которой используются и в данном исследовании[47]. Помимо этого, содержание более двух тысяч писем, а также значительная часть законодательных актов XVIII столетия, особенно имеющих непосредственное отношение к дворянству, понятиям *закон* и *подданство*, ряд исходящих от престола идеологических документов, таких как «Правда воли монаршей», «Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству» 1762 года, «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (Жалованная грамота дворянству 1785 года), «О должностях человека и гражданина» и др., были занесены в память компьютера. Данная коллекция электронных текстов[48] облегчила их интерпретацию, дала воз-

[47] *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 35–60; *Она же.* Сознание элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки) // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2000. № 28. P. 50–86; *Она же.* Менталитет российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников) // Canadian-American Slavic Studies. 2002. Vol. 36. № 3. Fall. P. 251–275; и др.

[48] Коллекция электронных текстов была создана автором этих строк при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 96-01-12056 «Электронная публикация источников по истории сознания российского дворянства XVIII — начала XIX в.». В последние годы имеющуюся базу

можность применить текстовый редактор «поиск по модели» и, на основе полученных результатов, воссоздать смысловые поля, в которых функционировала имперская доктрина и развивалось сознание личности XVIII столетия.

Исследование конкретного смысла того или иного понятия сочеталось с анализом содержания его социального контекста. Реконструкция семантических полей, а также выявление спектра определений различных терминов, синонимов и антонимов позволили охватить широкие лексические взаимосвязи и определить специфику употребления одних и тех же понятий в источниках официального и личного происхождения. Некоторые результаты обработки данных были объединены в следующие рабочие таблицы:

Понятие	Название док-та, год	Антонимы	Синонимы	Определения	Контекст

Особым направлением в работе стал сравнительный анализ смыслового содержания исследуемых понятий в русском языке и их аналогов в немецком и французском языках. В рамках подготовки данной монографии эвристический потенциал этого метода еще далеко не исчерпан, поскольку предприняты лишь первые попытки лингвистических сопоставлений, в частности *Bürger, Stadtbürger, Staatsbürger, Staatsangehörige, Untertan, citoyen, bourgeois, habitant d'une cité* и т. п.

Наконец, в работе некоторые общие принципы использования методов немецкой классической *Begriffsgeschichte* были отчасти скорректированы применительно к источникам по русской истории XVIII века и целям исследования. Речь идет о том, что научная задача не ограничивалась лишь воспроизведением смыслового содержания тех или иных терминов и составлением так называемого развернутого «понятийного словаря». *Begriffsgeschichte* в подобном ракурсе выступала прежде всего как инструмент изучения источника, облегчающий путь от понимания текста к пониманию внетекстовой действительности. Установка на создание социального

данных удалось принципиально расширить за счет опубликованных на сайте ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН и т. д. мемуаров, произведений художественной литературы и публицистики XVIII века.

портрета среды, в которой был адаптирован тот или иной термин, обусловила исследовательский интерес не только к истории идей, политическому и философскому языку эпохи, но и к сфере повседневности, менталитету, социальной психологии, стереотипам и архетипам массового сознания, что и отличает данную работу от приоритетов Geschichtliche Grundbegriffe. Объект истории понятий нельзя ограничить лишь социальной терминологией: представляется, что Begriffsgeschichte также затрагивает эмоциональную сферу сознания и воздействующие на нее явления в обществе, что непосредственно связано с областью «политической антропологии». Соответственно, контент-анализ и методы семиотики не позволяют охватить все богатство содержания изучаемых документов, поэтому нельзя ограничиваться лишь данным методом при воссоздании сложнейших идеологических и социально-психологических явлений. Этот факт определил способ изложения материала: в работе приводятся и результаты структурного анализа текста, и фрагменты исторических документов, представленные в виде цитат, и отдельные словосочетания, воспроизводящие лексику XVIII столетия.

Таким образом, использование методов «понятийной истории», прежде всего в качестве приема работы с текстом документа, анализ всех уровней общественного сознания, отношение к смыслу термина как к источнику не только по интеллектуальной истории, но и по истории повседневности — все эти методологические подходы отразились и на жанре издания, представляющего ряд очерков. Возможность спонтанно следовать за материалом дает объемный, взятый в разных ракурсах взгляд на проблему, несет эвристический заряд пересекающихся смыслов, а порой преподносит парадоксальные результаты, которые никак нельзя было заранее спрогнозировать.

Исходя из сказанного, можно более конкретно сформулировать цели работы:

— выявить все многообразие и противоречивость содержания понятий *закон, подданный, гражданин* и т. д. и проследить эволюцию их смыслов на материале русских и зарубежных источников, как опубликованных, так и извлеченных из архивов;

— привлечь для исследования методы истории повседневности и истории казуса, проанализировав, каким образом представления о тех или иных понятиях влияли на поведенческие модели и реальную жизненную практику;
— на основе полученных данных рассмотреть в сравнительной перспективе ряд проблем, встающих при изучении духовного и социального развития русского общества второй половины XVIII века, в частности:

- *Закон Божий* и *закон государственный* — как влияли религиозные переживания монарха и его сакрализированный образ на законодательство;
- *наказание покаянием* — использование властью церковных практик для усиления социального контроля над обществом;
- *непременные фундаментальные законы* — ограничение *монаршей воли* или, напротив, основа незыблемой власти суверена;
- связь *непременных фундаментальных законов* с *самовластием*, *самодержавием*, *фаворитизмом*;
- *законодатели* и *законоискусники* в правление Екатерины II;
- *закон* и *милосердие* — в чем видели защиту подданные империи;
- *раб Божий* и *раб государев* — возвеличивание престола или уничижение подданных;
- *холоп* — определение *знатности* или *подлости*;
- *раб*, *холоп*, *Knecht*;
- привилегии *новых подданных* и бесправие *древних подданных*;
- каким образом исконные народы империи превратились в *иноземцев*;
- *гражданин* «Наказа» и *сограждане* журналов Новикова: *гражданин* — это право или добродетель;
- *Bürger*, *Stadtbürger*, *citizen*, *citoyen*, *cittadino*, *ciudades* — сравнительный аспект исследования;
- *просвещенный монарх* — репрезентация власти или идеал фрондирующей аристократии;
- *добродетели просвещенной* личности и т. д.

Применительно к России рассматриваемого периода данная проблематика приобретает особую остроту. Необходимость решения

стоящих перед страной серьезных геополитических задач обусловила доминирующую роль государства во всех сферах жизни общества и установление самодержавной власти. В результате традиционной для России высшей политической воли возникла могучая держава, созданная непомерным трудом крестьянства и государственной доблестью единственного привилегированного сословия — дворянства, воспринявшего европейский образ жизни и ценности эпохи Просвещения.

Предпринятый Россией прорыв, сопровождающийся как стремительной европеизацией, так и неизбежным ужесточением крепостничества, а также расширением сферы его действия, привел к усилению социальной напряженности. Внутренние проблемы усугублялись включением в состав Российской державы народов, различающихся по социально-экономическому уровню, этноконфессиональной принадлежности и историческому опыту. В этих обстоятельствах происходит усложнение взаимоотношений власти и общества, активизируются контакты внутри социальных групп, и прежде всего дворянства, растет ответственность за судьбы государства. Данные процессы находят свое отражение в языке эпохи и, в частности, в усложнении смысла понятий *закон, подданный, гражданин, просвещенный монарх, просвещенное сословие*, которые все чаще появляются в политической лексике исследуемого периода, однако пока не стали объектами целенаправленного монографического изучения.

Задача всестороннего анализа этих понятий не менее актуальна и для концептуального исследования социальной истории высшего сословия. В тактике власти по отношению к господствующему классу происходило смещение центра тяжести от непосредственного принуждения к более тонкому и сложному воздействию на мотивацию *благородных подданных* и *просвещенных граждан* через *непременные фундаментальные законы*. Об этом, в частности, свидетельствует издание Манифеста о вольности дворянства 1762 года и Жалованной грамоты дворянству 1785 года, а также восстановление легитимной силы этих документов в начале XIX века после отмены их действия при кратком правлении Павла I. Рассматриваемый период был чрезвычайно важным в истории русского дворянства. Он начался с освобождения привилегированного сословия

от обязательной службы и завершился восстанием декабристов на Сенатской площади. Именно эти четыре-пять поколений русской элиты и заложили традицию представлений о *правовом просвещенном обществе* в России. При этом следует отметить, что власть и просвещенный дворянин часто имели разные представления о сущности понятия *закон, гражданин, просвещенный монарх, просвещенное сословие.*

Работа выходит на несколько сквозных тем. В центре внимания оказались приоритеты государственной доктрины, степень эффективности ее влияния на сознание подданных и механизмы ее реализации. Воплощение в жизнь иногда приводило к непредсказуемым для власти последствиям, или же выбранные механизмы реализации давали сбой под воздействием стереотипов массового сознания, формирующихся фрондерских настроений и в целом сложнейшего переплетения обстоятельств социально-экономического и политического развития России в XVIII веке.

ГЛАВА I

ЗАКОН БОЖИЙ И ЗАКОН ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

МОРАТОРИЙ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ

Понятие «закон»

Понятие *закон* в русском языке XVIII столетия было многозначно и имело отношение к социальной, религиозной, духовной сферам жизни современников. Утро каждого дня человек обязан был начинать с молитвы и следовать Закону Божьему, охраняющему нравственные устои общества. Подданные неукоснительно подчинялись предписаниям верховной власти или *государственным законам.* В век Просвещения нельзя было отрицать и действие *закона естественного,* о котором, в частности, писал А. Н. Радищев: «Человек, происходя на свет, есть равен во всем другому. Немощен, наг, алчущ, жаждущ... первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде. <...> Се основание закона естественного»[1]. На основании словаря русского языка XVIII века можно выделить целый ряд определений слова *закон,* демонстрирующих богатейшее смысловое наполнение этого понятия. В рассматриваемый период различали *гражданский, криминальный, всемирный, откровенный, обычный закон; закон христианский, магометанский, еврейский, идолопоклонннческий; закон чести, закон Моисеев, закон движения, закон математический*

[1] *Радищев А. Н.* Опыт о законодавстве // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 10. Ср.: «Самыми первыми святейшими законами... представляются те, которыми защищаются наше здравие и жизнь» (*Десницкий С. Е.* Слово о причинах смертных казней по делам криминальным, говоренное Семеном Десницким апр. 22 дня, 1770 г. [М., 1770]).

и т. д.[2] В «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения» четко выделялось девять «родов законов»: право Божественное, право церковное, право естественное, право народное, право государственное общее, право государственное особенное, право завоевания, право гражданское и, наконец, право домашнее[3].

Для понимания внутреннего мира человека XVIII столетия особое внимание следует обратить на соотнесение в мышлении личности *закона государственного* и *Божественного*. В «Генеральном плане Московского Воспитательного дома» так и провозглашалось — «человек живет по законам государственным и Божественным»[4]. *Государственные законы* иногда также определялись как *светские* или *гражданские*: «...гражданские законы в сохранении доброго порядка имеют сношение и сопряжение с духовными, сии последние от светских законов занимают помощь и подкрепляются оными»[5]. В законодательных актах апелляция к догматам Нового и Ветхого Заветов встречается довольно часто. Достаточно упомянуть, что даже «Наказ Уложенной комиссии» начинается не с двух своих главных тезисов, провозглашающих Россию европейской державой с единственно приемлемой для нее самодержавной формой правления, а со смиренного обращения к всевышнему: «Господи Боже мой, вонми ми, и вразуми мя, да сотворю суд людям твоим по закону святому твоему судити в правду»[6]. В уже цитированном «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения» было сказано: «Мы ведаем повеленное человекам законом Божиим: законы гражданские должны в обществе подкреплять законы Божии»[7]. Однако содержание исходящих от престола указов свидетельствует, что здравый смысл и приземленные реалии законов человеческих заставляли власть, напротив, прагматично использовать авторитет веры для усиления идеологической составляющей своих указов.

---

[2] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб., 1992. С. 244–251.

[3] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

[4] Там же. № 12957. С. 311, 317. 1767. 11 августа.

[5] Там же. № 13095. С. 505. 1768. 8 апреля.

[6] Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 6–7.

[7] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

Государственный закон, возвышенный и подтвержденный Законом Божьим, приобретал особую силу воздействия на сознание подданных. Кроме того, христианские догматы в правовых актах использовались как мощное дисциплинирующее орудие и в то же время средство для смягчения нравов. Не случайно «Устав благочиния или полицейский» начинался с изложения «правил добронравия», сформулированных в прямом соответствии с заповедями Нагорной проповеди: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее»[8]. Однако, несмотря на провозглашенный в «Присяге депутатам, вступающим в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения» тезис о том, что «правосудие истекает из правил богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие»[9], Екатерина предостерегала от смешения «оснований, долженствующих управлять людьми»[10] и отождествления социального контроля власти с требованиями христианской морали. Действительно, анализ частной переписки, воспоминаний и публицистики обнаружил довольно слабую корреляцию между религиозной верой и правовым сознанием на уровне повседневной практики.

Иная ситуация складывалась в пограничной зоне особого социального напряжения, связанной с тяжкими преступлениями. И уж совершенно особое звучание данная проблема приняла к середине XVIII столетия, когда практически было отменено «наказание смертью».

«Молитва императрицы»

Каждому знакомо свидетельство князя Щербатова о том, что, вступая на престол, дочь Петра пообещала отказаться от применения смертной казни: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствова-

[8] ПСЗ. Т. XXI. № 15379. С. 464–465. 1782. 8 апреля.

[9] ПСЗ. Т. XVIII. № 12945. С. 181. 1767. 24 июля.

[10] Там же. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

ние свое повелением ее никто смертной казни предан не будет»[11]. Специалисты нередко выражают скептические мнения по поводу правдоподобности столь классически[12] срежессированной сцены. Однако французский посланник маркиз де ла Шетарди, сыгравший ключевую роль в событиях 5 декабря 1741 года, уже на следующий день после удачного переворота доносил в Париж об обстоятельствах смены власти в России: «5 декабря четыре тысячи гвардейцев получили вдруг приказание выступить к Выборгу в 24 часа. <...> Партия Елизаветы считала [это] намерением удалить гвардейцев, которых приверженность к принцессе была известна. Сторонники [принцессы] убедили ее решиться исполнить свое намерение. В ту же ночь с 5 на 6 число она сначала помолилась Богу, надела кирасу на свое обыкновенное платье, села в сани и прямо отправилась в казармы». Более того, Шетарди упоминает имена трех свидетелей молитвы будущей императрицы: камер-юнкера М. И. Воронцова, хирурга Иоганна Лестока и Якоба Шварца, «который в прежнее время служил музыкантом, пользовался небольшим пенсионом от Императорской Академии наук и при том имел свободный доступ ко двору принцессы, которая от времени до времени выдавала ему значительные пособия»[13].

Достоверность этого рассказа Шетарди подтверждается в записках находящегося на русской службе прусского генерал-майора Кристофа Манштейна, а также в депеше голландского резидента в Петербурге Марселиса де Шварта[14]. Более того, знаменитый исто-

[11] «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 55.

[12] Упоминание подобной постановочной мизансцены уже встречалось в источниках. 1 сентября 1598 года, приняв от патриарха царский венец, избранный царь Борис Годунов торжественно обещал в течение пяти лет никого не казнить смертью (*Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце: Берова летопись московская. СПб., 1831. С. 11–12).

[13] *Пекарский П. П.* Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов. СПб., 1862. С. 398–400. Хроника этих событий изложена в обстоятельном исследовании И. В. Курукина (см.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 326–343).

[14] См.: *Манштейн К. Г.* Записки о России: 1727–1744. СПб., 1875. С. 250; *Пекарский П. П.* Маркиз де ля Шетарди в России. С. 425–426. В 1754 году французская «Утрехтская газета» (Gazette d'Utrecht) подтвердила факт своеобразного моратория на смертную казнь в России, который был введен только в резуль-

рик и филолог XIX века П. П. Пекарский в своих исследованиях сообщает, что ему удалось купить в Москве по случаю некую рукопись XVIII столетия, по всей видимости плохой перевод иностранной реляции, в которой сообщались весьма любопытные факты. 18 декабря 1741 года, в день рождения только что взошедшей на престол императрицы Елизаветы Петровны, русский резидент при английском дворе по просьбе собравшихся пересказывал письмо от приятеля из Петербурга. Оказывалось, что действительно Анна Леопольдовна решила отправить в поход ненадежные гвардейские полки. Вечером 5 декабря делегация из девяти гренадеров отправилась к великой княгине Елизавете Петровне и обратилась к ней со словами мольбы: «Всемилостивейшая государыня! изволишь видеть сама неблагополучие над собою и всей России: нас заутро высылают в поход, помилуй, не оставь нас в сиротстве, но защити материнским своим соизволением оного намерения!» Со слов резидента, оказавшегося в центре внимания при английском дворе, будущая императрица прослезилась, попросила всех выйти в соседнее помещение, «а сама, наклоня голову к земле перед образом Спасителя, мол[илась] в тайности сердца своего». Затем Елизавета Петровна появилась с крестом перед ожидающими ее верными подданными и потребовала присяги на верность[15].

Молитва императрицы не была сиюминутным эмоциональным порывом, в то же время в ее обете, данном перед иконой Спаса, не лишать жизни ни одного из подданных отсутствовало и какое-либо рациональное начало, связанное с гуманистическими идеями Просвещения. Импульсивные действия российской монархини в ночь перед переворотом мотивировались прежде всего глубоким религиозным чувством. Еще Щербатов проницательно замечал: «Хотя не можно сказать, чтобы Елизавета Петровна не имела исполненное человеколюбием сердце, но смертные казни при самом восшествии ее на престол отставлены были не на основании систем человеколюбия, но по единой набожности»[16].

тате «торжественного обета», данного русской императрицей в ночь «чудесной перемены, возведшей ее на престол» (см.: Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 649–650).

[15] *Пекарский П. П.* Маркиз де ля Шетарди в России. С. 431–433.

[16] *Щербатов М. М.* Размышления о смертной казни // Чт. ОИДР. 1860. Кн. 1. С. 66.

Для императрицы образ, открывший ей путь к власти, приобрел высокий сакральный смысл. В сентябре 1742 года секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд доносил Августу III: «В прошедший четверг происходило в первый раз по повелению Ее Величества императрицы по всему государству церковное празднество в честь чудотворной иконы, которую уже император Петр I подымал в дом во время опасных и важных предприятий и которую несли перед императрицей в ту ночь, когда она вывела из казарм гвардейских солдат и потом заняла престол». Елизавета Петровна создала своеобразный культ этой иконы Спаса, передала ее на хранение в Донской монастырь, регулярно ездила в сопровождении двора поклониться образу и приобрела алмаз за 30 тысяч рублей для оклада[17].

Анонимный автор записок под названием «Анекдоты и сборник обычаев и особенностей по части естественной истории, свойственных разным народам России, сочинение путешественника, прожившего в этом государстве 13 лет»[18] сообщает еще об одном торжественном обещании императрицы: «Вступая на престол, она дала обет по исходе каждого часа, днем и ночью, молиться образу Спаса, находившемуся у нее в изголовье кровати. Были особые старухи, которых обязанность состояла в том, чтобы после каждого боя часов будить ее»[19]. Если признать достоверность этого свидетельства, то станет понятно, почему богато украшенный образ вскоре оказался в Донском монастыре. Выдержать такой ритуал было не под силу любому живому организму, а вот запретить смертные казни самодержавной волей монарха в абсолютистской России было вполне реально.

---

[17] Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 442.

[18] П. И. Бартенев опубликовал перевод этих изданных в 1782 году в Лондоне записок и выразил предположение, что их мог написать Иоганн Бенедикт Шерер (1741–1824), одно время находящийся на русской службе в должности члена Юстиц-коллегии по финским, эстским и лифляндским делам. В записках сказано, что они основаны на рассказах фельдмаршала Бурхарда Миниха, графа Иоганна Лестока, князей Никиты Трубецкого и Михаила Щербатова, а также камергера Александра Ржевского (Русский архив. 1877. Кн. III. № 9–12. С. 166).

[19] Там же. С. 391.

«Приговора к смертной казни не исполнять»

7 мая 1744 года появился довольно лаконичный указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение экзекуций по делам колодников, приговоренных к смертной казни, политической смерти, а в отдельных случаях и к вечной ссылке. Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. Решение, само по себе беспрецедентное в истории Российской империи, сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно»[20].

Реакцию на этот указ, как и его последствия, нельзя назвать однозначными. После всей истории предшествующего законодательства можно было ожидать всплеска эмоциональных отзывов, нашедших отражение в дневниках, письмах и, конечно же, панегирической литературе. Действительно, Соборное уложение, а также указы первой трети XVIII столетия предусматривали целый спектр наказаний смертью — отсечение головы, четвертование, колесование, повешение за ребро, «посажение» на кол, «окопание в землю», заливание горла свинцом, сожжение и, как его разновидность, «копчение». При этом могли предать смерти не только за собственную вину, но и по жребию[21]. В 1724 году голштинский дворянин камер-юнкер Фридрих Берхгольц писал в своем дневнике о смертной экзекуции как о достаточно привычном явлении в столице: «Утром в городе была большая казнь: двум делателям фальшивой монеты опять лили в горло свинец и потом навязали их на колеса»[22].

В 1744 году власть пошла не просто на смягчение, а на приостановку смертной казни, однако эта добрая воля новой монархини, резко порывающая с предшествующей традицией и политическим опытом населения, не была преподнесена помпезно и не вызвала

[20] ПСЗ. Т. XII. № 8944. С. 114. 1744. 7 мая.

[21] См., например: ПСЗ. Т. IX. № 7009. С. 876–879. 1736. 9 июля и др.

[22] *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. М., 1860. Ч. 3. С. 10–11.

особого ликования современников. «Оды на отмену смертной казни» не появилось, и лишь спустя два года в связи с днем рождения императрицы М. В. Ломоносов упомянул:

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь[23].

Характерно также, что поначалу ни в законодательстве, ни в одических произведениях, ни в политических памфлетах акт высочайшего милосердия не рассматривался в контексте христианской морали, что безусловно придало бы ему особое звучание. Только за несколько недель до кончины Елизаветы Ломоносов, назвав императрицу «богиней», напишет от ее лица:

Моей державы кротка мочь
Отвергнет смертной казни ночь;
Владеть хочу зефира тише;
Мои все мысли и залог
И воля, данная мне свыше,
В устах прощенье, в сердце Бог[24].

Представляется, что подобное отсутствие резонансных откликов на приостановку смертной казни в первые годы правления Елизаветы было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, не следует преувеличивать жестокость судебной практики при Петре и Анне Иоанновне. Так, по «Воинскому уставу» лишение жизни предпола-

[23] *Ломоносов М. В.* Ода на день рождения Ее Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, Самодержицы Всероссийской, 1746 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 152, 156, 921.

[24] *Ломоносов М. В.* Ода Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елизавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый торжественный праздник Ее Величества восшествия на Всероссийский престол ноября 25 дня 1761 года, в оказание истинной радости и ревностного усердия всенижайше поднесенная от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 745. См. также: *Ломоносов М. В.* Слово благодарственное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елизавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественной инаугурации Санкт-Петербургского Университета говоренное 1760 года // Там же. С. 679, 1117.

галось более чем за 120 деяний, включая испорченную «крестьянскую рухлядь», обнаженную «в сердцах» шпагу и отданный в заклад мундир[25]. Однако в действительности исполнялась лишь незначительная часть устрашающих артикулов, напрямую связанных с самозащитой государства и предполагающих казнь за измену, фальшивомонетничество[26], убийство, поджог, грабеж, посягательство на казну и т. д.[27] Более того, по именному указу 1724 года все преступления вообще разделялись на серьезные, так называемые *государственные*, когда вред наносился «государственным правам», и *партикулярные*, менее опасные, приносящие убыток лишь одному лицу[28]. Вообще обещание смертной казни в известном смысле можно отождествить с напоминанием о *Страшном суде*, расценивая оба грозных предостережения как метафору и оценочную характеристику недопустимости тех или иных поступков[29].

Во-вторых, собственно о моратории и тем более об отмене смертной казни официально не сообщалось. Речь шла лишь о распоряжении направлять в Сенат экстракты всех дел, по которым вынесены были приговоры к смертной казни или политической смерти. Резкого всплеска эмоций указ не мог вызвать еще и потому, что это был не первый прецедент в русском законодательстве. Не далее как в 1726 году Верховный тайный совет потребовал от Сената представлять на рассмотрение сведения об осужденных на казнь

---

[25] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 321, 330, 337, 374 и др. 1716. 10 января.

[26] Причем с 1723 года «поддельщикам денег, которым заливают горло расплавленным металлом» приказано было отсекать головы для скорой смерти (ПСЗ. Т. VII. № 4157. С. 20. 1723. 5 февраля).

[27] См., например: *Загоскин Н. П.* Очерк истории смертной казни в России: Речь, читанная 5 ноября 1891 года в торжественном годичном собрании Императорского Казанского университета // Известия и ученые записки Казанского университета. 1892. № 1. С. 32–75.

[28] Именной указ о различии штрафов и наказаний за государственные и партикулярные преступления (ПСЗ. Т. VII. № 4460. С. 250–251. 1724. 5 февраля).

[29] В. М. Живов справедливо полагает, что в целых категориях дел узаконенная смертная казнь вообще не применялась и означала самую суровую угрозу, но никак не наказание (*Живов В. М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 258. См. также: *Викторский С. К.* История смертной казни в России и современное ее состояние // Ученые записки имп. Московского университета. Отд. юридический. Вып. 41. М., 1912. С. 112).

колодниках[30]. Наконец, власть сама проявляла осторожность и, как следствие, неясность трактовок: с одной стороны, приказывалось «экзекуции не чинить», а с другой — количество смертных приговоров никак не регламентировалось, и они неизменно выносились в соответствии с существующим законодательством. Собственно о провозглашенном моратории вообще мало кто был осведомлен даже в среде высшего сословия. Указ, приостанавливающий смертную казнь и политическую смерть, был составлен собственноручно императрицей в мае 1744 года в качестве заключения по поводу представленного ей доклада Сената на тех же листах. Этот подлинник немедленно скрыли в секретной экспедиции. В публичную экспедицию поступила копия, содержащая лишь высочайшее распоряжение без замедления высылать экстракты дел колодников, приговоренных к высшей мере наказания. Именно этот документ без какого-либо упоминания о существовании спрятанного указа и был разослан в коллегии, канцелярии, губернии и провинции. Подготовку экстрактов для высочайшей конфирмации поручили специально учрежденной при Сенате экспедиции во главе с секретарем Иваном Судаковым. Слушания по приговорам осужденных на смертную казнь и политическую смерть проходили в строжайшей секретности: сенатские протоколисты на эти заседания не допускались, а посвященного Судакова с канцеляристами экспедиции поместили в «особливой от публичных дел палате»[31].

В свою очередь исполнение принятого, но так и не обнародованного моратория требовало постоянного контроля правительства и даже высочайшего вмешательства в самые разнообразные судебные дела. Решение о приостановке смертной казни воспроизводилось с настораживающей регулярностью на протяжении всего царствования Елизаветы Петровны и обрастало все новыми трактовками, пояснениями и толкованиями. Настойчивое повторение одного и того же указа свидетельствовало о больших сложностях, связанных с его реализацией, и о многочисленных фактах нарушения, некоторые из которых дошли до престола и нашли отражение в законодательстве.

[30] ПСЗ. Т. VII. № 4964. С. 700. 1726. 8 октября.

[31] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 99–100.

Так, в 1749 году киевский генерал-губернатор М.И Леонтьев вынужден был донести в Сенат, что вопреки изданному указу в Запорожье повесили двух казаков, участвовавших в грабительстве и разгромивших дом польского еврея-арендатора Шмолла. При этом кошевой атаман Запорожского войска в рапорте сослался на некое, видимо, ему одному известное императорское распоряжение вершить смертную казнь и впредь, поскольку без этого «воровство и прочие шалости искоренить невозможно»[32]. Незадолго до этого сходная бумага пришла из Ревельской губернской канцелярии. Местные ландраты и магистрат просили Сенат не уничтожать их «древние справедливости» и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации ввиду увеличивающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось все труднее[33].

Позиция престола по поводу таких попыток ревизии существующего законодательства оставалась непреклонной: на всей территории империи без исключения «осужденным к смертной казни и политической смерти экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа». Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, места заключения переполнены, а смертные приговоры по-прежнему оставались лишь на бумаге[34]. Власть же продолжала ревностно относиться к принятому закону, действовала на опережение и после присоеди-

[32] ПСЗ. Т. XIII. № 9586. С. 25. 1749. 13 марта. См. об этом также: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XII. Т. 23–24. С. 40.

[33] ПСЗ. Т. XII. № 9312. С. 583–584. 1746. 5 августа.

[34] Менее чем за 10 лет с момента издания указа 1744 года в Сенате скопилось 279 приговоров к смертной казни и еще 3579 дел, связанных с убийствами, воровством и разбоями, были в производстве и ожидали конфирмации императрицы. «Колодники час от часу умножались, чинили[сь] утечки», и караульные не справлялись со своей должностью (ПСЗ. Т. XIII. № 10086. С. 817–819. 1753. 29 марта). Екатерина II также вспоминала о первых месяцах своего правления: «Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было» (Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования // Коваленский М.Н. Хрестоматия по русской истории. М., 1917. Т. 3. С. 200–201. См. об этом: *Анисимов Е.В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004. С. 256).

нения новых земель немедленно направляла туда указы о приостановке или отмене смертной казни[35]. Мораторий относился даже к осужденным по делам Тайной канцелярии и военным преступникам. 31 мая 1744 года Сенат разослал специальные предписания и в ведомство политического сыска, и в полковые лейб-компании и лейб-гвардии[36].

Даже в случае громких преступлений, сведения о которых доходили до императрицы, престол не только требовал скорейшего сыска разбойников, но и предупреждал о неприменении к ним смертной экзекуции. Так, в 1744 году Елизавета Петровна узнала о бандах грабителей, которые бесчинствовали в низовых городах по Оке до Казани, нападали на суда и деревни и даже не пощадили направляющийся в Пекин караван духовной миссии православной церкви. Возглавлял этот караван бывший малороссийский певчий Герасим Кириллович Либратовский, лично знавший всесильного фаворита Алексея Разумовского, имеющий, следовательно, очень неплохие карьерные перспективы и возможность практически «беспосредственного» доступа. Он-то и донес Елизавете о столкновении каравана с воровской компанией. Императрица отчитала бездействующих губернаторов и воевод, приказала немедленно найти и пытать злодеев, однако в специальной «инструкции сыщикам» категорически напомнила: «...натуральной или политической смерти пойманным не чинить, а содержать разбойников под крепким караулом скованны[ми] до распоряжения Правительствующего Сената»[37].

Однако еще больше процессуальных проблем возникло при реализации второй части знаменитой формулировки указа 1744 года «о неисполнении приговоров к смертной казни и политической

---

[35] См. именной указ 1794 года «об истреблении пыток и смертных казней» в Литовских губерниях; именной указ 1801 года об отмене смертной казни в Грузии и т. д. (ПСЗ. Т. XXIII. № 17264. С. 576. 1794. 20 октября; Т. XXV. № 18943. С. 622–623. 1799. 20 апреля; Т. XXVI. № 20007. С. 786. 1801. 12 сентября и др.).

[36] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 18–18об.

[37] ПСЗ. Т. XII. № 9026. С. 216–220. 1744. 7 сентября. См. также: *Софроний (Грибовский).* Уведомление о начале бытия россиян в Педзине и о существовании в оном греко-российской веры // Материалы для истории российской духовной миссии в Пекине / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1905. Вып. 1. С. 23–26.

смерти». И если суть *натуральной смерти* была более или менее ясна и в Петербурге, и в провинциях, то сам термин *политическая смерть* вызвал глубокое недоумение на всех уровнях власти. Елизавета потребовала от Сената вопрос проработать и представить бумагу, где бы перечислялись законы, регламентирующие ритуал политической смерти и четко фиксирующие преступления, за которые полагалось подобного рода наказание. Спустя некоторое время императрица получила ответ: «За какие вины политическая смерть и какая именно положена — точных указов не имеется»[38].

Правда, во избежание монаршего гнева сенаторы все же упомянули некоторые экзекуции, которые, с их точки зрения, можно было подвести под понятие «политическая смерть». Все эти казни объединялись рядом сходных обстоятельств. Во-первых, они приходились на эпоху Петра Великого, с которой, собственно, и начиналась актуально переживаемая история для многих политиков и мыслителей елизаветинского правления. Во-вторых, данные экзекуции включали несколько общих процедур: «сказание смерти», «положению на плаху» и всемилостивейшее избавление от натуральной смерти. Однако перечень этот оказался далеко не полным, содержание дел и приговоров проанализированы не были, и самое главное — выбранные сенаторами примеры казней никогда *политической смертью* не именовались. А между тем обстоятельства подобных экзекуций могли бы пролить свет на историю появления понятия *политическая смерть* в русском языке и правовом сознании XVIII века.

«Положение на плаху»

Хорошо известно, что «начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни»[39]. В октябре 1689 года был приведен в исполнение приговор восставшим против царя стрельцам. Начальнику Стрелецкого приказа Федору Шакловитому, «забывшему страх Божий и государское крестное целование», отрубили голову, а образок

[38] ПСЗ. Т. XIII. № 10087. С. 819–820. 1753. 29 марта.

[39] *Пушкин А. С.* Стансы.

Николая Чудотворца в серебряном окладе, бывший у него во время казни, передали под расписку священнику Иродиону церкви Вознесения Господня и Трех Святителей стрелецкой слободы Троице-Сергиева монастыря. Сообщников «вора и изменника» Шакловитого Семена Рязанова, Дементия Лаврентьева и Ивана Муромцева также решено было жестоко наказать: «...положить их на плаху и, подняв, сказать им, что великие государи пожаловали их смертью казнить не указали, а указали бить кнутом, урезать языки и сослать их в ссылку в сибирские города на вечное житье». Милосердие царя мотивировалось без лишнего пафоса — «для своего государского многолетнего здравия»[40].

Однако на этом придворные треволнения не закончились. Буквально через несколько недель последовали новые казни. В данном случае не обошлось без ворожбы. Пожилой боярин Андрей Ильич Безобразов, назначенный воеводой на Терек, вынужден был подчиниться высочайшей воле и, покинув Москву, отправиться в далекое и трудное путешествие. Однако во время вынужденной остановки в Нижнем его посетила спасительная идея — снискать милостивое расположение государя и получить разрешение на возвращение в столицу путем... чародейства. Сказано — сделано: тут же отыскали волхва Дорошку, который слыл еще и коновалом, приставили к нему человека Безобразова Ивана Щербачева и снарядили в Москву. Когда Петр направлялся из Савинского похода в село Хорошево, Щербачев указал колдуну на царя, и тот принялся «напускать заговорные слова дьявольски по ветру», чтобы государь был добр к воеводе Безобразову. Для пущей верности одновременно ворожили в Нижнем на костях и воде, а также прибегала к своим, ей одной ведомым заклинаниям татарка в Касимове. Однако чары на Петра не подействовали, а, напротив, спровоцировали доносы и самое пристрастное расследование. Воеводе Безобразову по приговору отрубили голову, коновала Дорошку сожгли в срубе на болоте, и лишь Иван Щербачев остался жив. Ко дню казни, назначенной на 8 января 1690 года, был уже готов сценарий: перед осужденным зачитывался указ, начинающийся так: «Вора Ан-

[40] См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 265–270, 421–424; СПб., 1893. Т. 4. Стб. 565–570; ПСЗ. Т. III. № 1349. С. 33–36. 1689. 11 октября.

дрюшки Безобразова человек Ивашка Щербачев!» Затем следовали обвинения и приговор — «казнить тебя смертью — отсечь голову». Далее как и в любом театрализованном действии шла ремарка «(положить на плаху, а сняв с плахи, сказать): Ивашка Щербачев! Великие государи смертью казнить тебя не указали, а указали тебе чинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать тебя в ссылку в Сибирь»[41]. В данном случае счастливейшее избавление Щербачева преподносилось не как великая государева милость, а как неотвратимое и страшное наказание, мало отличающееся от натуральной смерти[42].

Через два года сходной экзекуции будет подвержен некто расстрига Ивашка, известный более под именем старца Иосифа. Человек этот был какой-то смутный, и история, связанная с его именем, на первый взгляд не совсем понятна. Происходил он из так называемых романовских или костромских татар, отец его был Богдан Ахметов. Ивашка рано покинул родной дом, крестился, жил отшельником в им же построенной при большой костромской дороге часовне, потом постригся под именем Иосифа и много лет скитался по разным монастырям. Как-то раз на пути из Сийской обители, что под Архангельском, у города Еренска повстречался старцу человек, который якобы свел его с опальным фаворитом поверженной царевны Софьи Василием Голицыным. Голицын просил старца идти в Москву к его более удачливому двоюродному брату Борису Голицыну, приближенному Петра, и сказать буквально следующее: «Не допусти казни кузена, борись за его жизнь по крайней мере год — не долог век царя, тот же год ему и остался».

---

[41] См.: ПСЗ. Т. III. № 1349. С. 33–36. 1689. 11 октября; Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1885. Т. 1. Стб. 265–270, 421–424; СПб., 1893. Т. 4. Стб. 565–570.

[42] Может быть, именно поэтому современники оставили без внимания факты замены «смертной казни» ее имитацией. И. А. Желябужский записал в своем дневнике под 1689 годом: «В том же году пытан и казнен вор, бывший окольничий Федька Шакловитый. А ведомый же вор Сенька Рязанов бит кнутом, и отрезан ему язык, и сослан в ссылку» (*Желябужский И. А.* Записки с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840. С. 22–23). Исследователи также не придали особого значения практике подобной экзекуции, которая несколько потеснила смертную казнь. См., например: *Белов Е. А.* Московские смуты в конце XVII века: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках // СПб., 1887. Отд. отт. из Журнала Министерства Народного Просвещения.

Именно с этой вестью в одеянии чернеца с неизвестными травами в котомке и явился старец Иосиф глухой январской ночью в дом князя Бориса Голицына. Свой фавор князь терять не собирался и от греха подальше отправил старца-провокатора прямиком в Розыскной приказ. Пытки, очные ставки и даже специальная комиссия в Еренск, где содержался Василий Голицын, сделали свое дело — выяснилось, что расстрига Ивашка, он же старец Иосиф, просто оговорил Голицына, поскольку в свое время «князь сослал его за то, что у него дело было в Поместном приказе, как он, старец, был в Дорофееве пустыне». Неизвестные же травы в котомке оказались не зельем, а всего лишь лекарством от грыжи. Подобная неуклюжая месть, задействовавшая ни много ни мало «слово и дело», закончилась обычным приговором — «казнить смертью», правда в особой интерпретации: «...положить на плаху и, сняв, сказать "Ивашка-расстрига! Великие государи положили на милость — смертью тебя казнить не велели, а указали бить кнутом нещадно и сослать в Сийский монастырь"»[43].

В 1700 году на эшафоте оказались вымогатели из города Веневы, находящегося недалеко от Тулы. Земский староста с сообщниками вздумал торговать должностями: выборных таможенных и кабацких старост, с которых поиметь ничего не удалось, от сборов удалили, а на их место поставили более сговорчивых за 120 рублей. В результате не поздоровилось никому — «и тем, кто деньги взяли, и тем, кто деньги дали, велено [было] сказать смерть, положить на плаху и, с плахи подняв, бить кнутом и сослать в Азов с женами и с детьми на вечное житье». Казнь эта была устрашающей, поскольку впредь за «воровство и хитрость в сборах» полагалась натуральная смертная экзекуция[44]. Не прошло и двух лет, как последовало новое распоряжение: сняв с попа Петра Никитина священнический чин, «сказать ему смерть» за «научение» духовного сына лжесвидетельству, затем бить кнутом и отправить опять-таки в Азов на

[43] См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1071–1444; ПСЗ. Т. III. № 1395. С. 89–91. 1691. 7 марта; *Воскобойникова Н. П.* Челобитные Василия Васильевича и Алексея Васильевича Голицына из ссылки (1689–1714) // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: материалы Голицынских чтений. 23–24 января 1999 г. Большие Вязёмы, 1999. С. 7–13.

[44] ПСЗ. Т. III. № 1722. С. 671. 1699. 24 ноября; Т. IV. № 1819. С. 90–91. 1700. 22 декабря.

каторгу. Публичное наказание святого отца носило также назидательный характер, поскольку, согласно указу, отныне всех, кто еще рискнет давать неверные показания в суде, ожидал эшафот «безо всякого милосердия и пощады»[45].

Между тем все перечисленные экзекуции именовались как угодно — *наказанием*, *казнью*, *положением на плаху*, но никак не *политической смертью*. По всей видимости, впервые это понятие появляется в русской правовой терминологии, явно не без западноевропейского лингвистического влияния, в громком деле знаменитого толмача Петра I, крупнейшего дипломата и вице-канцлера П. П. Шафирова. Само выражение *политическая смерть* начинает мелькать в официальных документах уже за несколько месяцев до дела Шафирова. Так, например, дворянству запрещено было укрываться от службы под страхом «натуральной или политической смерти»[46]. Однако именно инсценированная казнь вице-канцлера стала первым громким наказанием, названным *политической смертью*.

От «казуса Шафирова» к «казусу Остермана»

Шафиров обвинялся в «упрямстве, учиненном против указов» на заседании Сената 31 октября 1722 года, когда рассматривался вопрос о почтах, находившихся под его управлением более 20 лет. По регламенту вице-канцлер как заинтересованное лицо должен был покинуть обсуждение, о чем ему и заявил обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев, потрясая доской с наклеенным на нее текстом соответствующего указа. Вспыльчивый барон, будучи сенатором, подчиняться не стал и остался на заседании, обругав Скорнякова, приспешника своего давнего противника А. Д. Меншикова, «вором». Всемогущий временщик не остался в долгу, сцепился с Шафи-

[45] ПСЗ. Т. IV. № 1893. С. 185. 1702. 17 января.

[46] «[Герольдмейстер] же повинен смотреть, дабы под именем малых дел [дворяне] по городам не укрывались, не маня никому, под штрафом натуральной или политической смерти» (ПСЗ. Т. VI. № 3896. С. 497–499. 1722. 5 февраля).

ровым, а потом, сопровождаемый Г. И. Головкиным и Я. В. Брюсом, покинул собрание. Оставшиеся в компании барона Д. М. Голицын, Г. Ф. Долгорукий и А. А. Матвеев готовы были продолжать слушания, но тут топнул ногой оскорбленный обер-прокурор и заседание Сената закрылось. На беду, генерал-прокурор П. И. Ягужинский отсутствовал по делам государственной важности, а сам Петр был в тяжелейшем Персидском походе. Разумеется, до императора дошли известия о скандалах и потасовках среди сенаторов, оказавшихся вне непосредственного контроля со стороны главных персон. Петра, вероятно, особенно возмутило игнорирование государственных указов, опасное «сенатское несогласие», а также осквернение «чести судебного места надменной бранью».

Сентенция по делу столь крупной политической фигуры была показательной, поэтому без тщательно продуманной театрализации здесь не обошлось. Шафирова торжественно лишили голубой ленты и шпаги и приговорили к отсечению головы, припомнив и выданное сверх нормы жалованье брату Михаилу, и растрату казенных денег во время поездки во Францию, и, как водится, «еврейскую природу»[47]. Казнь была назначена на 15 февраля 1723 года в Кремле, где напротив сенатской канцелярии специально установили эшафот[48]. Находившийся тогда в Москве голштинский дворянин Фридрих Берхгольц записал: «Около 7-ми часов утра поехал я в Кремль. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа. Когда виновного на простых санях привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления. После того с него сняли парик и старую шубу и возвели на возвышенный эшафот, где он стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе, — и тут Макаров от имени импе-

[47] Кроме того, за Шафировым признавались и другие корыстные проступки, в частности: самовольное повышение почтовых такс; ловкое присвоение себе драгоценностей свояка А. М. Гагарина; обман полковника Воронцовского, у которого барон под видом займа взял в заклад деревню, а «денег не дал ничего» (см. об этом: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. Т. 17–18. С. 456–466).

[48] РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 271 (см. также: Л. 263–266, 267–270об).

ратора объявил, что преступнику во уважение его заслуг даруется жизнь»[49].

Смерть прошла совсем рядом с Шафировым, по всей видимости навсегда опалив его сердце. Оглушенный, со слезами на глазах, он с трудом сошел с эшафота, не обращая внимания на поздравительные возгласы, и, лишь когда ему пустили кровь, промолвил, что лучше уж вскрыть вены, чтобы разом покончить с мучениями. Столь мрачная эквилибристика жизнью и смертью одного из первых лиц в империи потрясла и всех присутствующих — кто-то сожалел об этом, как искренне замечает Берхгольц, «очень честном человеке», кто-то тянул к нему руки с поздравлениями, кто-то строил догадки по поводу наказаний других участников скандала в Сенате. Государь же был очень мрачен, никого не принимал, скрылся в одной из комнат и даже обедал один[50].

Итак, обряд положения Шафирова на плаху практически впервые в русском законодательстве был назван *политической смертью*. С тех пор подобные экзекуции, практиковавшиеся в судопроизводстве и ранее, ретроспективно получили конкретное терминологическое оформление. Одновременно уточнение определений породило новую форму наказания: публичное переживание заведомой инсценировки смертной казни. Однако мучительное ожидание неизбежного конца, страшные мгновения на эшафоте и ошеломляющее помилование психологически принципиально отличались от символичного театрального действия *политической смерти*, в которое были вовлечены и палач, и преступник.

«Казус Шафирова» дал импульс появлению целого ряда законодательных актов, направленных на повышение авторитета государственных указов в сознании подданных и ужесточение наказания за бесчинства в присутствиях. Прошло несколько месяцев с момента политической смерти Шафирова, а случай с «упрямством» барона нет-нет да и всплывал в текстах именных резолюций. В октябре 1723 года было строжайше запрещено «браниться, здорить, кричать» и уж тем более драться в казенных местах. И если за сло-

[49] См.: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28.

[50] Там же. С. 28–29; *Бердников Л. И.* Евреи государства Российского (XV — начало XX в.): Литературные портреты. М., 2009. С. 82–84.

весную невоздержанность полагались штрафы и конфискация имущества, то рукоприкладство каралось *политической смертью*. То ли призывы Петра к благочинию не возымели действия, то ли император резонно полагал, что нравы не улучшаются одним росчерком пера, но в начале 1724 года именной указ «о наказании за бесчинство» был повторен с расширенным толкованием. Власть неукоснительно требовала пристойного поведения в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судных местах, апеллируя к образу Высшего Судьи и называя любой суд *Судом Божьим*. И, наконец, буквально на следующий день последовал еще один устрашающий указ «о важности государственных уставов», чтобы неведением, «как в деле Шафирова», никто не отговаривался[51]. Приблизительно в это же время *политической смертью* пригрозили ловким приказчикам в случае, если они посмеют утаивать крепостные души без ведома помещика[52].

После кончины Петра и известного перераспределения политического влияния при дворе был издан уже упоминавшийся указ «О внесении в Верховный тайный совет экстрактов из дел уголовных для доклада Ее Величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти»[53]. При всех изменениях в структуре государственного управления этот документ сохранял свою актуальность на протяжении краткого царствования Петра II и всего правления Анны Иоанновны. Указ, с одной стороны, ставил под более жесткий контроль принимаемые на местах резолюции по уголовным преступлениям, а с другой — еще раз напоминал всем подданным, что высший суд остается исключительной прерогативой венценосной особы. В то же время сама ситуация разрешения участи колодников у подножия престола в целом способствовала сокращению числа «смертных сентенций». Сравнение «мнений» полицмейстерских контор и канцелярий и окончательных приговоров показывает явную гуманизацию выносимых вердиктов по мере их продвижения к вершинам власти.

---

[51] ПСЗ. Т. VII. № 4337. С. 142–143. 1723. 24 октября; № 4431. С. 214–215. 1724. 21 января; № 4436. С. 216. 1724. 22 января.

[52] Там же. № 4343. С. 146. 1723. 5 ноября.

[53] Там же. № 4964. С. 700. 1726. 8 октября.

Так, граф Б.-Х. Миних, возглавивший в 1732 году ко всем своим регалиям и должностям еще и Петербургскую полицмейстерскую канцелярию, лично рассматривал дело ямщика Никиты Гайгарова, присланное из ямской конторы Московской ямской слободы. Этот Никита Гайгаров, бесчинствовавший на дорогах от Петербурга к Красному кабаку и Екатерингофу, «с огня и с розысков» повинился в одном убийстве, двух разбоях и четырех грабежах. Полицмейстерская канцелярия требовала смертную казнь через повешение за ребро, Правительствующий сенат по доношению Миниха ограничился «более легкой смертью» и воздаянием за душу погибшего: «... повесить в том месте, где он смертное убийство совершил»[54]. А вот в случае с посадским человеком Кондратием Пикиным казнь вообще была заменена ссылкой в Рогервик. Сведения, поступившие в полицмейстерскую канцелярию от генерал-инспектора Карла Гохмута, обнаруживали, что этот Пикин, будучи в услужении у самого Ягужинского, украл из казенной палаты деньги, а из гостиного двора детские вещи, серебряное кружево и занавески. Отсутствие обвинений в убийствах и разбоях показалось неубедительным, и канцелярия настаивала на смертной экзекуции. Миних же решил ограничиться наказанием кнутом, вырезанием ноздрей и каторгой[55].

Однако, несмотря на издание в 1726 году указа о запрещении вершить не только смертную казнь, но и политическую смерть без ведома высших государственных органов и доклада императрице, на протяжении всех последующих лет приговоры к *политической смерти* не выносились. Более того, сам этот термин практически исчез из законодательных документов. При этом симптоматично, что *положение на плаху* как форма помилования сохранялось в практике уголовных наказаний, однако *политической смертью* данная экзекуция не именовалась. Так, в 1739 году Сенат постановил: крестьянину Семену Степанову за растление малолетней девки Улиты, дочери солдата Ямбургского полка Луки Зуева, «сказав смерть, положить на плаху и, подняв с плахи, бить кнутом, и, вырезав ноздри, сослать в Оренбург на вечную работу»[56].

[54] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 781. Л. 324–234об, 325–328, 330.

[55] Там же. Л. 318–320.

[56] ПСЗ. Т. X. № 7882. С. 881. 1739. 24 августа.

Может быть, именно поэтому в самом начале правления Елизаветы Петровны дарование жизни под занесенным топором генерал-адмиралу и первому кабинет-министру А. И. Остерману было названо «всемилостивейшим освобождением от смертной казни», а не *политической смертью*. Остерман обвинялся в сокрытии завещания императрицы Екатерины I, по которому власть должна была перейти к Елизавете Петровне, попытке возвести на российский престол сына мекленбургской принцессы Анны, а дочь Петра Великого выдать замуж за «чужеземного убогого принца». Вместе с Остерманом по этому политическому делу проходили еще пять весьма значительных фигур: уже упоминаемый фельдмаршал Б.-Х. Миних, вице-канцлер М. Г. Головкин, обер-гофмаршал Р.-Г. Левенвольд, президент Коммерц-коллегии К.-Л. Менгден и действительный статский советник И. Н. Темирязев. Сентенция, принятая Генеральным судом и Сенатом в полдень 15 января 1742 года, отличалась крайней суровостью: Миних был приговорен к четвертованию, Головкин, Левенвольд, Менгден и Темирязев — к отсечению головы, но самое жестокое наказание ожидало Остермана — его приказано было колесовать и тело на колесо положить[57].

Однако мало кто из государственных персон ожидал высочайшей конфирмации кровавой экзекуции через полтора месяца после клятвы, данной императрицей перед образом Спаса, никогда более не вершить смертной казни. И хотя работа комиссии по делам титулованных преступников держалась в строжайшем секрете и никакого манифеста о приговоре опубликовано не было, вся политическая верхушка, включая посланников, была очень неплохо осведомлена. Спустя несколько часов после окончания следствия секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд уже доносил первому министру Августа III графу Г. Брюлю придворные сплетни, полученные от вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина: «Под величайшею тайною сказал он мне, что приговор оказался ужасным и что великий канцлер и генерал-прокурор[58] требовали, чтобы

[57] См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 7–20об. См. также: ПСЗ. Т. XI. № 8476. С. 342–344. 1741. 28 ноября; Т. XI. № 8506. С. 567–577. 1742. 22 января; Т. XI. № 8775. С. 880–884. 1743. 29 августа.

[58] Речь шла о преисполненных мстительных чувств князе А. М. Черкасском и князе Н. Ю. Трубецком.

граф Остерман был колесован, а фельдмаршал Миних — четвертован. Ее Величество императрица, однако, милосердна»[59]. На следующий день, 16 января, именной указ, направленный в Сенат и Генеральный суд, освобождал преступников и от смертной казни, и от «тяжкого наказания», а также прописывал сценарий положения на плаху Остермана[60]. 17 января в 8 часов утра высочайшее решение было доведено до сведения Сената, тогда же были внесены и незначительные коррективы в процедуру объявления смертного приговора и помилования[61].

Таким образом, исполнение неизвестной большинству жителей столицы сентенции сразу же приобрело оттенок продуманного назидательного представления, адресованного прежде всего простым подданным. 17 января 1742 года в Петербурге на всех улицах раздалась барабанная дробь и «во всенародное известие» объявили о назначенной на завтра публичной казни «злоумышленных врагов целости империи», «чтоб всякого чина люди о сем ведали и для смотрения приходили»[62].

Ранним утром 18 января перед зданием двенадцати коллегий вокруг сооруженного эшафота выстроились солдаты Астраханского полка, сдерживающие многолюдную толпу. Однако зловещие приспособления для наказания несчастного Остермана, приговоренного к колесованию, отсутствовали — на помосте зрители заметили только две плахи и топор. Арестанты давно уже были доставлены из Петропавловской крепости в здание коллегий и дожидались своего выхода. Ровно в 10 часов показалась процессия: давно страдающего подагрой Остермана в парике, черной бархатной фуражке и лисьей шубе везли на крестьянских дровнях, остальные осужденные шли следом. Все шестеро были абсолютно спокойны, а Миних, вырядившийся почему-то в серый кафтан и ярко-красный военный плащ, даже вызывающе оживлен. Он дружески шутил с сопровождавшими его солдатами, убеждал их, что не струсит на эшафоте, как не трусил, когда водил их в атаку при

[59] Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 401–402.

[60] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 5–6.

[61] Там же. Л. 22–23, 26–26об.

[62] Там же. Л. 21.

Ставучанах и Очакове, а караульному унтер-офицеру, расчувствовавшись, подарил кошелек с червонцами на память.

Остермана подняли на помост на носилках, усадили на стул и сорвали бархатную фуражку и парик. Он первым выслушал «объявление о винах и преступлениях», зачитанное секретарем Сената Семеном Орловым в присутствии генерал-лейтенанта и обер-камергера С. Л. Игнатьева и обер-секретаря Сената П. В. Севергина[63]. Приговор к колесованию тут же был заменен на отсечение головы[64]. Графа положили на плаху, расстегнули ворот рубахи, обнажили шею, один из палачей держал голову за волосы, другой вынимал топор. В это же мгновение был зачитан указ о помиловании и ссылке на вечное житье в уже печально известный Березов. После этого бывший первый министр невозмутимо приподнялся[65], застегнул ворот рубахи, попросил вернуть «парик и колпак»[66] и, не проронив более не слова, спокойно наблюдал за процедурой обвинения и затем провозглашения смягченного приговора прочим осужденным[67]. Плаха так и осталась неокровавленной, преступники избежали даже публичного наказания кнутом, спектакль был завершен, а собравшаяся на площади чернь осталась без зрелищ. «Вообще вся эта трагическая история, — в тот же день сообщал

---

[63] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 41об.

[64] Е. В. Анисимов остроумно замечает, что «казнь первого министра правительства Анны Леопольдовны А. И. Остермана была уникальна, так как содержала двойное помилование» (*Анисимов Е. В.* Народу у эшафота // Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University. 1997. С. 61).

[65] Упоминание историка Костомарова о том, что ни о чем не ведавший палач, услышав о помиловании, в сердцах пнул ногой старика, не подтверждается данными присутствовавших на казни очевидцев, в частности Пецольда и английского посланника Э. Финча (*Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. СПб., 1888. Т. 2. Вып. 7. С. 78). См., например: *Kleff B.* Graf Ostermann // Bochum. Ein Heimatbuch. Bochum, 1938. Bd. 4. S. 38–40.

[66] См. замечания Э. Финча: *Пекарский П. П.* Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1868. С. 523.

[67] См. об этом: *Галем Г.* Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. М., 1806. С. 217–219; *Шишкин И. И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // Отечественные записки. 1858. Т. 118. С. 349–351; *Каратыгин П. П.* Семейные отношения графа А. И. Остермана // Исторический вестник. 1884. Сентябрь. Т. XVII. С. 613–615; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М. 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 138–141.

Пецольд своему королю, — прошла без малейшего беспорядка, некоторые из народа, недовольные тем, что никто из осужденных не был казнен смертью, были тот час же приведены к совершенному молчанию»[68]. При этом посланник недоуменно добавлял: «Никто не может с достоверностью сказать, знал ли граф Остерман о том, что он будет помилован или нет»[69]. Между тем сам факт объявления во всенародное известие манифеста «о важнейших винах и преступлениях» осужденных лишь спустя две недели после состоявшего помилования позволяет предположить, что в день казни у здания двенадцати коллегий собралась толпа зрителей и узкий круг посвященных участников театрализации смертной экзекуции[70].

После виртуальной расправы с Остерманом и прочими высокопоставленными «злодеями» термин *политическая смерть* прочно укрепляется в языке законодательных актов и употребляется, как правило, вместе с понятием *смертная казнь*. При этом в ситуации моратория на высшую меру наказания значение политической смерти, а также четкого понимания ее процедуры и обряда особенно возрастало.

Политическая смерть и смертная казнь

Не далее как летом 1743 года вопрос о соотношении этих двух видов столь зловещих приговоров встал уже в дипломатическом контек-

[68] Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 409–410.

[69] Там же. С. 409–410.

[70] Ср.: Манифест о вступлении на престол государыни императрицы Елизаветы Петровны с изъяснением преимущественного права Ее Величества на императорскую корону (ПСЗ. Т. XI. № 8476. С. 542–544. 1741. 28 ноября); манифест об отмене смертной казни приговоренным к оной генеральным судом государственным преступникам Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву (ПСЗ. Т. XI. № 8506. С. 567–577. 1742. 22 января); Указ о рассылке манифеста от 22 января 1742 года о важнейших винах и преступлениях, бывших генерала адмирала Андрея Остермана, фельдмаршала Миниха, вицеканцлера Михаила Головкина... Б. м., 1742. 2 февраля; Манифест о злодейственных умыслах разных преступников противу Ее Императорского Величества и об учиненных им наказаниях (ПСЗ. Т. X. № 8775. С. 880–884. 1743. 29 августа).

сте. Шли последние недели затянувшихся переговоров в ходе реваншистской Русско-шведской войны, так и не позволившей Стокгольму пересмотреть условия Ништадтского мира. Международные амбиции России были уже не столь высокими, а положение императрицы, недавно взошедшей на престол в результате дворцового переворота, не столь прочным, как у ее венценосного отца двадцать лет назад. Любая политическая оплошность могла привести к срыву подписания так называемого «Уверительного акта»[71], поэтому Елизавета Петровна была весьма разгневана, когда получила от главнокомандующего П. П. Ласси донесение о случаях мародерства и даже убийства мирных шведских подданных русскими солдатами. Ситуация усугублялась тем, что, по всей вероятности, пострадали даже не шведы, а финны, которым Елизавета за нейтралитет во время военных действий обещала спокойствие и поддержку в борьбе за суверенное государство. Решение о неприменении смертной казни приходило теперь в противоречие не только с приговором главнокомандующего, но и с дипломатическими расчетами.

Выход был найден в сфере терминологии: в обращении к шведскому канцлеру использовалось туманное понятие *политическая смерть*. Спустя несколько дней императрица писала главнокомандующему: «Господин генерал-фельдмаршал, по сентенции приговорено убийцев и грабителей всех колесовать, а капрала и ефрейтора, которые оных для добычи отпускали, расстрелять... на оное наша резолюция сия есть: хотя они и достойны за свое злодейство по закону Божию и по правам государственным наижесточайшей смертной казни, однако Мы, от милосердия Нашего, смерти предать их не хотим... и о том вы от себя к графу Шленбургу отпишите, что мы таким преступникам никакого упущения чинить не велим, а что их смертью казнить не велели, то объяви, что Мы всякие смертные преступления не натуральною, но политическою смертию наказывать уставили»[72]. Попыталась Елизавета смягчить

[71] См. об этом: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 222–223; *Писаренко К. А.* Абоский мир 1743 года // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 106–113.

[72] *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. СПб., 1902. Т. II. С. 972–973; См. также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262–263об; Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4; Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 651.

оскорбленные чувства не только канцлера Карла Шленбурга (или Гилленборга), но и местных жителей, приказав наказать преступников «там же, где они то злодейство учинили, при шведских депутатах, которым, отыскав, все пограбленное отдать»[73].

Сама сентенция была рассчитана на ее публичный характер и в целом соответствовала приговорам, предусмотренным Соборным уложением: «Настоящим убийцам отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, послать в вечную работу, а капрала и ефрейтора бить кнутом и, вырезав ноздри, тако ж вечно в работу послать в Сибирь, а которые то грабленое принимали, тех шпицрутен гонять и на три года в каторжную работу послать»[74].

Данный указ от 2 августа 1743 года, не вошедший, кстати сказать, в Полное собрание законов, остался бы без особых последствий, если бы не терминологический реверанс в сторону шведского канцлера. Но упоминание о «политической смерти», которая заключается в отсечении правой руки и заменяет собой смертную казнь, породит проблемы в сфере реализации уголовного законодательства в XVIII веке, искажение в наименовании законов во время кодификации и, наконец, ошибочные выводы в историографии, интерпретирующей мораторий на смертную казнь в царствование Елизаветы.

Во-первых, указ, рассчитанный на дипломатический резонанс и связанный с конкретным фактом мародерства на чужой территории во время мирных переговоров, явно приходил в противоречие с общим мораторием и на политическую смерть, и на смертную казнь. Кроме того, форма публичного наказания бесчинствующих солдат русской армии, представленная в данном указе как политическая смерть и сводящаяся к отсечению правой руки, не соответствовала уже существующему обряду «сказания смерти и положения на плаху». Во-вторых, единственный раз, в 1743 году,

---

[73] *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. II. С. 972–973.

[74] Там же; См. об этом также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262–263об; Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4; *Писаренко К. А.* Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XVIII. М., 1991. Вып. 18. С. 33, 45–46.

промелькнувший в законах тезис о замене смертной экзекуции политической смертью перекочевал в указ от 29 марта 1753 года в результате поиска сенаторами всех случаев упоминания данного термина и наконец определил название указа от 30 сентября 1754 года уже в процессе кодификации в XIX веке[75]. В-третьих, исходя из данного ошибочного определения основного смысла указа в ПСЗ, некоторые исследователи делали неправомерный вывод о существовании в годы правления Елизаветы Петровны практики замены смертной казни политической смертью[76].

В действительности же натуральная смерть и инсценировка вынесения смертного приговора расценивались как почти равнозначные высшие меры наказания, на которые и накладывалось запрещение вершить без санкции Сената и высочайшей конфирмации. Более того, смерть и ее публичная имитация настолько тесно сливались в формулировках сентенций, что неизбежно возникал некий терминологический конфликт и потребность в более четких определениях. Проблема дефиниций усугублялась еще и тем, что приговоры к смертной казни и политической смерти должны были оставаться на бумаге. Отчасти поэтому сенаторы избирали путь введения очевидных визуальных отличий помилованных преступников.

Весной 1746 года на имя императрицы поступает доклад за подписью И. Ю. Трубецкого, А. И. Ушакова, А. Б. Куракина, А. И. Румянцева, А. Б. Бутурлина, И. И. Бахметева, П. И. Шувалова и А. Д. Голицына, по которому предлагается «подлежащи[м] к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу "В", а на щеках на одной "О", а на другой "Р"»,

---

[75] Несмотря на то что в указе 30 сентября 1754 года ни слова не говорится о замене смертной казни политической смертью, название этого указа дается в историографии по ПСЗ: «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о заменении смертной казни политическою, с объяснением, что почитать сею казнию и что наказанием» (ср.: Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской: из Правительствующего Сената [30 сент. 1754]. [СПб.] Печатан по определению Правительствующаго Сената при Императорском Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 22 апр. 1776; ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235–236. 1754. 30 сентября).

[76] См., например: Смерть политическая // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXX[A]. С. 523–524; *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 556.

а осужденным на политическую смерть «чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей». После экзекуции все заклейменные преступники в кандалах должны отправляться «в вечную тяжелую и всегдашнюю работу». В данном докладе в общих чертах прописывался и обряд *политической смерти*: «...ежели кто положен будет на плаху или взведен будет на виселицу, а потом объявлена им будет Ее Императорского Величества милость»[77]. Однако статус закона получили лишь некоторые нововведения сенаторов, и то с орфографическими коррективами. 9 июня 1746 года был издан именной указ «О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников словом *вор*, означая на лбу "ВО", на правой щеке "Р", а на левой — "Ъ"»[78]. Речь, разумеется, шла только о несмываемом позоре и бессмысленности любого побега осужденных на смертную казнь. Судьба приговоренных к политической смерти, как и содержание самого понятия, оставалась пока без высочайшей конфирмации. Доклад подносился Елизавете Петровне еще несколько раз, в 1746 и 1750 годах, но лишь в 1753-м получил императорскую резолюцию[79].

В исследовательской литературе высказывается предположение, что самодержица хранила молчание несколько лет, так как терпеливо выжидала, когда несколько смягчится позиция сенаторов, стремящихся «компенсировать "натуральную смерть" увеличением физических мучений»[80]. Однако решение, касающееся страшной отметки «ВОР», было принято незамедлительно. А из текста доклада следует, что, напротив, его авторы предлагали не калечить преступников, как указывалось в распоряжении генералу Ласси периода Русско-шведской войны, а использовать их труд, причем не столько из христианской жалости, сколько из прагматичного расчета. «Сенат приемлет смелость всеподданнейше донесть, что [ежели] отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, ссылать в вечную работу, [то] такие безрукие ни к каким уже работам

[77] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 11–16об.

[78] ПСЗ. Т. XII. № 9293. С. 558. 1746. 9 июня. В 1754 году вернулись к более рациональному варианту «ВОР» без «Ъ» (ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235. 1754. 30 сентября).

[79] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 33–34.

[80] См., например: *Писаренко К. А.* Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. С. 33–50.

действительны быть не могут, но токмо туне получать себе будут пропитание»[81].

Наконец в 1753 году было дано более развернутое толкование *политической смерти*, которое, однако, ограничивалось описанием уже известного ритуала и наказанием, заменяющим вынесенный приговор. «Сенат рассуждает: политическою смертью должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или возведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания, только вечной ссылк[ой]»[82]. Кажущаяся противоречивость данной трактовки заключалась в том, что приговоры к политической смерти оставались без приведения в исполнение, а кнут, вырезание ноздрей и ссылка за «воровство и разбои» применялись повсеместно без каких-либо докладов в Сенат и *политической смертью* не считались. Таким образом, под ту или иную форму высочайшего запрета попадала не только смертная казнь, но и ее инсценировка, практически приравниваемая мораторием к смертной экзекуции по тяжести наказания.

Политическая смерть и шельмование

Руководствуясь современным здравым смыслом, *политическую смерть* логичнее было бы уподобить *шельмованию*[83], однако в русском законодательстве XVIII века эти понятия ни разу не отождествлялись, более того, в указах о шельмовании термин *политическая смерть* вообще не упоминался. Воинский устав, Морской устав, Генеральный регламент и ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с «тяжелым чести нарушением». Позорное клеймо

---

[81] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14–16об.

[82] ПСЗ. Т. XIII. № 10087. С. 819–820. 1753. 29 марта. Доклад Сената был конфирмован императрицей и подтвержден спустя год (ПСЗ. Т. XIV. № 10101. С. 838–839. 1753. 25 мая; № 10306. С. 235–236. 1754. 30 сентября); РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14–16об, 38–40.

[83] Так, например, Е. В. Анисимов полагает, что шельмование как вид наказания было близко к политической смерти, которая, в отличие от натуральной смерти, не была физическим уничтожением преступника, а уничтожала человека как члена общества (*Анисимов Е. В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. С. 246–248).

«ошельмованного» человек получал в результате оскорбительных для личностного и сословного достоинства ситуаций: пытка, телесные наказания, «пребывание в руках палаческих» или просто обнажение в публичном месте; именование «вором» (что значит «шельма»), прибитое на виселице имя; переломленная от палача шпага, пощечина в присутствии свидетелей, испрашивание прощения на коленях и т. п.[84]

В начале XVIII века, когда, собственно, и стали практиковать такое наказание, как *шельмование*, отношение к осужденным, «из числа добрых людей извергнутых», строго регламентировалось. Эти несчастные оказывались как бы вне закона и общества — их не разрешалось «в какое-либо дело, ниже свидетельство принимать», им нельзя было находиться на статской или военной службе, их без всяких последствий можно было ограбить и избить, поскольку они не имели права обращаться в суд с челобитной[85]. Но главное наказание для ошельмованного заключалось, по мысли Петра, в изоляции от людей — под угрозой лишения чинов и ссылки на галеры запрещалось его «посещать и в компании допускать», «ибо, когда увидит, что он со своею братию в равенстве, то скоро забудет все, что ему учинено»[86].

По всей видимости, современники постоянно нарушали столь психологически сложно выполнимое распоряжение, поскольку требование остракизма несколько раз повторялось в петровских указах, сопровождалось весьма эмоциональными толкованиями, но так и осталось благим пожеланием, постепенно вытесненным ограничениями в месте проживания и принесении присяги.

Характерно, что после уже упоминаемой экзекуции Петра Шафирова, побывавшего в «руках палаческих», многие люди у эшафота поздравляли его с неожиданным помилованием. Не менее дружелюбно были настроены гвардейцы по отношению к осужденным

---

[84] См.: ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 382, 410. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3534. С. 158–159. 1720. 28 февраля; Т. XI. № 8056. С. 73–75. 1740. 28 марта; Т. XV. № 11403. С. 884–885. 1762. 11 января; Т. XIX. № 13545. С. 179. 1770. 21 декабря; Т. XXII. № 16566. С. 883. 1787. 27 августа; Т. XXIII. № 16910. С. 171. 1790. 23 октября; и др.

[85] См., например: ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 382, 410. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3534. С. 158–159. 1720. 28 февраля; Т. XV. № 11403. С. 884–885. 1762. 11 января; и др.

[86] ПСЗ. Т. VI. № 3534. С. 158–159. 1720. 28 февраля.

на публичную казнь противникам только что взошедшей на престол Елизаветы Петровны. «Солдаты, сопровождавшие Остермана и Миниха, Головкина и Левенвольде, обращались с ними весьма ласково, называли их "отцами родными" и всячески утешали»[87], — сообщал очевидец событий секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд.

Несмотря на то что Петр в Генеральном регламенте пригрозил галерами за дружбу с ошельмованными, судебные преследования исключительно за эту провинность практически отсутствуют. Обвинения за подобные порочащие контакты встречаются лишь как дополнительные аргументы к многочисленным более тяжким преступлениям осужденных. Так в 1736 году был казнен иркутский вице-губернатор Алексей Жолобов за взятки, которые он, как выяснилось, ухитрялся брать со всех — дворян, посадских людей, казаков, ясачных иноверцев, китайских перебежчиков и даже тунгусских шаманов. Алчность этого чиновника впечатляла: все шло в дело — деньги, серебро, золото, бархат, парча, тюневая китайка, верблюды, лошади и т. д. Неудивительно, что ко всем прочим своеволиям этот зарвавшийся вице-губернатор «имел с подозрительными и шельмованными людьми весьма фамильярные дружеские обхождения», однако на плахе он оказался не за эту провинность[88].

После правления Петра отношение законодательства не только к вступающим в контакт с публично наказанными, но и к самим ошельмованным стало более лояльным, а вернее сказать, прагматичным. В 1740 году разрешено было жить в Петербурге всем битым кнутом, кто имел в столице свой дом, торговые промыслы или просто не проходил по делу Тайной канцелярии, а также бедным солдатским, матросским и «других в службе обретающихся чинов» женам, которых пытали за проступки мужей[89]. В 1761 году помещики получили право ссылать в Нерчинский уезд не только

[87] Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 410.

[88] См.: ПСЗ. Т. IX. № 7009. С. 876–879. 1736. 9 июля. См. об этом также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. X. Т. 19–20. С. 609.

[89] ПСЗ. Т. XI. № 8056. С. 73–75. 1740. 28 марта.

крестьян, которые «воровством, пьянством и прочими непристойными предерзостными поступками разорение приключают», но и наказанных кнутом, если они не старше 45 лет и годны к работе[90]. Иными словами, столица, а впоследствии Москва и губернские города закрывались только для так называемых публично наказанных беспаспортных разбойников и воров, людей подозрительных, праздношатающихся, от которых ничего, кроме злодейства, быть не может[91].

Показательно, что в царствование Екатерины понятие *ошельмованные* в текстах указов полностью вытесняется определением *публично наказанные* с немаловажным добавлением — «по суду». Местом выселения для получивших удары кнутом становятся уездные города, где они зачисляются в рабочие люди[92]. Петровское требование объявления ошельмованных вне закона и их психологической изоляции ни разу не воспроизводится в законодательстве второй половины XVIII столетия.

Постепенно исчезают и случаи ритуального восстановления чести ошельмованных и их возвращения в «компанию человеческую»[93]. По петровскому законодательству прошедшие публичное наказание и каторгу офицеры и солдаты могли получить высочайшее прощение через обряд возложения на них знамени и вручения специального указа, подтверждающего снятие вины. Эти бывшие преступники вновь оказывались среди «добрых людей», и отныне никто, «ни мирской, ни духовный», не имел права напоминать им о прошлом[94].

---

[90] ПСЗ. Т. XV. № 11216. С. 665–666. 1761. 15 марта.

[91] См.: ПСЗ. Т. XI. № 8056. С. 73–75. 1740. 28 марта; Т. XIX. № 13545. С. 179. 1770. 21 декабря.

[92] В 1790 году мещанин Максим Золотарев украл у купца Ивана Дорофеева ассигнации и платье, за что получил 20 ударов кнутом и был выслан из Москвы в Калужскую губернию. Калужское наместничество этого публично наказанного принимать в своих уездных городах не захотело, сославшись на отсутствие «о рабочих людях особого постановления», и предложило отправить вора в Тобольск. Сенат эту идею отверг и распорядился наказанных кнутом содержать под надзором городничего и употреблять в казенных или партикулярных работах (ПСЗ. Т. XXIII. № 16910. С. 171–172. 1790. 23 октября).

[93] *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание.

[94] ПСЗ. Т. VI. № 4083. С. 767–768. 1722. 4 сентября.

Практика данного символического действа, распространившегося также на находящихся на статской и придворной службе, сходит на нет вместе с термином *шельмование* приблизительно в начале правления Елизаветы Петровны[95]. Не случайно как раз в эти годы автор русского лексикона историк и государственный деятель В. Н. Татищев определял «исключение из числа добрых людей» понятием *политическая казнь*, но не *шельмование* и не *политическая смерть*. Среди символических манипуляций над преступником: преломление шпаги, изгнание из войска, объявление в суде «нечестным», клеймение, которые Татищев именовал *политической казнью*, — главный обряд *политической смерти* — «положение на плаху» — отсутствовал[96].

Таким образом, настойчиво внедряемое Петром, но так и не вошедшее в судебную практику *шельмование* означало изгнание осужденного из общества и лишение его какой-либо защиты закона. Это жестокое, по-своему изощренное наказание никогда не именовалось *политической смертью*, которая максимально сближалась с натуральной именно в своей ритуальной части и также подлежала мораторию.

Однако если вопрос о *политической смерти* был для сенаторов и императрицы все же вопросом терминологии и судебной теории, то собственно приостановка смертной казни оказалась и практической, и более общей, мировоззренческой проблемой. Прежде

[95] В конце XVIII — начале XIX века появится публичное прощение дворянина, подвергнутого гражданской казни, а пока, в 1742 году, были изданы практически последние указы о театрализованном публичном прощении ошельмованных: указ Ее Императорского Величества об освобождении из ссылки и на публичном месте прикрытии знаменем секретаря придворной конторы Александра Яковлева (1742. 16 апреля); указ Ее Императорского Величества о возвращении из ссылки и публичном прощении бывшего генерала Федора Соймонова (1742. 14 марта) (РНБ. Русская книга гражданской печати XVIII в. 123/141). См. об этом также: Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 320.

[96] «Казнь политическая, когда кто из числа добрых людей извержен, и оное бывает без наказания, яко в войске, когда шпагу над ним переломят и из войска выгонят; 2) в гражданском суде, когда кого всенародно за нечестного объявят, хотя и без наказания телесного, всякой чести, достоинства и имения лиша, сошлют в ссылку; 3) когда знак положен будет, яко член тела отсечен, ноздри вырваны или железом горячим на лице знак положится» (*Татищев В. Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793. Ч. 3. С. 123–124).

всего возникла неопределенность: что делать с увеличивающимся количеством татей, душегубов, фальшивомонетчиков и прочих «злодеев», которые, ожидая своей участи, требовали бдительной охраны и немалого «иждивения». Указ о приостановке смертной казни, как упоминалось, был подписан, но все приговоры оставались и без высочайшей конфирмации, и без изменения меры наказания. В марте 1746 года Сенат доносил, что получено уже 110 сведений об убийцах, 169 экстрактов по поводу воровства, разбоя и других вин, 151 человек осужден на вечную каторгу, кроме того в коллегиях, канцеляриях и губерниях находится в производстве еще 3579 дел, по которым, вероятно, преступники будут приговорены к смертной казни или политической смерти. Обрисовав ситуацию, сенаторы сами же и предложили императрице выход: «всех ссылать для работы в Рогервик»[97].

«Ржаной остров» Рогервик

«Ржаным островом Rågervik», а вернее, заливом называли шведы редко замерзающую бухту в 50 километрах от Ревеля, которая в ходе Северной войны отошла России. Петр шесть раз посещал Рогервик, сам лично производил замеры глубины дна в гавани и принял решение строить здесь порт, а для защиты залива соорудить каменную насыпь от острова до материка. В 1718 году первый русский император лично присутствовал при закладке мола и крепости на берегу. Руководить работами было поручено потомку выходцев из Шотландии инженер-майору Иоганну Людвигу Люберасу, а вот первыми строителями в условиях отсутствия моратория на смертную казнь стали угрюмые и неподатливые, но в целом безобидные и, разумеется, бедные бородачи и раскольники. В 1722–1723 годах вышли два именных указа и «о ссылке в Рогервик не хотящих брить бороды и не имеющих, чем заплатить штрафа», и «о посылании раскольников вместо Сибири в Рогервик на вечную работу»[98]. Число колодников, дробящих скалы и таскающих

[97] Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 642–643.

[98] ПСЗ. Т. VI. № 4041. С. 725. 1722. 28 июня; № 4109. С. 782. 1722. 15 октября; Т. VII. № 4256. С. 86–87. 1723. 28 июня.

неподъемные глыбы к морю, достигало иногда 3 тысяч[99]. Стройка расширялась, но судьбы этих гонимых за веру и традиции предков каменотесов не отпускали всемогущего императора-реформатора. В последних указах умирающего самодержца от 26 и 27 января 1725 года повелевалось освободить всех колодников, кроме убийц и грабителей, чтобы они молились Богу об облегчении скорби его величества[100]. 28 января Петра не стало. 30 января императрица Екатерина Алексеевна, видимо, заботясь о душе усопшего венценосного супруга, еще раз подтвердила амнистию осужденным не за тяжкие преступления[101].

Монаршее милосердие и проявление христианской духовности на престоле, конечно, трогательно, но Рогервик опустел, и порт стало возводить некому. По докладу Любераса, в 1726 году в крепости оставалось только 450 человек, из которых 150 вскоре перевели на серебряные рудники в Нерчинск. К 1746 году Сенат обнаружил, что на острове «кроме мастеровых десяти человек никого нет и зачатое там строение не производится, плиты за долгим лежанием от мокроты и ненастья пришли в негодность, а мулия, сделанный тяжким трудом каторжных невольников, [почти весь] явился под водою»[102]. Обрисовав все представляющиеся выгоды содержания деревянного флота в почти незамерзающей защищенной бухте с соленой водой[103], сенаторы предложили Елизавете Петровне возобновить работы в Рогервикской гавани.

---

[99] См. об этом, например: Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 639.

[100] ПСЗ. Т. VII. № 4638. С. 408. 1725. 26 января; № 4642. С. 409–410. 1725. 27 января.

[101] См.: ПСЗ. Т. VII. № 4645. С. 411–412. 1725. 30 января, а также другие указы Екатерины I, облегчающие положение колодников, «кроме обвиненных по первым двум пунктам, в смертоубийствах и неоднократных разбоях»: ПСЗ. Т. XVII. № 4655, 4968, 4970, 4985 и др.

[102] Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 639–642.

[103] Датский пастор Педер фон Хавен, путешествовавший по России, также отмечал преимущества бухты Рогервик и губительные недостатки Кронштадтского порта: «Сколько строилось новых кораблей, столько же из старых каждый год приходило в негодность. Главной причиной тому считали особенность воды в этой гавани, вот почему работы по устройству новой гавани, начатые императором Петром Первым, опять возобновлены» (*Хавен П.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 305).

Доклад Сената императрица получила в марте 1746 года, а уже в июле лично посетила Рогервик, где были запланированы показательные маневры 32 военных судов, не состоявшиеся, правда, из-за отсутствия попутного ветра. Елизавету Петровну сопровождал двор, представители знатнейших дворянских фамилий, наследник престола и его супруга великая княгиня Екатерина Алексеевна. Молодая немецкая принцесса разбила все ноги о скалистую поверхность острова и была, пожалуй, единственной из свиты, кто в своих записках обратил внимание на колодников Рогервикской гавани. «Почва этого местечка каменистая, — вспоминала Екатерина, — покрытая густым слоем мелкого булыжника. <...> Мы стояли здесь лагерем и должны были ходить по такому грунту в течение нескольких дней; у меня ноги болели потом целых четыре месяца. Каторжники, работавшие на моле, носили деревянные башмаки, и те не выдерживали больше восьмидесяти дней»[104].

После посещения Елизаветы Петровны число этих «каторжников, работавших на моле» стремительно увеличилось[105]. Со всей России, кроме Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерний, потянулись колодники, осужденные на смертную казнь и политическую смерть[106]. Правда, мусульман, «трухменцев, калмык и прочих», закованных в ручные и ножные твердые кандалы под присмотром «надлежащего конвоя», гнали в Рогервик и из Астрахани и Оренбурга[107]. Женщины, повинные в тяжких пре-

---

[104] Записки императрицы Екатерины II. Лондон. 1859. С. 50 (в петербургском издании 1907 этот сюжет отсутствует, ср.: Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 92–93). См., например, воспоминания о посещении двором острова Рогервик в 1746 году: *Jetze F. Ch.* Statistische, Politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief- und Rußland. Liegnitz, 1788. S. 92–97, etc.; Императрица Елизавета Петровна в Ревеле в 1746 г. // Русская старина. 1885. Т. 46. № 5. С. 417–420; Поездка императрицы Елизаветы Петровны в Эстляндскую губернию. 1746 // Русский архив. 1895. Кн. III. № 9–12. С. 5–12 и проч.

[105] Только в 1751 году «определенных в рогервикскую работу колодников в присылке [было] около 2000 человек» (ПСЗ. Т. XIII. № 9871. С. 462–463. 1751. 31 июля; № 9872. С. 463–464. 1751. 31 июля).

[106] См., например: ПСЗ. Т. XIII. № 9943. С. 609. 1752. 23 февраля; Т. XIV. № 10541. С. 551–552. 1756. 12 апреля.

[107] Сенатский указ «об отсылке в Рогервик содержащихся в Оренбургской и Астраханской губерниях тяжких преступников: трухменцев, калмыков и прочих магометян» (ПСЗ. Т. XIV. № 10764. С. 795–796. 1757. 24 сентября).

ступлениях, в каменотесы не годились и поэтому отправлялись в Сибирь[108].

В условиях моратория на высшую меру наказания подобная концентрация опасных преступников представлялась Сенату целесообразной, поскольку присутствие в городах таких «злодеев», которые по прежним временам давно бы уже оказались на плахе, было небезопасно. Эти каторжные невольники воровали, просили милостыню, пытались совершить побег, угрожали «иностранным персонам» и даже совершали нападения. Об одном таком осужденном в 1756 году доносила Главная полицмейстерская канцелярия. Еще в 1753 году майор Тютчев обнаружил у преступника Никиты Алексеева в мешке чугунное ядро, которое он купил в Петербурге на морском рынке за ветошным рядом. Этим ядром Алексеев проломил головы трем купцам, украл у них шапки и рукавицы и продал на том же рынке. Орудовал он не только ядром, но и всем, что попадалось под руку. Так, вырвал балясину из палисадника и напал на иноземку, мирно идущую от Зимнего дворца, содрал с несчастной голубую атласную юбку с серебряной сеткой, да еще отпирался и выдавал эту юбку за заклад, взятый у матроса на каторжном дворе. Совладать с бандитом майор Тютчев не смог, чуть не получив по голове уже упоминаемым ядром. Было ясно, что место таким каторжанам если не на эшафоте, то уже явно не в городах, а на острове Рогервик[109].

Публика на строительстве гавани изменилась по сравнению с петровскими временами. Теперь большинство составляли не сумрачные бородачи и раскольники, а смертные убийцы, разбойники и изготовители фальшивых векселей. Охрана каторжных была делом и опасным, и очень тяжелым, поскольку несение караула заключалось для офицеров и солдат в постоянном присутствии на молу в дождь, ветер и снег. По случаю знаменитому Андрею Болотову пришлось в 1755 году месяц нести вахту на острове Рогервик. «Честное или злодейское собрание», которое ежедневно

[108] Сенатский указ «о неотправлении в Рогервик женщин, осужденных к смертной казни; и об отсылке их в Сибирь на житье» (ПСЗ. Т. XIII. № 9911. С. 543–544. 1751. 28 ноября).

[109] См.: ПСЗ. Т. XIV. № 10541. С. 551–552. 1756. 12 апреля.

должен был перекликать по списку будущий мемуарист, поразило его своим многообразием. «Были тут, — вспоминает Болотов, — [люди] всякого рода, звания и чина: знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякого рода подлость... кроме русских, были тут люди и других народов, были французы, немцы, татары, черемисы и тому подобные»[110]. Чьи судьбы только не пересеклись с островом Рогервик: руководил инженерными работами в самый разгар строительства порта и мола, с 1752 по 1762 год, Абрам Петрович Ганнибал; а каторгу здесь отбывали и восставшие башкирцы, и шут Петра Иван Балакирев, и Салават Юлаев с отцом, и лихой Ванька Каин[111].

Осужденные, избежавшие смертной казни и политической смерти, были обречены на мучения и довольно скорую кончину. «Каторжных водили на работу окруженных со всех сторон беспрерывным рядом солдат с заряженными ружьями, — продолжает Болотов, — собственное жилище их построено в превеликом остроге, посреди которого огромная связь, разделенная внутри на разные казармы. Сии набиты полны злодеями, которых в мою бытность было около тысячи... Все без изъятия они закованы в кандалах, и многие имеют двойные и тройные железа»[112]. С 1753 по 1756 год на остров Рогервик прибыло 13 242 арестанта, из них умерло 13 101[113]. Так мораторий на смертную казнь превращался в отсроченную на несколько месяцев гибель.

Отсутствие будущего у каторжан драматизировалось полной бесперспективностью их тяжелейшего труда. Расчеты Любераса оказались неверными, а надежды Петра слишком оптимистичными. Под северным ветром, часто в дождь и по пояс в воде колодники набивали неподъемные клети камнями и сбрасывали их на дно бухты. Но по мере продвижения в открытое море строитель-

---

[110] *Болотов А. Т.* Записки. СПб., 1870. *Русская старина: приложение.* Т. 1. С. 341–342.

[111] См., например: ПСЗ. Т. XIV. № 10705. С. 742–743. 1757. 18 марта; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. Т. 17–18. С. 539; *Анисимов Е. В.* Толпа героев XVIII века. М., 2013. С. 297; и др.

[112] *Болотов А. Т.* Записки. Т. 1. С. 341–342.

[113] См. об этом, например: История пролетариата СССР. 1933. № 13–16. С. 179.

ство все более осложнялось тем, что штормовые волны постоянно разрушали возводимую перегородку. Пришедшая к власти Екатерина учредила специальную комиссию, которой поручалось подготовить мнение о строительстве Рогервикской гавани. Выяснилось, что «сделанная уже моля имеет в себе великие расседины и большие осадки, а порой и совсем под воду уходит; глубина и случающиеся морские бури в ничто обращают все, что несказанным трудом сделано»[114]. В 1764 году императрица вновь лично посетила Рогервик на корабле «Святой Климент папа Римский», правда, повезло ей больше, чем «тетке Елизавете Петровне», и попутный ветер был достаточно сильным и позволил развернуть перед монархиней театрализованное сражение.

В течение последней трети XVIII века стройка в гавани была закрыта, Рогервик переименован в Балтийский порт, затем включен в Ревельскую губернию как заштатный город с гербом, изображающим часть моря с гаванью, башней и штандартом на серебряном поле. Мол постепенно скрылся под водой, в результате чего образовалась отмель, а крепость с пятью бастионами в форме звезды по голландскому проекту жители приспособили для выгона скота. Выживших колодников, «дабы они праздно не были», отправили в Нерчинск добывать столь необходимое империи серебро. Вопрос о том, что делать с преступниками, осужденными на смертную казнь и политическую смерть, как и о возможности подобных приговоров, в этих указах вообще не поднимался[115].

Между тем в годы правления Елизаветы Петровны, несмотря на бесперспективность строительства, рогервикская каторга имела важную функцию колоссальной тюрьмы в условиях твердо проводимого императрицей моратория на высшую меру наказания. И хотя, казалось бы, практическая сторона дела была урегулирована, подспудное противоречие между политической элитой и властью в вопросе о смертной казни оставалось.

---

[114] ПСЗ. Т. XVIII. № 13200. С. 763–768. 1768. 18 ноября.

[115] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11639. С. 48. 1762. 8 августа; № 11648. С. 57. 1762. 20 августа; Т. XXI. № 15774. С. 967. 1785. 3 июля; Т. XXII. № 16716. С. 1114–1115. 1788. 4 октября.

«Сенат великое опасение имеет»

Недоумение сенаторы высказали осенью 1743 года сразу же после послания императрицы фельдмаршалу П. П. Ласси, в котором она распорядилась поставить Стокгольм в известность о замене в России смертной казни на политическую смерть даже за такие страшные преступления, как обиды шведским подданным. Настойчивость Елизаветы, которая отчетливо проявилась в собственноручном высочайшем распоряжении, написанном прямо на докладе Сената, о приостановке экзекуций колодникам в мае 1744 года еще более накалила страсти.

Сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвинули сразу несколько аргументов против моратория на смертную казнь. Во-первых, они полагали, что число всех этих оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти. Армию преступников крайне сложно удержать в повиновении, начнутся побеги, наказания несчастных караульщиков и разорение порядочных подданных. Во-вторых, сами эти подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями. Прибегли сановники и к такому аргументу, значимому, с их точки зрения, для «веселой царицы»[116], как трудоемкость личного выслушивания докладов по каждому преступнику: «...никак время к тому доставать не будет, а колодники час от часу будут умножаться». В результате они робко предложили представлять на высочайшее рассмотрение только дела осужденных на смертную казнь, а политическую смерть вершить, как прежде, на уровне губерний и провинций. На все эти многостраничные протоколы императрица ответила одним распоряжением: четко определить понятие «политическая смерть» и указать «за какие вины положена», экзекуции же не вершить[117].

[116] По выражению А. К. Толстого.

[117] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4, 5об, 10–10об; Д. 1023. Л. 14–16об. Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 651; СПб., 1893. Т. 6. С. 62, 642. См. об

Таким образом мнение правящей элиты в самодержавной России с легкостью игнорировалось, а мораторий на смертную казнь и политическую смерть был установлен и неукоснительно исполнялся. Однако противоречия, скрытые за верноподданнической стилистикой сенатских докладов, отчетливо проявились при составлении так и не завершенного текста нового уложения.

В августе 1754 года по представлению П. И. Шувалова за «сочинение ясных и понятных законов» засела специально созданная при Сенате комиссия[118] в составе генерал-майора Ивана Дивова, вице-президента юстиц-коллегии Федора Эмме, обер-секретаря Сената Александра Глебова, коллежского асессора Василия Ляпунова, бургомистра главного магистрата Ивана Вихляева, главного судьи сыскного приказа Никиты Безобразова и главного судьи судного приказа Ивана Юшкова, а также профессора Академии наук Штрубе де Пирмонта. Все эти «законотолкователи и законоискусники» получили в помощь опытных канцеляристов, а также средства из штатс-конторы на бумагу, чернила, сургуч, дрова и свечи. Им предстояло написать проект будущего уложения, включающий четыре части: «о суде», «о различных состояниях подданных», «о движимом и недвижимом имении», «о казнях, наказаниях и штрафах»[119]. Через год были готовы две, наиболее проработанные, с точки зрения комиссии, части, так называемые «судная» и «криминальная». Однако, по всей видимости, воск и перья тратились впустую — Елизавета до 1759 года хранила молчание по поводу представленного ей проекта, затем приказала исправить текст и закончить две другие части. Комиссия была усилена сенаторами Романом Воронцовым и Михаилом Шаховским[120], и в роковом для императрицы 1761 году в ее руках оказался труд

этом также: *Писаренко К. А.* Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. С. 33, 44–48.

[118] В целом о работе комиссии см. подробнее: *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 39–53.

[119] См., например: ПСЗ. Т. XIV. № 10283. С. 201–209. 1754. 24 августа.

[120] ПСЗ. Т. XV. № 11335. С. 793. 1761. 29 сентября. Место выбывших А. И. Глебова, И. И. Вихляева и Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта заняли А. П. Квашнин-Самарин и А. М. Еропкин.

в виде рукописи, призванной обратить высочайшее внимание на действительно тщательное исследование вопроса и включающей «прежней комиссии рассуждения» и то, что «ныне комиссией рассуждено»[121].

Однако на первый взгляд в статьях присутствовала лишь преемственность с Соборным уложением, Воинским артикулом, Морским уставом, Генеральным регламентом, с одной стороны, и обнаруживалось полное забвение всех указов правящей монархини, касающихся смертной казни и политической смерти, — с другой. После десятилетия практически существующего моратория на исполнение подобных приговоров сфера действия высшей меры наказания была расширена, а сама процедура казни стала более жестокой. По проекту лишались жизни не только разбойники, душегубы и фальшивомонетчики: на плаху можно было угодить за кражу свыше 40 рублей, любую третью кражу, ввоз медных денег из-за границы, ограбление могил, повреждение чужого здоровья через коренья, а также за умышленное недоведение до сведения подданных губернаторами или воеводами указов, объявленных во всеобщее известие, и т. д.[122]

Иными словами, смертная казнь провозглашалась единственной или максимальной санкцией за огромный спектр деяний: преступления против веры, церкви, власти, порядка, за убийства, грабежи, разбои, воровство, контрабанду, колдовство, блуд, соучастие, недоносительство и т. д.

Способы лишения преступников жизни также не свидетельствовали о гуманизации уголовного права. Члены комиссии в этом вопросе проявили особую изобретательность и воспроизвели самые разные формы смертных экзекуций: помимо банального отсечения головы, преступника можно было четвертовать, повесить за ребро, сжечь, залить горло свинцом и даже разорвать пятью

[121] Правка вносилась в эти части проекта уложения и после смерти Елизаветы Петровны при новом императоре Петре III.

[122] Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства преступления казни, наказания и штрафы положены) / Под ред. А. А. Востокова. СПб., 1882. С. 120–121, 143–144, 148, 171 и др.

запряженными лошадьми на пять частей[123], что вообще являлось новшеством для русской традиции[124].

Между тем в данном контексте проект нового уложения нельзя считать какой-то своеобразной формой законотворческой фронды Сенатской комиссии. Ведь во время правления Елизаветы Петровны речь шла не о смягчении уловного законодательства, а о правиле обязательной высочайшей конфирмации всех приговоров к смертной казни и политической смерти, которое, кстати, вообще не было доведено до сведения большей части подданных. Что же касается собственно подтверждения приговора, то авторы резонно предложили снизить уровень, на котором окончательно провозглашались сентенции, и подойти дифференцированно к личности преступников. Иными словами, предлагалось судьбу колодников, принадлежащих к дворянству и купечеству первой гильдии, решать на уровне Сената, а дела «подлых и бесчиновных злодеев» рассматривать не выше губернии или, в крайнем случае, Юстиц-коллегии. В том, что конфирмация последует, у комиссии сомнений не возникало, поэтому «без всяких отлогательств» осужденным предназначалось две недели покаяния, причастие и на другой день казнь, правда не в городе, но «в пристойном публичном месте» недалеко от города[125], а также публикация во всенародное известие о винах преступника и самой экзекуции[126].

Очевидно, что именно здесь прагматика данного подхода шла вразрез с мировоззренческим оттенком указов императрицы, под-

---

[123] Такая страшная казнь, по мнению авторов первого варианта проекта, следовала за «злое дело на дражайшее здоровье» императора. Во втором варианте разрывание на пять частей великодушно заменили четвертованием (Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 76).

[124] Колесование предполагалось, например, за убийство в присутствии императора, грабителя вешали за ребро, изготовители фальшивых денег по обычаю получали в горло расплавленный свинец, а поджигателей и недоносителей на них, соответственно, сжигали и проч. (Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 68–69, 76, 92, 103–106, 111, 137–143, 143–144 и т.д.). Странно, что авторы упустили посажение на кол и «окопание в землю».

[125] Как пелось в знаменитой песне: «Я за то тебя, детинушка, пожалую среди поля хоромами высокими, что двумя столбами с перекладиной» (*Пушкин А. С.* Капитанская дочка).

[126] Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 54–57.

разумевающим запрет без высочайшей конфирмации вершить смертную казнь и политическую смерть за любые преступления, совершенные любым человеком без различия чинов и достоинства, о чем свидетельствовал и социальный состав сосланных на рогервикскую каторгу.

В отношении трактовки *политической смерти* расхождения между законодательством последнего десятилетия и новым уголовным уложением оказались еще более глубокими, будто и не было терминологических изысканий Сената и в конце концов сформулированного понятия за несколько месяцев до начала работы над проектом. В собственном определении авторы полностью проигнорировали главную ритуальную составляющую *политической смерти — положение на плаху или возведение на виселицу*. Зато упомянули постепенно входящую в русский язык кальку *гражданская смерть*, соединили ее с почти архаичным *шельмованием*, добавили абстрактные для России XVIII века понятия *гражданское общество* и *лишение гражданства* и ограничили сферу действия *политической смерти* представителями высшего сословия, которые только и могли лишаться «чинов и имения».

В результате статья о политической смерти вообще оказалась малопригодной для реального судопроизводства: «А политическая, то есть гражданская смерть, состоит в том, когда кто в отдаленные места с наказанием или без наказания на казенную работу или для содержания в вечном заключении, ссылке с лишением всех чинов и имения приговорен, или приговором ошельмован, ибо все оные люди от всякого гражданского общества вовсе выключены... выключая таких, которые за вины свои хотя в кацких[127] руках были и кнутом на публичном месте сечены, токмо гражданства не лишены и не шельмованы, хотя пытаны, токмо по делу судейским приговором оправлены»[128]. Неудивительно, что в проекте не указано ни одного преступления, за которое полагалась бы политическая смерть. В тексте это понятие вообще встречается только один раз в качестве термина, которому дается приведенное толкование. Извлеченное из петровских указов *шельмование* назначается за лже-

[127] То есть в руках палача.

[128] Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 55–56.

свидетельство и пасквили и в статьях, описывающих данные деяния, никак с *политической смертью* не связывается[129].

Ситуация с подготовкой уложения и позицией Елизаветы Петровны выглядит еще более невероятной, если учесть, что перед началом работы комиссии над второй редакцией проекта кабинет-министр Адам Олсуфьев словесно объявил, что «Ее Императорское Величество высочайше повелеть соизволила в оном новосочиняемом уложении за подлежащие вины смертной казни не писать»[130]. После этого последовали указы о выборе в городах дворян и купцов для «слушания новосоставленного уложения»[131]. Таким образом, предметом публичного обсуждения мог стать вопрос не просто о моратории на смертную казнь и политическую смерть, а о принципиальном изменении уголовного права. Однако исправленный вариант проекта мало чем отличался от первоначального, практически ужесточающего применение высшей меры даже по сравнению с петровским законодательством, если не считать великодушную замену разрывания осужденного пятью лошадьми четвертованием. Сейчас становится ясно, что императрица не уступила бы и лишь ее кончина прервала невиданное в России противостояние самодержца и политической элиты по поводу гуманизации наказаний за тяжкие преступления.

«Знаменитый пример императрицы Московии»

Таким образом, в середине XVIII века в Российской империи более 20 лет неукоснительно соблюдался мораторий на смертную казнь. Факт уникальный не только для русской истории, но и для истории всех государств Нового времени остался, однако, без глубокого

[129] Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 184, 189, 197.

[130] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 41. Ч. 6. Л. 15. См. об этом: *Сергеевский Н. Г.* Предисловие // Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. XIV; *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. СПб., 1902. Т. II. С. 972–973; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 42.

[131] См.: ПСЗ. Т. XV. № 11335. С. 792–794. 1761. 29 сентября; № 11378. С. 862–863. 1761. 8 декабря.

осмысления и интерпретации[132]. Сцена клятвы императрицы перед иконой Спаса не лишать ни одного подданного жизни, описанная Щербатовым и некоторыми посланниками при русском дворе, была воспроизведена во многих исследовательских трудах, но не получила должных научных комментариев. Между тем отношение власти, политической элиты и в целом современников к смертной казни является важной характеристикой состояния умов в обществе.

В данном случае, во-первых, налицо очевидные коллизии сознания отдельной личности. В отчаянных жизненных ситуациях человеку свойственно обращаться к Богу и надеяться на чудо, когда, кажется, никто не может помочь и ничто не может спасти. В зависимости от индивидуального опыта, религии, глубины собственных духовных переживаний эти иррациональные «договоренности» со Всевышним могут облекаться в самые неожиданные формулировки[133]. Обещание, данное проповеднику из Иудеи, вполне укладывалось в русскую теремную набожность Елизаветы Петровны, «не желающей интересной прибыли от врагов Христовых». По всей видимости, она действительно взяла на себя определенные обязательства перед своим Богом, при условии, что Он обеспечит удачный гвардейский переворот. Как известно, переворот удался, и нужно было платить по счетам.

Все эти курьезы религиозного чувства так бы и остались сокровенным опытом отдельной личности, если бы этой личностью не была императрица, властвующая в самодержавной Российской империи. С одной стороны, обряд венчания на царство придавал особую экзальтацию христианской вере любого русского монарха[134].

---

[132] Исключение составляют работы историков права, посвященные законодательной регламентации смертных приговоров в России. См., например: *Bryner C.* The Issue of Capital Punishment in the Reign of Elizabeth Petrovna // Russian Review. 1990. Vol. 49. № 4. P. 389–416; *Жильцов С. В.* Смертная казнь в истории отечественного права. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Тольятти, 2002.

[133] Хорошо известно, что Антон Антонович Сквозник-Дмухановский сулил вполне конкретные материальные подношения: «Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой...» (*Гоголь Н. В.* Ревизор).

[134] Подобный феномен религиозного чувства абсолютного монарха описывается Ричардом Уортманом в сцене венчания Елизаветы Петровны на цар-

С другой стороны, сакральная воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Именно этими далекими от политического прагматизма, можно сказать экзистенциальными, обстоятельствами и объясняется контекст законов о невершении смертной экзекуции.

Создается впечатление, что решение императрицы о запрещении приводить в исполнение без высочайшей конфирмации смертную казнь и политическую смерть касалось исключительно ее отношений с ее Богом. Подданным, а уж тем более «злодеям», чьи судьбы непосредственно зависели от этого решения, вообще ничего знать не полагалось. Как такового указа о моратории, снабженного расширенными толкованиями и восхвалением монаршего милосердия, не было. На места поступили лишь полусекретные, никак не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием представлять в Сенат экстракты дел о приговоренных к высшей мере наказания. Судьба таким образом помилованных колодников, спасение их грешных душ и возможное исправление императрицу совсем не занимали. Все они гибли или под восьмым ударом кнута, или от непосильной каторжной работы на северном «острове» Рогервик[135].

С другой стороны, Елизавета была непреклонна и бескомпромиссна в своем решении, мотивы которого раскрывать не считала нужным. Видимо в соответствии с ее пониманием христианских истин, не было ни иудея, ни эллина, и спасены были все, а не только избранные: смертью не казнили никого, вне зависимости от совершенного преступления. При этом под запрет попадала не только натуральная казнь, но и имитация ее в виде *возведения на висели-*

ство, когда она сама надела на себя преподнесенную корону, а затем произнесла Соломонову молитву о наставлении свыше, обращаясь прямо к Богу, без посредничества ведущего службу священника. Этот ритуал демонстрировал сакральный характер именно императорской власти и делал императрицу (а не церковь) главным хранителем нравственности народа (*Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. I. С. 129–148).

[135] Может, именно обреченность помилованных имел в виду французский литератор и дипломат Жозеф де Местр, когда называл «упразднение» смертной казни при Елизавете Петровне «ложным человеколюбием и признаком неполноценности нации» (Письмо Жозефа де Местра кавалеру де Росси. 1807, август; письмо Жозефа де Местра — Козловскому П. Б. // Жозеф де Местр. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 85, 284–285).

цу или положения на плаху, что для императрицы означало ритуал *политической смерти*. Театрализация лишения подданных жизни, очевидно, тоже входила в достигнутую со Всевышним договоренность.

Так рефлексия верующей императрицы в абсолютистской России за 20 лет до выхода в свет знаменитого трактата Чезаре Беккариа с легкостью воплотила мечту философа, о которой Европа еще только начинала рассуждать. Однако Елизавету Петровну и итальянского мыслителя разделяли не два десятилетия, а целая эпоха, и в моратории на смертную казнь в Российской империи воплотились не просветительские идеалы, а средневековая религиозность, с одной стороны, и уверенность самодержца в том, что государственный закон и его воля едины, — с другой. Приостановка экзекуций за тяжкие преступления не имела теоретических обоснований и вообще никак не была связана с развитием юридического знания того времени. Любые рассуждения об ограничении публичности казни, переносе акцента со зрелищности расправы на торжество справедливости в суде[136], переходе от наказания тела к предотвращению повторного деяния и прочие идеи, волнующие европейских философов и правоведов[137], мало занимали импера-

[136] В историографии практически отсутствует сравнительный культурологический анализ зрелищности смертной казни в России и постепенного отхода от демонстративных экзекуций в Европе. Можно лишь отметить, что в соответствии с Соборным уложением публичность казни, используемой как средство мести и устрашения, считалась обязательной: «Смертные казни вершить в тех местах, где [воровские люди] воровали или, где они жили, чтоб на них смотря, иным не повадно было, а на пустых местах таких воров не вершить» (ПСЗ. Т. I. № 431. С. 799. 1669. 22 января). В 1727 году была предпринята попытка некоторой регламентации ритуала смертных экзекуций. Во-первых, в Петербурге со столбов и кольев убрали тела и головы — то, что осталось от преступников, захоронили. Во-вторых, запрещалось чинить смертные казни в обеих столицах, расправы следовало переносить за город, в специально отведенные места, например, в Северной столице для этого предназначались Московская и Выборгская сторона (ПСЗ. Т. VII. № 5118. С. 824. 1727. 10 июля; № 5155. С. 859. 1727. 17 сентября; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в санкт-петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. II. 1725–1740. СПб., 1873. С. 101). Как известно, последний указ часто игнорировался.

[137] См. об этом, например: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 88–90; *Evans R. J.* Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600–1987. Oxford, 1996. P. 130–137, etc.; *Graff H.-J.* Crime and Punish-

трицу. Логика христианских заповедей[138] напрямую привела ее к хорошо известному вопросу: «И кто меня тут судьей поставил, кому жить, кому не жить?»[139] Решив, что лучшей благодарностью Богу будет отказ от смертной экзекуции[140], русская императрица своей самодержавной волей не допустила ни одной казни и даже ее имитации в виде политической смерти, а за несколько месяцев до собственной кончины вообще поставила вопрос о принципиальном изменении уголовного законодательства, видимо приведении его в соответствие с исповедуемой ею верой.

Однако современники и потомки не особенно вникали во всю сложность мотивов Елизаветы, вероятно до конца непонятных и ей самой. Двадцатилетний мораторий на высшую санкцию стал реальностью[141], и, может быть, этот факт и побудил итальянского просветителя поставить вопрос о том, «является ли смертная казнь

---

ment in the Nineteenth Century: a New Look at the Criminal // Journal of Interdisciplinary History. 1977. Winter. Vol. VII. No. 3. P. 477–491; *Martschukat J.* Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. Bis zum 19. Jahrhundert. Köln, 2000. S. 12–53; *Фридланд П.* От покаяния к устрашению: теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.). СПб., 2011. С. 119–134 и др.

[138] Характерно, что члены Синода даже при полном согласии с сентенцией не имели права подписывать смертные приговоры, «поелику они суть духовного чина» (см., например: ПСЗ. Т. XVI. № 12241. С. 906–907. 1764. 15 сентября).

[139] *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание.

[140] Собственно, подобная логика не являлась чем-то исключительным для России середины XVIII столетия. В. Н. Татищев в своде законов, регламентирующих труд на горном производстве, высказывал сходные мысли по поводу смертных приговоров, правда, он имел в виду только несправедливые: «Некоторые судьи, забыв страх божий и вечную души своей погибель... на смерть или к лишению чести без всякого к тому надлежащего доказательства осуждают» [*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. X. Т. 19–20. С. 490; *Татищев В. Н.* Заводской устав, или Горные узаконения // Горный журнал. 1831. Ч. 1. Кн. 2. С. 98 (177)].

[141] Характерно, что Мишель Фуко, основывающий свою знаменитую книгу исключительно на западноевропейском материале, большое внимание уделяет постепенному исчезновению публичных казней с применением пыток и отказу от «театрализации страдания» к 30-м годам XIX века. В этом контексте исключительный политический опыт России XVIII столетия мог бы весьма обогатить выводы французского ученого об эволюции отношения власти к «пытаемому телу», «манипулируемой душе» и «муштруемому телу» (см.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. С. 42–86 и др.).

действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении». Во всяком случае, именно Чезаре Беккариа один из первых с нескрываемым восхищением отозвался об «императрице Московии, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов Отечества». «Если только немногие общественные союзы и только на короткое время, — писал он в 1764 году, призывая в подтверждение своих мыслей историю только что закончившегося правления в России, — воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин, подобно молнии озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество»[142].

Императрица Московии никогда не узнает об этих словах, как не узнает и о влиянии, которое оказал мораторий на состояние умов ее подданных. Как уже отмечалось, о приостановке смертной экзекуции объявлено не было, однако в России сформировалось два поколения людей, не видевших эшафота. Профессия палача постепенно утрачивалась[143], как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России[144]. Казалось, что волна бунтов и

---

[142] *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 314–333.

[143] Разумеется, должность профоса, в обязанности которого входило наблюдение за арестантами и исполнение телесных наказаний, сохранялась. Благодарю Р. Г. Пихою за замечание.

[144] Так, в январе 1726 года было приказано казнить комиссаров Новгородской провинции Обонежской пятины Никиту Арцыбашева, Григория Баранова и подьячего Якова Волоцкого: «повесить в той Обонежской пятине и написать вины их на жести, прибить к тем виселицам и тел их с тех виселиц не снимать». Преступление, доведенное таким образом до сведения всех жителей, заключалось во взятках и хищении казны, в частности в покупке хлеба за счет средств из рекрутского подушного сбора и использовании уездных подвод без платежа прогонных денег (ПСЗ. Т. VII. № 4826. 1726. 24 января).

разбоев накроет страну, если не поселить в сознании подданных «потомственный страх», о котором во время подавления Башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов[145]. Первый русский обер-прокурор Павел Ягужинский в специальной записке императрице Екатерине I предлагал направить одного из сенаторов в провинции и наделить его правом «смертью казнить, а пока сие в действо не будет произведено, то ни страху, ни порядку не будет»[146].

Всего за два десятилетия правящая и образованная элита уже вполне была готова к дискуссии о целесообразности высшей меры наказания и масштабов ее применения, и произошло это не благодаря трактату Беккариа, а в результате внутренней установки императрицы Елизаветы Петровны. Проницательный С. М. Соловьев писал об этом: «Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничтожавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало»[147].

Как свойственно вечно самодержавной России, «это великое начало» претерпело соответствующую трансформацию во время правления другой императрицы и сообразно ее установкам. Сложное соотношение *Закона Божьего* и *закона государственного* при-

---

[145] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. X. Т. 19–20. С. 608.

[146] Записка П. И. Ягужинского о состоянии России // Чт. ОИДР. 1860. Кн. 4. С. 271.

[147] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 527. Во второй половине XVIII века на страницах русской публицистики уже идет открытое обсуждение вопроса не только о целесообразности применения смертной казни, но и о возможности ее отмены (*Десницкий С. Е.* Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. В публичном собрании Императорского Московского университета на высочайший день рождения императрицы Екатерины Алексеевны, говоренное юриспруденции доктором, римских и российских прав профессором Десницким апреля 22 дня, 1770 года. М., 1770).

См. об этом: *Lentin A.* Beccaria, Shcherbatov, and the Question of Capital Punishment in Eighteenth-century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. 24. № 2. P. 128–137.

обрело новую конфигурацию, и действительно экзистенциальная проблема смертной казни получила новое звучание. Очевидно, что Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей»[148] почитала, как ни странно, не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным.

[148] Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 29–31.

ЦЕРКОВНОЕ ПОКАЯНИЕ ПО СВЕТСКОМУ СУДУ

Дело Мировича, убийство Амвросия и пугачевщина

Более чем за 30 лет правления императрицы Екатерины II было три громких дела, завершившиеся отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием: заговор подпоручика Василия Мировича, Чумной бунт 1771 года в Москве, приведший к убийству архиепископа Амвросия, и, наконец, пугачевщина. Сентенции и казни по этим делам имеют одинаковую политическую мотивацию, сходные аргументы и толкования, идентичные способы репрезентации образа императрицы и близкие по своей стилистике театрализованные ритуалы.

Подпоручик Смоленского пехотного полка обвинялся в попытке возвести на трон принца Иоанна и похить престол у правящей монархини[1]. Главные действующие лица Московского восстания должны были понести наказание за священноубийство, святотатство и нарушение общей тишины и спокойствия[2]. А на совести самозванца Пугачева было похищение имени монарха, оскорбление ее императорского величества и «в пепел обращенные грады и селения»[3]. Преступлениям придавался статус чрезвычайных, и

---

[1] Манифест об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем (ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа); Сентенция по злодейским винам Мировича и его сообщников (№ 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября).

[2] Приговор высочайше учрежденной особенной генеральной комиссии над виновниками и соучастниками бывшего в Москве мятежа, при котором убит архиепископ Амвросий (ПСЗ. Т. XIX. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября).

[3] Сентенции о наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников с присоединением объявления прощаемым преступникам (ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января).

сентенции по ним выносились Сенатом, Синодом, президентами коллегий и особами первых трех, а в случае с Чумным бунтом даже пяти классов.

Все приговоры к высшей мере наказания связывались с самозащитой власти, объявлялись во всенародное известие и приводились в исполнение с демонстративной публичностью. Казнь Мировича происходила на Обжорном рынке в Петербурге: подпоручику отрубили голову и оставили «тело народу на позорище до вечера, а потом сожг[ли] оное купно с эшафотом». Убийц Амвросия, дворового человека Василия Андреева и купца Ивана Дмитриева, повесили на месте «законопреступного злодеяния» прямо у ворот Донского монастыря, где архиепископ пытался укрыться от разъяренной толпы. Двух других смутьянов, дворовых людей Алексея Леонтьева и Федора Деянова, по жребию отправили на виселицу, сооруженную на Красной площади. Пугачева, как известно, четвертовали «на болоте», голову насадили на кол, части тела разнесли по четырем частям города, положили на колеса и вскорости сожгли. За казнью самозванца должен был наблюдать его сподвижник казак Иван Чика, он же Зарубин, именовавший себя графом Чернышевым. В тот же день Чику отправили в Уфу, «яко главное из тех мест, где богомерзкие дела производимы были», там ему отрубили голову, насадили ее на кол, а труп с эшафотом сожгли. Прочих участников восстания также прилюдно повесили.

Если несколько изменить ракурс взгляда и попытаться отвлечься от эмоционального воздействия этих жутких картин, то можно обнаружить, что в царствование Екатерины, в отличие от царствования Елизаветы Петровны, проблема смертной казни была важной составляющей своеобразного диалога власти и подданных, а не императрицы и ее Бога. Экзекуции совершались, были нарочито открыты для всеобщего зрелища, сентенции оформлялись в виде манифестов и сопровождались обширными толкованиями. Создается впечатление, что приговоры призваны были со всей убедительностью провозгласить законность высшей меры наказания. Главным аргументом здесь, с одной стороны, выступали статьи Уложения, Воинский устав, Воинский артикул и Морской устав, а с другой стороны, *Закон Божий*. Таким образом, становится очевидным диаметральное изменение вектора самосознания престо-

ла — не монарх отчитывался перед Богом в уединенной молитве, а Священное Писание призывалось в качестве вполне рационального доказательства правомерности судебных решений.

В сентенциях заявлялось, что все казненные преступники нарушили не только закон государственный, но и высшие заповеди. Василий Мирович посягнул на престол императрицы, врученный ей «Божьим промыслом», и попытался возвести на него принца Иоанна, «низложенного Божьей судьбой» и «наделенного невразумительным косноязычием, а также лишенного разума и смыла человеческого по Божьему совету». Святотатства преступника этим не исчерпывались, и в ходе следствия Аполлон Ушаков, поручик Великолуцкого пехотного полка, донес, что Мирович перед своим гнусным предприятием ходил в церковь Казанской Божьей Матери и «чинил самому Господу Богу суетные обещания, призывая его на беззаконное дело в помощь». Как известно, Бог молитвам злодея не внял, а несчастного принца лишил жизни, тем самым «предотвратив вящее зло [своим же] Божьим промыслом»[4]. Разумеется, вина зачинщиков Чумного бунта и убийц преосвященного иначе как «богомерзским позорищем» и названа быть не могла. Сам приговор по этому делу был выполнен в особо высоком проповедническом стиле, поскольку «церковь пастырская, кровию обагренная и о мщении вопиющая, требует неистовым своим сынам наказания»[5].

Наиболее же веские доказательства нарушения священных заповедей были приведены в «Сентенции о наказании смертною казнью изменника Пугачева». В приговоре подробно, с указанием на первоисточник, приводились статьи «закона всемогущего господа и творца», которыми пренебрег «возмутитель сего адского предприятия»: Книга премудрости Соломона (6: 3, 4), Закон, Богом данный Моисею (от 2 закона число 5), Четвертая книга Моисеева, чисел (16; 17: 13), Евангелие от Марка (12: 17), Евангелие от Матфея (22: 21), Евангелие от Иоанна (19: 12), Первое послание апостола Павла (1: 18, 19), Послание апостола Павла к римлянам (13). Одно это перечисление давало полное право Святейшему синоду пре-

[4] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа; № 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября.

[5] См.: Там же. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября.

дать «вечному проклятию и обречь на мучения в тартаре Пугачева и всех его злодейских сообщников». Таким образом приговор по «гражданским законам» предписывал самозванцу «наистрожайшую смертная казнь», а по «Божественным» — «вечную муку»[6].

Столь прагматичное использование Ветхого и Нового Заветов с подходящим для сентенций набором цитат требовало хотя бы минимального напоминания, что речь идет о христианском вероучении. Делалось это неловко, формально, с каким-то неосознанным просветительским пренебрежением к мистике истинной веры. Так в смертном приговоре Пугачеву было сказано: «Собрание, рассуждая, что закон и долг требуют правосудия, а не мщения, нигде по христианскому закону несовместного, единодушно приговорили самозванцу Емельке Пугачеву в силу прописанных Божественных и гражданских законов, учинить смертную казнь». И традиционно православная церковь, поддерживая полностью все решения власти, в том числе и о смертной экзекуции, умывала руки и имена членов Святейшего синода под сентенциями не ставила лишь для соблюдения условной благопристойности[7].

В то же время авторитет сакральных текстов тонко использовался в приговорах, звучащих более как политические памфлеты, для целенаправленно создаваемого имиджа власти. Прежде всего, священный образ монархини возвышался над окончательным решением, которое принимало представительное собрание. Сенат, президенты коллегий, персоны первых трех классов и прочие бюрократические иерархи, за исключением Синода, который, как только что было сказано, чистоплотно самоустранялся от подписания смертных приговоров, как бы брали на себя всю ответственность за казнь. Тем самым «беспримерное милосердие и сострадательное человеколюбивое сердце ее императорского величества» оставалось незапятнанным.

---

[6] ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января. Названия священных текстов, а также номера глав и статей приводятся здесь в соответствии с текстом Манифеста.

[7] При этом те же лица «духовного чина» традиционно давали специальное письменное согласие «на жесточайшую казнь злодеям». См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа; № 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября; Т. XIX. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября; Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января.

В 1764 году, после двух лет собственного правления и двадцатилетнего, установленного «теткой нашей Елизаветой», негласного моратория даже в самодержавной России требовались некоторые идеологические усилия, чтобы публично обезглавить Василия Мировича. Поэтому помимо апелляций ко всевозможным Божественным провидениям было объявлено, что императрица собственноручно на докладе Сената написала о прощении подпоручика за оскорбление своей особы, но вот вынесение вердикта по поводу его покушения на «целость государственную и всеобщее благополучие отдает в полную власть собранию»[8]. Однако, видимо, собрание сочло, что подобные доводы отдают какой-то жалкой наивностью, и поэтому внесло в толкование более веский и понятный подданным аргумент. Перед казнью Мировича при объявлении сентенции во всеуслышание прозвучали знаменитые слова первого русского императора: «Ибо Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять»[9].

В приговорах по делу об убийстве архиепископа и Пугачевском восстании образ императрицы связывался прежде всего не с решением о смертной экзекуции, а с актами помилования. Даже если это помилование заключалось в том, что повешены были не все участники Чумного бунта, а только двое по жребию, а остальные наказаны кнутом и сосланы на каторгу. Высочайшее решение о снисхождении к казакам, выдавшим Пугачева, вообще было торжественно зачитано с Красного крыльца при большом скоплении народа на другой день после публичных казней. В этом тексте монаршее помилование было названо «беспримерным милосердием самодержицы нашей, превосходящей всех смертных и единому Богу в излиянии щедрот своих уподобляющейся»[10].

Однако, несмотря лишь на три громких дела, завершившиеся плахами и виселицами, за все 30 лет правления Екатерины, сам

[8] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа; № 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября.

[9] См.: Там же. Т. V. № 3006. С. 324. 1716. 30 марта.

[10] См.: Там же. Т. XIX. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября; Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января.

термин *смертная казнь* довольно часто встречался в указах, особенно объявляемых во всенародное известие. Только употреблялся он не как ранее — в контексте с понятием *политическая смерть*, и не для запрещения вершить обе экзекуции без высочайшей конфирмации. В период последней трети XVIII века термин *смертная казнь* присутствовал в двух видах документов, исходящих от престола и обращенных к подданным: в конкретных приговорах и, условно говоря, превентивных распоряжениях. В первом случае речь всегда шла о совершенном деянии, за которое по всем законам требовалась высшая мера наказания, и лишь по «беспримерному монаршему милосердию» преступник освобождался от эшафота. Таким образом, понятие *смертная казнь* в данных сентенциях прочно увязывалось с мотивом высочайшей милости[11]. Во втором случае указы носили предостерегающий характер и со всей определенностью провозглашали, что за такие-то проступки неизбежно последует самая жестокая смертная экзекуция. Разумеется, в подобном контексте упоминание о «монаршем милосердии» было излишним.

Существовал еще один, третий тип документов, непосредственно затрагивающих тему смертной казни, — это высочайшие конфирмации смертных приговоров или приговоров, вынесенных по так называемым «смертным преступлениям», за которые полагалась максимальная санкция. И хотя эти документы были лишены идеологической декларативности и предназначались, так сказать, для внутреннего пользования, они содержат важные сведения о соотношении понятий *Закон Божий* и *закон государственный* и в доктрине власти, и в сознании подданных.

Смертные убийства «пьяным делом и в беспамятстве»

Для собственноручного монаршего утверждения поступали в прямом смысле тысячи бумаг, которые учитывались в специальных

[11] Как тонко заметил Р. Уортман по поводу царствования Екатерины, «это было правление, основанное на гуманных чувствах, а не на гарантиях государственных институтов» (*Уортман Р.* С. Сценарии власти. С. 156–157).

«Журналах высочайшим конфирмациям, состоявшимся на докладах Сената и других мест и на разных представлениях и прошениях»[12]. В самодержавной России личное мнение верховного правителя являлось последней инстанцией и в идеале требовалось для решения буквально всех вопросов. Уведомления об убийствах, в первую очередь совершенных представителями высшего сословия, обычно поступали от дворянских заседателей в нижний земский суд, затем передавались в земский суд, оттуда в палату уголовного суда наместничества и к правителю наместничества, от него экстракт дела ложился на стол генерал-губернатора, который направлял в Правительствующий сенат рапорт, превращающийся в сенатский доклад для высочайшей конфирмации[13]. По утрам российская императрица не только писала послания Вольтеру и Ф.-М. Гримму, но и выслушивала донесения о всевозможных преступлениях, а иногда и сама просматривала экстракты дел. Ее личные резолюции были приняты, в частности, по таким поводам, как кража ульев с пчелами; дерзновенные выражения в челобитных, подаваемых в межевую экспедицию Сената; подложный заклад имения в банк; продажа в рекруты вольного малороссиянина; сочинение фальшивого паспорта и аттестата; кража прапорщиком из однодворцев Гаврилой Брагиным у подпоручика Александра Деревицкого серебряных ложек стоимостью 18 рублей и похищение прапорщиком

[12] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1–10. В ходе работы был проведен сплошной просмотр выявленных в архивных фондах резолюций Екатерины на докладах Сената. Из нескольких тысяч резолюций, или так называемых конфирмаций, было выделено более 500 высочайших решений, касающихся тяжких уголовных преступлений преимущественно представителей дворянского сословия. Большинство экстрактов следственных дел по этим преступлениям было также привлечено к исследованию. Резолюции императрицы, приходящиеся на вторую половину ее правления, после восстания Пугачева и начала осуществления губернской реформы (1776–1795 гг.), представляют собой компактное собрание, находящееся в Фонде 10 «Кабинет Екатерины II». Резолюции на докладах Сената, относящихся к периоду 1762–1775 годов, рассредоточены в материалах Фонда 248 «Сенат и его учреждения» (см., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; Оп. 62. Д. 5172, 5278, 5303; Оп. 113. Д. 374 и т. д.).

[13] См.: *Болотина Н. Ю., Павлов Д. Б.* Московский городской суд: истоки. XV — начало XIX в. // Московский городской суд: исторические очерки. М., 2007. С. 25–56.

Николаем Красковым комнатных уборов из казенной кладовой Зимнего дворца[14].

Но особенно часто представлялись императрице мнения Сената с формулировками: «заслуживает натуральную смертную казнь» или «надлежит по законам за преступление смертная казнь». На основании сотен просмотренных экстрактов и следственных дел можно с уверенностью сказать — высшая санкция полагалась прежде всего за убийство; значительно меньше упоминаний об изготовлении фальшивых ассигнаций, кровосмешении, растлении малолетних и т. д., за что также выносились смертные приговоры.

Убивали представители всех слоев населения, мужчины, женщины, а иногда и подростки: сержанты, солдаты, отставные сотники и секунд-майоры, мстиславские шляхтинки, подпоручицы, костромские помещики, провинциальные депутаты из крестьян, малолетние новокрещеные... В 1777 году Сенат обратил внимание, что «ни в каком роде людей смертные убийства так часто не случаются, как между однодворцами», и особенно в Белгородской губернии. Поводом послужил случай, произошедший в деревне Булгаковой Орловского уезда. В марте 1774 года на Сырной неделе однодворец Харитон Гридунов пришел в гости к однодворческому старосте Степану Лазареву. Ночью хозяин и прочие люди вышли из избы во двор, и вдруг Гридунов без какой-либо причины ударил кистенем однодворца Герасима Платонова «в рожу, отчего Платонов, упав на землю, умер». Дело дошло до императрицы, которая приказала белгородскому губернатору Петру Свистунову представить мнение в Сенат о мерах, принимаемых для предотвращения смертоубийств в среде однодворцев. Вскоре Свистунов отрапортовал, что составил специальную инструкцию для однодворческих выборных и поручил им «крепко смотреть, чтобы ведомства их однодворцы в праздности и пьянстве не упражнялись и между собою ссор и драк не чинили»[15].

Возымела ли данная инструкция результат или нет, неясно, а только в России XVIII века многие смертоубийства происходили

[14] См.: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 24об, 46об, 50–50об; Д. 4. Л. 50, 57об; Д. 7. Л. 37–37об; Д. 9. Л. 16об–17 и т. д.

[15] РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 712–716.

действительно в «шумстве, пьяным делом» и потому часто бывали абсурдны, бессмысленны и особенно жестоки. Так тверской помещик отставной прапорщик Данила Лушников убил, будучи пьяным, свою крепостную Наталью Максимову. Начиналось все умилительно и благостно — в апреле 1785 года пришли к нему в село Попово его крестьяне из села Амачкина — Егор Иванов с женой и невесткой, этой самой несчастной Натальей Максимовой. Пришли поздравить со светлым праздником Пасхи, похристосовались по обыкновению, прапорщик пригласил их в свой дом, сели за общий стол, хотя все уже были весьма навеселе, выпили еще. Пора бы крестьянам и честь знать, Егор с женой вышли, а Наталья не хотела, пришлось ее в толчки выгонять. Но она вновь вернулась, и тут привиделось Лушникову, что вернулась она его извести, потому что, решил он, она еретица и ведьма. Недолго думая прапорщик связал Максимову и, обхаживая ее поленом, потребовал читать «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его». Читать молитву бедная женщина была не в состоянии, прапорщик же, впав в «азартность», все наносил удары, а потом оставил ее на полу связанную, а сам лег спать. Вскоре подоспел муж Максимовой Степан Иванов и крестьяне других помещиков, но Наталья была уже мертва. Лушников потом говорил на следствии, что в хмелю бывает всегда беспокоен, поэтому строго наказывал всем людям и крестьянам не подходить к нему, когда он пьян[16].

В те же годы в Архангелогородской губернии опять-таки на Пасху отставной солдат из дворян Андрей Шанский отправился в гости к своим свойственницам помещицам Свингиным. В усадьбе Кожуховой на праздник было много людей, случился там и дворянин Максим Руднев, разумеется, «все сделались пьяны». Поздно ночью через поля Шанский отправился домой, прихватив на всякий случай с собой кол, а Руднев почему-то пошел за ним с жердью и попытался ударить, за что получил колом по голове. Время было темное, а утром Руднева нашли в поле мертвым. Говорили, что Шанский «вел себя добропорядочно», а этот Руднев «в пьянстве склонен был к ссорам, шумству и забиячеству»[17].

[16] РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 429–434.

[17] Там же. Оп. 61. Д. 5119. Л. 602–603об.

На высочайшем уровне рассматривались и случаи, когда не пьянство, а одна только страсть к вину становилась причиной смертного убийства. В 1787 году шляхетный недоросль Дмитрий Белавенец в городе Рославле Смоленской губернии вместе с двоюродными братьями Семеном, Павлом и Максимом помогал дяде Тимофею Белавенцу ставить новую избу и, поднявшись на еще не достроенную крышу, на беду увидел, как посадские люди на дворе шляхтича Михайлы Подлуцкого грузили на телегу три бочонка вина. Как только телега поравнялась с избой Тимофея Белавенца, братья выскочили на улицу, а Дмитрий, схватив лошадь за повод, закричал: «Что за люди?!» — и ударил одного из них, купца Прокофия Яновского, дубиной по голове. Тот вскоре умер, вина напиться не удалось, а под суд шляхетному недорослю Белавенцу идти пришлось[18].

Разбиралась императрица вместе с Сенатом и в совершенно жутких и беспросветных историях. В 1782 году 2 ноября по указу ее императорского величества Сенат слушал рапорт казанского генерал-губернатора князя П. С. Мещерского об отставном из дворян подпоручике Петре Телешеве, убившем отца своего вахмистра Михаила Телешева. В феврале 1779 года этот подпоручик выпивал в гостях у капитана Микулина, в дом отца своего вернулся за полночь, весьма пьян, бранил жену, тещу и тетку жены, которые от страха убежали из горницы и оставили распоясавшегося подпоручика с малолетним сыном и больным отцом. Обезумевший от вина Телешев начал избивать ребенка, за которого заступился отец, тогда Телешев сдернул его на пол, в это время затушилась лучина и стало совсем темно. Отец пытался спастись от сына, но запнулся за высокий порог, упал в сени и разбился. Телешев пошел в темноте за отцом, но сам упал и разбил себе лицо, поднял отца и потащил его в горницу, при этом от пьянства постоянно падая. Отца положил на постель и сам упал и уснул, не слыша, как надрывается от плача ребенок. Утром отца нашли мертвым[19].

Многие преступники свидетельствовали в судах, что совершили убийства просто в состоянии «беспамятства»[20], в которое впа-

[18] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 178–188.

[19] Там же. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75–91об.

[20] См., например: ПСЗ. Т. XX. № 14539. С. 453–455. 1776. 17 ноября.

дают регулярно, иногда несколько раз в месяц. Так, в Рязанской губернии прапорщик из дворян Василий Григоров клялся, что заколол своего племянника Родиона Скорятина безо всякой причины ночью в постели, потому что «время от времени с ним безумство приключается»[21].

И уж о совсем абсурдных и зловещих событиях сообщала палата уголовного суда курского наместничества. Декабрьской ночью 1789 года сторожа Короченского земского суда Еремей Ильин и Никита Арефьев не отважились впустить поручика Федора Солодилова, который бил в дверь с превеликим криком и ругательными словами. Отчаявшись проникнуть в подьяческую контору, поручик отправился с дом стряпчего Бунакова, стучался в ворота, страшным образом ругая жену стряпчего, а ворвавшись, переколотил глиняную посуду и разрушил печь. Затем хулиган ринулся в черную избу регистратора Бакеева, бранил его сквернымисловами и драл за волосы. Спустя несколько недель Солодилов пришел также внезапно ночью в людскую избу и оружейным дулом безо всякой причины бил своего крестьянина Илью Гончарова и приказывал то же самое делать девкам Домне и Федосье и женке Варваре. После этого он позвал Гончарова в горницу, спросил, не болит у него живот, которым он страдал с праздника, велел поцеловать себя, выпить с ним по чарке вина и с миром идти спать. К утру Гончаров умер. Тело Ильи Солодилов распорядился оттащить в ледник, чтобы поднять его на следующий день под видом якобы замерзшего. Но Домна, Федосья и Варвара донесли на барина. Когда майор Тарас Ушаков в присутствии помещика Деревицкого взял Солодилова под караул, тот заявил: «Что вам за нужда, я убил своего человека, а не вашего, но то произошло с беспамятства за долгой болезнею». Странно в этой истории и то, что вскоре регистратор Бакеев и жена стряпчего Бунакова подали челобитную в уездный суд, что простили Солодилову все причиненные обиды[22].

Создающий угнетающее впечатление высокий процент убийств, совершенных действительно в состоянии угара или тяжелого по-

[21] ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля.

[22] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 724–740.

мрачения рассудка[23], объяснялся целым рядом обстоятельств, и в частности формированием единого хлебного рынка и большей доступностью «хлебной водки». Во второй половине XVIII века винокурение, на которое имело право не только государство с его откупщиками, но и помещики, приобрело особый масштаб. В условиях винной монополии и неуклонного роста цен, приблизительно от полутора рублей за ведро в 40-х годах до 2 рублей 50 копеек в 60-х, поставка вина казне была делом очень прибыльным и для бюджета страны, и для поставщиков[24].

А. Т. Болотов стал свидетелем того, что «бесчисленное множество корыстолюбивых дворян» не упустили такого шанса: «Повсюду началось воздвигание огромных винных заводов, повсюду кование медных котлов с приборами, принялись мастера и за переливание самой медной монеты. <...> Вдруг во всем государстве медная монета почти вся пропала». Последствия повсеместной дешевой продажи вина имели «плачевное и великое влияние на нравственное состояние народа, особливо деревенских жителей», — констатировал мемуарист. Причина многочисленных преступлений, «учиненных в азарте и шумстве», особенно в среде дворянства, кроется, однако, не только в «прельщении дешевизной вина»[25] и известной предрасположенности северных народов[26], но и в особенностях российского законодательства XVII–XVIII веков.

---

[23] См., например, донесения местных канцелярий: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 712–716; Д. 5195. Л. 75–91об; Оп. 62. Д. 5278. Л. 178–188 и др.

[24] См., например: сенатский указ «о позволении помещикам курить вино как для домового расхода, так и для поставки в подряды» (ПСЗ. Т. XIII. № 9813. С. 367–368. 1750. 30 октября); устав о вине: правило винокурения частных заводов (ПСЗ. Т. XXI. № 15231. С. 258. 1781. 17 сентября) и др.; а также: *Волков М. Я.* Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII. Винокуренное производство. М., 1979. С. 139–152; *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. Изд. 2-е. С. 346–348; *Он же.* Россия при приемниках Петра I // История России XVIII–XIX веков. М., 2008. С. 184–190, 240–241.

[25] *Болотов А. Т.* Современник или записки для потомства. СПб., 1891. С. 21, 30–31.

[26] Л. В. Милов пишет, что злоупотребление водкой, особенно во второй половине XVIII века, охватывало иногда целые села, пьянство и алкоголизм стали злом весьма заметным, правда, отнюдь не массовым (*Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 346–347).

Дело в том, что *убийство «пьяным делом»*, «в драке» или «в беспамятстве» считалось смягчающим обстоятельством и признавалось неумышленным. В Соборном уложении так прямо и говорилось: «А [если] с пытки убийца станет говорить, что убил в драке или пьяным делом... сажати в тюрьму до государева указа, а смертию не казнить». Правда, здесь речь шла о боярине, убивающем боярина, или о боярине, боярском сыне, племяннике или приказчике, которые расправлялись с крестьянином, или о крестьянах, которые убивали друг друга. В то же время статья о спланированном убийстве на трезвую голову имела общечеловеческое звучание: «А кого кто убьет с умышления, такого убийцу казнить смертию»[27]. Конечно, много страшных деяний совершалось в злобе и агрессии именно пьяными людьми, но очевидно и то, что ставка была высока и доказать, что убил кого-то в хмельном угаре или состоянии безумства[28], означало продлить себе жизнь.

В начале XVIII столетия намечается изменение отношения к *преступлениям «пьяным делом»*. Петровский рационализм отчетливо проявился на фоне относительной лояльности к пьянчугам перед Божьим образом: появление в храме и молитва после распития наказывались арестом, а нетрезвый священник, отправляющий церковную службу, лишался чина и достоинства[29]. Но теперь уже сложно было рассчитывать на снисхождение за уголовные проступки «в шумстве». «Когда кто пьян напьется, — сказано в Воинском артикуле и Морском уставе, — и в пьянстве своем что злого учинит, [яко смертное убийство и сему подобное], тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящею жестокостью наказан имеет быть»[30].

---

[27] См.: ПСЗ. Т. I. № 1. С. 148. 1649. 29 января; № 431. С. 792–793. 1669. 22 января. Причем пьяная ссора, а затем убийство в тот же день из мести не уменьшало вины и каралось смертью (№ 431. С. 793. 1669. 22 января).

[28] Так, в 1775 году крестьянка Васса Нищаева убеждала судью Изюмской провинциальной канцелярии, что сожгла родившегося у нее от мужа сестры ребенка, будучи в беспамятстве от приключившейся у нее еще в детстве падучей болезни (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 187. Л. 1–3).

[29] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 322–324. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3485. С. 50–51. 1720. 13 января.

[30] Там же. Т. V. № 3006. С. 333. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3485. С. 65. 1720. 13 января.

Тем не менее отразившаяся в Соборном уложении длительная традиция отношения к пьяному преступлению как к случайному была сильна и в конце XVIII века. В 1782 году в Уставе благочиния вновь пришлось напоминать: «Буде же в пьянстве кто учинил проступок или же преступление с намерением: да накажется яко трезвый». Однако определить, где в поведении дебошира был расчет, а где «азарт и забиячество», часто не представлялось возможным. Поэтому в той же статье Устава говорилось: «Буде же кто в пьянстве учинил проступок или преступление без намерения: да накажется пьянства срочным воздержанием в рабочем доме»[31].

В данном контексте особый интерес представляют собственноручные конфирмации императрицы, сделанные на докладах Сената о смертных убийствах «в шумстве и воспалении гнева» и превращающиеся постепенно в обязательный единый вердикт. Окончательный приговор все чаще звучал так: «Хотя он точного умыслу к убийству не имел, а учинил оное от пьянства, но пьянство, спряженное с таковым злом извинить его не может»[32].

Повреждение и жестокость нравов

Но, как известно, убивали и убивают на Руси не только в пьяных драках и в «беспамятстве». Много случалось жутких семейных трагедий. В деревне Малая Уча Казанской губернии малолетний новокрещеный Иван Михайлов заколол родного брата Прохора Михайлова[33]. Смоленский шляхтич Анофрий Белкович отравил мышьяком невестку, жену сына, за происходившие от нее обиды, досады и непослушания[34]. Отставной из дворян прапорщик Иван Пустошкин в городе Боровичи, вернувшись домой, нашел свою беременную жену чем-то опечаленной и отказывающейся выполнять его поручения, огорчась ее неповиновением, бил ее деревянной тростью, а потом ударил в висок. Жена потом добралась до

[31] ПСЗ. Т. XXI. № 15379. С. 479, 483. 1782. 8 апреля.

[32] См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 429–434.

[33] Там же. Оп. 61. Д. 5110. Л. 585.

[34] Там же. Л. 546–546об.

постели, попросила масла и кислой капусты, а через десять часов умерла[35].

Женщины, в целом особенно угнетенные в семьях, довольно часто оказывали сопротивление. Мавра, Филатьева дочь, не стерпев постоянных побоев, задушила подушкой мужа, поручика курмышской инвалидной команды Илью Никифорова, потом перетащила труп в сарай и там повесила, чтобы скрыть убийство[36], а шляхтинка Ева Фрейманова отравила мужа ядом[37]. Вдова отставного прапорщика Василия Лебедева Мария Федорова дочь подговорила дворовых людей порешить своего отца, отставного канцеляриста Федора Феоктистова, измучившего ее нравоучениями[38].

Разумеется, в крепостнической России по вине благородного сословия гибли крестьяне. Значительная часть смертных преступлений происходила от рук распоясавшихся помещиков, утративших и совесть, и элементарный разум, о котором Екатерина писала Дидро[39]. Своих собственных подданных били кнутом, плетью, батогами, пороли и поливали водкой, закалывали шпагами, проламывали им головы засовами, которыми в станках лошадей запирают[40]. Убивали и дворянки. Печально известная Салтычиха выделялась на общем фоне именно патологическими зверствами, но, увы, не самим фактом совершаемых помещицами насилий над крестьянами, и особенно дворовыми девками и женками[41].

Вековая привычка к сословному преимуществу могла спровоцировать у некоторых дворян с «гнусным характером и невоздержанным состоянием» и издевательства над чужими крестьянами. Так, мышкинский помещик подпоручик Григорий Бакастов и, что

---

[35] РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5195. Л. 162–167.

[36] Там же. Д. 5110. Л. 564–564об.

[37] Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50об-51.

[38] Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431. См. далее: Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 25, 37об, 40об; Д. 5. Л. 51об и др.

[39] См.: *Дидро Д.* Собр. соч. М., 1947. Т. X. С. 363.

[40] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 18об, 47; Д. 4. Л. 8, 58; Д. 5. Л. 49–49об, 71; Д. 6. Л. 30об–31, 50–51; Д. 7. Л. 38об–39; Д. 8. Л. 78; Ф. 248. Оп. 60. Д. 503. Л. 1249–1256об; Оп. 61. Д. 5074. Л. 181–182об; Д. 5110. Л. 221; Д. 5195. Л. 724–740; Оп. 62. Д. 5271. Л. 497–506об и т. д.

[41] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 18об, 41об; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5138. Л. 946–947 и т. д.

показательно, секретарь Мышкинского уездного суда Андрей Куракин забили до смерти старосту вотчины княгини Волконской[42]; костромской отставной секунд-майор Степан Витовтов замучил дворового человека Алексея Игнатьева, принадлежащего дворцовому стряпчему Алексею Рамантову[43], солдат из дворян Рязанской губернской роты Леонтьев убил ямщика[44].

А осенью 1782 года в селе Реткине Орловской губернии штык-юнкер Петр Мильшин, напившись и напоив своих людей, с оружием ввалились в дома крестьян помещика секунд-майора Жилина, Федора и Герасима Ивановых, Егора Антонова и Евстрата Петрова. Крестьян избили батогами и заковали в железо, а улья с пчелами, хлеб, коноплю, платье, холсты, деньги — словом, все, что можно, погрузили на возы и отправили в имение Мильшина. Не пережив побоев, двое крестьян умерли, что и подтвердил осматривавший тела доктор Депельмеер. Все это время в селе Реткине «по такому ужасному разорению носился крик разбоя, а при церкви набатный звон, но спомоществования никто сделать был не в силах»[45].

Драматизм всех этих кровавых событий усиливается еще более, если учесть, что убийства крестьян осуществлялись, как правило, руками других крепостных по приказанию помещика. Так, в 1782 году новгородский и тверской генерал-губернатор граф Я. А. Брюс докладывал Сенату о следующем происшествии в селе Валухине Ваксаловской волости. Некий поручик Савин, которому староста прямо в дом доставил из бегов женку Марфу Самсонову, позвал к себе в горницу людей Матвея Яковлева, Ивана Иванова, Никиту Федосеева и Ксенофонта Григорьева с кнутами. Женку вывели на крыльцо, раздели донага, высекли немилосердно, а потом оттащили в людскую избу и положили на лавку. Вскоре она умерла, а ближе к ночи тело исчезло. Однако дворовый человек Ульян Максимов не смолчал и рассказал крестьянам, что он вме-

[42] РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 55об–56.

[43] Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 280.

[44] Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 44.

[45] Там же. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5303. Л. 58–78об. См. также: Там же. Оп. 61. Д. 5110. Л. 468; Д. 5138. Л. 215–215об; Д. 5119. Л. 702–702об и т. д.

сте со старостой по приказу барина отнес мертвое тело в поварню, а потом зарыл в землю под мостом. На следующий день те же самые мужики, которые избивали Марфу Самсонову, отправились к дворянскому заседателю прапорщику Николаю Никонову и все ему рассказали. Тело эксгумировали, убийство было раскрыто, и поручика Савина предали суду[46]. К сожалению, в этом деле не приводится собственно текст доклада графа Брюса, но искренне и эмоционально написанный рапорт тамбовского и рязанского генерал-губернатора М. Ф. Каменского по поводу сходного преступления сохранился.

В деревне Никитиной Кадомской округи прапорщица княгиня Матрена Тугушева жестоко наказала дворовую девку Матрену Харитонову за побег, и та после побоев умерла. Осознав содеянное, прапорщица бросилась за помощью к матери Анне Лопатиной, и та направила своего дворового человека Григория Петрова, приказав ему тело расчленить, уложить останки в сундук, а сундук зарыть. Но крепостные Тугушевой Фекла Иванова, Степанида Кондратьева и Василиса Епифанова решили зверства барыни не покрывать и сообщили об убийстве. Однако не менее, чем преступление, Каменского потряс приговор уголовного суда Тамбовской наместнической палаты. Собственно, именно поэтому он и обратился в Сенат: Тугушева приговаривалась только к церковному покаянию, Григория Петрова полагалось наказать плетьми, а сообщившие о случившемся крепостные женщины оставались за прежней помещицей. Каменский назвал преступление Тугушевой «смертоубийством, сопряженным с варварством» и заявил, что дворового человека надо оставить безо всякого наказания, «потому что он исполнял волю помещицы своей, а по нынешнему положению слуг, противу господ их ни один слуга отказать не осмелится». Доносительниц же необходимо было, по мнению генерал-губернатора, «освободить от рабства, приказав им из-

[46] РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 626–643об. Материалы следственных дел показывают, что крестьяне довольно часто доносили на убийц-помещиков. В данных обстоятельствах указ 1767 года, по которому людям, отважившимся подавать челобитные на своих господ, грозило наказание кнутом или ссылка на Нерчинские рудники, терял свою юридическую силу (ПСЗ. Т. XVIII. № 12966. С. 336. 1767. 22 августа).

брать какой род жизни сами пожелают, для ободрения в таковых несчастных случаях (от которых, Боже, впредь сохрани все общество!) слуг к признанию перед судом»[47].

Неопровержимость того факта, что крепостничество было обязательным условием сохранения и развития российской государственности и важнейшим компенсационным механизмом выживания общества[48], не отменяет его колоссального и в целом разрушающего влияния на сознание современников. Приведенный здесь рапорт Каменского, с горечью осознающего рабскую зависимость крестьян, еще раз подтверждает, что и в XVIII веке были «люди, которые гибли нравственно, наживали себе раскаяние, подавляли это раскаяние и грубели от того, что у них есть возможность казнить право и неправо»[49]. С другой стороны, для значительной части дворянства была характерна уверенность поручика Солодилова, что убийство собственного дворового человека является частным делом душевладельца[50]. Таким образом, сложившийся социальный строй России наряду с объективно обусловленным низким уровнем образованности[51] относились к сложной совокупности причин и обстоятельств, определяющих «повреждение и жестокость нравов» в среде всех сословий.

---

[47] Там же. Оп. 61. Д. 5195. Л. 292–293. Правда, по свидетельству современников, сам М. Ф. Каменский отличался крайне несдержанностью нрава и был зарублен собственным крепостным человеком (см.: *Геттун В. Н.* Записки // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 253–273; *Дубосаров И. И.* К биографии фельдмаршала графа М. Ф. Каменского // Исторический вестник. 1880. Т. 2. С. 199).

[48] См.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 532–566.

[49] *Толстой Л. Н.* Война и мир.

[50] См. об этом подробнее: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 203–237.

[51] «Специфика социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, — пишет Л. В. Милов, — определила упрощенную структуру государственной машины, обусловила поздний генезис светской культуры. <...> Резкий контраст в уровне развития культуры по сраннению с Западом был заметен в течение веков; ведь первые университеты появились там в XII–XIII вв., а у нас лишь в середине XVIII в.» (*Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 564).

Высочайшие конфирмации, протоколы Сената, рапорты генерал-губернаторов, земских судов и воеводских канцелярий свидетельствуют о разнообразных случаях смертных преступлений в отношении дворян, купцов, чиновников и даже духовных лиц[52]. Так, отставной прапорщик Прокофий Борисов засек дворянина Кириллу Дережинского[53], суздальский помещик Яков Алексеев застрелил своих племянников[54], а содержащийся в новгородском наместничестве подпоручик из дворян Василий Лялин заколол отставного секунд-майора Никиту Трубашевского шпагой[55]. Священнический сан и монашеская ряса также не всегда останавливали убийц: отставной из дворян корнет Иван Ураев порешил церковника рязанского села Кумина Михайлу Гаврилова[56], прапорщик Василий Бекшеев обвинялся в кончине попа Семена Алексеева[57], содержащийся в Ряжской воеводской канцелярии отставной из дворян сержант Яков Муратов засек монахиню Олимпиаду[58]. Происходили серьезные конфликты и в среде канцеляристов: судья Гдовского уездного суда Безумов, заседатели Титов и Елагин и секретарь Чепелев высекли копииста Балдина, после чего тот умер[59]. А в апреле 1763 года в городе Шуя капитан Михаил Порошин принес в воеводскую канцелярию челобитную, однако подканцелярист Василий Комаров принять и уж тем более переписывать жалобу отказался, чем-то она ему не понравилась. Порошин спорить не стал, молча вышел и спрятался за избу, в которой располагалось присутствие, а когда несговорчивый подканцелярист отправился домой, капитан заколол его шпагой[60].

---

[52] См. также, например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 37об; Д. 4. Л. **58**; Д. 6. Л. 46; Д. 9. Л. 17об; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 159. Л. 1–4; ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; Т. XVIII. № 12844. С. 55–56. 1767. 7 марта.

[53] Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50.

[54] Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5138. Л. 851–851об.

[55] Там же. Д. 5119. Л. 205.

[56] Там же. Д. 5195. Л. 348–350об.

[57] Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 57.

[58] Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 243.

[59] Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 46.

[60] Сенатский архив. СПб., 1909. Т. 13. С. 149.

«Поступать по точной силе 1754 года указа»

Разумеется, подобные преступления, за которые по Соборному уложению полагалась высшая санкция, включая и такие зловещие формы смертной экзекуции, как колесование, сожжение и окопание в землю, не оставались безнаказанными и во второй половине XVIII века. В сентенциях, вынесенных провинциальными и губернскими канцеляриями, а иногда и Сенатом, часто звучал вердикт: «заслуживает натуральную смертную казнь» или в отношении высшего сословия — «подлежит лишению дворянства, чинов и жизни». Однако императрице ни разу не пришлось смягчать подобные решения, поскольку даже на уровне нижнего земского суда за приговором к смертной экзекуции по Соборному уложению и Воинскому артикулу сразу же приводились более поздние высочайшие указы, резко ограничивающие применение казни в России[61].

Указ 1754 года, практически подтверждающий введенный в 1744 году мораторий на натуральную казнь и политическую смерть, не только не был предан забвению, но, напротив, стал главным законодательным актом, определяющим все «смертные сентенции». Однако трактовка этого законодательного акта отличалась вольностью и рациональной простотой. Как уже упоминалось, Елизавета Петровна определила осужденных на смертную казнь и полити-

[61] Так, в декабре 1781 года Сенат подготовил для высочайшей конфирмации приговор дворянину Щетинову и дворянке Марковой, которые лишили жизни ее мужа дворянина Маркова. В сентенции отмечалось, что в соответствии с пунктами 72, 22, 14 и 19 главы 21 Соборного уложения, а также по 154-му артикулу 19-й главы Военного артикула преступникам полагается смертная казнь. Однако указ от 13 сентября 1754 года предписывал ограничиться лишением дворянства и ссылкой на каторгу. Поэтому решено было Щетинина наказать кнутом и вырезать ноздри, а Катерину Маркову гуманно оставить «без знаков». Но Манифест 1775 года, дарующий монаршие милости по случаю заключения мира с Портой, и осужденных к телесному наказанию требовал освободить и отправить на поселение. Так, убийцы отделались лишением дворянства и работами на Днепровской линии, что в принципе и соответствовало склонности Екатерины к гуманизации уголовного законодательства. Неудивительно, что вердикт был краток: «Быть по сему» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 51. Л. 173об).

ческую смерть экзекуциям не подвергать, одних клеймить словом «ВОР», другим вырезать ноздри, всех наказать кнутом и сослать на рогервикскую каторгу, в Сенат же и на высочайшее имя отправить экстракты дел, сопровожденные аргументированными мнениями, и ждать распоряжений[62].

Во время правления Екатерины в большинстве случаев возможность смертной казни аннулировалась сразу на самых низших инстанциях[63], а на высочайшую конфирмацию поступали, как правило, дела представителей дворянского сословия, что, тем не менее, далеко не всегда облегчало их участь. И хотя определенная имитация *политической смерти* еще всплывала в некоторых приговорах[64], о самом понятии и терминологических изысканиях предшествующего царствования никто уже не вспоминал. Вырезание ноздрей превращалось в архаику, а семантика клеймения и вместе с тем понимание самого страшного преступления, а может быть, и греха изменились. Некоторых преступников помимо вечной «каторжной работы» приговаривали к специальному позорящему обряду: «поставить на лбу под виселицею первую букву слова "убийца"»[65].

Как при Елизавете Петровне, так и в годы правления Екатерины II никакого публичного подтверждения приостановки смертной казни не произошло. Подданные по-прежнему считали, что на Руси от сумы, тюрьмы, да и от плахи зарекаться нельзя. В то же

---

[62] ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235–236. 1754. 30 сентября.

[63] В привлеченном к работе корпусе конфирмаций приговоров Сената и губернских канцелярий, состоящем более чем из 500 документов, было выявлено только четыре приговора к смертной казни, которые, разумеется, не получили высочайшего подтверждения.

[64] Так, отставной капитан Турбин за убийство крепостной девушки был лишен дворянства, чинов, фамилии, возведен на эшафот, положен на плаху, заклеймен и сослан навечно в работу (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 115–116).

[65] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 25об; Д. 4. Л. 50об–51; Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 51об; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431; Д. 5159. Л. 199–199об; Высочайше утвержденный доклад Сената о наказании за умышленное смертоубийство лишением чинов, дворянского достоинства и постановлением на лбу знака первой буквы слова «убийца» (ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 *июля*) и др. См. об этом также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 23–24. С. 126–127; М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 114–116.

время регулярно и с особой торжественностью объявлялись всем приговоренным к смертной экзекуции помилования, приуроченные часто к наиболее важным пафосным событиям. В 1762 году коронование и миропомазание новой императрицы, в 1775 году победа над Оттоманской Портой и, наконец, в 1782 году открытие монумента Петру I были отмечены освобождением колодников от смертной казни[66]. Преамбулы манифестов апеллировали к евангельской благости и, может быть, в какой-то степени выражали в словесной форме те чувства, за которыми в свое время последовала Елизавета Петровна: «Почитаем за долг свой открыть Богу искреннюю благодарность, но чем оное изъявить можем? Существо Его есть человеколюбие, милости он хочет, а не жертвы... не можем мы лучше воздать благодарения, как угождая божественному Его милосердию к виновным»[67].

Массовые показательные казни участников восстания Пугачева так или иначе девальвировали образ милосердной государыни и в целом не могли способствовать умиротворению подданных[68]. Именно поэтому уже через несколько недель после подавления бунта императрица потребовала предать происшедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казненных, а «лобные места истребить». Именно тогда присутственные места получили прямое указание — «а впредь по преступлениям, смертную казнь заслуживающим, поступать по точной силе 1754 года указа»[69].

---

[66] ПСЗ. Т. XVI. № 11667. С. 69–70. 1762. 22 сентября; Т. XX. № 14275. С. 82–86. 1775. 17 марта; Т. XXI. № 15488. С. 649–650. 1782. 7 августа.

[67] См.: ПСЗ. Т. XX. № 14275. С. 82–86. 1775. 17 марта; Т. XXI. № 15488. С. 649–650. 1782. 7 августа.

[68] Мишель Фуко справедливо замечает, что публичная казнь, эта рукопашная схватка мести суверена с осужденным, в действительности чревата бунтом, поскольку в ней обретают опору насилие короля и насилие народа (*Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. С. 89–90).

[69] ПСЗ. Т. XX. № 14294. С. 104–106. 1775. 6 апреля. Кстати заметить, что расправа с участниками восстания Пугачева станет практически последней смертной казнью в Российской империи вплоть до повешения пяти декабристов в 1826 году. Во время Наполеоновских войн полковник М. М. Петров, впервые в жизни увидевший виселицу недалеко от городка Штропен, был глубоко потрясен: «Между прочим... вдруг предстало глазам моим... какое-то отдельное строеньице... не виданного никогда мною образа: с пятью столба-

Таким образом, лишившись возможности применять смертную экзекуцию, карательные органы оказались перед очень незначительным выбором наказаний за тяжкие преступления. Большинство приговоров теперь отличались однообразием и сводились к ссылке и телесным наказаниям. Рогервик свою былую славу утратил, и теперь главными строительными площадками каторжан стали Оренбург, Нерчинск и Днепровская линия, а местом вечного поселения традиционно оставалась Сибирь. Иногда преступник направлялся на солдатскую службу в отдаленные крепости или оказывался в застенках Ревеля и Шлиссельбурга. «Тело казнили» кнутом и шпицрутенами, а также плетью — последнее было менее болезненно и в дальнейшем не становилось препятствием для службы в армии[70], малолетних воспитывали розгами, иногда наказание производилось публично — «в страх другим». Постепенно кнут и плеть становились уделом низших слоев, в то время как права дворянства стремительно расширялись, получив свое окончательное оформление в Жалованной грамоте, где кратко декларировалось: «Телесное наказание да не коснется до благородного»[71]. В свою очередь преступники из

ми... стоящими на высоком круглом цоколе. На столбах этих лежали перекладины. Я спросил проводника моего: "Что это такое?" Он отвечал: "Виселица". <...> Тоскливое изумление, как черный ворон, простерлось и объяло душу мою скорбию. "Как, — думал я, — и в те самые минуты, когда, казалось мне, что судьба совершила уже лестные желания мои, приблизив меня в благоговении к божественной Германии, к народу, казавшемуся мне, по описаниям и слухам от многих, благоизбранных нравов, и вот на первом шаге моем к ним встречает меня прекрасное ручательство — виселица!!"» (1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 136–137). Благодарю Л. Ф. Писарькову за сведения об этом эпизоде (см.: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 298).

[70] См., например: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 401, 566, 569; и др.

[71] ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 347. 1785. 21 апреля. От телесных наказаний освобождались также две первые гильдии купечества, именитые граждане и священнослужители (Там же. № 16188. С. 369, 381. 1785. 21 апреля). Исключение из этих защищенных законом групп не открывало, однако, возможность для применения подобных санкций. Лишь при Павле I будет объявлено: «Как скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается» (ПСЗ. Т. XXIV. № 17916. С. 590–591. 1797. 13 апреля).

привилегированного сословия лишались своей принадлежности к высшей касте, чинов, возможности дальнейшей службы и всего имущества, которое во время правления Екатерины отходило законным наследникам.

Однако если выносимые приговоры и определялись статусом убийцы, то, как правило, не зависели от социального положения жертвы. Подобный вывод может показаться неожиданным для устоявшихся представлений о крепостнической России второй половины XVIII века, но за отнятую жизнь соседа-помещика, священника, канцелярского копииста и беглого крестьянина, умершего даже через три дня после побоев, дворянина ожидали примерно одинаковые наказания, усугубляемые принудительным покаянием. Так прагматичная забота государства о своих главных налогоплательщиках, крестьянах, оказывалась в одном социальном контексте с христианским учением о равенстве всех перед Богом и заповедью «не убий».

Безусловно, в условиях практической приостановки смертной казни и освобождения высшего сословия от телесных наказаний диапазон карательных мер был весьма ограничен. С другой стороны, нельзя отрицать большой личной зависимости крепостного и низкой стоимости его «подлой души»: частновладельческих крестьян можно было сослать на каторгу, отдать в рекруты, нещадно наказать плетьми, но их категорически нельзя было убивать. Во всяком случае, после смерти своей удавалось им иногда «пожить шумно, как бы в награду за не примеченную никем жизнь»[72], попасть в экстракты уголовных дел и в каком-то смысле сравняться с убиенными «из благородных».

В 1762 году, еще во время краткого правления Петра III, в Воронежской губернии умер Филин Тихонов, крепостной поручика Василия Нестерова. Весьма вероятно, Тихонов не был работящим и покорным мужиком, «творил непотребства, кражи и побеги». Не оставался в долгу по отношению к таким крестьянам и Нестеров. После поимки Тихонова поручик, напившись, бил его, жег его огнем, а потом посадил на ночь в погреб, где утром обнаружили труп. Испугавшись и, видимо, мгновенно протрезвев, Нестеров ре-

[72] *Гоголь Н. В.* Шинель.

шил умолчать о смерти крепостного, в канцелярию не донес, а тело несчастного тайно зарыл «на гумне в землю». Но преступление было раскрыто, поручика взяли под стражу, и тут в Юстиц-коллегии выяснилось, что «если крестьяне от помещиков своих сверх обыкновенного их наказания помрут, за то что с помещиков чинить — таковых точных указов нет». Сенат рассмотрел дело, оставив без внимания доношение поручика о том, что якобы покойный Тихонов грабил его, пытался зарезать ножом, а потом сам принял отраву. Василия Нестерова сослали навечно в Нерчинск, а имение конфисковали в пользу наследников[73].

Наказание, определенное дворянину за смерть крепостного, оказалось таким же, какое последовало бы за убийство представителя любой другой социальной страты. Эта сентенция стала судебным прецедентом и в дальнейшем повлияла на приговоры помещикам, которые над людьми своими совершают «убийства и необыкновенные тиранские мучения». Власть сама невольно задавала подобный внесословный стандарт отношения к человеческой жизни. Ни в одном экстракте не встречалось даже намека на возможность смягчения приговора лишь на том основании, что убитый был крепостным человеком. Напротив, заключительная сентенция приобретала иногда пафосную, почти проповедническую стилистику: «дабы кровь убитого отмстить и не оставалась она без возмездия»[74].

Вообще следует заметить, что в русском обществе XVIII столетия такая драматичная сфера социальной жизни, как судьбы совершивших смертные преступления, не могла не иметь самой тесной связи с евангельским учением и институтом церкви. При Елизавете Петровне христианские ценности непосредственно, без какого-либо духовного наставничества православных иерархов, определили решение светской власти о недопустимости смертной экзекуции. Во время правления Екатерины религиозные догматы использовались больше в воспитательных и процессуальных целях с активным привлечением священнослужителей.

---

[73] ПСЗ. Т. XV. № 11450. С. 923. 1762. 25 февраля.

[74] См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 348–350об; ПСЗ. Т. XX. № 15032. 1780. 9 июля; и др.

Священник-дознаватель и судья-миссионер

Церковники обязаны были контролировать, чтобы колодники исповедовались по крайней мере один раз в год и не уклонялись от молитвы во время трех главных постов, праздников и воскресных дней. При этом духовным лицам полагалось не только заботиться об «умилении и сердечном сокрушении» преступников, но и выступать в роли статистиков, направляющих в экспедицию Сената ведомости о числе раскаявшихся колодников, а также о месте и дате их последней исповеди до совершения злодеяния и ареста[75]. В частности, например, именно на основании представлений из епархий о наложении епитимьи Сенат сделал заключение о большом количестве смертных убийств среди однодворцев[76].

Авторитет веры активно использовался для так называемого «увещевания», в ходе которого священнослужитель должен был принять на себя функции следователя и добиться от преступника как «чистого признания», так и сведений о деталях и «околичностях» содеянного. Предполагалось, что слово духовного лица заменит пытку, «которая в старину была укоренена в обычаях судопроизводства»[77], а милосердие позволит уменьшить «кровопролитие и истязание». Правда, довольно быстро выяснилось, что подобные дознания требуют большой психологической интуиции и мощной аргументации, предполагающей как минимум хорошее знание Нового Завета. С этим у русских церковнослужителей дела всегда обстояли не совсем благополучно[78], поэтому был издан специальный сенатский указ о ликбезе духовенства и увеличении числа

---

[75] См. об этом: ПСЗ. Т. XVI. № 12227. С. 889–890. 1764. 16 августа; Т. XVII. № 12312. С. 10–11. 1765. 17 января; Т. XVIII. № 12919. С. 153. 1767. 21 июня; Т. XX. № 14579. С. 498–499. 1777. 11 февраля; РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. 712–712об; Д. 5195. Л. 75–91об, 348–350об; ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; и др.

[76] РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. 712–712об.

[77] *Пушкин А. С.* Капитанская дочка.

[78] Может быть, отчасти поэтому в 1776 году увещевание отставного капитана Александра Ефимовича, зарезавшего в забвении и беспамятстве свою жену, было поручено «учителю риторики», который принадлежал к духовному званию, но был образованнее обычных священнослужителей (Т. XX. № 14539. С. 453–455. 1776. 17 ноября).

«ученых священников»: «А как Ее императорскому величеству не безызвестно, что по иным городам ученых священников и нет, то для увещевания [преступников] сочинить особливую книжицу с довольными доводами от Священного писания»[79]. Руководство вызвался написать ростовский и ярославский епископ преосвященный Афанасий Волховский. Однако спустя 13 лет Сенат обнаружил, что «доныне предписанная книжица не сочинена», поэтому преступникам для начала без церковных посредников было коротко и доходчиво объявлено, что «истинное признание избавит их от истязаний и пыток»[80].

После этого сановники сами взялись за перо, чтобы составить инструкции для дознавателей из духовенства и не упустить возможность использовать авторитет *закона* и *суда Божьего* для вершения *суда государственного*. В бумагах графа А. А. Безбородко сохранилась рукопись, адресованная церковникам, с помощью которых предполагалось постепенно заменить пытку убедительным словом. «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею»[81] представляли собой набор точных и выверенных психологических приемов, позволяющих манипулировать сознанием преступника и не только получать необходимые сведения, но и изменять его внутреннюю мотивацию[82].

---

[79] ПСЗ. Т. XVI. № 12227. С. 889. 1764. 16 августа.

[80] См. об этом: ПСЗ. Т. XVI. № 11744. С. 146. 1763. 29 января; № 11759. С. 162. 1763. 17 февраля; Т. XX. № 14579. С. 498–499. 1777. 11 февраля; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 80. С. 77. 1762. 4 декабря; № 103. С. 98. 1763. 12 марта; № 199. С. 242. 1764. 16 августа.

[81] Здесь и далее цитируется писарская рукопись из бумаг графа А. А. Безбородко «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–15об).

[82] Собственно, практика психологической подготовки к покаянию существовала и раньше. В некоторых Требниках XVI–XVII веков исповедное чинопоследование включало образцы так называемых «предысповедных увещаний». Однако эти наставления священникам, разумеется, не рассматривали увещания как составляющую часть судебного дознания и были далеки от инструкций по изощренному воздействию на личность кающегося. Основная задача «предысповедных увещаний» сводилась к побуждению пришедшего на исповедь искренне рассказать о своих грехах. При этом, по мнению А. И. Алмазова, «предысповедные увещания» «с внутренней стороны, со стороны содержания, [были] бедны и сердечным отношением духовника, и вообще назида-

Первостепенное значение уделялось личности увещевателя, и прежде всего не собственно его достоинствам, а репутации и способности к взвешенному убеждению. Далее перечислялись важнейшие приемы, позволяющие завладеть доверием подсудимого: снисходительный и сострадательный разговор; расположение к откровенности и рассказу «об истории своей жизни»; напоминание о несчастьях жены, детей и в целом тех, кто «любезен» арестованному, и возможность краткого свидания с ними; заверение в полной конфиденциальности бесед. Иначе говоря, необходимо было предстать перед арестантом в роли «страждущего отца, сожалеющего о его состоянии».

Кроме того, от увещевателя требовался грамотный психологический анализ и понимание причин «ожесточения», приведших к преступлению: «от неверия ль или суеверия, или от привычки к порочной жизни, или от отчаяния о возвращении счастия или от страха наказания?» Увещевателю полагалось прояснить не только сугубо «мечтательные», но и социальные истоки содеянного, среди которых выделялись наиболее вероятные: неблагонамеренные родители, давшие худое воспитание; худые люди; бедность; злоупотребление должностью; и, наконец, личность самого претерпевшего. При этом автор инструкции специально пояснял, что бедность бедности рознь и оказаться в плачевном положении человек может как от мотовства и лености, так и по «посторонним причинам». Не менее проницательно были выведены и социальные типажи так называемых жертв, способных спровоцировать преступление: «господин, не дающий слуге пропитания; начальник, не предупреждающий беспорядков; [не]кто, по неспособности к правлению, расстраива[ющий] порядок».

тельными идеями» (см.: Образ наставления узника к сердечному сокрушению; образ иерейского наставления осужденных на смерть узников, при изведении на смерть осужденного // Чин иерейского наставления в пути вечные жизни болезнующих, с приложением подробного по всем заповедям о грехах испытания. Вкупе же образ наставления осужденных на смерть узников. Почаевский монастырь. 1776. 39, 45об, 50об, 56об и др.; Наставление духовнику. По Требнику XVI в. // Алмазов А.И. Тайная исповедь в восточной православной церкви (Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям). Одесса, 1894. Т. III. С. 265–267; *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в восточной православной церкви. Одесса, 1894. Т. I. С. 451–595).

Наконец, в соответствии с инструкцией все усилия увещевателя поднимались «до высоты звездного неба и скреплялись нравственным императивом» правосудия Божьего и истин Священного Писания. Предписывалось смягчить душу преступника притчей о блудном сыне и «возбудить в нем сердечное раскаяние». Затем необходимо было напомнить о греховности каждого перед Всевышним и неотвратимости Божьего суда, утешить возможностью спасения души за мгновение до смерти и устрашить геенной огненной за сговор с дьяволом всякого, кто скрывает правду. Разумеется, ожидающему *суда государственного* следовало еще раз провозгласить столь любимые всеми правителями слова из Послания апостола Павла к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; посему противящийся власти противится Божию установлению». Однако автор инструкции пошел дальше и, распространив благословление Всевышнего на сферу суда, заявил, что «судиям власть передана от Бога, почему их суд нарицается суд Божий, и запирательство [преступника] представляе[т] Бога лжесвидетелем». После этого оставалось объявить содержащемуся под стражей, что он не только раб Божий, но и «сын Отечества», который «обеспокоил оное преступлением, но успоко и[т] признанием». В данном контексте судьям предписывалось «соизмерять наказание» с тяжестью содеянного, учитывая особенно заслуги арестованного перед властью.

В конце инструкции автор выражал уверенность, что увещеватель из среды духовенства знаком со Священным Писанием, однако на всякий случай на 20 страницах привел цитаты из Ветхого и Нового Заветов, чтобы «они подавали ему мысли и мысли его подкреплялись оными». При этом весьма тонко пояснялось, что канон не догма, а учение, помогающее понять порок преступника и «противную оному добродетель».

Данная инструкция опубликована, по всей видимости, не была, однако ее содержание точно определяло запрос власти, использующей представителей духовенства в ходе разбирательств по уголовным делам в качестве увещевателей, дознавателей, оповестителей и свидетелей при повальных обысках[83]. При этом угроза

[83] См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5119. Л. 602–603об; Д. 5195. Л. 75–91об, 348–350об; Оп. 62. Д. 5278. Л. 626–643об; ПСЗ. Т. XVIII. № 12919.

жестокого наказания за преступление иногда становилась своеобразным миссионерским хлыстом для привлечения иноверцев в лоно православной церкви. До негласного моратория Елизаветы Петровны магометане могли «спасти живот свой», принимая греческое исповедание. После практической приостановки смертной казни и политической смерти мусульмане, а также идолопоклонники и те неразумные, которые вообще никакой веры не имели, получили шанс избежать и наказания кнутом через святое крещение. Более того, холопы и крепостные из неверных получали свободу, а помещиков-магометан спасти от потери рабочих рук могло только обращение в православие[84]. Иначе говоря, познавшим единственно праведный Закон Божий облегчалась участь по закону государственному.

Несколько сложнее обстояло дело с дружественными христианскими конфессиями. В 1796 году Сенату пришлось рассматривать рапорт тверского и новгородского генерал-губернатора Н.П. Архарова о конокраде Карле Бломе. Швед Блом родился в России в семье почтенного пастора, хотел поступить на военную службу, но, получив по какой-то причине отказ, свернул на скользкую дорожку и украл сначала трех крестьянских лошадей, а потом и трех казенных прямо с поля в селе Гатчина. Петербургская палата уголовного суда приговорила Блома к наказанию кнутом, от которого этот сын лютеранского священнослужителя решил уклониться, приняв греко-российскую веру. Был бы Блом мусульманином, язычником или стихийным агностиком XVIII столетия, тогда бы легко подходил под указ Елизаветы Петровны и вместо кнута получил бы православный крест и прощение. Но в том-то и заключалась загвоздка, что «вышеозначенный преступник Блом был человеком, рожденным в вере христианской, при том в России, и законы сего государства, предписывающие каждому правила жизни, были ему известны». Однако Сенат пошел навстречу лютеранину-конокраду, посчитав, в традиции российского законодательства, наиболее

С. 153. 1767. 21 июня. Т. XX. № 14579. С. 498–499. 1777. 11 февраля; № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; и др.

[84] См.: ПСЗ. Т. XI. № 8349. С. 369–370. 1741. 11 марта; № 8482. С. 549. 1741. 5 декабря; № 8793. С. 919–920. 1743. 28 сентября; Т. XXIII. № 17475. С. 905–907. 1796. 19 июня.

веским аргументом прецедент 1790 года, когда американский поручик фон Деттиль, прибегнувший «под сень святой православной церкви», избежал наказания[85].

Однако сходные казусы случались и задолго до счастливого облегчения наказания новоявленным православным, шведу Блому и американцу Деттилю. Еще в 1765 году в Военную коллегию обратился с прошением бывший сержант Пензенского пехотного полка Оренбургского гарнизона Иван Роза. Этот Роза в 1746 году был направлен по делам службы в Екатеринбург, где повздорил с горным инженером Бретшнейдером, прибывшим в Россию из Саксонии. Ссора закончилась убийством бедного саксонца и приговором сержанта Розы к вечной каторге. В 1756 году больной Роза, видимо, стал совсем непригоден для работ и был переведен на поселение. Тут-то и возникло у него желание «для лучшего спасения души отвергнуть веру лютеранскую, восприять веру греческого исповедания» и отправиться на моление к святым угодникам ростовским чудотворцам. Военная коллегия, коль скоро речь шла о делах духовных, обратилась в Святейший синод, где приняли решение об освобождении принявшего православие Ивана Розы из ссылки и разрешении ему совершить паломничество. Тем не менее случай этот прецедентом не стал, был квалифицирован как не подлежащий «рассуждению Синода» и в известной мере инициировал изданный спустя несколько месяцев указ «О невступании духовным консисториям в дела, не подлежащие духовному суду»[86].

Наконец, совершившие тяжкие деяния[87] принуждались «купно» к покаянию, которое дополняло в различных конфигурациях конфискацию, телесные наказания, каторгу, ссылку. Однако и здесь роль церкви, без участия которой осуществление подобной меры было вообще невозможно, регламентировалась светской властью.

---

[85] ПСЗ. Т. XXIII. № 17475. С. 905–907. 1796. 19 июня.

[86] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 235. С. 273–274. 1765. 7 апреля; ПСЗ. Т. XVII. № 12536. С. 472–473. 1765. 30 декабря.

[87] В данном контексте не рассматриваются преступления клира, а также светских людей против интересов веры и церкви.

«Наказать купно церковным покаянием»

Традиционно в Русской православной церкви существовали как добровольное, восходящее к таинству *исповеди*, так и принудительное *покаяние*, практически отождествляемое с *епитимьей*. На основании Соборного уложения 1649 года, «Выписки из деяний Собора 1667 года», «Новоуказных статей», а также «Инструкции» патриарха Андриана в сфере жесткого духовного контроля были, условно говоря, «гендерные связи» — «блудодеяние», «беззаконное прижитие ребенка», вступление четвертый раз в брак, пренебрежительное отношение к обряду венчания и т. п. Склонных к подобным вольностям отправляли в монастырь «под начал», т.е. под строгий надзор наставника, обязывали «быть в трудах», посещать церковную службу и после каждой литургии класть по сто и более земных поклонов[88].

Неверные сведения по судным делам, данные с крестным целованием, также подлежали церковной юрисдикции. На протяжении всего периода покаяния полагалось по понедельникам, средам и пятницам есть один раз в день хлеб с укропом, а по вторникам и четвергам — два раза тот же хлеб с «варивом без масла». Могли «клянущемуся на криве» вообще урезать лживый его язык, чтобы «сквернымі речами именем Божьим не укорялся»[89].

По «правилам святых апостолов и святых отцов» судили беглых холопов, которые, чтобы не возвращаться в прежнее состояние, подстригались в монахи или более того — становились священниками[90]. Разумеется, преследовались попытки прикрыть свою социальную неблагонадежность монашеской рясой безо всякого пострига: таким была прямая дорога в монастырь, но только уже «на смирение»[91]. «Для исправления отсылали к патриарху» христиан, обращающихся в другую веру, в то время как своеобразных проповедников, успешно насаждающих свою религию среди православных, «сжигали огнем безо всякого милосердия»[92].

---

[88] ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XX. Ст. 80. С. 130. 1649. 29 января; № 412. С. 699. 1667. 17 июня; Т. III. № 1612. С. 418, 422. 1697. 26 декабря.

[89] Там же. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. 1649. 29 января.

[90] Там же. Гл. XX. Ст. 67. С. 128. 1649. 29 января.

[91] Там же. Т. III. № 1612. С. 416–417. 1697. 26 декабря.

[92] Там же. Т. I. № 431. Ст. 89. С. 794. 1669. 22 января.

Как известно, церковь могла карать за земные грехи и умерших, лишая их права на отпевание и погребение у храма. К несчастным, не обретающим покой и после кончины, относились не только «бесноватые», самоубийцы, казненные преступники и погибшие при разбое и воровстве. Безымянная могилка в лесу или поле была уготована утонувшим во время забав на воде, убившимся на качелях и умершим в результате опьянения[93].

В целом именно этими преступлениями и ограничивался круг порочных деяний, за которые полагались мирянину церковные наказания в русском обществе, подошедшем к имперскому и синодальному периоду. По Соборному уложению покаяние, отлучение от церкви или запрет на причастие святым тайнам выступали, как правило, самоценной карой и не являлись лишь дополнением к телесным наказаниям, отсечению руки или заточению в тюрьму.

Отдельная 22-я глава Уложения специально посвящалась подробному перечислению преступлений, за которые полагалась смертная казнь. В ней же содержались статьи о «винах, за какие смертию не казнить, а чинить наказание», сводящееся к разнообразным физическим мучениям. О том, что таким «поругателям и забывателям закона Христианского» нужно бы назначить покаяние, в Уложении не упоминалось ни слова. Показательно, что еще до приговора Степана Разина к смертной казни Собор во главе с патриархом Иоасафом вынес свой вердикт об отлучении и проклятии «сего врага Божьего» за «поругание святой православной церкви и христианское кровопролитие»[94].

В петровском законодательстве все с большей очевидностью усиливается тенденция к сужению сферы правового контроля церкви и распространению имперской власти на те преступления, за которые мирянам предусматривались, казалось бы, духовные наказания[95]. По высочайшей резолюции на докладные пункты Синода

[93] ПСЗ. Т. III. № 1612. С. 417. 1697. 26 декабря. См. об этом: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000. С. 158–159; и др.

[94] ПСЗ. Т. I. № 503. С. 862–867. 1671. 15 января. Особое Божье знамение и милосердие иерархи увидели в том факте, что «вор и злодей» был проклят 12 марта 1671 года, а 14 апреля схвачен на Дону и закован в железо.

[95] «Желание светской власти, — пишет Е. Б. Смилянская, — с одной стороны, подчинить "духовные дела" церковной юрисдикции, а с другой — оставить

1722 года[96] светский суд теперь рассматривал дела о «любодействе и блудодействе», о «разделе по заветам», об укрывательстве старообрядцев и даже постановочных ложных чудесах[97]. За Синодом оставалось лишь преследование богохульников, еретиков, раскольников, вступающих в «недоуменные браки», «совокупляющихся родственников» и т. д. Симптоматично, что в случае игнорирования духовного суда церковь должна была жаловаться в Сенат на греховодника, который теперь подлежал уже наказаниям «светским началом». Разумеется, над всей этой пирамидой от судьи и епископа до Синода и Сената возвышалась величественная фигура Петра Великого, Отца Отечества[98], вещающего: «Ежели духовная персона или весь Синод во учиненной обиде нигде сатисфакции не получит — объявлять Мне»[99]. Мог Великий император в случае необходимости пригрозить своим подданным и *Страшным судом*. Так, он писал в 1717 году: «Господа Сенат, ежели несмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите»[100].

С Воинского устава *покаяние* начинает вообще рассматриваться как дополнительная карательная мера, налагаемая исключительно

поле для "законного" вмешательства светских инстанций, не позволило на протяжении всего XVIII века создать и единого органа, ведающего пресечением "беспорядков" в сфере православной религиозности имперских подданных» (*Смилянская Е. Б.* «Суеверия» и народная религиозность в России Века Просвещения // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. Spring-Summer. P. 51). См. об этом также: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. С. 347–393.

[96] ПСЗ. Т. VI. № 3963. С. 650–652. 1722. 12 апреля.

[97] «Когда кто велит для своего интереса или суетной ради славы огласить священником какое чудо притворно и хитро через кликуш... [тому] наказание и вечную ссылку на галеры с вырезанием ноздрей» (ПСЗ. Т. VI. № 3963. С. 652. 1722. 12 апреля).

[98] В 1721 году в связи с окончанием Северной войны и празднованием Ништадтского мира Петр присвоил себе знаковые и возвышающие русского монарха наименования «Император, Великий, Отец Отечества» [Акт поднесения Государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества (ПСЗ. Т. VI. № 3840. С. 444. 1721. 22 октября)]. См. об этом: *Агеева О. Г.* Имперский статус России: К истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. Вып. 2. С. 122–123, 135–136; *Марасинова Е. Н.* Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М., 2008. С. 146–167.

[99] ПСЗ. Т. VI. № 3963. С. 650–652. 1722. 12 апреля.

[100] См.: Письмо Петра I в Сенат. 1717, апрель // Сб. РИО. 1873. Т. 11. С. 348.

светскими властями без каких-либо ссылок на авторитет «правил святых апостолов и святых отцов». Каяться полагалось за идолопоклонство, чародейство[101], заговор ружья, блуд между ближними свояками, лжесвидетельство, поминание имени Господнего в состоянии алкогольного опьянения, превышение необходимой самообороны, убийство по неосторожности, например во время неумелого обращения с заряженным мушкетом в людном месте и т. д.[102] При этом к церковному смирению с очистительной молитвой преступник приговаривался «купно», наравне с выплатой месячного жалованья в пользу госпиталя, «заключением в железа» или тюрьмой. Иногда факт *покаяния* мог свидетельствовать о замене смертной казни тяжкими телесными наказаниями, которые, видимо, должны были усугубляться еще и этой формой духовного смирения. Так, в Воинском артикуле говорилось, что за «богохуление» вообще-то полагается смертная казнь, но если особых ругательств произнесено не было, да произошло все «единожды» и «по легкомыслию», то можно ограничиться шпицрутенами и «притом церковным покаянием»[103].

Таким образом, Петр расширил спектр преступлений мирян, которые карались церковным *покаянием*, лишив в то же время это наказание своей самоценности и сделав приговор по нему прерогативой «светских команд»[104]. Однако это дерзкое решение

---

[101] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320–321, 379 и др. 1716. 10 января. Петровское законодательство проявляет здесь удивительный рецидив «средневекового сознания»: за чародейство можно было и угодить на костер, «если имел обязательства с дьяволом», и отделаться заключением в железо и покаянием, если какие-либо контакты с врагом человеческим отсутствовали. Более подробно об интерпретации подобного феномена см.: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. С. 347–393; *Ryan W. F.* The Witchcraft Hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an Exception? // The Slavonic and East European Review. 1998. Vol. 76. January. № 1. P. 64–65.

[102] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 322, 366–368, 373, 379 и др. 1716. 10 января. Многие положения Воинского устава почти дословно были подтверждены в статьях Морского устава (ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 49–50, 78 и др. 1720. 13 января).

[103] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 322. 1716. 10 января.

[104] Подобное перераспределение полномочий можно связать не только с усилением императорской власти и ее сакрализацией, но и с предшествующим периодом в истории Русской православной церкви. Как пишет Е. В. Белякова, «отмена Собором 1666–1667 гг. постановлений Стоглава сделала очевидным

императора мало повлияло на судебную практику последующих десятилетий, так и оставшись на страницах Воинского артикула. В отношении правления Анны Иоанновны также можно говорить лишь о единичных случаях принуждения светским судом мирян к церковному покаянию, в частности в связи с довольно прагматичным указом о беглых. В 1734 году высочайше было объявлено, что всякого звания служилые люди, драгуны, солдаты, матросы, а также посадские и крестьяне, бежавшие за пределы России, получают «генеральное прощение» и приобщаются к числу «верных подданных». Лишь беглые, вышедшие из православной веры, обязаны были принести покаяние, а от прочих наказаний освобождались[105].

Елизавета Петровна, так практически и не обнародовав решение о моратории на смертную казнь, могла позволить себе не волноваться по поводу возможного увеличения криминальных деяний. Смертные приговоры выносились с прежним постоянством, а доказательств зависимости между гуманизацией уголовной судебной практики и падением нравов так и не обнаружилось. К тому же очевидно, что заботилась императрица больше о спасении собственной души, а не о повышении народной нравственности. И лишь с началом правления Екатерины II в законодательстве все отчетливее начинает прослеживаться мотив необходимости исправления преступника.

«От кнута последует скорбь, а от покаяния — сердечное восчувствование»

Характерно, что в 60–70-х годах XVIII столетия церковное покаяние присуждалось часто лишь на финальном этапе вынесения вердикта, т. е. в высочайших конфирмациях[106]. Но постепенно эта

кризис русского церковного права; дальнейшее его развитие... было во многом обусловлено борьбой с расколом, одним из последствий которой явилось уничтожение покаянной дисциплины» (*Белякова Е. В.* Судьба сборников церковных канонов на Руси // Исторический вестник. Москва. Воронеж, 2000. № 1 (5). С. 33–39).

[105] ПСЗ. Т. IX. № 6534. С. 254–256. 1734. 17 января.

[106] См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; Оп. 62. Д. 5172, 5278, 5303; Оп. 113. Д. 374 и т. д.

склонность императрицы[107] привлекать церковь к борьбе со смертными преступлениями была осознана Сенатом, а потом и низшими судебными инстанциями. К концу 70-х — началу 80-х годов, особенно после проведения губернской реформы и публикации Устава благочиния, покаяние все чаще появляется в сентенциях уголовных палат и земских судов, выносимых по делам, за которые ранее подобная форма взыскания не полагалась[108]. Постепенно таинство самообвинения грешника перед лицом Всевышнего окончательно превратилось в часть резолюций по тяжким преступлениям, выраженную формализованной строкой приговора. «Журналы высочайшим конфирмациям на докладах Сената и других мест» и «Реестры решенным делам по уголовной экспедиции» на протяжении десятилетий воспроизводили один и тот же юридический штамп в отношении осужденных представителей высшего сословия: «Державу целую неделю на хлебе и воде, предать церковному покаянию; а потом по лишении чинов и дворянского достоинства сослать на поселение»[109].

В отличие от Воинского устава, содержащего общие законодательные положения, эти документы отражали конкретные обстоятельства и конкретные судьбы. Соответственно, и преступления, за которые наряду со светскими полагались и церковные наказания, были менее экзотичные, чем заговор ружья или блуд между свойственниками, но более однообразными, страшными и примитивными по своей жестокости, как это нередко бывает в жизни. Так, например, Сибирь, тягло и покаяние ожидали прапорщика Текутье-

[107] В данном контексте любопытно наблюдение Клауса Шарфа о подспудном сохранении в сознании императрицы лютеранской традиции покаяния и искупления, которое иногда проявлялось на уровне речевых оборотов в полемических текстах (*Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015. С. 100).

[108] В обстоятельной и обобщающей работе Джона Ледонна есть отдельный параграф «Punishments», в котором автор пишет о традиционном влиянии на русскую судебную систему предписаний православной морали (*LeDonne J. P.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796. Princeton, NJ, 1984. P. 184–201). Однако остается вопрос, почему именно во второй половине XVIII века, в условиях сужения сферы юрисдикции церкви государство активизирует использование церковных практик для наказания мирян.

[109] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 18об, 25, 37об и др.; Ф. 248. Оп. 62. Кн. 5269–5439. Л. 79–80, 137 и др.

ва, зарезавшего своего дворового человека; титулярного советника Юзефовича, избившего батогами титулярного советника Лисеевича в собственном доме; недоросля из дворян Белавенца, убившего купца Яновского; отставного поручика Савина, засекшего крепостную; прапорщика Пустошкина, избившего до смерти свою беременную жену; отставного прапорщика Бавшеева, убившего священника; отставного секунд-майора Михалева, заколовшего своего шурина; подпоручика Бакастова и секретаря Мышкинского уездного суда Кукарина, избивших старосту вотчины княгини Волконской, который «в третий день умер»[110].

С. М. Соловьев также приводит многочисленные примеры приговоров к церковному покаянию, вынесенных на основании высочайших конфирмаций. Объясняя столь широкое использование религиозных практик в уголовных делах, историк делает вполне резонный вывод: «Екатерина при своем основном стремлении действовать против безнравственных явлений средствами нравственными, а не жестокостью наказаний, обращалась за помощью к церкви»[111].

Во время правления императрицы покаяние «сверх и купно» налагалось в соответствии с представлениями о самом страшном деянии и грехе, т. е. за убийство, вне зависимости от его мотивов. Не только нести наказания по государственным законам, но и вымаливать прощение у Всевышнего должны были преступники, лишившие другого человека жизни как умышленно, так и вольно или «близ вольно». При этом просматривалась такая закономерность: любое облегчение приговора, связанное с принадлежностью к дворянству, малолетством или отсутствием явного намерения совершить убийство, компенсировалось принудительным покаянием[112].

---

[110] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 55об–57; Д. 6. Л. 41об–42, 46, 51; Д. 7. Л. 37об–38; Д. 8. Л. 78 и др.

[111] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 23–24. С. 126–127; М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 113–116.

[112] Джон Ледонн отмечал, что покаяние или раскаяние в совершенном преступлении означало смирение гордыни, которая, собственно, и привела к «злодейскому поступку». При этом признание вины далеко не всегда облегчало наказание, но отсутствие покаяния усугубляло положение преступника (*LeDonne J. P.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism. P. 184–185).

В запутанных ситуациях, когда возникали сложности с однозначным вердиктом, наиболее легким решением также было оставить судьбу преступника на волю Всевышнего.

Так, в 1780 году совестной суд и палата уголовного суда Тверского наместничества не смогли справиться с местной Леди Макбет, статской советницей Веревкиной, которая ни под каким видом не признавала своего участия в убийстве мужа, хотя все свидетельства были против нее. А дело оказалось обычным и семейным. Однажды статский советник Алексей Веревкин отправился в Ржев-Володимиров к помещице девице Благовой, куда и ранее неоднократно наведывался. На сей раз ревнивая жена, пообещав 20 рублей дворовому Федору Алексееву и крестьянину Филиппу Симанову, приказала хозяина по дороге удушить, что они и сделали. Бездыханное тело неверного мужа доставили Веревкиной, которая ни в одну инстанцию о кончине супруга не сообщила, поторопилась с погребением, да еще отправила людей в город за покупками для богатых поминок. Родственники, домашние и съехавшиеся гости особой печали за вдовой не заметили, а дворовые в конце концов признались в совершенном убийстве. Однако «непоколебимое упорство» Веревкиной и недостаточность явных улик вынудили совестной суд обратиться к Екатерине. Резолюция была проста: имение и детей взять в опеку, а статскую советницу «сослать вечно в отдаленный монастырь на покаяние и безысходное пребывание» до выяснения обстоятельств[113].

Людские эмоции и непредсказуемость человеческой натуры также поставили в затруднительное положение чиновников Юстиц-коллегии, обратившихся в Сенат, который в свою очередь вынужден был сделать всеподданнейшее представление. В данном случае речь шла об отставном провиантмейстере Андреяне Нелединском, приказавшем своим дворовым высечь ни много ни мало его мать, а потом избившем палкой заступившуюся за нее сестру. Яблоком раздора стали ревизские души, записанные вдовой Авдотьей Нелединской за собой, а не за сыном. Оскорбленная вдова пожаловалась в московскую полицию, Нелединский был немедленно заключен под стражу, и ему грозило наказание кнутом в соответ-

[113] ПСЗ. Т. XX. № 15000. С. 929–931. 1780. 4 апреля.

ствии с 4-м пунктом 22-й главы Уложения. Но тут сердце матери смягчилось, и она подала челобитную в Юстиц-коллегию с просьбой об освобождении сына. Однако закона, разрешающего по просьбе родителей оставлять подобных хулиганов без наказания, не оказалось. По решению императрицы Нелединский был сослан на год на покаяние в монастырь, его имение перешло под контроль матери, а кнут достался выполнявшим приказ барина людям «в страх другим»[114].

В мнениях земских судов, доношениях губернских канцелярий, указах Юстиц-коллегии и прочих официальных бумагах, написанных формализованным языком, встречались такие устоявшиеся обороты: «обстоятельства по делу сумнительные, точного заключения сделать неможно, все оставить на совесть подсудимого, предать суду Божию и положиться в том на Бога, пока убийство само по себе изобличиться сможет»[115]. В подобных формулировках отразилось еще одно, совершенно особое, восходящее к Средневековью, соотношение Закона Божьего и закона государственного, когда недоказанная виновность преступника определялась через случай, знак, поединок и проч., в которых и проявляла себя воля Господа[116].

Разумеется, в поликонфессиональной России понятие *суд Божий* являлось обобщенным символом, выступало в роли высшей нравственной инстанции и предполагало за целый ряд злодеяний жестокое порицание и по Евангелию, и по Корану. Так, в 1781 году малолетнему сыну ясашного тяглеца Кинцыбаю за неумышленное

---

[114] ПСЗ. Т. XVIII. № 13262. С. 849–850. 1769. 25 февраля.

[115] См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 348–350об; Ф. 1183. Оп. 1. 1770 г. Д. 107. Л. 15–16 и др.

[116] А. Н. Афанасьев писал: «К Божьему суду... принадлежал и *судебный поединок*. <...> Обычай решать спорные дела "полем" продолжал существовать в продолжении всего XVI столетия и исчез в XVII-м; в Уложении уже не упоминается о "поле", а вместо его требуется присяга; впрочем положительного закона, котором бы отменялся судебный поединок, мы не знаем» (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. II. С. 270–276). См. также: *Лохвицкий А. В.* Значение Божьих судов по русскому праву // Отечественные записки. 1857. № 6. С. 509–520; *Калайдович К. Ф.* Рассуждение о поединках в России вообще, и в особенности, о судебных // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. 1838. Кн. 4. С. 3–38.

убийство семилетней Ниямбиги полагались розги и «вразумление через абыза, сколь велико содеянное им злодеяние»[117].

В некоторых приговорах, усугубляющих наказание наложением осуждения на церковное *покаяние*, оправданность подобной меры аргументировалась. Но если в царствование Елизаветы шли общие рассуждения о последнем праве преступника позаботиться о своей душе перед казнью и «просить Бога умилостивиться», то во время правления Екатерины речь шла об «очистке совести» и исправлении в этой земной жизни. Так, например, считалось, что от кнута последует только «скорбь», а покаяние принесет «сердечное восчувствование злодения» и «превращение в полезного члена общества»[118].

«Попам в светские дела мешаться запрещено»

«Наказание купно церковным покаянием» постепенно стало распространенной практикой с отработанной процедурой. В частности, по делам дворян решение принимал земский суд, уголовная палата, Юстиц-коллегия, Сенат или сама императрица, во власти которых находился и выбор формы духовного взыскания. «Светские команды» передавали преступника с указанием обстоятельств дела в духовное правление, обычно в местную консисторию, и уже оттуда он направлялся либо в свой дом на поруки духовнику, либо в монастырь при открытой подорожной с определением пропитания и надежного присмотра. Сроки покаяния иногда обозначались в приговоре, иногда устанавливались епархией и проходили апробацию Синода, который, в свою очередь, обязан был обо всем уведомить Сенат.

---

[117] РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5159. Л. 12–12об; а также: Л. 310–310об.

[118] См., например: ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75–91об и др. В данном контексте немаловажно замечание Мишеля Фуко, который указывал не просто на гуманизацию уголовно-исправительной системы в век Просвещения, но отмечал замену объекта карательной операции: «...искупление, которое некогда терзало тело заменялось наказанием, действующим в глубине — на сердце, мысли, волю» (*Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. С. 22–24).

Русские монастыри издавна были не только местом уединения от мирской суеты, но и местом заключения, где, как справедливо отмечалось в именном указе от 1770 года в Московскую синодальную контору, «кроме монашествующих есть сторожи и прочие служители, ограды и всегда запертые [ворота] для содержания преступников»[119]. Крупным хозяйствам с большими угодьями, жестким внутренним распорядком и действительно наглухо замкнутым пространством за высокими стенами не так сложно было совмещать карательные функции тюрьмы и исправительную миссию духовного надзора. После секуляризации земель, а также передачи в ведение Коллегии экономии 2 миллионов монастырских крестьян «присмотр, пропитание, потребное число покоев и попечение об исправлении»[120] прибывающих на покаяние колодников превратилось в тяжкую обязанность для духовного ведомства. А если еще учесть негласный мораторий на смертную казнь, исключая особые, хорошо известные случаи и практическое введение обязательного духовного наказания за смертные преступления[121], то станет ясно, почему из монастырей, епархий, консисторий и, наконец, из Синода шли доношения, рапорты и мнения с жалобами на обременительное содержание заключенных в Сенат и на имя императрицы[122].

Вердикт был для священнослужителей неутешительным. По поводу охраны убийц и грабителей — приказано было обходиться собственными силами, тем более что преступников, наказанных покаянием, по мнению властей, было не так много, да и распределялись они по монастырям «безобидно для каждой епархии»[123]. Кста-

[119] См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17. 1770 г. Д. 223. Л. 1–2; ПСЗ. Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770. 23 августа.

[120] См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 327. С. 379. 1766. 6 ноября.

[121] Может быть, именно поэтому правительство безболезненно сделало широкий жест и постановило, что монастыри не обязаны принимать колодников, не осужденных на церковное покаяние (см. об этом: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1774 г. Д. 537. Л. 3).

[122] См. об этом, например: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1774 г. Д. 537. Л. 2–3; ПСЗ. Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770. 23 августа. Т. XX. № 14597. С. 512. 1777. 11 марта и др.

[123] См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 71. С. 61–63. 1762. 15 ноября.

ти, место отбывания церковного наказания также определялось светским судом иногда с общей формулировкой «отдаленный монастырь», «монастырь в Сибири», иногда с точным указанием места покаяния. Наиболее часто упоминались такие мужские обители, принимающие осужденных на духовное исправление: Белозерский Кирилов, Курский Рождественский, Старо-Харьковский Преображенский, Далматовский Успенский, Вознесенский Иркутский, Спасо-Прилуцкий близ Вологды и, разумеется, суздальский Спасо-Евфимиев и Соловецкий монастыри[124].

Пропитание всех пребывающих «разного звания людей за разные преступления для исправления церковною епитимьей» возлагалось до указа о секуляризации на монастырский кошт, что вполне устраивало «светские команды». Однако после 1764 года обнищавшие монастыри постоянно сетовали на отсутствие средств для содержания колодников, несмотря на то что теперь деньги на них должна была выделять Коллегия экономии. В конце концов в 1770 году был достигнут компромисс — обеспеченным преступникам, отбывающим церковное наказание, полагалось самим позаботиться о своем пропитании, а на «кающихся без достатка» Коллегия выделяла по 2 копейки в день[125].

Власть старалась строго контролировать пребывание преступников в монастырях. Как минимум дважды в год в Синод и Экономическую коллегию из епархий должны были поступать сведения, когда, за что и на какое время была наложена на осужденного епитимья, сколько полагается ему, исходя из «торговой в тамошних местах цены», хлеба и денег и как идет духовное исправление[126].

---

[124] См., например: Распоряжение о назначении Спасо-Евфимиева монастыря для содержания колодников // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 327. С. 379. 1766. 6 ноября.

[125] См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17. 1770 г. Д. 223. Л. 5–5об; ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 565. 1764. 26 февраля; Т. XIX. № 13508. С. 151. 1770. 9 сентября. Для сравнения: в 1787 году князю Д. К. Кантемиру, заключенному пожизненно в Ревельскую крепость за убийство крестьянина, было назначено содержание 50 копеек в день из его собственных средств (РГАДА. Ф. 248. Д. 5271. Л. 497–506об).

[126] См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 71. С. 61–63. 1762. 15 ноября; ПСЗ. Т. XX. № 14597. С. 512. 1777. 11 марта.

Таким образом, в принятии решений о наказании мирян покаянием за смертные деяния духовенство вообще не участвовало, а его представители лишь выполняли функции охранников и смотрителей в монастырях, которые отчасти были превращены в тюрьмы. Священнослужители допускались лишь до определения длительности церковного наказания преступников. Однако право и на эту прерогативу, установленную «на точном основании святых отцов законов», постоянно нарушалось. На всех инстанциях, от уголовной палаты до императорского престола, с легкостью могли подмахнуть в приговоре точный срок «исправления епитимьей», который ограничивался, как правило, шестью месяцами. Но иногда светский суд санкционировал 5, 20 и даже 25 лет покаяния или вообще «вечное и безысходное пребывание в монастыре»[127]. В результате власть вынуждена была прибегнуть к известной самодисциплине и на протяжении нескольких десятилетий настойчиво издавать указы сходного содержания, предписывающие оставлять на усмотрение церкви сроки и саму процедуру покаяния преступников[128].

Епархиальные архиереи должны были для принятия верного решения иметь все сведения об осужденном и обстоятельствах дела, чтобы наложенное покаяние привело в итоге к «духовному врачеванию» преступника. Однако нередко служителям церкви и

---

[127] См. об этом, например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 37об; Ф. 248. Оп. 62. Д. 5303. Л. 58–78об; Оп. 61. Д. 5138. Л. 280; Д. 5195. Л. 75–91об; Оп. 62. Д. 5278. Л. 626–643об; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 159. Л. 1–4; Д. 162. Л. 7–7об и др. Встречались случаи, когда подсудимый приговаривался к покаянию и в монастыре, и затем в приходской церкви под контролем духовника (см., например: Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 21. Л. 7–8).

[128] Сенатский указ «об исключительном праве духовных властей налагать епитимьи и наблюдать за исполнением оных» (ПСЗ. Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770. 23 августа); «Распоряжение о сообщении преосвященным и прочим, подчиненным Святейшему Синоду учреждениям, что лицам, осужденным светским судом к церковному покаянию, срок епитимьи должен быть определяем духовною властью» // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 569. С. 679–680. 1770. 1 сентября; сенатский указ «о неназначении светским правительствам при осуждении преступников к церковному покаянию точного времени» (ПСЗ. Т. XX. № 15029. С. 954–955. 1780. 2 июля); сенатский указ «о неопределении светским правительствам времени церковного покаяния» (ПСЗ. Т. XXII. № 16168. С. 325. 1785. 18 марта).

в монастырях, и в приходах не хватало гибкости и тонкого «восчувствования», которое можно было бы ожидать от духовных лиц. Светским властям приходилось регулярно напоминать о необходимости проявлять «осторожность» с кающимися преступниками, причем некоторые распоряжения обнаруживали более глубокое, чем у приходских и монастырских наставников, понимание человеческой натуры. Так, в указе «о подтверждении священникам, чтобы они, при наложении епитимьи преступникам поступали осмотрительнее», было выделено несколько психологических типов находящихся на покаянии. Одни «жестокосердны» и не способны ни к какому раскаянию, другие — внутренне холодны и равнодушны, третьи — склонны к отчаянию, но есть и такие, которые «при признании приносят о грехах сокрушение». Наблюдающим в монастырях за колодниками и духовникам в приходских церквях, контролирующим исполнение епитимьи, полагалось «размерять милость» и, видя искренние чувства преступника, сокращать сроки церковного наказания. Более того, в изменившихся обстоятельствах России второй половины XVIII века Синод приветствовал разумное отношение к правилам Вселенских соборов и санкционировал новый взгляд на лишение причастия. Оказалось, что запрет приобщения святых тайн признан было недейственным ввиду общего ослабления силы религиозного чувства прихожан синодальной церкви в век екатерининского просвещения[129], с одной стороны, и немалого числа тайных раскольников, с другой[130].

Следовательно, даже такой в целом вторичный вопрос, как сроки покаяния преступников, оставленный на усмотрение местных консисторий или епархиальных архиереев, находился под контролем, требовал апробации Синода и отчета перед канцеляриями и Сенатом. В конце концов в ряде указов прозвучали абсолютно четкие формулировки — «дела, не подлежащие духовному суду, для

[129] См.: Отлучение от причастия, говорилось в указе, «не страшно многим, но и желаемо ленивым стало» (ПСЗ. Т. XX. № 14996. С. 926–927. 1780. 21 марта; № 15029. С. 954–955. 1780. 2 июля и др.)

[130] См.: ПСЗ. Т. VI. № 4009. С. 678–681. 1722. 15 мая; № 4022. С. 700. 1722. Май.

решения отсылать в светские команды», «попам знать одно свое духовенство, а в светские дела мешаться запрещено»[131].

Таким образом, наказание покаянием мирянам за преступления, не направленные против веры и нравственности в сфере семейных отношений, выносились без участия клира, а сами священнослужители допускались лишь до весьма обременительного для них обеспечения исполнения сентенций. В то же время приговоренный светским судом в монастыре оказывался в зоне действия канонического и церковного права и, в частности, законов Василия Великого, решений Вселенских и Поместных соборов[132]. Однако, разумеется, на практике строгого следования столь авторитетным уставам не было. Настоятель обязан был действовать прежде всего в соответствии с грамотами, которые находились при доставляемом в обитель арестанте и предписывали порядок его содержания. Поэтому «наказание покаянием» и «наложение епитимьи», ссылка «под начало» и «на смирение» определялись не столько «правилами святых отцов», сколько высочайше утвержденными инструкциями и сводились приблизительно к одним и тем же мерам воздействия, которые можно условно разделить на «смиряющие тело» и «врачующие душу».

«Повелеваю побуждать покаяться при помощи религиозных чувств и молитвы»

В зависимости от тяжести содеянного преступник мог обрекаться на неисходное пребывание в обители «под крепким смотрением, в кандалах и в особом уединении»[133], а мог проживать вместе с братией и искупать свою вину в трудах и аскезе. Такие осужденные ру-

[131] ПСЗ. Т. XVII. № 12536. С. 472–473. 1765. 30 декабря; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 276. С. 318–319. 1765. 21 декабря; № 621. С. 741–742. 1771. 11 июля и др.

[132] См. об этом: *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях: опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 174, 176, 182; и др.; 56-ое, 57-ое правила Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 326–328.

[133] См., например: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 14. 1762 г. Д. 136. Л. 5.

били дрова, возили воду, выгребали золу из печей, стирали белье, пасли скот и делали прочую так называемую «черную монастырскую работу». Наиболее изматывающими считались «поваренные хлебопечные труды», разделка теста, «мукосеяние», которые исполнялись иногда в «жезлах», требовали постоянного физического напряжения и длились до 20 часов в сутки. Тяжкий труд повинных в «смертных злодеяниях» усугублялся пыткой голодом. Все осужденные тот или иной срок содержались на хлебе и воде[134], иногда с сухоядением по средам и пятницам и полным лишением хмельного[135].

Примечательно, что подобное содержание осужденных мирян, совершивших уголовные преступления, преобладало во время правления Елизаветы, когда в приговорах к ссылке в святую обитель о «наказании покаянием» вообще, как правило, не упоминалось[136]. Разумеется, арестанты обязаны были посещать вечерние песнопения, но в целом кара за «смертные злодеяния» в монастыре более походила на каторгу или тюрьму, под которую и приспосабливались обители с их замкнутым пространством и высокими стенами. Внутренний иноческий потенциал православных монастырей оставался нереализованным, наказание касалось прежде всего умерщвления плоти, а не возрождения духа и быстро заканчивалось могильной ямой без креста и плиты с именем[137].

---

[134] Так, в июле 1769 года бывший рязанский титулярный советник князь Никита Щетинин за избиение своей жены Пелагеи Афанасьевой и дворовой женки, отчего обе вскоре умерли, был лишен чинов и заключен на полгода для покаяния в монастырь, где содержался на хлебе и воде, после чего был сослан в Нерчинск (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 80).

[135] См. об этом: *Розанов Н. П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 3. Кн. 1. С. 73; *Колчин М. А.* Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк // Русская старина. 1887. Т. 56. № 10. С. 60–63.

[136] Ср., например, ведомости о содержащихся в Соловецком монастыре колодниках с указанием их преступлений и назначенного наказания за 1742–1786 годы (*Колчин М. А.* Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 591–613).

[137] См., например, описание сада, примыкающего к знаменитому Спасо-Евфимиеву монастырю в Суздале, который в действительности являлся безымян-

Во время правления Екатерины принудительный пост, аскеза, «черные труды» и «нещадное смирение своевольства по монастырскому обычаю»[138] традиционно оставались главными мерами воздействия на преступников. Разве что реже использовались пытки и телесные наказания да постепенно ликвидировались земляные тюрьмы[139]. Однако осужденные направлялись в обители не на каторжные работы, не в заключение, а на покаяние. Некоторые высочайше подтвержденные приговоры судов, а также грамоты и инструкции по содержанию преступников свидетельствуют, что инициатором распространения «наказания покаянием» была именно императрица.

Одно из первых решений о наказании «купно» покаянием, принятых на высочайшем уровне во время правления Екатерины, было подписано всего через несколько недель после ее восшествия на престол. Судебное дело и приговор по нему, не вызвавшие никакого резонанса в середине XVIII века, сейчас могут стать впечатляющим опровержением низкой стоимости жизни крепостного в России. 7 августа 1762 года по именному указу в распоряжение Синода из военной конторы поступил вахмистр Ямбургского драгунского полка дворянин Петр Жуков. Жуков был разжалован в солдаты, но прежде отправки в действующую за границей армию должен был в течение нескольких дней поклонами перед народом каяться в церкви Воскресения Никитского сорока на Бронной. Вина Жукова состояла в том, что у его человека Андрея Матвеева на груди образовалась «болезнь», которую вахмистр, привычный к лечению ран в походных условиях, попытался сам удалить ланцетом. Операция доморощенного хирурга оказалась неудачной, и, несмотря на все усилия Жукова, крестьянин умер. В приговоре было сказано: «Хотя то от Жукова без намерения к смертному убийству последовало,

---

ным арестантским кладбищем: *Пругавин А. С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (к вопросу о веротерпимости). М., 1905. С. 17.

[138] См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 522. С. 619–620. 1772. 11 декабря; № 621. С. 741–742. 1771. 11 июля и др.

[139] Один из последних указов о заключении в земляную тюрьму датирован 7 июня 1739 года (см.: *Фруменков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск, 1965. С. 15–41).

однако ж смерть оному крестьянину приключилась»[140]. Об исполненном обряде покаяния теперь уже солдата Жукова иерей церкви Андрей Афанасьев направил в Синод рапорт.

Сохранилось собственноручное решение Екатерины о покаянии, принятое в 1766 году по делу об убийстве геодезиста Ивана Щулепникова, расследование которого тянулось уже более восьми лет. Все подозрения падали на вдову геодезиста Федору Андрееву дочь Щулепникову, но она упорно отрицала свою вину, давая при этом путаные и противоречивые показания. При осмотре трупа объявила, что муж скоропостижно скончался. Однако в челобитной, отправленной в Усольскую воеводскую канцелярию, описала странную историю, как уснула днем в горнице, а потом обнаружила себя запертой, на ее стук в дверь прибежали дворовые девки и, войдя в комнату, объявили о смерти мужа. Спустя же некоторое время Щулепникова донесла главному сыщику Архангелогородской губернии, что спала она в покоях не одна, а с мужем, потом пришли те же дворовые девки, ее вынесли вон, а мужа задушили. В конце концов она сослалась на беспамятство, произошедшее от печали, и заявила, что вообще забыла все свои свидетельства по данному делу. В Усольской воеводской и Галицкой провинциальной канцеляриях резонно сочли, что «для изыскания истины» Щулепникову надо пытать, но ее принадлежность к благородному сословию создавала сложности, и провинциальные чиновники от греха подальше решили обратиться в Сенат. Сенаторы граф Мартын Скавронский, Василий Суворов, князь Алексей Козловский и князь Петр Трубецкой также предпочли не рисковать и отправили доклад императрице. Екатерина непосредственно на тексте доклада написала по-французски: «Есть большое количество показаний против этой женщины, но ее показания противоречивы... Я освобождаю ее от допроса и повелеваю заключить на один год в монастырь или тюрьму, не дозволяя никому ее видеть кроме священника, который должен побуждать ее покаяться при помощи религиозных чувств, поста и молитвы... затем поступить, как законы повелевают»[141].

---

[140] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 14. 1762. Д. 169. Л. 1–9.

[141] См.: Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–4; Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 98–100; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 8.

Показательно, что во второй половине XVIII века само понятие *покаяние* в качестве судебной процедуры приобретает двойной смысл. С одной стороны, дознаватели и увещеватели из священнослужителей призваны были добиваться от преступников *покаяния* или *раскаяния*, предполагающего добровольное изложение всех обстоятельств дела[142]. С другой — постепенно *наказание покаянием* становится неотъемлемой частью высочайших конфирмаций по уголовным делам и начинает все чаще, особенно со второй половины 1770-х годов, включаться в приговоры судами всех инстанций[143].

Монастырское покаяние предполагало не только традиционные «черные труды» и принудительный пост, но и целый ряд хорошо известных религиозных практик, направленных на то, чтобы осужденный «преступление свое восчувствовал сердечно и совершенно исправился»[144]. Основой покаянной дисциплины являлись земные поклоны от 30 до 500 во время каждой утрени, вечерни и на литургиях с произнесением «возбуждающей к страху Божьему» молитвы «Боже, буди милостив ко мне, грешному», а также чтение псалмов, «не спешно, но с благоговением»[145]. В случае использова-

---

[142] См., например: «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–15об).

[143] Многозначность понятия *покаяние*, так или иначе отождествляемого и с *исповедью*, и с *епитимьей*, может быть зафиксирована и на материале предшествующих эпох. Однако в XVI–XVII веках на исповедь приходил ни в чем не подозреваемый православный верующий, искренне кающийся в грехах и искупающий их налагаемой церковью епитимьей. В XVIII столетии священник уже принуждал к исповеди преступника, который наказывался светским судом, использующим, в частности, и практики религиозных взысканий (см.: *Дмитриевский А. А.* Богослужение в русской церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. I. Службы круга седьмичного и годичного чинопоследования таинств: историко-археологическое исследование. С. 339–352).

[144] См., например: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 77–82.

[145] Так, в июле 1768 года вдова тайного советника Даниила Ефремова Мария Иванова за убийство крепостной девки была помещена на три месяца в московский Девичий монастырь на покаяние, класть в день во время литургии публично по 30 поклонов (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 78). См. также об этом: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–1об; *Колчин М. А.* Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 61–62; *Роза-*

ния монастыря исключительно в качестве тюрьмы приказывалось осужденных колодников «никуда кроме церкви не выпускать». Если же в обитель доставлялись арестанты, приговоренные к полной изоляции, то к ним в казематы мог входить только настоятель и духовник для исповеди[146]. Для увещевания и наставничества выбирался «старец добрый и крепкожительный», которому и предстояло определить плоды раскаяния и очищения совести преступника. С одной стороны, анафема и отлучение мирян от церкви во второй половине XVIII века постепенно перешли в разряд средневековой экзотики. С другой — явно наметившаяся в годы екатерининского правления тенденция к использованию государством религиозных практик для нравственного исправления преступников проявилась в реанимации такого преданного забвению, в прямом смысле ветхозаветного ритуала, как *публичное покаяние*.

«Помолитесь обо мне, грешном»: очерк истории публичного покаяния

В христианство опыт публичного покаяния[147] действительно пришел из традиций иудаизма, претерпев при этом глубокую смысловую, функциональную и обрядовую трансформацию. В первые века нашей эры ветхозаветная очистительная жертва усилилась открытым признанием совершенного греха в присутствии всей церковной общины[148]. Это публичное покаяние, получившее в ли-

---

нов Н. П. История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 3. Кн. I. С. 73–74.

[146] См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 78; *Колчин М. А.* Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 61.

[147] Речь идет, разумеется, о принудительном признании грешника в своих неблаговидных поступках и помыслах, т. е. об использовании публичного покаяния в качестве наказания за то или иное преступление.

[148] В частности, исследователи упоминают такие формы публичного покаяния у древних иудеев, как самобичевание; просьба прощения на могиле умершего; привязывание руки, которой было совершено убийство, цепями к телу; лежание на земле у входа в синагогу. См. об этом, например: *Neusner J.* Repentance in Judaism // Repentance: a Comparative Perspective. Lanham, MD, 1997. P. 60–75; *Feldtkeller A.* The Step beyond Judaism. What Became of "Metanoia"

тературе название *древнего* или *канонического*, играло важную дисциплинирующую роль и назначалось за особо опасные, расшатывающие устои общества преступления. Прилюдно исповедоваться в содеянном должны были убийцы, прелюбодеи, отступники от веры[149]. В IV веке каноны Арльского, Анкирского, Эльвирского и Неокесарийского поместных соборов к подобным страшным деяниям добавляют разбой, лихоимство, лжесвидетельство, скотоложество[150].

Зреющий в недрах христианской церкви раскол на Восточную и Западную привел к углублению различий в покаянной практике и, в частности, в форме публичной исповеди и церковного наказания за совершенные грехи. Публичное покаяние на Западе имело свой разработанный обряд и начиналось с особого ритуала «вхождения», или *ordo poenitentium*. Грешника коротко стригли, облачали в черные ветхие одежды или даже власяницу, приводили в храм, где при большом скоплении народа епископ, наложив на него руки, тем самым объявлял о вступлении преступника в чин кающихся. Происходило это первоначально в первый понедельник после Пасхи, однако с VIII века началом Великого поста и особого духовного сокрушения стала Пепельная среда. С тех пор именно в этот день

---

in Earliest Christianity among the Gentiles of Syria? // Ritual and Ethics. Patterns of Repentance: Judaism, Christianity, Islam. Second International Conference of Mediterraneum. Paris-Leuven, 2004. P. 99–124 и др.

[149] См.: Правила Никейского Святого Вселенского Первого Собора // Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877. С. 38–42. А. И. Алмазов полагает, что грехи, подлежащие публичной исповеди, неразрывно связанной с публичным покаянием, имели отношение к «вероотступничеству, блуду, убийству» (*Алмазов А. И.* Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 44–45).

[150] См.: Правила Анкирского Святого Поместного Собора // Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 1880. С. 56–65; Правила Неокесарийского Святого Поместного Собора // Там же. С. 73–76, 80–83; *Darras J. É., Spalding M. J., White C. I.* Council of Arles against the Donatists // Idem. A General history of the Catholic Church: from the Commencement of the Christian Era until the Present Time. N.Y., 1866. P. 393; Nicene and Post-Nicene Fathers. Second Series. N.Y., 2007. Vol. XIV. P. 73; 82-ое правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 371–373; а также: *Uhalde K.* Juridical Administration in the Church and Pastoral Care in the Late Antiquity // A New History of Penance. Leiden, 2008. P. 97–120.

голову кающегося грешника посыпали пеплом, оставшимся от сожженных ветвей прошлогоднего Вербного воскресенья[151].

Покаяние могло растянуться на несколько лет, в течение которых осужденный преступник, называемый «пенитент», лишался таинства причастия, должен был соблюдать строгую аскезу, совершать исключительно богоугодные поступки и во время церковных служб падать ниц перед прихожанами, испрашивая у общины спасительных молитв за себя. Восстановление грешника в церковных правах происходило обычно в Великий четверг или Светлое воскресенье на Пасху и сопровождалось специальной молитвой епископа в присутствии прихожан храма[152].

В Восточной церкви складывалась несколько другая система публичного покаяния, состоящая из четырех или даже из пяти ступеней[153], которые соответствовали отдельным этапам длительного периода этого духовного наказания и очищения[154]. Кающиеся соответственно разделялись на «плачущих», «слушающих», «припадающих», «предстоящих» и «вместе стоящих». По правилам Василия Великого «плачущие» перед богослужением вставали на колени перед входом в церковь или в ее внешнем притворе и умоляли идущих в храм помолиться о прощении их вины. «Слушающие» действительно имели возможность слушать проповедь, находясь во внутреннем притворе церкви вместе с оглашенными, и с ними же должны были покидать храм в момент начала таин-

---

[151] *D'Aubigne J. H. M.* History of the Great Reformation of the Sixteenth Century Germany, Switzerland, etc. N.Y.; Boston, 1844. Vol. I. P. 12–33; *Beck H.* The Pastoral Care of Souls in South-East France During the Sixth Century. Rome, 1950. P. 188–190; *Meens R. M. J.* Penance in Medieval Europe: 600–1200. Cambridge, 2014. P. 26.

[152] См. об этом, например: *Теста Б.* Таинства в католической церкви. М., 2000. С. 212–217; *Meens R. M. J.* Penance in Medieval Europe: 600–1200. P. 25–27, 118–139.

[153] Об отсутствии нескольких, четко определенных каноном ступеней покаяния в Западной церкви см.: *Meens R. M. J.* Penance in Medieval Europe. P. 25–27.

[154] В частности, в «Каноническом послании» Григория Чудотворца было сказано: «Плач бывает вне врат молитвенного дома, где стоя согрешающий должен просить входящих [в храм], чтобы помолились за него. Слушание — внутри врат в притворе... Припадание же [состоит в том], чтобы стоящий внутри врат храма выходил вместе с оглашаемыми. Стояние вместе [состоит в том], чтобы [согрешивший] стоял вместе с верными и не выходил с оглашаемыми» (Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Пг., 1916. С. 61).

ства евхаристии. «Припадающие», или коленопреклоненные, допускались уже во внутреннее помещение церкви и во время службы могли стоять у входа вместе с вдовицами и стариками. Когда «слушающие» удалялись из храма, «припадающие» «припадали ниц», публично исповедовали свой грех и также должны были уйти со службы. «Предстоящие» и «вместе стоящие» находились в церкви среди «верных» прихожан, но были лишены возможности делать пожертвования и причащаться[155].

Однако приблизительно во второй половине III века в Восточной церкви[156], а спустя несколько столетий, к VII–VIII векам, и в Западной происходит постепенный отказ от практики канонического публичного покаяния. Было это связано и с жесткостью ограничений даже после прощения грешника церковью, и с психологической сложностью открытой прилюдной исповеди, и с исключительностью обряда, в большинстве случаев допускаемого один раз в жизни верующего[157]. Чрезвычайную роль сыграл, конечно, факт включения церкви в официальную жизнь империи

[155] Например, в восьмом правиле Никейского I Вселенского собора упоминается установленный срок покаяния для двоеженцев и падших во время гонений на христианскую церковь. В 12-м правиле говорится об «образе покаяния» людей воинского звания, которые приняли мученичество, а потом, ослабев духом, вновь вернулись к светской жизни и службе: «Таковым повелевает[ся] по трехлетнем слушании быть в числе припадающих в продолжении десяти лет и выходить вместе с оглашенными» (Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877. С. 30–36, 42–46).

[156] По мнению А. И. Алмазова, «с введением должности покаянного пресвитера публичная исповедь теряет характер самостоятельного института, отличного от исповеди тайной» (*Алмазов А. И.* Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 48, 58, 65; см. об этом также: *Суворов Н. С.* Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви. Ярославль, 1884. С. 95).

[157] Исследователи указывают на практику отождествления покаяния и предсмертной исповеди или же уподобления публичного признания в совершенных грехах второму, так называемому «трудному крещению», которое возможно только один раз в жизни верующего. Так, в VII веке Иоанн Дамаскин писал о «многотрудном крещении через покаяние и слезы» (*Иоанн Дамаскин.* Полное собрание творений. СПб., 1913. Т. I. С. 304). См. об этом, например: *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 39–40; *Poschmann B.* Die abendländische Kirchenbuße im Ausgang des christlichen Altertums // Münchener Studien zur hitorischen Theologie. 1928. Heft 7. S. 119–120; *Vogel C.* La discipline pénitentielle en Glaule des origins à la fin du VIIe sciècle. Paris, 1952. P. 118–121, 195.

именно в IV столетии, что, в частности, принципиально изменило отношение к повсеместному крещению взрослых людей. Вместе с отказом от массового принятия христианства в зрелом возрасте и постепенном снижении значимости института оглашенных ослаблялась и покаянная дисциплина церкви[158].

Анализ канонических и литургических памятников позволил исследователям прийти к выводу, что в конце IV–VII веке из византийских богослужебных книг исчезают молитвы о прилюдно кающихся и собственно чинопоследование публичного покаяния, однако воспроизводится ритуал расположения в храме и вне его пределов четырех основных групп людей, обнародовавших свой грех. Можно предположить, что сохранение в книгах упоминания о «плачущих», «слушающих», «припадающих» и «стоящих с верными» было связано с эволюцией дисциплинарных норм[159], периодом так называемой *покаянной пустоты*, или *покаянного молчания*, который предшествовал установлению традиции повсеместной регулярной тайной исповеди. Иными словами, в Восточной церкви сначала произошел отказ от практики исповедования согрешившего перед общиной, а затем и от очевидного для прихожан наложения на него запрета присутствовать во время службы в храме и

[158] В III веке оглашение приобрело форму длительного испытания, что повлекло за собой разделение готовых принять таинство крещения на группы. Среди оглашенных, в частности, были «слушающие», «коленопреклоняющие», «простертые», «просящие». Часто им отводилось место перед храмом и в храме с приносящими публичное покаяние. Как указывает А. И. Алмазов, «когда язычество совершенно пало, а крещение возрастных совершенно уступило крещению младенцев, оглашение не стало играть видной роли в христианской обрядности» (*Алмазов А. И.* История чинопоследований крещения и миропомазания. С. 64–67, 76–87; см. о месте оглашенных и кающихся в древней церкви: *Голубцов А. П.* Из чтений по церковной археологии литургике. Ч. II. Литургика. Сергиев Посад, 1918. С. 45–49).

[159] Сложный, растянувшийся на столетия отказ от публичной исповеди отмечают исследователи и в странах Западной Европы. Так, в VIII веке во Франции существовало тайное признание в тайных проступках, обычное публичное покаяние в публичных грехах и, наконец, торжественная публичная исповедь в день Пепельной среды, когда верующему запрещалось присутствовать на службе вплоть до Великого четверга (см.: *Mansfield M.* C. The Humiliation of Sinners: Public Penance in Thirteenth-Century France. P. 23–27, 116–123; см. также: *Hamilton S.* The Practice of Penance: 900–1050. Woodbridge, Suffolk, 2001. P. 104–111).

зримого для всех отлучения от причастия. Собственно, подобный прецедент был зафиксирован еще в 34-м правиле Василия Великого: «Жен, прелюбодействовавших и исповедавшихся в том... Отцы наши запретили явно разглашать их грех, да не подадим причины к смерти обличенных, но повелели стоять им с верными без приобщения, доколе не исполнится время покаяния»[160].

В Византии в VI веке при монастырях появляются покаянные книги, связанные с подвижнической деятельностью константинопольского патриарха Иоанна Постника, которые служили руководством для пресвитеров при совершении этого таинства[161]. К IX–X векам, т. е. ко времени принятия Киевской Русью христианства, в Восточной церкви уже существовали покаянные уставы, в составе называемых номоканонов, содержащие правила тайной исповеди, распознавания грехов, наложения епитимьи, чтения соответственных молитв при обряде частного покаяния и т. д.[162] В епитимийных номоканонах публичное церковное покаяние, регламентированное соборами и отцами церкви, заменяется окончательно тайным, или частным, покаянием.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что русская православная традиция не знала канонического древнего публичного покаяния[163] и в весьма облегченной форме использовала в качестве наказания демонстрацию греховности верующе-

---

[160] 34-ое правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 275–278.

[161] Об изданиях Устава Иоанна Постника см.: *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 72.

[162] См.: *Алмазов А. И.* Канонарий монаха Иоанна: к вопросу о первоначальной судьбе номоканона Иоанна Постника. Одесса, 1907. С. 1–13; *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 240–244; *Пентковский А. М.* Покаянная дисциплина христианской Церкви в конце I тысячелетия // Журнал Московской Патриархии. М., 2002. № 10. С. 63–70 и др.; обзор литературы по этому вопросу: *Шаляпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013. С. 33–61, 68–85.

[163] Так, в источнике второй половины XI века «Заповеди святых отец ко исповедающимся сыном и дщерем», одном из ранних памятников начального этапа становления древнерусской покаянной дисциплины, речь, в частности, шла о попах-исповедниках и отношениях между священником и «покаяльными детьми» (*Пихоя Р. Г.* Возникновение памятников покаянной дисциплины

го, которому отводилось определенное место во время службы[164]. Так называемые «большие епитимьи», растянутые на годы и даже десятилетия, хотя и упоминались в Уложении со ссылкой на авторитет Василия Великого и других отцов церкви, но в практике наказаний или вообще не применялись или назначались в редчайших исключительных случаях[165].

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, детально изобразивший в своих «Записках о Московии» различные религиозные обряды первой половины XVI века, ни разу не упомянул о «плачущих» на коленях или же о «припадающих ниц» и признающихся в грехах. Автору записок лишь довелось видеть прихожан, которым запрещалось непосредственное присутствие на службе за те или иные проступки, суть которых, однако, не разглашалась и оставалась тайной духовника. «Существует множество причин, к тому же совершенно ничтожных, — пишет Герберштейн, — по которым у них запрещается вход в церковь, однако недопущенные становятся обычно у дверей или окон и оттуда видят и слышат священнодействие так же, как если бы они были в храме»[166].

В Уложении 1649 года есть лишь две статьи, которые предполагают срежиссированные сцены, происходящие при скоплении народа и внешне напоминающие обряд публичного покаяния: убийцы собственных детей должны были после года тюрьмы «приходить к церкви и объявлять свой грех людям вслух» и «клянущийся на криве» обязывался два года «плакать» у дверей храма[167]. Однако в первом случае не представляется возможным указать конкретные

Древней Руси в XI в. // Античная древность и Средние века: Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 73–86).

[164] В данном контексте важно различать каноническое древнее публичное покаяние, с одной стороны, и запрет на причастие святых тайн и присутствие на церковной службе с верными, не предполагающий, однако, прилюдное исповедование совершенного греха, — с другой. См. об этом, например: *Freeze G.* The wages of sin: The Decline of Public Penance in Imperial Russia // Seeking for God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia. De Kalb, 1993. P. 53–82.

[165] См. об этом: *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 169–170.

[166] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 201.

[167] ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XXII. Ст. 3. С. 154; Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. **1649. 29 января.**

примеры использования такого ритуального наказания[168]. Второй же прецедент просто отсылает к 64-му правилу Василия Великого: «А кто крест поцелует накриве: и тому Василий Великий в шестьдесят четвертом своем правиле полагает запрещение на десять лет, два лета да плачется, три лета да послушает Божественных писаний, четыре лета да припадает, и едино лето да стоит с верными и потом Божественного причащения причаститься»[169]. Столь объемная цитата из трудов богослова, жившего в Кесарии Каппадокийской в III веке, приведена была в русском своде законов XVII столетия не в качестве инструкции для вынесения судебных приговоров[170], а прежде всего для акцентирования преступности ложной клятвы. Не случайно после ссылки на авторитет святых отцов идет обращение к православным настоятелям: «И того ради подобает отцам духовным детей своих духовных поучати и наказывати страху Божию, и чтобы промеж себя в соседстве жили любовно»[171]. Между тем 56-е правило святого Василия Великого, по которому убийца на 20 лет лишался причастия и только четыре года должен был, стоя перед церковью, признаваться входящим в своем преступлении, в Соборное уложение вообще не вошло и, соответственно, не стало частью активной судебной практики[172].

---

[168] См., например: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XVI–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 28.

[169] ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. 1649. 29 января. Ср.: 64-ое правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 335.

[170] Об обстоятельствах попадания некоторых архаичных установлений на страницы Уложения говорится в его преамбуле: «Бояре князь Никита Иванович Одоевской с товарищи, выписав из правил Святых Апостол и Святых Отец, и из градских законов греческих царей, и из старых судебников... и те статьи написав, к государю приносили» (ПСЗ. Т. I. № 1. С. 1–2. 1649. 29 января).

[171] ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10. С. 72. 1649. 29 января.

[172] В правиле 56 сказано: «Волею убивший, и потом покаявшийся, двадцать лет да будет без причастия святых тайн: четыре года должен он плакать, стоя вне дверей молитвенного храма и прося входящих в оный верных сотворить о нем молитву, исповедуя, притом, свое преступление; по четырех годах да будет принят в число слушающих Писание и с ними да исходит в продолжение пяти лет; семь лет с припадающими да молится; четыре года да стоит только с верными, но да не сподобится причастия; по исполнении сих да причастится святых тайн» (56-ое правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 326–328).

Публичное покаяние в Воинском артикуле

Впервые в русском законодательстве понятие *публичное покаяние* дважды появляется на страницах Воинского артикула в связи с ситуацией, когда «кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей», который, между тем, «никому никакого вреда не учинил и обязательства с сатаною никакого не имеет». Кроме того, «явное покаяние при собрании людей» присуждалось «ругателю, [не допустившему] никакого богохуления», но упоминающему имя Бога всуе «нарочно, или и с злости, или в пьянстве»[173]. Как уже указывалось, в целом в Воинском и Морском уставах упоминался и целый ряд других преступлений, за которые «купно» следовало наказание покаянием. Однако в случаях лжесвидетельства, блуда, неумышленного убийства, превышения необходимой обороны и т. д. речь шла собственно о покаянии без акцента на обязательность прилюдного исповедования грехов[174]. При этом тексты Воинского и Морского уставов не фиксируют принципиальных различий между определениями самого понятия *покаяние* и практически отождествляют *церковное покаяние*, *явное покаяние* и, наконец, *публичное покаяние*.

Восприятие столь экзотического для российского законодательства термина, как *явное*, или *публичное*, *покаяние*, было бы легко объяснить механическим заимствованием из западноевропейских артикулов, и прежде всего из шведского военно-уголовного кодекса Густава II Адольфа 1632 года, обновленного в 1683 году Карлом XI, а также датского, бранденбургского и нидерландского уставов[175]. Однако в главном первоисточнике Воинского артикула, шведском военном законодательстве XVII века, публичное покаяние вообще не упоминается. Русский правовед П. О. Бобровский,

---

[173] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320–322. 1716. 30 марта.

[174] См.: ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 366–370, 373, 379. 1716. 30 марта; см. также Морской устав: ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 49–50, 78–79. 1720. 13 января.

[175] См.: *Бобровский П.* О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Артикул воинский по русским и иностранным источникам. СПб., 1882. Вып. 1. С. 151; *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Culture. N.Y., 2004. P. 115, 126–128.

работы которого остаются до сих пор единственным фундаментальным источниковедческим исследованием Воинского устава, отмечает, что наказание публичным покаянием и трехдневным арестом с содержанием на хлебе и воде упоминалось лишь один раз в голландских артикулах, когда речь шла о богохульстве[176]. Поэтому можно предположить, что введение в нескольких статьях Воинского артикула практики *публичного* или *явного покаяния* являлось не простой калькой западноевропейских военных кодексов, а стало результатом опосредованного влияния протестантской традиции[177] на законодательство Петра[178].

После появления в Воинском артикуле статей, предполагающих наказание *публичным покаянием*, и повторения некоторых из них в Морском уставе[179] на протяжении последующих десятилетий данный, не прописанный нигде обряд был спонтанно реализован и зафиксирован в ряде документов. Факты публичных покаяний были крайне редкими, однако все же сохранились отдельные свидетельства, позволяющие воспроизвести столь назидательные и мощные по своему эмоциональному воздействию сцены. Дела приговоренных «купно» к публичному покаянию поступали от светских команд в Синод, где, как правило, и принималось решение о выборе прихода для прилюдного духовного наказания. Приходской священник[180] оповещал народ заранее, и, разумеется, недостатка в желающих присутствовать на столь торжественном и суровом событии не было. В назначенное время стража доставляла кающего-

[176] *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Артикул воинский по русским и иностранным источникам. СПб., 1882. Вып. 1. С. 151.

[177] Речь идет о том, что еще Лютер во время Реформации постепенно склонился к мысли о пагубности тайной исповеди, индульгенции, отпущения грехов и пришел к выводу об особой силе коллективного публичного покаяния.

[178] Определенную роль в обращении к публичному покаянию мог сыграть факт подчинения Синоду лютеранской общины Петербурга и епархии (см.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1859. Вып. 1. С. 142; *Суворов Н. С. О* церковных наказаниях. С. 186, 219).

[179] ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 49–50, 78. 1720. 13 января.

[180] См. об положении приходского духовенства в иерархической структуре православной церкви, так или иначе включенной в бюрократический аппарат империи: *Freeze G. L.* The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, 1977. P. 13–45.

ся в церковь, где он должен был занять видное место и стоять там, окруженный солдатами. Затем появлялся дьякон, зачитывал приговор, при первом упоминании имени преступника указывая на него рукой, и объявлял: «И ныне он ту свою вину исповедуя, приносит покаяние и просит от всемилостивейшего Бога отпущения. Того ради извольте, все православные, слышав оное его покаяние, от таких и подобных тому причин остерегаться, а о нем, кающемся, дабы сподобился он от Господа Бога принять прощение, помолитесь». После этих слов преступник клал три земных поклона перед алтарем и произносил собственные покаянные слова: «Я, нижайший и всех грешнейший раб, перед Господом Богом и перед вами, православные христиане, за предъявленное мне согрешение, с сокрушением сердца и с осуждением того греха, прошу прощения перед всеми и молю ради человеколюбия вашего, помолитесь обо мне, грешном, чтобы оной мой грех от Господа Бога мне оставился в жизни сей и в будущем веке. Аминь». Далее следовала литургия, после которой священник и кающийся подписывали только что воплощенную форму публичного покаяния. Затем преступник вновь поступал в распоряжение светских команд[181].

Очевидно, что подобный сценарий *публичного покаяния* был весьма осовремененной импровизацией и имел лишь отдаленное внешнее сходство с византийским каноном, прописанным в 56-м правиле Василия Великого. Примером еще одной довольно вольной трактовки этой древней практики стал вынесенный в 1730 году приговор, направляющий солдатку вдову Агафью Фаддееву в церковь для публичного покаяния.

Эта Агафья жила в Петербурге и, лишившись кормильца, промышляла рукоделием и волшебством. Однажды пришел к ней крестьянин Мартын Алексеев, отчаявшийся помочь своей безумной жене Авдотье дочери Гавриловой. Агафья пошла на Неву, зачерпнула ковш воды и увидела, что Авдотью кто-то сглазил сразу же после свадьбы. Поселился в ней нечистый дух, который так и подталкивает несчастную утопиться или повеситься. Мартыну ведунья посоветовала только одно — смотреть за женой. Однако,

[181] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1859. Вып. 1. С. 140–141; *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. С. 184–185.

видимо, он не поверил предсказанию, и напрасно: Авдотья вскоре действительно утопилась в Неве, прямо напротив Выборгской стороны. Тут уж в дело вмешалась полицмейстерская канцелярия, провели расследование и выяснили, что Агафья — потомственная ведунья и волшебству научил ее отец, московский посадский человек. Для публичного покаяния Агафья была направлена в Успенский собор к священнику Петру Федотову. В течение трех дней она во время богослужения стояла вне церкви, у дверей, всем проходящим мимо сообщала о своих занятиях волшебством, кланялась и просила прощения и молитвы перед Богом. Закончилось дело довольно благополучно: у Агафьи нашлись влиятельные поручители, кто знает, может те, которым она когда-то помогла своим прорицанием. В духовном правлении с нее взяли подписку о том, что она оставит навсегда занятия волшебством, и отпустили с миром[182].

По высочайшей конфирмации сходный обряд *публичного покаяния* был определен помещику, отставному подпоручику Петру Григорову за убийство священника Григория Никитина, приехавшего к нему в гости. На Григорова накладывалась епитимья в одном из монастырей Рязанской епархии, и полагалось ему «один год стоять в притворе церковном при входных дверях и как вошедшему в церковь, так и исходящему из церкви народу в предписанном своем согрешении приносить публичное покаяние и просить, что б они об отпущении ему того пригрешения приносили перед Богом общие с ним молитвы, а в последующие четыре года приходить ему в церковь на всякое церковное славословие и класть земные поклоны... а до причастия святых тайн, кроме смертного случая, его не допускать»[183].

По всей видимости, на основании статей Воинского артикула попал под *публичное покаяние* за ложную присягу некий капитан Вуйчич. Довольно странный случай произошел в 1761 году в расквартированном в Новороссии корпусе, состоящем из сербов,

[182] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1859. Вып. 1. С. 141–142; *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. С. 186–187.

[183] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 522. С. 619. 1762. 11 сентября.

которые по политическим и религиозным мотивам покинули Австрийскую империю и поступили на русскую службу. Капитан Гернич донес на прапорщика Милютиновича, что тот сообщил ему о заговоре против генерал-лейтенанта И. С. Хорвата. Выяснилось, что подполковник Перич, полковник Адабаш и сам прапорщик Милютинович решили Хорвата убить и даже заготовили для этого заряженные пистолеты. Началось следствие, в ходе которого капитан Вуйчич под присягою подтвердил факт готовящегося покушения, однако донос Гернича оказался ложным. В результате самого Гернича решено было лишить чинов и сослать на поселение в Сибирь, а Вуйчича определить к публичному церковному покаянию. Пока шло разбирательство и суд, в Петербурге дважды сменилась власть, и взошедшая на престол Екатерина помиловала и Гернича, и Вуйчича, а в бумагах сенатского архива так и осталась сентенция, приговаривающая сербского капитана к публичному церковному покаянию[184].

Таким образом, в русских законодательных документах XVIII столетия появляется термин *публичное церковное покаяние*, который не отличается смысловой определенностью и легко находит себе место в синонимическом ряду таких легко взаимозаменяемых в текстах источников понятий, как *тайное покаяние*, *исповедь*, *епитимья*, *пребывание в монастыре под начал* и *на смирении* и т. д. Соответственно, публичное покаяние в России этого периода не имеет никакого определенного обряда и представляет собой причудливое сочетание древнего византийского ритуала, определяемого правилами святых апостолов и святых отцов, требований номоканона и отдельных элементов католической и особенно протестантской традиции, безусловно оказавшей влияние на текст соответствующих статей Воинского артикула. Публичное покаяние исключительно редко появлялось в текстах приговоров и оставалось уникальным событием, имеющим мощное назидательное воздействие на сознание подданных. Этот реанимированный в абсолютно новом социальном контексте обряд становился частью большого театрализованного действа русского самодержавия, резонно усматривающего в результативной манипуляции сознанием подданных одно из не-

[184] См.: Сенатский архив. СПб., 1909. Т. 13. С. 147–148.

обходимых условий своего государственного успеха. В данном контексте разворачивающееся в Москве на протяжении четырех недель постановочное публичное покаяние двоих убийц Жуковых может рассматриваться как важная сцена барочного театра Екатерининского абсолютизма.

Дело Жуковых

В 1766 году в Москве во время Великого поста ожидалось, что Успенский собор Кремля в четвертое воскресенье, церковь Петра и Павла на Новой Басманной — в пятое, церковь у святой Параскевы на Пятницкой в четверг пятой недели и, наконец, церковь у Николы Явленного на Арбате в Лазареву субботу будут переполнены прихожанами и окружены толпами любопытствующего народа[185]. В эти дни должен был состояться обряд публичного покаяния двоих убийц — лейб-гвардии Преображенского полка каптенармуса Алексея Жукова и жены его Варвары Николаевой, по отцу Полтевой, которые вместе с несколькими крепостными людьми жестоко расправились с матерью и пятнадцатилетней сестрой Жукова[186].

Вообще надо заметить, это семейство доставило немало хлопот властям. Отец убийцы статский советник Александр Петрович Жуков с 1744 по 1752 год был воеводой в Пензе[187] и отличался вызывающим казнокрадством, лихоимством и жестоким отношением к населению. Жуков не брезговал ничем: отправлял своих людей по селам и собирал дань деньгами, лисьим мехом, медом и даже кре-

[185] РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 9.

[186] Об этом деле есть обстоятельная работа американского ученого Николаса Хрисидиса: *Chrissidis N. A.* Crying Their Hearts Out: A Case of Public Penance in the Era of Catherine the Great // Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. Bloomington, IN, 2011. P. 107–125. См. также тезисы Г. О. Бабковой: *Бабкова Г. О.* Репрезентация «милости»: дело А. и В. Жуковых в контексте реформирования уголовного права в России второй половины XVIII века // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009. С. 14–16.

[187] См., в частности: *Заозерская Е. И.* Помещик Жуков и его хозяйство // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 213–226.

постными девками[188]. Он мог месяцами держать невиновных в колодках и заставлять работать в своем поместье пахотных солдат и новокрещенов: косить траву, возить сено, поставлять к столу раков или даже поймать живого волка[189]. Обычно Жуков практиковал такой нехитрый способ грабительства, как использование своей воеводской должности, которая позволяла ему арестовывать людей без видимых причин. С этих несчастных он требовал выкуп — иногда деньгами, а иногда ценными подношениями. Так, однажды он прознал, что приписанный к подушному окладу площадной подьячий Кондратий Попов женат на Агафье Емельяновой, которая в свое время не только вернулась из турецкого плена, но и привезла с собой весьма дорогие вещи из Царьграда. Подьячий Попов оказался в тюрьме и лишь спустя месяц был вызволен женой, передавшей Жукову через городничего Григория Брюхова и денщика Степана Топоркова кипарисный сундук, лампаду с серебряными цепочками и золотой пояс с бляхами[190].

Вокруг Жукова сложилась целая шайка вымогателей, которая, прикрываясь близостью к воеводе, бесчинствовала в окрестностях Пензы, проявляя особую жестокость по отношению к мордовским крестьянам. В 1754 году власть все же вынуждена была отреагировать на многочисленные жалобы и челобитные, поступающие из Пензенской провинции. Однако призвать к ответу зарвавшегося казнокрада и грабителя оказалось непросто, поскольку разносчик объявлений, а затем и сержант специальной роты Сената были искусаны спущенной на них злейшей собакой во дворе усадьбы Жукова[191]. В конце концов воевода все же оказался под стражей, а специально созданная комиссия вынуждена была разбирать 233 следственных дела преступника и его окружения в течение долгих пяти лет[192].

---

[188] Так, единожды Жуков приказал денщику Степану Авдонину без долгих разговоров забрать у жены однодворца Петра Карунтяева Афимьи Федоровой крестьянскую девку Федосью Тимофееву. Девку отправили в елецкую вотчину воеводы и там выдали замуж за крепостного Никифора Филипова (РГАДА. Ф. 304. Оп. 3. Д. 123. Л. 83–84).

[189] См.: Там же. Д. 17. Л. 64–64об; Д. 27. Л. 6–7, 20–21об; Д. 85. Л. 13–15 и др.

[190] Там же. Д. 172. Л. 3–5, 51–53об.

[191] Там же. Д. 195. Л. 17.

[192] Там же. Д. 96. Л. 5–7об; Д. 141. Л. 121–122; Д. 195. Л. 35–35об и др.

Однако этим скандальная известность Жуковых не ограничилась. В том же 1754 году, когда отец семейства обязан был неотлучно находиться в Пензе[193], а по вопросу о его беззаконных действиях дважды в неделю проходили заседания в Юстиц-коллегии, Москву потрясло страшное убийство в доме бывшего воеводы на Никитской улице в приходе церкви Воскресенья Христова. Вину за гибель своей жены Аграфены Ивановны и малолетней дочери Надежды, задушенных ночью в собственной спальне, Жуков без колебаний возложил на сына Алексея[194]. В следственную комиссию он направил донесение о женитьбе сына на некой Варваре Николаевой дочери по отцу Полтевой без согласия родителей, растрате их имущества и всяческом непочтении к матери, «почему она име[ла] опасения к нечаянному прекращению своей жизни»[195]. Убийцами действительно оказались Алексей Жуков и его жена Варвара, которых довольно скоро нашли в доме Настасьи Полтевой, тещи преступника, тут же раскрылись и обстоятельства столь безжалостного злодеяния.

Жуков с молодой женой, склонив к преступлению слугу Михаила Григорьева, столяра Ивана Иванова, калмыка Александра Александрова и двух дворовых девок, Авдотью Ионову и Катерину Данилову, решил завладеть деньгами и драгоценностями матери. Страх перед пролитой кровью банда убийц залила хмельным, тут же найденным в разграбленном доме, и, прихватив коробку или «скрынку» с деньгами, серебряную кружку, а также платки, посуду и пуховую подушку, на коляске с гиканьем и песнями отправилась в дом Настасьи Полтевой у Мясницких ворот. Продолжающееся до утра веселье не омрачила даже полупустая шкатулка, в которой оказались не ожидаемые Жуковым 40 тысяч, а всего лишь 563 рубля 20 копеек[196].

Следствие возглавил генерал-поручик Александр Данилович Татищев, он же и вынес приговор: «Алексея Жукова, жену его Вар-

[193] Там же. Д. 226. Л. 36–38об.

[194] Тем более что сам Жуков ранее подвергся нападению со стороны второго сына, ну а третьего, в свою очередь, чуть не довел до самоубийства угрозами и жестокостью (РГАДА. Ф. 196. Д. 226. Л. 11).

[195] Там же. Ф. 304. Оп. 3. Д. 226. Л. 1–1об.

[196] Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2об.

вару, тещу Настасью Полтеву, Михаила Григорьева, Ивана Иванова, калмыка Александра колесовать и тела их положить на колеса; а девкам Авдотье Ионовой и Катерине Даниловой отсечь головы»[197].

Убийство произошло в ночь на 10 сентября 1754 года, а 30 сентября Елизавета Петровна еще раз подтвердила свое запрещение вершить смертную экзекуцию до специального высочайшего распоряжения. Однако вопреки этому указу приговоренные к колесованию Алексей и Варвара Жуковы не отправились на каторжные работы в Рогервик и даже не были отмечены клеймом «ВОР», как предписывалось поступать в подобных случаях. Убийца матери и сестры, а также его жена долгие годы оставались в одиночных камерах, закованные в кандалы с тяжкими гирями на шее. Позже в манифесте Екатерины II будет сказано: «Мы довольно ведаем, сколь ужасное сие преступление поразило сердце покойной нашей тетки»[198]. Однако, по всей видимости, Елизавета не столь была травмирована этим действительно чудовищным злодеянием, сколько, не имея внутренней возможности отступиться от принятого на себя обязательства отказаться от смертной казни, сочла единственно правильным решением похоронить убийц заживо.

Между тем следствие по делу овдовевшего и лишившегося дочери бывшего пензенского воеводы продолжалось до смерти императрицы. В 1762 году унаследовавший российский престол племянник Елизаветы Петровны объявил амнистию, как это принято у многих приходящих к власти правителей. Александр Петрович Жуков, казнокрад и взяточник, не чурающийся насилия, рукоприкладства и грубого вымогательства, был освобожден из-под стражи, а многотомное дело о его беззакониях отправилось по императорскому указу в архив[199].

Жуков не моргнув глазом зачастил в Сенат, чтобы возвратить описанное во время следствия имущество и подтвердить наслед-

[197] РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 3–3об.

[198] ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 615. 1766. 24 марта.

[199] Тысячи страниц допросных речей тяжким грузом осели в Юстиц-коллегии. Затем бумаги следственной комиссии о злоупотреблениях пензенского воеводы Жукова перекочевали в 6-й департамент, а через 10 лет были переданы в 5-й «для уравнения в делах московских департаментов Сената» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Д. 3811. Л. 55–55об).

ство жены, убитой их родным сыном. Как свидетельствует примечание к первой публикации эпиграммы Ломоносова, там-то и встретил поэт, остолбеневший от грубости человеческой натуры, подъехавшего цугом бывшего пензенского воеводу. Видимо, манеры Жукова отдавали какой-то свидригайловщиной — он едва не подмигнул Ломоносову и, обратив его внимание на приближающуюся грозу, заявил: «Напиши стихи на приезд мой в Сенат во время грозы». Взбешенный Ломоносов был готов на экспромт:

Между Сенатских цуков
Что вижу я? И Ж[уков]...
Дивятся все, дивишься ты и сам:
Как не греметь во гневе небесам![200]

Видимо, полное отсутствие рефлексии у этой «подлой бессердечной породы»[201] позволило выжить в нечеловеческих условиях заточения Алексею и Варваре. К началу правления Екатерины непосредственные исполнители преступного замысла Жукова крепостной Михаил Григорьев и столяр Иван Иванов, а также калмык Александр Александров и вдова Настасья Полтева уже умерли в тюрьме, так и не дождавшись решения следственной комиссии[202]. Вообще императрица получила от предыдущих правлений по одной только Юстиц-коллегии 6027 нерешенных дел, не считая неразобранных бумаг, на протяжении многих лет поступающих на рассмотрение из всех губерний[203]. Среди многочисленных рапортов она не могла не обратить внимание на доклад Сената по поводу

[200] *Ломоносов М. В.* Эпиграмма // Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 782, 1175–1177.

[201] *Толстой Л. Н.* Война и мир.

[202] РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2об.

[203] В 1766 году Сенат за подписью Александра Бутурлина, Петра Панина, Николая Чичерина и Адама Олсуфьева доносил Екатерине: «[Юстиц-коллегии] в трех департаментах нерешенных дел по указам правительствующего Сената и святейшего Синода из конторы интересных, челобитчиковых, апелляционных и производимых по крепостной конторе, начавшихся от 1712-го года состоит шесть тысяч двадцать семь, да сверх того явилось еще не разобранные дела после выбылых разными случаями повытчиков, кои ныне разбираются и описываются, без чего точного оным числа показать неможно» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Д. 3729. Л. 378–378об). См. об этом также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 8.

тянущегося с 1754 года в Московской полицмейстерской канцелярии расследования столь циничного убийства матери и совсем юной сестры. Тогда-то ей, видимо, и пришла замечательная идея — «не кровавиться»[204] попусту и в то же время дать серьезный нравственный урок подданным. Разумеется, лучшего контекста, чем Евангельское учение, для этого нельзя было придумать.

Однако прежде необходимо было выяснить, где, собственно, находятся преступники, имели ли они детей до заключения и не прижили ли новых, пока 10 лет содержались под караулом. Довольно скоро генерал-прокурор Сената князь Вяземский получил рапорт из Московской губернской канцелярии: «Означенной Жуков и жена его содержатся в [учрежденной розыскной] экспедиции вместе, а детей у них никого нет»[205].

Инсценированное покаяние

Тогда же императрица задумала вместе со статс-секретарем Г. Н. Тепловым осуществить постановку ритуала публичного покаяния. Затем она обратилась к митрополиту Новгородскому Дмитрию, епископу Псковскому Иннокентию и епископу Тверскому Гавриилу, поручив им уже детально «исследовать какие в древней церкви нашей употреблялись подобным злодеям наказания и каким образом души их предавались в помилование Богу»[206]. Иерархи, разумеется, с прямолинейной наивностью ответили, что «убийцу матери и сестры законы осуждают на смерть» и вообще-то монархи — «сами властители духовные и мирские», соответственно и «казнь таким злодеям состоит в [их] воле и власти»; но, с другой стороны, если вспомнить об «истинном христианстве», вроде как положено «прямое покаяние»[207].

Что такое «прямое покаяние», никто в точности не знал, если не считать стояния «в праздничные и воскресные дни вне церкви на

---

[204] *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание.

[205] РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 4.

[206] ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 616. 1766. 24 марта.

[207] РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 5–6; ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 616. 1766. 24 марта.

паперти»[208], поэтому было задумано просто срежиссировать величественное действо, призванное не столько «раны уязвленным приумножить», сколько «неуязвленных осторожнейшими сделать»[209]. Иными словами, прописывался особый обряд прежде всего для глубокого эмоционального воздействия на законопослушных подданных, а вовсе не для спасения душ двоих деморализованных и полубезумных убийц. Корреспонденция статс-секретаря императрицы Г. Н. Теплова и генерал-губернатора Москвы П. С. Салтыкова, собственноручная правка Екатерины детально продуманных формулировок манифеста, черновые варианты и окончательные тексты проповеди[210] — все говорит о том, какая большая работа была проделана для точно выверенного сценария постановочного публичного покаяния.

Императрица лично контролировала мельчайшие нюансы задуманной инсценировки. В частности, 24 марта она распорядилась тайно ночью накануне первого акта публичного покаяния доставить убийц в Кремль и вывести их утром к Успенскому собору уже при скоплении народа[211]. В личном послании от 26 марта к градоначальнику Петру Салтыкову Екатерина писала: «Осведомитесь доподлинно, не брюхата ли Жукова жена. И ежели найдена брюхата, то можно ее к покаянию возить на роспусках и дать какую ни есть обувь, чтоб не зазнобить. А под рукою можете и объявлять другим, что вы сие сделали в отмену предписанного обряда по причине той, что она непраздна»[212]. В тот же день со

---

[208] В частности, в специально подготовленном докладе иерархи писали: «[покаяние убийцы] исполнить могут следующим образом: при одной из публичных церквей в праздничные и воскресные дни во время пения стоять вне церкви на паперти, приносить Господу Богу со слезами покаяние... при том должно назначить искусного священника на проповедь... сверх того велеть диакону читать следующую ектению: *о еже приняту быти покаянию припадающих сих и исповедающих беззаконие свое*» (РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 5–6).

[209] ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 616. 1766. 24 марта.

[210] РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–26; Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 63–63об, 68.

[211] Указ генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову. 1766. 24 марта // РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 23.

[212] Письмо Екатерины II графу П. С. Салтыкову. 1766. Март (РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 24).

специально назначенным кабинет-курьером Гарезиным в Москву было отправлено 30 копий манифеста и приложений, правда с опечаткой — вместо «прославления» в тексте молитвы ошибочно набрали «прославления». Опечатку приказывалось исправить пером и разослать манифест из Московского департамента Сената «куда надлежит». 27 марта из Петербурга выехал нарочный еще со 150 экземплярами уже откорректированного текста без досадных погрешностей. Все происходило в обстановке строгой конфиденциальности. В московской конторе Синода после получения указа императрицы и письменных распоряжений генерал-губернатора Салтыкова приказано было «объявить секретно с подпискою, дабы до прописанного в том сообщении времени оное никому объявляемо не было, а содержание б было в секрете неотменно»[213]. Петербургскому кабинет-курьеру следовало «дождаться окончания процессии над Жуковыми» и привезти лично императрице отчет Салтыкова[214].

Как уже указывалось, покаяние убийц должно было происходить один раз непосредственно в центре православной столицы, в Успенском соборе, и трижды в церквях в разных концах Москвы, где предписывалось воспроизводить один и тот же заданный ритуал. Таким образом, практически все жители Первопрестольной, которых полиция к тому же обязана была оповестить за сутки до начала литургии, имели возможность получить столь уникальный, можно сказать, экзистенциальный опыт.

В четвертое воскресенье Пасхи действо планировалось начать в 9 утра непосредственно перед службой. Жуковых должны были в сопровождении двух священников и хорошо вооруженной «пристойной» военной команды провести через Ивановскую площадь в Успенский собор, давая ясно понять толпе, что это имитация пути на эшафот: «тем точно порядком, как осужденные водимы бывают на смертную казнь». Внешний вид убийц напоминал вольную стилизацию традиций канонического публичного покаяния — посконные свиты, распущенные волосы, босые, в оковах, в руке по

[213] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1766 г. Д. 108. Л. 10.

[214] См.: Письмо Г. Н. Теплова П. С. Салтыкову. 1766. Март (РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 26); Письмо П. С. Салтыкова Г. Н. Теплову. 1766. Апрель (Там же).

зажженной восковой свече[215]. Располагаться кающимся следовало по византийскому канону у церковного притвора[216].

Прежде всего торжественно объявлялся предварительно опубликованный для всенародного известия высочайший манифест, который был условной заменой сентенции, провозглашаемой обычно перед смертной казнью. Затем убийцы на коленях произносили специально написанную покаянную молитву. После молитвы перед началом литургии опять-таки воспроизводились элементы древнего ритуала, отраженного еще в правилах Василия Великого: преступники каждого входящего в церковь должны были умолять просить за них прощения у Господа Бога.

Далее следовало чтение ектении «О еже прияту быти покаянию припадающих сих и исповедающих беззаконие свое, Господу помолимся». Эта особая молитва состояла из прошения и прерывающего его восклицания «Господу помолимся», которое повторялось поющим хором и традиционно было рассчитано на неослабное внутреннее напряжение и постоянное возбуждение эмоций собравшихся. Ектению, как обычно, читал не священник, а дьякон, т. е. служитель церкви, находящийся на низшей ступени священства и не имеющий права совершения таинств, что в известной мере превращало его слова в выражение чаяний паствы и усиливало общее ощущение соборности.

После ектении, в соответствии с правилами службы, звучала проповедь, которую, однако, вряд ли могли слышать преступники, поскольку читать ее протопопу церкви Николая Гостунского Постникову предназначалось «с особливого амвона при дверях внутри» храма. На этом литургия заканчивалась и народ, выходящий из Успенского собора, вновь проходил мимо убийц, которые произносили тот же текст просьбы о молитве. Для проведения всего этого постановочного действия специально назначался представитель

---

[215] См., например: *D'Aubigne J. H. M.* History of the Great Reformation Of the Sixteenth Century Germany, Switzerland. P. 12–33; *Mansfield M. C.* The Humiliation of Sinners: Public Penance in Thirteenth-Century France. P. 92–93, 123; *Meens R. M. J.* Penance in medieval Europe: 600–1200. P. 154, 182–183.

[216] См.: 56-ое, 57-ое, 64-ое, 82-ое правила Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 326–328, 335, 371–373.

клира, архимандрит Знаменского монастыря, член синодальной конторы Варфоломей и «особливый» судья.

Таким образом, первый в истории России детально прописанный ритуал публичного покаяния появился во время правления Екатерины II и представлял собой свободную стилизованную эклектику традиций самых различных конфессий и эпох, что, разумеется, мог позволить себе только своевольный просвещенный абсолютизм XVIII столетия. Не менее многоуровневыми по своим смыслам оказались и тексты, которые должны были сопровождать этот театрализованный обряд. Императорский манифест, продиктованная убийцам молитва, специально написанная для этого случая «ектения о кающихся»[217], проповедь протопопа Постникова и, наконец, адресованное каждому входящему и выходящему из храма исступленное обращение преступников отличались семантической сложностью и диалогичностью.

«Исповедающие беззаконие»

Ключевым понятием, объединяющим всю церемонию, было, безусловно, понятие *закон*. В молитве убийцы должны были каяться, признавая совершенное ими «беспримерное беззаконие», а в «прошении» сокрушаться по поводу «тягости [своего] беззакония»[218]. Во время ектении дьяк вместе со всей паствой взывал к Богу о принятии покаяния «исповедающих беззаконие». В Манифесте пре-

[217] И в данном контексте также нельзя буквально согласиться с обер-прокурором Святейшего синода П. П. Победоносцевым, который в своем весьма объемном исследовании дела Жуковых обмолвился, что «во время литургии дьякон возглашал особую ектению о кающихся» (*Победоносцев П. П.* Убийство Жуковых // Победоносцев П. П. Исследования и статьи. СПб., 1876. С. 324). Прошения об оглашенных, в которых, как правило, упоминались кающиеся и одержимые, вышли из употребления в Восточной христианской церкви вместе с угасанием традиции крещения во взрослом состоянии в IV веке, т. е. задолго до принятия христианства на Руси. «Ектения о кающихся», «исповедающих беззаконие свое», прочитанная в Успенском соборе в 1766 году, была еще одной стилизацией просвещенного абсолютизма, культивирующего законность и правосудие.

[218] Здесь и далее см.: РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 10–15; ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 615–620. 1766. 24 марта.

ступники обвинялись в нарушении *Закона Божьего* и *естественного*, в страшном злодействе и *беззаконии*, которое не только среди христианских народов, но даже у идолопоклонников и «без всякого закона живущих людей» считается немыслимым.

Этот мотив получил богословское звучание в проповеди «Слово о содеявших в 1754 году убийство над матерью и сестрою своими, а ныне преданных церковному покаянию перед народом». Во-первых, постулировалось, что по Закону Божьему сам факт убийства человека, сотворенного по образу и подобию, есть грех против величия Бога и Его власти, которую Он имеет над человеческой жизнью. Во-вторых, в «Слове» речь шла об особенностях наказаний за оскорбление родителей по Новому Завету. Акцентировался тот факт, что «Божественный законодатель» не упоминал об отцеубийстве, поскольку даже не предполагал, что лишающие родителей жизни «ехидны и чудовища» вообще могут существовать. Переходя в теме неизбежного суда протопоп по извечной христианской традиции противопоставлял закон Ветхого Завета и благодать Евангелия: «Закон представляет нам Бога Судью, Евангелие проповедует Отцом. <...> Закон вопиет: проклят всяк, ежи не пребудет во всем писанном в книге закона. Но благодать с кротостью [обещает] беззакониями умершего воскресить». Тема закона и благодати, задавая еще один важный лейтмотив ритуала публичного покаяния, перерастала в тему карающего правосудия и возвращающего к жизни милосердия. «Правосудие в наказании грешников, — вещалось в проповеди, — милосердие в призывании их к покаянию»[219].

Таким образом, совершающийся на Соборной площади обряд соединял в себе правосудие и милосердие, являлся и наказанием, и помилованием, а его соборность придавала всему действию высокое назидательное значение. Именно так аргументировалось в Манифесте высочайшее решение о наказании убийц Жуковых публичным покаянием: «...угоднее ли Богу будет лишением живота...

[219] Приводимые протопопом примеры снисхождения Господнего касались деяний и иудейского Бога, и христианского: по Священному Писанию, прощены были убивший Урию царь Давид, мытарь, трижды отрекшийся Петр, гонитель Савл и, наконец, разбойник на кресте, буквально в последние минуты беззаконной своей жизни.

злодеев наказать, или... без нарушения нашего правосудия и без соблазна народного, остав[ить] живот их в руке Всевышнего судьи на собственное совести раскаяние». Иными словами, идеи, заложенные в текстах сценария, представляли собой идеологическое обоснование произошедшего более 20 лет назад отказа от смертной казни и практики замены ее покаянием, устанавливающейся уже в екатерининское правление. Для того чтобы вынести «на всенародный позор» совершенное преступление, в данном исключительном случае покаяние становилось публичным и включало элементы узнаваемого ритуала не только смертной казни, но и политической смерти.

Апелляция к законодательству периода царствования Елизаветы Петровны и прямо и косвенно присутствовала в подготовленном проекте публичного покаяния. От лица иерархов Русской православной церкви провозглашалось неотъемлемое право монарха ради «сохранения правосудия в народе по законам казнить злодеев». Текст манифеста включал проникновенное размышление императрицы о совместимости христианского учения и власти «лишать живота» даже убийц. Как уже отмечалось, отдельные элементы самого обряда покаяния имитировали сцену на эшафоте. И, наконец, непосредственно предписывалось с сообщниками Жуковых поступать по указу 1754 года, т. е. экзекуции не вершить, дело отправить в Сенат, ждать распоряжений, а преступников пока сослать на каторгу.

Итак, постановочное публичное покаяние 1766 года являлось заранее прописанным ритуалом, витиевато вплетающим в русское православное богослужение древний византийский обряд, детали пепельной среды, а также элементы ритуала смертной казни и политической смерти. Театрализованное действие рационально выстраивалось вокруг просветительского идеала законности и вдохновлялось христианской духовностью смирения и прощения. Однако венчалась вся эта сложнейшая конструкция образом, ради репрезентации которого, собственно, и совершалось публичное покаяние, — смысловым центром сценария была фигура «великой и милосердной самодержицы Екатерины Алексеевны». В финале проповеди, которая традиционно завершала литургию, провозглашалось, что именно она и привела «души преступников к Божию

милосердию». «Не се ли, Христова церковь! прямое твое утверждение?» — вопрошал протопоп Постников под сводами Успенского собора. «Милосердие благого Бога, общая церкви всея молитва и благочестивое монархини попечение» сливались воедино и призваны были «подать великое наставление» подданным.

Московский генерал-губернатор Салтыков мог быть доволен — театрализация покаяния прошла в строгом соответствии со сценарием императрицы. Об этом он и поспешил донести в рапорте, отправленном в Петербург с тем самым курьером, который привез высочайшие распоряжения по поводу наказания Жуковых: «Апреля второго числа в первой для их покаяния назначенный воскресной день в Успенском соборе по содержанию вложенного при манифесте обряда во всем наиточнейшее исполнение учинено». Упомянул Салтыков и о зрителях, среди которых «был как я, так и многие знатные особы; а народу было такое множество, что во всем Кремле не оставалось уже почти такого места, которое бы людьми с немалым утеснением не занято было». Что касается до главных участников действа на Ивановской площади, то они, как и предполагалось, остались безучастными и никакого «наичувствительнейшего раскаяния приметить в них было невозможно»[220]. Но, собственно говоря, столь монументальная постановка первого в истории России публичного покаяния и не затевалась ради исправления двоих убийц, а предназначалась именно для народа, теснившегося в соборе и заполонившего все пространство вокруг него.

Высочайше срежиссированная постановка была с точностью воспроизведена еще трижды на Новой Басманной, на Пятницкой и, наконец, в Лазареву субботу на Арбате. После Пасхи началась подготовка к отправке убийц под начал в монастыри — Алексея на Соловки, а Варвару в Тобольскую епархию — на 20 лет, включая и время, проведенное в тюрьме с момента их страшного преступления[221]. 7 июля 1766 года Салтыков доносил императрице: «На сих днях от шестого Сената департамента сообщено мне, что смертоубийцы Алексей Жуков в Соловецкий, а жена его Варвара То-

[220] Рапорт московского генерал-губернатора П. С. Салтыкова Екатерине II. 1766. 3 апреля (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 63–63об).

[221] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 20–23об. См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 9–10.

больской епархии Далматской девичь[ий] монастырь[222] от конторы Святейшего Синода за надлежащим караулом отправлены»[223]. В РГАДА сохранились указы Екатерины, направленные из Синода архангелогородскому епископу Иосафу, архимандриту Соловецкого монастыря Досифею, митрополиту Тобольскому Павлу и игуменье Богородично-Рождественского Ильинского монастыря Евфимии, также уцелели их рапорты и инструкция военным, сопровождающим бывшего каптенармуса и его жену, а ныне приговоренных к покаянию Алексея и Варвару Жуковых. Эти документы позволяют воссоздать сложившуюся во второй половине XVIII века стандартную процедуру конвоирования преступников к месту их духовного исправления в отдаленных монастырях.

«В монастырь под начал»

Капралу 3-го Московского батальона Кузьме Бердекову и солдатам Илье Рогову и Калине Сорову была выдана инструкция[224], два запечатанных указа: один — епископу Архангелогородскому Иосафу, другой — архимандриту Соловецкого монастыря Досифею; кроме того, они получили 54 рубля 35 копеек прогонных денег и по тесаку на каждого. Им предстояло нанять три ямские подводы[225] и под неусыпным надзором доставить Жукова сначала в Архангельск к епископу, а затем и на Соловки. В дороге двое из троих пристав-

[222] Основанный в 1644 году Далматовский Успенский монастырь был мужским, но в 45 километрах от него находилась Свято-Введенская женская обитель, которая и стала местом временного пристанища Варвары Жуковой. Убийца вскоре была конвоирована в Богородично-Рождественский Ильинский женский монастырь в Тюмени. 27 июня 1766 года архимандрит Михаил направил от Тобольской духовной консистории следующий рапорт в московскую контору Синода: «Прислана смертоубийца каптенармуса Алексея Жукова жена Варвара Николаева дочь для содержания Тобольской епархии в Далматове... и отослана в тобольский Богородицы Рождественской девичь[ий] монастырь к игуменье Евфимии» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 65).

[223] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 68.

[224] Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 56–57; Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 2–3.

[225] См.: Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 58.

ленных военных постоянно должны были находиться с убийцей, держа наготове обнаженный тесак. При необходимости в селах разрешалось просить у приказчиков или управителей подкрепления из крестьян. Ехать нужно было только по главному, «надлежащему» тракту в светлое время суток и зорко следить, чтобы преступник не нанес себе увечья и не отравился. С этой целью полагалось постоянно обыскивать Жукова и проверять любую пищу и питье, прежде чем дать ему. Бумага, чернила и любая возможность письменных контактов также исключались. В случае смертельной болезни преступника можно было допустить до святого причастия.

В свою очередь капралу и солдатам строго запрещалось бесчинствовать по дороге, вымогать взятки и распространяться о государственных делах как в разговорах, так и в личной переписке. Для острастки к инструкции прилагался указ Петра I от 13 января 1724 года «О неписании секретных дел в партикулярных письмах»[226].

Точно такую же инструкцию с печатью получил капрал 2-го Московского батальона Петр Рубцев, который с солдатами Кириллом Кузнецовым и Степаном Зиминым должен был доставить Варвару Жукову в Тобольскую духовную консисторию лично митрополиту Павлу, а затем сопроводить убийцу до Далматова и оттуда в тюменский Богородично-Рождественский Ильинский женский монастырь к игуменье Евфимии. Конвоирам также полагалось неотлучно находиться при Варваре с обнаженными тесаками, требовать подмоги в случае опасности со стороны этой женщины и ни в коем случае на передвигаться с ней на подводах в темноте. Разница заключалась лишь в сумме прогонных денег — до Тобольска из казны было выделено 75 рублей 11 копеек с четвертью[227].

В документах не указывается скарб, с которым прибыла Варвара в Тюмень, зато сохранилась «опись имеющемуся у присланного к содержанию в Соловецкий монастырь смертоубийцы каптенармуса Алексея Жукова собственного его экипажу». Унтер-офицер, не поднявшийся по Табели о рангах даже до XIV класса и обвинен-

[226] ПСЗ. Т. VII. № 4409. С. 200. 1724. 13 января. О борьбе Петра I с лихоимством см., например: *Серов Д. О.* Петр как искоренитель взяточничества // Исторический вестник. Романовы: Династия и эпоха. М., 2013. Т. 3 (150). С. 70–95.

[227] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 67–69.

ный в страшном преступлении, вовсе не был в России XVIII века «лагерной пылью» и явился на покаяние в сопровождении двоих слуг и с изрядным имуществом. В частности, в его сундуках имелось несколько икон, псалтырь киевской печати, три тулупа, лисья шуба-венгерка, заячья фуфайка, красный суконный камзол, штаны бархатные черные, два шлафара или халата — один на белой тафте, другой шит шелком, двадцать пять рубашек, три пары сапог, перина с двумя подушками, соболья шапка с парчовым верхом, две серебряные ложки, карманные серебряные часы, две головы сахару, двадцать пять рублей денег и, наконец, совершенно необходимые для смирения в обители — четыре хрустальных стакана, четыре рюмки и окованный погребец с пятью штофами[228]. Все это богатство вместе с преступником и печатным указом императрицы, содержащим инструкцию по его духовному исправлению, архимандрит ставропигиального Соловецкого монастыря Досифей получил под расписку[229], которую капралу Бердекову следовало доставить в московскую контору Синода. Такой же высочайше намеченный план церковного покаяния был выдан и Евфимии, игуменье Ильинского монастыря в Тюмени, куда прибыла Варвара Жукова[230].

В обителях к убийцам надлежало приставить наиболее уважаемых монахов, которые бы следили за их нравственным исправлением и постоянно «напоминали силу веры и закона и страшный суд Божий». Сосланные на покаяние обязаны были посещать литургии, всякий раз исповедоваться и исполнять «сносные по силе монастырские труды»[231]. В церковь они дальше трапезы не допускались и лишались причастия, на которое могли рассчитывать только перед смертью[232]. По правилам святых отцов, спустя 20 лет с момента

[228] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 7–8.

[229] Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 59.

[230] Расписка игуменьи Евфимии о принятии Варвары Жуковой. 1766 г., 28 июля (Там же. Л. 71).

[231] Там же. Л. 202–203, 214–215.

[232] Не далее как в конце 1766 года Жуков тяжело заболел и согласно инструкции был исповедован и приобщен святых тайн, о чем сотник Федор Ястребинский оставил запись в книге рапортов караульной службы Соловецкого монастыря, а архимандрит Досифей донес в Святейший правительствующий синод (Там же. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4785. Л. 18, 20; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 83–83об).

совершения убийства, т. е. в 1774 году, преступники, постигшие всю глубину своего греха, могли быть допущены до церковных таинств. На протяжении всего этого времени приставленный к Жукову иеромонах Соловецкого монастыря Киприан и начальница женской обители, куда была заключена Варвара, должны были доносить несколько раз в год иерархам о духовном исправлении преступников. В свою очередь, от Синода требовалось лично императрице регулярно сообщать о «знаках раскаяния» грешников[233].

Поначалу рапорты архимандрита Соловецкого монастыря Досифея и епископа Тобольского и Сибирского Варлаама, направляемые в московскую контору Синода и затем и в Сенат, стабильно сообщали о смиренном поведении обоих Жуковых, исправном посещении ими церковного пения и регулярном исповедовании во время постов[234]. Однако довольно скоро выяснилось, что дела обстояли не столь благостно. По неизвестной причине в 1773 году Варвару из Богородично-Рождественского Ильинского монастыря вновь перевели в Далматовскую обитель. Вскоре начальница Нимфодора донесла епископу Варлааму, что Жукова предается «невоздержанному пьянству», ведет себя непристойно, а водку добывает у местных жителей, пользуясь тем, что укрепления монастыря разрушены в ходе Пугачевского восстания. Вообще на долю монахинь в эти годы выпали большие испытания: были они, по словам Нимфодоры, «старыми и дряхлыми», обитель перевели за штат, средств не было даже на восстановление разрушенной ограды, церковь сожгли бунтовщики, да к тому же еще прислали на духовное исправление пьющую и буйствующую убийцу[235]. Правда, вскоре началь-

[233] Указ Ее Императорского Величества самодержицы всероссийской из московской Святейшего Правительствующего Синода конторы ставропигиального Соловецкого монастыря архимандриту Досифею с братией. 1766 г., 19 мая (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 4, 7–8).

[234] Рапорты архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в московскую контору Синода; рапорты иеромонаха Соловецкого монастыря Киприана архимандриту Соловецкого монастыря Досифею; рапорты епископа Тобольского и Сибирского Варлаама в московскую контору Синода (Там же. Оп. 4. Д. 638. Л. 1–1об; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 79–79об, 83–83об, 88–88об, 92–92об, 96–96об, 99–99об, 111–111об, 117–117об, 125–125об, 134–134об, 139–139об, 150–150об, 161, 164–164об, 200–200об и др.).

[235] Рапорт епископа Тобольского и Сибирского Варлаама в московскую контору Синода (Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 180–180об); рапорт

ница донесла Варлааму, что Варвара, придя к ней в келью, перед всеми собравшимися монахинями на коленях со слезами просила прощения, а «невоздержанные поступки» объяснила происками дьявола[236]. В 1775 году по высочайшему постановлению решено было все же допустить Варвару до святого причастия в приходской Николаевской церкви села Далматово «за неимением в девичьем монастыре по сгорению церкви»[237].

Нельзя сказать, что и Жуков на Соловках все эти годы сокрушался по поводу своих грехов, как это представлялось обычно в рапортах архимандрита Досифея. Он довольно быстро растранжирил то немалое имущество, с которым прибыл в монастырь на покаяние, и впал в нищету. Пытаясь найти средства к существованию, Жуков отправлял двоих своих слуг в Архангельск на заработки. Довольно скоро монастырское начальство запретило ему подобные вольности, что, однако, не отменяло права убийцы на эту крещеную собственность. По одним сведениям, он их проиграл в карты, по другим — продал по 10 рублей за каждого[238].

Тем не менее по правилам святых отцов в 1774 году двадцатилетнее отлучение Жукова закончилось и он был 25 марта допущен до причастия[239]. Однако если по церковному ритуалу убийца получил Божье прощение, то с высочайшим милосердием дело обстояло сложнее. По указу Екатерины преступник по-прежнему должен был пребывать в монастыре. Это обстоятельство, а также явно усугубляющиеся ментальные проблемы сподвигли его на дерзкое прошение, адресованное непосредственно императрице. В своем отчаянном послании Жуков наконец-то обнаружил «лютейшую

начальницы Далматова Введенского девичьего монастыря Нимфодоры епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму (Там же. Л. 186–186об, 188–188об).

[236] Рапорт начальницы Далматова Введенского девичьего монастыря Нимфодоры епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму (Там же. Л. 186–186об).

[237] Указ Екатерины II из Синода епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму. 1775. 11 апреля (Там же. Л. 197); рапорт епископа Тобольского и Сибирского Варлаама Святейшему правительствующему синоду о получении указа и действительном по оному исполнении. 1775. 18 октября (Там же. Л. 186–186об).

[238] См.: *Колчин М. А.* Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 610.

[239] Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в московскую контору Синода. 1774. 5 мая (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 171–171об).

горесть» и «несносные» духовные страдания, избавлением от которых могла стать только казнь. «В таком духа моего смущении, — писал он, — получить едино желаю со усердием казнен быть смертью и тем пресечь мое мучение, кое несноснее и самой смерти»[240].

Обнажившаяся чернота закоулков внутреннего мира этого духовно больного человека сочеталась с грубым рационализмом его примитивной натуры. Вынужденный существовать на 8 рублей в год, он жаловался на нищету, равнодушие бросивших его «сродников», а также на суровый климат Русского Севера и грубую пищу, которой должны были довольствоваться колодники в Соловецком монастыре. Помимо смертной экзекуции он просил у Екатерины о встрече с Варварой, вечной ссылке на поселение с женой или хотя бы о постриге его в монастырь Тобольской епархии, ближе к той, с которой 20 лет назад он убил свою мать[241].

Очевидно, что императрице никогда не было никакого дела до судеб этих двоих деградировавших людей, которые являлись лишь реквизитом в масштабной постановке, призванной смягчить и облагородить чувства подданных. Екатерина с недоумением передала прошение Жукова в Сенат, где оно, разумеется, было оставлено без рассмотрения[242]. Однако брезгливое игнорирование со стороны престола окончательно расстроило психику Жукова. В день коронования императрицы он демонстративно совершил очередное кощунство. Во время торжественного молебна, когда архимандрит поминал царскую фамилию, Жуков, подойдя к настоятельскому месту, закричал: «Какая она императрица, она татарка!» Это уже было забытое «слово и дело», которое на Соловках попытались

---

[240] Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в Синод о высказанном Жуковым желании остаться в монастыре. 1775. 27 мая (Там же. Л. 201–203).

[241] Там же.

[242] «Ея императорского величества указ из Святейшего правительствующего Синода под номером 3878-м о отсылке в правительствующий Сенат смертоубийцы бывшего лейб-гвардии Преображенского полку каптенармуса Алексея Жукова прошения о свободе его из Соловецкого монастыря, а жену ево Варвару Николаеву из Тобольской епархии, и соединяя их обоих послать в вечную ссылку или постричь его кроме оного Соловецкого монастыря в Тобольской епархии в монашество, сего ноября 22 дня мною получен» [Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в Синод. 1775. 23 ноября (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1766 г. Д. 108. Л. 235)].

скрыть, взяв с каждого монаха письменные обязательства строжайшего молчания под угрозой смертной казни. Начались допросы и расследования, а «поругателя» императорской чести, закованного, отправили для разбирательства в Архангельск. Тем не менее сведения о невиданном богохульстве дошли до императрицы. Екатерина выпад Жукова, называемый в следственных бумагах «блеванием», оставила без внимания, заметив, что «такого усопшего в злодеяниях человека никакое, кажется, наказание к желаемому раскаянию привести не может». Вскоре Жукова вернули на Соловки и полностью изолировали от других заключенных. Спустя два года, проведенные в монастырской тюрьме, он повесился в собственной камере[243].

Публичное покаяние Жуковых так и осталось единственным в истории России случаем столь грандиозного и детально проработанного использования светской властью церковной символики и авторитета христианской веры для наказания по уголовному делу. Публичные покаяния, в отличие от покаяний в монастыре или приходской церкви, не вошли в практику судопроизводства во время правления Екатерины. Однако императрица вовсе не отказалась от назидательных мероприятий вынесения наиболее страшных преступлений на всенародный позор и включения в эти публичные действия тех или иных ритуальных элементов *смертной казни, политической смерти, шельмования* или *церковного покаяния*.

Так, печально известная Дарья Николаевна Салтыкова, жестоко убившая более 70 своих крестьян[244], была приговорена Сенатом к смертной казни, замененной на целый ряд унизительных экзекуций, которые имели не менее глубокий назидательный для других подданных смысл. С одной стороны, представлялся случай продемонстрировать монаршее милосердие, с другой — использовать практически весь арсенал обрядов, направленных на прилюдное уничтожение личности преступницы. Императорским именным

[243] См.: *Колчин М. А.* Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 610.

[244] С. М. Соловьев пишет о 75 жертвах Салтыковой по обвинению ее же крепостных (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 125).

указом Салтыкова лишалась дворянства и фамилий отца и мужа, превращаясь в Дарью Николаеву дочь. Все население Москвы было заранее оповещено о дате ее публичного наказания. В назначенный день Салтычиху вывели на эшафот, установленный на Красной площади, и зачитали вынесенную Сенатом смертную сентенцию, а затем указ Екатерины об изменении наказания. Злодеяния помещицы были настолько чудовищны, что вопрос о помиловании молчаливо обходился, а напротив, заявлялось о «крайнем прискорбии» императрицы по поводу «бесчеловечных смертных убийств». Затем Салтыкову на глазах у собравшейся толпы приковали на эшафоте к столбу и повесили на шею доску с надписью «Мучительница и душегубица». Спустя час закованная в железо преступница была направлена в специально для нее сделанную земляную тюрьму Ивановского монастыря, где ей предстояло находиться в темноте и полной изоляции до конца дней, чтобы «лишить злую душу всякого человеческого сообщества». Разумеется, Салтыковой запрещалось святое причастие, а также возможность находиться в храме — она выпускалась из своего заточения только во время службы, которую слушала у дверей церкви. Очевидно, что власти не было большого дела до духовного спасения обезумевшей крепостницы. Дело Салтычихи адресовалось прежде всего всему населению, чтобы «указ о наказании Дарьи Николаевой за мучительство крепостных и многие убийства» «всяк был известен и во всем государстве публиковался печатными указами»[245].

В целом анализ соотношения понятий *Закон Божий* и *закон государственный* в политическом языке XVIII века затронул очень глубокие архаичные пласты истории русского и даже древнерусского права, общественного сознания, религиозного чувства, отношений «священства» и «царства»[246]. Несмотря на явное присутствие

[245] ПСЗ. Т. XVIII. № 13211. С. 782. 1768. 10 декабря.

[246] Эволюция восприятия юридических норм в русском обществе детально рассмотрена в работах В. М. Живова. Тезисно концепция автора сводится к следующему: с момента принятия христианства в России существует два права — церковнославянское, базирующееся на переводных византийских источниках, и русское, тесно связанное с обычаем и язычеством. С середины XVII века законодательная деятельность получает культурный статус, теряет сугубо прагматическое значение и становится одним из инструментов культурных преобразований. См., например: *Живов В. М.* История русского права

в реалиях эпохи Просвещения и регулярности мощно проросших сквозь толщу столетий понятий, норм и традиций церковного законодательства, русское общество жило по *закону государственному. Закон Божий*, между тем, мог полностью определять мотивацию личности в критические моменты жизни, а если этой личностью оказывалась правительница самодержавной империи, то кардинальным образом влиять и на содержание *закона государственного*. С другой стороны, авторитет *Закона Божьего* и институт церкви по-прежнему оставались важными элементами социального контроля со стороны государства, хотя сфера действия религиозного права стремительно сокращалась.

И, наконец, идеологическая и эмоциональная составляющая процесса сакрализации верховной власти в России неизбежно находилась в смысловом поле христианского учения. Понятие *закон*, так или иначе восходящее к высоким теософским смыслам Пятикнижия Моисея и Нового Завета, в рассматриваемый период имело, разумеется, не только духовное, но и исключительно светское содержание и осознавалось современниками как главное орудие управления государством и главная прерогатива самодержца. В официальном и панегирическом контексте эта персона именовалась помазанником Божьим или Божьим министром и располагалась на самой вершине сословной пирамиды. Высочайшие решения реализовались с помощью *государственного закона*, который получил как бы второе издание своего возвышенного смысла, но уже через сакрализованный образ светского правителя.

В то же время определенное разграничение сферы действия *Закона Божьего* и *государственного* лишь частично проясняет всю сложность смыслового содержания понятия *государственный закон*.

как лингвосемиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

ГЛАВА II

ЗАКОН

ВЫСШИЙ СМЫСЛ ЗАКОНА

Манифесты, регламенты, инструкции

На протяжении XVIII столетия законодательные акты издавались во все увеличивающемся количестве под названиями *указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций, жалованных грамот* и т. д. Особенно значимые официальные обращения власти ко всем подданным именовались *манифестами*[1]. Поводами к изданию этих документов служили важнейшие с позиции официальной идеологии события в политической жизни империи: коронация высочайшей особы, начало войны, заключение мира, «дарованные народу государевы милости» в связи с юбилейным годом правления, «отмена взысканий» по случаю открытия монумента Петру I, разгром Пугачевского бунта и т. п. В некоторых источниковедческих исследованиях указывается, что манифесты начинались с «большого императорского титула», состоявшего из ретроспективного перечисления титулов властителей всех земель, входивших в состав Российской империи[2]. Однако сплошной анализ содержания документов этого вида обнаружил, что развернутая титулатура монарха присутствовала, главным образом, в манифестах, касающихся отношений с другими странами и содержащих тексты международных дого-

[1] См., например, манифесты о вступлении на престол императрицы Екатерины II с приложением присяги на верность подданства; о бунте казака Пугачева и мерах, принятых к искоренению сего злодея; о разных милостях, дарованных преступникам, по случаю открытия монумента Императору Петру I; о разных дарованных народу милостях; о причинах войны против Швеции (ПСЗ. Т. XVI. № 11582; Т. XIX. 14091; Т. XXI. № 15488; Т. XXII. № 16551, 16679).

[2] См., например: Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 171.

воров[3]. Но законы, связанные с внешней политикой российского престола, обычно назывались *декларациями, трактатами, конвенциями* или *актами*[4].

Бóльшая часть собственно *манифестов* была адресована «многочисленным народам Всероссийской империи», о «величии и могуществе» которой, а также о «благополучии каждого Нашего верноподданного» «неусыпно трудилась» высочайшая власть[5]. Между тем эти две провозглашаемые в каждом манифесте ценности не были равнозначны даже в контексте декларативных документов и соотносились скорее как цель и средство. Не случайно в Манифесте «О разных дарованных народу милостях» по случаю «двадесять пятого лета нашего царствования» прямо заявлялось: «Грядущие времена укажут путь к новой славе и к новой пользе. Кто же доставлял нам и Отечеству таковое утешение? Скажем по истине: верные и воле нашей послушные подданные»[6]. Когда речь заходила о конкретных «монарших благостях», собирательный образ *любезных подданных* приобретал реальные очертания и распадался на «различные *состояния*», среди которых власть, в частности, выделяла «верноподданное нам дворянство», «служащих в войсках наших», «купечество», «цеховых», «помещичьих крестьян», «крестьян казенного ведомства» и т. п.[7]

Манифесты являлись основным видом законодательных актов, в которых власть обращалась непосредственно к населению

---

[3] См., например: Форма о титулах императрицы Екатерины II (ПСЗ. Т. XVI. № 11590. С. 6–7. 1762. 2 июля), Форма полного титула Ее Императорского Величества (ПСЗ. Т. XXII. № 15919. С. 17–18. 1784. 2 февраля).

[4] См., например: Акт для охранения свободы торговли и мореплавания нейтральных народов, заключенный между Ее Императорским Величеством и Его Величеством королем прусским; акт принятия в союз защищения нейтральной торговли; именной указ, данный Сенату, с приложением договора, постановленного с Карталинским и Кахетинским царем Ираклием Вторым; трактат между Россией и Францией о дружбе, торговле и мореплавании; декларация, поданная министром Ее Императорского Величества Булгаковым в Варшаве министерству польскому (ПСЗ. Т. XXI. № 15155, 15261, 15835; Т. XXII. № 16489; Т. XXIII. № 17044 и др.).

[5] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11582, 11598; Т. XXI. № 15488; Т. XXIII. № 17143 и др.

[6] ПСЗ. Т. XXII. № 16551. С. 861. 1787. 28 июня.

[7] См., например: ПСЗ. Т. XX. № 14275 и др.

по случаю торжественных дат и празднования побед «российского оружия». Адресовались всем жителям империи и некоторые именные и сенатские указы. Однако начинались эти документы, как правило, не с фраз, демонстрирующих патерналистские отношения престола и народа — «объявляется всем вернолюбезным нашим подданным», «всем нашим верным подданным, духовным, военным и гражданским объявляем», а открывались более жесткими формулировками — «объявляется во всенародное известие», «объявляем всенародно». Эти документы обеспечивали, главным образом, регламентирующие, карательные и фискальные функции власти и служили необходимым орудием социального контроля в масштабах всей страны[8]. Будничная жизнь отдельных групп подданных регулировалась *учреждениями, уставами, инструкциями, наставлениями, установлениями и регламентами*[9]. Регламенты, как правило, определяли структуру, функции, штаты различных органов власти и управления, права и обязанности должностных лиц, порядок делопроизводства и ряд других вопросов. Так в Генеральном регламенте, утвержденном Петром I в 1720 году, подчеркивалось преимущество коллегий перед приказами и обосновывалась необходимость коллегиальной системы. Во второй половине XVIII века цели и назначение ряда местных органов власти были сформулированы в *учреждениях* и *уставах*. В частности, важней-

[8] Так, «во всенародное известие» были объявлены: сенатский указ о «пребывании крестьянам у своих помещиков в должном повиновении и послушании» (ПСЗ. Т. XVI. № 11678. С. 75–76. 1762. 8 октября), сенатский указ о «штрафах и наказаниях за небытие на исповеди и у святого причащения» (ПСЗ. Т. XVII. № 12483. С. 346–347. 1765. 30 сентября), сенатский указ о «наборе рекрут со ста душ по одному человеку» (ПСЗ. Т. XIX. № 13651. С. 305. 1771. 2 сентября), сенатский указ «о подтверждении указов, запрещающих ложные разглашения» (ПСЗ. Т. XIX. № 13782. С. 474–475. 1772. 5 апреля), сентенция «о наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников» (ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 1–12. 1775. 10 января). См. также, например: ПСЗ. Т. XVII. № 12316. С. 12–13. 1765. 19 января; № 12396. С. 132. 1765. 11 мая и др.

[9] См., например: «наставление губернаторам», «инструкция землемерам к генеральному всей империи земель размежеванию», «инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам», «устав купеческого водоходства», «установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях» (ПСЗ. Т. XVI. № 121137; Т. XVII. № 12570, 12659; Т. XXI. № 15176; Т. XXII. № 16603 и др.).

шим законодательным актом, определившим задачи органов власти, управления и суда в губернии и уезде, принципы определения их территории и границ, стало «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года. К особым типам уставов относились связанные с развитием вооруженных сил — Воинский и Морской уставы.

Основной массив исходящих от верховной власти законов именовался в XVIII столетии *указами*, среди которых в свою очередь различались *именные, данные Сенату*; *именные, данные Синоду*; *именные, данные генерал-прокурору* и т. п.; *именные, данные Комиссии об учреждении Народных училищ*, и т. п.; *именные, объявленные из Сената*; *именные, объявленные генерал-полицмейстером* и т. п.; *сенатские*; *объявленные из Сената*; *сенатские вследствие именного*; *сенатские вследствие высочайшей резолюции на доклад Сената*; *сенатские по высочайше утвержденному докладу*; *из коллегий* и т. д. В названии и преамбуле этих документов обычно содержалась информация не только об источнике законодательной инициативы, но также о причинах и обстоятельствах возникновения того или иного постановления. Так, функции указов могли приобрести «высочайше утвержденный доклад генерал-прокурора А. А. Вяземского» или «проект генерал-поручика И. И. Бецкого», тексты которых полностью воспроизводились в документе, завершающемся словами «быть по сему»[10]. Нередко указы начинались с подробного изложения достигших кабинета императрицы экстрактов следственных дел, донесений, петиций, планов, рапортов и даже челобитных[11], на

[10] Иногда указы именовались просто «высочайшая резолюция на доклад» или «высочайше утвержденный доклад» [см., например: «высочайшая резолюция на доклад Сената об отдаче в Дворянский банк сумм, поступающих в университеты, на воспоможение учащихся или на содержание питомцев» (ПСЗ. Т. XX. № 14316. С. 135. 1775. 5 мая), Высочайше утвержденный доклад генерал-прокурора Вяземского и директора Академии наук Домашнева об отправлении от Академии наук трех экспедиций для астрономических наблюдений (Там же. Т. XXI. № 15128. С. 71–72. 1781. 5 марта)].

[11] См., например, сенатский указ о «недопущении в Сенат по малороссийским делам поверенных, не имеющих шляхетской собственности», изданный на основе челобитных полковницы Катерины Битяговской, есаулины Анастасии Лукашевичевой и сержанта Николая Капниста (Там же. Т. XX. № 14363. С. 1201. 1775. 3 сентября) или сенатский указ по высочайше утвержденному докладу о прощении поручика Петрова, приговоренного Сенатом к наказа-

основании которых она давала «высочайшие распоряжения», приобретающие силу закона[12]. Некоторые указы касались всего населения, однако бóльшая часть этих документов определяла жизнь какой-либо социальной группы, регламентировала деятельность отдельных учреждений, например Академии художеств или Кадетского корпуса, а также могла адресоваться вообще конкретному государственному лицу[13] и иметь вид официального послания[14].

Указ, закон, уложение

Проблема соотношения понятий *закон* и *указ* в сознании русского общества правления Екатерины II далеко не однозначна. Многие специалисты полагают, что ситуация формального признания высшего авторитета Соборного уложения 1649 года[15] во второй половине XVIII века, а также отсутствие строгой регламентации

нию за наглое нападение на смотрителя корчемств Мясоедова и за причиненные ему и команде его побои (ПСЗ. Т. XVIII. № 13088. С. 489–490. 1768. 26 марта).

[12] В частности, именной указ, «данный комиссии о учреждении Народных училищ», начинался словами: «По прочтении поданного нам от оной комиссии плана к единообразному установлению Народных училищ по всей Российской империи, мы, приемля оный за благо во всем, что касается до предложения комиссии о предметах учебных, нашли за нужное назначить в том следующие перемены...» (Там же. Т. XXI. № 15834. С. 1013. 1783. 27 сентября).

[13] См., например, именной указ, «данный новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину, о переселении нагайских народов на уральскую степь» (Там же. № 15830. С. 1010. 1783. 11 сентября).

[14] Так, именной, «данный генерал-прокурору» указ о «заведении почты в Константинополь» начинался с личного обращения «Князь Александр Алексеевич!» (Там же. № 15339. С. 392. 1782. 10 февраля). Иногда законодательные акты, опубликованные с ПСЗ, включали приложения, как, например, «Устав вольного экономического общества с приложением к оному 1) письма членов всего общества на высочайшее имя, и 2) письма ответного от высочайшего имени об утверждении устава» (Там же. Т. XVII. № 12502. С. 369–373. 1765. 31 октября).

[15] Несмотря на постоянно подчеркиваемую преемственность законодательства и ссылки на указы «деда нашего Петра Великого» и «тетки нашей Елизаветы Петровны», в правовых документах екатерининского правления устаревшее Уложение практически не упоминалось. Исключение составляли лишь отдельные постановления традиционной тематики: «С самого еще начала Уложения и в последующих по том годах изданными указами в отвращение

формуляров юридических документов приводили к некоторому сумбуру жанров в правовой сфере. «Вопрос о существовании у нас различия между законами и высочайшими указами, — писал Н. М. Коркунов, — представляется спорным. В XVIII столетии и вплоть до учреждения в 1810 году Государственного совета у нас не было никакой определенной отличительной формы законодательных актов»[16]. Действительно, отождествление *закона* и *указа* нередко можно встретить в документах, исходящих как от престола, так и от Правительствующего сената. Подданным полагалось исполнять все предписания власти, вне зависимости от их наименования: «следовать узаконениям» и «во всем поступать в силу законов и указов»[17]. Однако за пределами жесткого правового императива смысловое наполнение понятий *указ* и *закон* различалось, что можно проследить не только на уровне лексических сравнений, но и на уровне осознанных предпочтений авторов документов. Анализ языка как официальных источников, так и источников личного происхождения свидетельствует, что человек XVIII столетия повиновался именно «законам», «поступал по точной силе закона», а иногда действовал «в ущерб закону» и за это нес наказание «по всей строгости закона», «ибо таков есть закон»[18]. Современники признавали более глубокое, иногда даже мировоззренческое содержание понятия *закон*, а слово *указ* часто употребляли в значении *инструкция* или *учреждение*[19]. В данном контексте сближение понятий *закон* и *указ* происходило, если сло-

---

непорядочной подачи челобитен...» (ПСЗ. Т. XVI. № 11718. С. 125. 1762. 2 декабря).

[16] *Коркунов Н. М.* Указ и закон. СПб., 1894. С. 309. См. также: *Романович-Славатинский А. В.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1: Основные государственные законы. Киев, 1886. С. 186–187; *Лаппо-Данилевский А. С.* Собрание и Свод Законов Российской Империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 71.

[17] См., например: Наставление московскому и санкт-петербургскому губернаторам (ПСЗ. Т. XVII. № 12306. С. 5–7. 1765. 12 января).

[18] См., например: *Державин Г. Р.* Записки. 1743–1812. М., 2000. С. 10, 21, 87, 98–99 и др.

[19] Так, в указе о процедуре доведения до сведения населения новых постановлений говорилось о «присланных высочайших указах, узаконениях, учреждениях» и проч. (ПСЗ. Т. XXI. № 15612. С. 777. 1782. 13 декабря).

во *указ* сопровождалось знаковым определением — *подлежащий к вечности.*

Еще в самом начале своего правления эти *подлежащие к вечности указы* Екатерина вознамерилась отделить от *несходных с временем* и *пользе государственной противных*, разобрать «по материям», опубликовать и разослать во все присутственные места. Несмотря на то что часть работы была уже проделана для созванной в 1761 году Уложенной комиссии, задача кодификации оказалась крайне трудоемкой, и специально назначенный секретарь не смог даже с помощниками привести в порядок громадное количество документов. К концу 1764 года выяснилось, что «на одну материю в равных годах указов немалое число и один с другим имеет несогласие», комиссия практически распущена, секретарь уволен, канцелярских служителей немного, а копиист только один. Дело по подготовке реестров *подлежащих к вечности указов* было передано в архив Сената[20]. Вступающему же в должность новому генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому Екатерина дала «Секретнейшее наставление», где писала, что «законы нации требуют поправления» и, следовательно, необходимо «разделить временные и на персон данные от вечных и непременных»[21]. В Наказе вновь созванной в 1767 году Уложенной комиссии непосредственно было сказано: указы могут быть *забвению преданные, вредные, темные* и, для того чтобы знать, «каким указам должно повиноваться», существуют *законы, основание державы составляющие, твердые* и *неподвижные*[22]. В ряде других источников подобные законы именовались также *непре-*

[20] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11927. С. 377. 1763. 18 сентября; № 12292. С. 1000–1003. 1764. 15 декабря.

[21] Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5). Этот документ неоднократно публиковался с теми или иными разночтениями, которые можно объяснить повышенным интересом исследователей к «Секретнейшим наставлениям» и, как следствие, существованием многочисленных списков. Только в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся три копии данного текста, выполненные в начале и середине XIX века (см.: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 660; Ф. 73. Д. 157; Чт. ОИДР. 1858. Кн. 1. Январь–март. Отд. 5. С. 101–104).

[22] Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 5.

менными, непременяемыми, фундаментальными, вечными и даже *священными*[23]. Подобные законы, как говорила Екатерина, следовало «ввести в систему» или издать новое уложение, чтобы «пресечь все сумнительства, дополнить недостатки, а излишки исключить»[24]. Более того, правительству уже заранее анонсировалось право «представлять государю, что такой-то указ противен уложению»[25]. Н. М. Коркунов справедливо замечал, что «петровская реформа не изгладила в сознании общества и самого правительства представления о законе, об уложении, как о чем-то существенно отличающемся от простого указа», для издания которого «считался необходимым особый порядок, существенно отличный от порядка издания указов»[26].

На протяжении всего XVIII века русских императоров преследовало неослабное стремление заменить устаревшее Уложение 1649 года новым. Попытки составить единый свод законов предпринимались в 1700, 1714, 1720, 1726, 1728, 1730, 1754, 1761, 1767 и, наконец, 1796 годах. Все усилия абсолютизма, как известно, оказались тщетными по целому ряду причин и, в частности, в силу чрезвычайной сложности согласования многочисленных старых и новых «узаконений», отражающих стремительную динамику развития общества, а также противоречивых и даже взаимоисключающих интересов различных социальных групп, «населяющих обширную империю». Не случайно Екатерина уже после роспуска Уложенной комиссии заметила И. И. Бецкому:

---

[23] См., например: указ о напечатании и обнародовании нового устава Кадетскому сухопутному корпусу (ПСЗ. Т. XVII. № 12741. С. 973. 1766. 11 сентября); начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения (Там же. Т. XVIII. № 13095. С. 503–512. 1768. 8 апреля); Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, непременяемые на все времена никакою властью (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 26–31).

[24] См.: Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5); см. также: ПСЗ. Т. XVI. № 12292. С. 1001. 1764. 15 декабря.

[25] Там же. Т. XVIII. № 13095. С. 504. 1768. 8 апреля. См. также: Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

[26] *Коркунов Н. М.* Указ и закон. С. 309.

«Или делать и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать»[27].

Таким образом, необходимость определенной регламентации и унификации законов оставалась, что признавали и власть, и некоторые подданные. Наставник великого князя Павла Петровича канцлер Никита Панин писал своему воспитаннику о России екатерининского правления: «Государство, дающее чужим землям царей, и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность царской особы... государство, движимое вседневными и часто друг другу противоречащими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения»[28]. Хорошо известно, что данный текст был записан под диктовку писателем Денисом Фонвизиным, другом больного и слабеющего канцлера. Петр Панин уже после смерти брата составил записку «Рассуждение графа П. И. Панина о непременных государственных законах» и преподнес ее великому князю. Современники так никогда и не увидели данное послание сыну убитого императора, имеющему сложные отношения с венценосной матерью. Однако, несмотря на явный адресный подтекст, этот проект выражал общую тональность настроений некоторых кругов образованного дворянства, которые не могла не замечать и Екатерина. Вспоминая о начале своего правления, она писала: «В первые три года царствования моего, усматрива[ла я] из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров неединообразные об единой вещи установленные правила, что законы... многим казались законами противоречащими, и что все требовали и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок»[29].

---

[27] См.: Высочайше утвержденный доклад действительного тайного советника Бецкого (ПСЗ. Т. XIX. № 13895. С. 610. 1772. 27 октября).

[28] РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–17об. Опубликовано с незначительными разночтениями: Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4–13.

[29] Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования // Русский архив. 1865. Кн. I. № 1–6. Стб. 478–479. По-своему прав был и французский посол Луи Филипп Сегюр, когда отмечал: «Русские законы представляли хаос: государи издавали новые законы, не уничтожая старых; судьи, не имея ни правил, ни начал, которыми бы могли руководствоваться, судили

«Сохранение в целости государства есть самый высочайший закон»

Отсутствие уложения, с одной стороны, сдерживало развитие правовой мысли и культуры, но с другой — являлось стимулом выработки четких критериев *вечных* и *непременных законов*. Анализ официальных документов показывает, что в правление Екатерины все «узаконения» условно разделялись на те, которые касались «частных распорядков», и так называемых «общих», действующих в масштабе «всей империи»[30]. Единственным источником этих актов о «государственных генеральных делах»[31] был самодержавный монарх: законодательство определялось волей императора и являлось ее выражением. Этот тезис сохранял свою актуальность на протяжении всего XVIII столетия и в практике принятия новых законов, и в сфере сознания подданных, и в отношении самооценки верховной власти. Абсолютный правитель являлся главным субъектом законотворчества, поскольку право издания новых законов принадлежало только императору, а Сенат, Синод, коллегии и другие учреждения могли лишь обращаться к нему с предложениями[32].

В официальной доктрине вполне логично аргументировалось тождество воли монарха и закона, авторитет которого гарантировался «самодержавною, от Бога данною властью»[33]. «Общество не может быть без правления, — провозглашалось в «генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового

произвольно. Екатерина жела[ла] устранить этот беспорядок» (Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 322).

[30] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11757. С. 161. 1763. 14 февраля.

[31] См., например: Там же. Т. XIX. № 14047. С. 836. 1773. 19 октября.

[32] Б. Н. Миронов отмечает, что только «при Петре I, во время его отсутствия в столице, и при Елизавете Петровне (из-за ее нелюбви заниматься государственными делами) законодательная власть сосредоточивалась в руках Сената. Но такие периоды были исключением» (*Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 2. С. 138).

[33] ПСЗ. Т. XXII. № 16407. С. 617. 1786. 28 июня.

уложения», — соединение всех особенных сил составляет то, что называют состоянием государственным. Сия общая сила в России вручена одному и то есть ее естественное положение. <...> Империя перестала бы быть могущественна, если б инако управляема была»[34]. Несмотря на то что в первых строках Наказа Россия была провозглашена «европейской державой»[35], официальная идеология постоянно настаивала на принципиальной особенности империи, определяемой ее громадной территорией. В документах, исходящих от престола, неоднократно отмечалось, что в «столь обширном» государстве возможно лишь единоличное самодержавное правление и крайне опасно любое «раздробление и ослабление» власти[36]. В данном контексте указывалось, что и Петр Великий понимал, насколько условия, обычаи и традиции России отличаются от «всех прочих европейских государств, кои он видел». Именно поэтому первый император «с удивительным разума своего проницанием узнал», что следует «ему самому всем управлять»[37]. Все усилия и Петра и Екатерины направлялись на «пользу империи», «ибо сохранение в целости Государства есть самый высочайший закон»[38].

Показательно, что перу императрицы принадлежит и собственная «Правда воли монаршей», которую она назвала «О преимуществе Императорского Величества»[39]. Этот документ, относящийся

---

[34] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 282. 1767. 30 июля.

[35] Наказ императрицы Екатерины II. С. 2.

[36] См., например: Наказ императрицы Екатерины II. С. 3–5; Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5; *Безбородко А. А.* Записка для составления законов российских // Чт. ОИДР. 1858. Кн. 3. С. 137 и др.).

[37] См., например: Генеральный план Московского Воспитательного дома (ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 311, 316–317. 1767. 11 августа). В этом же документе с детской наивностью специально для воспитанников объяснялось, что без законов государя «истребили бы нас неприятели наши, растерзали бы нас дикие звери в жилищах наших».

[38] Там же. № 12950. С. 283. 1767. 30 июля.

[39] Записка императрицы Екатерины «О преимуществе Императорского Величества», входящая в так называемый «Наказ Сенату», который остался назаконченным проектом (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1–4об). Кроме того, в черновых бумагах императрицы была обнаружена неотредактированная записка «О роде и наследии Императорского Величества», которая включала от-

к 1787 году, Екатерина тщательно прописала в черновом варианте, а затем подготовила беловую рукопись. Неопровержимые «преимущества» самодержавного правления были сформулированы в записке предельно четко и объединены в три важнейшие позиции:

1. Верховная власть воплощается в образе царственной персоны, которой никто не может уподобиться «в достоинстве, в чину, во власти, в могуществе и в действие, во всякое время и месте» «во Всероссийской империи». «Особа Императорского Величества» являлась «единовладеющей» и «освященной понеже святым мирром помазанной и коронованной». Именно императору приносилась «присяга в верности от всех подданных»[40].
2. В руках монарха сосредоточена неограниченная власть, дающая ему исключительное право «чинить мир и войны», «посылать послов», «жаловать достоинство, чины, имение» «кому заблагорассудит», «простить вины» и помиловать. Самодержавие никак не ограничивалось законом, более того — законы воспринимались как главное орудие реализации намерений царствующего правителя, что с точки зрения Екатерины всецело отвечало интересам государства: «Самодержавная и законодательная власть Императорского Величества существует и предохраняется ради целости империи и безопасности империи и каждого подданного»[41].
3. Государственная казна и чеканка монеты также должны быть сконцентрированы в руках монарха[42].

дельные комментарии «Правды воли монаршей» и собственные соображения Екатерины по поводу назначения наследника престола правящим монархом, а также некоторые другие законодательные акты на английском и французском языках. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 325). Для сравнения см.: Устав о наследии престола (ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496–497. 1722. 5 февраля); Правда воли монаршей (Там же. Т. VII. № 4870. С. 602–643. 1726. 21 апреля). См. публикацию некоторых рукописей из этого собрания документов: *Омельченко О. А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII века // Проблемы истории абсолютизма: сборник научных трудов (Всесоюзный юридический заочный институт). М., 1983. С. 43–62.

[40] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 3.

[41] Там же. Л. 3об–4.

[42] Записка императрицы Екатерины «О преимуществе Императорского Величества» (Там же. Л. 4об).

Вслед за Петром, провозгласившим: «Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен»[43], Екатерина столь же властно подводит в своей записке черту: император «отчету же в делах на сем свете не подвержен», а дает отчет и «благодарение единому творцу нашему Богу»[44].

Наконец, будущее престола находится также в руках правящего монарха: «Императорского Величества самодержавство, престол и короны не разделены суть и двум особам самодержавствовать в существе неудобно, по естеству не можно и для общего добра не должно; самодержавная и законодательная власть Императорского Величества назначает наследника престола, самодержавной властью определяется порядок в наследовании»[45].

В соответствии с концепцией престола самодержавное правление являлось и главным условием государственного достоинства России на том основании, что «соединение возможности и власти в высокой особе Императорского Величества возбуждает уважение и почтение соседних и иностранных народов»[46].

«Монаршее слово» и закон

В сознании большинства подданных указы не просто ассоциировались с властью императора, скорее высочайшее решение воспринималось как закон, что еще более возвышало образ монарха и препятствовало формированию собственно правового мышле-

[43] См., например: Воинский устав (ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 324. 1716. 30 марта).

[44] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 4–4об.

[45] Записка императрицы Екатерины «О роде и наследии Императорского Величества» (Там же. Д. 325. Л. 2). 20 августа 1787 г. в дневнике статс-секретаря императрицы А. В. Храповицкого была сделана запись о размышлениях Екатерины по поводу престолонаследия: «Читали мне известный пассаж из "Правды воли монаршей". Тут или в манифесте Екатерины I сказано, что причиною несчастия царевича Алексея Петровича было ложное мнение, будто старшему сыну принадлежит престол» (*Храповицкий А. В.* Памятные записки. М., 1862. С. 37).

[46] Записка императрицы Екатерины «О преимуществе Императорского Величества» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 3об).

ния у современников[47]. Однако подобная бесконтрольность оказалась обременительной прежде всего для абсолютной власти. На протяжении XVIII века российские императоры сами неоднократно будут пытаться разграничить любое «государево слово» и закон.

Устные распоряжения противопоставлялись «письменным и зарученным» указам еще по Генеральному регламенту 1720 года. В традициях петровского законодательства параграф IV «Об исполнении указов» сопровождался доходчивым толкованием. Пояснялось, что словесные распоряжения пригодны только для подготовки письменных. Например, «словами приказать можно», что необходимо собрать деньги и провиант, после этого найти самый эффективный способ и действовать уже по составленному письменному указу[48]. Напряжение мобилизационного правления Петра несколько спадает при Екатерине I, когда признается существование и изустных высочайших повелений. Однако определяются наиболее важные государственные дела — «выдача сверх штату денег и прочее тому подобное, что регламентам противно», — решение по которым должно приниматься только на основании указов, лично подписанных либо императрицей, либо членами Верховного тайного совета[49]. Таким образом, после смерти Петра I ставилось под контроль прежде всего содержание повелений, объявляемых от лица монарха, собственное же высочайшее слово не подлежало регламентации и имело силу закона.

При Анне Иоанновне действие устных высочайших указов было ограничено лишь придворной сферой, «что до строения домов и садов наших надлежит». В масштабе же всей страны именной указ признавался действительным только за подписанием самой импе-

---

[47] А. Н. Медушевский вообще полагает, что «ключ к пониманию Просвещенного абсолютизма — борьба за введение власти в пределы законности; в этих попытках выявляется граница, которая отделяет монархию от деспотии, просвещенный абсолютизм от непросвещенного, законную монархию от полицейского или регулярного государства» (*Медушевский А. Н.* Проекты политических реформ в России XVIII в. (К становлению либеральной историографии) // Classical Russia. 1700–1825. 2006. № 1. P. 91–110).

[48] ПСЗ. Т. VI. № 3534. С. 141–160. 1720. 28 февраля.

[49] Там же. Т. VII. № 4862. С. 596–597. 1726. 28 марта; № 4945. С. 684–685. 1726. 5 августа.

ратрицы или трех кабинет-министров[50]. В царствование Елизаветы Петровны слово монарха получает еще более жесткую регламентацию. В 1743 году императрица предписала «в Сенат никаких предложений... без письменных наших указов за нашею рукою в действо не производить»[51]. Петр III из компетенции устных распоряжений изъял решения о «лишении живота, чести и имения», «раздачу денежных сумм свыше 10000 рублей», «награждение деревнями и чинами свыше подполковника». Также объявлялось, что словесные повеления императора не должны противоречить уже принятым законодательным актам и могут доводиться до сведения подданных лишь сенаторами, генерал-прокурором и президентами первых трех коллегий. Более того, император потребовал еженедельно предоставлять ему копии его же словесных распоряжений с «надлежащею отметкою об исполнении»[52].

3 июля 1762 года Екатерина II практически полностью воспроизвела содержание этого указа, лишь через несколько месяцев включив генерал-адъютантов и правящего Кабинетом Ее Величества в круг государственных лиц, имеющих право объявлять сло-

[50] В 1735 году был издан закон, который предписывал «никаких наших словесных именных указов, кроме тех, которые за подписанием собственной нашей руки или за руками всех трех наших кабинет-министров будут, не принимать и в дело не производить» (ПСЗ. Т. IX. № 6745. С. 529. 1735. 9 июня). Месяц спустя императрица исключила из области юрисдикции данного документа самую высшую сферу жизни российского общества: «Оный указ двору нашему и к делам придворным не следует, а следует до Сената и до других коллегий и канцелярий и прочих судебных мест» (Там же. № 6773. С. 548. 1735. 16 июля).

[51] Там же. Т. XI. № 8695. С. 753. 1743. 10 января. Правда, спустя 18 лет, за несколько месяцев до кончины, императрица это решение отменила, кстати сказать своим устным распоряжением. Без объяснения причин и толкований был издан указ о «возвращении Ее Императорскому Величеству именного 1743 года указа, запрещающего производить в действо данные Сенату предложения... без высочайших указов за собственноручным Ее Величества подписанием» (Там же. Т. XV. № 11369. С. 850. 1761. 29 ноября).

[52] Там же. № 11411. С. 889–890. 1762. 22 января. А.Н. Медушевский полагает, что этот шаг противопоставлял письменный закон и устное распоряжение, приобретавшее в данной перспективе характер чисто административной санкции, в последующее время данная логика вела к необходимости разграничить указ и Закон (см., например: *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России: социология, этнология. 1996. Т. 5. № 1. С. 162; см. также: *Он же.* Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М., 2014. С. 18–19).

весные повеления высочайшей персоны. В начале 1763 года список чиновников, провозглашающих государеву волю, был дополнен за счет духовного ведомства обер-прокурором и членами Синода[53]. Характерно, что особый случай предоставления генерал-рекетмейстеру И. И. Козлову права довести до сведения Сената высочайшее повеление, касающееся вексельного долга армян Мирзаханова и Аракелова и проданных ими с публичного торга дворов, потребовал специального именного указа[54].

Переписка статс-секретаря Екатерины П. И. Турчанинова и заведующего Кабинетом Ее Величества В. С. Попова приоткрывает, в частности, каким количеством бумаг и согласований обрастали изустные распоряжения императрицы по, казалось бы, таким совершенно незначительным вопросам, как жалованье мраморному мастеру Генриху Гриверу и трубному мастеру Карлу Ларсону, определение ездового конюха Баранова и истопника Алексеева придворными лакеями, вступление действительного статского советника Изъединова в управление конторы Царского Села и т. п. Полученное высочайшее повеление статс-секретарь оформлял письменно и отправлял в Кабинет, часто сопровождая свое послание выписками, ведомостями, рапортами, где напротив каждой статьи стояло его собственное мнение. По распоряжению императрицы содержание этих бумаг рассматривалось «обще» и затем излагалось в виде донесения, при подготовке которого статс-секретарю нередко требовалось «выправить» дополнительные сведения. В результате принималось решение, подлежащее исполнению «по силе именного указа» или «высочайшего повеления», объявленное через «правящего Кабинетом»[55].

Таким образом, на протяжении XVIII столетия постепенно формировалось представление о законе как о воле государя, соответствующим образом зафиксированной и оформленной. Подобная тенденция в направлении разграничения слова императора и за-

[53] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11592. С. 9–10. 1762. 3 июля; № 11704. С. 107. 1762. 7 ноября; № 11746. С. 152. 1763. 3 февраля.

[54] Там же. № 11739. С. 141. 1762. 21 января.

[55] Переписка состоявших при кабинете Екатерины II Петра Турчанинова и Василия Попова. 1794–1796 (РГАДА. Ф. 11. Переписка разных лиц. Оп. 1. Д. 1102. Л. 1–25).

кона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха[56].

По всей видимости, Екатерина сама признавала обязанность высочайшей персоны следовать установленным правилам. В Наказе было заявлено, что «воля государева» должна быть наблюдаема «сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением»[57]. Приблизительно к этому же времени относятся и признания императрицы, сделанные в «Собственноручном черновом проекте манифеста о престолонаследии», где она писала: «Испытав сердце наше, нашли мы во глубине оного твердое и всегдашнее желание исполнять... все части законодательства нашего, которому мы с 1766 года благополучное начало положили открытием Комиссии об Уложении»[58]. Не случайно и французский посол Луи Филипп Сегюр отмечал, что «Екатерина никогда не действовала так произвольно, как ее министры. Особенно Потемкин миловал и наказывал помимо законов, даже таких, которых строгое исполнение необходимо для общественной пользы»[59]. С точки зрения некоторых современников, своевольство вельмож отчасти ограничивалось примером императрицы, имеющим, как свойственно любой монархии, значительное влияние на подданных. Так, камер-юнкер при дворе Екатерины II князь Федор Николаевич Голицын в своих воспоминаниях точно подметил: «Люди портятся

---

[56] Не случайно в предназначенной для будущего императора Павла «Записке о государственном казенном правлении и о производстве дел, по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих», авторство которой принадлежит братьям Никите и Петру Паниным, особым образом оговаривалась процедура оформления устных распоряжений монарха. «Получив от государя приказание на доклады сделанное или особое его повеление, словесное или письменное, в назначенный журнал об именных повелениях вписано быть должно, письменные повеления и резолюции на доклады подлинниками приобщаются в книгу указов, словесные повеления государственным казначеем в ту книгу запишутся» (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 54).

[57] Наказ императрицы Екатерины II. С. 6–7.

[58] Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 382. В подлиннике фразы, данные курсивом, специально выделены и вынесены на поля рукописи (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1).

[59] Записки графа Сегюра. С. 390.

без сомнения, но портятся от дурных примеров. Сии рассуждения опять меня обращают к Императрице. Во время ее царствования все было важно, почтенно. Она умела себя так вести, что каждый вельможа ее почитал и любил и старался также на нее походить. Вольтер написал:

Когда Август пил, вся Польша была пьяна.

Вот как сильно действует над подданными пример государя! <...> Верховная власть не должна бы никогда выходить из круга, предписаннаго законами»[60].

Указ Ее Императорского Величества за собственным подписанием

Итак, наибольшей значимостью были наделены именные своеручно подписанные указы, прежде всего нормативного характера, устанавливающие новые юридические нормы или отменяющие старые. Эти указы объявлялись из Сената в коллегии и губернии и из коллегий и губерний в подчиненные им места и имели строго установленный титул, который не изменялся на протяжении всего рассматриваемого периода: «Указ Ее Императорского Величества самодержицы всероссийской» или «самодержца», если речь шла о Петре III и Павле I[61]. Правда, для предшественника и наследника Екатерины вопрос об императорском титуле, придающем особый статус высочайшим законам, не стоял.

Бывшая же великая княгиня Екатерина Алексеевна, взошедшая на престол при двух легитимных претендентах и правящем монархе, вынуждена была побороться за право издавать указы от лица императрицы Екатерины II. Как вспоминает Ф. Н. Голицын: «Иные советовали ей называться единственно правительницею, а государя Великого князя объявить императором. Сего мнения был граф

[60] *Голицын Ф. Н.* Записки // Русский архив. 1874. Кн. II. № 5–8. Стб. 1292–1294.

[61] ПСЗ. Т. XV. № 11392. С. 876. 1761. 26 декабря; Т. XVI. № 11590. С. 7. 1762. 2 июля; Т. XXIV. № 17635. С. 230. 1796. 12 декабря.

Никита Иванович Панин. Но А. П. Бестужев-Рюмин был противного мнения, и его мнение было, чтоб она себя объявила императрицею»[62]. Возвращенный из опалы в 1762 году именным манифестом[63] граф Бестужев-Рюмин пошел дальше и предложил «по завершении коронации Ее Величества именем российского народа... принесть торжественно титло и именование матери Отечества». Однако императрица этот знак верноподданнической преданности отклонила и на проекте графа своеручно записала: «Видится мне, что сей проект еще рано предложить, потому что растолкуют в свете за тщеславие, а за ваше усердие благодарствую»[64]. Через пять лет депутаты Уложенной комиссии, вдохновленные «предпринятым подвигом утвердить непреложными законами блаженство нации», обратятся к монархине с просьбой принять титулы: «Екатерина Великая, премудрая, мать Отечества». Императрица отклонила все три, не иначе как рассудив, что титула «Ее Императорского Величества самодержицы всероссийской» достаточно для непререкаемой силы подписываемых ею законов. Однако для большего укрепления авторитета и международного престижа высшей власти акт Правительствующего сената о поднесении новых наименований приказано было хранить вместе «с наиважнейшими государственными актами», а также перевести на немецкий и французский языки и в точности опубликовать в газетах[65].

Величие императорского титула всячески утверждалось и во внешнеполитической сфере, и в сознании подданных российских монархов. Еще в 1721 году во время празднования Ништадтского мира петровская Россия провозгласила себя империей и потребовала от всех стран признания своего нового достоинства. Дипломатическое подтверждение статуса Российской империи

---

[62] *Голицын Ф. Н.* Записки. Стб. 1282.

[63] Манифест о всемилостивейшем прощении графа Бестужева-Рюмина, лишенного по манифесту 1758 февраля 27 всех чинов и достоинств (ПСЗ. Т. XVI. № 11659. С. 64–65. 1762. 31 августа). Ср.: Собственноручный черновой Манифест императрицы Екатерины II о графе А. Петровиче Бестужеве-Рюмине. 1762 (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2об).

[64] Проект графа Бестужева-Рюмина о поднесении Екатерине титула: матери Отечества с собственноручным ее отказом. 1762 г. (Там же. Д. 7. Л. 2).

[65] См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349–355. 1767. 27 сентября.

растянулось почти на 50 лет[66]. К этому времени страна заняла уже не только прочное, а ведущее положение в Европе. После декларации о вооруженном нейтралитете 1780 года и присоединения Крыма в 1783 году «инфлюэнция» России чрезвычайно усилилась, что и продемонстрировала Екатерина во время своего триумфального путешествия на юг в 1787 году[67]. При ней петровская идея регулярного государства трансформировалась в символ процветающей России, международный престиж которой усиливался непомерным честолюбием императрицы и ее безграничной верой в страну, куда «привел ее Господь»[68]. Екатерина ревностно относилась к тому, чтобы новые присоединенные территории четко и своевременно отражались в полном императорском титуле, который становился все более громоздким. В 1787 году Храповицкий записал в дневнике: «Спрашивали о большом Императорском титуле и о степенях пространства России, дивясь, что приобретение

[66] Европейским дворам были немедленно отправлены «объявительные грамоты», извещавшие о победе России в Северной войне и изменении статуса царя. Нельзя сказать, что западные соседи с восторгом восприняли столь стремительное усиление России. Если Пруссия еще в 1721 году признала новый титул русского монарха, то Голландские штаты направили первую грамоту «всероссийскому императору» в мае 1722 года, не преминув напомнить о возмещении ущерба за пять сожженных под Гельсингфорсом кораблей; в 1723 году побежденная Швеция смирилась с тем, что понесла поражение именно от русского императора; датский посланник в 1724 году объявил, что получил от короля распоряжение именовать царя новым титулом; в 1739 признала Российскую империю Турция; в 1742 — Англия и Австрия; в 1745 — Франция и Испания; в 1764 — Польша (см. об этом: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. Т. 17–18. С. 321–322; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом 1709–1711. М., 1889. С. 155; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800). М., 1902. Ч. 4. С. 44, 93, 210 и др.; *Агеева О. Г.* Имперский статус России: К истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. Вып. 2. С. 140).

[67] См.: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 93–122; *Ибнеева Г. В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009. С. 221–236.

[68] Императрица писала: «Я желаю и хочу лишь блага той стране, в которую привел меня Господь; Он мне в том свидетель. Слава страны — создает мою славу» (*Екатерина II.* Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты [Особая тетрадь] // Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 626).

Белоруссии и Тавриды ничего не прибавило. Подал форму о всех титулах»[69].

Не менее пристально следила власть за точным написанием высочайшего титула в нормативных актах, челобитных и даже в таких личных документах, как мемуары и письма. Еще при Анне Иоанновне в 1740 году был издан указ «о непринимании» бумаг, «в коих будет описка в титуле Ее Императорского Величества». Причиной указа послужила челобитная, поступившая в Смоленскую губернскую канцелярию из Смоленской ратуши, в которой писец допустил ошибку в титуле императрицы. Писца нашли и заставили исправить все погрешности, а впредь было приказано «прилежно смотреть, чтоб в титулах Ее Императорского Величества писано было исправно, и ежели явится описка, велеть переписывать»[70]. Небрежность в воспроизведении наименования монаршей особы, по всей видимости, была весьма распространенным явлением, поскольку изданный чуть ранее указ «о письме и о печатании высочайшего титула крупными литерами» не принес ожидаемого результата[71]. Между тем на протяжении всего XVIII века указу пытались следовать и даже в частных посланиях и черновиках усердно выводили титул монарха прописными буквами[72].

Представление об особой значимости указов «Ее Императорского Величества за собственным подписанием» отразилось в показательной истории, попавшей на страницы ПСЗ. В 1782 году

---

[69] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 37. Речь идет о «Форме о титулах ее императорского величества», которую Екатерина собственноручно отредактировала [Памятка императрицы Екатерины II на обложке указа «Форма о титулах ее императорского величества» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 323. Л. 1)].

[70] ПСЗ. Т. XI. № 8005. С. 10. 1740. 16 января.

[71] Там же. Т. X. № 7934. С. 934. 1739. 7 ноября.

[72] См., например: Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской Империи фундаментальные права, непременяемые на все времена никакою властью // Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к великому князю Павлу Петровичу). 1784–1786 гг. (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 98–110об); Мнение о государственном казенном правлении и о производстве дел по свойству их рассмотрения и расположения его зависящих, сочиненное в начале 1786-го года (Там же. Л. 38–41об).

вице-президент Юстиц-коллегии[73], просматривая реестр высочайших распоряжений, с ужасом обнаружил «именной за подписанием собственным Ее Величества указ» восьмилетней давности, который был направлен на имя бывшего президента коллегии Яковлева. Курьез заключался в том, что не только не доведенный до сведения присутствующих в коллегии, но непрочитанный и даже нераспечатанный указ содержал требование решать все дела «без волокиты и по сущей справедливости». Высочайшее распоряжение за собственным подписанием от 1774 года было наконец объявлено, вина Яковлева оставлена без наказания лишь потому, что нерадивый президент к тому времени уже умер, но всем еще здравствующим чиновникам пригрозили судом «за удержание именных указов»[74]. Не случайно в 1782 году управам благочиния приказано было иметь две специальные книги, куда заносились получаемые из центра указы. В первую вносились «все от самодержавной власти изданные и Императорского Величества рукою подписанные узаконения, учреждения и указы», а во вторую «повеления или приказания правления или иных власть на то имеющих мест в силу и следствие узаконений»[75].

Однако специфика законодательства как источника, рассчитанного не просто на провозглашение, а прежде всего на неукоснительное исполнение, от которого, собственно, зависело развитие государства и устойчивость самой власти, определила характер наиболее значимых нормативных актов. Ими стали указы, доводимые до сведения всего населения, как «высочайшие, так и всех вышних мест», поскольку нельзя было не признать, что «указ силу и действо свое приемлет от того времени, когда получен и обнародован будет»[76].

---

[73] Имя вице-президента не упоминается в указе. На этой должности в 1782 году находился А. М. Колошин (Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве. СПб., 1782. С. 76).

[74] ПСЗ. Т. XXII. № 15320. С. 376–377. 1782. 10 января.

[75] Там же. Т. XXI. № 15379. С. 464–465. 1782. 8 апреля.

[76] Там же. Т. XVII. № 12710. С. 875. 1766. 31 июля; Т. XXII. № 15320. С. 376–377. 1782. 10 января и др.

«Объявляется во всенародное известие»

Кабинет императрицы и Сенат проводили четкое различие между «указами, кои до сведения в народе не принадлежат, а единственно следуют ко исполнению одним присутственным местам», и «узаконениями, объявляемыми во всенародное известие». Для быстрого решения текущих дел достаточно было подписи четырех находящихся в присутствии сенаторов, в то время как отмена законов или новые постановления требовали визы по крайней мере президентов первых трех коллегий и генерал-прокурора. При этом никто не отменял распоряжение Петра III, в соответствии с которым запрещалось издавать во всенародное известие без высочайшего утверждения ни один указ, «составляющий или новый закон, или служащий подтверждением прежде изданному»[77].

Ввиду так и не удавшейся попытки составить новое уложение печатались указные книги, представляющие собой сборники «подлежащих вечности и для всенародного известия» законов, которые были изданы за какой-то определенный период. Придя к власти, Екатерина обнаружила, что обобщенная публикация «всенародно объявленных» указов была прекращена еще в 1730 году. Императрица распорядилась немедленно возобновить точное копирование законов, составление реестров и издание сборников нормативных актов «для продажи в народ»[78]. Только за первый год правления Екатерины в лавки и магазины поступило несколько книг, в которых были собраны указы императрицы, предназначавшиеся для *всеобщего известия*[79].

---

[77] ПСЗ. Т. XXII. № 15320. С. 376–377. 1782. 10 января; Т. XVI. № 11589. С. 6. 1762. 2 июля; Т. XV. № 11558. С. 1029. 1762. 1 июня. См. также: Там же. Т. XVI. № 12292. С. 1001. 1764. 15 декабря; Т. XVII. № 12483. С. 347. 1765. 30 сентября и др. В соответствии с Наказом предполагалось, что новые законы исходят от монарха, сверяются правительством с Уложением и лишь после этого «всему народу объявляются во известие» (Наказ императрицы Екатерины II. С. 6).

[78] Там же. Т. XVI. № 11757. С. 161. 1763. 14 февраля.

[79] См., например: Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской: состоявшиеся с благополучнейшего вступления Ее Императорского Величества на всероссийский императорский престол, с 28 июня, 1762 по 1763 год. Напечатаны по всевысочайшему Ея Императорского Величества повелению.

Что же касается текущего законодательства «о всяких государственных генеральных делах», то во избежание подлога силу имели только опубликованные указы. Еще в марте 1764 года было объявлено, что «указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения от имени Ее Императорского Величества собственно или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы за действительные кроме печатных»[80].

Первоначально и нормативные акты, и указные книги издавались в самых разных типографиях — Московского университета, Академии наук, Морского кадетского корпуса и т. п. Однако весьма скоро при публикации законов обнаружились досадные, а иногда и опасные погрешности, и право выпуска печатных указов стало исключительной прерогативой Сената. Тем не менее полного порядка в важном государственном деле издания законов так достичь и не удалось. Несмотря на то что сенатская типография была переведена под прямое начало генерал-прокурора, постоянно случались какие-то недоразумения. То таможенный тариф или очередное издание Уложения 1649 года уйдут для публикации в Академию наук, то в приложении к «Ведомостям Московского университета» появятся указы, которые вообще не предназначались «для объявления в народ»[81].

Доведение содержания законов до сведения подданных оставалось еще одной острой проблемой для власти, стремящейся использовать с этой целью самые различные каналы. Как уже упоминалось, отдельные указы и сборники нормативных актов можно было купить «партикулярным людям», к которым в данном случае относилось ничтожное меньшинство грамотных и достаточно состоятельных жителей Петербурга и Москвы. Некоторые из них, в том числе и крупные вельможи, делали выписки из законов, а

СПб.: Печатаны при Адмиралтейской коллегии в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса, 1764; Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской: состоявшиеся с генваря по июль месяц 1763 года. Напечатаны по высочайшему Ее Императорского Величества повелению. СПб.: при Сенате, 1764.

[80] ПСЗ. Т. XVI. № 12090. С. 645. 1764. 17 марта.

[81] Там же. № 12222. С. 862. 1764. 10 августа; Т. XIX. № 13978. С. 758. 1773. 10 мая; Т. XX. № 15001. С. 931. 1780. 8 апреля.

иногда копировали и весь текст того или иного указа полностью[82]. Оповещение подавляющей массы населения предполагало иные пути распространения высочайшей воли.

Наиболее важные манифесты или сентенции провозглашались прямо на площадях при скоплении людей. Так, в 1787 году, после начала войны с Турцией, адъютант Потемкина М. А. Гарновский доносил своему начальнику из Петербурга: «Манифест объявлен народу обыкновенным образом, то есть на улицах, при барабанном бое, вчерашнего числа, а сегодня было молебствие, при котором случае государыня изволила в церкви прослезиться[83]. Нет удобнее времени к набору рекрут, как теперешнее: духи расположены теперь к сему. Читая манифест, говорят: "видно и еще не миновать рекрутского набора"»[84]. Торжественное и по-своему волнующее «объявление во всенародное известие» отдельных манифестов и указов было рассчитано на мощное эмоциональное воздействие. Подобная форма своеобразного социального контроля нередко имела успех. Не случайно в те же самые дни статс-секретарь Екатерины А. В. Храповицкий сделал запись в дневнике: «Спрашивать изволили: "Что говорят в городе о войне?" Уныния нет... Говорено с чувствительною признательностью к народу, что в 25 лет приобрела доверенность; никто теперь при начатии войны не унывает»[85].

Разумеется, на улицах и площадях под барабанный бой указы зачитывались в исключительных случаях. Основная масса нормативных актов высылалась «из Сената в коллегии, канцелярии и конторы, в губернии и провинции из коллегий и других судебных мест в подчиненные им места»[86]. В центре пристально следили за распространением законов, о чем свидетельствуют многочислен-

---

[82] Например, копии высочайших указов и манифестов были обнаружены в бумагах Н. И. Панина: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114.

[83] Достоверность этого свидетельства подтверждается данными из другого источника: «Подписан манифест о войне с турками и напечатан... Было в церкви молебствие... и читан манифест, то же происходило в придворной... Плакали» (*Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 39–40).

[84] *Гарновский М. А.* Записки Михаила Гарновского. 1786–1790 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 3. С. 475.

[85] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 38–39.

[86] ПСЗ. Т. XVII. № 12710. С. 875. 1766. 31 июля. В Москву указы из департаментов Сената, находящихся в Петербурге, объявлялись не в присутственные

ные «указы о рассылке», не вошедшие в ПСЗ, но сохранившиеся в собраниях гражданской печати ряда библиотек[87]. Тем не менее нельзя сказать, чтобы доставка высочайших и сенатских распоряжений всегда происходила четко и слаженно. Случалось, что тексты законов терялись не только при распространении их в масштабе империи, но даже при перевозке с одной московской улицы на другую.

Так, 27 апреля 1776 года солдат Андрей Воронин должен был получить из ямской конторы указ Межевой экспедиции Сената «об отрешении Епифанского воеводы» и доставить его в губернскую канцелярию Москвы. В ноябре выяснилось, что об указе в канцелярии ничего не знают, хотя в «записной книге» ямской конторы этот документ значится. Разбирательство было поручено канцеляристу Бушуеву, бежавшему в том же 1776 году, видимо, от непосильной бюрократической рутины. Бушуев был пойман и умер в розыскной экспедиции. Все его бумаги перешли в ведение копииста Аникеева, который, как оказалось, на широкую ногу поставил сочинение фальшивых указов и подделку их подписи. Объединив вокруг себя еще с десяток таких же канцеляристов, Аникеев выкрадывал подлинные указы и по их образцу изготовлял ложные. Дело Аникеева передали в Юстиц-коллегию, а самого предприимчивого копииста взяли под стражу в ту же розыскную экспедицию. В поиске виновника потери целого пакета документов вышли на непосредственного начальника Бушуева, секретаря Долгинцова, который пустил на самотек дела канцелярии, поскольку был занят набором рекрутов, потом переведен в учрежденный от Сената комитет, а к моменту следствия уже умер. Круг замкнулся на солдате Воронине, как выяснилось, человеке, мягко говоря, медленно соображавшем и неграмотном. На допросе он показал, что о документах и походе на почту вообще забыл. Резолюция по этому делу была следующая:

места, а через московские департаменты Сената (ПСЗ. Т. XIX. № 13673. С. 327. 1771. 9 октября).

[87] См., например: Указ Ее Императорского величества самодержицы всероссийской: [О рассылке указа о порядке взимания сборов с челобитен]: Из Правительствующего Сената. [Б. м., июль 1764]; Указ Ее императорского величества самодержицы всероссийской: [О рассылке указа об учреждении разных воспитательных училищ]: Из Правительствующего Сената. [Б. м., май 1764].

«Когда посланный [сенатский] указ из ямской конторы отдан был солдату Воронину без расписки, а он отзывается, что принимал ли его оттуда, не помнит, секретарь Долгинцов умер, а подьячие оказались в тяжких преступлениях, тем оканчивается производство». Однако отныне ямской конторе запрещалось выдавать указы случайным людям, «не зная, подлинно ль [они] от того места присланы», в канцеляриях же теперь распоряжения из центра должны были получать не просто подьячие, а специально определенные дежурные[88].

Курьез с неграмотным солдатом и пропавшим сенатским указом, который стал прецедентом для нового закона, свидетельствует, однако, что в обществе постепенно формировалось уважение к нормативным актам и строгой регламентации. Еще в 1766 году всем коллегиям и «прочим подчиненным местам» под угрозой штрафа в 10 рублей было предписано рапортовать о получении указов в трехдневный срок, причем отчитываться по каждому нормативному акту отдельно, «не примешивая о других делах»[89]. Затем по поводу «новых общих узаконенией, учреждений или указов» следовало выслушать заключение прокурора «о силе и действии оных», после этого зафиксировать их основное содержание в «первой книге законов» и, наконец, отметить во второй книге дату, «когда получено, откуда получено, как получено». Распоряжения, не подлежащие обнародованию, надо было неукоснительно исполнять, указы, данные во всенародное известие, требовалось довести до сведения подданных. Логично было предположить, что нельзя «взыскивать с людей исполнения по закону, буде закон не обнародован»[90]. Указы, данные во всенародное известие, как правило, зачитывались в церквях в праздничные и торжественные дни и с этой целью часто рассылались из Сената прямо в Синод,

[88] Сенатский указ «о доставлении указов Сената в надлежащие места по адресам с расписками в приеме и о принимании оных дежурными» (ПСЗ. Т. XX. № 14789. С. 743–744. 1778. 1 сентября).

[89] Там же. Т. XVII. № 12710. С. 372. 1766. 31 июля. В соответствии с регламентом Адмиралтейств-коллегии вообще полагалось «со всех именных указов, касающихся до правления коллегии, подавать при рапортах в Сенат копии» (Т. XVII. № 12459. С. 237. 1765. 24 августа).

[90] См.: Там же. Т. XXI. № 15612. С. 777. 1782. 13 декабря; Т. XXI. № 15379. С. 464–465. 1782. 8 апреля.

а оттуда в епархии по количеству храмов, находящихся в их подчинении[91]. Кроме того, «объявляемые во всенародное известие и подлежащие вечности» указы прибивались в публичных местах. Однако источники свидетельствуют, что это был не самый надежный канал распространения высочайшей воли. Только в Уставе благочиния трижды напоминается о взятии под стражу и о суде над теми, кто «снимет, издерет или закроет обнародованные узаконения»[92].

Несмотря на все усилия власти — провозглашение действительными только печатных указов, снабжение всех законов, объявляемых во всенародное известие, оттиском государственной печати, строгий контроль за рапортами с мест о получении нормативных актов, — опасность подлога и искажения содержания высочайших распоряжений оставалась.

«Вредные пасквили», «ложные списки» и «превратное толкование законов»

Многие сенатские и именные, объявленные из Сената, указы начинались с подтверждения их подлинности: «В именном, за подписанием Ее Императорского Величества собственной руки указе Сената написано» или «по случаю собственного Ее Императорского Величества рассмотрения и последовавшего за собственноручным подписанием с материнским от Ее Величества исправлением высочайшего указа»[93] и т. д. Разумеется, распространение «злыми людьми» фальшивых указов, так называемых «пасквилей», беспощадно преследовалось, а их сочинители «подлежали крайнему истязанию».

В марте 1764 года «простой народ» обеих столиц был взбудоражен подложной высочайшей грамотой, в которой запечатлелась

[91] См., например: ПСЗ. Т. XIX. № 13763. С. 450–451. 1772. 17 февраля; Т. XX. № 14287. С. 99–100. 1775. 31 марта; Т. XX. № 15021. С. 945–946. 1780. 5 июня и др.

[92] Там же. Т. XXI. № 15379. С. 472, 477, 481. 1782. 8 апреля.

[93] См., например: Там же. Т. XX. № 15001. С. 931. 1780. 8 апреля; а также: Там же. Т. XVI. № 12090, 12104; Т. XVII. № 12537 и др.

наивная вера в государыню, искренне пытающуюся «лихоимство искоренить» вопреки сопротивлению высшего сословия. «Однако весьма наше дворянство пренебрегает», — говорилось в грамоте от лица императрицы. Результатом этого опасного для власти инцидента стали два теперь уже подлинных указа — сенатский от 16 марта и именной от 17-го. Первый извещал о приказе Екатерины *пасквиль* «под освященным монаршим именем на Сенатской площади с барабанным боем палаческою рукою предать огню». За личность автора «сего вредного сочинения» обещалась официальная награда в размере 100 рублей. На следующий день последовало высочайшее распоряжение «о признании публикуемых указов действительными, когда они будут печатные»[94]. Законы о подлинности лишь печатных указов выходили не раз и позже, в частности в 1773, 1783 годах, относились к числу особенно важных, «объявляемых во всенародное известие» и провозглашались соответственным образом[95]. Однако сам факт неоднократного повторного издания нормативных актов одного содержания говорит о явном неблагополучии с их исполнением.

В 1771 году поступили дошедшие до императрицы жалобы от работников ахтубинских шелковых заводов, куда для разбирательства направили полковника Гурьева. Выяснилось, что поселенцы были весьма вдохновлены якобы объявленным из Сената указом, в соответствии с которым все они переводились в разряд казаков, получали награждения и отправлялись в Моздок. Поверенные работников Чурбанов и Орлов этот указ самостоятельно зачитывали и разъясняли его содержание, а привезенный Гурьевым именной указ признали недействительным, поскольку он «не имел титула». Представителям власти потребовались усилия, чтобы рассеять опасные иллюзии, провозгласить никогда не существовавший се-

[94] ПСЗ. Т. XVI. № 12089. С. 644–645. 1764. 16 марта; № 12090. С. 645. 1764. 17 марта.

[95] См.: сенатский указ «о имении веры по делам, касающимся до общенародного сведения и до государственных во всей империи узаконений одним только печатным указам» (Т. XIX. № 14047. С. 836. 1773. 19 октября); сенатский указ «о признании действительными только таких указов и манифестов, кои публикуются от наместнических правлений печатными листами» (Там же. Т. XXI. № 15718. С. 905–906. 1783. 2 мая).

натский указ «лжесоставленным из взятков», а Чурбанова, Орлова и других «заводских сходцев» взять под стражу[96].

Апелляция особенно среди крестьян к вымышленным законам в прошениях и челобитных, с одной стороны, свидетельствовала об укреплении веры в возможность правовой защиты, а с другой — о крайне скудном знании содержания законодательной деятельности власти, которая обрастала слухами и домыслами. Так, в 1766 году из Главной дворцовой канцелярии была передана в Сенат челобитная, где речь шла об указе, повелевающем тяжелые оброки и недоимки «отписывать на Ее Императорское Величество». Автора подобного прошения немедленно схватили, и на допросе он признался, что данного указа не видел, но не раз о нем слышал. Опасность таких «недельных толкований» была очевидна, и потому предписывалось разгласителей несуществующих указов незамедлительно приводить в судебные места, губернские и провинциальные канцелярии, «кому куда по близости будет способнее»[97].

Показательно, что наивные упования на закон и потому сочинение подложных указов было более распространено в низших слоях населения. Дворянская элита рассчитывала на «беспосредственный» доступ к императрице или же помощь фаворита. Ссылки на законодательные акты в качестве аргумента просьбы довольно редко фиксируются в челобитных авторов, принадлежащих к высшей образованной среде. Однако посудачить и даже «дерзостно истолковать» «правительственные узаконения» дворянство было совсем не прочь. Еще императрица Елизавета Петровна жаловалась, что некоторые «как из наших подданных, так и живущих в нашей протекции иностранцев, разглашая многие лживые ведомости о нынешних статских, политических и воинских делах, присовокупляют к тому развратные толкования». Власть пригрозила этим «слабоумным, зараженным странными рассуждениями о делах, до них не принадлежащих», однако результата не было. В 1763 году в специально опубликованном манифесте Екатерина заявила, что

[96] Именной указ «о публиковании на ахтубенских шелковых заводах о *лжесоставном указе*, чтоб оному работные люди не верили и чтобы всякий возложенную на него работу исправлял без всякого прекословия» (ПСЗ. Т. XIX. № 13655. С. 311–312. 1771. 12 сентября).

[97] Там же. Т. XVII. № 12633. С. 671. 1766. 3 мая.

«зловредные истолкователи заслуживают достойную казнь, яко спокойствию нашему и всеобщему вредные». Тем не менее спустя почти 10 лет появился указ, воспроизводящий все предыдущие законодательные акты, направленные против «ложных разглашений», и вновь призывающий прекратить «непристойные умствования» по поводу «Ее Императорского Величества издаваемых уставов»[98].

Мотивы фальсификации высочайшей законодательной воли могли быть самыми различными — от стремления крестьянина облегчить тяготы оброка до подобострастного рвения государственного чиновника. Но все они свидетельствуют о сложном пути становления правового сознания российских подданных[99]. В записках Г. Р. Державина содержится любопытная история, характеризующая восприятие политической элитой дворянства сущности понятий *закон* и *императорская воля*. Назначенный в 1784 году олонецким наместником и прибыв в Петрозаводск, Державин вынужден был служить под непосредственным началом генерал-губернатора Т. И. Тутолмина. Вскоре в губернское правление была доставлена целая книга законов, написанных лично Тутолминым и высшей властью не утвержденных. По мнению Державина, эти «тутолминские законы» противоречили не только коренным императорским указам, но часто и всякому здравому смыслу. Так, будучи в прошлом губернатором в Екатеринославле, Тутолмин решил и для покрытой непроходимой тайгой Олонецкой губернии издать закон, обязывающий поселян ежегодно «сажать и сеять леса». Более того, внимательно изучая Наказ, генерал-губернатор вычитал в этом проекте императрицы, который, кстати сказать, не имел зако-

[98] ПСЗ. Т. XIV. № 10733. С. 771. 1757. 5 июня; Т. XVI. № 11843. С. 270–271. 1763. 4 июня; Т. XIX. № 13782. С. 474–475. 1772. 5 апреля.

[99] В этом отношении большой интерес представляют такие специфичные документы, как «завещательные или духовные письма», в которых очень причудливо переплетались представления о *законе государственном* и *Законе Божьем*. Как указывает Н. В. Козлова, «обычной фразой во многих духовных, долженствующей побудить наследников и всех родственников точно исполнить все распоряжения завещателя, являлась угроза Страшного суда... воля завещателя признавалась и властью, хотя порой возникали коллизии, когда предписания духовной, касающиеся прав наследования, противоречили норме закона» (*Козлова Н. В.* Историко-дипломатическая характеристика семейно-правовых актов дворян первой четверти XVIII в. // Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени. М., 2015. С. 25–26).

нодательной силы, упоминание о некоторых новых возможных налогах. «Из тщеславия и подлого угождения», как пишет Державин, Тутолмин своевольно возложил эти подати на население губернии. В конце концов, вооружившись печатным указом 1780 года, «в котором воспрещалось наместникам ни на одну черту прибавлять в своих законах и поступать в точности императорскою только властью изданных»[100], Державин добился, что о законотворчестве Тутолмина стало известно и императрице, и генерал-прокурору Вяземскому, резолюция которого была краткой: «Чего, любезный друг, в законах нет, того и исполнять неможно»[101].

Несмотря на хорошо известное предубежденное отношение поэта к олонецкому генерал-губернатору, многое в этой истории симптоматично: и факт самовольного выпуска законов опытнейшим государственным чиновником, который не видел в этом ничего предосудительного, и готовность превратить в закон осторожно высказываемое императрицей мнение. Возникали проблемы и с превратным толкованием указов, которое было продиктовано не злым умыслом и не «вредными рассуждениями», а, можно сказать, узостью бюрократического мышления. Так, в 1779 году до сведения Сената дошло, что некий подканцелярист Полозов сбежал от своей команды департамента Камер-коллегии, где был на воинской службе. Стало известно, что беглеца задержали в полиции, оттуда переслали в юстиц-контору, а затем в губернскую канцелярию Петербурга. Здесь он письменно заявил, что желает продолжать воинскую службу, и был отпущен. Правда, канцелярия сделала запрос в департамент Камер-коллегии, действительно ли Полозов в службе там находился, когда сбежал и не прихватил ли что с собой. Но справка шла долго, наступил праздник Пасхи, Полозова отпустили под расписку поручителей. Когда главная полиция решила проверить, где же Полозов, на неоднократные запросы канцелярия

[100] Можно предположить, что Державин опирался на именной, данный Сенату указ «о точном исполнении "Учреждения о губерниях" и о нечинении поборов и нарядов сверх узаконенных и высочайшим соизволением утвержденных». В указе, в частности, говорилось, что никто из генерал-губернаторов или других начальников не имеет права «делать от себя собственно никаких установлений» (ПСЗ. Т. XX. № 15068. С. 989–990. 1780. 26 сентября).

[101] *Державин Г. Р.* Записки. С. 97–101.

представляла только расписки от поручителей, а Полозова и след простыл. Испуганные канцеляристы ссылались на закон от 10 февраля 1763 года, в соответствии с которым воров и разбойников под караулом можно содержать не больше месяца. Но этот указ означал, что дела надо решать оперативно, а не отпускать преступников, если больше месяца идет какая-либо справка. Чиновников из губернской канцелярии бригадира Дурова, коллежского советника Волка и секретаря Иванова от должностей отрешили. Губернатору было поставлено на вид, чтобы смотрел, какие бумаги подписывает, и в дела входил тщательнее. А во все присутственные места приказано было дать знать об истории столь незадачливых канцеляристов[102].

Превратное толкование указов и самовольное законотворчество[103], происходящие, как правило, на местах, соседствовали с комичным буквоедством при прочтении императорских распоряжений в Сенате. Так, в 1771 году в 3-й департамент поступили четыре апелляционные челобитные из Малороссии, по поводу которых мнения сенаторов разделились и никак не получалось их согласовать на протяжении многочасовых заседаний. Д. В. Волков и В. Е. Ададуров считали, что челобитные стоит рассмотреть, в то время как Г. Н. Теплов полагал срок прошений уже истекшим. Пришлось созвать расширенное собрание департаментов Сената, но вновь долгие споры ни к чему не привели: А. П. Мельгунов, А. В. Олсуфьев и П. Н. Трубецкой поддержали Волкова, однако М. К. Скавронский, Р. И. Воронцов, А. А. Нарышкин, Н. И. Чичерин,

---

[102] Сенатский указ «о наказании за превратное истолкование законов» (ПСЗ. Т. XX. № 14897. С. 850–851. 1779. 26 июля).

[103] Факты спонтанной подготовки нормативных актов местными властями, видимо, были делом обыденным, о чем свидетельствует не только указ 1780 года, с которым разгневанный Державин направился к новоявленному законодателю Тутолмину (Там же. № 15068. С. 389–390. 1780. 26 сентября). По Уставу благочиния строго запрещалась «новизна, узаконению противная» (Там же. Т. XXI. № 15379. С. 478, 481. 1780. 26 сентября). Жалованные грамоты дворянству и городам также предостерегали как Дворянские собрания, так и городские общества от самовольных решений, противоречащих коренным законам, под угрозой взыскания штрафа в 200 рублей. Для гарантии данная область деятельности этих сословных организаций была поставлена под контроль губернских стряпчих (Там же. Т. XXII. № 16187. С. 350. 1785, 21 апреля; № 16188. С. 361. 1785. 21 апреля).

И. А. Вяземский, И. И. Козлов, И. П. Елагин и Л. И. Комылин настаивали дозволить апелляцию лишь двум просителям; к этой точке зрения примкнул и Теплов, «отступя от прежнего своего в третьем департаменте данного голоса». Озабоченный всем происходящим генерал-прокурор А. А. Вяземский составил довольно обширный экстракт всех прений и подал его Екатерине. Резолюция свидетельствовала о явном раздражении императрицы: «Малороссийские права ясны, мой указ 1768 года 21 марта тоже не темен. <...> Я, потеряв целое утро, которого каждая минута для меня дорога, на такое дело, кое и без меня по законам решить можно, отсылаю оное обратно»[104].

По мере расширения границ империи, усложнения административного управления и развития сословно-статусной структуры общества потребность в чиновниках, знающих и правильно трактующих законы, превратилась в государственную необходимость. Именно поэтому председателям управы благочиния было приказано как минимум один свободный час ежедневно тратить на то, чтобы «читать и перечитывать узаконения и учреждения». Несколько месяцев спустя, как уже указывалось, всех прокуроров обязали в губернских правлениях и палатах делать тщательный разбор «новым узаконениям» и доводить до местных канцеляристов их смысл[105]. Не случайно в соответствии с новым уставом Кадетского сухопутного корпуса выпускники должны были знать «не только общие должности согражданина, но и законы своего Отечества»[106].

Таким образом, корректное понимание как чиновниками, так и всеми подданными смысла именных и сенатских указов становилось условием слаженного функционирования, не только правовой системы, но и всего государственного аппарата империи. Однако не менее актуальной проблемой всегда оставался собственно сложнейший процесс законотворчества, ключевой фигурой которого в России XVIII столетия был просвещенный монарх.

---

[104] *Высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурору об окончании* Сенату дел, на которые существуют ясные законы, не делая по оным особых докладов Ее Императорскому Величеству (ПСЗ. Т. XIX. № 13555. С. 210–211. 1771. 12 января).

[105] Там же. № 15612. С. 777. 1782. 13 декабря.

[106] Там же. Т. XVII. № 12741. С. 976. 1766. 11 сентября.

Образ самодержавного законодателя

Политическая теория абсолютизма отличалась убежденностью в особой силе закона и регулярного государства или *благоучрежденной* монархии, призванной установить разумный миропорядок. Соответственно, характерной особенностью российского законодательства XVIII столетия стала его реформаторская направленность и ярко выраженные тенденции не к сохранению сложившейся традиции, усиливаемой часто обычным правом, а, напротив, к преодолению ее[107]. В рассматриваемый период сложился свой идеальный образ монарха, черты которого в той или иной степени должны были воплощаться в персонах реальных правителей. Одной из наиболее ярких эталонных характеристик венценосной особы века Просвещения считался дар успешного преобразователя, приобщающегося одновременно к искусствам и рациональным знаниям[108].

В это время, как справедливо замечает А. Гликофриди-Леонцини, культ короля-воина был потеснен фигурой законодателя и философа на троне[109]. Не случайно А. П. Бестужев-Рюмин в проекте «о поднесении Екатерине титула матери Отечества» воздает хвалу Петру I как «неустрашимому полководцу вне государства» и как «премудрому законодателю внутри»[110]. Сходная мысль звучит и в записке Н. И. Панина Екатерине II о преобразовании Сената и дру-

---

[107] А. В. Гордон полагает, что с правления Петра I «право на самое радикальное переустройство страны стало частью национального восприятия верховной власти; *власть преобразовывать* сделалась ее высшей легитимацией» (*Гордон А. В.* Универсально-типологическое и национально-архетипическое в формировании российского образа власти в эпоху Просвещения // Canadian-American Slavic Studies. 2004. № 1–2. P. 13). См. также: *Уортман Р.* Изобретение традиции и репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 34; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 2. С. 137.

[108] См., например: Записка о воспитании детей, тут же писанная императрицей Екатериною II копия наставления, данного прусским королем Фридрихом-Вильгельмом подполковнику Рохову касательно воспитания старшего сына его величества 1779 г. (РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113).

[109] *Glycofrydi-Leontsini A.* "Teaching Princes": A Vehicle of Moral and Political Education During the Neohellenic Enlightenment // Classical Russia. 2010. P. 71–90.

[110] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

гих судебных мест: «Свойственно... премудрым монархам устанавливать подданным своим полезные законы и порядки. <...> Последовал сему правилу великий государь Петр, законодавец России»[111]. Екатерина II, разумеется, признавалась прямой последовательницей великого императора в его законодательной деятельности. В той же записке Никита Панин провозглашал: «[Петр] установлял военные и гражданские порядки — Ваше Величество оные к совершенству приводите, он учреждал Сенат, военные, штатские, духовные и судебные правительства, предписывал им некоторые нужные уставы — Ваше Величество неоконченное в этом исполняете»[112].

Показательно, что в русском политическом мышлении XVIII века величие образа *монарха-законодателя* определялось не безграничной властью его непререкаемой воли, а талантом верховного правителя. Характерно, что Екатерина, столь внимательно относившаяся к воспитанию внука, записала в так называемой «Бабушкиной азбуке великому князю Александру Павловичу»: «Власть поручена единому ради чинения польз множеству. Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам»[113]. Безусловно, абсолютистская доктрина признавала и полностью оправдывала сосредоточение всей законодательной инициативы в руках императора[114]. В «Секретнейшем наставлении» генерал-прокурору Сената князю Александру Вяземскому Екатерина особым образом выделила положение, характеризующее «неотделимость от верховной власти власти

[111] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114. Л. 1. См. об этом же: Продолжение поучительных слов при высочайшем дворе ее императорского величества благочестивой великой государыни Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, сказанных его императорского высочества учителем иеромонахом Платоном. СПб., 1764 (Там же. Ч. 3. Д. 3177).

[112] Там же. Ч. 1. Д. 114. Л. 1.

[113] Рукопись хранится в: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117. Единственная публикация: *Екатерина II.* Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу. М., 2004. С. 51.

[114] Более того, именем *правосудия* и *порядка* могли оправдываться любые предприятия самодержавного правительства как во внутренней, так и во внешней политике. Например, в 1792 году введение российских войск на территорию Польши мотивировалось тем, что «Россия приняла на себя ручательство законной конституции сей нации» [Декларация, поданная министром Ее императорского величества Булгаковым в Варшаве министерству польскому (ПСЗ. Т. XXIII. № 17044. С. 330–333. 1792. 6 мая)].

законодательной, защитительной и совершительной»[115]: «Российская империя столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут: один государь имеет все способы к пресечению всякого вреда и почитает общее добром своим собственным, а другие все, по слову евангельскому, наместники есть»[116]. Однако еще современники главную заслугу Екатерины видели не в концентрации всех прерогатив власти под ее самодержавной эгидой, а в укреплении силы «российского главного права» и во введении «непреложных законов», которые и составляют «тело государства»[117]. Одни считали, что императрице удалось «обветшалую громаду» «недостаточных и темных законов, деланных для иных времен и нравов», «в надлежащее привесть состояние». Другие, напротив, с сожалением отмечали отсутствие «твердого основания» для законов и распорядков, несмотря на то, «каким большим переменам Российская империя подвергнута была со дней Петра I». Тем не менее большинство признавали стремление монархини «установить добрый порядок», что отмечал и канцлер Никита Панин в «Записке о преобразовании Сената»: «Многие труды прилагаемы были сделать основательные и полезные законы»[118]. Спустя

[115] См.: Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения (ПСЗ. Т. XVIII. № 13095. С. 504. 1768. 8 апреля); а также: Записка императрицы Екатерины «О преимуществе Императорского Величества» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1–4об). Собственно, и в присяге депутата Уложенной комиссии речь шла о великом деле сочинения нового проекта, которое вдохновлялось «непременною верностью Ее Императорскому Величеству» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12945. С. 182. 1767. 24 июля). В Наказе этим же депутатам утверждалось, что «лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим» (Наказ императрицы Екатерины II. С. 4).

[116] Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об). См. также об этом черновые записки Екатерины: Собственноручные черновые бумаги на французском языке о толковании воли законодателя (Там же. Оп. 2. Д. 330. Л. 1–3об).

[117] См., например: Речь, говоренная от лица депутатов маршалом Ее императорскому величеству с признательностью за данный для сочинения уложения Наказ (ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349–355. 1767. 27 сентября); Неизвестный автор. Правило трактатов (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 162. Л. 264–265об).

[118] См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 351. 1767. 27 сентября; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114. Л. 1–1об.

13 лет племянник канцлера Никита Петрович Панин признает «мудрые узаконения» императрицы главным итогом ее правления[119].

В русской общественно-политической лексике XVIII века понятия *самовластие* и *самодержавие* имели разное, иногда даже противоположное значение[120]. *Самовластие* отождествлялось с *беззаконием, деспотизмом* и очень часто с *фаворитизмом*, ненавистным для правящей элиты и дворянской родовой аристократии, по тем или иным причинам оттесненной от престола. Характерно, что последние наставления своему воспитаннику великому князю Павлу Петровичу граф Никита Панин выдержал в присущей ему стилистике семиотических сравнений. Канцлер противопоставил такие понятия, как *просвещенный монарх*, располагающий *неограниченной властью*, или *самодержец*, и *государственные законы*, с одной стороны, и *самовластие, тиранство, деспотическое правление, государев любимец* или *фаворит* — с другой. «Просвещенный монарх, облекшись в неограниченную власть, сам тотчас ощутит, что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. <...> Государь самовластнейший на недостатке государственных законов чает утвердить свое самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что самого держат в кабале недостойные люди? ...тщетно пишет он новые законы: новые законы его будут ни что иное как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство унижено, и несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское... все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, не чувствительно в одну точку соединятся. В таком развращенном положении, злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престает всякое различие между государственным и государевым, между государевым и любимцовым»[121]. Канцлер

[119] Письмо Панина Н. П. Екатерине II. 1795. Февраль (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1504. Л. 1об–2).

[120] Примечательно, что и молодой Пушкин писал именно о «самовластительном злодее» и «обломках самовластья».

[121] Проект Н. И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д. И. Фонвизина) // Император Павел I. Жизнь и царствование /

был убежден, что *фундаментальные законы*, составленные самим *самодержцем*, но *непременные* и для него самого, оградят страну от *деспотической тирании* или *самовластия*. Показательно, что картина политического неблагополучия складывалась для Никиты Панина из «угнетения народа» и «унижения дворянства», как сословия, для которого особое значение имело представление о чести и достоинстве, а также из отсутствия действенных *новых законов*[122].

Общепризнанность подобных идей среди политически активной знати отразилась и в записках М. М. Щербатова «О самовластии», где князь ставил под сомнение вообще возможность назвать *самовластие* «именем правления»: «[При самовластии] нет иных законов и иных прав окромя безумных своеправ деспота (самовластителя). Место, что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть сделан для государя»[123]. Собственно, и в уже упоминаемом обращении депутатов Уложенной комиссии Екатерина была названа императрицей, «сказавшей, что не народ для нее, а она для своего народа»[124]. Софистика этого заявления очевидна, но между тем для образованной публики XVIII столетия данная игра слов была наполнена реальным смыслом. На одном из первых заседаний Сената после дворцового переворота 1762 года императрица заявила, что «принадлежа сама государству, она считает и все свое принадлежащим ему же... Это заявление вызвало слезы у всех присутствующих»[125].

Сост. Е. С. Шумигорский. С. 4–13. Авторская маркировка слов в тексте сверена и откорректирована по первоисточнику: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–17об.

[122] См. о понятии «фундаментальные законы» в политической концепции Н. И. Панина: *Бугров К. Д.* Монархия и реформы: политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 137–169; *Польской С. В.* Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX вв. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27–42; *Ибнеева Г. В.* Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II: Авт. реф. дис. канд. ист. наук. Казань, 1994; *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale, 1975. P. 44–62.

[123] Рукописи историка Щербатова, полученные П. И. Бартеневым у А. П. Заблоцкого. 1785–1790 гг. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 368. Д. 83. Л. 29об.

[124] ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 352. 1767. 27 сентября.

[125] Собственноручная записка Екатерины II об одном из первых заседаний ее в Сенате после восшествия на престол // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 6. С. 412–414.

Международный престиж абсолютного монарха зависел от порядка в правовой сфере не меньше, чем от военных побед и дипломатических успехов. Князь Федор Николаевич Голицын, племянник графа И. И. Шувалова, вернувшись на родину в 1777 году после восьмилетнего пребывания за границей, признавал: «Сия великая монархиня, прославившаяся уже как законами, так и войною, от всех других европейских держав была уважаема»[126]. Французский посол Луи Филипп Сегюр в своих записках, посвященных пребыванию у русского двора, приводит слова прусского императора о Екатерине: «Царствование ее было блистательное. <...> Фридрих Великий, когда еще был с нею в приязненных отношениях, часто хвалил ее. "Многие государыни, — говорил он, — заслужили славу: Семирамида — победами, Елизавета Английская — ловкою политикою, Мария-Терезия — удивительною твердостью в бедствиях, но одна только Екатерина заслуживает наименование законодательницы"». Сам же посол зафиксировал такие признания императрицы по поводу ее правовых штудий: «Нередко Екатерина с гордостью удовлетворенного самолюбия говорила мне о двух указах, которые она высоко ценила: один из них — дворянская грамота, а другой — об отмене дуэлей»[127]. Особое внимание императрицы к работе над этими законодательными актами отмечал и немногословный статс-секретарь А. В. Храповицкий: «Читано начало манифеста о дуэлях, состоящее в выписке приличных статей из грамоты дворянству данной; показывал манифест о дуэлях, где после статей сделан оборот к неистовству молодых людей; переписывал два листа манифеста; сделана в манифест прибавка; читаны мне заготовленные запрещения в известный манифест; когда вошел — сделали вопрос о переписываемом мною манифесте и будет ли иметь полезное действие; с великим трудом сыскали грамоту дворянства на немецком — нельзя читать, чтобы кровь не кипела; подписан манифест о дуэлях[128]; сличали манифест о дуэлях с немецком переводом»[129]. В этих скупых замечаниях отразилась напряженная,

[126] *Голицын Ф. Н.* Записки. Стб. 1276.

[127] Записки графа Сегюра. С. 320.

[128] ПСЗ. Т. XXII. № 16535. С. 839–846. 1787. 21 апреля.

[129] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 5–34.

практически каждодневная работа императрицы лишь над одним манифестом. В целом же дневник А. В. Храповицкого, личного секретаря Екатерины с 1782 по 1793 год, а также записки ее последнего статс-секретаря А. М. Грибовского сохранили подборные обстоятельства законодательной деятельности императрицы.

Так, Грибовский воспроизводит распорядок обычного дня уже стареющей венценосной правительницы: «Во всех местах пребывания время и занятия императрицы распределены были следующим порядком. Она вставала в 8-ом часу утра и до 9 занималась в кабинете письмом (в последнее время сочинением сенатского устава). Однажды она мне между разговорами сказала, *"что не пописавши нельзя и одного дня прожить"*. В это же время пила одну чашку кофе без сливок. В 9 часов переходила в спальню... [куда] собирались ежедневно обер-полицеймейстер и статс-секретари; в одиннадцатом же часу приезжал граф Безбородко»[130]. Для других чинов назначены были в неделе особые дни: для вице-канцлера, губернатора и губернского прокурора Петербургской губернии — суббота; для генерал-прокурора — понедельник и четверг; среда — для синодского обер-прокурора и генерал-рекетмейстера; четверг — для главнокомандующего Петербурга. Императрица занималась делами строго до 12 часов, затем начиналось знаменитое «волосочесание», которое длилось недолго, около 10 минут, причем и в этот момент решение государственных дел не прерывалось, а, по свидетельствам статс-секретарей, даже приобретало особую эффективность. «Позван был в будуар во время убора волос, — сделал в январе 1786 года дневниковую запись Храповицкий, — говорено о комедии, о мартинистах, о переводах»[131]. Занималась императрица часто делами и после обеда: «просматривала правовые акты предшествующих правлений и подготовленные тематические

[130] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй // Русский архив. 1899. Кн. I. № 1–4. С. 15–17.

[131] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 6, а также 99; и др. Ср. у Грибовского: «Туалет сей продолжался не более десяти минут, в которое время государыня разговаривала с кем-нибудь из присутствовавших тут, в числе коих нередко бывал обер-шталмейстер Лев Ал[ександрович] Нарышкин, а иногда граф Ал[ександр] Сергеич Строганов» (Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского. С. 18–19).

справки, просила узнать о реакциях на тот или иной закон, часто самолично прочитывала доклады о разбирательстве дел в Сенате и внимательно корректировала представленные на подпись указы, часто отправляя их на доработку»[132]. О колоссальной законотворческой деятельности императрицы лучше всего свидетельствуют оставленные ею черновики и подготовительные бумаги. Так, рукописные материалы 10-го фонда РГАДА подтверждают, в частности, что только Жалованную грамоту дворянству Екатерина переписала своим крупным, женским, почти каллиграфическим почерком несколько раз, внося добавления и поправки в каждый новый вариант текста[133].

Однако, конечно, высшим достижением законодательной деятельности императрицы и современники, и историографы считают Наказ, который не имел никакой юридической силы, о чем писала и сама Екатерина: «Я запретила на оный инако взирать, как единственно он есть, то есть правила, на которых основать можно мнение, но не яко закон, и для того по делам не выписывать яко закон, но мнение основать на оном дозволено»[134].

---

[132] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 37–42, 45–49 и проч.

[133] Собственноручные черновые бумаги о дворянстве (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 333). См. также: Заметки Екатерины II о правах на дворянство, о Казенной палате, губернском магистрате, об откупах и др. (Там же. Д. 332в); Собственноручные черновые бумаги о должности (первых трех классов) (Там же. Д. 327); Собственноручные черновые бумаги о совете императорского величества (Там же. Д. 326) и др.

[134] Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования. Стб. 480.

ЗАКОНОИСКУСНИКИ

Мифы о Наказе

Пожалуй, ни одно произведение, в котором воплотилась официальная доктрина российского абсолютизма, не привлекает до сих пор такого внимания исследователей и не порождает столь противоречивые оценки, как Наказ[1]. Неоднозначно трактуется вся история этой знаменитой инструкции, начиная от возникновения замысла и заканчивая оценкой современников и последующим влиянием на умонастроения в России и ее имидж в глазах европейского общественного мнения.

Интерпретация мотивов создания Наказа варьируется от стремления Екатерины обосновать хотя бы декларативно легитимность своего воцарения до целенаправленной разработки основ законодательства, призванного защитить интересы высшей бюрократии и правящего аристократического слоя. В данном контексте немаловажным представляется мнение самой императрицы, которая писала: «По возшествии моем на престол... вывела я у себя в уме заключение, что образ мыслей вообще да и самый гражданской закон не может получить поправления инако как установлением

[1] См., например, о Наказе: *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 74–102; *Raeff M.* The Empress and the Vinerian Professor: Catherine II's Projects of Government Reforms and Blackstone's Commentaries // Political Ideals and Institutions in Imperial Russia. Boulder; San Francisco; Oxford, 1994. P. 228–229; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 249–268; *Плавинская Н. Ю.* «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60 — начале 70-х годов XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 9–36; и др.

полезных для всех в империи живущих и для всех вообще вещей правил, мною писанных и утвержденных. И для того я начала читать, потом писать Наказ Комиссии Уложения»[2].

Безусловно, Екатерина осознавала не только «преимущества», но и ответственность самодержца, «законодательная власть» которого, как уже упоминалось, «существует и предохраняется ради целости империи и безопасности империи и каждого подданного»[3]. О высокой миссии монарха она писала, еще будучи великой княгиней: «Нужно просвещать нацию, которой должен управлять. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы»[4].

Кроме того, она, по всей видимости, догадывалась, что подавляющее большинство представителей правящей дворянской элиты нуждается в подробных инструкциях монарха. Незадолго до начала работы над Наказом императрица в «Секретнейшем наставлении» князю Вяземскому писала о Сенате: «Раболепство персон в сих местах находящихся неописанное, и добра ожидать неможно, пока сей вред не пресечется; одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и ныне прямо не смеют, хотя в том интерес государственный часто страждет»[5]. Можно предположить, что понимание необходимости детальных разъяснений со стороны власти еще более укрепилось в сознании императрицы после истории с Комиссией о вольности дворянской. Работа этой Комиссии, учрежденной по именному указу «О рассмотрении акта, которым император Петр III дал вольность благородному российскому дворянству, и о приведении его содержания в лучшее совершенство»[6], практически ничем не закончилась. Подискутировав о привилегиях родовой и титулованной знати, о соотношении чинов и статуса

---

[2] Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования. Стб. 472.

[3] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Л. 3об–4. См. также: Наказ императрицы Екатерины II. С. 6–7.

[4] *Екатерина II.* [Правила управления] // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 647.

[5] Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об).

[6] ПСЗ. Т. XVI. № 11751. С. 157. 1763. 11 февраля.

высшего сословия, авторы «Доклада о проекте права дворянского» обратились к Екатерине за дальнейшими конкретными распоряжениями: «Законы следствием должны быть тех прав, которыми Ее Величеству угодно будет пожаловать российское дворянство; не знаючи же точно самых прав, ничего за подлинно не мо[жем] принять и за основание к сочинению законов. <...> И для того... не соизволит ли Ее Императорское Величество всемилостивейше определить, именно какие вольности дворянству пожалованы будут и какие отменены или вовсе уничтожены»[7]. В данном случае речь шла не о какой-то политической и даже интеллектуальной беспомощности таких образованных, амбициозных и порой критически настроенных сановников, как граф А. П. Бестужев-Рюмин, граф К. Г. Разумовский, канцлер М. И. Воронцов, Н. И. Панин, князь М. Н. Волконский, и других «едких пересмешниках» екатерининского царствования. Участникам Комиссии о вольности дворянской[8] была присуща характерная для правовой культуры абсолютизма уверенность, что и инициатива реформ, и последнее слово в законе принадлежат суверену. В начале 1765 года Екатерина уже писала д'Аламберу, что «вот уже два месяца как занята по три часа каждое утро работою над законами этой империи»[9].

Нет единства между специалистами и по поводу вопроса об источниках Наказа, ставшего действительно выдающимся ком-

[7] РГАДА. Ф. 16. Д. 235. Ч. 1. Л. 240об, 244–275. См. также: *Омельченко О. А.* Императорское Собрание 1763 г.: Комиссия о вольности дворянской. М., 2001. С. 89, 118–137.

[8] Материалы работы Комиссии сохранились в фондах 10 и 16 РГАДА. Проект М. И. Воронцова «Пункты для обсуждения вольности дворянства» был опубликован в «Архиве князя Воронцова» (Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 518–519). Черновой вариант проекта с пометками на полях Екатерины был напечатан А. Н. Куломзиным (*Куломзин А. Н.* Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому // Материалы для истории русского дворянства. СПб., 1885. Вып. II. С. 26–34). Окончательный текст доклада, представленный императрице в апреле 1763 года и собственноручно ею переписанный (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20), был частично представлен в Сборнике Русского исторического общества (Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 238–265). Наиболее полная публикация не только проектов Комиссии, но и протоколов ее заседаний принадлежит О. А. Омельченко (*Омельченко О. А.* Императорское Собрание 1763 г.).

[9] Сб. РИО. Т. 1. 1868. С. 268.

пилятивным трудом[10]. Большинство исследователей склонны буквально понимать слова из письма самой императрицы, воспроизведение которых отсутствует в редкой работе, посвященной Наказу: «Я на пользу империи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидал меня работающею, то простил бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионов людей, которое из того последует»[11]. Обычно в число «обобранных» просветителей часто еще включают адресата этого послания д'Аламбера, а также Ч. Беккариа[12]. В то же время О. А. Омельченко полагает, что Екатерина при подготовке Наказа использовала не только трактат «О духе законов» (или, более точно, «О разуме законов»), но и примечания к тексту Монтескье, которые были сделаны голландским издателем и мыслителем Э. Люзаком, а также работу Я. Ф. Бильфельда «Политические установления». Исследователь вообще приходит к выводу, что французские просветители оказали прежде всего «внешне-литературное» влияние на стиль

[10] В цели данной работы не входит детальное источниковедческое исследование содержания Наказа — речь идет о его месте в развитии правого мышления и представлений о *законе* российской власти и политической элиты.

[11] Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 29–31.

[12] Речь в данном контексте идет о следующих произведениях французских мыслителей: Ш. Л. Монтескье «О духе законов»; д'Аламбер «Разбор книги "О разуме законов"»; Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Кроме того, указывается, что в Наказе были использованы статьи Дидро, д'Аламбера, Я. Бильфельда, Й. Х. Готтлоба фон Юсти, Ф. Кене из «Энциклопедии», «Философский словарь» Вольтера и ряд других, пока еще не идентифицированных источников. См. об этом, например: *Чечулин Н. Д.* Об источниках наказа // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 4. С. 306–317; *Тарановский Ф. В.* Политическая доктрина в наказе Екатерины II // Сборник статей по истории русского права, посвященный профессору М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 44–86; *Клочков М. В.* Наказ императрицы Екатерины II в судебной практике // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 1–18; *Brown A. H.* Desnitsky S. E., Adam Smith and the Nakaz of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1974. Vol. VII. P. 42–59; *Омельченко О. А.* Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатерины II. Автореферат. М., 1977; *Он же.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 74–102; *Raeff M.* The Empress and the Vinerian Professor: Catherine II's Projects of Government Reforms and Blackstone's Commentaries. P. 228–229; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 249–268; *Плавинская Н. Ю.* «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60 — начале 70-х годов XVIII в. 9–36 и др.

Наказа, в то время как содержание данной законодательной программы во многом определялось идеями Лейбница и концепциями немецкого полицеизма середины XVIII столетия[13]. В научной литературе, однако, редко упоминается такой российский источник Наказа, как доклад основателя Московского воспитательного дома и автора концепции создания третьего чина в России И. И. Бецкого «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», обнародованный 12 мая 1764 года и ставший основой главы XVI «О воспитании»[14].

Весной 1766 года сложилась окончательная структура Наказа, а к открытию Уложенной комиссии летом 1767 года законодательный проект Екатерины был готов. Оригинальный французский текст Наказа был переведен на русский, немецкий, латинский, а также итальянский и новогреческий и издан не менее семи раз только при жизни императрицы. Екатерина несколько раз перечитывала русский перевод и лично следила за точностью переводов на другие языки. На протяжении всей своей жизни она обращалась к тексту Наказа и постоянно вновь и вновь пыталась внести те или иные изменения в созданное ею произведение. Так, например, по свидетельству Храповицкого, в 1787 году, во время южного путешествия в Крым, Екатерина, работая над законом о поединках, заметила: «Мы сами вынули из важнейшего закона об оскорблении величества неразличие слова с преступлением, 482-я статья Наказа». Спустя месяц, уже подъезжая к Киеву, императрица принимается за сопоставление текста Наказа и работ английского правоведа Вильяма Блэкстона и поручает Храповицкому сделать необходимые выписки. Статс-секретарь тогда зафиксировал в дневнике: «Взять Наказ Ком[иссии] уло[жения] для сличения с записками из Блакстона по работе о сенате. Без огня читать неможно. ...приказано взять в дорогу. Тут все интересованы и закон останется навеки. Я сказал: мы сохранить умеем том, счастие всех составляющий. Говорено об утверждении самодержавства, о расправной палате и генеральном суде. <...> Приказано допол-

[13] *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 76–102.

[14] ПСЗ. Т. XVI. 1764. № 12103. С. 670.

нить справками, по сделанным замечаниям, всю выписку из Блакстона»[15].

Несмотря на то что Наказ включает многочисленные заимствования, это самостоятельное произведение со значительными фрагментами оригинального текста, объединенное и авторской мыслью, и авторской ответственностью за содержание. В исследовательской литературе нередко утверждается, что самодержавная императрица лишь «выхолостила» идейный пафос из работ, созданных в предреволюционной Франции[16]. Однако точнее будет сказать, что основные положения разнообразных источников этой знаменитой инструкции адаптированы к реалиям российской действительности. Так, Л. В. Милов, назвавший Наказ «идейной основой позитивной модернизации России в духе "просвещенного абсолютизма"», пишет: «Автор Наказа не скрывает, что текст основан на "Духе законов", однако... это не помешало [ему] провести собственную политико-правовую концепцию. <...> К числу специфических моментов исторической судьбы России Екатерина II справедливо отнесла неизбежность монархического устройства Российского государства как способа самоорганизации общества. Это и есть основной "фундаментальный закон" России, ее "вечное право"»[17]. Действительно, Екатерина до тонкостей прописала свой политический идеал державы, защищенной от внешних врагов и «внутри поддерживаемой крепкими подпорами», «при спокойном царствовании законов» и «под образом правления», утвержденного «всего народа желаниями». Однако это прекрасно организован-

[15] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 23, 27. Кстати заметить, что труд Блэкстона «Commentaries on the laws of England» был по распоряжению императрицы переведен на русский язык и опубликован в типографии, арендуемой Н. И. Новиковым (правда, вышел в свет только первый том четырехтомного издания): Истолкования английских законов г. Блакстона (Переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской; с подлинника английского перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева). М., 1780–1782.

[16] См., например: *Белявский М. Т.* Вопрос о крепостном праве и положение крестьян в Наказе Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 9: История. 1963. № 6. С. 44–63; *Павленко Н. И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 389–427.

[17] История России XVIII–XIX веков. М., 2006. С. 254–256.

ное государственное устройство могло быть обеспечено лишь при концентрации «всей власти, обороняющей все общество, в руках самодержца». Включив в свой Наказ обилие цитат из Монтескье и других просветителей, императрица позаботилась о том, чтобы главный пафос документа был авторским. «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. <...> Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно»[18].

Более того, по мнению ряда исследователей, взгляд Екатерины на Монтескье как на «гения, книги которого служат для блага человечества», а для нее самой являются «молитвенником»[19], не помешал ей перерабатывать идеи просветителя и даже вступать с ним с полемику. Так, английский исследователь Саймон Диксон усматривает в знаменитом постулате Наказа «Россия есть европейская держава» открыто выраженное несогласие императрицы с мыслями Монтескье об «отсталости восточной деспотии», правительницей которой она являлась[20]. В 1766 году Екатерина писала д'Аламберу: «Два уже года мои главные занятия заключаются в переписке и оценке начал президента Монтескье. Я стараюсь понять его и зачеркиваю сегодня то, что находила вчера очень хорошим»[21].

Существующие в исследовательской литературе противоречивые и даже диаметрально противоположные оценки Наказа связаны прежде всего с богатством его тематики, разнообразием функций и множественностью адресатов. Инструкция Екатерины представляла собой объемистый труд, включающий 20 глав, поделенных на 526 статей, к которым прилагались «дополнительные главы к Большому наказу», состоящие из 129 статей, и «Памятная заметка о Наказе». В этом произведении раскрывались принципы организации государства, роль административных механизмов,

[18] Наказ императрицы Екатерины II. С. 62, 38, 3.

[19] Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 29–31.

[20] *Dixon S.* Catherine the Great. London, 2009. P. 171–173.

[21] Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1766 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 131.

основы правовой политики, законодательства, судопроизводства, уголовного права, а также начала сословно-статусного структурирования общества. В Наказе императрица рассчитывала теоретически обосновать необходимость преобразований, дать программу правовой деятельности, подготовить «умы людские к введению лучших законов», укрепить внутренний авторитет самодержавия и одновременно свой благоприятный имидж как в просвещенной Европе, так и в глазах последующих поколений. Подобные цели, с одной стороны, потребовали от нее проигнорировать главные постулаты концепции «естественного права», а также теории происхождения государства как результата «общественного договора» о разделении функций между членами общества и провозгласить нерушимость абсолютизма в России. С другой стороны, Екатерина должна была лишь декларативно заявить о некоторых общепризнанных гуманитарных ценностях, таких, например, как равенство всех граждан перед законом, объективно утопичных в крепостническом обществе.

Эта по-своему драматичная полифункциональность Наказа и дала основания специалистам усматривать в знаменитой инструкции и простую маскировку классовой сущности самодержавия, и воплощение реформационного курса правительства на модернизацию, и законодательную программу политического консерватизма[22]. Единственное, в чем, пожалуй, нельзя упрекнуть автора Наказа, — это в неискренности[23]. В статье 453 Екатерина сама писала: «Надлежит, чтобы в законах видно было везде чистосердечие... надобно им заключать в себе великую добродетель и незлобие»[24]. Российская «законодательница на престоле» действительно была глубоко убеждена, что лучший способ управле-

[22] См., например: *Butler W.* The Nakaz of Catherine the Great // The American Book Collector. 1966. Vol. XVI. № 5. P. 19–21; *Ransel D.* Catherine's Instruction to the Commission on Laws // Slavonic and East European Review. 1972. Vol. L. № 118. P. 10–28; *Федосов И. А.* Абсолютизм // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. С. 7–20 и др.

[23] Впоследствии Екатерина признавалась: «Два года я читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова, последуя единственно уму и сердцу своему с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастия империи» (Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования. Стб. 479).

[24] Наказ императрицы Екатерины II. С. 123.

ния державой заключается в разработке идеальной системы «правильно» составленных законов. Отсюда проистекала решающая роль не просто монарха, а «просвещенного монарха», способного одарить общество теоретическими основами для действенного законотворчества.

При этом Екатерина как опытный тактик не стала заложницей своего Наказа и не превратила государственное строительство в реализацию утопического учения. Она на протяжении всего правления лишь при необходимости актуализировала те или иные положения своей политической программы в распоряжениях и рескриптах. Так, в именном указе от 1772 года, адресованном губернаторам Псковской и Могилевской губерний, присутствовали обстоятельные ссылки на Наказ, включающие цитаты и точное перечисление статей и глав этого документа. В частности, в указе говорилось: «Мы уже единожды навсегда во всей Российской империи области за правило постановили, что в толь великом государстве... весьма бы вредный... был порок, запрещение, или недозволение их различных вер[25] (см. 494, 495 и 496 статьи Наказа Комиссии Уложения 1767 года). ...ныне вам предписуем всех тех жителей, кои присягу верности учинят, оставить при всем том, что каждый правильно имеет. Мы впрочем ссылаемся на V главу Наказа Комиссии Уложения, которая вам довольно объяснит обширное поле сей статьи без дальнего от Нас здесь распространения»[26]. Однако в таких законодательных актах, как сенатский указ «о пребывании крестьянам у своих помещиков в должном повиновении и послушании»; именной указ, данный Сенату, «о запрещении продавать с молот-

[25] Престол, например, всяческн поддерживал переход в греческую церковь *новых подданных* и *иноверцев*. Однако, несмотря на известное косвенное принуждение, проявлявшееся в освобождении «переменивших закон» от налогов, выплате им «повышенных кормовых денег» или «экстраординарных сумм», российский абсолютизм второй половины XVIII века не прибегал к насильственному крещению. Ссылаясь на Наказ, Екатерина напоминала, что «нет подлинно иного средства, кроме [увещевания], которым бы можно всех сих заблудших овец паки привесть к истинному верных стаду» (Наказ императрицы Екатерины II. С. 134; ПСЗ. Т. XXI. № 15263. С. 294. 1781. 19 октября; Т. XXII. № 16176. С. 331–332. 1785. 8 апреля; Т. XXIII. № 17108. С. 410. 1793. 23 марта и др.).

[26] ПСЗ. Т. XIX. 1772. № 13808. С. 508–509. 1772. 25 мая; а также см., например: Там же. 1773. № 14042. С. 831. 1773. 18 сентября.

ка людей без земли»; сенатский указ по высочайше учрежденному докладу «о зачете умерших людей в крепостных работах за рекрут при предбудущих наборах», цитаты из Наказа казались неуместными. Данные документы были лишены отвлеченных рассуждений об «общем благе» и «безопасности каждого гражданина», зачитывались «в праздничные и воскресные дни в селах, в приходских церквах и по торжкам, чтоб никто неведением не отговаривался» и имели отнюдь не рекомендательный характер[27].

Нельзя абсолютно согласиться и с мнением специалистов о том, что «правительство широко пропагандировало» Наказ[28]. Напротив, первоначально Екатерина ограничила круг лиц, которым был доступен текст инструкции, высшим штатом коллегий. При этом нижние канцелярские чины, а также служащие губернских, провинциальных и воеводских канцелярий из списка посвященных исключались: запрещалось делать текст высочайшего проекта публичным не только для «списывания», но даже для «прочтения». Разосланные в 1767 году всего 57 экземпляров надлежало хранить строго «на судейских столах при зерцалах», т. е. рядом с символической трехгранной призмой, на стенках которой воспроизводилось лично написанное Петром I «Зерцало правосудия»[29]. Несколько позже «с предохранением прежних предосторожностей и добавлением таковых» присутствующим всех судебных мест, в том числе и губернских, было предписано «в свободное от текущих дел время, то есть в субботние дни», читать Наказ, однако «находиться при сем» разрешалось только секретарям и протоколистам[30]. Лишь по-

[27] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11678; Т. XIX. № 13634; Т. XXII. № 16465 и др.

[28] *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 83.

[29] См.: *Butler W.* Russia and the Law of Nations in Historical Perspective. L., 2009. P. 91–101.

[30] Указ о рассылке Наказа, данного Уложенной комиссии, в присутственные места для хранения его на судейском столе при зерцале (ПСЗ. Т. XVIII. № 12977. С. 318–319. 1767. 24 сентября); указ о рассылке прибавлений к Наказу Комиссии сочинения проекта нового уложения и о хранении оного в присутственных местах (Там же. № 13092. С. 498. 1768. 28 марта — в этом указе речь также идет о «предосторожностях»); указ о предписании присутствующим всех судебных мест, дабы они по субботам съезжались в присутствие для чтения Наказа (Там же. № 13107. С. 531–532. 1768. 28 апреля). См. также: Собственноручная записка императрицы Екатерины II относительно

степенно число допущенных до законодательной программы императрицы увеличилось, а цитаты из Наказа стали появляться в публицистике, учебниках и даже прописях.

Однако главной «референтной группой» программного труда Екатерины оставались даже не депутаты распущенной через год Уложенной комиссии и не «присутствующие судебных мест», а представители высшей политической элиты России и европейские мыслители. Именно они стали первыми читателями Наказа еще до его первой публикации.

«Мнения» о Наказе

В процессе подготовки «для всех вещей вообще правил» Екатерина выслала д'Аламберу «некую тетрадь, при том же еще неокончен[ную]», надеясь на одобрение философа. Вскоре и Вольтер получил отредактированный французский текст «начал, долженствующих служить основанием наших новых законов»[31]. Дидро, которому также была доставлена копия Наказа, сделал письменные замечания по поводу законодательной программы российской императрицы[32]. Однако больше всего Екатерину интересовало «одобрение тех, для кого [Наказ] был написан»[33]. Сразу после завершения первоначального этапа работы нескольким придворным было поручено прочесть и сделать письменные комментарии к только что переведенному на русский язык и отредактированному самой императрицей тексту. Сохранившиеся «мнения» М. И. Воронцова, А. И. Бибикова, А. П. Сумарокова, В. Г. Баскакова, а также преосвя-

---

рассылки экземпляров «ново-общенародного узаконения» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 56).

[31] См.: Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 29–31; Письмо Екатерины Вольтеру. 1765 // Там же. С. 35.

[32] *Diderot D.* Observations sur le Nakaz, 1774 // Diderot D. Political Writings. Cambridge, 1992. P. 77–165. См. об этом подробнее: *Чечулин Н. Д.* Французский Наказ, отосланный Вольтеру; замечания Дидро на Наказ // Наказ императрицы Екатерины II. С. CXIV–CXXIX, а также: *Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Служба, промысел, работа: к истории слов и понятий // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 123.

[33] Письмо Екатерины Вольтеру. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 35.

щенных Гавриила, Иннокентия и иеромонаха Платона[34] противоречат утверждениям об излишней для той эпохи либеральности законодательного проекта и настороженном отношении к нему «консервативной» политической элиты[35]. Нельзя полностью согласиться и с тем, что все высказанные соображения имели частный характер и не несли принципиально ничего нового ни для императрицы, ни для исследователей истории Наказа. Напротив, представляется, что «мнения» ближайшего окружения Екатерины раскрывают смысл, который вкладывали представители политически активной части общества в такие важные понятия, как *закон*, *самодержец*, *суд*, *правосудие* и т. п. Кроме того, замечания императрицы, сделанные непосредственно в преподнесенных записках, свидетельствуют о ее живом интересе к взглядам подданных, вернее, *знатных подданных* и в то же время содержат важную информацию собственно о правовой концепции Екатерины.

Замечания М. И. Воронцова были выдержаны в стилистике послания на высочайшее имя и подписаны традиционно — «верноподданный и верный раб». Однако славословия и благодарности не заслоняют в этом небольшом документе отчетливые представления канцлера о сущности идеального правопорядка: законы должны быть «прочными», рассчитанными на многие годы, лишенными жестокости, каждому подданному следует гарантировать правосудие, а дворянству, разумеется, «свободу и преимущества». А. И. Бибиков, будущий маршал Уложенной комиссии, напротив, отказался от комплиментарной части и изложил содержание письма строго по пунктам. Помимо демографических проблем, вопросов судопроизводства, а также «рукоделия и торговли» его интересовали и чисто «семиотические аспекты»: «Мнится надобны объяснения, что закон

[34] Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, Василия Баскакова и Александра Сумарокова с собственноручными замечаниями государыни // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 75–87; Отзывы о Наказе преосвященных Гавриила, Иннокентия и иеромонаха Платона // Снегирев И. М. Жизнь митрополита Платона. 2-е изд. Т. 2. М., 1856. С. 116–121; Мнения графа Михаила Воронцова, Василия Баскакова, Александра Сумарокова, Александра Бибикова и Фр. Бемера о законах Екатерины II с собственноручными примечаниями 1765, 1766, 1774 (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8).

[35] См., например: *Соловьев С. М.* Рассказы из русской истории XVIII столетия // Русский вестник. Т. XXXV. С. 319–322.

государственный и что закон гражданский», «Не все пороки политические суть пороки моральные... сие непременно должны знать творцы законов» и т. п. Наиболее детально проработал Наказ Василий Баскаков: рядом со многими из его комментариев Екатерина оставила свои соображения, а в конце послания отметила: «Все его примечания умны». Немаловажно, что Баскаков прекрасно понял смелость подготовленной инструкции и потому счел своим долгом предостеречь императрицу от возможных неправильных толкований: «В последний параграф не соблаговолено ли будет включить, что все намереваемые перемены не надлежит почитать законами, но только приуготовляемыми к оному, чтоб предупредить нестройства и самые смятения в народе от невежества оного»[36]. Показательно, что и граф Никита Панин после предварительного прочтения Наказа заметил: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles»[37].

Несмотря на разные позиции авторов «мнений», представивших свои соображения по поводу Наказа, единую в целом стилистику отзывов нарушало лишь послание А. П. Сумарокова. Многие исследователи усматривали в позиции придворного драматурга и целенаправленную критику, и свидетельство неготовности русского дворянства к некоторым, пусть даже декларативным положениям проекта императрицы[38]. Однако рассуждения Сумарокова и замечания, сделанные непосредственно в том же документе рукою Екатерины, можно назвать, помимо всего прочего, символичным и даже уникальным диалогом поэта и монарха. Не случайно сама императрица пришла к выводу, что «воображение в поэте работает, а связи в мыслях понять ему тяжело... господин Сумароков — хороший поэт, но слишком скоро думает». Как представитель политической элиты Сумароков пишет о правах *сына Отечества*, опасных перспективах отмены крепостничества, изначально существующей сословной структуре общества и соотношении *морального* и *политического закона*. Как поэт он выделяет в тексте Наказа наиболее стилистически удачные пассажи, в качестве веского до-

[36] Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II. С. 75–87.

[37] «Такими правилами можно разрушить здания» (Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования. Стб. 479).

[38] См., например: *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 82.

вода приводит цитаты из своей собственной трагедии «Ярополк и Димиза» и заканчивает послание мыслями о языке законов и «старом нашем складе», «ибо наши предки лучше нас писали, но я себя в число нынешних российских писателей не полагаю». Надо отдать должное императрице: в своих замечаниях она подхватила манеру легкой утонченной беседы двоих просвещенных людей. Ее ответы точны, лаконичны и часто исполнены едкого юмора. По поводу скептического высказывания об авторе «Духа законов» императрица написала: «Многие критиковали Монтескье, не разумея его: я вижу, что я сей жребий с ним разделяю». На позитивный отзыв о статье, посвященной денежному обращению, замечено: «Если только похвальное нашел — всю грамоту *сжечь можно*»[39].

Если императрица и не каждое замечание придворных внесла в корректировку своего произведения, то смело можно утверждать: отреагировала и приняла к сведению она абсолютно все. Не исключено, что известная осторожность Екатерины при обнародовании Наказа была продиктована предостережениями Василия Баскакова «от невыразумления некоторыми прямой силы и намерений предписанных правил» и, соответственно, возможных «предосудительных толков». Обращает на себя внимание воспроизведение мыслей Сумарокова о «слоге Уложения царя Алексея Михайловича», где «чужих слов нет и склад, где вразумителен, там хорош». В статье 457 Наказа так и было сказано: «Слог Уложения блаженной памяти Царя Алексея Михайловича по большей части ясен, прост и краток... никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем внятны и самому посредственному уму»[40].

Однако, как известно, в отличие от Земского собора 1648 года Уложенная комиссия не выполнила своей главной задачи, и кодификации законодательства, а также создания нового уложения не произошло. Так называемое Большое собрание провело с 31 июля 1767 по 12 января 1769 года 203 заседания. Оно обсудило целый ряд законодательных проблем (законы о дворянстве с особым выделением проблем остзейского нобилитета, законы о купечестве и городском населении, о судоустройстве). Обсуждены были во-

[39] Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II. С. 82–87.

[40] Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 78, 87; Наказ императрицы Екатерины II. С. 133.

просы о положении государственных крестьян и положении всего крестьянства. Помимо Большого собрания, в Комиссии работало 15 частных комиссий (государственного права, юстиции, о соотношении воинских и гражданских законов, о городах, о размножении народа, земледелии и домостроительстве, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах и др.). Большое собрание прекратило работу в январе 1769 года, последний протокол № 204 был составлен 8 июля 1770 года. Частные комиссии работали до конца 1771 года. До 1776 года кое-где еще проходили довыборы деутатов. С 1775 до 1796 года Комиссия существовала как чисто бюрократическая инстанция[41].

Можно выдвинуть целый ряд причин, почему столь обстоятельно подготовленное и помпезно открытое общерусское собрание так и оставило империю без уложения. К официальной версии начавшейся войны с Турецкой Портою[42] следует непременно добавить определенную неготовность депутатов к законотворческой деятельности. Помимо различий и даже конфликтности интересов представителей тех или иных социальных групп в Комиссии, существовала еще и внутренняя убежденность каждого подданного в высочайшей прерогативе самодержца. Сторонний взгляд французского посла Сегюра запечатлел лишь внешнее проявление этой особенности менталитета русского общества второй половины XVIII столетия:

[41] См. указы: о роспуске депутатов, кои за выбором в частные комиссии членов остались в большом собрании, впредь до повеления, о производстве жалованья одним только тем депутатам, кои действительно останутся в частных комиссиях, и о выдаче прочим прогонных денег до тех городов, от коих они выбраны (ПСЗ. Т. XVIII. № 13221. С. 793–794. 1768. 29 декабря); об отсрочке заседания в Комиссии о сочинении проекта нового уложения до 1 мая 1772 года (Там же. Т. XIX. № 13740. С. 421. 1772. 17 января); об отсрочке заседания в Комиссии о сочинении проекта нового уложения до 1 ноября (Там же. № 13845. С. 549. 1772. 31 июля); об отсрочке заседания в Комиссии сочинения проекта нового уложения по 1 февраля 1775 года (Там же. № 13893. С. 606. 1772. 26 октября) и др.

[42] Русский историк второй половины XIX века В. И. Сергеевич указывал: «Объяснением войны императрица вовсе не думала воспользоваться как средством для прекращения занятий неугодной ей Комиссии. Война действительно требовала отсрочки заседаний большого собрания. Это ясно из состава Комиссии. Из 160 дворянских депутатов — 92 состояли в военной службе; к ним надо причислить 54 представителя казацких войск, которые также не могли оставаться в Петербурге» (*Сергеевич В. И.* Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 260).

«Собрание депутатов не оправдало тех надежд, которые оно пробудило, потому что члены его большей частью удалялись от цели, предначертанной правительством. Выбранные от Самоедов, дикого племени, подали мнение, замечательное своей простодушной откровенностью. "Мы люди простые, — сказали они, — мы проводим жизнь, пася оленей; мы не нуждаемся в уложении. Установите только законы для наших русских соседей и наших начальников, чтобы они не могли нас притеснять; тогда мы будем довольны, и больше нам ничего не нужно"»[43]. Между тем в данном контексте мнение об абсолютном суверене как единственном источнике любого права уравнивает и далекие северные племена, и образованную элиту, и саму императрицу. С одной стороны, монархия действительно нуждалась в новом, адаптированном к быстроменяющимся политическим обстоятельствам своде законов, но, с другой стороны, созыв Комиссии имел очевидные демонстративные и пропагандистские цели. Может быть, именно поэтому Екатерина сетовала в записке А. И. Бибикову: «Я им велела сделать Российской империи законы, а они делают апологию моим качествам»[44]. Но примерно в то же время императрица признавалась Вольтеру: «Я должна отдать справедливость народу: это превосходная почва, на которой быстро восходит хорошее зерно, но нам необходимы также аксиомы, бесспорно признанные за истинные»[45].

Определенную роль в довольно спешном роспуске Комиссии сыграли и смутные настроения среди частновладельческих крестьян, которые были связаны с бурным обсуждением положения податного сословия и могли спровоцировать серьезные выступления[46]. Однако резонно предположить, что главная причина так и не осуществленной цели Уложенной комиссии заключается в объективной сложности самого предприятия. Во время путешествия по Волге в 1767 году Екатерина делилась своими мыслями с Вольтером: «Законы, о которых столько говорили, в конце концов еще не со-

[43] Записки графа Сегюра. С. 322.

[44] Записка Екатерины II А. И. Бибикову. 1767 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 271.

[45] Письмо Екатерины II Вольтеру. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 35.

[46] Тот же Сегюр писал: «Между тем, вследствие слухов о прениях, крепостные некоторых вельмож, побуждаемые надеждой на свободу, начали во многих местах волноваться» (Записки графа Сегюра. С. 322).

ставлены. <...> Прошу вас представить себе, что эти законы должны служить и Азии, и Европе, какая разница в климате, в людях, привычках, даже мыслях!»[47] Приблизительно те же соображения она высказывала и Никите Панину: «Эта империя совсем особенная, и только здесь можно видеть, что значит огромное предприятие относительно наших законов, и как нынешнее законодательство мало сообразно с состоянием империи вообще»[48].

Тем не менее безрезультатное завершение деятельности Уложенной комиссии не означало еще превращение Наказа в лишенную всякого влияния стилизацию трудов Монтескье и других мыслителей эпохи Просвещения. Инструкция, данная Уложенной комиссии, оказала глубокое влияние на сознание всей политической элиты, однако, как это часто бывает, неожиданное и не контролируемое властью. Императрица с прекраснодушием абсолютного монарха полагала, что «Наказ Комиссии Уложения ввел единство в правила и в рассуждения, не в пример более прежнего: стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах. По крайней мере стали знать волю законодавца и по оной поступать»[49].

Но нередко мыслящая элита воспринимала в Наказе не императив исключительности для России самодержавной формы правления, а просветительские рассуждения об «общем благе» и «равенстве перед законом». Показательно, что анонимный автор рукописи, резко осуждающей императрицу за фаворитизм и войны, развязанные, с его точки зрения, исключительно в угоду тщеславию Потемкина, отдает должное тексту Наказа. Как когда-то Курбский, он разделяет правление Екатерины на период, когда она была окружена «благоразумными и чистосердечными людьми», созывала Комиссию и работала над текстом инструкции, и «черные времена» господства «остроумных любимцев»[50].

---

[47] Письмо Екатерины II Вольтеру. 1767. 29 мая. Казань // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 204.

[48] Письмо Екатерины II Панину Н.И. 1767. 31 мая. Казань // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 206.

[49] Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования // Русский архив. 1865. Кн. I. № 1–6. Стб. 480.

[50] Авторская рукопись политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II. 1794 (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 594. Л. 1–11об).

Провозглашение в Наказе ни к чему не обязывающих гуманитарных ценностей, таких, например, как пагубность телесных наказаний или недопустимость взяток, которые часто были далеки от повседневности, задавало, однако, довольно высокую планку политического сознания образованной части общества. Богатая непредсказуемыми поворотами социальная жизнь крепнущего и расширяющего свои границы государства иногда наделяла вольные просветительские рассуждения Наказа и силой исходящих от престола реальных инструкций, которым должны были следовать государственные чиновники. Наказ, безусловно, будил мысль, и не случайно спустя столетие юный Лев Толстой запишет в дневнике: «18 марта [1847 г.] Я читал Наказ Екатерины и так как дал себе вообще правило, читая всякое серьезное сочинение, обдумывать его и выписывать из него замечательные мысли, я пишу здесь мое мнение о первых шести главах этого замечательного произведения». Интересно, что внимание Толстого привлекла также не официальная политическая доктрина, а соотношение христианской и общественной морали в инструкции: «Начиная свой Наказ Екатерина говорит: [Желание всякого честного человека в государстве состоит в том, чтобы видеть все Отечество свое на самой высшней степени славы]. Это странная несообразность, ибо слава по понятиям христианской религии есть предмет скорее достойный порицания»[51].

Итак, несмотря на всю знаковость и масштабность таких проектов, как Наказ, и таких событий, как Уложенная комиссия, замена обветшавшему сборнику законов 1649 года все же создана не была, а усложняющееся управление империей требовало постоянного обновления законодательной базы и, соответственно, развития принципов законотворчества.

«Здравый смысл» и «предписания естества»

Можно смело утверждать, что правовая политика власти в течение всего царствования Екатерины отличалась следованием *здравому смыслу*, о котором она, еще будучи великой княгиней, писала:

[51] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 46. С. 4–7.

«Признаюсь, что я свободна от предрассудков и от природы ума философского... Когда имеешь на своей стороне истину и разум, разум должен говорить за необходимость; будьте уверены, что он возьмет верх в глазах большинства»[52]. Многочисленные воспоминания, дневники и письма современников дают основание предположить обворожительную прагматику в каждом действии и решении императрицы. Она, по всей видимости, действительно сочетала удивительное женское обаяние и жесткий рационализм профессионального политика. Сегюр однажды заметил в своем журнале пребывания в России: «Дидро сам приезжал в Петербург; Екатерине понравилась в нем живость ума, своеобразность способностей и слога и его живое, быстрое красноречие. <...> "Я долго с ним беседовала, — говорила мне Екатерина, — но более из любопытства, чем с пользою. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство и заменить их несбыточными мечтами"»[53]. Обращает на себя внимание, что целый ряд именных указов Петра III, необходимость в которых объективно назрела, был воспроизведен практически без купюр уже после дворцового переворота, произошедшего 28 июня 1762 года[54]. Так политическая целесообразность и внутренняя ло-

[52] *Екатерина II.* Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты [Особая тетрадь]. С. 626–627.

[53] Записки графа Сегюра. СПб., 1865. С. 413.

[54] Например, практически идентичны тексты указов об отмене Тайной канцелярии и «ненавистного изречения *слово и дело*», изданные дважды — 21 февраля и 19 октября 1762 года (ПСЗ. Т. XV. № 11445. С. 915–918; Т. XVI. № 11687. С. 82–86). См. также сенатский указ «о наблюдении медицинской канцелярии, чтоб доктора и лекари выдавали свидетельства офицерам, оставляющим службу за болезнью, по сущей справедливости» (Там же. № 11408. С. 889. 1762. 18 января), сенатский указ «о предоставлении Герольдии производства дел о повышении чинами» (Там же. № 11409. С. 889. 1762. 18 января), сенатский указ «о непринимании в герольдмейстерской конторе от недорослей из дворян, не бывших в службе, челобитен об увольнении от службы» (Там же. Т. XVIII. № 13087. С. 489. 1768. 24 марта), сенатский указ «о старшинстве чиновников, вступающих в статскую службу из отставки» (Там же. Т. XIX. № 13452. С. 56–57. 1770. 26 апреля), сенатский указ «о предоставлении в сенат для смотра дворян, просящихся за болезнью в отставку с награждением чинов и о приложении отсутствующим из них при прошениях свидетельств об их болезнях» (Там же. Т. XX. № 14325. С. 142. 1775. 19 мая) и др.

гика развития законодательства оказались сильнее личной вражды монархов и ее драматической развязки.

Под *здравым смыслом*, как правило всегда являющимся главным доводом введения того или иного нового закона, понималось следующее: *предписания естества*; *благоразумие*; *лучшее разумение*; *здравая политика*; *выгодные распоряжения*; *усмотрения пользы и разных народов состояний, государственная надобность*; *сходство с благом империи* и т. п.[55] Среди всех этих основополагающих принципов законотворчества выделялись *предписания естества* или «соответствие наилучшему расположению народа, для которого оное учреждено»[56]. Иначе говоря, было общепризнано, что «законы есть право государственное особенное, и каждый народ имеет свое»[57]. Подобное мнение было широко распространено среди образованной элиты. Так, князь М. М. Щербатов в своем рассуждении «О законах» отмечал: «Все законы не могут быть полезны для всякого рода правления; те которые сочиняют благополучие народа в монархии, лишь смущение и беспорядок в республике произведут... то есть: они милосерд[ны] в монархии, мучительны под самовластителем, и строги в республике»[58].

Безусловно, в век Просвещения политическая и образованная элита Европы, к которой, разумеется, принадлежала и Россия как «европейская держава», существовала в едином интеллектуальном пространстве. Как уже отмечалось, императрица и мыслящая дворянская знать были хорошо знакомы с правовой и философской литературой своей эпохи. В бумагах фонда 10 РГАДА «Кабинет Екатерины II» сохранились многочисленные «своеручные» и сделанные секретарями выписки или даже полные копии законодательных актов английского, французского, немецкого и проч.

---

[55] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11718; Т. XVIII. 12950, 12978; Т. XXII. 16407, 17033 и др.

[56] Генерал-прокурорский наказ при Комиссии о составлении проекта нового уложения, по которому и маршалу поступать (Т. XVIII. № 12950. С. 282. 1767. 30 июля).

[57] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 282. 1767. 30 июля..В Наказе императрицы также было сказано: «...надлежит войти в естественное положение сего государства» (Наказ императрицы Екатерины II. С. 2).

[58] ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 31.

происхождения[59]. Так, в материалах, собранных императрицей во время подготовки записки «О преимуществе Императорского Величества», был обнаружен воспроизведенный писарем текст «An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown» (Bill of Rights) 1689 года и французский перевод этого документа[60]. Некоторые выписки из европейских источников, собранные в папке «Рассуждения о семье, обществе и государстве», сохранили собственные замечания Екатерины, характеризующие манеру работы с документами русской императрицы: «Я пометила + то, что может понадобиться»[61].

Тем не менее прекрасное знание европейского законодательства, многочисленные терминологические и даже смысловые заимствования не означали еще готовности российской власти жить в соответствии с правовым и кодификационным опытом соседей. Несмотря на то что в Наказе было сказано: «Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобности, каких он и сам не ожидал»[62], уже в генеральном плане Московского воспитательного дома И. И. Бецкой писал: «Заведения, рассмотренные [Петром Великим] в чужих странах, не имели по его благорассуждению места в таковом государстве, которого установления толь много различались от узаконений всех прочих европейских государств, кои он видел»[63]. В «Уставе купеческого водоходства» также непосредственно заявлялось: «Мы обратили внимание на недостаток узаконений... от коего происходили те неудобства, что во многих случаях принуждены были заимствовать помощь от законов иностранных, часто и несвойственных образу управления и состоянию империи нашей»[64].

Авторы основного объема именных указов — сама императрица и те, кто были ее ближайшими помощниками в тот или

---

[59] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 327, 330, 333, 335.

[60] Там же. Д. 325.

[61] Там же. Д. 86. Л. 1. См. об этом также: *Омельченко О. А.* **«Законная монархия» Екатерины Второй.** С. 326–328.

[62] Наказ императрицы Екатерины II. С. 2–3.

[63] ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 324. 1767. 11 августа.

[64] Там же. Т. XXI. № 15176. С. 157. 1781. 25 июня.

иной период правления: Г. Н. Теплов, И. П. Елагин, Н. И. Панин, И. И. Бецкой, П. В. Завадовский, А. А. Безбородко, А. В. Храповицкий, А. М. Грибовский и др. — исходили прежде всего из собственных представлений о потребностях государственного развития. Екатерина, по всей видимости, и задавала основной тон в реализации этого важнейшего принципа российского законотворчества. В своих записках вездесущий Сегюр пересказал довольно забавный эпизод, связанный с пребыванием в России французского экономиста Пьера Ривьера. Получив приглашение от петербургского престола, этот господин возомнил, что теперь на нем лежит высокая миссия: помочь восточной царице «управлять империею и извлечь [ее] из тьмы невежества». Он поселился в Москве, нанял три смежных дома и над парадными залами прибил броские вывески — *Департамент внутренних дел, Департамент торговли, Департамент юстиции, Департамент финансов* и пр. Московская знать, прослышав, что предприимчивый чудак приглашен самой государыней, поспешила расхватать выгодные места в новоявленных *департаментах*. Императрице пришлось вмешаться лично, чтобы положить конец этой абсурдной ситуации. Спустя несколько лет она вывела в своей комедии «Передняя знатного боярина» образ француза Оранбара — невежды, авантюриста и прожектёра, уверенного, что в России «люди ходят на четвереньках». Приблизительно в это же время она писала Вольтеру: «Г. де ла Ривиер приехал к нам законодателем. Он полагал, что мы ходим на четвереньках, и был так любезен, что потрудился приехать, чтобы учить нас ходить на двух ногах»[65].

Предостерегала императрица и отечественных «законоискусников» от «жалкой тошноты по стороне чужой»[66]. В «Секретнейшем наставлении» князю Вяземскому она писала: «Иной думает — для того, что он был долго в той или другой земле, то везде по политике той его любимой земли все учреждать должно, а все другое без изъятия заслуживает его критику, несмотря на то, что везде вну-

[65] Записки графа Сегюра. СПб., 1865. С. 413. См. также об этом: *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 218, 221–233.

[66] *Грибоедов А. С.* Горе от ума.

треннее распоряжение на нравах жизни основывается»[67]. В свою очередь Екатерина всячески подчеркивала преемственность законодательства ее правления и уважение к порядку, сложившемуся в предыдущие царствования.

Указы императрицы подкреплялись авторитетом прежде всего двух монархов — «нашего деда Петра Первого» и «нашей тетки Елизаветы Петровны»[68]. Разумеется, имя Петра III предавалось забвению, хотя, как уже упоминалось, некоторые манифесты и указы, принятые в его недолгое и довольно нелепое правление, были конфирмованы после восшествия на престол Екатерины. Наиболее величественной была фигура царя-преобразователя, с правления которого, как уже отмечалось, для большинства современников начиналась новая история России. Будучи еще великой княгиней, Екатерина очень серьезно отнеслась к идеологической мотивировке гвардейского переворота, приведшего к власти дочь первого императора: «В начале царствования государыни Елизаветы Петровны издано было повеление управлять все дела по указам родителя ее Петра Великого»[69]. Екатерина считала себя прямой наследницей и продолжательницей дела великого реформатора на престоле[70], воздвигала ему памятники и использовала образ монарха как стабилизирующий и возвышающий фактор своих собственных свершений. В частности, работая над уставом Сенату, она руководствовалась Генеральным регламентом, который считала «одним из лучших уставов Петра». Современники свидетельствуют, что Екатерина всегда носила с собой табакерку с портретом императора и признавалась: «Это для того, чтобы мне спрашивать себя каждую минуту: *что бы он приказал, что бы запретил, что бы сделал, бу-*

---

[67] Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5).

[68] См., например: ПСЗ. Т. XVII. № 12384. С. 120. 1765. 27 апреля и др.

[69] Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования. Стб. 473.

[70] Обмениваясь шутками со знаменитым острословом Вольтером, императрица писала: «Вы меня просите скорее окончить войну и законы, чтоб вы могли сообщить о них Петру Великому на том свете... я вас серьезно прошу отложить это намерение на возможно далекое время. Не огорчайте ваших друзей этого мира из-за любви к тем, которые уже в том» (письмо Екатерины II Вольтеру. 1770. Март // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 410).

дучи на моем месте?»[71] При этом «невозможно было никогда говорить перед нею худо о Петре I»[72].

Часто встречающиеся в указах второй половины XVIII века ссылки на постановления периода правления Петра, Елизаветы Петровны, а также иногда и Анны Иоанновны создавали у подданных ощущение действительной стабильности *непременных законов*. Не случайно князь М.М. Щербатов писал в своих рассуждениях: «Дабы сочинять благие законы надлежит, чтобы тот, кто восхочет предписывать законы, не токмо бы знающ был в древних узаконениях страны, но также бы в истории, дабы не весьма сопротивлялся древним и возмог бы предвидеть (через взятые примеры из истории) какие могут следствия произойти»[73]. Показательно, что именно Щербатов под патронажем Екатерины готовил к изданию документы, входящие в «Кабинет Петра I»[74].

Однако если преобразовательная энергия петровского правления постоянно декларировалась официальными ценностями екатерининского царствования, то жесткость императора, особенно по отношению к высшему сословию[75], и излишняя поспешность в принятии решений молчаливо обходились стороной. Основываясь исключительно на принципах государственной целесообразности, Екатерина чувствовала, что напряжение петровской эпохи спало

---

[71] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского. С. 26. По всей видимости, речь шла о подарке супруги Павла Петровича ко дню ангела, упоминаемом и в дневнике А.В. Храповицкого: «Изволила показывать подаренную табакерку трудов великой княгини, Марии Федоровны: она выточена из кости и на крышке нарисован портрет Петра I» (*Храповицкий А.В.* Памятные записки. С. 235).

[72] См., например: Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского. С. 26.

[73] ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 30.

[74] «При сем имею честь к Вашему Высокородию сообщить, — писал М.М. Щербатов статс-секретарю императрицы Г.В. Козицкому, — сочиненное мною преуведомление с приложением к журналу Петра Великого, которое на ваше рассмотрение предаю» (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1037. Л. 1).

[75] По свидетельству А.В. Храповицкого, императрица однажды заметила: «Петр I не был любим, но его страшились. <...> Я, кажется, сие поправила, не ссылая в ссылку и не казня» (*Храповицкий А.В.* Памятные записки. С. 135). См. также замечание Екатерины о «жестокости» дворянского законодательства Петра (Там же. С. 184).

и нет более необходимости «приохочивать» дворянство к службе и во всем следовать за «политизированной» Европой. Напротив, императрица повышенное внимание уделяла «умствованию» собственных подданных и «подготовке народных настроений» к новым указам.

«Законодательные основания долженствуют управлять людьми»

Наказ Уложенной комиссии предостерегал «от узаконений, с общим народа умствованием не уместным»: «Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа»[76]. Однако, с одной стороны, наименование *народ* в русском языке второй половины XVIII века являлось многозначным понятием, а с другой — сама аудитория российского законодательства рассматриваемого периода также была достаточно неоднородной. Нередко исходящие от престола «узаконения» представляли собой сложные нарративные тексты, как адресованные населению империи, так и учитывающие резонанс в среде европейской политической элиты и даже восприятие последующих поколений. Указы российских просвещенных монархов, помимо императивных и регулирующих функций, определяющих мотивацию подданных, выполняли также и репрезентативные задачи.

В частности, внешнеполитические амбиции усиливающейся империи отразились в нотах европейским дворам[77]; в манифестах, выпущенных в связи с началом войны или заключением мира[78]; в

[76] Наказ императрицы Екатерины II. С. 13.

[77] См., например: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2.

[78] См., например: Манифест о начатии войны с Оттоманскою Портою; Мирный и союзный трактат между Российскою империей и Ханством Крымским; Трактат вечного мира, заключенный между империею Всероссийской и Оттоманскою Портою... и ратифицированный в Константинополе в 13 день января 1775; Манифест о заключении мира с Оттоманскою Портою; Манифест о причинах войны против Швеции (ПСЗ. Т. XVIII. № 13198; Т. XIX. № 13943, 14164; Т. XX. № 14274; Т. XXII. № 16679 и др.).

реляциях российским полномочным министрам; в законодательных актах, обращенных к населению присоединенных территорий[79]; в переводах высочайших «узаконений», в соответствии с существующей политической практикой направляемых правителям других монархий[80] и т. п. В то же время тщеславные правители XVIII века были весьма обеспокоены своей репутацией и в оценках потомков. Так, одному важно было прослыть царем-реформатором, поставившим Россию рядом с «политизированными народами», другая хотела остаться в сознании наследников просвещенной законодательницей и «милосердной государыней». Апелляция власти к этой «идеальной» или воображаемой публике будущего также отразилась на формулировках, символах и ценностях, провозглашаемых в законодательных документах.

Однако, разумеется, и манифесты, и именные указы, и сенатские указы вследствие именных, и сенатские указы вследствие вы-

[79] Высочайшая резолюция на доклад Военной коллегии об объявлении пленных турок и татар, воспринявших греко-российскую веру, вольными людьми; именные указы о принятии под Российскую державу уступленных от Польши провинций, о назначении жителям срока для принятия присяги; о неупотреблении никаких принуждений и насилий при обращении Униатов в Греко-российскую веру; указ о терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий (ПСЗ. Т. XIX. № 13450, 13490, 13850, 13996; Т. XXI. № 15798; Т. XXII. № 16603; Т. XXIII. № 17272, 17290 и др.).

[80] Переводы высочайших указов российских монархов на латынь в начале XVIII века, на немецкий — в 1720–1740 годах и на французский с середины столетия направлялись из Петербурга многим европейским дворам. Эти по-своему уникальные документы российской дипломатии, обнаруженные в архивах Тюбингена, Геттингена, Штутгарта и Парижа, могут также обогатить сравнительно-лексическую характеристику политической терминологии русского языка рассматриваемого периода (см.: Aktenstücke zur Geschichte Rußlands insbesondere der Throbesteigung Katharina's II // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58e (например, заявление петербургского двора о смерти императора Петра III и перевод документа на немецкий язык: Bekanntgabe des Todes Peters III. St. Petersburg 7.7.1762 (Abschrift und Übersetzung des russ. Orginals) // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58e. Bl. 76, 77); Nachlaβ von Baron Georg Thomas von Asch // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 2° Cod. Ms. Asch 236: 1r–14v; Herzog Friedrich Eugen von Württemberg (1732–1797) // Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Sonde Bestände 236. Büschel 134. Urkunden; Attitude politique de la cour de Russie // AF III 79. Dossier № 324/I. Conseil exécutif provisoire et dépêches des agents français).

сочайших резолюций на доклады Сената и т.д. предназначались прежде всего для подданных Российской империи в целом или же отдельных социальных групп и сословий. При этом, несмотря на веру в могущество высочайшей воли, власть прекрасно понимала, что нельзя надеяться на автоматическое выполнение всех обнародованных законов. «Законодательные основания долженствуют управлять людьми», — сказано было в уже приводимом «генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового уложения»[81]. Поэтому основной массив исходящих от престола документов был рассчитан не просто на провозглашение, но и на непосредственную реализацию и потому включал те или иные механизмы воздействия на подданных, без лояльности которых невозможно результативное осуществление высочайших предписаний. В текстах указов косвенно отразились важнейшие каналы влияния на мотивационную сферу личности современников, что было особенно важно в условиях слабости и малочисленности административного аппарата. Обоснование необходимости того или иного нового закона, контекст употребления имен российских монархов прошлых эпох, чей авторитет использовался для аргументации законодательных актов; толкование распоряжений; лексика указов, в том числе начальные строки; использующаяся в подписи титулатура монарха, особенности обращения к подданным и, в частности, официальные наименования высшего сословия — вся эта информация воссоздает сложную систему социального контроля, осуществляемого властью через тексты правовых документов.

Может создаться впечатление, что тональность обращения власти к подданным во второй половине XVIII века несколько смягчается. Петр нередко рассчитывал на эффективность пробуждения чувства страха, используя отнюдь не голословные угрозы «лишения живота и отсечения головы»[82]. Екатерина же постоянно напоминала в указах о «природном Нашем человеколюбии», материнских

[81] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

[82] Так, указ Сенату «о ландратах и наказаниях за преступления против интересов государства» недвусмысленно повелевал: «Сказать во всем государстве (дабы неведением никто не отговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякой пощады казнить смертью, деревни и животы брать. А ежели

«увещеваниях», «монаршей милости и доверенности». «Любовь к Отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений, — говорилось в Наказе, — приложить должно более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями»[83].

Нередко угрозы даже самым «зловредным и бездельным людям», «презрителям Высочайшей воли» приобретают во второй половине XVIII столетия расплывчатые формулировки, лишенные прямого заявления о смертной казни. «Если наше матернее попечение не подействует... мы тогда поступим уже по всей строгости законов, и не минуемо преступники почувствуют всю тяжесть нашего гнева». Перспектива «лишения живота» упоминается обычно лишь в назидание, как мера действенная, но далекая от реального воплощения: «таковые злодеи» «праведно заслуживают достойную себе казнь», да «по милосердию Нашему» пощадим их[84]. Петр на Красной площади рубил головы, несколько десятилетий спустя Екатерина на том же месте и перед зданием Сената в Петербурге будет регулярно устраивать публичные казни «пасквилей» и «вредных сочинений», которые под барабанный бой «при собрании народа» предавались огню[85]. Императрица запретила «бранные и поносные слова» в официальных бумагах[86]. Она подтвердила уничтожение основанной Петром Тайной розыскной канцелярии и самого «ненавистного изражения *слово и дело*», поскольку старание власти «о исправлении нравов» «возымело желаемое действо»[87].

Подобная «просветительская» направленность законодательной политики самодержавия была связана не столько с характером и кругом чтения императрицы, сколько с усложняющимися задачами, встающими перед страной. Престол остро, может быть, более

кто пощадит, тот сам тою казнью казнен будет» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 131).

[83] Наказ императрицы Екатерины II. С. 18–19.

[84] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11687. С. 83. 1762. 19 октября; № 11843. С. 270–271. 1763. 4 июня; и др.

[85] См., например: Там же. Т. XVII. № 12313. С. 11. 1763. 19 января и др.

[86] См., например: Там же. Т. XVI. № 11884. С. 319–320. 1763. 26 июля.

[87] Там же. № 11687. С. 83. 1762. 19 октября.

остро, чем при Петре, нуждался в развитии государственного сознания у подданных и их деятельной поддержке всех мероприятий правительства. Власть призывала к единству и «общему согласию» между «первыми членами в государстве, между средними и самыми малыми людьми», напоминая о печальной истории рухнувшей из-за раздоров Греческой империи[88].

Однако ставка была сделана не на «среднего» или «малого» человека, а на политически активную образованную элиту. Разумеется, власть обычно опирается на высший слой общества, если исключить из данного контекста чрезвычайные ситуации революций и национальных катаклизмов. Тем не менее при Екатерине выверенная продуманная политика в отношении знати находилась в явном диссонансе с разрушением всякого диалога, даже умозрительного и показательного, с большей частью населения.

Указ «о неподавании прошений Ее Императорскому Величеству, минуя надлежащие присутственные места», наглядно демонстрировал рост недосягаемости императорской власти по мере удаления от престола, находящегося на вершине социальной пирамиды. Собственно и решение об уничтожении Тайной розыскной канцелярии было направлено на пресечение жалоб и «затеянных доносов» от «подлых, злых и бездельных людей из солдат, матросов, людей господских, крестьян, бурлаков, фабричных, мастеровых и, одним словом, всякого звания подлых... на своих начальников и господ»[89]. Самодержавие сознательно блокировало появление даже пассивного, исполненного монархических иллюзий, робкого недовольства крестьян в прошениях на высочайшее имя. Власть тем самым неизбежно обрекала себя на искаженное представление о положении основной массы населения, «великого множества несчастнейших в роде человеческом, коих бедственное состояние от Императорского Величества всегда, да и от света по большей части скрыто бывает и которые сами о своей бедности принесть жалобы не в состоянии»[90].

---

[88] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11845. С. 277–278. 1763. 6 июня.

[89] Там же. № 11687. С. 84. 1762. 19 октября.

[90] Доклад И. И. Бецкого об учреждении в Москве Воспитательного дома (Там же. № 11908. С. 345. 1763. 1 сентября).

Императрица не только старалась оградить себя от жалоб «подлых людей», но и сама крайне редко обращалась к ним. Ее указы лишены традиционных для петровского законодательства «толкований»[91]. В начале своего правления монархиня, взявшая власть при живом императоре и наследнике престола, сопровождала свои распоряжения высокопарными описаниями «нашего праведного пред Богом намерения, с каким мы воцарилися»: «...не приобретение сокровищ, которыми паче всех земных нам можно обогатиться, не властолюбие и не иная какая корысть, но истинная любовь к Отечеству... нас побудили принять сие бремя правительства; почему мы... и самую нашу жизнь за Отечество любезное определили, не полагая ничего себе в собственное... но все труды и попечение подъемлем для славы и обогащения народа нашего»[92]. Буквально через несколько месяцев мотивы деятельности императрицы раскрываются уже более скупо, а затем, по мере укрепления трона, и вовсе исчезают из нескончаемого потока именных повелений.

То немногое, что Екатерина считала необходимым довести до сведения всего населения и «объявляла во всенародное известие», часто очень мало походило на обращение матери Отечества, всемилостивейшей государыни к своим подданным. Официальные документы, «печатными в публичных местах прибиваемые и в церквах

[91] Следует заметить, что одни указы императора действительно были писаны как будто кнутом, но в других иногда прорывались исторические экскурсы, искренние человеческие интонации и исповедальные признания царственной персоны. «Посмотря на Духовный чин и видя в нем много нестроения, не суетный на совести нашей возымели мы страх, — сказано в манифесте к Регламенту или Уставу Духовной Коллегии, — да не явимся неблагодарны Вышнему... [если] пренебрежем исправление чина Духовного» (ПСЗ. Т. VI. № 3718. С. 314. 1721. 25 января). А в Манифесте «об отрешении от наследия Его Царского Величества перворожденного сына царевича Алексея Петровича» чувствовалась не утихающая боль Петра за будущее страны, в которую он вложил столько труда и сил, «здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего» (Там же. Т. V. № 3151. С. 535. 1718. 3 февраля). Отдельные фрагменты этого манифеста по тональности напоминают частную переписку. Так, несколькими годами ранее Петр признавался жене: «...зело тяжело жить, ибо я левшею не умею владеть, а в одной правой руке принужден держать шпагу и перо. А помощников сколько, сама знаешь» (Письмо Петра I Екатерине. 1712. Август // Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. 12. Вып. 2. (Июль-декабрь 1712 г.). С. 36).

[92] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11616. С. 22. 1762. 18 июля.

прочитываемые листами во всех провинциях Империи Ее Императорского Величества», касались, как правило, «строго наблюдения исправности платежа подушного сбора», «употребления присылаемых от помещика для смирения крепостных людей в тяжкую работу», «отсылки в Сибирь не добровольно возвращающихся из Польши и Литвы беглецов и зачета крепостных людей владельцам их за рекрут» и т. п.[93] В целом ко второй половине XVIII столетия обращение власти к податному населению становится более опосредованным, формальным и наконец практически пресекается. Диалог же с высшим сословием приобретает особую интенсивность, целенаправленно выстраивается и переходит на страницы весьма обширного дворянского законодательства, которое не просто очерчивало круг обязанностей и привилегий высшего сословия, но и задавало тип «идеального благородного подданного», т. е. имело и регламентирующее, и воспитательное назначение.

«Уведываю мысли просвещенной части народа»

«Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности. <...> Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить». Данный тезис Наказа, в известной мере определивший принципы законотворчества власти, реализовался прежде всего по отношению к политической и образованной элите, собственно и обеспечивающей функционирование всей государственной машины. Показательно, что наиболее разработанной сферой права во второй половине XVIII века стало так называемое дворянское законодательство, определяющее социальную жизнь высшего сословия. Законы, связанные с различными аспектами государственной службы, очерчивали круг обязанностей и привилегий дворянства, а также устанавливали критерии формирования его иерархической структуры. К подобного рода правовым актам можно отнести об-

[93] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11678. С. 75–76. 1762. 8 октября.

разцы присяг, приносимых военными и гражданскими лицами, а также вступающими в службу, повышаемыми в чине и т. д.[94]; указы, регулирующие порядок смотров, продвижения по чиновной лестнице, систему отпусков и отставок, получение из Герольдии сведений о принадлежности чиновника к «благородному сословию», предоставление в Сенат списков произведенных в офицеры, акты, основанные на доносах об уклоняющихся от службы, и т. д.[95] Достаточно продуманная система воздействия на сознание представителей дворянского сословия просматривается в инструкциях об исправлении самых различных должностей; в законодательно закрепленных реестрах «радетельных трудов» и соответствующих им поощрений, в описаниях подвигов и отличий, за которые полагался тот или иной орден[96], в указах о награждениях и пожалованиях[97].

---

[94] См., например: «генеральная присяга на чины» с текстом клятвенного обещания, «инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам», содержащая текст присяги определенных к межевым делам, указ «о приводе к присяге вступающих в службу и повышаемых чинами по указу 12 ноября 1721» и др. (ПСЗ. Т. XVI. № 11601; Т. XVII. № 12659; Т. XXIII. № 17203 и др.).

[95] См., например: указ «о наблюдении Медицинской канцелярии, чтоб доктора и лекари выдавали свидетельства офицерам, оставляющим службу за болезнью, по сущей справедливости»; указ «о непринимании в герольдмейстерской конторе от недорослей из дворян, не бывших в службе, челобитен об увольнении от службы, сенатский указ о старшинстве чиновников, вступающих в статскую службу из отставки», указ «о требовании в присутственные места о дворянских фамилиях свидетельств от Герольдии, а не от Разрядного архива» и т. д. (Там же. Т. XV. № 11408; Т. XVIII. № 13087; Т. XIX. № 13452, 13577 и др.).

[96] См., например: указ «об удержании судей и чиновников от лихоимства»; указ «об означении в представлениях сенату прилежания, искусства и успехов в делах рекомендуемых чиновников»; указ «об аттестовании командующим генералам подчиненных им штаб- и обер-офицеров к получению военного ордена Св. Георгия»; манифест «об учреждении ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира»; указ «об описании в представлениях в Правительствующий Сенат присылаемых об удостоении чиновников к награждению орденом Св. Владимира всех подвигов, подающих причину к получению оного ордена» (Там же. Т. XVI. № 11616; Т. XX. № 14443; Т. XXI. № 15515, 15524; Т. XXII. № 16501; Т. XXIII. № 16830, 16941, 17299, 17306, 17308 и др.).

[97] См., например: указ «о наградах, пожалованных генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому за подвиги его против польских мятежников»; указ, данный генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому «о пожаловании золотых знаков всем бывшим на штурме Прагском штаб и обер-офицерам» (Там же. № 17286–17287).

Тактика «подготовки умов» к «введению лучших законов», а точнее — к их «ревностному исполнению», может быть отчасти восстановлена по высказываниям самой императрицы. Так, статс-секретарь Екатерины В. С. Попов уже после ее смерти в письме к Александру I воспроизвел примечательные рассуждения просвещенной монархини об искусстве правовой политики абсолютизма. «Дело шло о неограниченной власти... Я говорил с удивлением о том слепом повиновении, с которым воля ее повсюду была исполняема... "Это не так легко, как ты думаешь, изволила она сказать. — Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению; ты сам знаешь, с какой осмотрительностью, с какой осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведываю мысли просвещенной части народа и по тому заключаю, какое действие указ мой произвесть должен. И когда уже наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной"»[98].

Однако «уведать мысли» даже только «просвещенной части народа» и тем более просчитать возможную реакцию и последствия принятого закона было делом совсем непростым, особенно в обстановке придворных интриг, лести ближайшего окружения и борьбы различных партий у подножия престола. Еще в юности великая княгиня Екатерина Алексеевна мечтала «установить, чтобы из лести мне высказывали правду; даже царедворец подчинится этому, когда увидит, что вы ее любите и что это путь к милости». Там же, в «Мыслях из особой тетради», будущая императрица записала: «Дело, которое наиболее сопряжено с неудобством, — это составление какого-нибудь нового закона. Нельзя внести в это достаточно обдуманности и осторожности; единственное сред-

[98] Письмо В. С. Попова императору Александру об императрице Екатерине II и ее правительственных приемах // Шильдер Н. К. Император Александр Первый. СПб., 1904. Т. 1. С. 279–280. Показательно, что на вопрос Фонвизина об особенностях русского национального характера Екатерина ответила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных» (см.: *Гольцев В. А.* Законодательство и нравы в России XVIII века. СПб., 1896. С. 106–107).

ство к достижению того, чтобы быть осведомленным о хорошей или дурной стороне того, что вы хотите постановить, это велеть распространить слух о том на рынке, и велеть точно известить вас о том, что говорят; но кто скажет вам, какие выйдут отсюда последствия в будущем?»[99] В дневнике Храповицкого своеобразным рефреном идут упоминания о постоянных вопросах Екатерины по поводу реакций на тот или иной указ[100]. Грибовский, занимающий должность статс-секретаря в последние годы жизни императрицы, также отмечал ее стремление к достоверной информации об отношении политической элиты к существующим и издаваемым законам. «При сем я сказал: — пишет Грибовский, — "Кроме Сената и в других местах... существуют в производстве дел неудобства и затруднения". — "Я очень бы желала видеть эти неудобства и эти затруднения, о которых ты мне так смело изволишь говорить"»[101].

Понимание «народных умствований» или, точнее, настроений дворянской элиты при подготовке текстов указов или манифестов включало целый ряд политических тонкостей, которым Екатерина старалась следовать в своей правовой деятельности. Так, она была убеждена, что в сознании населения необходимо поддерживать уважение к «фундаментальным» законам, воплощающим в конечном итоге незыблемость высочайшей воли. «Остерегайтесь, по возможности, издать, а потом отменить свой закон, — писала она, — это означает вашу нерассудительность и слабость и лишает вас доверия народа, разве это будет только закон временный; в этом случае я желала бы заранее объявить его таковым и обозначить в нем, если возможно, основания и время, или, по крайней мере, обозначить в нем срок в несколько лет, по истечении которых можно было бы его возобновить или уничтожить»[102]. Вера в закон

---

[99] *Екатерина II.* Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты [Особая тетрадь]. С. 629.

[100] Так, в апреле 1788 года было записано: «Спрашивали о действии рескрипта [по винокуренным делам]; отвечал, что приняли с чувствительностью — мое мнение?» (*Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 56).

[101] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского. С. 16.

[102] *Екатерина II.* Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты [Особая тетрадь]. С. 629.

должна была, по мнению императрицы, поддерживаться и признанием самой властью силы и стабильности своих постановлений. В 1782 году Екатерина, вспоминая драматичные дни начала войны с Турцией, обратила внимание Храповицкого на предложение Никиты Панина увеличить вдвое поборы с Лифляндии и Эстляндии. Тогда она заметила канцлеру, что «ненадобно ни с кого незаконно требовать, а что законно, то и дать должно»[103].

Иногда, особенно в начале правления императрицы, осознающей шаткость своего положения после дворцового переворота, общественное мнение оказывалось решающим обстоятельством в вопросе принятия или отклонения законопроекта. Так, сохранились сведения, что летом 1762 года Сенат единогласно проголосовал за разрешение евреям селиться в России. Однако Екатерина только что взошла на престол, мотивируя смену власти высокой миссией защиты православной веры. «Она имела дело с набожным народом... умы находились в сильном брожении. Начать с одобрения подобного проекта не представлялось средством успокоения и... дело было отложено до другого времени»[104].

Когда умный и прямолинейный Баскаков в своих замечаниях по поводу текста Наказа наивно вопрошал «как далеко последовать обязан законодавец умствованию народа... ибо слепо следовать сему почитаю неудобным», Екатерина на полях рукописи снисходительно заметила: «Это лучше чувствовать можно, нежели сказать, понеже от одного правдивого рассудка зависит»[105].

Здравый смысл, интуиция политика и, осмелюсь заметить, женская проницательность подсказывали императрице, что знание «мыслей просвещенной части народа» необходимо не только для достижения эффекта «слепого повиновения». Хорошо известно, что крупнейшие государственные деятели екатерининского правления постоянно должны были представлять свои «мнения», «замечания», «пункты», «записки» на высочайшие законопроекты. Так, сохранился текст «"Примечания" Петра Панина на "Учрежде-

---

[103] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 3.

[104] Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 6. С. 412–414.

[105] Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 3об; см. не совсем точную и полную публикацию этих материалов: Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 78).

ние" для управления губерниями», где он, в частности, писал: «Всенижайше возвращаю следующее здесь учреждение для управления губерни[ями] Всероссийской империи, полученное мною со всемилостивейшею от Ее Императорского Величества доверенностью к моему прочтению, с объявлением высочайшего монаршего повеления, что Ее Величеству угодно будет получить мои на оное примечания»[106].

Немаловажно, что Екатерина текст одного и того же готовящегося к изданию закона давала для прочтения нескольким придворным. В 1789 году, работая над дворянским законодательством и просматривая проект Храповицкого, императрица заметила: «То же возражение сделал граф Никита Иванович Панин. — Je savais profiter des avis de mes ennemis aussi bien, que de mes amis»[107]. Более того, динамичное социальное и политическое развитие русского общества во второй половине XVIII века заставило власть превратить трудоемкую задачу адаптации законодательства к быстро меняющейся действительности в обязанность правительственных учреждений, и прежде всего Сената. Всем департаментам поручалось через генерал-прокурора информировать престол об отсутствии точного закона по тому или иному делу, сопровождая обращение развернутыми мнениями самих чиновников[108]. Сенатской канцелярии также было предписано «в случае недостатка в узаконениях по зрелому уважению государственной пользы доносить нашему Императорскому Величеству»[109]. Эпоха масштабных реформ и обширных завоеваний требовала большой политической гибкости,

[106] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 162. Л. 84–87. См. также, например: Записка Н. И. Панина Екатерине II о преобразовании Сената и других судебных мест, с приложением проекта Манифеста о новой схеме организации Сената. 1762–1763 (Там же. Д. 114. Л. 1–3об) и др.

[107] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 184. (Я умела использовать как мнения врагов, так и мнения друзей. — *фр.*) Другой статс-секретарь Екатерины А. М. Грибовский также вспоминал: «Я представил Ее Величеству замечания мои на Генеральный регламент, которые в каждые почти послеобеда во все время пребывания государыни в Царском Селе в 1796 году я пред нею читал и которые в полной мере удостоены были всемилостивейшего одобрения» (Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского. С. 17).

[108] ПСЗ. Т. XVI. № 11989. С. 462. 1763. 15 декабря.

[109] Там же. Т. XXII. № 16642. С. 1085. 1788. 7 апреля.

смелости в принятии решений и высокого профессионализма. Так власть вплотную столкнулась с необходимостью развития правового образования и формирования штата опытных юристов.

Законодатели, законотолкователи и законоискусники

Характерно, что в русском языке XVIII столетия существовало множество понятий с корнем «закон», в которых были зафиксированы различные аспекты правовой деятельности и роль тех или иных лиц в сфере законотворчества[110]. *Законодателем* или иногда *законоположником* в области политики и управления государством[111] единодушно признавался Петр[112], идеал *законодательницы* или соответственно *законоположницы* современники связывали с образом Екатерины II. День рождения императрицы 22 апреля 1778 был отмечен в Московском университете лекцией по истории права С. Е. Десницкого, в которой он заявлял: «Мы не должны... предпочитать Юстиниана наш[ему] приснопамятн[ому] законодател[ю] Петру Великому и преславнейшей законоположнице Екатерине II»[113]. Сходная лексика преобладала в работах других профессоров: Семен Зыбелин заявлял о ревностной преданности подданных своей «обладательнице и законоположнице»,

[110] См., например: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. СПб., 1995. С. 244–251.

[111] Разумеется, когда речь шла о духовном *законе* в высоком значении *завет*, звучали имена Иисуса и Моисея.

[112] Алексей Михайлович, в чье правление было составлено и принято знаменитое Уложение 1649, после грандиозных реформ начала XVIII века в качестве великого *законодателя* упоминался значительно реже, чем первый император.

[113] *Десницкий С. Е.* Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах... М., 1778. С. 10. В другой своей лекции, опубликованной практически сразу после прочтения, профессор назвал Петра «законоположником и просветителем России» (*Десницкий С. Е.* Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 1. С. 257–267).

а А. А. Прокопович-Антонский превозносил их «благоденствие под правлением премудрой законодательницы»[114]. Однако и в лекциях профессуры, и в политических памфлетах образованной дворянской элиты панегирическая стилистика соседствовала с критическим осмыслением понятия *законодатель* и *законоположник*. Так М. М. Щербатов различал *мудрых законодавцев* и авторов *худых законов*. Он с едкой иронией отмечал повальное стремление к законотворчеству, охватившее в его дни всех правителей и придворных. «Мало есть монархов или деспотов, которые не предпри[н]яли бы законодавцами учиниться... много есть временщиков, сенаторов или вождей народа, которые бы [не] предполагали сочинить некоторые законы». По мнению саркастически настроенного князя, большинство этих так называемых законодателей часто думают лишь о собственной славе, «и имея великое мнение о самих себе... не размышляя, сочиняют законы, которые сочинение несчастии[я] народа, и самого потомства их». В то же время Щербатов полагал, что «никакое сообщество не может без некоторых правил или законов»[115]. Иначе говоря, благополучие государства и даже его безопасность напрямую зависят от гибкой, тщательно продуманной правовой системы, которая определяется не прихотью правителя, а объективными реалиями.

Таким образом, русские монархи XVIII столетия для сохранения собственной власти были жизненно заинтересованы как в укреплении собственного престижа «великих законодателей», так и в развитии *науки законов, законоучения* или *законоискусства*[116]. Еще в 1733 году Василий Татищев писал: «Должно нам не только законы божественные... и граждански[е] своего Отечества знать, но и силу законодавца внятно и благоразумно разуметь и по оным поступать. Сия наука именуется законоучение»[117]. Соответственно, в русском языке рассматриваемого периода наряду с поняти-

[114] *Зыбелин С.* Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней... М., 1773. С. 32; *Прокопович-Антонский А. А.* Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории... М., 1791. С. 4.

[115] Рукописи историка Щербатова, полученные П. И. Бартеневым у А. П. Заблоцкого. 1785–1790 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 30об.

[116] См., например: ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 283. 1767. 30 июля.

[117] *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 78.

ем *законодатель* существовали понятия: *законотолкователь, законоведец, законознатель, законоискусник* и т. д.[118] Не случайно за авансценой жарких дебатов многочисленных депутатов Уложенной комиссии находились четыре человека, «самых искуснейших юриспрудентов под званием консультантов»[119]. Эти специалисты, именуемые «учеными», подчинялись исключительно генерал-прокурору[120], имели жалованье и должны были «разбир[ать] случаи и исследова[ть] одного ли рода суть законы, которые друг другу кажется противоречат». Более того, «в тяжелых материях» этим «законоискусникам» следовало обращаться в университет, Академию наук и юриспруденский класс Кадетского корпуса[121].

Манифест об «учреждении при Кадетском сухопутном корпусе и Московском университете классов российской юриспруденции» был обнародован еще в 1763 году[122]. Основные принципы и цели подготовки *законотолкователей* и *законоискусников* в этих учебных заведениях, а также некоторые законодательные акты, художественные и публицистические произведения позволяют прояснить смысловое наполнение данных понятий в русском языке XVIII столетия[123]. В манифесте о развитии правового образования

---

[118] См., например: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. СПб., 1995. С. 244–251.

[119] Среди «консультантов» был специально приглашенный из Франции адвокат Шарль де Вилье и правовед С. Е. Десницкий (см.: *Florovsky A.* Un legiste français au service de la tsarina Catherine II // Revue historique du droit français et etranger. 1924. P. 515–531; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 140; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 270).

[120] В. А. Томсинов резонно полагает, что в 1768 году С. Е. Десницкий написал свое первое крупное сочинение «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» именно по поручению генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, который был в это время и президентом Уложенной комиссии (см.: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010. С. 149).

[121] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 283. 1767. 30 июля.

[122] Там же. Т. XVI. № 11989. С. 462–468. 1763. 15 декабря.

[123] В задачи данной работы не входит всесторонний анализ развития юридического образования в рассматриваемый период (см. об этом, например: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России. С. 121–212). Как уже указывалось, речь идет о воссоздании реалий социальной жизни русского общества с помощью анализа такого многозначного и ключевого понятия, как *закон*.

говорилось, что во всех правительственных учреждениях служат юнкеры, выпускники учрежденной при Сенате школы, малосведущие, не знающие юриспруденции и умеющие лишь вести «письменные канцелярские дела по повытьям». Школу приказано было закрыть, а всех юнкеров, «кои по летам своим обучаться могут, распределить, кои дворяне в Кадетские корпусы, а не из дворян в Московский университет»[124]. По сложившейся традиции 25 ноября 1782 года в день тезоименитства императрицы профессор юридического факультета Московского университета Ф. Г. Баузе произнес на латыни «Речь о юриспруденции, в которой излагается и разъясняется смысл юридической профессии». Правовед говорил о «тщедушном знании крючкотворцев» и принципиальном отличии *повытчика* от *законоискусника*. Одни из них «считают себя достаточно учеными, если держат в памяти слова законов, не понимая смысла их, если в суде могут на них *сослаться* (по прекрасному их выражению)», другие «стараются только склонять законы то в ту, то в другую сторону». Эти *подьячие* опираются на «беспорядочную груду формул, повыдерганны[х] из сокращений, и заставляют грубую чернь дивиться грубому их знанию»[125].

Приблизительно в то же время рассказчик из знаменитого путешествия А. Н. Радищева встретил на почтовом стане Подберезье молодого семинариста, сетующего, что в редком суде найдется хотя бы «один член понимающий, что есть юриспруденция или законоучение»[126]. Печальные наблюдения «человеческой лени и праздности» во «вседневной практике» сделал и Никита Панин. В проекте реформы Сената и создания Императорского совета при монархе канцлер, в частности, писал, что «каждый сенатор и всякий судья... почитает [свою должность] довольно исполненную, когда в надлежащие дни бывает в присутствии... на собственное же рассмотрение законов... конечно ни часа особливого в сути не употребляет»[127].

---

[124] ПСЗ. Т. XVI. № 11989. С. 462–468. 1763. 15 декабря.

[125] *Баузе Ф. Г.* Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae in Universitate litteraria Mosquensiadeundae causa dicta D. XXV. Nov. M., 1782.

[126] *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 259.

[127] Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 202–209.

Таким образом, наиболее мыслящие современники понимали, что искусство истинного *законника* заключается не в «пышных словах и других уловках»[128], а формируется в процессе «долговременного чтения, учения и упражнения»[129]. Соответственно, *законотолкователь* обязан был получить как фундаментальные знания, так и практические навыки. Показательно, что по новому уставу Кадетского корпуса предписывалось «учредить судебное место для подчиненных корпусу чинов», а на должность аудитора выбирать наиболее способных кадетов, которые будут вести дела под руководством профессора юриспруденции. Другим кадетам полагалось также находиться на слушаниях «для лучшего спознания в практике, [чтобы они] всеми случаями могли пользоваться и получать потребные сведения»[130].

От придворных *законоискусников*, на которых возлагалась большая ответственность подготовки текстов указов, кроме того, требовались способности к словесности и одновременно чувство стиля законодательных документов. Примечательно, что более десятка статей Наказа, специально посвященных «слогу законов», были авторскими и выражали склонность Екатерины к здравому смыслу точных формулировок. «Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех, и при том очень коротко... Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими, наполнены: они сделаны для людей посредственного разума, равномерным образом как и для остроумных. <...> Надлежит убегать выражений витиеватых, гордых или пышных и не прибавлять в

[128] *Баузе Ф. Г.* Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae.

[129] *Десницкий С. Е.* Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства. С. 26. Профессор также писал: «Для совершенствования российского законоучения непременно надобны в юридическом факультете профессор один теоретического законоискусства российского, а другой — практического» (Там же. С. 38).

[130] ПСЗ. Т. XVII. № 12741. С. 972–973. 1766. 11 сентября. Профессор Московского университета З. А. Горюшкин превращал свои лекции в театральный спектакль: учебная аудитория объявлялась им залом судебного заседания, из студентов избирались основные участники судебного процесса — судьи, секретари, обвиняемые. См. об этом: *Томсинов В. А.* Русский законоискусник Захар Аникеевич Горюшкин (1748–1821) // Закон. 2009. № 6. С. 241–249.

составлении закона ни одного слова лишнего»[131]. Записки статс-секретарей императрицы также подтверждают, что она очень ценила четкость изложения и выверенную структуру официальных текстов. «Поднес бумаги по придворной комиссии, — вспоминал А. В. Храповицкий, — выслушан доклад. Объявлено высочайшее благоволение за труд и ясность»[132].

Некоторые замечания, сделанные в мемуарах, письмах, дневниках придворных, свидетельствуют, что между сановниками существовало негласное, но всеми признаваемое стремление достичь превосходства в мастерстве составления указов и особенно манифестов[133]. Более того, репутация государственного деятеля русского века Просвещения и в глазах современников, и в сознании потомков была тесно связана с талантом *законоискусника*, а также умением точно и метко выразить позицию власти в исходящих от престола документах[134]. Адъютант Потемкина М. А. Гарновский воспроизвел в своем донесении любопытный диалог с А. А. Безбородко по поводу манифеста «о войне противу Оттоманской Порты», подготовленного 7 сентября 1787 года сенатором Петром Ва-

[131] Наказ императрицы Екатерины II. С. 122–125.

[132] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 67–68.

[133] В данном контексте интересны штрихи из воспоминаний Д. В. Волкова, секретаря Конференции, главного государственного учреждения при Елизавете Петровне. После смерти императрицы Волков подумывал об отставке, но его намерения не поддерживал И. И. Шувалов, еще сохраняющий свое влияние. В качестве главного аргумента фаворит покойной монархини выдвинул следующий тезис: «Без [вас] на случай и манифеста написать будет некому» (*Волков Д. В.* Автобиографические заметки // Русская старина. 1874. Т. 11. № 11. С. 480).

[134] Счастливый талант витиеватым казенным слогом составить указ, доклад или реляцию иногда определял карьеру чиновника и очень часто заключал в себе весь смысл его служебной деятельности. Л. Н. Толстой точно вывел подобный типаж высокопоставленного бюрократа, который существовал уже в XVIII веке. «Билибин был... еще молодой человек, но уже немолодой дипломат... Он работал одинаково хорошо, в чем бы ни состояла сущность работы. Его интересовал не вопрос "зачем?", а вопрос "как?". В чем состояло дипломатическое дело, ему было все равно; но составить искусно, метко и изящно циркуляр, меморандум или донесение — в этом он находил большое удовольствие». Не случайно пребывающий в небольших чинах Молчалин изо всех сил пытался подражать образцовому слогу Фомы Фомича, который благодаря своему подьяческому мастерству удержался в начальниках отделения при трех министрах.

сильевичем Завадовским. «На сих днях спорил я с известным вам человеком о манифесте. "Манифест написан чрезвычайно и бесподобно хорошо", — сказал он. А я доказывал, что в нем есть ошибки даже в словах, например, в речи: "увенчать коварство наглостию" — слово "увенчать" употреблено некстати; 2-е: "затеи не суть дела, а дела не затеи". Сие ему крайне не полюбилося. "Можно ли, да знаете ли вы, что это Петр Васильевич писал?" — сказал он. Он почитает Петра Васильевича красноречивее Златоуста, а дерзнувшего противоречить сему признает достойным предану быть смерти»[135]. В действительности же истинным «Златоустом» российского законодательства единодушно и сейчас считается сам Александр Андреевич Безбородко. Статс-секретарь императрицы А. М. Грибовский так отзывался о «цветущем и благозвучном слоге писанных графом манифестов»: «Слог его был прост, но силен; в сих сочинениях видна была обширность его превосходительного ума и глубокость сведений во всех частях, и из всех тогдашних вельмож он один писал четко и правильно по-русски»[136].

Здесь уместно будет отдать должное самой русской императрице, которая сумела соединить принадлежащие ей по сану полномочия *законодателя* и заслуженную репутацию *законоискусника*. В начале правления Екатерина, еще не совсем уверенная в достаточном владении языком своих подданных, полагалась при составлении текстов указов на секретарей[137], и прежде всего на Г. Н. Теплова[138]. Но со временем ее рука становилась все более уверенной,

---

[135] *Гарновский М. А.* Записки Михаила Гарновского. 1786–1790 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 3. С. 475. Манифест был опубликован 9 сентября 1787 года, и формулировки, вызывающие сомнение Гарновского, сохранены. «Дабы еще увенчать коварство наглостию в последний раз призвала Порта нашего министра: тут предложила ему новые и самые неприязненные требования...» (ПСЗ. Т. XXII. № 16567. С. 883–888. 1787. 7 сентября).

[136] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского. С. 13.

[137] О. А. Омельченко пишет, что «Екатерина увлекалась государственными замыслами, законопроектами, трактатами... была незаурядным литератором, даже драматургом, отдавала дань животворному поэтическому настроению души в особой поэзии государствования» (*Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 323).

[138] Кстати заметить, что Г. Н. Теплов был воспитанником главного идеолога петровского правления Феофана Прокоповича.

и авторство важнейших законодательных актов последних десятилетий XVIII века принадлежит именно высочайшей особе[139].

Слог императрицы на русском языке отличался почти тезисной лаконичностью, а манера изложения отсекала любые, не относящиеся к теме рассуждения. Можно предположить, что Екатерина по-своему оценила исполненные живого чувства многочисленные *толкования* указов начала столетия, адресованные «неразумным» подданным, состоящим сплошь из «детей неученых, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают»[140]. «Чего ради без сомнения надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, — писала она в Наказе, — чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона. Воинский устав наполнен подобными примерами, которым удобно можно последовать». Однако в отношении собственного законодательства императрица настороженно относилась к *толкованиям*. «Должно поступать весьма осторожно в сих изъяснениях. <...> Если пишущий законы хочет в них изобразить причину, побудившую к изданию некоторых, то должно, чтобы причина та была сего достойна... чтоб легко можно было понять вещь, законом установляемую»[141].

Разумеется, власть заботилась о ясности слога правовых документов как залоге четкого и неукоснительного их исполнения. Однако в приглушенном недовольстве дворянских фрондеров улавливался иной смысл. Щербатов, например, не имел никакого сомнения, что «законы должны быть писаны слогом кратким, внятным и не двояко знаменующим». Но при этом князь полагал эту затею утопической, поскольку «лукавство сердца человеческо-

---

[139] При этом Екатерина брала на себя полную ответственность за содержание и форму всех указов, издаваемых при ее правлении. Достаточно привести несколько выдержек из дневника А. В. Храповицкого. «Поутру подписан указ по делу князей Долгоруких моего сочинения; при докладе все объяснял, обосторонние представлял причины. <...> Сегодня, однако ж, носил опять переправленный указ, который при повторении вчерашней мысли подписан. <...> Сама читать изволила сенатские доклады и составить формулу грамоты для дачи дворянам, коих род внесен в губернскую родословную книгу...» (*Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 51, 57, 73 и др.).

[140] См.: ПСЗ. Т. VII. № 4345. С. 150. 1723. 5 ноября.

[141] Наказ императрицы Екатерины II. С. 122.

го есть толь велико, что тщетно употреблять все способы к написанию законов без двоякозаменования, поврежденные духом все найдут некоторые для утверждения их неправосудия». Единственную панацею от изначально существующей возможности вольной трактовки закона Щербатов видел в публичности верховного суда и ежегодной публикации «подлинниками все[х] дел, которые были в нем решены», чтобы «подданные... не опасались по единому закону быть оправданы в одном деле, а обвинены другом»[142].

Однако, пока «законодатели» и «законоискусники» оттачивали мастерство слога, стихия реальности захлестывала все правильные и выверенные идеи развивающейся юриспруденции. Главным импульсом для развития права становился казус, а главной фигурой Полного собрания законов — бедный дворянин, купец и беглый крестьянин.

[142] Рукописи историка Щербатова, полученные П. И. Бартеневым у А. П. Заблоцкого. 1785–1790 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 31.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И ЗАКОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: КАЗУС В РУССКОМ ПРАВЕ

«Приключения, в свете бывающие»

Как уже отмечалось, повседневность подданного Российской империи регулировалась *уставами, инструкциями, наставлениями, регламентами* и т. п. Лавина обрушивающихся на население империи нормативных документов тем не менее не останавливала, а, напротив, иногда провоцировала встречный поток челобитных, прошений и апелляций. Кроме того, вертикаль абсолютистского государства принуждала провинциальные канцелярии направлять в центр многочисленные экстракты разбираемых дел. Указы, регламентирующие рассмотрение поступающих с мест бумаг, дают возможность воссоздать процесс появления в ПСЗ многочисленных историй из жизни населения империи, которые дали импульс новым законам. Прошения, доклады, рапорты, материалы следствий принимались секретарем экспедиции, который и должен был емко изложить обстоятельства происшествия. Задача эта была не из легких, предполагала способность к обобщению, словесное мастерство[1] и кропотливую работу. Требовалось в случае необходимости запросить нужные документы в губернии, подготовить и представить дело в Сенате, а также написать краткие «мемории» лично императрице, которые каждый день должны были ложиться на ее стол[2]. При этом нельзя было допустить появления на заседа-

[1] Материалы ПСЗ часто свидетельствуют о профессионализме этих канцеляристов, которые оставили далеко позади уровень переписчиков, неспособных, подобно герою «Шинели», «переменить глаголы из первого лица в третье».

[2] См.: сенатский указ «об удовлетворении присутственных мест требуемыми справками по поступившим в Сенат апелляционным делам» (Т. XVI. № 11941. 1763. 30 сентября. С. 391); именной указ, объявленный генерал-проку-

ниях «как доныне было» всех участников конфликта. Можно лишь вообразить, какое количество ссор и скандалов избежал Сенат, разрешая теперь присутствовать на чтениях только одному лицу[3]. Принимать решение следовало «по правам и точному разуму законов». «Если же по какому делу точного закона не будет», а случалось это нередко, то генерал-прокурору надлежало все бумаги с сенаторскими мнениями представить императрице[4]. Тогда-то и начиналось *законотворчество* в самодержавном Российском государстве. Приблизительно таким путем жизненная ситуация какой-нибудь Натальи Алексеевой дочери лейб-гвардии капитана поручика Вагнера жены и камергерши Дарьи Матвеевой дочери Лялиной из Новгородского уезда превращалась в апелляцию, затем экстракт, потом меморию[5] и, наконец, становилась законом, которому должно было следовать все население империи.

В названии и преамбуле таких казусных актов обычно содержится информация о причинах и обстоятельствах возникновения того или иного постановления. Нередко указы начинаются с изложения донесений, петиций, планов, рапортов и даже челобитных[6]. По текстам этих документов можно уловить определенную закономерность появления в них сюжетных историй и жанровых зарисовок. Во-первых, законодательство второй половины XVIII века

ром Глебовым, «о подаче из Сената Ее Императорскому Величеству ежедневно меморий о решении дел» (XVI. № 11839. С. 267–268. 1763. 2 июня; см. также: Т. XVI. № 11620, 11806).

[3] Именной указ, состоявшийся в Сенате «о бытии в Сенате при слушании апелляционных дел по одному члену из тех мест, откуда те дела взяты будут» (Т. XVI. № 11726. С. 132. 1762. 17 декабря).

[4] Манифест «о постановлении штатов разным Присутственным местам...» (Т. XVI. № 11989. С. 462–468. 1763. 15 декабря).

[5] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11941. С. 391. 1763. 30 сентября.

[6] См., например, сенатский указ о «недопущении в Сенат по Малороссийский делам поверенными, не имеющими шляхетской собственности», изданный на основе челобитных полковницы Катерины Битяговской, есаулины Анастасии Лукашевичевой и сержанта Николая Капниста (ПСЗ. Т. XX. № 14363. С. 1201. 1775. 3 сентября), или сенатский указ по высочайше утвержденному докладу о прощении поручика Петрова, приговоренного Сенатом к наказанию за наглое нападение на смотрителя корчемств Мясоедова и за причиненные ему и команде его побои (Там же. Т. XVIII. № 13088. С. 489–490. 1768. 26 марта).

содержало описание из ряда вон выходящих, не предусмотренных никакими инструкциями случаев, требующих детального анализа и правовой регламентации. Во-вторых, подробно воспроизводились часто обыденные, но запутанные ситуации, решение по которым принимал Сенат. Данные указы должны были сопровождаться высочайшей резолюцией «быть по сему», и, следовательно, изложенные в них обстоятельства становились своеобразной аргументацией представленной на подпись мемории. Наконец, часть подробно пересказанных дел касалась проступков, за которые неотвратимо следовало наказание, нередко облегчаемое по распоряжению императрицы. Данные истории носили назидательный характер и были призваны продемонстрировать как незавидную судьбу нарушающих закон, так и «монаршее милосердие».

Запечатленная в указах пульсирующая повседневность обнажает проблемы, которые особенно волновали подданных, населяющих громадную империю, в том числе и представителей верхушки общества. Русский дворянин второй половины XVIII столетия принадлежал одновременно к служилому сословию, которым дворянство оставалось и после Манифеста о вольности[7], и к сословию помещиков. Соответственно, вопросы службы, ее тягот и привилегий, а также земле- и душевладения занимали его больше всего. Жанровые зарисовки, попавшие на страницы ПСЗ, вписываются в контекст жизни всего высшего сословия, которая была строго регламентирована законами.

Дворянская привилегия служить

Именные и сенатские указы, регламентирующие порядок службы высшего сословия, сохраняли однотипное содержание и неизменную идеологическую направленность на протяжении всего царствования Екатерины, и до, и после издания Жалованной грамоты

[7] См. об этом: *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999; *Марасинова Е. Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33; *Она же.* Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М., 2008. С. 203–225.

дворянству. Манифест о вольности упоминался в этих документах особенно часто в начале правления императрицы, но ссылки на него можно обнаружить вплоть до указов 90-х годов. Однако обстоятельства, при которых подтверждалась свобода высшего сословия, свидетельствовали о пропагандистском желании власти продемонстрировать свою стабильную приверженность закону и о завуалированном, но весьма эффективном ограничении этой привилегии дворянства[8]. Постановления, регламентирующие служебную карьеру того или иного представителя высшего сословия, дают осязаемый материал для понимания противоречивого соотношения содержания *манифестов* и реализующих их положения *указов*.

«Правительствующий Сенат в общем для всех департаментов собрании» обратился к Манифесту, когда некий 52-летний актуариус Николай Васильев из Кашинской воеводской канцелярии подал прошение об отставке и пенсионе. Этот прилежный чиновник с самой положительной аттестацией не принадлежал, однако, по своему рождению к высшему сословию, и потому последовало распоряжение — «как состоявшимся в 1762 году февраля 18 указом, вольность и свобода в службе, сколь долго кто быть пожелает, пожалована единственно российскому дворянству», производить «увольнения чиновников в отставку только по совершенной неспособности к службе, если они произошли из разночинцев»[9].

Наиболее часто в Екатерининском законодательстве фигурировало не собственно право высшего сословия на свободу от обязательной государственной службы, а сформулированные в Манифесте пункты, регламентирующие и ограничивающие это право в реальной жизненной практике. Главное положение Манифеста о «вольности службу продолжать» ни разу не цитировалось в указах последней трети XVIII века, зато пояснения, так или иначе препятствующие отстранению дворянина от дел, приводились весьма ча-

[8] Манифест о вольности дворянства фигурировал в Екатерининском законодательстве также и потому, что аргументация прошений об отставках мотивировалась не только состоянием здоровья, старостью, но также усиливалась законным правом высшего сословия на свободу от обязательного характера государственной службы.

[9] ПСЗ. Т. XVII. № 12535. С. 472. 1765. 30 декабря.

сто. Так, сенатский указ от 17 августа 1783 года, связанный с просьбой об отставке новгородского землемера Борисова, генеральное межевание приравнивал практически к военным действиям. «По указу же 1762 года о вольности дворянству, — говорилось в документе, — служащим дворянам, ни во время кампании, ни прежде оной начатия за три месяца увольнения просить запрещено». Это положение Манифеста трансформировалось в резкое ограничение для всех землемеров из дворян возможности выйти в отставку — отныне они могли надеяться на прекращение дел лишь «по окончании летнего времени и прежде наступления весны»[10]. В 1792 году в указе из Военной коллегии был полностью приведен 8-й пункт Манифеста о вольности, в соответствии с которым «находящихся ныне в нашей военной службе дворян в солдатах и прочих нижних чинах менее обер-офицера, кои не дослужились офицерства, не отставлять, разве кто более 12 лет службу продолжал, то таковые получают увольнение»[11].

На протяжении всего своего правления Екатерина стремилась поставить под строгий контроль систему награждения более высоким чином лишь при первой отставке. 23 апреля 1795 года вышел указ, из которого следовало, что стареющая монархиня самолично просматривает доклады Сената, содержащие списки представленных к повышению в связи с отстранением от дел. Так, высочайшего внимания была удостоена скромная персона «бывшего в новгородском северском верховном земском суде председателем надворного советника Петра Иваненко», которому все же удалось при вторичной отставке получить чин секунд-майора. Секунд-майором Иваненко, по всей видимости, остался, но всем присутственным местам, губернским и наместническим правлениям было приказано иметь сведения о службе, а также «порядочно и верно» составленные списки тех, кто «из отставки или из находящихся не у дел принимается к месту». Дворяне, которые позволили себе вос-

[10] Ср.: ПСЗ. Т. XV. № 11444. С. 914. 1762. 18 февраля; Т. XXIII. № 17073. С. 361. 1792. Без числа, сентябрь.

[11] Там же. Т. XXI. № 15817. С. 994–995. 1783. 17 августа. Однако и при отсутствии так называемых «кампаний» уйти дворянину со службы нельзя было сразу после подачи прошения. Для начала необходимо было «сдать по порядку должность свою» (Там же. Т. XXIII. № 17415. С. 842. 1795. 7 декабря).

пользоваться правами, зафиксированными в Манифесте и Жалованной грамоте, отныне при возвращении на службу должны были представлять «подлинные увольнительные указы, паспорта или аттестаты»[12].

Дворянину с его привилегией свободы от обязательной службы трудно было не только удалиться от дел, но даже получить отпуск. В 1775 году был опубликован сенатский указ, позволяющий отпускать чиновников не более чем на 29 дней, «а кто попросит больше сего или об отсрочке, о таких представлять Сенату»[13]. В 1790 году губернаторам и наместническим правлениям было предписано «уведомлять казенные палаты о чиновниках, увольняемых в отпуска, с показанием, кто явился на срок и кто не явился». Этот сенатский указ стал следствием печальной истории председателя казенной палаты Новгород-Северского Иосифа Туманского. По донесению губернского прокурора Юзефовича экспедиция о государственных расходах тщательно проверила даты отпусков и свидетельства о болезнях Туманского за последние 6 лет. В результате комиссия пришла к выводу, что «к удостоверению о болезненных припадках одних лекарских аттестатов не довольно, а надобно, чтоб всякого такого, кто будучи в отпуску занеможет, свидетельствовало болезнь губернское правление»[14]. В 1791 году последовал новый сенатский указ «о недавании отпусков чиновникам, которые, быв уволены в назначенное время, сим не воспользовались»[15].

Дворянское достоинство напрямую связывалось с чинами и царской милостью. Власть стремилась всячески усиливать и поддерживать сословный гонор, основанный на привилегии «знатной службы», в том числе и в сознании бедного дворянства[16], чей

[12] ПСЗ. Т. XXIII. № 17321. С. 688–690. 1795. 23 апреля. См. также: Т. XXIII. № 16946. С. 215–216. 1791. 19 февраля.

[13] Там же. Т. XX. № 14272. С. 79. 1775. 16 марта. См. также: Т. XXI. № 15464. С. 705. 1782. 11 июля.

[14] Там же. Т. XXIII. № 16827. С. 104. 1790. 9 января.

[15] Там же. № 17002. С. 284. 1791. 9 декабря.

[16] См., например: именной указ, данный правящему должность новгородского и тверского генерал-губернатора Архарову «об определении в военную службу из дворянских фамилий, упражняющихся по недостатку своему в хлебопашестве»; сенатский указ «о запрещении дворянам записываться в гильдии и пользоваться выгодами, присвоенными одним купцам»; указ из

образ жизни мало отличался от образа жизни однодворца[17]. Так, в 1771 году в Сенат поступило доношение предводителя дворянства города Пронска подполковника артиллерии Степана Тютчева. Из доношения следовало, что на собрание, где решался вопрос о «раскладке жребиев к поставке рекрут», явилось ни много ни мало 200 дворянских недорослей, которые «усердно желали вступить в службу Ее Императорского Величества», однако не имели для этой цели «ни платья, ни обуви». Пронские помещики были вовсе не против определить обнищавших дворян в солдаты. Однако Сенат запретил «знатным пребывать в низких званиях и незнатую отправлять службу». Московскому губернатору было предписано «дворянских детей за усердие их к службе похвалять, но чтоб, с одной стороны, сохранить по данной вольности указной порядок, а, с другой стороны, подать оным недорослям... помощь» следовало «на казенном коште» отправить неимущих молодых людей для распределения в гвардию. Всем прочим губернаторам приказывалось также «определять в службу» детей из бедных дворянских семей[18]. В 1788 году выяснилось, что в Тверской и Новгородской губерниях «живут целыми селениями дворянские фамилии, кои по недостатку своему, не имея за собой крестьян, упражняются сами в хлебопашестве, а при том ведая ревность и [у]сердие, свойственное всему благородному дворянству российскому к военной службе... пожелают посвятить себя службе нашей в нынешнюю войну» про-

---

Военной коллегии «о принимании в военную службу недорослей из дворян по точной силе полковничьей инструкции и других предписаний, и о недопущении в оную однодворцев и прочих разночинцев без надлежащих справок» (ПСЗ. Т. XXI. № 15500. С. 660–661. 1782. Август; Т. XXII. № 16680. С. 1083. 1788. 1 июля; Т. XXIII. № 16914. С. 175–181. 1790. 26 октября).

[17] В частности, А. Т. Болотов писал не только о сходстве быта бедного дворянина и однодворца, но даже указывал на условность социальной грани между этими двумя группами. «При нынешнем переборе дворян, весьма многие однодворцы, бывшие в древности дворянами, получили опять свое дворянское достоинство, а особливо род Чернопятовых в Крапивенском уезде. Они просили Сенат, и сей представлял обо всем государыне; и она решила сие дело и возвратила им опять дворянство» (*Болотов А. Т.* Памятник протекших времен, или краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875. С. 41).

[18] ПСЗ. Т. XIX. № 13743. С. 426. 1772. 17 января. См. также: № 14188. С. 1020–1024. 1774. 15 сентября.

тив шведской короны. Всех этих дворян именным указом полагалось определить в гвардейские полки[19].

Жесткая законодательная регламентация службы привилегированного сословия породила огромное количество частных бумаг, которые оседали в семейных архивах. Тщательно хранимое собрание документов двух поколений дворян Ивановых предстает типичным досье офицеров русской армии, каких были тысячи. Отец, Василий Афанасьевич Иванов, родился в 1752 году в дворянской семье, имеющей 200 душ крепостных. Десяти лет был записан ротным писарем в Астраханский гренадерский полк, в двадцать дослужился до поручика, затем стал ротмистром, потом секунд-майором. Характерно, что в формулярном списке полное отождествление человека и статуса передается и терминологически: в 1772 году полковой квартирмейстер Иванов был «переименован» поручиком. В этом чине он участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов, штурмовал Перекоп и Евпаторию, затем подавлял восстание Пугачева. В отставку вышел уже премьер-майором в 1788 году «за болезнями». Уже в 1791 году Иванов был избран предводителем дворянства Новомиргородского уезда Екатеринославской губернии, а затем в 1799 году и всей Херсонской губернии, отличился при заготовлении провианта и фуража для Молдавской армии в 1810 году и в 1811-м был отставлен от всех дел в чине коллежского советника.

«Беспорочная служба» Иванова была отмечена орденом Св. Анны 2-й степени, за который, как было положено на основании Капитула императорских российских орденов 1797 года, он внес 60 рублей на богоугодные заведения, о чем и получил письменное извещение. Победу над Наполеоном он встретил уже на седьмом десятке и потому вошел в число «старейшин семейств» Херсонской губернии, награжденных «бронзовою на Владимирской ленте медалью». Эту медаль следовало хранить потомкам, «яко знак оказанных предками их незабвенных заслуг Отечеству». Действительно, Василий Афанасьевич в это время уже имел взрослого сына Петра, который в будущем аккуратно сложит все грамоты о назначениях, повышениях в чине, награждениях и отставках,

[19] ПСЗ. Т. XXII. № 16680. С. 1083. 1788. 1 июля.

извещения, аттестаты, свидетельства, подтверждения дворянского достоинства, формулярные списки и прочие бумаги в отдельную папку и озаглавит ее «Документы о службе родителя моего». Чиновная биография самого Петра также обрастет огромным количеством бумаг, которые вплоть до правления Николая I сохранят не только свою стилистику, но и единый шаблон. Как сразу после опубликования Манифеста о вольности дворянства, так и приближаясь к его 100-летнему юбилею, власть будет настоятельно требовать «ревностной прилежности», «всемилостивейше жаловать верноподданных чинами» и вручать неизменные «формулярные списки о службе и достоинстве»[20].

Пожалования, отпуска, повышения, абшиды, отставки — вся эта рутинная повседневность служащего дворянина неразрывно переплеталась с заботами дворянина-помещика, которые также регламентировались законом и порождали новые многочисленные указы. Реформа местного управления, учреждение губерний, открытие наместничеств и определение их штатов не столь глубоко затронули жизненные интересы дворянства. Между тем размеренный быт владельцев имений был потрясен до основания Генеральным межеванием, сам болезненный процесс которого породил множество указов.

Страсти по межеванию

Генеральное межевание проводилось в интересах дворянства и в конечном итоге укрепило землевладельческие права высшего сословия. Екатерина еще в начале правления пообещала «помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять», поскольку искренне верила, что «благосостояние государства... требует, чтоб все и каждый при своих благонажитых имениях и правостях сохраняем был, так и напротив того, чтоб никто не выступал из

[20] Library of Congress. Manuscript division. DC. 23. Collection 184: Volga Province — Russia [now: Kherson [Ukraine: Province)]. Container 1. Этот по-своему уникальный семейный архив, документы которого отражают нелегкий путь многолетней службы, отмеченной вехами наград и повышений, насчитывает более 200 единиц хранения, находится в рукописном отделе Библиотеки Конгресса США и заслуживает дальнейшего детального изучения.

пределов своего звания и должности»[21]. Императрица предоставила дворянам огромный фонд государственных земель (примерно 50 миллионов десятин), самовольно захваченных помещиками в предшествующий период. Безвозмездную передачу дворянам присвоенных ими земель Екатерина пыталась представить в виде награды за быстрое и «полюбовное» установление границ владений[22].

Однако, несмотря на усилия власти, межевание помещичьих имений, а также территорий, принадлежащих крестьянским общинам, городам, церквям и другим собственникам земли, всколыхнуло все население. Споры, тяжбы, судебные процессы не утихали, и практически несколько раз в год издавались указы, предписывающие населению «оказывать безмолвное повиновение и всякую учтивость» землемерам. Это постоянное воспроизведение одного и того же требования свидетельствовало лишь о том, что оно игнорировалось. И действительно, в целом ряде законов последней трети XVIII столетия речь идет о «своевольстве, наглости, сопротивлении, криках, драках, повреждении межевых признаков»[23]. В двух сенатских указах от 10 марта и 9 сентября 1771 года в назидание всем приводился случай с ратманом Рузской ратуши Стрелковым и рузскими купцами, которые землемера Старкова до межевания не допускали. За что купцы были «публично наказаны на теле», а ратман Стрелков отрешен от присутствия, лишен судейского звания и оштрафован на 200 рублей[24].

---

[21] См.: именной указ «о прощении вышедших из повиновения помещичьих крестьян, если принесут раскаяние в винах своих, о наказании рассевателей ложных слухов, выведших крестьян из повиновения» (ПСЗ. Т. XVI. № 11593. С. 10–11. 1762. 3 июля).

[22] См. об этом: *Иванов П. И.* Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846; *Герман И. Е.* История русского межевания. М., 1914; *Рудин С. Д.* Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет 19 сентября 1765 г. Пг., 1915; *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965; *Aust M.* Adlige Landsstreitigkeiten in Rußland: Eine Studie zum Wandel der Nachbarschaftsverhältnisse 1676–1796. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Band 60. Wiesbaden, 2003.

[23] См., например: сенатский указ «о начатии генерального межевания в Юрьевско-Польской, в Переяславско-Рязанской, в Углицкой и Переславско-Залесской провинциях» (ПСЗ. Т. XIX. № 13576. С. 234–236. 1771. 4 марта).

[24] Сенатский указ «о нечинении препятствий землемерам при межевании земель» (Там же. № 13579. С. 238–239. 1771. 10 марта); сенатский указ «о нечи-

В текстах указов нередко отражались дела по челобитью, скапливавшиеся в Межевой канцелярии и Межевой экспедиции Сената и подробно описывавшие не только драки с землемерами, но и тяжбы между помещиками. Так жена подполковника Самарина более 10 лет пыталась отвоевать у секунд-майора фон Менгдена казенные пустоши Московского уезда Потравинную, Елчановую и Масловую. Эти спорные земли первоначально были проданы ей, потом Менгдену, а при разбирательстве оказались на оброке за асессором Зиновьевым. Выяснилось, что Самариной удалось купить пустоши с помощью Чередина, секретаря Межевой канцелярии, которому она показала лишь часть принадлежавших ей казенных земель. Об этом Менгден немедленно написал донос и челобитную, Самарина и аккредитованный от нее поверенный в долгу не остались и также подали апелляции. Дело обрастало бумагами, новыми подробностями, все более запутывалось, и можно лишь представить, какими любезностями обменивались Самарина и Менгден на протяжении этих 10 лет. В итоге пустоши, на которых Самарина успела построить сукновальню и мельницу, остались за ней, а остальное досталось секунд-майору. Межевой канцелярии приказано было составлять точные планы, рассматривать дела с большой подробностью и в случае необходимости обращаться в государственные архивы, которые тоже следовало содержать в совершенном порядке. История тяжбы подполковничьей жены Самариной и секунд-майора фон Менгдена вошла в Полное собрание законов Российской империи и полностью была изложена в сенатском указе от 3 октября 1777 года «о сочинении планов с надлежащею верностью, о наблюдении, чтоб границы дач на них означаемы были сходно с прикосновенными дачами, о строжайшем смотрении за исправностью планов при свидетельстве оных в чертежной»[25].

нении находящимся при генеральном межевании землемерам в произведении порученного им межевания никаких непослушаний и противностей» (ПСЗ. Т. XIX. № 13654. С. 310–311. 1771. 9 сентября). См. также: *Шарф К.* Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 375–430.

[25] ПСЗ. Т. XX. № 14657. С. 560–563. 1777. 3 октября.

Разыгрывались драмы не только вокруг смежных имений и пустошей, но и заселенных казенных земель, границы которых часто можно было определить лишь на основании старинных писцовых «дач». Так, в 1777 году межевая контора Тверского наместничества, обобщив рапорты и планы землемеров, обратилась в Межевую канцелярию и далее в Межевую экспедицию Сената по поводу земли, записанной за Коллегией экономии в Вышневолоцком уезде, на которую претендовали генерал-интендант Лаптев, полковник и надворный советник Березин, контр-адмирала Ирицкого жена и поручик Ирицкий[26]. На основании предписаний Межевой канцелярии тверской конторе следовало «уничтожить от владельцев споры», часть земель оставить за дворянами, а часть за казенными крестьянами, при этом всем помещикам выдать компенсацию. Однако в Твери не торопились с выплатами и для перестраховки запрашивали в центре специального на то указа. Межевой экспедиции пришлось напоминать, что еще в 1769 году разгорелись споры между дворцовыми крестьянами и помещиками в Новгородской губернии, которые следовало урегулировать на основании изданного тогда высочайшего распоряжения[27]. В новом сенатском указе были изложены все обстоятельства, касающиеся тверской тяжбы, и сформулированы новые уточнения по поводу выдачи денег за заселенные казенными крестьянами земли. Так жена контр-адмирала Ирицкого, генерал-интендант Лаптев и иже с ними, а также бывшие дворцовые крестьяне Вышневолоцкого уезда Тверского наместничества стали персонажами Полного собрания законов Российской империи и своими ожесточенными спорами внесли уточнения в регламенты и указы.

Генеральное межевание, эта всеимперская грандиозная кампания, потребовала мобилизации огромного количества чиновников, которые на основании детально разработанных инструкций должны были составлять планы отдельных земельных «дач» в масштабе 100 саженей в дюйме (1:8400), которые затем сводились в генеральные уездные планы в масштабе 1 верста в дюйме (1:42 000).

---

[26] ПСЗ. Т. XX. № 14616. С. 529–530. 1777. 29 мая.

[27] Высочайше утвержденный доклад Межевой экспедиции Сената Главной дворцовой канцелярии (Там же. Т. XVIII. № 13355. С. 987–989. 1769. 15 сентября).

К каждому плану необходимо было приложить полевую записку землемера, полевой журнал и межевую книгу. Должности землемера и чертежника считались очень ответственными, исполнение их приравнивалось к службе во время военных действий, предполагало экзамен, принесение присяги и получение паспорта.

Карьеры землемеров и составителей генеральных планов складывались по-разному, некоторые, наиболее поучительные, попадали на страницы ПСЗ. Неоднократно в указах и высочайше утвержденных докладах возникала фигура некоего полковника Дьякова. Началось с того, что составленные им, а также Московской губернской межевой канцелярией карты Серпуховского уезда были представлены в Межевую экспедицию Сената в 1770 году. План Межевой канцелярии оказался крайне небрежным, «с погрешностями и несправностями», которые в дальнейшем неизбежно породили бы споры и тяжбы. Было очевидно, что директор чертежной инженер-майор Горихвостов «совсем надлежащего смотрения и в верности планов наблюдения не имел». Напротив, карты, начерченные под руководством Дьякова, были выполнены гораздо тщательнее и, что особенно важно, давались в цвете. Эта история и была воспроизведена в сенатском указе «об означении красками на всех уездных и специальных планах: селений, межей, дорог и всей ситуации»[28]. Через год Дьяков благополучно занял пост директора чертежной, сменив незадачливого инженер-майора Горихвостова[29], а в 1777 году уже в чине статского советника упоминался в сенатском указе как директор чертежной Смоленского и Новгородского наместничеств[30]. Совсем по-другому сложилась судьба землемера Калужского наместничества Редькина, который план по Новосильскому уезду не составил, в должности появлялся редко, всегда в нетрезвом состоянии, а потом вообще исчез. В Межевой

[28] ПСЗ. Т. XIX. № 13440. С. 42–43. 1770. 30 марта.

[29] Сенатский указ «о снятии уездных планов с надлежащею верностью и о включении в экономические журналы замечаний о древних курганах, развалинах, пещерах, островах и других признаках» (Там же. № 13593. С. 263–264. 1771. 9 апреля).

[30] Сенатский указ о перемещении уездных землемеров к Генеральному межеванию, а состоящих при Генеральном межевании в уездные (Там же. Т. XX. № 14587. С. 502–503. 1777. 25 февраля).

канцелярии его поджидали, чтобы «за невоздержанное состояние» из землемеров исключить и дать самый нелицеприятный аттестат, о чем и был отправлен рапорт в Межевую экспедицию Сената. Делом чрезвычайно заинтересовались и, учитывая государственную важность Генерального межевания, издали закон «о воспрещении Межевой канцелярии, чтобы она уездных землемеров не отрешала сама собою без указа из Межевой экспедиции»[31].

Страсти по межеванию не утихали более столетия, инициировав тем самым сотни новых указов. Однако наиболее распространенными сюжетами, попавшими на страницы Полного собрания законов, стали не драки с землемерами и не тяжбы с соседом-помещиком, а самые разнообразные случаи взяточничества и лихоимства.

«Богомерзкое мздоимство» и курьез с откупами

Непререкаемой государственной ценностью в России века Просвещения был «благоразумный государственный порядок», «недреманное наблюдение целости всего Отечества» и «законное правосудие», не помраченное «ни душевредным коварством, ни лихоимством богомерзким»[32]. Комплексный анализ законодательных источников позволил воспроизвести идеальный для власти образ служащего дворянина второй половины XVIII века[33]. Аб-

[31] ПСЗ. Т. XX. № 14638. С. 544–545. 1777. 8 августа.

[32] См., например: Там же. Т. XVI. № 11582. С. 3. 1762. 28 июня; № 11687. С. 85. 1762. 19 октября; Т. XVII. № 12306. С. 6–7. 1765. 12 января; № 12413. С. 161. 1765. 7 июня и др.

[33] Так, например, Устав благочиния включал несколько десятков пунктов, в которых перечислялись «качества определенного к благочинию начальства и правила его должности». Регламент служащих Управы благочиния представлял собой странную смесь евангельских заповедей и обязанностей полицейских, которым, в частности, предписывалось — «веди слепого, дай кровлю неимущему, напой жаждущего… блажен, кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подними ее». В том же документе от каждого частного пристава требовалось ежедневно представлять рапорт о тех, «кто приведен, или задержан под стражею», и «о том учинить решительное положение прежде иных дел» (Там же. Т. XXI. № 15379. С. 461–465. 1782. 8 апреля). См. обстоятельные исследования этой проблемы, касающиеся, в частности, и

солютизм требовал от представителей высшего сословия «исполнения повелений начальников без отмены малейшей», «точного нелицемерного отправления должности», «радения». Особенно власть предостерегала от *взяток*, *лихоимства* и *корыстолюбия*[34]. Манифест от 28 июня 1762 года «О вступлении на престол Императрицы Екатерины II» содержал типовую форму «клятвенного обещания», в соответствии с которым все подданные торжественно присягали «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться», «поступать, как доброму и верному Ее Императорского Величества рабу»[35]. Чиновникам и судьям предписывалось воздерживаться от *лихоимства* и помнить, что они служат «Богу, монарху и Отечеству, а не чреву своему». Взывая к «обличенной совести», власть напоминала всем *мздоимцам* как о «суде Всевышнего», так и о «собственном гневе и отмщении»[36].

Казуальное законодательство екатерининского правления подробно воспроизводило многочисленные инциденты неправомерных поборов. Сведения о взятках появлялись в указах почти каждый месяц, что говорит о повсеместном распространении этого служебного порока и в столицах, и в провинции.

Не прошло и месяца после вступления императрицы на престол, а при дворе стало известно от князя Михаила Дашкова, что по дороге из Москвы в Петербург останавливался он в Новгороде и обнаружил вопиющие факты лихоимства. Регистратор губернской канцелярии Яков Ренбер брал деньги с каждого, кто присягал на

более раннего периода: *Редин Д. А.* Должностная преступность в петровской России: отношение современников // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и Раннее новое время: Сб. ст. памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 837–846; *Hartley J.* Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s. Basingstoke, UK, 2000. P. 48–64.

[34] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 12118. С. 693. 1764. 30 марта; Т. XVII. № 12570. С. 560–579. 1766. 15 февраля; Т. XX. № 14392. С. 229–277. 1775. 7 ноября; Т. XXI. № 15379. С. 461–465. 1782. 8 апреля; Т. XXIII. № 16799. С. 63–64. 1789. 31 августа; Т. XXIII. № 16966. С. 237–238. 1791. 11 июня; Т. XXIII. № 16967. С. 238–239. 1791. 11 июня; Т. XXIII. № 17149. С. 456–460. 1793. 2 сентября; Т. XXIII. № 17203. С. 511. 1794. 17 мая; Т. XXIII. № 17209. С. 514–515. 1794. 31 мая; Т. XXIII. № 17210. С. 515–516. 1794. 2 июня и др.

[35] Там же. Т. XVI. № 11582. С. 1. 1762. 28 июня.

[36] См., например: Там же. № 11616. С. 22–23. 1762. 18 июля.

верность императрице. Мошенника приказали сослать в Сибирь, и это наказание еще посчитали милосердным[37].

История коллежского советника Шокурова в назидание подданным была объявлена *во всенародное известие*, чтобы «все чины, которые у дел приставлены не дерзали никаких посулов казенных брать кроме жалованья». Василий Шокуров наказаний не побоялся и взял у атамана и писаря Гребенского войска, которые приезжали в Москву для получения выделенных правительством денег, тулуп калмыцкий и голову сахара. На первом же допросе он предусмотрительно во всем сознался, повинился и был освобожден от штрафа. Правда, тулуп и голова сахара стоили Шокурову карьеры. Незамедлительно был издан сенатский указ «об отрешении коллежского советника Шокурова от дел за взятки и о неопределении впредь ни к каким делам»[38].

Иногда *лихоимство* напоминало возрожденную традицию кормлений[39]. Так «во всей Сибирской губернии и Иркутской провинции положенный ясак с крайним отягощением собирали». Видимо, поборы достигли таких размеров, что правительство приняло решение направить на защиту «безгласных якутов, тунгусов и чукч» воинскую команду во главе с капитаном Семеновского полка Алексеем Щербачевым. Капитана произвели в секунд-майоры, а каждому офицеру «в рассуждении столь многотрудной экспедиции» положили двойное жалованье из сибирских таможенных доходов[40].

К фактам *богомерзкого мздоимства* относилось и *казнокрадство*. В результате ловких манипуляций винного пристава Старой

---

[37] ПСЗ. Т. XVI. С. 22–23. 1762. 18 июля.

[38] Там же. № 11656. С. 61–62. 1762. 24 августа.

[39] См. об этом, в частности: *Редин Д. А.* Воеводское кормление в России XVIII в.: расходная книга тюменского оброчного старосты Е. Меньшова 1717 г.: исследование и публикация источника // Проблемы истории России: исторический источник и исторический контекст. Екатеринбург, 2013. С. 236–283; *Кошелева О. Е.* «От трудов праведных не наживешь палат каменных» // Отечественные записки. 2003. № 3 (12). С. 333–342; *Глаголева О. Е., Фомин Н. К.* Дворяне в «штатском»: провинциальное дворянство на гражданской службе в 1750–1770-е годы // Дворянство, власть и общество. С. 148–227.

[40] Именной, данный Сенату указ «об отправлении капитана Щербачева с командою в Сибирь для отвращения происходящих там непорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака» (ПСЗ. Т. XVI. № 11749. С. 153–154. 1763. 6 февраля).

Руссы поручика Логина Скудина исчезло казенной соли и вина в бочках ни много ни мало на 6 тысяч рублей. В ходе разбирательства выяснилось, что первоначально Скудин расхищал казенное добро, будучи лишь соляным приставом. Однако «неявка соли» на протяжении нескольких месяцев не насторожила Казенную палату. Вскоре поручик получил также должность винного пристава, продолжая тайно обогащаться еще более успешно несколько лет. По данному делу решение было принято довольно жесткое: Скудина лишили чинов и отправили служить солдатом, а все имущество конфисковали. Но в силу того, что вырученные от продажи имения поручика средства не покрыли сумму украденного, Сенат постановил взыскать недостающие деньги с новгородской Казенной палаты, прежде всего с городничего Образцова и стряпчего Леонтьева, которые в свое время поленились измерять уровень вина в каждой бочке. Все история была изложена в сенатском указе с поучительным для всех казенных палат названием «об определении в соляные и винные приставы людей благонадежных и рачительных»[41].

Вообще неустанная борьба государства за «казенный питейный сбор» может считаться одной из доминирующих тем екатерининского законодательства. Сотни указов о винных откупах, «постыдном кормчестве», производстве рижского бальзама, оптовой продаже французской водки, да собственно и сам «Устав о винокурении» 1781 года были обязаны своим появлением реалиям русской жизни и, в частности, человеческим драмам, курьезам, печальным и забавным обстоятельствам. Некоторые из этих историй дошли до нас на страницах ПСЗ.

Казалось, после расширения и законодательного оформления сословных прав дворянства на протяжении всей первой половины XVIII века в обществе прочно укрепилось мнение о несомненных выгодах, которые приносила принадлежность к господствующему сословию, и стремлении каждого разночинца дослужиться до заветных степеней Табели о рангах, дающих вожделенное дворянство. Однако в Правительствующий сенат постоянно поступали рапорты из Вятской, Пермской, Иркутской, Казанской, Симбирской, Московской и прочих губерний о записи дворян в именитые граж-

[41] ПСЗ. Т. XXIII. № 16799. С. 63–64. 1789. 31 августа.

дане и купечество и отказе купцов, получивших штаб- и обер-офицерские чины, выходить из гильдий. Выяснилось, что все эти люди богатели на винных откупах и о *чести благородного дворянина*, «украшенного службою империи и престолу», заботились меньше, чем о реальной выгоде. Они «под разными именами, но действительно в одних руках имели винные подряды и откуп в питейных домах, снимали на себя под предлогом вымышленного сообщества не только целые уезды, но и губернии», были одновременно «и откупщиками, и винными поставщиками» и даже оказывались в одной гильдии с бывшими своими крестьянами, отпущенными на волю. Всем этим крайне предприимчивым представителям *благородного шляхетства* пришлось доходчиво объяснить, что «самое существо дворянства обязует каждого дворянина упражняться не в оборотах торговых, но в службе военной и гражданском правосудии». Иначе говоря, помещиков и чиновников было запрещено допускать до винных откупов и приказано довольствоваться дворянскими привилегиями, а «выгоды гильдейские» оставить купечеству[42].

Винная торговля сулила очень неплохой доход и потому постоянно сопровождалась все новыми хитроумными уловками, которые иногда ставили в тупик казенные палаты и заставляли местных чиновников обращаться в Сенат. Оказывается, находились удальцы, которые обходили даже откупщиков. Так в Ярославскую казенную палату обратились откупщики Зорин и Шалдов, которые столкнулись с махинациями на ежегодной Ростовской ярмарке. Выяснилось, что «в палатках производят продажу виноградных вин и водок не только рюмками, а нагревая чайники, делают так назы-

[42] См.: Устав о вине (ПСЗ. Т. XXI. № 15231. С. 248–271. 1781. 17 сентября); грамота на права и выгоды городам Российской империи (Там же. Т. XXII. № 16187. С. 367–368. 1785. 21 апреля); указ «о... наблюдении при отдаче вина на откуп изложенных в Уставе вина правил» (Там же. Т. XXIII. № 16742. С. 4–5. 1789. 24 января); указ «о недопущении помещиков и чиновных людей к винным откупам, в противность Устава о вине...» (Там же. № 16812. С. 86–89. 1789. 25 октября); указ «о допущении к казенным подрядам и откупам тех только купцов, чины имеющих, которые пользуются купеческим правом и состоят в гильдиях» (Там же. № 16838. С. 115. 1790. Февраль); указ «о запрещении дворянам записываться в гильдии и пользоваться выгодами, присвоенными одним купцам» (Там же. № 16914. С. 175–181. 1790. 26 октября) и др.

ваемые пунши и бальзам, чем причиняют в питейных сборах подрыв». Ярославское наместническое правление строго приказало ростовскому городничему «должность свою наблюдать неупустительно». Но оказалось, что это только начало. Вскоре поверенный казенной палаты Сорогин обнаружил, что в Угличе, Романове, Борисоглебске, Данилове и даже на вотчинной ярмарке генеральши Лопухиной в лавках продают бальзам по низким ценам, и «простой народ употребляет оный вместо горячих питей в казенных домах», чем наносит в конечном итоге убытки казне. Испуганному ростовскому городничему Сукину приказали весь так называемый бальзам арестовать. В результате в казенную палату Ярославля было доставлено 36 кувшинов с донесением. Вот тогда-то ярославские чиновники схватились за голову и обратились в Правительствующий сенат с вопросом — как «поступать с фальшивыми бальзамами и куда их употреблять». Сенат запросил резолюцию у главного директора Медицинской коллегии действительного тайного советника Ивана Федоровича Фитингофа, на основании которой настоящим рижским бальзамом был признан «весьма целительный» кунценской бальзам. Продажу его разрешили, но не в питейных домах и на ярмарках. 36 конфискованных кувшинов фальшивого бальзама приказали переделать на водку, продать и вырученные деньги отдать в казну на счет дохода питейного[43].

Мелкие казусы этих частных историй по воле кодификатора М. М. Сперанского были опубликованы в одном издании с манифестами, объявленными «во всенародное известие» в связи с коронацией высочайшей особы, началом войны, заключением мира, «отменой взысканий» по случаю открытия монумента Петру I, разгромом Пугачевского бунта и т. д.[44] Подобное соседство высо-

[43] Сенатский указ «о нечинении никакого запрещения и стеснения в продаже кунценского бальзама и о наблюдении, дабы в питейных домах и выставках продажи оного бальзама не было (ПСЗ. Т. XXIII. № 16768. С. 29–31. 1789. 16 мая); сенатский указ «о неделании и непродаже спиртов, подобных рижскому бальзаму (Там же. Т. XXIII. № 16857. С. 12–128. 1790. 18 апреля). См. также, например: Там же. Т. XIX. № 13562. С. 219–221. 1771. 31 января.

[44] См., например: Манифесты о вступлении на престол императрицы Екатерины II с приложением присяги на верность подданства; о бунте казака Пугачева и мерах, принятых к искоренению сего злодея; о разных милостях, дарованных преступникам, по случаю открытия монумента Императору

кой политики громадной державы и будничных забот отдельного подданного дает возможность глубже понять специфичную для каждой эпохи конфигурацию частного и официального, о которой писал Л. Н. Толстой: «Жизнь между тем, настоящая жизнь людей со своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, со своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, как и всегда, независимо и вне близости или вражды с Наполеоном Бонапарте и вне великих возможных преобразований»[45].

Полное собрание законов Российской империи позволяет вызвать из небытия стертые временем образы людей, чьи истории волей судьбы попали в законодательные акты и, более того, инициировали многие из них. Российское законодательство XVIII столетия действительно в значительной степени было казуальным и прецедентным. Многие постановления возникали не в результате целенаправленной законотворческой деятельности власти, а являлись ситуативной и часто вынужденной официальной реакцией на те или иные события в обществе. В упоминаемом «Наказе генерал-прокурору» говорилось: «Естество законов человеческих есть такое, чтобы зависеть им ото всех приключений, в свете бывающих, и переменяться по тому, как нужда чего востребует»[46]. Актуализация новых, не задействованных ранее информативных возможностей законодательных актов обнаружила эффективность использования этого источника для изучения повседневности и общественного умонастроения. Так обычный человек становился субъектом права и важной фигурой в системе «обратной связи», столь необходимой для любой власти. С опозданием вернувшийся из отпуска чиновник; поручик, «наглым образом отнявший вино у титулярного советника»; помещик, утаивший «души»; дворянин Смоленской губернии, «не имеющий годного для явки на службу платья», сами о том не ведая, давали импульс появлению новых указов. Иными словами, судьбы персонажей густонаселенного Полного собрания

Петру I; о разных дарованных народу милостях; о причинах войны против Швеции (Там же. Т. XVI. № 11582; Т. XIX. № 14091; Т. XXI. № 15488; Т. XXII. № 16551, 16679).

[45] *Толстой Л. Н.* Война и мир.

[46] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

законов Российской империи с иной стороны раскрывают связь высочайшего *указа* и повседневной действительности. Курьезные, печальные, а иногда и трагические обстоятельства жизни, ставшие «законодательным казусом», запечатлелись в бесконечном потоке распоряжений, превратив законы в захватывающий калейдоскоп страстей, семейных отношений, ссор, интересов реальных людей прошлого.

«Есть подданные, но нет граждан»

Таким образом, в многозначности понятия *закон*, имеющего целый спектр определений и массу однокоренных слов от *законодателя* до *беззакония*, отразились противоречивые реалии жизни русского общества и сложные процессы развития правового сознания современников. Для человека второй половины XVIII века *Закон Божий* мог стать важнейшим регулятором поступков и принимаемых решений, а если этим человеком оказывалась венценосная особа, то высочайшие предпочтения могли с легкостью потеснить и изменить *закон государственный*. В то же время заповеди Священного Писания могли существовать в сознании личности и без особой корреляции с реалиями российской действительности[47]. Власть же нередко прагматично использовала догматы Нового Завета и даже обращение к законам Моисеевым для придания особой весомости собственным законодательным актам.

Кабинет императрицы и Сенат обрушивали на подданных нескончаемый поток *указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций* и т. д.[48] Все эти правовые акты

[47] Сам того не подозревая, об этом феномене писал Сумароков, гневно ругая в жалобе, адресованной императрице, свою сестру и ее мужа, людей «праздных, прибыткожадных, непросвещенных и, кроме "Часовника", сроду ничего не читавших». «Сей мой зять у Шепырева отнял деревню только потому, что подьячий описался, и владел ею тридцать лет... [он] носит всегда четки, по которым молится, считает деньги и бьет ими слуг» [Письмо А. П. Сумарокова — Екатерине II. 1767 октябрь (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 104–108)].

[48] «До самого распада империи, — пишет Р. Уортман, — так и не возникло четкого различия между законом и административным распоряжением. По-

могли объединяться словом *закон* и были обязательны для неукоснительного исполнения. Но в то же время жанровая размытость законодательных документов второй половины XVIII века не мешала современникам придавать понятию *закон* более высокий и общий смысл, чем слову *указ*, а Екатерине даже пытаться как-то упорядочить запутанную юридическую терминологию. «Под словом *законы*, — писала императрица в Наказе, — разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут переменяться. <...> Имя *указы* заключает в себе все то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное, или на чью особу относящееся, и может со временем перемениться»[49].

Непременные фундаментальные государственные законы и власть, и образованная политическая элита, следуя за догматами века Просвещения, наделяли особой силой, способной установить разумный порядок и привести к всеобщему благоденствию. Но если престол видел в них залог устойчивости самодержавного правления, то фрондирующая аристократия — определенную страховку от *самовластия*, когда «государь... не может ознаменовать ни могущества, ни достоинства Своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные... которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем»[50]. Так понятие *закон* постепенно превращалось и в орудие политического дискурса.

Наиболее же мощным средством ограничения воплощающейся в законе непререкаемой воли монарха были диктуемые реальностью потребности государственного развития, которые определялись действительным положением вещей, а не капризами правящей персоны. Даже изустные распоряжения становились *законом*, если были оформлены в виде опубликованного сенатской типографией указа и доведены до сведения подданных. Анализ смыслового

следнее имело ту же силу, а нередко и сферу действия, что и закон» (*Уортман Р.* Властители и судьи: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 64).

[49] Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

[50] Проект Н. И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д. И. Фонвизина) // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. С. 4–13. См. также: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–17об.

наполнения понятия *закон* обнаружил, что в сознании современников отсутствовало полное тождество между *монаршей волей* и *именным указом*, слова *самодержавие* и *самовластие* были почти антонимами, а главной добродетелью просвещенного императора признавался талант *законодателя*, создающего и вводящего *непреложные законы*.

Авторы правовых документов, а иначе говоря, *законоискусники*, в роли которых часто выступал сам *законоположник*, всемерно стремились повысить эффективность исполнения законов и усилить их регулирующую функцию социального контроля. Власть не просто жестко требовала исполнять всенародно объявленные указы, чтобы «неведением никто не отговаривался». Престол воспитывал у подданных уважение к закону, непосредственно связывая правовые акты с непререкаемым авторитетом правящей императрицы и акцентируя преемственность *подлежащих вечности законов* с указами предшествующих правлений. Екатерина пристрастно следила за четкими формулировками и ясным слогом законодательных актов, а также не допускала отмены уже провозглашенных указов. Она исходила в своих постановлениях из «здравого смысла», «природной склонности» подданных и «мыслей просвещенной части народа». Однако способность императрицы «уведывать» истинные стремления образованного дворянства точнее будет назвать умением манипулировать настроениями политической элиты, на которую, собственно, и была рассчитана регулятивная функция законодательства. Что же касается податных людей, составляющих бóльшую часть населения империи, то закон для них был императивом без каких-либо толкований, а сами они сливались в безликую массу, обязанную поставлять рекрутов «по три человека с 500 душ», и приобретали свои имена и судьбы, как правило, только тогда, когда гибли от руки своих душевладельцев.

Понятие *закон* в русском языке второй половины XVIII века имело несколько умозрительный и идеальный смысл не только потому, что, по меткому выражению Радищева, «земледельцы и доднесь в законе мертвы»[51]. Любой правовой акт в силу своих функций отражает не столько реалии развития общества, сколько представ-

[51] *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 315.

ление власти о том, каким оно должно быть. «Одной из основных особенностей русской культуры послепетровской эпохи, — пишет Ю. М. Лотман, — было своеобразное двоемирие: идеальный образ жизни в принципе не должен был совпадать с реальностью. Отношения мира текстов и мира реальности могли колебаться в очень широкой гамме — от представлений об идеально высокой норме и нарушениях ее в сферах низменной действительности до сознательной правительственной демагогии, выражавшейся в создании законов, не рассчитанных на реализацию (Наказ), и законодательных учреждений, которые не должны были заниматься реальным законодательством (Комиссия по выработке нового уложения)»[52]. «Сознательной правительственной демагогией», о которой упоминал Лотман, можно назвать репрезентативную функцию законодательства, призванного не только осуществлять социальный контроль, но и поддерживать величественный образ престола в восприятии подданных и позитивный образ империи в глазах европейского общественного мнения[53].

Кроме того, простая истина, что объявление указа «во всенародное известие» еще не означает его реализацию, придавало правовым актам оттенок некой идеальной абстракции, к которой необходимо стремиться. Неоднократное издание на протяжении правления Екатерины законов одного содержания свидетельствовало о сбое в их исполнении. Так, с 1762 по 1796 год было опубликовано более двадцати именных и сенатских указов, увещевающих чиновников воздерживаться от *лихоимства*, содержащих «меры к прекращению» *взяток*, наказывающих за «корысть и отягощение народа поборами»[54]. Как известно, *сребролюбие* продолжало процветать, но при этом нельзя сказать, что закон был бессилен:

---

[52] *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 295.

[53] В. М. Живов полагает, что русское законодательство усваивает «дидактическую и полемическую» функции уже во время правления Петра I: именно тогда оказывается размытой самая граница «между юридическим определением и политическим трактатом» (*Живов В. М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема. С. 271–272).

[54] См., например: ПСЗ. Т. XIX. № 14091. С. 885. 1773. 23 декабря; № 14230. С. 1064–1065. 1774. 19 декабря. См. на эту тему: *Писарькова Л. Ф.* Российская бюрократия в эпоху Петра I // Отечественная история. 2004. № 2. С. 12–14;

настойчивость власти, осуждающей «гнусную наживу», задавала определенную нравственную планку и формировала систему предпочтений.

Особенности функционирования имперской бюрократической машины лишь усиливали размытость смыслового содержания понятия *закон*, придавая ему оттенок абстрактности и даже утопичности. Историк XIX века А. Г. Брикнер в биографии немецкого теолога и педагога пастора А.-Ф. Бюшинга воспроизвел разговор проповедника и основателя Московского воспитательного дома И. И. Бецкого. «Бецкой пригласил к себе Бюшинга, и, между прочим, обратился к нему с несколько щекотливым вопросом, как он думает об указах императрицы. "Эти указы, — замечает Бюшинг, — были наполнены общими размышлениями (raisonnirende Ukasen)". Ему было очень неловко ответить на вопрос Бецкого, однако с свойственною ему смелостью он сказал: "Указы отличны и делают честь ее величеству; нельзя, однако, не сожалеть о том, что они во всяком случай останутся бесплодными". Бюшинг говорил о недостаточном развитии народа, о необходимости подвинуть вперед дело народного воспитания, об учреждении школ и проч.»[55]

Многие государственные чиновники плохо знали правовые акты, иногда превратно их толковали, порой следовали уже отмененным указам и даже позволяли себе собственное законотворчество[56]. Непосредственным свидетельством превращения закона в

Black J. L. Citizens for the Fatherland. Education, Educator and Pedagogical Ideals in 18th-Century Russia. Boulder, N.Y., 1979.

[55] *Бюшинг А.-Ф.* Автобиография (Изложенные отрывки А. Г. Брикнера) // Исторический вестник. 1886. Т. 25. № 7. С. 17. Несколько позже английский посланник при русском дворе лорд Гаррис Мальмсбери доносил из Петербурга: «Свод законов, мастерски начертанный самой императрицей, до сих пор еще не был рассмотрен; он сохраняется в Академии, и по многим причинам приведение его в действие невозможно» (Депеша Гаррис Д. Мальмсбери герцогу Суффольку. 1778. Июнь // Русский архив. 1874. Кн. II. № 5–8. Стб. 1499).

[56] Не случайно один из персонажей «Почты духов» И. А. Крылова вообще искренне полагал, что большинство людей живет не по закону, а по давно устоявшемуся порядку, и что особенно интересно — этим человеком был судья Тихокрадов. «В свете, — заявляет он за именинным столом купца Плутареза, — введенные обыкновения столь же сильны, как и самые законы; сказанные же мною выгоды статского человека издавна между людьми вошли в обычай, и ныне они столько же употребительны и извинительны, сколько

некий неосязаемый фантом являются практически ежегодно «объявляемые во всенародное известие» указы о «предоставлении рапортов об исполнении именных и сенатских указов». Все присутственные места обязаны были составлять реестры неисполненных указов и иметь в канцеляриях «записки» о поступивших из столиц правительственных бумагах, чтобы «непрестанно в памяти было». «Нерачительных» чиновников, допускающих «беззаконную волокиту», наказывали в соответствии со специально разработанной системой штрафов[57] или вообще отрешали от дел. Для канцелярий, коллегий и контор устанавливались сроки отчетов о получении высших распоряжений, сроки предоставления рапортов о ходе дел и окончательном исполнении указа, оговаривались случаи «вторичного указа» и даже ситуации, когда Сенат или кабинет императрицы вынужден был отправлять «третий принудительный указ». Вспоминая о первых годах своего правления, императрица писала: «Сенат, хотя посылал указы... в губернии, но тамо так худо исполняли... что в пословицу почти вошло говорить: "ждут третьего указа", понеже по первому и по второму не исполняли»[58].

Достойная не исторических штудий, а пера Гоголя почти фантасмагорическая картина игнорирования законов государственными чиновниками усиливалась скептическим отношением к силе закона «партикулярного» человека. Анализ прошений на высочайшее имя, которые, кстати сказать, могла позволить себе только политическая элита, обнаружил стоическую веру подданных лишь в милосердие императрицы. И. М. Булгаков, отправляя своему сыну, знаменитому дипломату Якову Ивановичу Булгакову, копию «с

простительно придворному не платить своих долгов, а купцу иметь окороченный аршин и неверные весы» (*Крылов И. А.* Полное собрание сочинений. М., 1945. Т. 1. С. 73).

[57] Оставить без внимания сенатский или именной указ стоило 10 рублей, вторичное «неисполнение от слабости и небрежения» оценивалось в 20 рублей, третий указ приходил в канцелярию уже за счет чиновников, и штраф на них накладывался в 30 рублей (ПСЗ. Т. XVII. № 12710. С. 871–876. 1766. 31 июля). Для сравнения подобные рассеянные чиновники во времена Петра I назывались «преступники и указа ослушатели» и подлежали «разорению, ссылке или лишению живота» (Там же. Т. V. № 3333. С. 681. 1719. 19 марта).

[58] Рассказ императрицы Екатерины II-й о первых пяти годах ее царствования // Русский архив. 1865. Кн. I. № 1–6. Стб. 471.

учиненного в Сенате о деревнях матери твоей беззаконного определения», писал: «Не можно ли к ее императорскому величеству послать письмо, дабы не царствовала неправда над правдою!» Во время препирательств с генерал-прокурором А. А. Вяземским по поводу оклада директора Академии наук Е. Р. Дашкова писала Екатерине II: «Смею просить Ваше Величество, дайте полную свободу Вашему великодушию в отношении меня, и я вполне уверена, что тогда мне окажут полную справедливость и даже впредь будут защищать от проявлений незаслуженного мною гонения»[59]. Попытка защиты собственных прав на основании закона была оправданна лишь в отношении других представителей политической верхушки, но никак не монарха. Поэт А. П. Сумароков мог гневно заявлять, что «фельдмаршал подчиняется законам, а не законы ему», «он полномочие имеет; однако полномочие его под законом, а не над законом», но при этом смиренно добавлял: «Я подданный ваш, а не его, всенижайший и преданнейший раб»[60].

Никакой корреляции между существованием закона, правосудием, гарантированными привилегиями высшего сословия, с одной стороны, и надеждой на справедливость, с другой, в сознании дворянина не существовало. Высшие сановники, сенаторы, авторы многочисленных указов и манифестов в случае необходимости даже не помышляли об апелляции к закону, а уповали только на высочайшую милость, расположение фаворита, а если повезет — и беспосредственное обращение. В своих записках Державин, вспоминая о подготовке помещений Сената к заседаниям, воспроизвел сцену, в которую, как поэт-классик, вложил метафорический смысл. «[В] зал[е] общего собрания... между прочими фигурами была изображена скульптором Рашеттом Истина нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то, увидев

[59] Письмо И. М. Булгакова Я. И. Булгакову. Москва, 1785, декабрь // Русская старина. 1881. Т. 31. № 6. С. 290. Письмо Е. Р. Дашковой Екатерине II. [1783] // Чт. ОИДР. 1867. Кн. 1. Отд. V. С. 32. См. также, например, письмо В. Неронова С. М. Козьмину: Переписка и черновые бумаги состоявшего при Кабинете императрицы Екатерины II Сергея Матвеевича Козьмина (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1031. Ч. 1. Л. 3).

[60] См. письма А. П. Сумарокова: Письма русских писателей XVIII века. С. 129–132.

обнаженную Истину, сказал экзекутору: "Вели ее, брат, несколько прикрыть". И подлинно, с тех почти пор стали более прикрывать правду в правительстве, потому что князь Потёмкин не весьма любил повиноваться законам»[61].

Так, ряд различных смыслов понятия *закон* замыкался в некий неразрывный круг, вращающийся вокруг слов *самодержавие, самовластие, произвол, подданные, государство* из знаменитого высказывания Панина-Фонвизина. «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»[62]. Кажется, преодолеть это завораживающее «кружение» можно было лишь через новый взгляд на понятие *гражданин*.

[61] *Державин Г. Р.* Записки. С. 86–87.

[62] Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4; см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784–1786 гг. (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17).

ГЛАВА III

ГРАЖДАНИН

ХОЛОПЫ И РАБЫ

Челобитные на высочайшее имя

Российское общество XVIII века было сословным не только с точки зрения объективных социальных характеристик положения различных групп, но также в восприятии современников и власти. Как уже отмечалось, все население страны подразделялось для самодержавия на страты, каждая из которых имела свой спектр обязательств перед престолом, «прилежа к исправлению и наблюдению своего звания и присяги»[1]. Но именно в высочайших указах и манифестах XVIII столетия появляются универсальные формулировки смысла верноподданнического долга. Однако в данном случае речь идет не о декларативном интересе русских монархов к ценностям европейского Просвещения, в том числе и к абстрактным идеям социального равенства. Улавливаемые по некоторым официальным документам мотивы общего для всех «государственных жителей»[2] патриотического долга перед Отечеством были связаны прежде всего с установлением абсолютизма, ростом могущества самодержавия и дальнейшей сакрализацией личности монарха. Символ «державного» правителя, возвышаясь над обществом, объединял все население страны, которую власть воспринимала в качестве своеобразного подножия престола. Характерно, что именно с правления Петра I в официальной

[1] ПСЗ. Т. XVI. № 11687. С. 86. 1762. 19 октября. См. также, например: Екатерина II. Собственноручные черновые бумаги о должности (первых трех классов) (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 327).

[2] См., например: Копия в Дирекционную Комиссию из Комиссии о разделении на роды государственных жителей // Там же. Д. 275. Л. 1–3 и др.

доктрине появляется собирательный образ подданного, лишенный определенных социально-сословных характеристик.

При этом если формулировки «наш народ», «все обитатели вверенной нам от Бога пространной империи», «весь вверенный нам от Всевышнего народ», «наши подданные»[3] и так далее, иначе говоря, термины, идентифицирующие все население государства, довольно часто встречаются в официальных документах, то понятия, отражающие специфику взаимоотношений власти и личности, значительно сложнее вычленить в историческом материале. В этом плане интересную информацию могут содержать образцы посланий на высочайшее имя. Формуляры и порядок подачи прошений, официально установленные наименования в подписях авторов петиций и челобитных, титулатура монарха являлись своеобразным механизмом социального контроля над населением.

Практика посланий на высочайшее имя существовала со времен Древнего мира и может, пожалуй, считаться неотъемлемым атрибутом любой монархии, в котором заключена прочно укоренившаяся вера подданных в справедливость и милосердие верховного правителя. Свидетельства о подаче челобитных великому князю, а позднее царю относятся к XV–XVI векам: «жалобники» упоминаются в Первом общероссийском своде законов 1497 года, а также в Судебнике 1550 и в Соборном уложении 1649 года[4]. К XVIII столетию челобитные становятся важнейшей частью политической жизни страны, главным легитимным средством, к которому прибегало население, защищая свои права. К царю с надеждой взывали представители практически всех сословий и социальных групп: писали посадские люди и купцы, писали дворцовые и черносошные крестьяне, статус которых давал им основание воспринимать монарха как своего непосредственного господина, писало духовенство, признавая главенство светской власти над патриархом, осмелива-

[3] См., например: ПСЗ. Т. VI. № 3718, 3778; Т. XVI. № 11582, 11597, 11720 и др.

[4] «А будет ему в приказе суда не дадут, или против его челобитья указу ему не учинят, и ему о том бити челом и челобитныя подавати государю, и то в челобитных своих описывати, что он о том деле наперед того в приказе бил челом, а указу ему в приказе не учинено» (Там же. Т. I. № 1. С. 20. 1649. 20 января). См. также: Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 19, 142–143, 375–376, 380, 386.

лись писать частновладельческие крепостные, видевшие в своем помещике лишь временного и действительно условного владельца земли, издревле принадлежащей царю и общине, писали, наконец, наиболее приближенные к престолу служилые люди. Царю шли петиции и индивидуальные жалобы, которые просители часто были вынуждены передавать через посредников, но ни один выход двора не мог обойтись без попыток вручить челобитную лично монарху в руки[5].

Этот нескончаемый поток откровений на высочайшее имя воспроизводил реалии повседневной жизни русского общества, действительно насущные проблемы людей, их отношение к власти и мировосприятие в целом. Собственно, именно в таком ракурсе и оценивалась информативная значимость челобитных как исторического документа[6]. Однако практика жалоб царю, а также регулирующие ее акты и постановления содержат важные, не прочитываемые часто по другим источникам сведения, касающиеся механизмов влияния официальной идеологии на сознание личности. В данном контексте происходящая в XVIII веке эволюция законодательства, обеспечивающего в той или иной мере диалог престола и подданных, еще не рассматривалась в историографии.

Постепенное усложнение социальной жизни русского общества обусловило быстрый рост объема челобитных и расширение круга проблем, затрагиваемых в жалобах, что привело в конечном итоге к жесткой регламентации их формуляра[7], а также к возникновению специальных правительственных органов, через которые шло

---

[5] В XVII веке 1 сентября на Симеона Летопроводца государи выносили свое личное решение по всем жалобам. Из грамот Михаила Федоровича и Алексея Михайловича видно, что монастырским людям и крестьянам назначалось три срока в году приносить личные челобитные верховному правителю: на Семенов день, Троицын день и Рождество (Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1989. С. 336).

[6] См., например: Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994. С. 3–4.

[7] См. об этом: *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 11–13; *Он же.* Из истории русской лексики. II. Челобитная // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972. Вып. 1. С. 46–61; *Милов Л. В.* Делопроизводственные материалы XVI–XVII вв. // Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 108–109.

ограничение потока посланий на высочайшее имя и их фильтрация. В 1704 году функции Челобитного приказа, где разбирались жалобы государю, перешли к созданному Кабинету Его Императорского Величества. В последние годы правления Петра I для обработки вала прошений был назначен рекетмейстер, а несколько позже при нем создана рекетмейстерская контора, просуществовавшая так или иначе до начала 60-х годов[8]. Екатерина II контору упразднила, сохранив, однако, должность генерал-рекетмейстера для принятия жалоб по апелляционным делам. Кроме того, императрица учредила канцелярию статс-секретарей, которая делилась на канцелярию «у собственных дел» и «у принятия челобитен» (с 1786 года «у принятия прошений»)[9], а также выделила штат сановников, обязанных рассматривать прошения на высочайшее имя[10].

На протяжении XVIII века постоянно выходили именные и сенатские указы, регламентирующие процедуру подачи петиций и прошений на высочайшее имя: «о неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертною казнью», «о неподаче и непринимании челобитен к делу не принадлежащими словами», «о неподавании прошений Ее Императорскому Величеству лично» и т. д.[11] Запрещалось подавать

---

[8] Указ «о скорейшем решении дел исковых и о назначении особенного чиновника для принятия жалоб на коллегии и канцелярии» (ПСЗ. Т. VI. № 3581. С. 191–192. 1720); указ «об обязанностях… рекетмейстеру…» (Там же. Т. VI. № 3877. С. 479–480. 1722); указ «о донесении генерал-рекетмейстеру Его Императорскому Величеству о челобитчиках не получающих никакого решения по поданным ими просьбам» (Там же. Т. VI. № 3968. С. 656. 1722). См. также: Там же. Т. VII. № 4765; Т. XI. № 8288, 8345 и др.

[9] См.: Там же. Т. XVI. № 11989, 12023, 12171 и др.

[10] Челобитные, адресованные императрице, разбирали И. П. Елагин, А. В. Олсуфьев, Г. Н. Теплов и др. См. инструкцию, «данную тайному советнику Олсуфьеву, действительным статским советникам Теплову и Елагину, о распоряжении по просьбам, подаваемым на высочайшее имя» (Там же. № 11868. С. 303–304. 1763. 23 июня). В частности, уцелевший архив С. М. Козьмина, состоящего несколько лет при кабинете Екатерины для принятия прошений, включает множество челобитных, имеющих форму частных писем и направленных непосредственно Козьмину для доклада и разъяснения обстоятельств дела императрице (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1031. (Ч. 1). Л. 3–11; Ф. 16. Д. 788. Ч. 1. Л. 54–78).

[11] ПСЗ. Т. V. № 3261; Т. V. № 3475; Т. XVI. № 12240; Т. XVII. № 12903 и др.

прошения лично в руки императору на улице, в церкви, в праздничные дни, во время куртагов, обращаться с челобитными на высочайшее имя мимо надлежащих присутственных мест, Сената и генерал-рекетмейстера, а также ловить придворных и чиновников при выходе из коллегий и канцелярий и пытаться вручить им послание, адресованное монарху. Указы подобного содержания, блокирующие доступ подданных к венценосной особе, издавались на протяжении XVIII века практически ежегодно, что свидетельствует лишь о том, что подданные их игнорировали.

Стоическая вера в справедливость высшей инстанции не ослабевала, а мощное стремление достучаться до престола ломало все преграды. Екатерина была недалека от истины, когда писала, что «весь город Москва иным не упражнялся, как писанием ко мне писем о таких делах, из коих многие уже давно решены были, либо течением времени сами собою исчезли»[12]. Этот порыв обратиться напрямую к государыне был свойственен не только жителям древней столицы, но и населению всей империи. «По восшествии моем на престол... — вспоминала императрица, — было у меня три секретаря; у каждого из них было по 300 прошений, и того 900. Я старалась, колико возможно, удовольствовать просителей, сама принимала прошения. Но сие вскоре пресеклось, понеже в один праздник, во время шествия... к обедне, просители пресекли мне путь, став полукружием на колени с письмами. Тут приступили ко мне старшие сенаторы, говоря, что законы запрещают государю самому подавать прошения. Я согласилась на то, чтоб возобновили закон о неподаче самому государю писем»[13].

Писать же в «судебные и присутственные места» особенно дворянству никто не запрещал, и потому канцелярии и департаменты Сената были завалены бумагами с мест и «столь отягчены множественным числом оных, что превосходил[о] силы человеческие

[12] Рассказ императрицы Екатерины II-й о первых пяти годах ее царствования // Русский архив. 1865. Кн. I. № 1–6. Стб. 472–473.

[13] Закон «о неподавании прошений Ее Императорскому Величеству, минуя надлежащие присутственные места и о наказаниях, определенных за преступление указа» будет «возобновляться» на протяжении всего правления Екатерины (см.: ПСЗ. Т. XVI. № 11606, 11687, 12117; Т. XVII. № 12316; Т. XVIII. № 12903, 12946, 12966 и др.).

все дела решать в надлежащее время»[14]. Разбирательства тянулись годами, а иногда и десятилетиями. «Сенат, — писала Екатерина, — слушал апелляционные дела не экстрактами, но самое дело со всеми обстоятельствами, и чтение дела о выгоне города Мосальска занимало... шесть недель заседания Сената»[15]. Императрица отчасти попыталась реорганизовать громоздкую бюрократию, «доставить каждому [делу] скорейшее решение и челобитчиков избавить от разорительной волокиты». Под «челобитчиками» или «бедными просителями» в данном случае подразумевались прежде всего провинциальные дворяне, которые «в рассуждении дальности мест и расстояния» вынуждены были месяцами оставаться в столице в изнурительном ожидании[16]. По распоряжению Екатерины Сенат был разделен на шесть департаментов, все детали рассматриваемого дела слушать запрещалось, а секретарям вменялось в обязанность «сочинять» к каждому заседанию краткие экстракты[17].

Однако анализ законодательства, упорядочивающего содержание, стилистику и объем поступающих жалоб, свидетельствует, что власть заботилась не столько об обеспечении быстрого реагирования на подобного рода послания, сколько о сокращении потока прошений и перенесении большинства возникающих проблем в компетенцию органов местного управления. В то же время правительство использовало формуляр столь популярных в различных слоях общества челобитных, в частности жестко обозначенную терминологию жалобы и само наименование послания на высочайшее имя, как один из каналов влияния на сознание подданных. В прошениях и апелляционных жалобах следовало суть дела излагать четко, по пунктам, и «не помещать вещей посторонних и дело затемняющих». Запрещалось клеветать на обидчика, а также оскорб-

[14] ПСЗ. Т. XVI. № 11989. С. 462–463. 1763. 15 декабря; см. также: № 12024. С. 507–508. 1764. 29 января.

[15] Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования. Стб. 471.

[16] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11620, 11806, 11989; Т. XVII. № 12512, 12569.

[17] Сенатский указ «о сочинении по всем апелляционным делам экстрактов секретарями» (Там же. Т. XVI. № 11620. С. 228–229. 1763. 30 апреля). См. также: Т. XVI. № 11806, 12023, 12024; Т. XVII. № 12512, 12569; Т. XIX. № 13559. См. об этом также: *Троцина К.* История судебных учреждений в России. СПб., 1851. С. 269–298.

лять его, злословить и употреблять «невежливые, укорительные и поносительные слова». Челобитные нужно бы подавать «на гербовой бумаге за рукой», т. е. подписанные, причем полным именем с «прозванием», а не «полуименем» и тем более не прозвищем[18]. Наиболее значимой частью формуляра челобитной на высочайшее имя, с точки зрения терминологической, оставался жестко задаваемый трафарет обращения к монарху и подписи просителя.

«По прошении совершить: Вашего Величества нижайший раб»

К концу XVII века социальная иерархия общества и представления о ней власти следующим образом отражались в «понятийном аппарате» прошений на высочайшее имя: представители податного населения должны были подписываться «*сирота твой*», духовенства — «богомолец твой», а служилым людям следовало именовать себя «холоп твой»[19]. Традиционно, со времен Русской Правды, *холопом* считался человек несвободный, «крепкий земле и господину, дворовой, либо купленный раб»[20]. В русском языке бытовали понятия «кабальный», «полный», «обельный», «докладной» холоп. Однако наряду с определениями, отражающими путь к несвободному положению, данное понятие использовалось для наименования приближенной к верховной власти знати.

В историографии нет единого мнения по поводу истоков этой традиции. Существует точка зрения, расценивающая подобную

[18] См., например: ПСЗ. Т. IV. № 1836, 1884; Т. V. № 3417; Т. VII. № 4769; Т. XIII. № 10155; Т. XVI. 12240 и др. Во время правления Петра I чиновник, принявший неправильно написанную челобитную, объявлялся «нарушителем государственного права» и облагался штрафом в 500 рублей, при повторном игнорировании бюрократического формуляра штраф увеличивался вдвое, третий случай несоблюдения процедуры грозил утратой половины имущества и лишением чина (Там же. Т. VII. № 4344. С. 147–150. 1723. 5 ноября).

[19] См.: *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. С. 48–49.

[20] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 559. См. также, например: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1384–1385; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. VI. Стб. 1171–1172.

социально-политическую терминологию как намеренное уподобление взаимоотношений монарха и элиты зависимости несвободного человека от своего господина[21]. Другие специалисты усматривают в понятийном отождествлении верхушки общества и *холопов* наследие поздней Византии, где представители знати могли именоваться рабами императора[22]. Однако можно предположить, что укоренившееся с конца XV века в государственной практике Московской Руси обращение великого князя, а затем и царя к подданным было связано с ордынским влиянием. Зависимые от Ивана III знатные люди начали в обязательном порядке именоваться *холопами*, т. е. так, как было принято называть вассалов хана, после того как великий князь обрел независимость от ордынского «царя» и сам стал претендовать на царское достоинство. Данные обстоятельства ставят под сомнение непосредственную связь употребления термина *холоп* в официальном обращении знати Московии к своему верховному правителю и с реалиями Византии, и с внутрирусскими отношениями господ и несвободных, зависимых от них людей. Следовательно, появление обозначения «холоп» при обращении знатных людей к правителю не являлось следствием ужесточения их зависимости: оно имело целью не уничижение знати, а поднятие статуса великого князя, так как приравнивало его к правителям «царского» ранга[23].

Таким образом, к XVIII столетию понятие *холоп* приобрело в русском языке двоякое и даже внутренне конфликтное значение: с одной стороны, это наименование носили закабаленные люди, часто близкие по своему положению к рабам, а с другой — оно адре-

---

[21] См., например: *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 216–220.

[22] *Köpstein H.* Zur Sklavereiimausgebenden Byzans. B. 1966. S. 33–34; *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1986. Bd. 39. S. 75; *Poe M. T.* What did Russians Mean When They Called Themselves "Slaves of the Tsar"? // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 3. P. 586–594; *Idem.* "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, L., 2000. P. 208–209.

[23] См., например: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. С. 113, 121; *Горский А. А.* О происхождении холопства московской знати // Отечественная история. 2003. № 3. С. 82.

совалось элите общества, выражало особую близость к престолу и потому воспринималось как весьма престижное. В посланиях на имя монарха представители низших социальных слоев, пытаясь самовольно повысить свой статус, нередко вместо «сирот» подписывались «холопами». Именно этот факт и побудил Петра I в декабре 1700 года запретить «не по чину» именовать себя в посланиях царю. В «памяти», направленной из Ратуши в Брянск «земским таможенникам и кабацким бурмистрам», которая, как и многие акты казуального российского законодательства XVIII века, непосредственно касалась всего непривилегированного населения, говорилось: «Изо многих городов земские и таможенные и кабацкие Бурмистры к Великому государю пишутся в отписках *холопами*, которых чинов напред сего писались *сиротами*; и буде впредь кто станет так писаться, и за то учинено будет наказание»[24].

Однако действие этого акта оказалось недолговечным: уже 1 марта 1702 года формуляр посланий монарху был изменен именным указом Петра «О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя»: «На Москве и во всех городах Российского царства царевичам и боярам, и окольничим, и думным, и ближним, и служилым, и иноземцам, и купецким, и чернослободским, и всякого чину людям писать в челобитных, свою государскую честь, новым изложением, в начале: *Державнейший Царь, Государь Милостивейший*, и потом писать дело, а перед прошением, вместо милосердого *Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Величества* и потом прошение, а по прошении совершить *Вашего Величества нижайший раб* и под тем писать челобитчикам имена свои с прозванием и месяц и число и год; а по прежнему обыкновению в челобитных его царского именования титл не писать[25]. И сей свой Великого Государя именной указ в Судном московском приказе записать в книгу»[26].

[24] ПСЗ. Т. IV. № 1819. С. 91. 1700. 22 декабря.

[25] С середины 80-х годов XVII века и до указа Петра начальные элементы обращения к царю в челобитных звучали как «великому государю царю», далее следовали имя и отчество царя и его сокращенный (для внутригосударственного употребления) титул (см. об этом, в частности: *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. С. 32–34).

[26] ПСЗ. Т. IV. № 1899. С. 189. 1702. 1 марта.

Многие артикулы первой четверти XVIII века сопровождались развернутыми толкованиями, а некоторые законодательные акты, вышедшие из-под пера императора, содержали исторические экскурсы и даже исповедальные признания[27]. Однако указ «О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя» отличался краткостью содержания, императивным тоном и был лишен каких-либо объяснений. Этот факт в известной мере можно связать с тем, что приказ «всякого чину людям», а также находящимся на территории государства иностранцам именовать себя в посланиях на высочайшее имя *рабами* был следствием скорее политической интуиции Петра, чем его длительных размышлений. Между тем лексические изменения в формуляре прошений подчинялись стратегии правительства и общей атмосфере политической жизни России первой четверти XVIII века.

Единое наименование для всего населения, находящегося под юрисдикцией монарха, соответствовало идеалу *регулярного, политизированного* государства, к которому должно было стремиться «обученное и исправленное» Петром Отечество[28]. Унифицированной для всех челобитных на высочайшее имя формой подписи, по всей видимости, могло стать и понятие *холоп*, однако был выбран другой, хотя и достаточно близкий по смыслу термин — *раб*. Подобное решение прямо или косвенно мотивировалось целым рядом обстоятельств[29]. Во-первых, сохранение наименования «холоп твой» и признание его обязательным для авторов прошений, вне зависимости от их статуса и чина, неизбежно распространяло на

---

[27] «...посмотря на духовный чин и видя в нем много нестроения, несуетный на совести нашей возымели мы страх, — сказано в манифесте к Регламенту или Уставу Духовной коллегии, — да не явимся неблагодарны Вышнему... [если] пренебрежем исправление чина духовного» (ПСЗ. Т. VI. 1721. № 3718. С. 314. 1721. 25 января).

[28] См. об этом: *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. 1. С. 27; *Benz E.* Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. B. 1947.

[29] См. об этом также: *Полонский Д. Г.* Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII — начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 234–255.

все население официальное обращение, адресованное лишь знати. Во-вторых, понятие *холоп*, как уже отмечалось, имело в глазах современников одновременно и уничижительное, и престижное значение и было тесно связано с историческими реалиями русской жизни. Петр остановился на более книжном, литературном термине *раб*, который не являлся столь исторически ассоциативным и не совпадал со словом *chłop* («мужик», «крестьянин») соседней Польши, откуда в XVII — начале XVIII века шло особенно сильное лингвистическое влияние[30].

Объединение населения страны наименованием *раб* в отношении верховного правителя означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти и увеличение дистанции между престолом и подданными. В свою очередь, официально заданная единая подпись в челобитных на высочайшее имя не могла не воздействовать на сознание авторов, которые поголовно по царскому указу теперь именовались *рабами*. Общий для всех формуляр «Вашего Величества нижайший раб» в конечном итоге способствовал дальнейшей унификации общества, в котором главным объединяющим символом был образ самодержца. Терминология прошений и отражала, и стимулировала сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании, что, кстати, подтверждает и смысловое наполнение некоторых русских пословиц: «раб Божий всякий человек», «пред Богом все рабы». Главный идеолог петровского царствования архиепископ Феофан Прокопович не раз объявлял Петра «министром Всевышнего», через «державнейшее» посредничество которого получает народ милость Божию, и напоминал, что «противляться властям» означает «противиться Богу самому»[31].

---

[30] См.: *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. II. С. 348–349.

[31] *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91, 115, 124. Следует, однако, отметить, что непосредственно уподоблять монарха Богу в челобитных запрещалось. Еще в царствование Федора Алексеевича был издан именной указ «о неписании в просьбах государю выражения, чтобы он пожаловал умилосердился, как Бог». Данное решение, подкрепляемое угрозой «великой опалы», аргументировалось «непристойностью» подобного словоупотребления в жалобах (ПСЗ. Т. II. № 826. С. 268–269. 1680. 8 июня).

В данном контексте понятие *раб* было практически лишено уничижительного значения[32]. В России XVIII века, где служба монарху возводилась в ранг важнейшей мировоззренческой ценности, роль «слуги царя» столь же возвышала подданного, как смирение «раба Божьего» украшало праведника. Это обстоятельство снимает возникающее на первый взгляд противоречие между введением официального наименования *нижайший раб* и отдельными фактами правления Петра, который, по свидетельству современников, запретил падать на улице перед ним на колени, мог лично принимать жалобы и прошения от простых людей и жестко требовал их немедленного рассмотрения в Сенате[33].

[32] Не случайно в немецко-русском словаре XVII века понятие «раб слову Божию» переводится как *Dienerdes Wortes Gottes* (букв. — служитель Божьего слова), а собственно слово *раб* передается терминами — *Knecht, Lackey* (букв. — слуга, лакей) (Teutscher, und Reussischer, Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch. B., 1984. S. 127, 302, 314). (Приношу благодарность профессору Х.-Х. Нольте за предоставленную информацию.)

[33] См., например: *Мезин С. А.* Образ идеального монарха в массовом историческом сознании XVIII века (на материале «анекдотов» о Петре Великом) // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1–2. P. 61–82.

ПОДДАННЫЕ

«Где до сего слово "раб" было, употреблять имя "подданный"»

Анализ прошений на высочайшее имя после 1702 года свидетельствует, что новый формуляр и, в частности, подпись «Вашего Величества нижайший раб» легко был усвоен челобитчиками и быстро перешел в разряд автоматически воспроизводимых штампов[1]. Официально заданное наименование подданных сохранялось и неоднократно подтверждалось[2] вплоть до 1786 года, т. е. до указа Екатерины II «Об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя и в Присутственные места подаваемых челобитен». В императорском повелении, объявляемом «во всенародное известие», изменялась идентификация самого факта обращения к монарху и название послания: «...отныне впредь, вместо подаваемых до сего на имя Ее Величества *челобитен*, как к Ее Величеству, так и в присутственные места по исковым и другим делам, писать жалобницы или прошения, в коих после титула Ее Величества *бьет челом*, ставить: *приносит жалобу*, или *просит имярек*». Кроме того, принципиально трансформиро-

---

[1] См., например, письма Ф. М. Апраксина Петру (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 11. Л. 25–26, 38–39; Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek, 2* Cod. Ms. Asch 171 Beil). Установленная формула *нижайший раб* со временем обросла и другими выразительными определениями — *последний, подданный, страждущий* и т. п. (см., например: прошение В. Б. Голицына. 1775 г., июль // ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 94. Д. 17. Л. $4^{об}$–6).

[2] Так, в 1721 году в связи с изменением титула российского монарха и провозглашением его императором еще раз был определен формат подписи в челобитных и отписках — «Вашего Императорского Величества нижайший раб имярек» (ПСЗ. Т. VI. № 3850. С. 453–454. 1721. 11 ноября).

валась словесная форма выражения зависимости автора послания от престола: «...в присылаемых же к ее величеству письмах и реляциях или донесениях, по окончании оных, вместо *всеподданнейшего раба*, подписывать просто: *всеподданнейший*, или *верный подданный*; а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего слово *раб* включаемо было, вместо оного употреблять имя: *подданный*»[3].

Безусловно, смысловым центром указа являлся запрет на использование во всех официальных бумагах понятия *раб* в качестве наименования, характеризующего отношения личности и престола. Это одно из многочисленных «семиотических» преобразований власти отменяло уже сложившуюся традицию этикетной формы выражения зависимого положения. Во второй половине XVIII века термин *раб* был общеупотребительной подписью в самых различных посланиях, от писем отцу до представляемых монарху планов и проектов крупных сановников[4]. Просвещенный фаворит Елизаветы Петровны, один из основателей Московского университета и покровитель М. В. Ломоносова, И. И. Шувалов, исполненный «усердия и верности рабской», как «последнейший раб», открыто писал императрице о «неправосудии, разорении, грабежах» и прочих «государственных делах», требующих немедленного решения[5]. Показательно, что шаблонная формула «всеподданнейший

[3] ПСЗ. Т. XXII. № 16329. С. 534. 1786. 13 февраля.

[4] Так, знаменитый дипломат, герой Русско-турецкой войны Я. И. Булгаков, обращаясь к императрице с челобитной по поводу прав на имения своих родителей, «рабски просил терпеливо выслушать» (Русская старина. 1881. Т. 31. № 6. С. 291). В послании Елизавете Петровне М. И. Воронцов обращается от «всех черных рабов Ваших» (цит. по: *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц России. СПб., 1885. С. 218). В 1759 году С. Р. Воронцов заканчивал письмо отцу такими словами: «Препоручая себя в вашу ко мне родительскую милость, остаюсь ваш, милостивый государь батюшка, всенижайший раб Семен Воронцов». Правда, следует заметить, что слово *раб* присутствовало в подписях посланий, адресованных императрице, «матери Отечества», или собственным родителям. Брат Семена Романовича Александр Воронцов в переписке с дядей именовал себя «покорный и верный слуга», а его адресат М. И. Воронцов — «верный друг» (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 137, 139; М., 1880. Кн. 16. С. 3).

[5] Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. Кн. I. № 1–6. Стб. 72.

раб» сохранялась и в конце таких серьезных, не имеющих ничего общего с жалобами и прошениями политических документах сановников Екатерины II, как «Генеральный план Воспитательного дома» И. И. Бецкого или «Доклад о государственном правлении» Н. И. Панина[6].

В данных стереотипных фразах понятие *раб* имело метафорический смысл, далекий от содержания слов «невольник» или «обращенный в собственность», и приближалось по своему значению к этикетной подписи «покорнейший слуга». В посланиях на высочайшее имя, лишенных, в отличие от челобитных, строгого формуляра, приближенные императрицы использовали эти формулы как тождественные и взаимозаменяемые[7].

Между тем императрица все же идет на запрет условного трафарета и при этом, подобно Петру, никак не комментирует свое решение. Логично, однако, было бы предположить, что в данном случае ученица Вольтера следовала риторике Просвещения[8], отдавая на сей раз должное гуманистическому учению не только в письмах философам, но и в указе, подлежащем исполнению. По всей видимости, стремлением к просветительской стилистике можно объяснить и искоренение архаичных уничижительных формул «чело-

[6] См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 292. 1767. 11 августа; Т. XIX. № 13909. С. 635. 1772. 20 ноября; ОР РГБ. Ф. 16. Карт. 16а. Д. 23, 29, 31–32. Так, например, составляя принципиальные замечания на проект императрицы «Учреждение для управления губерниями», Никита Панин, оказывается, «исполнял сим [свое] рабское откровеннейшее повиновение». А в конце знаменитой «Записки о преобразовании Сената», как известно, скептически настроенный и независимо мыслящий канцлер написал «всемилостивейшая государыня, Вашего Императорского Величества всеподданный раб» (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 162. Л. 84); Записка Н. И. Панина Екатерине II о преобразовании Сената и других судебных мест, с приложением проекта Манифеста о новой схеме организации Сената. 1762–1763 (Там же. Д. 114. Л. 2об).

[7] См., например: ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 292. 1767. 11 августа.

[8] Вероятно, сыграла свою роль свойственная эпохе несколько идеалистическая вера в силу разумного законодательства, строгое подчинение которому должно было преобразить и страну, и людей. Будучи еще юной великой княгиней, Екатерина писала: «Свобода, душа всего, без тебя все мертво. Хочу повиновения законам, но не рабов; хочу общей цели — сделать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества, не жестокости, которые несовместны с нею» (Собственноручные заметки Великой княгини Екатерины Алексеевны // Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 84).

битная», «бить челом»[9] и замене их на производные от «просить», «жаловаться», «приносить жалобу» и т. п.[10]

О том, что «просвещенное общественное мнение» в известной степени повлияло на принятие указа, свидетельствуют сохранившиеся ответы Екатерины на вопросы Дидро. За несколько месяцев пребывания в Петербурге в 1773–1774 годах французский философ сумел свести знакомство со многими людьми, составить собственное представление о ситуации в России и даже дать несколько рекомендаций по устройству огромной страны императрице, благодаря приглашению которой он и находился при русском дворе. Интерес Дидро распространялся буквально на все сферы общественной жизни, что отразилось, в частности, в вопросах, направленных президенту Коммерц-коллегии графу Иоганну Миниху. «Милостивый государь граф, — писал Дидро, — простите эту назойливость иностранцу, которому бы не хотелось возвращаться домой в полном неведении. Если у Вас что-либо написано о политическом, гражданском, военном и пр. управлении, то я клянусь, что мне будет приятно убраться Вашими перьями». Ответ Миниха, если он вообще последовал, на просьбу о подробнейших сведениях по поводу урожая конопли, перевозке ревеня, таможенных тарифах и проч. не сохранился. Однако, по свидетельству английского посланника Роберта Гуннинга, Екатерина изящным движением руки направила в огонь камина послание от Людовика XV, касающееся взаимоотношений России и Порты, которое ей преподнес лично Дидро. Она просила философа детально описать своему королю всю произошедшую сцену, давая тем

[9] См. об истории термина: *Poe M. T.* A People Born to Slavery. P. 210–211.

[10] О. Г. Агеева высказала предположение, что изменение формуляра прошений на высочайшее имя в 1786 году было так или иначе связано с реформированием двора и русификацией наименований отдельных чинов, относящихся непосредственно к этому же времени. Учитывая данное замечание, можно говорить не только об ослаблении монопольного присутствия немецкого языка в терминологии придворной иерархии, но и замене некоторых архаичных для конца XVIII века русских слов и выражений в политическом лексиконе. Немаловажно, что подобные лингвистические нововведения сопровождались напряженной работой над шеститомным словарем русского языка в специально учрежденной в те же годы Российской академии (см.: *Агеева О. Г.* Императорский двор в России: 1700–1796 годы. М., 2008. С. 173–176).

самым понять, что ученый и писатель должен оставаться в сфере высших материй[11].

Тем не менее императрица охотно комментирует общие вопросы Дидро, хотя некоторые из них, касающиеся, например, положения евреев или прав «лиц простого звания», звучали явно провокационно. По всей видимости, особенно задели Екатерину даже не поднимаемые проблемы, а отдельные формулировки. На вопрос: «Какие существуют отношения условия между владетелем и рабом?» — последовало, прежде всего, предложение разобраться в терминологии: «Существует закон Петра Великого, который запрещает называть рабами крепостных крестьян дворянства»[12]. В действительности речь шла не «рабах», а о таких социальных группах, как «деловые», «задворные» люди, «церковные причетники», «бобыли», «холопы» и т.д., и не об одном законе, а о целой серии именных и сенатских указов, направленных опять-таки не на искоренение унизительного наименования для человека, а о включении в подушный оклад всех дворовых душ «мужеского пола от старого до самого последнего младенца»[13]. «Понеже слышу я, — писал Петр, — что в нынешних переписях пишут только одних крестьян, а людей дворовых и прочих не пишут»[14]. Екатерина имела в виду ликвидацию холопства и прекрасно понимала фискальный смысл этих социальных мероприятий. Но почему бы было ради престижа России не наполнить высоким гуманистическим смыслом введение новой системы налогообложения?

Спустя несколько лет после встречи императрицы с французским философом наименование *раб* действительно будет запре-

[11] *Dulac G.* Les relations de Diderot avec la Russie: transcription et identification des noms de personnes // Editer Diderot (Etudes recueillies par G. Dulac). Oxford, 1988. P. 340–317; Дидерот к графу Миниху // Русский архив. 1878. Кн. III. № 9–12. С. 409–412; Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (с 1770 по 1776 год включительно) // Сб. РИО. 1876. Т. 19. С. 383–385; О состоянии России при Екатерине: вопросы Дидерота и ответы Екатерины (1773) // Русский архив. 1880. Кн. III. № 9–12. С. 1–29.

[12] — Quelles sont les conditions entre le maitre et l'esclave pour la culture des terres? — Il y a une loi de Pierre le Grand qui défend de nommer esclaves les sujets de la noblesse (подчеркн. мной. — *Е. М.*).

[13] См.: ПСЗ. Т. V. № 3245. С. 597. 1718. 26 ноября; № 3287. С. 618–620. 1719. 22 января; Т. VII. № 4145. С. 10–16. 1723. 19 января и др.

[14] Там же. Т. VI. № 3481. С. 1. 1720. 5 января.

щено, и теперь уже не в целях пополнения казны. Подпись «верноподданный раб», согласно указу 1786 года, трансформировалась в посланиях на высочайшее имя в понятие «верный подданный». Подобный терминологический выбор власти станет теперь лаконичным выражением провозглашенного и узаконенного изменения официальной концепции отношений престола и личности, а также импульсом для развития института подданства в российском обществе и дальнейшего осмысления этого понятия.

Понятие *подданный* пришло в русский язык из латинского *subditus* через польское влияние *poddany, poddaństwo*[15]. В XV–XVI веках этот термин наиболее часто употреблялся в значении «подчиненный, зависимый, покоренный» при описании взаимоотношений монарха и населения зарубежных государств. Лишь с XVII столетия слово *подданный* начинает активно использоваться для характеристики «подверженности» жителей Московской Руси власти царя и приобретает другой смысловой оттенок, выражающийся в понятиях «преданный, верный, покорный»[16]. В XVIII веке эти два нюанса значений термина *подданный* сохраняются, причем последнее становится все более общеупотребительным, пока не превращается в устойчивую часть этикетной подписи *верноподданный раб* в посланиях на высочайшее имя. Двоякое значение понятия было зафиксировано и в словаре Российской академии, где приводились слово *подданный* в значении «подлежащий власти государя или другого какого верховного правителя» и слово *подданнейший*, «употребляемое в прошениях от подданных к государю»[17].

Законодательство XVIII столетия, особенно его второй половины, свидетельствовало об усложнении официальной трактовки института подданства и все более интенсивном использовании властью этого понятия в качестве орудия социального контроля. Терминологический анализ исходящих от престола документов

[15] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 296. См. об этом, в частности: *Madariaga I. de.* Autocracy and Sovereignty // Madariaga I. de. Politics and Culture in 18th-Century Russia: Collected Essays. L., 1998. P. 40–56.

[16] См., например: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 248; Словарь русского языка XVIII в. Л., 1988. Вып. 4. С. 147–148.

[17] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. IV. Стб. 1255–1256.

обнаружил дифференцированное отношение к подданным империи: абсолютизм екатерининского царствования различал *старых, древних, природных* и *новых* подданных, кроме того — *беглых, ушедших из страны* подданных и «иностранцев, присягающих на российское подданство», *временных* и *постоянных* подданных, в официальных текстах также упоминаются *надобные, полезные, просвещенные, истинные* верноподданные и, наконец, признается существование *знатных* и *низких* подданных. Эта отразившаяся в официальной доктрине своеобразная градация жителей расширяющей свои границы державы не совпадала с сословной иерархией, поскольку зависела не от статуса той или иной социальной группы, а напрямую определялась степенью заинтересованности самодержавия в конкретной части населения страны. Именно через понятие *подданство* выражалась реальная взаимосвязь государства и общества, которая функционировала в масштабе всей империи, действовала в рамках сословной политики престола и существовала на уровне отношений личности и власти, персонифицированной в образе монарха. Не случайно в словаре Российской академии под *подданством* понимается «состояние подданного в рассуждении Государя»[18].

Сопоставление обстоятельств публикации высочайших указов свидетельствует, что проблема подданства актуализировалась в обращениях власти к обществу после Екатерининского переворота в июне 1762 года, после кровавых событий восстания Пугачева, а также в связи с присоединением к России новых территорий, определением иностранцев на русскую службу, при заселении немецкими колонистами пустующих земель Поволжья и, кроме того, разрабатывалась в концепции Воспитательного дома, предназначенного для создания «новой породы людей». Столь разные на первый взгляд по содержанию и социальным функциям доку-

[18] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. IV. Стб. 1255–1256. В книге «О должностях человека и гражданина» понятие *подданный* охватывает «всех находящихся в государстве людей, которые повинуются государю» (О должностях человека и гражданина. Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи // Русский архив. 1907. Кн. I. № 1–4. С. 349). См. об «иностранных подданных»: *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 351–416.

менты так или иначе были порождены новыми, нестандартными ситуациями в отношениях самодержавия и жителей империи, на сознание которых требовалось особое воздействие.

В абсолютистском государстве смена правящего монарха всегда чревата волнениями. Хорошо известно, что особенно шатким было положение великой княгини Екатерины Алексеевны, которая в июне 1762 года провозгласила себя самодержицей при трех претендентах, имеющих более веские династические основания на занятие российского престола. Свергнутый в результате гвардейского заговора Петр III, подросток Павел Петрович и несчастный сын Анны Леопольдовны, Иоанн Антонович Брауншвейгский, могли рассчитывать на сочувствие определенных групп в обществе и потому представляли реальную угрозу для зыбкой власти новой императрицы. Именно поэтому Манифесты на вступление на престол и коронацию Екатерины II должны были прозвучать в высшей степени убедительно, «клятвенное обещание» стать действительно непреложной заповедью для присягнувшего подданного, а верность государыне — ценностью большей, чем благополучие и даже жизнь[19].

В Манифестах, обосновывающих легитимность правления императрицы, просматривается собирательный образ *верноподданных*, «духовных, военных, гражданских», которые в едином порыве поддерживают воцарение Екатерины и «с усердием учиняют присягу в верности». Власть выдвигает несколько символов, сплачивающих все население страны вокруг престола: «закон наш православный греческий», «слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием» и «внутренние порядки, составляющие целость нашего Отечества». Новая государыня «вве-

[19] Именно в XVIII веке верность присяге соединилась в сознании дворянина с представлением о чести. Не случайно в знаменитой повести о нравственном развитии благородного российского шляхетства старший Гринев служил при графе Бурхарде Минихе, сын которого во время переворота 1762 года сохранил преданность императору Петру III. Младший Гринев, также унаследовавший воспитанную в отце верность данному слову, как «природный дворянин», не сможет изменить присяге даже под угрозой казни. Собственно импульсом и к выступлению на Сенатской площади, окрестившему элиту высшего сословия декабристами, послужила отмена присяги, которую вся страна принесла Константину Павловичу.

ренной ей от Бога Всевышнего» властью берет на себя попечение о подданных, которые в свою очередь клянутся «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться» и «о ущербе Ее Величества пользы благовременно объявлять». В данных высочайших документах все жители страны именовались «верноподданными», а также «прямыми сынами Отечества» и «добрыми Ее Императорского Величества рабами»[20].

Манифесты 1773–1774 годов «о преступлениях казака Пугачева», «о бунте казака Пугачева и о мерах, принятых к искоренению сего злодея» и т. п. объявлялись также во «всенародное известие» и были адресованы «всем нашим верным подданным». Однако в столь драматичный для самодержавной власти момент общество уже не столько объединялось образом монархини, сколько жестко разделялось на «предателей Отечества», на «несчастных людей, погруженных во тьму невежества», «забывших долг и присягу» и потому «примкнувших к злодею», с одной стороны, и большинство «носящих достойно имя россиянина», «послушных законам», «преданных начальству» — с другой. Характерно, что в этих документах внушались как обязанность повиновения, так и вера в искреннюю заботу императрицы о «вверенном ей народе», в среде которого «оказались внутренние враги отечественного покоя». Власть пыталась передать всю глубину вероломной неблагодарности «самозванца и его способников», «взбунтовавшихся» несмотря на «беспрерывный труд и неутомимое рвение» государыни «к благосостоянию подданных». На первый взгляд может показаться странным появление в законодательных актах сразу после разгрома восстания Пугачева официальной версии *общего блага*, предполагающего «христианское благочестие, поправление законов гражданских, воспитание юношества, пресечение несправедливости и

[20] ПСЗ. Т. XVI. 1762. № 11582. С. 3–4. 1762. 28 июня; № 11598. С. 12–13. 1762. 7 июля. Велеречивые прославления пекущегося о благе подданных монарха были в целом характерны для абсолютистских режимов XVIII века с их идеологией патернализма. Так, в документе, подтверждающем ратификацию перемирия между Россией и Турцией в мае 1772 года, верховный визирь Порты Мусин-Оглы так воспевал султана: «Всепресветлейший, державнейший, правдивейший император, всемилостивейший мой государь... и так все рабы и обитатели земель да благодарят за показанную малейшую им милость...» (Там же. Т. XIX. № 13822. С. 525–526. 1772. 15 июня).

пороков, искоренение притеснений, лихомани, взятков, умаление праздности и нерадения к должностям»[21]. Между тем усилия потрясенного масштабами бунта окружения Екатерины были направлены не только на беспощадное подавление «злодейской толпы», но и на укрепление позиций государственной власти, в том числе и в сознании подданных.

Подданные Российской империи

Действительно обстоятельное толкование института подданства было связано не со сменой правящего монарха и не с возмущением, охватившим почти половину территории Европейской России, а с присоединением к расширяющейся империи новых земель после победы над Портой и разделов Польши. Необходимость включения населения завоеванных областей под юрисдикцию Петербурга требовала особенно четкой трактовки понятия подданства, над которым не слишком задумывались жители исторического центра России, именуемые в высочайших указах одновременно и *детьми*, и *гражданами*, и *рабами*, и *верноподданными*. Замечу, что речь здесь идет не в целом о национальной и религиозной политике российского абсолютизма, имеющей богатейшую историографию[22], а об идеологическом обосновании действий престола в присоединенных областях и каналах воздействия на сознание *новых подданных*, а также *иноверцев* среди *древних подданных*.

Указы о принятии «под российскую державу» населения «полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны», а также провинций Польши включали довольно ограниченный набор условий, предполагающих вступление в новое подданство, а именно: присягу на верность, сбор «всех публичных доходов в казну» и осуществление «суда и расправы» по местным обычаям,

[21] См., например: ПСЗ. Т. XIX. № 14091, 14230.

[22] См. некоторые обобщающие работы: Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997; *Kappeler A.* Rußlandals Vielvölkereich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992; *Аполлова Н. Г.* К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Абсолютизм в России. М., 1993. С. 355–388.

но «под российскими законами, именем и властью Ее Императорского Величества». Учитывая столь мягкие требования, следует отдать должное гибкой тактике екатерининского абсолютизма, декларировавшего отказ от взрывоопасной политики форсированной унификации присоединяемых территорий. Екатерина в официальных манифестах ограничивалась лишь упоминанием о самом общем соблюдении законов и о налогах, направляя основные идеологические усилия на «присвоение сердец всех людей, живущих в новоприкосновенных землях», чтобы «должное к новой власти повиновение вкорено и обнадежено быть могло». Так, в наказе, данном в 1772 году губернаторам Псковской и Могилевской губерний генерал-майорам М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову, провозглашалось стремление российского престола, «чтоб не токмо сии провинции силою оружия были нам покорены», но чтобы «добрым, правосудным и снисходительным управлением Российской империи» все жители «сами причину имели почитать отторжение свое от анархии республики Польской за первый шаг к их благоденствию»[23]. Показательно, что даже первые шаги по «установлению твердого во всем основания и надлежащего порядка» не обошлись без адаптации социальных понятий. Так, в сентябре 1772 года белорусский генерал-губернатор З. Г. Чернышев писал Екатерине: «...не соизволено ль будет указать начать по учрежденному порядку перепись душ; но как слово души в сих губерниях в сем случае необыкновенно, то назвать перепись сию поголовною переписью»[24].

Одной из форм идеологического воздействия на сознание населения присоединяемых территорий стало терминологическое определение отношений с самодержицей: все жители «без различия звания и чина» объявлялись для представителей верховной власти *любезными согражданами*, а для «всемилостивейшей государыни» — *новыми подданными*, «усыновленными под державу российскую». При этом *новые подданные* силой высочайшего манифеста получали те же преимущества, что и *древние, природные*. Однако из объединяющих символов подданства молчаливо исключался «закон наш православный греческий», и настойчиво подтвержда-

[23] См., например: ПСЗ. Т. XIX. № 13850, 13807; Т. XXI. № 15708.

[24] Там же. № 13865. С. 571. 1772. 13 сентября.

лась неприкосновенность исконной веры «подвластных» народов, а также «неограниченная свобода ее публичного отправления со всеми законными обрядами»[25].

Особый интерес представляет не только анализ эффективности политики конфессиональной толерантности, но и рефлексия власти по поводу собственного столь гибкого оперирования знаковыми образами государственного единства. Некоторая информация по данной, достаточно сложно вычленяемой в историческом материале проблеме все же может быть обнаружена в инструкциях крупным чиновникам и военачальникам, откомандированным в присоединенные области. Этим сановникам екатерининского царствования особенно часто приходилось делать выбор в нестандартных ситуациях, когда «многое зависело от времени и случая», исключало «точные предписания» и определялось «усердием, которое само должно открыть надлежащую пору»[26]. В подобных обстоятельствах дальновидные решения принимались на основе общих представлений о *государственной пользе* и стратегии абсолютистского правления, в частности и в вопросах религиозной политики. Многообразие вероисповеданий коренных народов, включение в состав империи областей с неправославным и даже нехристианским населением и, наконец, активизирующийся в XVIII столетии приток иностранцев в Россию — все эти факторы требовали разумного прагматизма и в то же время его адекватного толкования хотя бы для представителей царской администрации. Характерно, что важнейшим теоретическим документом в данном случае выступал Наказ Уложенной комиссии.

Как уже упоминалось, в этом программном тексте российской официальной идеологии XVIII века декларативно провозглашался расплывчатый символ *общего блага* и со всей определенностью *самодержавие* объявлялось единственно возможной формой правления на обширном пространстве «столь великого государства»[27]. Однако, помимо ни к чему не обязывающих монархиню броских

[25] ПСЗ. Т. XVII. № 12307; Т. XIX. № 14042; Т. XXI. № 15263, 15798, 15830, 15833 и др.

[26] *Там же.* Т. XIX. *№ 13808. С. 510. 1772. 28 мая.*

[27] Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 3.

обобщений просветительской доктрины и в то же время жестко задаваемого приоритета абсолютной власти императора, в Наказе формулировались некоторые конкретные гуманитарные ценности, такие как пагубность пытки или недопустимость взяток, которые часто были далеки от повседневности, но тем не менее задавали довольно высокую планку политического сознания правящей элиты. Богатая непредсказуемыми поворотами социальная жизнь крепнущего и раздвигающего свои границы государства иногда наделяла эти вольные просветительские рассуждения силой исходящих от престола реальных инструкций, которым должны были следовать государственные чиновники[28]. Анализ екатерининского законодательства обнаруживает, что безрезультатное завершение деятельности Уложенной комиссии не означало еще превращение Наказа в лишенную всякого влияния стилизацию трудов Монтескье и других мыслителей эпохи Просвещения. Императрица на протяжении всего правления при необходимости актуализировала те или иные положения своей политической программы в распоряжениях и рескриптах.

В том же именном указе от 1772 года, адресованном губернаторам Псковской и Могилевской губерний, следует отметить несколько обстоятельных ссылок на Наказ Уложенной комиссии, включающих цитаты и точное перечисление статей и глав этого документа. В частности, в указе говорилось: «Мы уже единожды навсегда во всей Российской империи области за правило постановили, что в толь великом государстве... весьма бы вредный... был порок, запрещение, или недозволение их различных вер (смотри 494, 495 и 496 статьи Наказа Комиссии Уложения 1767 года). ... ныне вам предписуем всех тех жителей, кои присягу верности учинят... оставить при всем том, что каждый правильно имеет. Мы впрочем ссылаемся на V главу Наказа Комиссии Уложения, кото-

[28] Екатерина весьма пристально следила за тем, чтобы текст Наказа был хорошо известен не только столичным, но и провинциальным чиновникам (см., например: Собственноручная записка императрицы Екатерины II относительно рассылки экземпляров «ново-общенародного узаконения» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 56); указ о предписании присутствующим всех судебных мест, дабы они по субботам съезжались в присутствие для чтения Наказа (ПСЗ. Т. XVIII. № 13107. С. 531–532. 1768. 28 апреля).

рая вам довольно объяснит обширное поле сей статьи без дальнего от Нас здесь распространения»[29].

Сравнительный анализ законодательных актов убеждает не только в стабильной стратегии самодержавия по отношению к населению западных территорий, но и в поразительной текстологической последовательности идеологического обоснования политики верховной власти на новых землях. В частности, инструкции, данные 28 мая 1772 года М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову, «по коим они должны поступать при исправлении должностей губернаторов в присоединенных от Польши губерниях», а также плакат белорусского генерал-губернатора З. Г. Чернышева «о принятии под Российскую державу уступленных от Польши провинций» практически полностью совпадали по содержанию с именным указом тому же генералу М. Н. Кречетникову от 8 декабря 1792 года «о распоряжении в польских областях» и манифестом 1793 года «о присоединении польских областей к России»[30]. Создается впечатление, что спустя 20 лет статс-секретари стареющей императрицы достали пожелтевшие указы и вновь пустили их в дело.

«Новые» и «древние» подданные

Сопоставление текстов указов 70-х и 90-х годов, в том числе и процитированных или упомянутых в них статей Наказа, а также некоторых отвлеченных пассажей о веротерпимости, встречающихся в законодательных актах, позволяет приблизиться к пониманию стратегии самодержавия по отношению к *иноверцам*. Эта офици-

[29] ПСЗ. Т. XIX. № 13808. С. 508–509. 1772. 28 мая; а также: № 14042. С. 831. 1773. 18 сентября.

[30] Ср.: Там же. № 13808. С. 508–511. 1772. 28 мая; Т. XIX. № 13850. С. 553–555. 16 августа; Т. XXIII. № 17090. С. 388–391. 1792. 8 декабря; Т. XXIII. № 17108. С. 410–412. 1793. 27 марта. Рукописный оригинал именного указа от 28 мая 1772 года хранится в РГВИА (Ф. 846. Д. 1880. Л. 103–111). Местонахождение подлинника практически буквально совпадающего высочайшего распоряжения от 8 декабря 1792 года, к сожалению, неизвестно. Поэтому сейчас невозможно установить — сама ли императрица слегка откорректировала свои бумаги двадцатилетней давности или же это за нее сделали придворные сановники.

альная концепция, как, впрочем, и другие идеологические обоснования реальной политики Екатерины, отличалась простотой и четко сформулированными приоритетами:

- Россия, «распространяющая свое владение над толь многими разными народами», в конечном итоге признавалась государством многонациональным и поликонфессиональным, где любое ограничение в вере может быть чревато «возмущениями».
- Присоединение новых территорий и возрастающие экономические потребности страны поставили власть перед необходимостью освоения Нижнего Поволжья, Приуралья, а затем Крыма и Северного Кавказа. Следовательно, «чрезмерные пространства» Российского государства, в котором есть «обнаженные от жителей» области, «обработаны» могут быть «гражданами чужестранными». С целью «умножения обитателей Империи» и заселения «праздно остающихся мест»[31] самодержавие объявляет переселенцам целый ряд «ободрений и выгодностей»[32].
- Власть прилагает большие усилия для «привлечения умов иноверцев» как среди коренных народов, так и среди «новых подданных».
- И, наконец, отправление любой веры в Российской империи происходит с высочайшего благословения. Так, в октябре 1783 года Екатерина писала посланнику Петербурга в Порте Я. И. Булгакову о присяге на верность российскому престолу *новых подданных* мусульманского вероисповедания: «Вы можете внушить

[31] Наказ императрицы Екатерины II. С. 77, 81–83, 134.

[32] В частности, издаются указы о свободе вероисповедания для иностранцев, «входящих в Россию», и о строении лютеранских и католических церквей на землях, занимаемых колонистами, а также о содержании определенных туда пасторов и т. д. Разумеется, в действительности политика «обнадеживания» и «приохочивания» *новых подданных* нередко грубо нарушалась. Так, в 1765 году Н. И. Панин писал А. П. Мельгунову, тогда генерал-губернатору Новороссийской губернии: «Многие офицеры осмеливаются ездить в польские границы… забирать там силою людей… делая при том жителям взятками своими и другими прицепками крайние обиды». Не случайно губернаторам западных приграничных областей рассылались секретные ордера, предписывающие «всевозможное везде употреблять старание не только не подавать полякам причин к роптанию… но еще всеми мерами и приласкивать их к здешней стороне» (ОР РГБ. Ф. 16. Карт. 16[а]. Д. 31. Л. 1).

министерству оттоманскому в рассуждении единоверных им ныне под державу нашу присоединенных... мы желаем, чтоб подвластные скипетру нашему обязаны были их благоденствием единственно нашему об них промыслу... а отнюдь не посторонним заступлениям и ручательствам»[33].

Иными словами, в идеологической стратегии российского абсолютизма доминировало не сакральное мышление, а прагматичное использование религиозных символов в политических целях. Приверженность к православию и старательное выполнение обрядов с момента появления Екатерины при русском дворе в феврале 1744 года и принятия православия в июле легко сочетались у императрицы с рационализмом Просвещения и политической прагматикой[34].

В Манифесте о вступлении на престол Екатерина в соответствии с традиционными представлениями о монархе выступила как защитница «православного греческого закона», который «восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных»[35]. Однако, исходя прежде всего из экономических потребностей государства, власть передала все монастырские земли с живущими на них крестьянами в ведение специально учрежден-

[33] Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 91. В царствование императрицы формировались даже мусульманские миссии для пропаганды ислама. Так, с целью ослабления религиозного влияния Бухары и Хивы в среду казахов были направлены татарские муллы, которые проповедовали магометанское учение и создавали начальные духовные школы (мектебы) для детей знати (см. об этом: *Кляшторный С.* Симбиоз. Россия и Казахстан: евразийская перспектива // Родина. 2004. № 2. С. 20). А в именном указе генерал-поручику барону Игельстрому от 1785 года Екатерина писала: «Построенные для подданных наших магометанского закона мечети в крепости Троицкой и в Оренбурге [привлекут] и прочих в близости кочующих, сие и может послужить... к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер» (ПСЗ. Т. XXII. № 16255. С. 450. 1785. 4 сентября; а также: Т. XXI. № 15700. С. 890. 1783. 30 марта; Т. XXIII. № 17053. С. 341. 1792. 15 июня и др.).

[34] Современный немецкий исследователь Клаус Шарф отмечает, что в родном княжестве Екатерины, Анхальте, конкурировали между собой кальвинизм, ортодоксальное лютеранство и пиетизм, но сама будущая российская императрица не проявляла ни малейшего интереса к конфессиональным вопросам (см.: *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015. С. 88–89).

[35] ПСЗ. Т. XVI. № 11582. С. 3. 1762. 28 июня.

ной Коллегии экономии. Был резко сокращен постриг и установлен контроль самодержавия за количеством монахов в монастырях строго по штату, поскольку черное духовенство содержалось в значительной мере за счет казны. Наступление на права церкви и окончательное включение духовенства в чиновный аппарат империи не сопровождались никакой официальной аргументацией. Так, например, в «Высочайше утвержденном докладе учрежденной о церковных имениях Комиссии» от 31 марта 1764 года безапелляционно объявлялось: «Вновь монастырей и пустынь ни где, ни под каким видом, без особливого Ее Императорского Величества соизволения не строить»[36].

Во время путешествия Екатерины по России в 1767 году набожную матушку-государыню увидели жители Рыбной Слободы и Ярославля; спустившись вниз по Волге, императрица в Казани произнесла перед подданными, исповедующими магометанство, несколько специально выученных фраз по-арабски и предоставила российским мусульманам право беспрепятственно возводить мечети[37]. Если речь шла о поддержке греческой церкви или покровительстве православным подданным Оттоманской империи, то прекрасно работала мессианская роль Московии. Но если же истовая преданность греческой вере противоречила прагматике государственного интереса, то этот символ просто исчезал из официальной доктрины, призванной обеспечить политическую стабильность. Традиционная для Московского государства и Российской империи известная конфессиональная толерантность имела, с одной стороны, разработанные механизмы практической реализации, многие из которых отразились в законодательных актах, но с другой — крайне слабое и невнятное идеологическое обоснование. В самодержавном государстве с православным монархом во главе символ «греческой веры» был незыблемой составляющей официальной доктрины, и потому его забвение, а также публичное признание прав других конфессий исключали развернутые толкования.

---

[36] Там же. № 12121. С. 698. 1764. 31 марта.

[37] См. об этом, например, Письма Екатерины Вольтеру // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 347, 353; Там же. 1874. Т. 13. С. 60, 146, 263 и др. См. об этом также: *Бессарабова Н. В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005. С. 143–161.

Власть не могла со всей определенностью заявить о своей тактике в отношении *иноверцев* и ограничивалась или невнятными уверениями, что «православная вера» не отвергает «разумного иных законов дозволения», или же прямыми отождествлениями воли единого для всех Бога и российской императрицы. «...как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ее Величество из тех же правил, сходствуя его святой воле, и в сем поступать изволит»[38]. Иными словами, все российские подданные могут молиться своему Богу, но с высочайшего позволения и за здравие государыни. Данный тезис, звучащий как удачная метафора, в действительности отражал реальные позиции власти и используемые ею механизмы воздействия на сознание подданных. Так, в именном указе от 16 августа 1772 года, данном белорусскому генерал-губернатору графу З. Г. Чернышеву, предписывалось «духовенству всех разных исповеданий... подать собою первый в учинении присяги пример и в повседневном Господу Богу публичном принесении теплых молитв о здравии Ее Императорского Величества... по тем формам, которые им для сего употребления даны будут»[39].

Таким образом, веротерпимость как составная часть самодержавного правления аргументировалась лишь прихотливой волей монарха и прагматическим расчетом, который позволит избежать «споров», «движений» и «возмущений», «противных тишине государства и соединению граждан»[40]. В результате представления современников, и прежде всего правящей элиты, о сущности российского подданства в определенной мере оставались без официальной трактовки. Этот своеобразный идеологический вакуум впоследствии будет частично заполнен повышенным интересом образованного дворянства к другим христианским конфессиям, а также масонскими исканиями интеллектуалов из «благородного» сословия. Практическое отсутствие доктрины религиозной толерантности российского абсолютизма, именуемого в историографии просвещенным, подвело некоторых специалистов к ошибочному,

[38] ПСЗ. Т. XIX. № 13996. С. 775. 1773.

[39] Там же. № 13850. С. 555. 1772.

[40] Там же. Т. XVII. № 12307. С. 7–9. 1765; **Наказ императрицы Екатерины II.** С. 134.

на мой взгляд, выводу о том, что императрица в своей конфессиональной политике руководствовалась ценностями идеологии Разума[41]. В действительности употребляемый в законодательных актах последней трети XVIII века термин *веротерпимость*[42] означал не свободу совести отдельной индивидуальности, а высочайше дарованное *иноверцам* право следовать своим древним обычаям. Конфессиональная толерантность российского престола не затрагивала отношений власти и личности, а лишь поддерживала усилия монархии по «приохочиванию» *новых подданных* «к здешнему житью» и «удержанию магометан и идолопоклонников» от «выступлений»[43]. «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводит их от заматерелого упорства»[44], — писала императрица в Наказе. Подобного рода веротерпимость называется иногда в исследовательской литературе «пассивной» или «энергосберегающей» (*energy saving kind of tolerance*)[45].

Итак, декларация веротерпимости, основанная, как и все правление Екатерины II, на «правилах политики и здравого рассудка»[46], являлась одним из главных каналов воздействия власти на сознание населения присоединенных территорий и в целом жителей империи, не исповедующих православие. Характерно, что любое ограничение автономии, углубление русификации и усиление административного контроля, как, например, подчинение всех католиков Российской империи Могилевскому приходу в обход римского понтифика, преподносились без особых идеологических деклара-

[41] См., например: *Ряжев А. С.* Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии // Отечественная история. 2004. № 2. С. 143–155.

[42] См., например, синодский указ от 17 июня 1773 г. «о терпимости всех вероисповеданий...» (ПСЗ. Т. XIX. № 13996. С. 775. 1773. 17 июня).

[43] См., например: Там же. Т. XVII. № 12307. С. 7–9. 1765. 13 января.

[44] Наказ императрицы Екатерины II. С. 134.

[45] См., например: *Nolte H.-H.* Newly Enlightened — a Case of Intellectual Engineering // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1–2. P. 59; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 812. Обстоятельный анализ этих понятий предпринят также в монографии Г. В. Ибнеевой: *Ибнеева Г. В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. С. 93–101.

[46] См., например: ПСЗ. Т. XIX. № 13808. С. 509. 1772. 28 мая.

ций и даже ретушировались постоянным напоминанием о свободе отправления обрядов. К *новым подданным* следовало в целом относиться «более пристойною ласкою и снисхождением, нежели строгостию и насильною переменою обычаев», чтобы они быстрее «соединились сердцами и духом с верными нам и любезными российскими сынами и [составили] единый с ними народ»[47]. За столь возвышенной риторикой высочайших документов, объявляемых во «всенародное известие», стояли реальные политические цели, о которых еще в 1764 году Екатерина писала в секретном наставлении А. А. Вяземскому: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями и нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было, однако ж и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию глупостью. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки в лесу»[48].

«Знатные» и «низкие» подданные

Безусловно, престол всячески поддерживал переход в греческую церковь *новых подданных* и *иноверцев*. Однако, несмотря на известное косвенное принуждение, проявлявшееся в освобождении «переменивших закон» от налогов, выплате им «повышенных кормовых денег» или «экстраординарных сумм», российский абсолютизм второй половины XVIII века не прибегал к насильственному крещению. Ссылаясь на Наказ, Екатерина напоминала в указах и реляциях, что «нет подлинно иного средства, кроме [увещевания], которым бы можно всех сих заблудших овец паки привесть к истинному верных стаду». Именно в XVIII веке произошло симптоматичное изменение официального определения принявших православие язычников и мусульман, которые стали именоваться не

[47] ПСЗ. Т. XVII. № 12307. С. 9. 1765. 13 января; а также: Т. XXIII. № 17114. С. 420. 1793. 13 апреля.

[48] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5 (см. также: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 660; Ф. 73. Д. 157).

новокрещенными, а *новопросвещенными*. Остяки Сибири, магометане Средней Волги, калмыцкие буддисты Астраханской губернии и проч. «просвещались христианскою православною верою»[49].

Для имперской власти конфессиональное единство вообще оказалось значительно менее актуальным, чем единство языка, «яко необходимо нужн[ое], без которого... употребление в должности весьма неудобно». Во время правления Екатерины II неоднократно издаются указы о преподавании русского языка в училищах присоединенных областей. Любопытно, что собранные в Ревельской губернии 7 тысяч рублей по случаю бракосочетания наследника престола великого князя Павла Петровича были по приказу императрицы от 4 сентября 1784 года направлены «для заведения при тамошних школах учения российского языка»[50].

В этом отношении имперская политика Екатерины II может считаться по-своему уникальным примером унификации присоединенных территорий, которая началась не с вероисповедания, не с языка и даже не с законодательной регламентации повседневной жизни, а с нивелирования общественного сознания и приведения его в соответствие с кодексом добродетелей *природных россиян*. Набор качеств идеального подданного ее императорского величества был достаточно ограничен, вообще не затрагивал конфессиональную принадлежность личности и сводился к «непреложному повиновению законам и воле государя», «послушанию и верности государю», «мужеству и неодолимости противу врагов государя» и, наконец, к «истинной любви к государю и новому Отечеству». Традиционная формулировка верноподданнического долга перед «Богом, царем и Отечеством» при необходимости сворачивалась до неукоснительной преданности самодержцу, образ которого сливался с «вверенной ему от Всевышнего» страной[51]. Характерно, что

[49] См.: ПСЗ. Т. XXI. № 15263. С. 294. 1781. 19 октября; Т. XXII. № 16176. С. 331. 1785. 8 апреля; Т. XXIII. № 17108. С. 410. 1793, 27 марта; и др.; Наказ императрицы Екатерины II. С. 134. См. также об этом: *Nolte H.-H.* Newly Enlightened — a Case of Intellectual Engineering. P. 33–60.

[50] ПСЗ. Т. XXII. № 16055. С. 206. 1784. 4 сентября; № 16056. С. 207. 1784. 4 сентября.

[51] См., например: Там же. № 15708. С. 898. 1783. 8 марта; Т. XXIII. № 17114. С. 420. 1793. 13 марта; и др.

высочайше определенный образец присяги архиепископов и епископов римского исповедания являлся лишь своеобразной составляющей верноподданнической клятвы российской императрице и заканчивался словами: «...сие все и в подробности тем нерушимее соблюду, что удостоверен я, что ничего в оном такого не содержится, чтобы присяге в верности моей законной верховной государыне... мною учиненной, противно быть не могло»[52].

Именно в момент принесения монарху присяги «поступать как верному Ее Императорского Величества подданному» «должное к новой власти повиновение» «вкоренялось», «обнадеживалось», а затем подкреплялось «веротерпимостью» и «выгодами»[53], какими, кстати сказать, не всегда пользовалось коренное население России[54]. Еще в начале XVIII века *новокрещенных* избавлялись на 3 года от рекрутской повинности и податей, а причитающийся с них налог раскладывали на односельчан, сохранявших верность своей вере. Во второй половине столетия принявшие православие и «пожелавшие в России вечно остаться» пленные турки, татары, польские конфедераты объявлялись «вольными людьми», которые выбирали «таковой род жизни, какой сами похотят, и в службу определялись не инако как по их желанию»[55]. Бежавшим в Польшу и Литву «всякого звания людям и крестьянам», в том числе даже раскольникам, разрешалось вернуться «с семейством и пожитка-

[52] ПСЗ. Т. XXII. № 15982. С. 133. 1784. 17 апреля.

[53] См., например: ПСЗ. № 16603. С. 975–993. 1787. Без даты.

[54] Так, например, до конца XVII века исламская знать, лишенная права иметь православных слуг, беспрепятственно пользовалась трудом крепостных греческого исповедания, поскольку Коран запрещает мусульманину содержать мусульманина в рабстве. В то же время русские помещики не могли владеть некрещеными крестьянами (Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1957. С. 347–348). Лишь в 1713 году Петр I «указал бусурманам магометанской веры, за которыми есть крестьяне и дворовые и деловые люди православной христианской веры, сказать... чтоб они, бусурманы, крестились конечно в полгода» (ПСЗ. Т. V. № 2734. С. 66–67. 1713. 3 ноября). В 1784 году Екатерина подтвердила: «Право[м] покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания... никто в империи нашей, не будучи в христианском законе, пользоваться не может» (Там же. Т. XXII. № 15936. С. 51. 1784. 22 февраля).

[55] Там же. Т. XXI. № 15263. С. 294. 1781. 19 октября.

ми под державу природного их Отечества»[56]. При этом среди командиров корпусов царских войск распространялись секретные ордера, предписывающие «российских беглых, [которые] сами собою являться станут, принимать... також и разглашать скрытым образом, что явля[ющиеся] без наказания по-прежнему приняты будут, однако насильством ничего не предпринимать ниже виду к тому не показывать, а... ушедших из России подданных уговаривать и собою забирать»[57]. Разумеется, вскоре эти «возвращенные подданные» оказывались в числе «прочих» ревизских душ, которых власть использовала лишь для пополнения армии рекрутами и казны подушной податью. Создается впечатление, что, обещая *новокрещенным*, *новопросвещенным* и просто *новым подданным* «права, вольности и преимущества» православных, а также «равное с древними подданными благоденствие»[58], Екатерина абстрагировалась от другой, не менее актуальной для власти градации жителей империи на *низких* и *знатных* подданных.

В данном контексте за понятием *старые*, *древние подданные* угадывался абстрактный образ народа, находящегося «на попечении единой Матери Государыни, о всех чадах веселящейся»[59]. В действительности же трансформация в *природных подданных* означала для большей части населения присоединенных областей и для крещеных *иноверцев*, «издревле обитающих» на территории империи, не приобщение к неким правам коренного населения России, а сужение привилегий и постепенный переход в разряд *низких подданных*. Так, например, в именном указе от 13 января 1765 года о ведомстве суда армян и татар, «жительствующих в Астрахани», официально сообщалось, что «по прошествии льготных лет... повинны все поселившиеся в России чужестранцы платить обыкно-

[56] Там же. Т. XVI. № 11815. С. 247–248. 1763. 13 мая. С целью заселения безлюдных, плодороднейших, хотя и засушливых южных районов Причерноморья практически легализируются побеги крестьян в Тавриду из внутренних губерний (см. об этом, например: *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775–1800. М., 1959. С. 244, 261).

[57] ОР РГБ. Ф. 16. Карт. 16а. Д. 31. Л. 3.

[58] См., например: ПСЗ. Т. XIX. 1772. № 13850. С. 553–555. 1772. 16 августа; № 13808. С. 509–510. 1772. 28 мая; Т. XXIII. № 17114. С. 420. 1793. 13 мая; и др.

[59] См., например: Там же. Т. XXIII. № 17114. С. 420. 1793. 13 мая.

венные... подати и службы земские нести как и прочие наши подданные»[60].

Таким образом, в Российской империи наиболее угнетенное положение занимал православный крестьянин исторического центра страны. «В подобного рода государстве, — пишет Л. В. Милов, — чисто формально выглядевшем как империя, а по существу представлявшем своего рода сожительство целого ряда обществ (и этносов) с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, основным источником изъятия этого прибавочного продукта был носитель этой государственности — русский народ. <...> Противоположная ситуация, то есть утверждение привилегированного положения русских как "имперской нации" в российском социуме... в условиях сохранения многонационального государства была исторически нереальна»[61]. Екатерина на практике зачастую бережнее относилась к интересам «разных вер народов», чем к нуждам представителей *древних подданных*, по крайней мере их бесправной податной части.

Собственно главной референтной группой для власти оставались *знатные подданные*, что распространялось на немногочисленную элиту *иноверцев* и населения присоединенных территорий. В ряде указов не только провозглашались равные права *древних* и *новых подданных*, но и особенно акцентировалось привилегированное положение знати, в частности мурз татарских, князей кахетинских и т. п., которые наделялись преимуществами российского дворянства. Дифференциация подданных по принципу знатности преподносилась как «непременное наше желание... дабы всяк, какого бы он рода и закона ни был, пользовался неотъемлемыми преимуществами, к коим порода его, от заслуженных предков происходящая, или отменные личные заслуги дают право»[62].

Данная позиция власти отразилась в указе от 1765 года «о неподавании прошений», где выделяются три основные группы подданных: «имеющие чин», «не имеющие чинов, а благородные» и,

---

[60] ПСЗ. Т. XVII. № 12307. С. 8. 1765. 13 января.

[61] *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 563–564.

[62] См.: ПСЗ. Т. XXII. № 15396. С. 51–52. 1784. 22 февраля; а также: Т. XXI. № 15830. С. 1010–1011. 1783. 11 сентября; № 15835. С. 1013–1017.

наконец, «не имеющие чинов и неблагородные». Соответственно, и в книге «О должностях человека и гражданина» давалось определение понятию *подданный* и выделялось несколько его официально задаваемых градаций: «*Подданны[ми]* называются все находящиеся в государстве люди, кои государю или правящим особам повинуются. Подданные суть различного состояния; иные из них *знатные*, иные же *низкие*. Между *низкими* есть свободные люди; есть же и такие, кои господам службою, некоторыми податьми и иными различными образами обязаны... *Знатные подданные* государства суть те, кои имением своим, просвещением и способностями от других отменны; а отличаются они не токмо высокими названиями, но и тем, что к службе государства различными образами употребляются»[63].

Таким образом, *верноподданными, истинными подданными* для власти было именно дворянство, а точнее — его элита. Социальная иерархия всего населения империи выражалась через понятие *состояние*, и лишь позиции высшего сословия определялись термином *достоинство*[64], что еще в 1754 году было законодательно зафиксировано властью, «даровавшей» дворянству наименование *благородное*. При этом *достоинство и благородство знатных подданных* определялось не древностью происхождения, а службой императору, которая под влиянием официальной доктрины из принудительной обязанности становилась привилегией и наиболее богоугодным делом. Как сказано в той же книге «О должностях человека и гражданина», *знатные подданные* «суть ближайшие к особе монарха, следовательно преимущественно ему ведомы, им употребляемы», они напрягают «силы душевные» к пользе общества и потому «называются *истинными сынами Отечества*»[65].

---

[63] О должностях человека и гражданина. С. 349.

[64] См., например: Наказ императрицы Екатерины II. С. 7 (гл. V «О состоянии всех в государстве живущих»). См. также об этом: *Schmidt C.* Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie — soslovie) in Rußland seitdem 18. Jahrhundert // Jahrbücherfür Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. H. 2. S. 199–211.

[65] О должностях человека и гражданина. С. 352, 359. В Жалованной грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства окончательно юридически закреплялось привилегированное положение высшего сословия, представители которого были названы *верноподданными*, поскольку несли «бремя наиважнейшего Империи и Монарху служения» (ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 347. 1785. 21 апреля).

ПОНЯТИЕ «ГРАЖДАНИН»

«Горожане», «граждане», «сограждане»

В русском языке XVIII века существовал еще один термин — *гражданин*, выражающий взаимоотношения государства и личности и встречающийся в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе. Это понятие было, пожалуй, одним из самых многозначных, о чем свидетельствует антонимический ряд противостоящих по смыслу слов и придающих эволюции значения термина *гражданин* особую полемическую напряженность[1]. Конфликтное содержание отсутствовало лишь в дихотомиях «гражданский — церковный», «гражданский — военный»[2]. К концу столетия и в законодательстве, и в независимой публицистике светская сфера и духовное начало не разъединялись, а, напротив, часто объединялись, что акцентировало универсальность того или иного описываемого явления. Так, Н. И. Новиков, опубликовав в «Трутне» нравоучительные послания племяннику, обличал «слабость человеческую» и «грехи» «противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов»[3]. Приблизительно в те же годы Никита Панин

---

[1] См. об этом, в частности: *Тимофеев Д. В.* Взаимосвязь понятий «гражданин», «гражданское общество» в российской публицистике и законодательстве конца XVIII — начала XIX века // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2010. С. 226–239.

[2] См., например: Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии вице-президента Потемкина об учреждении гражданского правительства в пределах Войска Донского (ПСЗ. Т. XX. № 14251. С. 53. 1775. 14 февраля).

[3] *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 47. О «законе гражданском и священном» упоминает и А. Н. Радищев в «Путешествии из Петер-

в проекте Императорского совета выделил основные черты государственного правления, к которым отнес, в частности, «духовный закон и нравы гражданские, что называется внутренней политикой»[4]. В «Сентенции о наказании смертною казнью самозванца Пугачева и его сообщников» одновременно цитировалась «Книга Премудрости Соломона» и Уложение 1649 года, поскольку приговор «возмутителю народа» и «ослепленной черни» выносился как на основании «Божественного», так и «гражданского законов»[5]. В Наказе Уложенной комиссии также говорилось, что «в самой вещи государь есть источник всякой государственной и гражданской власти»[6]. Кроме того, традиционно[7] в русском языке различалась власть «гражданская, светская и духовная». В XVIII столетии эти различия обогащаются такими понятиями, как «гражданские и военные чины», «гражданская и церковная печать»[8] и т. п.

На основании словарей русского языка XVIII века можно было бы сделать вывод, что первоначальное значение слова *гражданин*, подразумевающее жителя города (града), сохраняло свою актуальность и в рассматриваемое время[9]. Однако в данном случае словари отражают более раннюю языковую традицию. Не случайно в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года жители городов именуются не просто *гражданами*, а «верноподданными»

бурга в Москву» (*Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 292).

[4] Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 202.

[5] ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 5–11. 1775. 10 января.

[6] Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

[7] Подобные определения фиксируются уже в переводной литературе XI века. См. об этом: *Каштанов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // Immemoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 217–218.

[8] См., например: Именной указ «об учинении присяги на каждой чин, как военным и гражданским, так и духовным лицам» (ПСЗ. Т. VI. № 3846. С. 452. 1721. 10 ноября); Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. 1822. Ч. IV. Стб. 1234.

[9] См.: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 577; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II. С. 380–381; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 117–118; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1801. Ч. I. Стб. 1234.

данными гражданами городов наших», которые по терминологии официальных документов екатерининского царствования объединялись в неопределенную по своему социальному составу группу «в городе живущих», включающую «дворян», «купцов», «именитых граждан», «среднего рода людей», «городских обывателей», «мещан», «посадских» и т. д.[10] Показательно, что Павел I с тем, чтобы выхолостить из понятия *гражданин* все в той или иной степени опасные для самодержавия смыслы, вынужден был волей императорского указа возвращать содержание этого термина к своему первоначальному значению. В апреле 1800 года приказывалось не употреблять слова *гражданин* и *именитый гражданин* в донесениях на высочайшее имя, а писать «купец или мещанин» и, соответственно, «именитый купец или мещанин»[11].

В Новое время термин *гражданин*, исторически связанный во всех языках романо-германской группы с понятием *горожанин* (*Bürger, Stadtbürger, citizen, citoyen, cittadino, ciudades*), также утрачивал свое исконное значение. Это так называемое расхождение между семантикой слова и его этимологией фиксировалось как современниками, так и исследователями последующих поколений[12]. Однако тот факт, что новое понимание взаимоотношений власти, общества и личности в монархических государствах выражалось именно через понятие *гражданин*, имел свою историческую закономерность. По всей Европе горожане были самой независимой частью населения. С. М. Каштанов справедливо замечает,

---

[10] ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 358–384. 1785. 21 апреля. См. также: Там же. Т. XX. № 14490. С. 403. 1776. 4 августа; Т. XXXIII. № 17006. С. 287. 1791. 23 декабря; и др.

[11] Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 98. См. об этом: *Песков А. М.* Павел I. М., 2000. С. 87–88.

[12] См., например: Dictionnaire universel François et latin, vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. P. 1771; *Féraud J.-F.* Le Dictionaire critique de la langue française informatisé. Tübingen, 1994; Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa. München, 1995. S. 70–72; *Будагов Р. А.* Развитие Французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002. С. 102–106; *Preu U. K.* Citizenship and the German Nation // Lineage of European Citizenship: Rights, Belonging, and Participation in Eleven Nation-states. N.Y., 2004. P. 22 и др.

что и на Руси «более свободный класс подданных формировался в XVI–XVII вв. в городах»[13].

Важнейшим этапом углубления смыслового значения понятия *гражданин* в русском языке второй половины XVIII века стал Наказ Уложенной комиссии, в котором только этот термин, без учета таких выражений, как «гражданская служба», «гражданская свобода» и т. п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова *подданный* насчитывается лишь 10. Для сравнения следует отметить, что в законодательных актах второй половины XVIII века это соотношение выглядит приблизительно как 1 к 100 и свидетельствует о достаточно редком употреблении понятия *гражданин* в официальных документах рассматриваемого периода. В Наказе, лишенном жестких регламентирующих функций и основанном прежде всего на трудах Монтескье, Беккариа, Бильфельда и других европейских мыслителей, возникал абстрактный образ *гражданина*, имеющего, в отличие от «ревностного российского подданного», не только обязанности, но и права. «Имение, честь и безопасность» этого отвлеченного социального субъекта, проживающего в неком «благоучрежденном умеренность наблюдающем государстве», охранялись одинаковыми для всех *сограждан* законами[14]. Гигантское расстояние между социальной утопией Наказа и реальностью не умаляет, однако, принципиального воздействия юридических штудий императрицы на образ мыслей образованной элиты. Сам факт присутствия в документах, исходящих от престола, пространных рассуждений о «гражданской вольности», «равенстве всех граждан», «спокойствии гражданина», «гражданских обществах» и т. п., подспудно стимулировал усложнение смыслового содержания этих понятий в языке и сознании современников.

В данном контексте слово *гражданин* употреблялось как близкое по смыслу термину *гражданство*, который значительно раньше был адаптирован в русском языке, чем собственно понятие *гражданин* в значении «член общества, наделенный определенными гарантированными законом правами». Многочисленные словари,

[13] *Каштанов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 228.

[14] «Равенство всех граждан, — гласил Наказ, — состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» (Наказ императрицы Екатерины II. С. 1–2, 7–9, 14–15, 24, 27–28, 102).

и прежде всего уже упоминаемые словарь древнерусского языка И. И. Срезневского, словарь древнерусского языка XI–XIV веков и словарь русского языка XI–XVII веков, свидетельствуют, что понятие *гражданство*, обозначающее общество с определенным устройством, а также законы, социальную жизнь и этику, появляется уже в переводных памятниках XIII–XIV веков[15]. Однако представители этого «общества» воспринимались не как отдельные индивидуальности, а как единая группа, которая именовалась тем же термином *гражданство*, но уже в собирательном значении: «все гражданство принялося за оружие против неприятеля»[16]. В XVIII столетии данная языковая традиция сохранялась. Для В. Н. Татищева смысл термина *гражданство* также был тождественен слову «общество»[17]. Таким образом, термин «гражданин» для характеристики взаимоотношений личности и государства актуализируется в политической лексике лишь ко второй половине XVIII века, чему немало способствовала публицистика российской императрицы, оперирующая просветительскими понятиями и являющаяся неотъемлемой

---

[15] См. об этом также: *Хорошкевич А. Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 167–168; *Каштанов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 217–218.

[16] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1801. Ч. I. Стб. 1235. См. также: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 577; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 118; и др.

[17] «Гражданин, гречески поликус, латынски цивиль, точно значит всякого во граде жителя, но по обстоятельствам иногда разумеется в каком-либо сообществе живучий, иногда человек, живущчий по законам в благочинии и осторожности. Кратко же разумеется токмо посадкой человек, яко купец, ремесленник или торгоша» (*Татищев В. Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793. Ч. 1. С. 79). В «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенному» под «обществом» понимается «народ, под одними правилами купно живущий» (Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. IV. Стб. 148). См. также: *Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1780–1782: В 2 т.; *Гейм И. А.* Новый и полный словарь: Первое отделение, содержащее немецко-российско-французский словарь. М., 1796–1797: В 2 т. См. также: *Gleason A.* The Terms of Russian Social History // Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ, 1991. P. 18–19; *LeDonne J. P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order. 1700–1725. N.Y., 1991. P. VIII.

частью европейской общественной мысли этого периода. В Наказе непосредственно заявлялось о существовании «союза между гражданином и государством», а в книге «О должностях человека и гражданина» целая глава посвящалась «Союзу гражданскому»[18].

Однако контекст употребления понятия «гражданин» в документах, исходящих от престола, обнаруживает всю специфику его смыслового содержания в русском политическом языке XVIII века. Обращает на себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов *гражданин* и *подданный*. В книге о «Должностях человека и гражданина» в обязанности каждого вменялось «твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно»[19]. В законодательстве о «гражданине» упоминалось, как правило, лишь когда в именных указах императрицы цитировался Наказ[20] или когда речь шла о «состоянии граждан Республики Польской, отторгнутых от анархии и перешедших во владение Ее Величества» на «правах древних подданных»[21]. В общественной публицистике нередки были случаи прямого отождествления понятий *гражданин* и *подданный*. Так, Новиков полагал, что в учении розенкрейцеров нет ничего «противного христианскому вероучению», а орден «требует от своих членов, чтобы они были лучшими подданными, лучшими гражданами»[22].

---

[18] Наказ императрицы Екатерины II. С. 34; О должностях человека и гражданина. С. 346.

[19] О должностях человека и гражданина. С. 347. В этом контексте показательно сравнение текста данного вольного переложения работы Пуфендорфа и оригинала философского трактата немецкого мыслителя. В частности, в главе «Обязанности граждан» Пуфендорф пишет не о полном подчинении подданных самодержавию, которому доступно исключительное знание о сущности «гражданского общества», а об обязанностях гражданина или «подданного гражданской власти» в равной степени и перед государством и его правителями, и по отношению к другим «согражданам» (*Pufendorf S.* De Officio Hominis Et Civis Juxta Legen Natura lem Libri Duo. N.Y., 1927. P. 144–146).

[20] См., например: ПСЗ. Т. XXIII. № 17090. С. 390. 1792. 8 декабря.

[21] См., например: Акты, учиненные с Польским Королевством, вследствие тракта 18 сентября 1773 (Там же. Т. XX. № 14271. С. 74. 1775. 15 марта).

[22] *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. С. 616–617. В журнале «Трутень» Новиков также утверждал, что «добросердечный сочинитель» «хвалит сына Отчества, пылающего любовью и верностью к государю, изображает миролюбивого гражданина» (Там же. С. 44).

Подобное словоупотребление свидетельствовало прежде всего о том, что в середине XVIII века и для власти, и для большинства современников понятие *гражданин* не было символом противостояния абсолютизму. Этот термин часто употреблялся с тем, чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались *согражданами*. Так, собравшиеся для составления нового уложения депутаты, с одной стороны, «представляли всех Ее Величества верноподданных», а с другой — были «избраны от сограждан»[23]. В книге «О должностях человека и гражданина» непосредственно указывалось, что *подданный* имеет обязанности перед государством, а *гражданин* перед «другими согражданами», «державствующие» же защищают «своих подданных» «от внешних неприятелей и от обид других сограждан»[24].

«Citoeyn» и «bourgeois»

В это время в другой части Европы происходили принципиально иные процессы, также нашедшие свое отражение в языке. По меткому выражению писателей и политических деятелей конца XVIII века Жозефа Шенье и Бенжамена Констана, «пять миллио-

[23] См., например, «Акт, подписанный депутатами, избранными от всех званий российского народа, к сочинению нового уложения» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349–355. 1767. 27 сентября). Для сравнения можно привести слова Ж.-Ж. Руссо, который в трактате «Об общественном договоре или принципы политического права» писал, что все жители того или иного государства «в совокупности получают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами* как участвующие в верховной власти и *подданными* как подчиняющиеся законам государства» (*Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 162).

[24] О должностях человека и гражданина. С. 349. Более того, «мнение» М. И. Воронцова о Наказе может считаться яркой и достаточно типичной иллюстрацией бесконфликтного соединения в одном небольшом тексте понятий *раб, закон, гражданские правительства, самодержавная власть* и *свобода российского дворянства*. Граф благодарит императрицу за сочинение, вводящее правила для законов и «гражданских правительств», а также утверждающее «самодержавную власть» в «свободе дворянства» к «блаженству верноподданных рабов» (Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 76).

нов французов умерли для того, чтобы не быть подданными»[25]. Во время Французской революции термин *гражданин* становится самым употребительным, полностью вытеснив понятие *подданный* не только из сферы законодательства, но даже из практики повседневных обращений. *Sujet, monsieur, madame* превратились в *citoyen* и *citoyenne*. В 1797 году историк и публицист Жозеф де Местр, явно не сочувствующий драматическим событиям в восставшем Париже, писал:

«Слово *гражданин* существовало во французском языке даже до того, как революция завладела им, дабы его обесчестить, слово, которое не может быть переведено на другие европейские языки... Луи Расин... адресовал королю Франции эту прекрасную строфу:

При короле-гражданине
каждый гражданин — король.

Дабы восхвалить патриотизм Француза, говорили: *это великий гражданин*. Напрасны были старания переложить это выражение на другие наши языки; выражения *grossbürger* — на немецком, *gran-cittadino* — на итальянском вряд ли будут удовлетворительны»[26]. Автор отказывает революции в стремительном наполнении понятия *гражданин* новыми смыслами и клеймит «нелепое замечание» Руссо о значении этого слова во французском языке. На самом же деле знаменитый философ в трактате 1752 года «Об общественном договоре» провел своеобразный семантический анализ понятия *гражданин* и тонко уловил главное направление эволюции его содержания. «Истинный смысл этого слова почти совсем стерся для людей новых времен, — пишет Руссо, — большинство принимает город за гражданскую общину, а горожанина за гражданина... Я не читал, чтобы подданному какого-либо государя давали титул *civis*. <...> Одни французы совершенно запросто называют себя *гражданами*, потому что у них нет, как это видно из их словарей, никакого представления о действительном смысле этого слова; не будь этого, они, незаконно присваивая себе это имя, были бы повинны

[25] См.: *Лабулэ Э.* Политические идеи Бенжамена Констана. М., 1905. С. 70–77.

[26] *Местр Ж.* Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 105–106.

в оскорблении величества. У них это слово означает добродетель, а не право»[27].

Таким образом, Руссо указал на единый семантический корень понятий *горожанин* и *гражданин*. Затем философ выявил постепенное наполнение последнего термина новым содержанием, отражающим усложнение взаимоотношений власти и личности в XVIII столетии, и, наконец, отметил присутствие в современном ему понимании слова *гражданин* двух смыслов — добродетель и право[28]. Позже, во время Французской революции, «правовая составляющая» полностью восторжествует, потеснив «добродетель» и окончательно уничтожив понятие *подданный* в политическом языке революционного Парижа. Сходные, правда, не столь радикальные лексические процессы происходили и в немецком языке. Уже в раннее Новое время двоякое значение понятия *Bürger* было зафиксировано в двух терминах с одинаковой корневой основой — *Stadtbürger*, что означало собственно *горожанин*, и *Staatsbürger*, иначе говоря, «член государства», или *Staatsangehörige*. Понятия *Staatsbürger* и *Staatsangehörige*, а также наименование жителей немецких земель в соответствии с их национальностями (баденец, баварец, пруссак и т.п.) постепенно вытесняли понятие *Untertan* (*подданный*)[29].

---

[27] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 161–162.

[28] Ю.М. Лотман очень точно писал об этом: «Превращение человека (самодовлеющей единицы) в гражданина (часть политического тела) возможно, по мнению Руссо, лишь в "нормальном" и "правильном" государстве. Современные Руссо европейские государства таковыми не являются, и поэтому жители их — не "граждане" в терминологии трактата "Об общественном договоре". "Общественное воспитание не существует более и не может существовать потому, что там, где нет более отечества, не может быть и граждан. Эти два слова — отечество и гражданин — должны быть вычеркнуты из современных языков"» (*Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII — начала XIX в. // Лотман Ю.М. Собрание сочинений. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. М., 2000. С. 164).

[29] См. об этом подробнее: Bürger, Staatsbürger, Bürgertum // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zurpolitisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; *Maurer M.* Bürger / Bürgertum // Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa. München, 1995. S. 70–72. Характерно, что в норвежском законодательстве XVIII — начала XIX столетия употреблялся термин *гражданин*, когда речь шла о правах личности, и *подданный*, когда акцентировались ее обязанности перед государством.

Принципиальное отличие русской официальной политической терминологии последней трети XVIII века заключалось не только в безоговорочной монополии слова *подданный* для определения реальных отношений личности и самодержавной власти. Специфика социальной структуры русского общества, практически лишенного «третьего сословия» в его европейском понимании, отразилась и на эволюции понятия *гражданин*, которое, теряя свое первоначальное значение *горожанин*, наполнялось исключительно государственно-правовым или нравственно-этическим смыслом и не отягощалось этимологической связью с наименованием класса «буржуа»[30]. Во французском и немецком языках необходимо было четко разграничить образ набирающих силу «Bürger» и «bourgeois», которые оспаривали привилегии аристократии и составляли главную деятельную и интеллектуальную часть городского населения, и «жителя свободного государства». Показательно, что в первом издании французского академического словаря понятие *citoyen* и *bourgeois* практически сливались — «citoyen — bourgeois, habitant d'unecité»[31]. В пятом издании 1798 года появляется развернутое определение — «имя гражданин (*citoye*) в точном смысле слова дается жителю города, жителю свободного государства, имеющему право выбора в публичные собрания и являющемуся представителем высшей власти»[32]. В России второй половины XVIII века слово «буржуа» практически не употреблялось, а понятие *гражданин* наиболее

[30] В «Генеральном плане Московского Воспитательного дома» признавалось существование только двух социальных групп в российском обществе — «дворян» и «крепостных», и ставилась задача воспитания людей «третьего чина», которые «достигши искусства к различным до коммерции касающимся заведениям, вступят в сообщество с нынешними купцами, художниками, торговщиками и фабрикантами». Характерно, что наименование этого нового «третьего сословия» никак не связывается с понятиями «горожанин» и «буржуа» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 1767. 11 августа).

[31] Le Dictionnaire de l'Académie françoise, dedié au Roy. P. 1694. P. 193.

[32] «Le nom de *Citoyen*, dans une acceptions tricte et rigoureuse, se donne à l'habitant d'une Cité, d'un Étatlibre, qui a droit de suffrage dans les Assemblée spubliques, et fait partie du Souverain» (Dictionnaire de l'Académie françoise. P., 1798. P. 247, 767). См. об этом также: *Wild R.* Stadtkultur, Bildungswesen und Aufklärungsgesellschaften // Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literaturvom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München, 1980. Bd. 3: Deutsche Aufklärung bis zur Französischen Revolution 1680–1789. S. 103–132, 845–848.

активно использовалось самой «просвещенной императрицей», связывалось с правами некоего абстрактного подданного «благоучрежденного государства» и имело назидательный смысл. Права *гражданина*, заявленные на страницах высочайшей публицистики, ограничивались лишь сферой имущества и безопасности, абсолютно не затрагивая область политики. При этом не реже, чем о правах, упоминалось об обязанностях *истинного гражданина*[33], которые ничем не отличались от обязанностей *истинного подданного*.

В таких документах, как «Генеральный план Московского Воспитательного дома», а также высочайше утвержденный доклад И. И. Бецкого «О воспитании юношества», основные идеи которого были практически дословно воспроизведены в XIV главе Наказа «О воспитании», заявлялось, что «Петр Великий создал в России людей — [императрица Екатерина II] влагает в них души». Иными словами, престол второй половины XVIII века разрабатывал «правила, приуготовляющие» быть «желаемыми гражданами» или «прямыми Отечеству подданными», что полностью отождествлялось. Наименование *новых граждан* и *истинных подданных* означало высокий порог ожиданий власти, что предполагало «любовь к Отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «учтивость», «отвращение от всяких предерзостей», «склонность к опрятности и чистоте». На «полезных членов общества» возлагалась обязанность «паче прочих подданных исполнять августейшую волю». Определенная политическая зрелость и приверженность «общему благу» должна была проявляться у *гражданина* в ясном понимании необходимости сильного самодержавного правления или «нужды иметь государя»[34]. Так объектив-

[33] Показательно, что даже в так называемых «Правилах управления» Екатерина писала не о правах, а об обязанностях «гражданина», формирование сознания которого становилось делом государственного значения: «Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед высшим существом, перед собой, перед обществом, и нужно ему преподать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни» (*Екатерина II.* [Правила управления] // Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 647–648).

[34] См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 103–105; ПСЗ. Т. XVI. № 11908. С. 346, 348, 350. 1763. 1 сентября; № 12103. С. 670. 1764. 22 марта; Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 1767. 11 августа. В книге «О должностях человека и гражданина» также вполне резонно провозглашалось: «Чего подданные особенно

ная экономическая потребность России в ведущей роли государственной власти и способность ее осознания трансформировались в официальной идеологии в высшую добродетель *гражданина* и *подданного*. Среди главных положений «краткой нравоучительной книги для питомцев» Московского воспитательного дома, будущих *годных граждан*, в качестве основного выдвигался следующий тезис: «Нужда иметь государя есть самая большая и важнейшая. Без его законов, без его попечения, без его домостроительства, без его правосудия истребили ли бы нас неприятели наши, не было бы у нас свободных дорог, ни земледелия, ниже других художеств, для жизни человеческой потребных»[35].

сами собою сделать не могут, то государь всего общества силами совершить может: на больших реках плотины поставить, удобные дороги сделать, пристанища для морского купечества построить, запасные дворы на случай голода и нужды наполнить. Науки, художества и всякие ремесла в цветущее состояние привести и бесчисленные иные государству полезные дела совершить, одни только государи в состоянии» (О должностях человека и гражданина. С. 349). Подобное безапелляционное признание чрезвычайной роли государства в работе Пуфендорфа отсутствует (ср.: *Pufendorf S.* De Officio Hominis Et Civis Juxta Legen Naturalem Libri Duo. P. 115–118, 123–126, 152–154).

[35] ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 316. 1767. 11 августа.

«ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕБУЕТ ПОРЯДКА»

«Истинные граждане» и «подлые люди»

В крепостнической России эталонными, заданными властью чертами *истинного гражданина* обладала прежде всего элита дворянства. В трактовке Наказа *граждане* являются таковыми лишь в той мере, в какой они равны перед законами государства. Однако это не исключает их различных ролей и функций в этом государстве. Все они делятся на тех, кто повелевает, и тех, кто повинуется. Отсюда разная роль сословий общества и разный их статус. В «Начертании о приведении к окончанию комиссии проекта нового уложения» специальная первая глава второй части, так и озаглавленная «О праве лиц или о состоянии каждого гражданина», разделяла все население империи на три группы: дворянство, средний род и нижний род[1]. Не случайно в конце XVIII столетия камер-юнкер при дворе Екатерины II князь Федор Николаевич Голицын записал в своих воспоминаниях: «Французский страшный переворот, якобинские зловредные правила и мнимых философов яд... возродил[и] в распаленных головах мечтательную и неудобовозможную систему гражданского равенства. У нас в сие время один некто, по имени Радищев вздумал написать самую опасную книгу»[2].

Таким образом, с точки зрения большинства представителей высшего сословия, податное население не входило в разряд

[1] ПСЗ. Т. XVIII. № 13095. С. 508–510. 1768. 8 апреля. См. также: Наказ императрицы Екатерины II. С. 105–107.

[2] *Голицын Ф. Н.* Записки // Русский архив. 1874. Кн. II. № 5–8. Стб. 1290.

«hominesspolitici»[3] и к *гражданам*, строго говоря, не причислялось. Еще в 1741 году, при вступлении императрицы Елизаветы Петровны на престол, «пашенные крестьяне» были исключены из числа лиц, обязанных приносить присягу монарху. С этого момента они как бы признавались подданными не государства, а своих душевладельцев[4]. Указом от 2 июля 1742 года крестьяне лишились права по своей воле вступать в военную службу, а вместе с тем и единственной возможности выйти из крепостного состояния. В дальнейшем помещикам было разрешено продавать своих людей в солдаты, а также ссылать провинившихся в Сибирь с зачетом рекрутских поставок. Указ 1761 года запрещал крепостным давать векселя и принимать на себя поручительства без дозволения господина[5]. Власть в целом возложила на дворянина ответственность за принадлежащих ему крестьян, усматривая в этом долг высшего сословия перед престолом[6].

Подкрепленное законом официальное мнение о политической недееспособности крепостных было доминирующим в среде дворян, воспринимающих крестьянство в первую очередь как рабочую силу, источник дохода, живую собственность. И если в идеологически направленных манифестах престола еще встречались обобщенные термины *народ*, *нация*, *подданные*, *граждане*, за которыми угадывался идеальный образ всего населения империи, то в таком документе повседневности, как переписка, наименование

---

[3] См. об этом, например: *Хорошкевич А. Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого. С. 175.

[4] В указе «о распоряжениях по приведению к присяге всякого чина людей на подданство Ее Императорскому Величеству» так и было сказано: «Правительствующий Сенат приказали, манифестов и присяг напечатав довольное число, публиковать, дабы все Ее Императорского Величества подданные, кроме пашенных крестьян, для учинения присяги приходили в церкви Божией» (ПСЗ. Т. XI. № 8474. С. 538. 1741. 25 ноября).

[5] См.: Там же. Т. XI. № 8577. С. 624–625. 1742. 2 июля; № 8655. С. 708–709. 1742. 1 ноября; Т. XV. № 10855. С. 236–237. 1758. 2 мая; № 11166. С. 582–584. 1760. 13 декабря; № 11204. С. 649–650. 1761. 14 февраля и др.

[6] Н. И. Новиков писал Г. В. Козицкому: «Дворяне... ни что иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же, во всем им подобных, в их надзирание. Дал бы Бог, чтобы почтенные мои собратия сему поверили!» (Письмо Н. И. Новикова Г. В. Козицкому. 1773, май // Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 51).

крестьянства ограничивалось следующими понятиями: *души, подлое сословие, простой народ, чернь, поселяне, мужики, мои люди*[7]. Крестьян обменивали, отдавали в солдаты, переселяли, разлучали с семьей, продавали и покупали «хороших и недорогих кучера и садовника», как строевой лес или лошадей[8]. «Здесь за людей очень хорошо платят, — сообщал в одном из писем жене малороссийский помещик Г. А. Полетико, — за одного человека, годного в солдаты, дают по 300 и по 400 рублей»[9].

При этом определения *подлое сословие* и *чернь* далеко не всегда носили резко негативный уничижительный характер: часто этимологически они были связаны с понятиями «черные слободы», «простой», «податной»[10] и отражали веками складывающееся представ-

[7] Так, будучи тамбовским губернатором, Г. Р. Державин сообщал делопроизводителю Г. А. Потемкина: «При объезде моем, как вам не безызвестно, препоручил мне его светлость князь Григорий Александрович приискивать купить деревень для своду в Херсон душ до тысящи. По прибытии моем в Тамбов сие было из первых моих попечениев. Уведомился я, что здешний губернии помещик г. бригадир Андрей Михайлович Нилов продает крестьян на свод до 300 душ, со всем их семейством и имуществом по 70 руб. [за] душу» (Письмо Г. Р. Державина В. С. Попову. 1786, март // Грот Я. К. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 447–448). Ф. В. Ростопчин сообщал С. Р. Воронцову: «Третьего дня роздано 62-м лицам 109 000 душ Польских крестьян. <...> Эти милости породили более завистников, чем счастливцев» (Письмо Ф. В. Ростопчина С. Р. Воронцову. 1795, август // Русский архив. 1876. Кн. I. № 1–4. С. 212). См. также, например: письмо И. И. Шувалова П. И. Голицыной. 1763, август // Москвитянин. 1845. № 10. Ч. V. Отд. I. С. 141; Письмо М. М. Щербатова сыну. [1789] // Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 89; Письмо И. В. Страхова А. Р. Воронцову. 1797, ноябрь // Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 489.

[8] В частности, Алексей Куракин писал брату: «Коль скоро вам Сергей Королев нужен, взять его извольте. Прошу только об том, чтоб назначаемый на его место имел лицо благообразное; хочется мне, чтоб были в должности официантской с приятными лицами» (Письмо Алексея Б. Куракина Александру Б. Куракину. 1791, сентябрь // Восемнадцатый век. Исторический сборник. М., 1904. Т. 1. С. 144). Письмо Г. А. Полетико жене. 1777, сентябрь // Киевская старина. 1893. Т. 41. № 5. С. 211. См. также, например: письмо Е. Р. Дашковой Р. И. Воронцову. 1782, декабрь // Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 141.

[9] Письмо Г. А. Полетико жене. 1777, сентябрь // Киевская старина. 1893. Т. 41. № 5. С. 211.

[10] См., например: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 280; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 184; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. С. 49.

ление об изначально определенном положении каждого в системе социальной иерархии[11]. В одном из частных писем М. И. Воронцов обращался к канцлеру Н. И. Панину: «Прошу вас исходатайствовать от Ее Императорского Величества некоторое награждение хотя подлому, однако же исправно служившему человеку»[12]. «Худые, никем не обитаемые, кроме мужиков, деревни», «тяготы крепостных» были для помещика привычными с детства картинами жизни людей, которым такая доля «по их состоянию определена»[13]. Так причудливо трансформировалась в сознании дворянина объективная неизбежность существования, и даже усиления крепостничества с его жесточайшим «режимом выживания барщинной деревни»[14].

«Потребна ли крепостным свобода?»

В сознании российского образованного дворянства, составляющего неотъемлемую часть европейской элиты, и самой «просвещенной» императрицы возникала внутренняя потребность так или иначе примирить гуманитарные идеи второй половины XVIII столетия и неумолимую реальность, при которой 90% населения страны относилось к «низкому податному сословию». Еще будучи великой княгиней, Екатерина писала: «Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются

[11] Не случайно оскорбленный А. П. Сумароков, пытаясь изобразить всю глубину своей обиды, писал фавориту Елизаветы Петровны И. И. Шувалову: «Разве я крепостной, чтобы со мной так поступали? Разве я его дворовой?» (Письмо А. П. Сумарокова И. И. Шувалову. 1758, май // Письма русских писателей XVIII века. С. 78).

[12] Письмо М. И. Воронцова Н. И. Панину // Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 26. С. 75).

[13] См., например: письмо А. С. Шишкова. 1776, август // Русская старина. 1897. Т. 90. Май. С. 410; Письмо В. В. Капниста жене. 1788, февраль // Капнист В. В. Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 314; Письмо Е. Р. Дашковой Александру Б. Куракину. 1774, май // Архив князя Ф. А. Куракина. Саратов, 1898. Кн. 7. С. 304.

[14] См. об этом: *Милов Л. В.* Общее и особенное русского феодализма. (Постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2. С. 42, 50, 62; *Он же.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 425–429, 430–433, 549–550, 563–564 и др.

свободными). Один Собор освободил всех крестьян (прежних крепостных) в Германии, Франции, Испании и пр. Осуществлением такой решительной меры, конечно, нельзя будет заслужить любви землевладельцев, исполненных упрямства и предрассудков»[15]. Позже императрица поймет, что речь шла не о злой воле, не о патологической склонности к угнетению и не об «упрямстве и предрассудках» русских помещиков. Отмена крепостничества в России второй половины XVIII века была объективно экономически невозможна.

Это обстоятельство усиливалось в сознании дворянина уверенностью в полной психологической и интеллектуальной неготовности крепостных приобрести «звание свободных граждан»[16]. Так, в документах Московского воспитательного дома непосредственно заявлялось, что «рожденные в рабстве имеют поверженный дух», «невежественны» и склонны к «двум мерзким, в простом народе столь сильно вкоренившимся порокам — пьянству и праздности»[17]. И. И. Бецкой предупреждал Опекунский совет, что «крестьянские невольнические работы губят навеки воспитанников» и «надлежит как можно стараться, чтоб из них не сделать грубыми чувствами наполненных и рабствующих крестьян»[18]. Все углубляющийся раскол российского общества на тонкий слой европеизированной элиты и крестьянскую массу привел к тому, что подавляющая часть дворянской верхушки была психологически не способна увидеть «своих сограждан» в «грубых, глупых, пьяных и ленивых мужиках»[19]. «Свирепые нравы» «невежественного наро-

[15] Собственноручные заметки Великой княгини Екатерины Алексеевны. С. 84; см. также: Записки императрицы Екатерины Второй. С. 626–627.

[16] В одном из писем в Опекунский совет Московского воспитательного дома И. И. Бецкой писал, что надлежит из спасенных сирот крепостных крестьян вырастить «людей благомыслящих... которые яко свободные люди, долженствуют непременно иметь воспитание, без коего человек едва достоин сего названия... дабы они поселенными в них чувствованиями достойны были звания свободных граждан» (Письмо И. И. Бецкого в Опекунский совет. 1784, октябрь // Русская старина. 1873. № 11. С. 714).

[17] См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 1767. 11 августа.

[18] Письмо И. И. Бецкого в Опекунский совет. 1784, октябрь // Русская старина. 1873. № 11. С. 714–715.

[19] Так, например, рассуждая о нравах прошлых веков, А. М. Кутузов заявлял Н. Н. Трубецкому: «Но оставим сих грубых невежд; нечто подобное сему видим мы ныне токмо между некоторыми крестьянами» (Письмо А. М. Ку-

да», «волнование толпы» и, конечно же, «злодейства государственного бунтовщика Пугачева» поселили страх в сознании дворянина за свое положение, за среду обитания, за свою высокородную элитарную культуру. С точки зрения привилегированного слоя, *низшее сословие* могло существовать только под жестким и мудрым покровительством помещика, и освободить эту «немысленную чернь» означало «выпустить на волю диких зверей»[20]. Дворянин был искренне убежден, что разрушение общественного порядка и цепей, связующих общество, невозможно было без изменения сознания самого крестьянина. «Свободному ли [быть] крепостному? — рассуждал А. П. Сумароков, — а прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода?»[21] Е. Р. Дашкова убеждала Дидро, что «образование ведет за собой свободу, а не свобода творит образование, первое без второй никогда не породят анархию и возмущения. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они сами захотят быть свободными, потому что поймут, как надо пользоваться свободой без вреда для других и плодами ее, столь необходимыми каждому цивилизованному обществу»[22]. В анонимной статье «Беседа о том, что есть сын Отечества», которая не совсем аргументированно довольно долго приписывалась А. Н. Радищеву[23], образ

тузова Н. Н. Трубецкому. 1790, январь // Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 71).

[20] См. также, например, переписку представителей высшего сословия о Пугачевском бунте: письма П. И. Панина Н. И. Панину. 1774, август–октябрь // Русский архив. 1876. Кн. II. № 5–8. С. 10–28; Письма А. И. Бибикова Д. И. Фонвизину. 1774 г., ноябрь // Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 76 (приложение); письмо П. А. Демидова И. И. Михельсону. 1775, январь // Русский архив. 1873. Кн. II. № 7–12. Стб. 2234–2235; Письма Г. Р. Державина, П. С. Потемкина, А. И. Бибикова. 1774, январь–октябрь // Грот Я. К. Сочинения Державина. С. 3–5, 164, 180–186, 242 и др.

[21] Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 102.

[22] *Дашкова Е. Р.* Записки // Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 119.

[23] Многие литературоведы полагали, что статья принадлежит перу А. Н. Радищева. Однако, на мой взгляд, автором статьи следует считать близкого к масонским кругам современника писателя (см. об этом: *Западов В. А.* Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын Отечества»? // XVIII век: Сборник статей. СПб., 1993. С. 131–155).

сына Отечества отождествлялся с образом *патриота*, который «страшится заразить соки благосостояния своих сограждан [и] пламенеет нежнейшею любовию к целости и спокойствию своих соотчичей». Эти возвышающие наименования никак не связывались с правами человека, наполнялись исключительно этическим смыслом и сужали круг обязанностей *сына Отечества*, *патриота* и *гражданина* до соответствия конкретным нравственным качествам. Ошибка, которую, с точки зрения Руссо, допускали в середине XVIII столетия французы, усматривая в понятии *гражданин* не претензию на политическую свободу, а добродетель[24], была характерна для сознания российского высшего сословия, а может быть, и в целом для мировоззрения века Просвещения. Автор статьи искренне полагал, что *сын Отечества* является и «сыном монархии», «повинуется законам и блюстителям оных, предержащим властям и... государю», который «есть отец народа»[25]. «Сей истинный гражданин... сияет в обществе разумом и добродетелью», избегает «любострастия, обжорства, пьянства, щегольской науки» и «не соделывает голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика». Выражая полное единодушие со взглядом власти на *низшее сословие* и с отношением помещиков к «своей крещеной собственности», автор статьи не сомневался, что те, «кои уподоблены тяглому скоту... не суть члены государства»[26].

Таким образом, в развитии политической терминологии русского языка второй половины XVIII века запечатлелся еще один парадокс — понятия *гражданин* и *сын Отечества* становились нравственным оправданием существования крепостничества. В одной из наиболее переработанных императрицей и отступающих от за-

[24] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 161–162.

[25] В привлеченном к работе комплексе писем и посланий на высочайшее имя практически не зафиксированы случаи конфликтного противопоставления понятий *подданный* и *сын Отечества*. Так, в 1775 году В. Б. Голицын писал императрице по поводу военных побед России: «Но в рассуждении... всенародно ныне торжествующего благополучного мира, совершенного целомудрием и прозорливостью Вашей, в чем каждый подданный и сын Отечества радость свою ощущает, удостой, августейшая монархиня... соучастником быть таковой же радости» (ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 94. Д. 17. Л. 5об).

[26] См.: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 215–223.

падноевропейских источников XI главе Наказа говорилось: «Гражданское общество требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим — которые повинуются. И сие есть начало всякого рода покорности»[27]. Все, что мог сделать «истинный гражданин» для несчастных, погруженных «во мрачность варварства, зверства и рабства», — это «не терзать [их] насилием, гонением, притеснением»[28].

Так постепенно складывалось представление о счастливой доле «простого невежественного народа», для которого пагубна свобода и которому необходимо покровительство высшего *просвещенного сословия* «истинных граждан». В Наказе Екатерина дала недвусмысленно понять, что лучше быть рабом одного господина, чем государства: «В Лакедемоне рабы не могли требовать в суде никакого удовольствия; и несчастие их умножалось тем, что они не одного только гражданина, но при том и всего общества были рабы»[29]. Денис Фонвизин во время своего второго заграничного путешествия 1777–1778 годов, сравнив зависимость податного сословия в России с личной свободой во Франции, вообще отдал преимущество крепостничеству: «Я видел Лангедок, Прованс, Дюфине, Лион, Бургонь, Шампань. Первые две провинции считаются во всем здешнем государстве хлебороднейшими и изобильнейшими. Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим. Я имел честь вашему сиятельству описывать частию причины оному в прежних моих письмах; но главною поставляю ту, что подать в казну платится неограниченная и, следственно, собственность имения есть только в одном воображении»[30]. Мнение Фонвизина о завидной судьбе русского крестьянина и наличии несомненных плюсов в его крепостном состоянии можно признать доминирующим в сознании просвещенного дворянства, т. е. той части высшего сословия, которая вообще задумывалась о положении податного населения. Так, Ф. Н. Голицын после путешествия в

[27] Наказ императрицы Екатерины II. С. 74.

[28] См.: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 218–219.

[29] Наказ императрицы Екатерины II. С. 75.

[30] Письмо Д. И. Фонвизина П. И. Панину. 1778, март // Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 465–466.

Европу выражал ту же самую позицию: «Крестьян в Российской империи несчастными назвать нельзя, если я с ними сравню некоторых других земель крестьян: наши, хотя в рабстве, но многих превосходят. Каждое государство имеет свою особенность, по своему положению и по свойствам своего народа и, кажется, должно в оной оставаться. Попрекают нам другие в рассуждении наших крестьян, но вспомнили бы о Польше, в каком состоянии в ней были всегда крестьяне, и возможно ли их с нашими сравнить»[31].

Вообще следует задуматься о масштабах распространения в России правления Екатерины «ужасов крепостничества», если даже французский посланник заметил, что «помещики в России имеют почти неограниченную власть над своими крестьянами, но, надо признаться, почти все они пользуются ею с чрезвычайною умеренностью»[32]. Сословие дворян и самодержавное государство действительно были зажаты между необходимостью увеличения объема валового земледельческого продукта, сохранения стабильности господского хозяйства и защиты крестьянской семьи от обнищания[33]. Укрепляя власть душевладельца, императрица в то же время пыталась воспитать в помещиках чувство ответственности перед государством и престолом за вверенное им как представителям высшего сословия зависимое население. При этом прагматичная Екатерина апеллировала как к христианским ценностям и идеям Просвещения, так и к здравому смыслу собственника. «Каких-либо определенных условий между господами и крестьянами не существует, — писала она Дидро, — но каждый хозяин, обладающий здравым смыслом, старается обходиться со своей коро-

[31] *Голицын Ф. Н.* Записки // Русский архив. 1874. Кн. II. № 5–8. Стб. 1295.

[32] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 328–331.

[33] Целенаправленная борьба с бедностью особенно остро стояла перед высшим сословием в России. «Эволюционируя многие столетия как почти чисто земледельческое общество, при слабом развитии процесса общественного разделения труда, российский социум (и прежде всего его господствующий класс) был крайне заинтересован в сохранении жизнедеятельности буквально каждого деревенского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на само общество» (*Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 422).

вой бережно, не истощать ее и не требовать от нее чрезмерного удоя»[34].

Однако и представители образованной элиты, и европейцы, находящиеся у русского престола, и выразители официальной доктрины отчетливо понимали, что «совесть», «смягчение нравов»[35] и здоровый практицизм не могут стать гарантированной защитой крепостных от жестокости. Тот же Сегюр резонно замечал: «Их участь зависит от изменчивой судьбы, которая, по своему произволу, подчиняет их хорошему или дурному владельцу. <...> Неограниченная власть помещика, предающегося своим страстям, может оскорблять невинность, слабость и добродетель, которым нет никакой опоры в законах»[36]. Таким образом понятия *раб* и *рабство* неизбежно попадали в один контекст с понятиями *закон* и *право*. Не случайно проект XI главы Наказа, написанный статс-секретарем императрицы Г. В. Козицким и откорректированный Екатериной, включал предложения законодательно регламентировать пределы власти душевладельца над «рабом», правовым путем обеспечить «рабу» пищу, одежду, защиту от насилия, поддержку «раба» в старости и болезни, а также установить предельные размеры выкупа на свободу и, кроме того, ввести выборный крестьянский суд «для уменьшения домашней суровости помещиков»[37].

---

[34] Цит. по: *Дидро Д.* Собр. соч. М., 1947. Т. X. С. 363. Дальновидные подданные разделяли подобный взгляд власти на «крещеную собственность». Так Е. Р. Дашкова отметила в своих «Записках»: «Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов» (*Дашкова Е. Р.* Записки. С. 118).

[35] «Не редко случались и злоупотребления со стороны помещиков, — писал Ф. Н. Голицын, — правление в нашей империи таково, что совестью более действует, нежели настоящим правом. Границы власти неопределенны, следственно несоразмерность часто может быть употреблена вместо справедливости» (Русский архив. 1874. Кн. II. № 5–8. Стб. 1294). «При постепенном смягчении нравов подчинение [крестьян] приближается к тому положению, в котором были в Европе крестьяне, прикрепленные к земле (servitudedelaglebe). <...> Недостает только прочных законов, которые обеспечивали бы постепенное улучшение быта крестьян», — вторил Голицыну посланник Сегюр (Записки графа Сегюра. С. 328, 336–337).

[36] Там же. С. 331.

[37] Отрывок из Наказа комиссии о сочинении проекта нового уложения, писанный Григорием Козицким, с собственноручными поправками Екатерины II // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 152–156.

Тем не менее в окончательном, представленном для публикации варианте Наказа проект Козицкого был уменьшен вдвое, при этом из текста исключались многие пункты ограничения «рабского состояния». Так была снята даже такая внешне безобидная для власти статья 265, которая гласила: «Когда закон дозволяет господину наказывать своего раба жестоким образом, то сие право должен он употреблять как судья, а не как господин». Без изменений в инструкцию императрицы вошла статья 254: «Какого бы рода покорство ни было, надлежит, чтоб законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвращали, а с другой — предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти», поскольку «весьма нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто привели в непослушание рабов»[38]. Таким образом, в программном документе престола главным словом контекстного употребления понятия *раб* осталось слово *покорность*.

[38] Наказ императрицы Екатерины II. С. 74–77.

«ХОЛОПОМ И ШУТОМ НЕ БУДУ И У ЦАРЯ НЕБЕСНОГО»

Итак, понятийный анализ официальных и личных источников обнаружил запечатленные в лексике скрытые метаморфозы отношений власти и личности в России XVIII столетия, которые не всегда просматриваются с подобной очевидностью при использовании иных приемов анализа текстов. *Холопы*, *сироты* и *богомольцы* XVII века в 1703 году по воле Петра I все поголовно стали *нижайшими рабами*, а в 1786 году в соответствии с указом императрицы Екатерины II были названы *верными подданными*. Это новое наименование использовалось самодержавием как орудие воздействия на сознание населения исторического ядра империи и жителей присоединяемых территорий, которые для престола превратились в *новых подданных*, а для *древних, старых подданных* в *любезных сограждан*. В реальной политической практике власть никого не удостаивала именем *гражданина*, используя это понятие лишь для создания абстрактного образа в Наказе и книге «О должностях человека и гражданина». Но даже на страницах высочайшей публицистики некий умозрительный *гражданин* наделялся не правами, а обязанностями и добродетелями, которые носили назидательный характер и ничем не отличались от обязанностей и добродетелей *верного подданного*. Ассоциации понятия *гражданин* с республиканской формой правления не слишком волновали власть, когда речь шла об архаике Древней Греции и республиканского Рима, а также о «гражданах республики Польской», которых доблестные войска императрицы избавили от анархии. Но «обезумевшие граждане»

восставшего Парижа глубоко возмутили самодержавный престол, и Павлу I понадобился специальный указ, чтобы ввести неугодное слово в его прежнее семантическое русло — в 1800 году под *гражданами* было приказано подразумевать, как в старые времена, *горожан*. Между тем в России последней трети XVIII века не только понятие *гражданин*, но и даже понятие *подданный* было достаточно абстрактным и собирательным. *Новые подданные*, которым обещались права и преимущества *древних*, очень скоро их получили, правда, эти права в действительности оказались для большинства усилившейся зависимостью, а 90% самих *древних подданных* на практике обычно именовались не *подданными*, а *душами* и *низшим сословием*.

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно указу 1786 года термин *подданный* в качестве подписи становится обязательным лишь для определенного вида посланий на имя императрицы, а именно для реляций, донесений, писем, а также присяжных листов и патентов. Формуляр жалобниц или прошений, исключающий слово *раб*, в то же время не предполагал этикетной формы *подданный*, *верноподданный* и был ограничен нейтральной концовкой «приносит жалобу или просит имярек». А если учесть происходящее на протяжении XVIII века стремительное сужение привилегированного слоя, представители которого имели реальное право адресовать свои послания непосредственно императрице, то станет очевидно, что собственно *подданными* власть признавала очень избранную группу людей. В 1765 году был опубликован указ, запрещающий подавать прошения лично императрице, минуя соответственные присутственные места[1]. Наказания варьировались в зависимости от чина и статуса «предерзких» челобитчиков: имеющие чин платили в качестве штрафа одну треть

[1] Официальные документы запечатлели даже факт «показательных процессов», связанных с «беспосредственным» обращением с жалобами. В мае 1767 года в Сенат был доставлен московский купец первой гильдии Иван Дягилев, который неоднократно пытался лично подать императрице прошения, за что ему полагалась «вечная ссылка с наказанием». Ссылку заменили публичным наказанием плетьми и объявлением этого случая «во всенародное известие» «в предохранение других от такого преступления» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12903. С. 133–134. 1767. 31 мая).

годового оклада, а крестьяне отправлялись в пожизненную ссылку в Нерчинск[2].

Следовательно, на «беспосредственное», как говорили в XVIII веке, обращение с жалобами или прошениями к императрице могло рассчитывать лишь ближайшее окружение, направляющее Екатерине не челобитные, а письма. Еще в 1763 году был издан специальный манифест «о подавании Ее Императорскому Величеству доношений, кои следуют к единственному Ее Величества прочтению за печатью и надписью: в собственные руки». Характерно, что в первой части документа речь шла о запрещении «утруждать» престол *прошениями*, а во второй — о разрешении направлять сугубо конфиденциальные *доношения* лично императрице[3]. Буквально через неделю была составлена инструкция сановникам, принимающим послания на высочайшее имя, которые категорически запрещалось вскрывать и задерживать. В данной инструкции присутствовала одна небольшая оговорка — «ежели податель — человек неизвестный, то взять с него сказку, кто он таков», а при случае и задержать под благовидным предлогом[4]. Луи Сегюр не совсем точно оценивал ситуацию, когда писал: «Так как императрица вовсе не желала, чтобы министры останавливали жалобы, ей приносимые, и заглушали голос правды, то она наказала бы со всею строгостью министра, который вздумал бы открыть письмо или какую-либо бумагу, посланную на ее имя»[5]. Речь в данном случае шла не столько о *жалобах* подданных и защите их интересов, сколько о сведениях, не предназначенных для разглашения и поступающих от придворных, и защите интересов трона.

---

[2] ПСЗ. Т. XVII. № 12316. С. 12–13. 1765. 19 января. Тогда же выяснилось, что прошения неграмотным крестьянам часто пишут мелкие чиновники, вводя в текст послания такие «противные выражения», которые могут «произвесть в простом народе развратные толкования». Более того, канцеляристы, невзирая на запреты и угрозы штрафов, адресовали жалобы сразу непосредственно императрице. По этому поводу был издан специальный указ «о неписании никаких челобитен нижним канцелярским служителям без ведома и позволения секретарей» (Там же. № 12648. С. 697. 1766. 14 мая).

[3] Там же. Т. XVI. № 11867. С. 303. 1763. 14 июня.

[4] Там же. № 11868. С. 303–304. 1763. 23 июня.

[5] Записки графа Сегюра. С. 390.

Таким образом, законодательное изменение формуляра челобитных и лексики посланий на высочайшее имя было адресовано не только просвещенному европейскому мнению, но и высшему сословию и прежде всего его политически активной элите. Исключение из стандартной подписи прошений какой-либо формы выражения взаимоотношений автора и монарха, с одной стороны, и официально заданная концовка *верный подданный* в личных и деловых посланиях, направляемых к престолу, с другой, свидетельствовали о стремлении императрицы к иному уровню контактов именно со своим ближайшим окружением, в котором она хотела видеть партнеров, а не челобитчиков[6].

Однако сохранившиеся в архивах и рукописных отделах подлинники многочисленных посланий на высочайшее имя представителей дворянской элиты свидетельствуют, что все они легко мирились с трафаретной подписью *раб*, не требовали изменения формуляра и оставили без внимания терминологические нововведения Екатерины. Законодательно измененная концовка посланий императрице молчаливо игнорировалась, и даже официальные реляции и политические проекты продолжали поступать за подписью *нижайший верноподданнейший раб*. Показательно, что большинство иностранцев, находящихся у петербургского престола, также оставили без внимания факт превращения российских *рабов* в *подданных*[7].

Пожалуй, единственной содержательной реакцией на новый формуляр прошений, которая целенаправленно была доведена до

---

[6] В начале XVIII столетия в соответствии с текстами присяг «приходящий в государеву службу» должен был, «уподобясь доброму послушному рабу», исправно исполнять все уставы и «пребывать покорным по своей должности». Однако уже в эти годы главный идеолог петровского правления Феофан Прокопович писал о государственной потребности в «ревнующих по Отечеству не за страх токмо, яко рабы, но и искреннею любовию, яко сыны» (см., например: Воинский Устав. Артикулы. Присяга или обещание всякого воинского чина людям // ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 319. 1716. 30 марта; *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 115, 124).

[7] Лишь Сегюр, отказавшись от каких-либо комментариев, отметил в своих записках: «В этом году императрица истребила старинный обычай, по которому просьбы на высочайшее имя писались так: *бьет челом раб твой такой-то.* Новым указом запрещено было употреблять это выражение, и велено слово *раб* заменить словом *подданный*» (Записки графа Сегюра. С. 393).

сведения престола, стала ода В. В. Капниста «На истребление в России звания раба Екатериною Второю в 15 день февраля 1786 года».

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай!
<...>
Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радостью вселенну:
Тебе свободу драгоценну
Екатерина днесь дарит.

Еще до публикации поэт отправил новое произведение своим взыскательным друзьям, Н. А. Львову и Г. Р. Державину, а также редактору петербургского журнала «Зеркало света» Ф. О. Туманскому, которому, в частности, писал: «...я послал другу моему Николаю Александровичу Львову Оду на истребление в России названия раба Ее Императорским Величеством 15 числа минувшего февраля, предоставя ему волю напечатать ее или предать ее всесожжению. ...можете ее поместить в издании вашем, буде не опасаетесь представить в Зеркале света зеркало весьма дурного сочинения». Капнист действительно не был уверен в художественных достоинствах и политической корректности своего произведения. Ни словом не обмолвясь о законодательно вводимом понятии *подданный*, он воспевал запрещение использовать слово *раб* в официальных бумагах как реальное освобождение россиян. Народ могучей империи одерживал блистательные победы, находясь до этого судьбоносного высочайшего указа в подневольном положении:

Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла,
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков
<...>

Разумеется, столь неловкое отождествление изменения канцелярских штампов и неосуществленных социальных реформ скорее разоблачало крепостническую монархию, чем превозносило императрицу. Не случайно Екатерина была разгневана поэтическими упражнениями Капниста, со свойственной ей проницательностью уличив незадачливого одописца в неискренности. И действительно, в письме Державину, где шла речь о новой оде, Капнист признавался в чувствах, далеких от верноподданнического рвения: «...душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Съискиваю свое истинное счастье в уединении... в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недро души моей и в воспарении оттуда иногда к источнику ее и всей твари. <...> Руками упражняюсь... в украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют»[8].

Верхушка дворянства, которой, собственно, и было даровано право именоваться *подданными*, этим правом пользоваться не торопилась. Некоторые же представители образованной элиты вообще осмелились противопоставить понятие *подданный* понятию *гражданин* и превратить данное противопоставление в орудие политического дискурса. Уже приводимые слова канцлера Панина и писателя Фонвизина о том, что при «произволе» «есть подданные, но нет граждан»[9], являются одним из первых случаев употребления прямой антитезы *подданный — гражданин*. В этом политическом трактате смысловое содержание слова *гражданин* конфликтно сталкивалось и с такими антонимами, как *право сильного, раб, деспот, пристрастное покровительство, злоупотребления власти, прихоть, любимец*, а также углублялось с помощью синонимического ряда, включающего понятия *закон, благородное любочестие, прямая политическая вольность нации, свободный человек*[10]. Таким

[8] *Капнист В. В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 101–103, 714; Т. 2. С. 286–288, 294, 572–574.

[9] Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4; см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784–1786 гг. // РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

[10] РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 6об, 13–14.

образом, в общественном сознании второй половины XVIII века постепенно складывалась иная, альтернативная официальной трактовка слова *гражданин*, в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищенного законом от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий. Спустя несколько лет после появления проектов Панина-Фонвизина новый канцлер А. А. Безбородко напишет: «...да истребятся все способы потаенные и где кровь человека и гражданина угнетается вопреки законов»[11].

В то же время *гражданин* наделялся не только сугубо нравственными добродетелями, свидетельствующими, в частности, о его чистоплотности или целомудрии. Мыслящий дворянин ожидал от *истинного гражданина*, коим почитал и себя, определенной политической зрелости и чувства личной ответственности за Отечество, но не за самодержавное государство. Не случайно в проекте Панина-Фонвизина отчетливо прозвучало мнение, что понятие «Отечество» не исчерпывается образом абсолютной монархии Екатерины. Вспоминая о конфликте императрицы с частным издателем, мыслителем и розенкрейцером Новиковым, Н. М. Карамзин писал: «Новиков как гражданин, полезный своею деятельностию, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы»[12]. Наконец, в текстах некоторых представителей дворянской элиты понятие *гражданин* сопоставлялось с понятием «человек». Следуя за взглядами Руссо «о переходе от состояния естественного к состоянию гражданскому»[13], Радищев полагал, что «человек родится в мир равен во всем другому», соответственно «государство, где

[11] Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив. 1877. Кн. I. № 1–4. С. 297–300.

[12] *Карамзин Н. М.* Записка о Н. И. Новикове // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 232. Фонвизин упоминал в письмах к П. И. Панину о «патриотических» чувствах «истинного гражданина», всем сердцем радеющего за военные победы России: «Патриотические о мире рассуждения ваши, милостивый государь, конечно, не найдут противоречия ни от кого из истинных граждан. Ваше сиятельство... имеете причины радоваться тому, что все уже устроено к трактованию о мире» (Письмо Д. И. Фонвизина П. И. Панину. 1772, май // Фонвизин Д. И. Собр. соч. С. 383).

[13] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 164.

две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы» не может назваться «блаженным»: «Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека»[14].

Однако следует отметить, что в целом понятие *гражданин* довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе почти не встречалось. Как ни странно, наибольшей популярностью этот термин пользовался у «просвещенной императрицы». В то же время показательно, что и в Наказе[15], и законодательстве довольно редко употреблялось слово *сограждане*. Исключение составляют действительно исключительные случаи выбора от «сограждан» депутатов Уложенной комиссии[16] и включения «сограждан» присоединенных территорий в число российских подданных.

С другой стороны, на первый взгляд парадоксально, что человек, единственный из всех российских публичных деятелей и мыслителей XVIII века удостоенный звания *гражданин* от самого авторитетного историографа, практически не употреблял это понятие в своих публицистических произведениях. В журналах «Трутень», «Кошелек», «Живописец» используется только термин *согражданин*: издания Новикова преследовали одну высшую цель — «пользу сограждан», «исправление нравов сограждан», «возбуждение в сердцах сограждан отвращение к худым делам»[17]. Императрица,

---

[14] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 227, 248, 279, 293, 313–315, 323 и др.

[15] Три случая употребления слова *сограждане* против ста упоминаний о *гражданине*.

[16] См., например: «Присяга депутатам, вступающим в комиссию о сочинении проекта нового уложения» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12945. С. 181–182. 1767. 24 июля); «Начертание о приведение к окончанию комиссии проекта нового уложения» (Там же. № 13095. С. 503. 1768. 8 апреля). Достаточно упомянуть, что звание депутата давало небывалые привилегии. Депутаты были объявлены под «собственным охранением» императрицы, они освобождались пожизненно от смертной казни, пыток и телесных наказаний. Их личная безопасность обеспечивалась двойной карой покушавшемуся на нее. Наконец, депутатам комиссии даны были особые нагрудные знаки, которые впоследствии дворянские депутаты могли включать в свои гербы.

[17] *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. С. 3–220.

выступая от лица «Всякой всячины», пытаясь соответствовать тону новиковского «Трутня», писала также о *согражданах*, однако отождествляя их с *подданными*, главная доблесть которых состоит в признании справедливости и правосудия современного правления. Таким образом, в контексте противоречивой риторики XVIII столетия однокоренные понятия *гражданин* и *согражданин* могут быть даже противопоставлены. Официальные документы, включая Наказ, придавали правам *гражданина* оттенок высочайше дарованного благоволения, независимая публицистика видела в *согражданах* представителей формирующегося сообщества, относительно независимого от престола.

В рамках же всего комплекса привлеченных к работе текстов[18] понятие *гражданин* использовалось не спорадически, а для целенаправленной характеристики отношений личности и государства лишь в проектах Панина-Фонвизина и «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. В первом случае *гражданин* становился символом монархии, где престол окружают не фавориты, а защищенная законом государственная элита, во втором же — право на политическую дееспособность признавалось и за крепостным, имеющим «одинакое от природы сложение»[19]. Данные идеи нельзя признать уникальными и существующими лишь в сознании упомянутых авторов — подобные мысли были весьма характерны для оппозиционно настроенного дворянства, однако далеко не всегда выражались с помощью термина *гражданин*[20]. Так, М. Н. Муравьев, выражая свое отношение к личности крестьянина, использовал антитезу «простой» — «знатный»: «В тот же самый день простой

[18] Напомню, что источниковая база работы включает более 3 тысяч писем дворянства, около 50 художественных и публицистических произведений XVIII столетия, а также все законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, и несколько сотен архивных текстов.

[19] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 314.

[20] Например, Новиков не случайно выбрал в качестве эпиграфа своего журнала «Трутень» слова: «Они работают, а вы их хлеб едите». В 1773 году он заметил в одном из писем: «Хлеб... нужнейшая вещь для продолжения человеческой жизни, вот истинное... всего государства богатство» (Письмо Н. И. Новикова Г. В. Козицкому. 1773, май // Письма Н. И. Новикова. С. 7). Однако в своих размышлениях к понятию *гражданин* он не прибегал практически никогда.

крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние»[21]. И даже Фонвизин в собственных литературных произведениях довольно редко обращался к понятию *гражданин*, которое вообще не встречается в его «Опыте российского словника», а в размышлениях о положении крепостных используются другие термины: «Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению»[22].

Действительно, русская *фронда* периода правления Екатерины II не собиралась умирать за республику, конституцию и право вместе с собственными крестьянами «именоваться гражданами»: представители самоопределяющейся дворянской культуры даже к дарованной им привилегии подписываться в посланиях императрице *подданный*, а не *раб* отнеслись прохладно. Самодержавие в России второй половины XVIII века будет ограничено не *гражданином*, требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Начавшееся ослабление союза образованной элиты и государства применительно к данному периоду проявится на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений. Преодоление непререкаемого авторитета самодержавного правления будет заключаться в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуалов отдалится от верховной власти и все более настойчиво будет пытаться осуществить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия официальных ценностей. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс, в силу неоднозначности про-

[21] *Муравьев М. Н.* Обитатель предместья // Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819. Т. 1. С. 101.

[22] *Фонвизин Д. И.* Опыт российского словника // Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 1. С. 225–226.

явлений приобретший в литературе целый репертуар наименований — возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции[23], — начнется уже в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его была парадоксально сформулирована Ломоносовым и спустя несколько десятилетий воспроизведена Пушкиным. В 1761 году ученый заявил блистательному вельможе И. И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет». В дневнике 1833–1835 годов поэт запишет: «Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у царя небесного»[24].

[23] См., например, об этом: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994; *Smith D.* Working the Rough Stone. Freemansonry and Society in Eighteeningth-Century Russia. DeKalb, 1999. P. 53–90 (см. рус. перевод: *Смит Д.* Работа над диким камнем: Масонство и общество в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2006); *Wirtschafter E.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003; и др.

[24] Цит. по: *Пушкин А. С.* Дневники, записки. СПб., 1995. С. 40, 238.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в работе было предпринято изучение смыслового содержания важнейших понятий русского языка XVIII столетия, характеризующих отражение в сознании современников взаимоотношений престола и общества, а также используемых правительством механизмов социального контроля и приемов саморепрезентации власти. Огромный диапазон поставленных проблем заставил сузить исследование до анализа лишь некоторых ключевых понятий, к которым были отнесены прежде всего термины *закон*, *подданный*, *гражданин* и ряд понятий, связанных с ними контекстуально, в частности такие, как *самодержавие*, *самовластие*, *монаршая воля*, *законодатель*, *холоп*, *раб* и т. д. Сравнительное сопоставление терминологии различных по своему авторству, социальным функциям и видовой принадлежности источников еще раз подтвердило, что язык является и индикатором, и катализатором глубинных процессов, происходящих в обществе, которые не всегда прочитываются при иллюстративном использовании материалов документов. Используемые в работе понятия *закон*, *гражданин*, *подданный*, *самодержавие* и т. д. ни в коей мере не являются правовыми или социологическими терминами, а напротив, соотносятся исключительно с языком, сознанием и реальными жизненными практиками рассматриваемого периода. Смысл этих многозначных, актуальных и полифункциональных понятий пронизывал самые различные пласты социальной действительности, помогая выявить невидимые линии социальной напряженности, своеобразные болевые точки эпохи.

Главным объектом проведенного исследования стали не собственно законодательные инициативы власти, не функционирование судебной системы и не изменения в сословно-групповой иерархии, а отражение данных социальных явлений в восприятии современников и «обратная связь» воздействия сложившейся у человека русского XVIII века картины мира на процессы, происходящие в обществе. Значительное внимание в работе уделено содержанию и развитию *правового сознания*, сущность которого по-разному понимается специалистами. Ричард Уортман наделяет это понятие оценочным смыслом, высказывая мнение, что о *правовом сознании* в истории Российской империи можно говорить лишь в отношении чиновников, занявших высшие должности в Министерстве юстиции при Николае I и осуществивших судебную реформу 1864 года во время правления Александра II. «Эти бюрократы... начинали видеть в себе, прежде всего, служителей права, а не слуг царя или государства, — пишет Уортман, — именно этот тип мышления я называю "правовым сознанием"». Исследователь наделяет данный «тип мышления» «интеллектуалистским, идеологическим характером, опирающимся на юридические и философские идеи» и противопоставляет понятие *правовое сознание* менталитету[1]. В то же время Уортман не отрицает существование и других форм *правового сознания*.

Если использовать подобную терминологию, то в предложенной работе внимание было сосредоточено именно на менталитете или, скорее, на общественном сознании, включающем в себя и складывающиеся на протяжении долгого времени архетипы, и существующие в рассматриваемый период системы ценностей, и спонтанные реакции на повседневные обстоятельства жизни. Под этим углом зрения в очерках и анализируются представления о *законе* в широком смысле этого слова на самых разных уровнях социальной пирамиды: от монарха, подчиняющегося только Закону Божьему, до крестьянина, уповающего исключительно на защиту монарха и пишущего от его лица «царские грамоты».

---

[1] *Уортман Р. С.* Властители и судьбы в развитии правого сознания в императорской России. М., 2004. С. 20–21, 24–27 и др. См. также: *Durkheim E.* Professional Ethics and Civil Morals. L.; N.Y., 1992. P. 55–64 и др.

Понятие *закон*, так или иначе восходящее к высоким теософским смыслам Пятикнижия Моисея и Нового Завета, в рассматриваемый период имело, разумеется, не только духовное, но и исключительно светское содержание и осознавалось современниками как главное орудие управления государством и главная прерогатива монарха. В официальном и панегирическом контексте эта персона именовалась Божьим министром и располагалась на самой вершине сословной иерархии, почти упирающейся в поднебесье. Воля императора реализовывалась через закон, который получал как бы второе издание своего возвышенного смысла благодаря сакрализованному образу светского правителя. Тот факт, что венценосная особа могла следовать своевольно сформулированному императиву *Закона Божьего* и под эту свою веру самодержавно изменять *закон государственный*, лишь подтверждает всесилие власти помазанника на российском престоле.

При этом государственный закон был главным инструментом обращения престола к населению империи и потому наделялся не только контролирующей, но и мощной воспитательной силой, что приводило к неожиданному соединению регулирующего и назидательного начала в текстах высочайших указов. Идеологическая функция законодательных актов, особенно манифестов, превращала некоторые их положения в декларацию важнейших социополитических ценностей, задающих некую нравственную планку и недостижимых в реальности. Таким образом, закон становился сложной компиляцией конкретных, обязательных для исполнения правил и неких общих умозрительных дисциплинирующих принципов. Неудивительно, что в необходимых, с точки зрения власти, ситуациях те или иные положения высочайших указов могли подкрепляться цитатами из Библии. Обращение к Священному Писанию в текстах законодательных актов неизбежно придавало им иррациональное звучание, апеллирующее к вере, а не к практике повседневной жизни подданных, которым власть могла угрожать Страшным судом или, напротив, обещать Божье прощение.

С другой стороны, в абсолютистской России спонтанно формировалось представление о двух важнейших источниках закона — Высшей воле и воле императора, что способствовало дальнейшей сакрализации образа монарха. При этом в сознании общества

Божий помазанник, позволяющий себе порой довольно вольно трактовать Закон Божий, в чем-то оказывался ближе к небесному престолу, чем православная церковь, сфера влияния которой неизменно уменьшалась на протяжении XVIII века, уступая место вездесущему государству. Сужался перечень преступлений, которые подлежали юрисдикции Синода, власть все чаще прибегала к присуждению светскими судами такого наказания, как покаяние в монастыре, ограничивая участие клира лишь ролью охранников и увещевателей. Кабинет Екатерины смог вообще реанимировать древнюю традицию *публичного покаяния*, разработав и поставив театрализованную интерпретацию канонического обряда. Таким образом, власть просвещенного абсолютизма в России видела в законе главное орудие социального контроля и потому пыталась усилить действенность законодательного акта силой веры, невольно тем самым снижая авторитет церкви и придавая мистический смысл своим указам.

В то же время перед правительством стояла прагматичная задача доведения до сведения подданных содержания постановлений, исходящих от трона, Сената или Синода. Большие усилия необходимо было также прилагать для обеспечения исполнения законов. Показательно, что привилегированный слой и особенно политическая верхушка дворянства, которая, кстати сказать, включала и непосредственных создателей текстов указов, уповала в жизненно важных для себя ситуациях не на закон, а на благодать. Милосердие монаршее или расположение фаворита оставались главной защитой для несправедливо обиженного или обойденного. Низшим слоям доступ к престолу в царствование Екатерины был перекрыт окончательно. Отчасти поэтому и возник феномен, который можно условно назвать «фольклорным законотворчеством». *Ложные пасквили* содержали сведения об отмене крестьянской неволи вслед за «Манифестом о вольности дворянства», о готовности «матушки-императрицы» взять на себя все недоимки и наказать «злонамеренных бояр», о поголовной записи в казачество и, подобно мечте богучаровских мужиков и Дрона-старосты, о переселении в теплые края[2]. Здесь следует отметить, что и высшие государствен-

[2] *Толстой Л. Н.* Война и мир.

ные чиновники искренне полагали, что дозволено и даже похвально самостоятельно, в угоду государыне, например, на основании Наказа, написать сотню-другую собственных законов и принудить население подвластной губернии к их исполнению.

В действительности же власть придерживалась абсолютно другого мнения и была непоколебима в убеждении, что самодержавный правитель был и остается единственным источником закона государственного и главным интерпретатором Закона Божьего. Представленный Никитой Паниным проект Императорского совета недавно коронованная императрица Екатерина подписала в декабре 1762 года, но тут же оторвала от манифеста клочок бумаги со своей подписью. Сенат был разделен на шесть департаментов и превращен практически в судебно-апелляционный орган. Уложенная комиссия так и не привела к созданию нового уложения, «Наказ Сенату» остался неопубликованным, а «Рассуждение о фундаментальных законах» воспитателя наследника престола не было передано великому князю Павлу Петровичу. В то же время Екатерина внимательно изучила «Правду воли монаршей» и вслед за Петром Великим свято уверовала, что «Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен». В конце XVIII столетия в России сохранял актуальность свод законов середины XVII века, однако именно правление императрицы считается принципиально новым этапом в развитии правовой мысли и законодательства.

Заявив, что государство должно управляться только по правилам, исходящим от престола, Екатерина сама принялась за составление указов, соединив в одной персоне и харизму законодателя, и профессионализм «законоискусника». «Оценивая то, что было сделано ею за многие годы, — пишет Е. В. Анисимов, — можно без особого преувеличения утверждать, что Екатерина II, десятилетиями работая над законодательством, в некотором смысле заменила собой целую Уложенную комиссию»[3]. Можно сказать, что образ «философа на троне», ставший символом европейского Просвещения, трансформировался в России второй половины XVIII века в образ милосердной и мудрой законодательницы. «Именные указы

[3] *Анисимов Е. В.* Императорская Россия. СПб., 2011. С. 285.

Ее Императорского Величества» были атрибутом власти, украшением престола и средством самореализации Екатерины. При этом императрица попыталась разделить понятия *указ* и *закон* и сделать *непременные фундаментальные законы* главной основой жизни общества и одновременно каналом репрезентации самодержавного правления.

Примечательно, что один из самых масштабных государственных деятелей ее правления, Никита Панин, одновременно и надежный соратник и мощный оппонент, также оперировал понятиями *просвещенный монарх* и *непременные законы*, превратив данные термины в орудие политического дискурса. Завещание канцлера, записанное другом свободы[4] Фонвизиным, через племянника писателя, будущего декабриста, станет вдохновляющим фактором для отважных молодых людей александровского правления, поддерживаемых мыслью, что и «отцы» мечтали о конституции[5]. Однако в словах Панина, неопубликованных, необнародованных, доверенных перед смертью другу и адресованных воспитаннику, речь идет вовсе не о конституции, а об идее «самоограничения власти», которая как единственный монопольный источник закона собственно одна и может себя ограничить, а вернее, ограничить свои пристрастия и зависимость от капризов любимцев. В высшей степени самодержавный по своему пафосу тезис законодательного «самоограничения» прерогатив императора не провозглашался престолом, но в действительности постепенно реализовывался на протяжении XVIII столетия, приведя к разделению на практике понятий *слово монарха* и *закон*.

Однако самым сильным и даже деспотичным корректором указов всевластных императоров стали объективные закономерности развития российской государственности. Несмотря на все влияние шведского военно-уголовного артикула, кодексов германских государств и правовых идей просветителей, русское законодательство объективно не могло быть ремейком и в конечном счете отвечало исключительно на вызовы реальности. Любые идеологические ин-

[4] *Пушкин А. С.* Евгений Онегин.

[5] См.: *Пигарев К. В.* «Рассуждение о непременных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева // Литературное наследство. 1956. Т. 60. С. 239–361.

тенции, так или иначе приходящие в резонанс с жестким курсом мобилизационной догоняющей модели развития, приобретали факультативный характер, лишь исподволь влияющий на состояние умов в обществе.

Одним из главных законодательных свершений Екатерины навсегда останется Наказ, произведение само по себе феноменальное. Принятый с опасением политической и церковной верхушкой, не имеющий юридической силы, но обязательный для знания в каждом присутствии, нередко использующийся как инструкция при принятии законодательных решений, являющийся общепризнанной компиляцией и при этом авторским текстом, за который императрица готова была нести ответственность и несет ее, кажется, по сей день. Она была искренна в своей приверженности идеям «общего блага» и, как каждый «просвещенный монарх», с подкупающим простодушием верила в возможное чудо «правильных законов». Созыв Уложенной комиссии, конкурс Вольного экономического общества, указ 1783 года, разрешающий открывать частные типографии, никак нельзя назвать лицемерием.

Однако хорошо известно и другое законодательство Екатерины, связанное, например, с усилением крепостнической зависимости и жестоким преследованием податных людей за попытки обращения к престолу и т. п. «Главное же остается пока неясным, — пишет Л. В. Милов, — как могли ужиться в политике единой правящей элиты столь принципиально различные направления — субъективно осознанный либерализм и столь же осознанное "реакционное" феодально-крепостническое начало. Между тем... есть вполне реальная возможность дать наиболее убедительную оценку такой политике как вполне целостному явлению. Для этого необходимо еще раз осознать кардинальнейшую особенность Российского государства... как общества с относительно низким объемом совокупного прибавочного продукта и жесткими рычагами государственного механизма»[6].

Именно поэтому российское законодательство периода просвещенной монархии строилось не столько на идеях «общего бла-

[6] См.: *Милов Л. В.* Россия при преемниках Петра I // История России XVIII–XIX веков. М., 2008. С. 222–225.

га», сколько на принципах прагматизма, здравого смысла и учета «готовности умов» к правильному восприятию и исполнению распоряжений власти. С последним, как водится, были особые проблемы. Проведение Генерального межевания разбивалось о постоянные попытки драк и склок с землемерами; дворяне, получившие Жалованную грамоту, вопреки всей сословной политике императрицы записывались в купцы, лишь бы владеть винными подрядами и откупами; а детально продуманные и прописанные указы срывались с публичных мест уличными хулиганами.

С другой стороны, громадные пространства и разнообразие условий расширяющейся империи при слабости и относительной малочисленности бюрократического аппарата предопределили появление вольных и невольных соавторов законодательных актов, создаваемых на самой вершине политической пирамиды. Речь идет о казуальности русского права рассматриваемого периода и, в частности, о целом ряде указов, обязывающих чиновников местных канцелярий сообщать о наличии «неясных мест» в действующем праве и о случаях, которые вообще не подходят не под одну статью закона. Таким образом, законы второй половины XVIII века превращались в захватывающие истории, Полное собрание законов Российской империи — в густонаселенный источник, а поручик, порвавший занавес в ложе придворного театра, в главную фигуру именного указа.

Но, несмотря на то что реальная действительность во всех ее проявлениях, здравый смысл и просветительские ценности вносили ощутимый баланс в развитие законодательства, собственно самодержавие, как пишет Е. В. Анисимов, «крепло и развивалось за пределами "поля" права и законности»[7]. И вопреки тому, что сама императрица очевидно стремилась следовать ею же и провозглашенным правилам, ее ближайшее окружение, по воспоминаниям современников, нередко вероломно относилось к закону. Это обстоятельство весьма волновало политическую аристократию, и об этом писал Никита Панин, впервые соединив в своей знамени-

[7] «В этом-то и заключалось глубинное противоречие самодержавия, которое, сохраняя и законодательно утверждая свою неприкосновенность, оказывалось в силу своей же неподконтрольности страшно зависимым от случайностей» (*Анисимов Е. В.* Императорская Россия. С. 345).

той фразе о «государстве и отечестве» понятия *закон* и *гражданин*. Пассаж, предназначенный наследнику, а в его лице всей традиции самодержавного правления, о том, что без *непременных законов* «есть подданные, но нет граждан», намного опередил и отчасти обозначил тенденцию развития общественного сознания и потому приобрел особую популярность полстолетия спустя в среде будущих декабристов. Во второй же половине XVIII века понятие *закон* контекстуально чаще употреблялось вместе с понятием *самодержец* или *подданный*.

Более того, на основании законодательно установленной в 1702 году формы подписей авторов петиций и челобитных все население страны в отношении верховного правителя было объединено наименованием *раб*, что означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти, увеличение дистанции между престолом и подданными и стимулировало сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании. Официально заданное наименование подданных сохранялось и неоднократно подтверждалось вплоть до 1786 года, т. е. до указа Екатерины II «Об отмене употребления слов и речений в прошениях на высочайшее имя и в присутственные места подаваемых челобитен»[8]. Согласно указу, подпись *верноподданный раб* трансформировалась в понятие *верный подданный*. Подобный терминологический выбор власти стал лаконичным выражением провозглашенного и узаконенного изменения официальной концепции отношений престола и личности, а также импульсом для развития института подданства в российском обществе. Законодательство XVIII столетия, особенно его второй половины, свидетельствовало о все более интенсивном использовании властью этого понятия в качестве орудия социального контроля.

В русском языке XVIII века существовал еще один термин — *гражданин*, выражающий взаимоотношения государства и личности и встречающийся в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе. Однако контексты употребления этого понятия обнаруживают очевидную специфику его трактовки в русском политическом языке XVIII века. Обращает на

[8] ПСЗ. Т. XXII. 1786. № 16329. С. 534–535. 1786. 19 февраля.

себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов *гражданин* и *подданный*, свидетельствовавшее о том, что в середине XVIII века и для власти, и для большинства современников понятие *гражданин* не было символом противостояния абсолютизму. Данный термин часто использовался с тем, чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались *согражданами*. В крепостнической России на звание *гражданин* могла рассчитывать прежде всего элита общества. Податное население исключалось из разряда «hominess politici» и к *гражданам* не причислялось. В сознании власти и дворянства жила уверенность в полной психологической и интеллектуальной неготовности крепостных приобрести «звание свободных граждан».

Таким образом, в развитии политической терминологии русского языка второй половины XVIII века запечатлелся еще один парадокс — понятие *гражданин* становилось нравственным оправданием существования крепостничества. Лишь отдельные представители дворянской элиты понятие *гражданин* сопоставляли с понятием *человек*, а также в среде фрондирующего дворянства находились те, кто осмеливался противопоставить понятие *подданный* понятию *гражданин*. Так в общественном сознании второй половины XVIII века постепенно складывалась иная, альтернативная официальной трактовка слова *гражданин*, в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищенного законом от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий.

Однако эмансипация дворянской культуры вдохновлялась не дворянином, глубоко воспринявшим интересы собственного сословия, а самостоятельно мыслящей личностью. Формирование независимого от престола общественного мнения и свободной от высочайшего контроля сферы общественной жизни осуществлялось «частным человеком». Обретение собственного внутреннего критерия и взгляда на вещи, актуализация иных сфер самореализации, наконец, общее усложнение духовной жизни и активизация интеллектуальной деятельности на фоне развития оппозиционных настроений в среде образованной элиты — все эти факторы стали

социально-психологической основой переосмысления целого ряда таких морально-этических категорий, как *честь, гордость, смирение, вольность, просвещенность, чувствительность, чистосердечие*. При этом доминирующее в личных источниках дворянского происхождения значение термина «честь» было лишено сословного и фамильного гонора и отождествлялось с категорией *благородство*, означающей не принадлежность к господствующему классу, а нравственное достоинство личности.

Таким образом, оказалось, что манипуляции с общественным сознанием таят в себе огромные возможности и непредвиденные опасности, а так и не познанные закономерности развития личности не поддаются прямому социальному контролю, увенчивая все усилия власти совершенно неожиданными результатами. К концу своего правления Екатерина с горечью обнаружила, что военные победы являются делом более легким, чем борьба против «суеверий» и «странных книг». Во время следствия по делу Новикова она сетовала московскому обер-полицмейстеру Н. П. Архарову, что «всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но к удивлению не может сладить с армейским поручиком»[9].

В XVIII столетии интеллектуалы еще ограничивались легким фрондерским недовольством, не выходящим за грани «дозволенной оппозиционности», что объясняется, в частности, молодостью культуры дворянского сословия, воспитанного и поставленного в исключительно привилегированное положение самой властью. Тогда первый поэт России, автор оды «Бог», Гавриил Державин, мог служить секретарем императрицы — в следующем столетии уже было невозможно представить Пушкина в этой роли при дворе Николая I. Но еще в середине XVIII века Екатерина, заметив симптомы разлада просвещенной элиты и престола, справедливо придала этой тенденции очень серьезное значение. Тончайшая политическая интуиция, как обычно, не обманула великую императрицу. В 1769 году она писала: «Человек сначала зачинает чувствовать скуку и грусть, иногда от праздности, а иногда и от читания книг: зачнет жаловать-

[9] См.: Указ Екатерины II архиепископу Платону от 23 декабря 1785 г. // Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 579; Указ Екатерины II графу Я. А. Брюсу от 27 марта 1786 г. // Там же. С. 58; Русская старина. 1872. № 1. С. 146.

ся на все, что его окружает, а, наконец, и на всю вселенную. Как дойдет до сей степени, то уже болезнь возьмет всю свою силу и верх над рассудком. Больной вздумает строить замки на воздухе, все люди не так делают, и само правительство, как бы радетельно ни старалось, ничем не угождает. Они одни по их мыслям в состоянии подавать совет и все учреждать к лучшему. Иногда несколько их съезжалось вместе, но сие прежде всего весьма прибавляло им опасности»[10].

Когда специалисты по истории XVIII века говорят о завещании императрицы, почему-то сразу встает проблема престолонаследия. Однако Екатерина готовилась передать не только власть — она оставляла потомкам громадную, усилившуюся за годы ее правления державу, по всей видимости предвидя грозящие ей потрясения. Поэтому и сейчас столь же злободневно, как более двух столетий назад, звучат слова великой императрицы, пророчески указавшей на главный узел противоречий российской государственности: «Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: ...я нимало не забочусь об величии и об пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы ответила: знайте же, что если ваше правительство... утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности»[11].

Романовы, «революционеры и уравнители»[12], безусловно принадлежащие к русской интеллектуальной элите, причем порой к ее наиболее радикальному крылу, может быть в наибольшей степени оказались заложниками глубинного, еще малоисследованного противоречия развития общественного сознания XVIII–XIX веков. Дело в том, что Россия этого периода, «пространная» евразийская империя, вынужденная в силу природных условий, существовать в режиме мобилизационной экономики, имела европейскую по обра-

[10] Всякая всячина. 15 декабря 1769 г. // Новиков Н. И. Избранные произведения. С. 59. См. также: Собственноручная записка Екатерины I с персонажами «L'homme ennuyé» («скука скучающего») // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 76.

[11] См.: *Екатерина II.* [О величии России] // Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 644.

[12] *Пушкин А. С.* Дневник. 1833–1835 гг.

зованию и предпочтениям элиту, которая восприняла пафос ценностей Просвещения.

Финалом данных очерков станет своеобразный диалог между двумя неизвестными документами XVIII столетия. Один из них писала императрица ранними петербургскими утрами, борясь с русскими падежами и исправляя текст настолько старательно, что в послании одному из своих адресатов признавалась, что работает с пяти часов и рука уже устала водить пером. В этом так и не напечатанном тексте Екатерина утверждала нерушимые прерогативы самодержавной власти. Другой документ был составлен анонимным автором и содержал резкую критику политики престола, бессмысленные жертвы на Русско-турецком фронте и вседозволенность фаворитизма. Оба автора были искренни, мечтали об «общем благе», уповали на *закон* и осознавали себя *гражданами*, в смысле личной ответственности за судьбу Отечества. В обоих документах пульсирует противоречивое чувство, которое через полстолетия будет наконец точно выражено в образах «Медного всадника»: пределы власти, жизнь отдельного человека и цена государственного величия. Обе рукописи написаны с особым чувством и особой энергией, обе оставили нам так и не решенные вопросы и ощущение недосказанности.

Но какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось за пожелтевшими страницами, тексты ушедших времен равнодушно хранят его тайну, но не об одном вечном спокойствии говорят нам они; они говорят о жизни бесконечной...[13]

[13] *Тургенев И. С.* Отцы и дети.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ НАКАЗА СЕНАТУ О САМОДЕРЖАВНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА[1]

[Л. 5] Наказ Сенату Титул императорскаго величества	Б. М. М. Е. В. И. И. С. В.[2] Большой титул
Империя Всероссийская нераздельно пребудет и непременно останется под самодержавной и законодательной власти императорскаго величества.	Вы[ше] прописанные царствы, великие княжении, области и земли в трех полосах северной, средной и полуденной, состоящиеся и составляющеи империи Всероссийской, нераздельно пребудут и непременно останутся под самодержавной и законодательной власти императорскаго величества.
	Глава о самодержавной и законодательной власти императорскаго величества.
Всероссийская империя имеет над собою самодержавною и законодательною главою императорскаго величества и не подвергается иным	Всероссийская империя изстары, как и ныне, имеет над собою самодержавною и законодательною главою императорскаго величества, и не подвергается иным законам,

[1] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 321. Л. 5–7. Орфография приближена к оригиналу, поскольку публикуемый источник является собственноручной рукописью. Значительная часть проекта «Наказа Сенату» с некоторыми разночтениями была опубликована О. А. Омельченко, за исключением предварительных черновых записей, которые воссоздают сам процесс работы императрицы над этими документами. См.: *Омельченко О. А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII века // Проблемы истории абсолютизма: Сборник научных трудов (Всесоюзный юридический заочный институт). М., 1983. С. 43–62.

[2] Божиею Милостью Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская.

законом окромя императорскаго величества.	окромя императорскаго величества и предками императорскаго величества самодержавной и законодательной властию, изданных для блага общего и частнаго*. * Смотри Наказ Комиссии о составлении проекта новаго Уложения, Глава II, статьи 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16.
[Л. 5об] Ко власти императорскаго величества соединено самодержавство.	Ко власти императорскаго величества соединены права и преимущества самодержавства.
К самодержавству принадлежит законодательство нераздельно.	К самодержавству принадлежит как изстари, так и ныне и на будущие времена, законодательство нераздельно. Примечание 1. От сих источников происходит и оным принадлежит: 1. звание: смотри о звание[3], лист. 2. преимуществы: смотри о преимуществы[4], лист. 3. род: смотри о роде[5], лист. 4. советы: смотри о советы, лист. 5. должности: смотри о должности, лист. 6. доходы: смотри о доходах, лист. Примечание 2. Законодательство принадлежит самодержавству изстари: 1. непременно, 2. нераздельно, 3. неотъемлемо. Сии правили непоколебимо существуют ради величие и безопасности империи во все времена, как прошедшия, так и настоящия и будущия.

[3] Далее зачеркнуто: «император. вел.».
[4] Далее зачеркнуто: «имп. вел.».
[5] Далее зачеркнуто: «имп. вел.».

[Л. 6] Самодержавная и законодательная власть непременны суть.	Самодержавная и законодательная власть непременны суть.
Самодержавная и законодательная власть не знает на земли выше себя.	Самодержавная и законодательная власть не знает на земли сей выше себя.
Самодержавная и законодательная власть нет препоны и равенства.	Самодержавная и законодательная власть не имеет препоны, не равенства. Примечание 3. Самодержавной и законодательной власти принадлежит: 1. установление, утверждение, разпространение, сокращение, отрешение, отменение, возобновление и изъятие закона; 2. все неустройствы, злоупотреблении, жалобы, напасты и чрезвычайные случаи, не принадлежащие обыкновенному и предписанному течению установленных мест для исполнения уголовнаго и гражданскаго суда представляется к самодержавной власти и решении императорскаго величества.
[Л. 6об] Императорскаго величества высокое достоинства, власть и корона нераздельно.	Императорскаго величества высокое достоинства, власть и корона нераздельно, понеже всякое разделение империи или власти императорскаго величества влечет за собою ослабление силы и могущество империи, как то довольно усмотреть можно из древных повести российской истории в разные ее доднясь эпохи[6]. Примечание. Все нещастии и разорении сей державы происходили первое, от разделении области сея империи меж-

[6] Далее зачеркнуто: «все не».

	ду потомками равноапостольнаго Владимира I, которыя, второе, разделяя земли и власть, не слушались один другаго, и, третье: непослушанием удельных и требовании старшинства старшего в роду [Л. 7] летами с пренебрежением власти старейшаго старшей поколение, империи довели не токмо[7] до внутреннаго[8] растройство, но и до сущаго разорения при нашествии иноплеменников.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ЧЕРНОВЫЕ БУМАГИ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА[9]

[Л. 1] О преимуществе	
Императорскаго величества владеющей особы принадлежит присяга в верности от подданных.	Императорскаго величества владеющей самодержавной и законодательной особы принадлежит присяги в верности ото всех подданных.
[Л. 2] О преимуществе	
Преимущества императорскаго величества суть трех родов.	Преимуществы императорскаго величества суть трех[10] родов. 1. Принадлежащия высокому достоинству императорскаго величество. 2. Принадлежащия власти самодержавной[11] императорскаго величества.

[7] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «в раз».

[8] Слово вписано над строкой.

[9] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1–4об. Орфография приближена к оригиналу, поскольку публикуемый источник является собственноручной рукописью. Л. 1–2об публикуются впервые.

[10] Далее вторично написано: «трех».

[11] Слово вписано над строкой.

	3. Принадлежащия доходам императорскаго величества.
Преимуществы, принадлежащия высокому достоинству императорскаго величество. 1. Особа, владеющая императорскаго величества, есть едино владеющею во Всероссийской империи.	Преимуществы[12], принадлежащия высокому достоинству императорскаго величества суть 1. Особа, владеющая императорскаго величества, есть едина, не имеющее себя подобной во Всероссийской империи в достоинстве, чину, власти, могуществе, деиствие во всякое время и место. (3). Особа императорскаго величества есть освященная, понеже миром помазано и короновано. [Л. 2об] 4. особе императорскаго величества, владеющей самодержавно, принадлежит присяга в верности ото всех подданных. И императорское величества чины, достоинства и награждение жалует и дает кому за благо рассудит.
	Преимуществы, принадлежащия власти *самодержавной императорскаго*[13] величества суть[14] 1. Законодательная власть. *Примечание.* *Самодержавная и законодательная власть имп[ераторскаго] вел[ичества] существует и предохраняется ради целости империи и безопасности каждаго подданнаго лично*[15]. 2. Посылка послов, посланников и протч[ее].

[12] Выше зачеркнуто: «Принадлежащия».

[13] Выделенное курсивом вписано над строкой вместо зачеркнутого: «императорскаго».

[14] Далее зачеркнуто: «преимуществы самодержавия».

[15] Выделенное курсивом написано в левой колонке.

	Примечание. *Соединение возможности и власти в особе императорскаго величества возбуждает уважение и почтение соседных и иностранных народов, от того произходят посольствы и пересылки, и покровительство императорскаго величества к послам, посланникам и посланцам, кои представляют своих государей и властей и, следственно, пользуются выгодами оным принадлежащим*[16]. 4. Жаловать достоинства, чины, имение. *Примечание.* *От самодержавной власти истекают чести, должности, достоинствы, выгоды, украшении и награждении по заслугам, качествам, усердия, ревности и верности, кои за собою влекут отличие, честь и преимуществы*[17]. 5. Чинить мир и войны *зависит от самодержавной власти*[18]. 6. Отщету же в делах на сем свете не подвержен[19], дая оное и благодарение единому творцу нашему Богу.
[Л. 3] Глава о преимуществе	
О трех родов[20] преимуществы императорскаго величества[21].	Преимуществы императорскаго величества суть трех родов

[16] Выделенное курсивом написано в левой колонке.
[17] Выделенное курсивом написано в нижней части листа.
[18] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[19] Между строк зачеркнуты слова: «благодарение единому **творцу нашему** Богу».
[20] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[21] Далее зачеркнуто: «суть».

	1. Принадлежащия высокому достоинству императорскаго величество. 2. Принадлежащия власти самодержавной[22] императорскаго величества. 3. Принадлежащия доходам императорскаго величества.
Преимущеcтвы, принадлежащия высокому достоинству императорскаго величества	Преимущеcтвы, принадлежащия высокому достоинству императорскаго величества суть 1. особа, владеющая императорскаго величества есть едино владеющею во Всероссийской империи. 2. особа, владеющая императорскаго величества есть едина, не имеющее себя подобной во Всероссийской империи в достоинстве, в чину, во власти, в могуществе и в действие во всякое время и месте. 3. особа императорскаго величества есть освященная, понеже святым миром помазано и коронование. 4. [Л. 3об] особе императорскаго величества владеющей самодержавно принадлежит присяга в верности ото всех подданных.
Преимущеcтвы, принадлежащия власти самодержавной императорскаго величества.	Преимущеcтвы, принадлежащия власти самодержавной императорскаго величества, суть 1. законодательная власть. Примечание. Самодержавная и законодательная власть императорскаго величества существует и предохраняется ради целости и безопасности империи и каждаго подданнаго лично.

[22] Слово вписано над строкой, далее слово заштриховано.

2. *чинить мир*[23] и войны зависит от самодержавной власти.

3. равномерно[24] посылка послов, посланников и про[чее].

Примечание.
Соединение возможности и власти в[25] высокой особе императорскаго величества возбуждает уважение и почтение соседных и иностранных народов, от того произходят посольствы и пересылки, и покровительство [Л. 4] императорскаго величество к послам, посланникам и посланцам, кои представляют своих государей и властей и, следственно, пользуются выгодами оным принадлежащим.

4. жаловать достоинства, чины, имение.

Примечание.
От самодержавной власти изтекают чести, должности, достоинствы, выгоды, украшении и награждении по заслугам, качествам, трудам[26], усердию, ревности и верности, кои за собою влекут отличие, честь и преимущества, и императорское величество чины, достоинствы и награждении жалует и дает кому за благо рассудит.

5. право помилования или простить вины принадлежит единственно императорскому величеству.

[23] Выделенное курсивом вписано над строкой вместо заштрихованного слова.
[24] Слово вписано над строкой.
[25] Далее зачеркнуто: «самодержавной».
[26] Слово вписано над строкой.

	6. отщету же в делах на сем свете не подвержен, дая оное и благодарение едино[Л. 4об]му творцу нашему Богу.
Преимуществы, принадлежащия доходам императорскаго величества.	Преимуществы, принадлежащия доходам императорскаго величество суть 1. право бить монету.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ЧЕРНОВЫЕ БУМАГИ О РОДЕ И НАСЛЕДИИ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА; О КНИГЕ «ПРАВДА ВОЛИ МОНАРШЕЙ»; АНГЛИЙСКИЙ ТЕКСТ И ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД «DECLARATION OF RIGHTS» (1689) *(ПОСЛЕДНЕЕ НЕ СОБСТВЕННОРУЧНО)*[27]

[Л. 2] Глава род и наследие[28]

Императорскаго величество высокое достоинство наследственно есть в роде императорскаго величества.	Императорскаго величества самодержавное и законодательное высокое достоинство наследственно было, есть, и пребудет в роде императорскаго величества.
Самодержавная и законодательная власть назначает наследника престола.	Самодержавная и законодательная власть императорскаго величества назначает наследника престола.
Императорскаго величества самодержавства престол и короны не раздельны суть.	Императорскаго величества[29] самодержавство, престол[30] и короны не раздельны суть, и двум особам[31]

[27] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 325. Л. 1–10. Фрагмент. Английский текст и французский перевод «Declaration of Rights» в публикацию не включены. Орфография приближена к оригиналу, поскольку публикуемый источник является собственноручной рукописью.

[28] Л. 2 публикуется впервые.

[29] Далее зачеркнуто слово «престол», написанное дважды в строке и над строкой.

[30] Слово написано над строкой вместо зачеркнутого «престол».

[31] Далее слово заштриховано.

	самодержавствовать *в существе*[32] не удобно, по естеству не можно, и для общаго добра не должно.
Самодержавной властию определяется порядок в наследие престола.	От самодержавной власти императорскаго величества определяется порядок в наследие престола.
[Л. 2об] По кончине императорскаго величество высокое достоинство принадлежит наследнику.	По кончину императорскаго величества высокое и самодержавное достоинство, престол и корона принадлежит единому наследнику.
[Л. 3] Глава о роде и наследие	
Императорскаго величества высокое достоинство наследственно есть.	Императорскаго величества самодержавное и законодательное высокое достоинство наследственно было, есть, и пребудет в роде императорскаго величества. *Примечание* *По истории известно, колико колебленно было наследие, однако род самодержавца всегда признан был*[33].
Императорскаго величества самодержавство, престол и короны не раздельны суть.	Императорскаго величества самодержавство, престол и короны не раздельны суть, и двум *или более*[34] особам самодержавствовать в существе не удобно, по естеству не можно, и для общаго добра не должно.
Самодержавная и законодательная власть назначает наследника и опридяляет порядок в наследие престола.	Самодержавная и законодательная власть императорскаго величества назначает наследника престола и от самодержавной власти императорскаго величества опридяляется порядок в наследие престола.

[32] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[33] Выделенное курсивом написано в левой колонке.
[34] Выделенное курсивом вписано над строкой.

[Л. 3об] Назначенной законной наследник пользуется названием *наследника и*[37] великаго князя и имянованием императорскаго величества. NB О титулах, кои им дать в письмах и проч[ем]: сочинить формуляр.	Императорским[35] величеством[36] назначенной законной наследник пользуется названием наследника и великаго князя Всероссийскаго и имянованием императорскаго высочества.
Империя Всероссийская нераздельна и неразделима, императорскаго величества достоинство и престол порожен быть не может; как Сенату поступать, когда особа им[ператорскаго] вел[ичества] переселится в вечности.	Империя[38] Всероссийская во всяком случае пребывает нераздельна, и неразделима да пребудет под самодержавной власти императорскаго величества, и хотя особа императорскаго величества переселится из временной сей жизни в вечности, но императорское величество высокое достоинство *и престол*[39] порожно быть не может без величайшего и чувствительнейшаго вреда империи, пользей общей и частной, и для того Сенат по кончине императорскаго величества *и по получении о том уведомлении из Совета императорскаго или от членов онаго, находящихся при особе в бозе опочивающей императорскаго величества*[40] имеет 1. назначеннаго[41] законнаго наследника *или преемника*[42] *не мешкатно и не теряя времени*[43] признавать и 2. учинив оному[44] присягу в верно-

[35] Слово впереди заштриховано.
[36] Буква «м» вписана над строкой.
[37] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[38] Выше строкой зачеркнуто: «По какому импер».
[39] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[40] Выделенное курсивом вписано по левому и нижнему полям.
[41] Слово вписано над строкой.
[42] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[43] Выделенное курсивом вписано после текста статьи.
[44] Слово вписано над строкой.

	сти и 3. объявить[45] [Л. 4] *и о признании достоинства онаго слать*[46] *повсюда приказании тем порядком*[47] как обыкновенно чинятся все объявлении в силе и по словам закона: государственным палатам, губернским правлением, и везде, где надлежит, и в сем случае законоведец не токмо докладывает Сенату, но и для того сочиняет[48] объявление как о кончине, так и о возшествие императорскаго величества[49].
Как Сенату поступать буде не назначая наследника особа императорскаго величества переселится в вечности.	Буде самодержавной и законодательной властью императорскаго величества не назначен наследник престола и особа императорскаго величества переселится из временной сей жизни в вечности, тогда[50] по получения о том уведомление от Совета императорскаго или от члена онаго находящияся при особе в бозе опочивающей императорскаго величества Сенат[51], собираяся, не прежде выходит из присудствие пока: [Л. 4об] 1. не признал законнаго преемника. 2. признав законнаго преемника, учинит оному присягу в верности. 3. признав[52] законнаго преемника и учинив оному присягу в верности, пошлет повсюду прика-

[45] Далее зачеркнуто: «тем порядком».
[46] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «пошлет».
[47] Выделенное курсивом вписано в левой колонке.
[48] Слово вписано над строкой вместо «сочиняет».
[49] Слово вписано над строкой.
[50] Далее зачеркнуто слово: «Сенат».
[51] Слово вписано над строкой.
[52] Впереди зачеркнуто слово: «учинив».

	зании о признании высокое[53] достоинство[54] той особе.
Законоведец[55] о чем предлагает Сенату, буде не назначая наследника особа императорскаго величества переселится в вечности.	В[56] сих трех статьях, а имянно 1. о признание законнаго преемника, 2. о учинении оному присяги в верности, 3. о посылке повсюдо приказании о признание высокое достоинство[57] той особе, законоведец предлагает Сенату словами закона, а имянно: чтоб по кончине особы императорскаго величества Сенат единогласно признал: 1. что самодержавия престол и корона Всероссийской империи опорожена[58], [Л. 8] кончиною императорскаго величества, 2. что самодержавия престол и корона Всероссийской империи порожна быть не может[59], и для того 3. чтоб Сенат единогласно признал, что самодержавия престол и корона Всероссийской империи[60] принадлежит законному преемнику, 4. что законной преемник есть ближной по крови рода императорскаго величества, 5. что императорскаго величества высокое достоинство наследственно было, есть и пребудет образом настоящаго случая по законам свойственнаго, 6. что хотя

[53] Слово вписано над строкой.

[54] Далее зачеркнуто «в».

[55] Впереди зачеркнуто слово: «как».

[56] Выше зачеркнуто: «Примечание. Законоведец предлагает Сенату».

[57] Далее зачеркнуто: «в».

[58] О. А. Омельченко абсолютно точно установил, что в середине XIX века при разборе старых дел XVIII века листы получили некорректную нумерацию, поэтому текст следует воспроизводить «с нарушением архивной последовательности листов» (*Омельченко О. А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма. С. 41).

[59] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «должна».

[60] Слово вписано над строкой.

	право наследство перемянялось или прекращалося, но возвращалося *паки в наследие*[61] и, следственно, императорскаго величества самодержавное высокое достоинство и наследственно было, есть и пребудет, когда самодержав[Л. 8об]ной властию инако не назначено. Наследственно есть: настоящему случае свойственным образом.
Буде не назначен наследник и особа императорскаго величества переселится в вечности, тогда старшой сын есть законны преемник, разве по исключительным причинам отрешен.	Буде самодержавной и законодательной властию императорскаго величества не назначен наследник и особа императорскаго величества переселится в вечности, тогда старшой сын императорскаго величества есть законный преемник самодержавии, престола и короны Всероссийской империи, разве волею императорскаго величества по изключительным причинам отрешен. Смотри статию: о изключении от наследство[62].
Буде сына старшаго нет, то старшей сын его преемник.	Буде сына старшаго[63] *в живых нету*[64], либо отрешен, то старшей сын его преемник есть.
О исключении от наследства.	
Причины, по которым отрешаются от наследство и преемничества самодержавия, престола и короны Всероссийской империи.	Изключительныя причины, по которым отрешаются от наследство и преемничество самодержавия, престола и короны империи Всероссийской: [Л. 9] 1. буде греко-россиской православно-кафолической вере не исповедует.

[61] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[62] Слово вписано над строкой.
[63] Далее зачеркнуто: «нету».
[64] Выделенное курсивом вписано над строкой.

	2. буде императорскаго величество самодержавной властию отрешен. 3. буде лишен ума, и душевных и телесных качеств и силы ко управлению сильной и мочьной империи. 4. буде находится в явной бунт и в поднятии оружии противу императорскаго величества или империи. 5. буде доказано, что при жизни императорскаго величества стремился всходить на престол. 6. буде вне империи владеет иным государством. 7. буде в нем окажутся нравные и естественные неспособности, те, по которым законы полагают неспособность ко управлению имение. Смотри в гражданском законе неспособность ко управлению имение стати такия NB. Примечание. Смотри *в 2 и 3 пункте*[65] узаконении самодержавных императриц блаженные памяти Екатерине I и Елизавете I, что никто никогда российским скипетром владеть не может тот, которой греко-российской закон не исповедует или кто уже владеет иным государством или другую корону имеет[66].
[Л. 9об] О малолетстве	
Буде при кончине особе императорскаго величества наследник	Буде при кончине особе[67] императорскаго величества наследник или

[65] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[66] Слово дописано над строкой.
[67] Слово вставлено над строкой.

или преемник малолетен и не назначен дядька[68], Совет назначит[69] из трех Сенатом представленных кандидатов трех первых класс однаго способнаго.	преемник самодержавия, престола и короны малолетен, или особе его для охранение и воспитание не назначен[70] дядька, тогда к особе малолетнаго Совет императорскаго величества назначит из трех Сенатом представленных кандидатов трех первых класс империи однаго способнаго, и в сем случае законоведец докладывает Сенату.
Во времо малолетство наследника или преемника управление дел по законам имеет принять ближной по крови	Буде при кончине особе императорскаго величества наследник или преемник самодержавия, престола и короны малолетен, то управление дел государственных по законам имеет принять ближной по крови в роде императорскаго величества[71], [Л. 5] 1[72]. *буде сам совершенных лет*[73], буде императорскаго величества самодержавной властию не отрешен, 3. буде грекороссийской православно-кафелической вере исповедает, 4. буде в империи находится и жительство[74] имеет, 5. буде не имеет владении вне империи, *ибо родственники и свойственники*[75] *императорскаго величества чужестранныя, иной вере и языка и вне империи владении имеющия и живущия*[76] *точно*

[68] Далее зачеркнуто: «тогда».
[69] Слово вставлено над строкой.
[70] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «его дядка».
[71] Далее зачеркнуто: «буде».
[72] Нумерация оригинала.
[73] Выделенное курсивом вписано в левой колонке.
[74] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «и пребыва».
[75] Слово вписано над строкой.
[76] Подчеркнутое вписано над строкой.

	непременно изключаются от достоинства и должности правителя империи, равномерно как от наследства и преемничества[77], 6. буде не находится в явной бунт и в поднятии оружии противу императорскаго величества или империи, 7. буде не доказано, что при жизни императорскаго величества стремился всходить на престол, 8. буде в нем не окажутся нравные и естественные неспособности, те, по которым законы полагают неспособность ко управлению имением. Смотри в гражданском законе о неспособности ко управление имение статии такие NB[78]
О праве старшинства	
[Л. 6] Наследие по праве старшинства.	В роде императорскаго величества наследие по праве старшинства утверждается первородному сыну нераздельно и его законному наследнику в прямой нисходящей черты, и другому сыну не иметь никакого право, пока перворожденной и его законное наследие в живых обретается и не находится или не подходит под стати изключительные.
[Л. 5об] О правителе	
Во времо малолетство наследника или преемника управление дел по законам имеет принять ближной по крови тот, которой осьми исключении не имеет, и именовать	Буде при кончине особе императорскаго величества наследник или преемник самодержавия престола и короны малолетен, то управление дел государственных по зако-

[77] Выделенное курсивом вписано в левой колонке.

[78] Между строк зачеркнуто: «8. буде сам совершенна лет».

его правителем, донде же кончится седмнацатилетное малолетство, по окончании же останется председателем Совета императорскаго.	нам имеют принять ближной по крови в роде императорскаго величества: буде[79] как в выше писанной предидущей[80] такой стати осмии пунктах написано исключений[81] не имеет, и имяновать его правителем империи донде же кончится малолетство, то есть седмнацать лет от дня рождение императорскаго величества, а с того дня *со малолетством*[82] кончится название правителя империи и его управление, и останется он председателем Совета императорскаго величества пока на то соизволение будет императорскаго величества или сам будет [Л. 7] просить увольнение.
Правитель правит по законам.	Правитель империи правит по законам.
Правитель управляет, председая в Совете императорскаго величества.	Правитель империи управляет делами империи, председая в Совете императорскаго величества.
О ближнем по крови	
Кто есть ближной по крови ради наследие.	Ближной по крови *ради наследии*[83] есть сын старшей.
Сын старшей, а по нем *ради наследие*[84] его старшей сын.	Буде сына старшаго в живых нету, то ближной по крови *ради наследие*[85] есть сына старшаго стареишей сын.
Буде старшаго сына мужескаго покаления нету, а брат есть, то ближной мужескаго пола брат.	Буде у старшаго сына мужескаго пола детей, не внуков, не правнуков мужескаго покаление нету, а

[79] Слово вписано над строкой.
[80] Слово вписано над строкой.
[81] Слово вписано над строкой.
[82] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[83] Выделенное курсивом вписано над строкой дважды.
[84] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[85] Выделенное курсивом вписано над строкой.

	брат есть, то ближной *ради наследие* ближной *мужескаго пола*[86] есть брат.
В каком случае призывается последно умершаго мужескаго пола ближной по крови и почему изключается.	Буде нету не единой особе мужескаго поля, тогда[87] призывается последно умершему мужескаго поля[88] ближной по крови[89] женского отродие, буде не подходит под исключительных седмы[90] статиях.
[Л. 7об] Губерние[91] или округ не означит в удел, в дар или на содержание.	В особам рода императорскаго величества губерние или округ целой да не означится во удел, или в дар, или на содержание.
О звании великих князей, великих княгинь и великих княжен.	Особы рода императорскаго величества мужескаго полу пользуются званием великих князей, супруги великих князей званием великих княгинь, дочери их званием великих княжен до супружества. Имянование же императорскаго высочество дается кому от императорскаго величество повелено будет, равномерно, как и содержание, дома, земли, деревни, и покупка[92] кому дозволение дается, закон же [Л. 10] покровительствует их в том, что первое место занимают в обществах, то есть особы в прямой нисходящей линии. Свойственники же по супружестве закон не признает и не полагает в роде и крови императорскаго величества.

[86] Выделенное курсивом вписано над строкой.
[87] Слово вписано над заштрихованным.
[88] Слово вписано вместо «поколения».
[89] Слово вписано над строкой.
[90] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого «осми».
[91] В верхней части листа заштриховано: «Особы рода императорскаго величества в прямой [...] ходящей черты».
[92] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «купля».

Воспитание детей, супружества брак и опекунство подлежит попечение и дозволение императорскаго величества.	Воспитание детей рода императорскаго величества и супружества и брак оных подлежит попечение и дозволение императорскаго величества, равномерно как опекунства малолетных.

[Л. 11][93] <...> {*Сие бо слово выводит из преждереченного от себя слова*} несть власть, аще не от Бога, сущыя же власти от Бога учинена суть. Тем же противляяйся власти Божию повелению противляется, противляющийся же, грех себе приемлют. <...>

Из манифеста Петра Перваго 1722 г.

В людех по рассуждению умных родителей бывали отмены.

В наших предков оное видим, когда блаженныя и вечнодостаченыя памяти великий князь Иоанн Васи[льевич] и поистине Великий не словами, но делом, ибо оный разсыпанное разделением детей Владимировых наше отечество собрал и утвердил, которое не по первенству, но по воле сие чинил, и дважды отменял, усматривая достаточнаго наследника, которой бы собранное и утвержденное наше отечество паки в разсточение не упустил, перво мимо сыновей отдал внуку, а потом отставил внука уже венчаннаго, и отдал сыну свое наследство.

Книга в 1722 г. составленна по повелению Петра Перваго под заглавием «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей», [Л. 11об] в ней написано: <...> {*Праведно се и достодолжно: аще бо и всякие частные законы, или уставы Верховных Властей одну некую в народе пользу творящие, или един вред некий из отечества истребляющие, со усердием принимать, и верно сохранять подданные долженствуют, понуждаемы на то, как Божиим в Священном писании повелением, так и естественным*

[93] Л. 11–20об публикуется впервые. Эта рукопись Екатерины является своеобразным конспектом «Правды воли монаршей». Императрица старательно переписала приблизительно 10 процентов оригинального текста, слегка отредактировав выбранные цитаты. Собственные вставки Екатерины подчеркнуты, пропущенные слова и фразы в цитатах даны в фигурных скобках курсивом, крупные пропущенные фрагменты не приводятся. Текст «Правды воли монаршей», с которым работала императрица, полностью совпадает с публикацией в ПСЗ (Т. VII. № 4870. С. 602–643. 1726. 21 апреля).

законом на сердцах их написанным: то кольми паче долженствуем вышепомянутый Монарха Нашего Устав нелицемерно лобызать, и со всяким тщанием по крайней возможности соблюдать, и содержать, который не часть добра некоего, но вся отечеству Нашему требуемая благая приносит, и не часть некоего зла, но вся злая предварительне отсецает: ибо,} понеже всего отечество состояние на высочайшей власти висит, как на доброй доброе, так на худой худое»: устав же сей оберегает, дабы в Российском государстве монаршескую власть наследствовали самыя лучия, и к толь высокому и трудному правительству угоднейшие лица от благоразумных самодержавцов благовременне усмотренныя и определенныя. <...>

Аще же сын явится злонравен, непокорно родителем наставление отметающий, дому своему безчестие или и разорение наводящий, того снабдевати родители не суть должны, и праведно могут лишати наследия.

{Понеже бо яко же родители должны суть снабдевать чада, тако и} чада *{законом природным, и в десятословии от Бога утвержденным,}* должны суть всякую честь и повиновение родителям, то когда чада долженство свое злонравием разоряют, освобождают тогда и родителей своих от должного им призрения. Сын непокоривый и злонравный перестает быть сын аще не естественным, обаче законным образом: *{(яко же и оный блудный сын, в притче Евангельской, недостойна себе глаголет нарещись сыном отца своего, но желает принят быть, яко един от наемник его)}*, вопреки убо и отец перестает быть отец ему, то есть, от долженства своего к нему разрешается, и аще *{не отринет его вовсе, не видя в нем надежды исправления, то сделает по долготерпению, по природной милости и сердоболию своему, но не по долгу.}*

Сын непокорливый и злонравный перестает быти сын. Аще не естественным, обаче законным образом. Вопреки убо и отец престает быти[94] отец ему, то есть от долженства своего к нему разрешается, и аще[95] [Л. 20] не отринет его вовсе, не видя в нем надежды исправления, то зделает по долготерпению, по природной милости и сердоболию своему, но не по долгу. <...>

[94] Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого: «ему».

[95] Далее должны идти Л. 20–20об.

{*Сим же словом показует нам Бог, что*} отец от сына безчествуемый может отринути от себе сына, то есть изгнати из дому и лишити прекормления и наследия своего {*: ноне же и сам Бог Израиля (которого у Исайи сыном нарицает, и сыном первородным в книге Исхода) за беззаконие отринул*[96]}.

{*2. Сказуем же еще, что за нераскаянное злонравие сыновнее, могут родители отвергать от себя сынов своих: а и се ведать подобает,*} [тогда] родители и не могут не отвергати сынов, понуждаемы или совестию пред Богом или и страхом суда человеческаго.

{*Понеже бо выше речеся, что отцы, яко виновники жизни сыновей, должны суть промышлять сынам своим содержание жизни;*} бывают же сыны таковые, которым лучше было не родится, не токмо непокоривии, но и родителей в смертную печать и бедство вводящии, не токмо отечеству весьма непотребнии, но и вреднии, {*и по тому или лучше бы не жить им, или поне лучше жить в скудости оставленным, нежели в довольстве содержимым: довольство бо готовое творит*} таковы[х] ленивыми, свирепыми и на всякое зло дерзкими {*, а скудость и лишение много ко злу оружия отъемлет им, востягает же и*} обуздовает {*их: того ради*}, когда родитель никаким наказанием не успевает, и весьма не видит надежды исправления в таковом сыне своем, должен есть прочее возстягнути и смирити его тем, что едино останется, или к исправление его, или поне к укрощению злонравия его, [Л. 20об] то есть отринути от себе, и наследия своего лишити {*тако бо он оставлен и лишен, аще и не покается, то поне не возможет прочее сильно свирепствовать, яко безоружен уже, и нищетой аки бы связаный.*} <...>

Тож де утверждают изданныя в народах законы, такожде и законоучительных писания.

Безчисленны суть тако рещи книги от многих авторов {*сочиненные об уставах и законах гражданских, а*} нигде {*в них*} не полагается сумнительство о сем, может ли родитель сына лишити своего наследия, {*только рассуждают учителя,*} а законодавцы государи определяют разныя вины, коих ради может родитель отринути от наследия своего {*; и тако весь честный мир есть нам сего свидетель*}. <...>

[96] Исайя, глава I. Исход 4. (Так в ПСЗ.)

{*Довольно же зде един воспомянуть*} устав Иустинияна царя числом междо новелами его сто пяти на десять в главе третьей, где Иустиниян запрещая родителем, дабы без вины сынов из наследия не отвергали, имянует вину правилнаго отвержения, сыновнее неблагодарствие, и понеже неблагодарствие есть имя не весьма ясное, и толку требующее, того ради исчисляет четыре на десять вин, которыми сыновнее к родителем своим неблагодарствие означается, а имянно: смотри лист 3 той книге на обороте. <...>

[Л. 12] {*Но яснее сие от писания утвердится нижше, где будет речь об образах: там бо довольно покажется, что святые патриархи и*} цари благочестивии не всегда смотрели на первородство сынов [своих] {*: яко же Исаак перенес первенство от Исава на Иакова, или и на внучат своих, яко же Иаков перенес первенство от сынов Рувимлих на сынов сына своего Иосифа, и прочее наследие свое*}, но и первенство иногда переносили на менших сынов, мимо больших сынов меншим давали[97], {*яко же Давид: от чего явно есть, что закон оный чрез Моисея данный Израилю в книгах числ*[98], *который наследие определяет сыном,*} и на сынов сына своего перенесли, а у кого нет сынов дочерем, {*и прочее, разумеется с договором тайным,*} аще сыны или дочери {*и прочие ближние кровью*} родителем не явятся наследия весьма недостоинии. <...>

{*Ибо в народах оных, которые держались помянутых обычаев, никто не мог сему прекословить, что*} отец без всякаго сумнительства может сына своего за вину изринути из наследия, {*понеже может и смертию сам казнить его; не подобает бо возбранять ему власти меньшей, который имеет большую: яко же пишет в пандектах Иустиниановых, книга 8, титла 17, закон 21*}. <...>

{*Если же толь высокую честь родителям должны дети, если за преслушание их и злословие лишаются свободы по уставам гражданским, а по закону Божию и на смерть осуждаются, естьли убита родителя зло, отнюдь быть не могущее, судилось Солону премудрому, а прочие за такое злодейство указали страшную вышепомянутую казнь: тот*} кто усумневатися может, что вольно и свободно всякому родителю злонравнаго сына изгнати от наследия. {*Кому*

[97] «И на сынов сына своего перенесли». (Так в ПСЗ.)

[98] Числ. 26 и 36. (Так в ПСЗ.)

бо должна есть честь великая, тому и малое бесчестие сделанное жестоко осуждается. Кольми же паче} сын, непокорством и неблагодарством своим великое родителем {*(, которым всякую возможную честь должен)*} безчестие творящий, {*и за тое и смерти достоин,*} праведно может благодеяния лишен быти.

{*8. Наконец и сие ведать подобает, что*} наследие имение родительских и доброму сыну туне, а не по долгу дается[99]. Должны родители чадом снискати имения, {*яко же выше под числом первым от нас показано. Но*} рассудити подобает, кто одолжил родителей к таковому о детех своих промыслу; не одолжили их дети, чтобо дети дарили или взаим дали родителем своим, или чим у их имение, аки бы должную себе мзду заслужили, [Л. 12об] когда еще не родилися от них, но и по рождении своем первее безчисленныя от них приемлют благодеяния, и ежели и могут благодарити, не токмо служити им. И самое бо[100] рождение, кто не наречет благодеяние, и коликое благодеяние; родивши бо мене, самого лоне дал мне: что же рачем о следующем, по рождении долгом и многотрудном, и сердоболном попечении, которым иссыхают, тако реку и родители дожидаяся совершеннаго возраста детей своих. Не токмо убо дети ничего не дарили, ниже в заим дали родителем, ниже заслужили, что у них, и потому и не одолжили их к отдатию себе имении их, кои и никогда не возмогут по состоянию благодарити, и отслужити им за приятие от них благодеяния {*яко же согласно мудрствуют, как политические Философы, так и Богословы*}. <...>

{*От сего же кто не видит, что*} родитель может праведно сына, когда неблагодарен явится, лишить наследия своего {*не свое, его добро отымает ему, не задолжился родитель сыну, займом его или заслугою, но естественным законом должен был воскормить его до возраста, по благоутробию же родительскому одолжил сам себе (которое одолжение неистотное и непрямое и не подлежащее правильной тяжбе одолжение есть) и отписать ему по себе имения*}.

{*Но*} когда сын злонравием раздражит утробу отеческую, и еще являет по себе, что наследственная имения на зло употребит, не одолжается прочее родитель снабдевать или творить наследником,

---

[99] Далее заштриховано: «да сыны родит».

[100] Слово вписано над строкой.

но может, иногда же и долженствует, отчуждить его от себе и от своего наследия.

[Л. 13] Сия обще о законе власти родительской доволна суть к ясному и несумненному познанию {*и самим невежам*}, како всяк родитель волен есть сына своего, аще неблагодарна, и наставление отеческое отметающа, и надежды покаяния не являюща, усмотрит, изринути из первенства, отнятии часть наследия или всего наследия лишити[101]. {9} Сие же ведая, кто уже усумневатся может о отцах государях самодержавных. Аще бо простой родитель, человек подвластный, такую власть над сыном имеет, то как бы не имел той родитель, который купно и государь есть; самодержавный бо государь не только подданному народу, но и своим детям государь есть. <...>

{*Кольми же паче и родитель и*} государь волен, свободен, и праведно силен есть в устроение детей своих, усмотревая их добронравия или злонравие, ум или малоумие, охоту к высокой правительства, или леность и небрежение, должное себе, яко отцу и государю, повиновение, или непокорство, неблагодарствие и противность, и определять себе в наследники или лишать налед[ства]. [Л. 13об] [Все], что выше сказано обще о родителях, в родителях государях сугубо содержится. <...>[102]

[Первое]: как волен есть родитель, сына за нераскаянную злобу его отогнать от себе и наследия своего. Сугубая тая свобода есть самодержавному родителю. Волен он есть над детьми [Л. 14] сво-

---

[101] Далее зачеркнуто: «Аще».

[102] Далее идет повторение текста, воспроизведенного на л. 13, но с небольшими изменениями. Текст приводится в сноске, поскольку в публикации воспроизводится не просто рукопись Екатерины, а ее сопоставление с текстом «Правды воли монаршей». «Родитель может праведно сына, когда неблагодарен явится, лишить наследия своего. Когда сын злонравием раздражит утробу отеческую, и еще являет по себе, что наследственная имения на зло употребит, не одолжается прочее родитель снабдевать или творить наследником, но может, иногда же и долженствует, отчуждить его от себе и от своего наследия. Всяк родитель волен есть сына своего, аще неблагодарна и наставление отеческое отметающи, и надежды, покаянии не являюща, усмотрит, изринути из первенства, отъяти часть наследия или всего наследия лишити. Аще бо простый родитель, человек подвластный, такую власть над сыном имеет, то как бы не имел той родитель, который купно и государь есть. Самодержавной бо государь не только подданному народу, но и своим детям государь есть. Родитель и государь волен, свободен и праведно силен есть в устроение детей своих, усмотревая их добронравие или злонравие, ум или малоумие и прочее, как выше сказано».

ими, яко отец их, волен есть и яко государь их. Не может бо никто же помыслить, что государевы дети, не суть его поддании {*понеже были бы они весьма не подвластные*}, [ибо] в мире сем, {*что*} не под власти никому от Бога дано, кроме самых высочайших самодержавных властей.

[Второе]: тогда родители не токмо могут, но и должни у тех неправых детей отчуждати, и сия должность сугубая есть на самодержавных родителях. Должен есть государь смотреть за сыном, да не будет вредливый дому своему. И се должен, яко родитель: на яко государь должен смотреть, да не будет вредлив сын его добру общему и всему отечеству или делом или образом, или обоими теми, что яснее ниже покажется.

[Третье]: Какую родителем к извержению из наследия детей власть дают законы гражданския: как же сей власти не сугубо имеет государь родитель. Аще бы не имели государи власти над детьми своими, данной всем родителем, были бы они, родители, от простых родителей меншии, и аще бы коей власти при себе не имели, яковую они же дают прочим, не имели бы государи того, что прочим дают, и как бы могли давати прочим, чего сами не имели бы.

{*Показалось под числом четвертым, как и слово Божие, глаголемое зде властию, вооружает родителей.*

А кто ж не видит, что слово Божие самодержавных родителей сугубо же оною властию управляет} [Четвертое]: не отъемлет Бог родителем самодержавным, что дает простым родителем. {*А сверх того, и всякую душу, и*} и тако и детей их полной и совершенной [Л. 14об] воле их подвергать, яко же учить Апостол рим[лянам] 21 в послании[103].

[Пятое]: волен всяк родитель и небесчадный, благословных вин ради творити усыновление, и потому наследие свое разделяти, сугубо и сие может родитель государь по сугубому попечению своему и высокаго своего дому и всего государства, что бо например, когда будут некоему государю дети не злы нравом, но зело скудоумнии, еще же и велми немощнии, и отчаянной болезни подлежащии, и весма к владению не угоднии, не может ли государь усыновить себе и к числу их принять честнаго и умнаго юношу.

[103] Римл., 13. (Так в ПСЗ.)

[Шестое]: какая собственная власть родителем к наказанию, {*у многих же народов и к смертной казни детей своих*}. Сугубая сласть сия у родителя самодержца без всякаго прекословия. {*Кто бо речет, что не может он и детей своих судить на смерть, яко государь, но и яко отец тожде может, того ради, что таковой отец не имеет вышнего суда, которому бы представил винного сына, в чем от простых родителей весьма отличен есть. Аще же то может, то кольми паче может первенство, или часть наследия, или и все наследие отнять сыну своему.*}

[Седмое]: высокую везде и всегда честь должны дети родителем своим {*и коликой казни достойны суть за бесчестие или нападение их и по тому, без сумнения, отчуждению подпадают; то кто всего того*}, сугубо {*и без сравнения не видит на*} дет[ях] государей самодержавных. {*Аще бо сын государев*} [кои] обезчестя родителя {*отца своего*} в едином человеце, сугубую честь разрушает высокую родительскую и высочайшему монаршую, {*и что Государи злонравных и противных себе детей своих наказуют, или казнят обычно меньше и кротчае, нежели подданных прочих: дают то чести крови своей и отеческому своему благоутробию, и сердоболию, а не аки бы меньшая их, нежели прочих подданных, вина была.*}.

[Осмое]: наследие не яко некая прямая мзда, но яко туне даемое благодеяние детем дается от родителей, не детьми своими, но естественным законом к тому одолжаемых, и что долженство [Л. 15] тое не благодарствием детей розрушается. И сие все в лицах родителей самодержавных усугубляема видим. <...>

[Девятое][104]: {*Но*} всякий государь наследием ли, или избранием скипетр получивши, от Бога оное приемлет. Богом бо царие царствуют и силнии пишут правду[105], от Господа дается им держава и сила от Вышнаго[106]. Владеет вышнии царством человечим, и ему же восхощит, дает его[107], та како может государев сын у родителя своего короны, аки бы некаего долга истязати. В наследном государстве по смерти государевой должна корона сыну его, аще кому не явилась

[104] В оригинале текста «Правды воли монаршей» данный аргумент идет под номером 10.

[105] Притч., 8. (Так в ПСЗ.)

[106] Премудр., 6. (Так в ПСЗ.)

[107] Даниил, 4. (Так в ПСЗ.)

противная воля государева, даже до смерти его {*но почему корона должна сыну Государеву, о том ниже сего будет рассуждение*}. Но хотя народ сыну государску, от родителя не отлученному, по смерти родительской, и должен корону, но сам родитель государь весма не должен {*по предложенным доводам, но и по следующим*}. <...>

[Еклисиаст, глава 2.] {*7. Пособствует же нам к сему жалостное пререкание премудрого Экклезиаста, на неизвестных наследников, которое пререкание хотя и обще родителям служит, однако яко от царя изреченное и вину вящшую в царской фамилии имеющее, вящше самим государям господствует, есть же таковое: повествует первое Соломон, как много промыслом, тщанием и трудом своим собрал себе стяжания царского, так, что всех, прежде его бывших в Иерусалиме, превзошел, потом же не известен сый, кто и каков оные трудов его плоды наследит, тако сетует*[108]} и возненавидех аз всяческая мира, и труд мой, в нем же трудихся аз под солнцем, яко оставляю его человеку, будущему по мне, и кто весть, мудр ли будет, или безумен, и обладати имать всем трудом, в нем же трудихся и мудровах под солнцем, и се же суета. И обратихся аз отрещися сердцу моему о всем труде, в нем же трудихся [Л. 15об] под солнцем, яко есть человек, его же труд его в мудрости и в разуме и в мужестве, и человек, иже не трудится о нем, даст ему часть его, и сие есть суета и лукавство велие, яко бывает человеку в сем труде его, и в изволении сердца его, иже труждается под солнцем[109].

Когда же сие пререкание духом святым от Соломона изреченное слышим, можем не совоздыхать и не сболезнавати царем, таковую иногда трудов своих тщету терпящим в наследниках своих, яковой бояся Соломон отрекася всея своея радости, которую плодами трудов своих получил. И сталося та часа он боялся, и не известен был, каков наследник его будет, мудр ли или безумен; и боялся, не безумен ли будет; явился же его наследник Ровоам безумен, презрев бо искусных людей {*министров*} советы, и послушав совета малоумных человек, раздражил народ израилский, и десять колен отстало от него, и тако труды отца своего мало не до конца разорил {*о чем пишется в книгах третьих Царств*[110]}.

[108] Экклесиаст, глава 2. (Так в ПСЗ.)

[109] Далее зачеркнуто: «когда».

[110] 3-я книга Царств, глава 12. (Так в ПСЗ.)

[Л. 16] Есть ли же бы известен был Соломон, что так безумный наследник его будет, то как бы не промыслил инаго себе наследника, аще бы Ровоама исправити прежде не возмогл, или и увидел бы его к исправлению отнюдь не угодна и отчаянна; кто же уже сказати может, что государи должны суть просто и без разсуждения ума и правов сыновних сыны своя творити по себе наследники. И есть ли бы кто упрямо сие твердил, тот понужден самым собою бы сказать и сие, что государи не должны смотреть, дабы государства трудом их добре исправленная и утвержденная, не приходили в бедство краинаго своего разорения. И тако уподобилися бы государи малым отрокам, которые на улице строенишки своя из песка созидает, и тотчас отшедше от них оставляют оная в растоптание мимоходящими. <...>

{*И видим здесь*} царей выше достоинства всех протчих человек возведенных: {*что бо в помянутом Экклезиаста слове глаголется о царе, и кто речет ему, что твориши, то ни о коем же другом чину в писании не обретается, токмо о едином Боге: тако о власти и силе Божией рассуждая Иов*[111], *между иными рассуждениями глаголет: аще изменит, кто возвратит, или кто речет ему, что сотворил еси; и Исайя*[112], *егда речет, глина скудельнику, что твориши; которое слово повторяет и Апостол в послании своем к римлянам*[113]}. <...>

{*Сие же уразумевше, без сомнения разумеем, и без всякого прекословия исповести долженствуем, что*} всяк самодержец, как во всех прочих дел, так и в {*сем (о нем же речь сия) деле своем, то есть, в*} определении наследника на престол свой, весьма волен и свободен есть.

[Л. 16об] {*А еще когда рассудим, кое долженство на царях лежит, от самого Бога возложенное на них, то не токмо и от того познаем, что*} всякой самодержец определяет короны своея наследника по совести, и не грех им по воли своей и совести избирать себе наследника, [*но*] и грех есть не избирать. Царей должность есть {(*яко же и в учении отроческом, в пятой заповеди положено*)} содержать подданных своих в безпечалии и промышлять им всякое лучшее

[111] Иов, глава 9. (Так в ПСЗ.)

[112] Исайя, 49. (Так в ПСЗ.)

[113] Римл., 9. (Так в ПСЗ.)

наставление, как в благочестию, так и к честному жительству, да будут же подданнии в безпечалии, должен царь пещися, да будет истинное в государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих подданных себе. Тако ж и да будет крепкое и искусное воинство на защищение всего отечества от неприятелей, а чтобы было и всякое лучшее наставление, должен царь смотреть, чтоб были искуснии учители, как духовнии, так и гражданс[к]ии, {*довольное число*}. <...>

А есть ли о добре общем народа себе подданнаго толико пещися должен есть самодержец, то како не должен есть прилежно смотрети, дабы по нем наследник был добрый, бодрый, искусный, и таковый, который бы доброе отечества состояние не только сохранил в целости, но и паче бы утвердил и укрепил, и есть ли бы что недовершенное застал, тщался бы при [Л. 17] вести в совершенство. Есть ли же сам добре государство управив, оставит оное негодному, жестокому, ленивому, и не утверждати, но разве разсыпити общее добро могущему то, что пользовало его попечение; не сам ли виновен будет всему нестроению и гибели худым наследником зделанной, что пользует, что сам много добра отечеству промыслил, есть ли сам же чрез наследника непотребнаго все тое разрушить; воистину каковой похвалы достоин искусный кормчий, который добре правив корабль, отлучаяся же от корабля, посадит на кормиле вместо себе человека к тому отнюдь не обученнаго, таковой достоин и монарх, который управленное от себе государство худому и разорительному отдаст наследнику.

Аще же должен монарх усматривати по себе наследника добраго, то како может смотрети на первородство между сынами своими; должен паче он и на сыновство не смотрети детей своих, но обучати оныя всяким державному правительству подобающим искусствам долженствует. И есть ли все сыны равно сильны явятся и не будет ни на едином от них никакой вины, порока и зазора, отдать скипетр в наследие первородному [Л. 17об] или старейшему по чину естественному. Есть ли же старейший сын или к царствованию неугодный или злонравный, и родителем неблагодарный покажется, и отпадет вся надежда исправления его, тогда государь не токмо может, но и по совести своей и должен есть, миновать сына стареишаго, а меншаго в наследие произвесть, дабы старейший он

или и не хотя не повредил трудов родительских, есть ли неискусен есть к толикому делу, или и нарочно не разсыпал бы, есть ли зол есть, и родителев и неприязнен. А когда бы так несчаслив в сынах своих был монарх, что ни единаго бы от них не видел к царствование устроена и угодна, то должен пред Богом, яко о приставничестве своем слово ему воздати имущий, должен есть, и с стороны усмотрети искуснаго и благонравнаго, и того написати наследником. Сия бо должность происходит от выше писанных должности самого Бога повелением положенных царем. <...>

[Л. 18] {*Инде же не всего народа, но и не единого лица волею, но несколько избранных мужей сословием правится отечество, яковый правления образ был в Риме при десяти правителях не долгое время; и сие правительство нарицается: Аристократия.*}

[Где] {*же*} вся держава в руках единаго лица держится, именуется монархия, то есть самодержавство. Той же книга «Правда воли монаршей», лист 11 на обороте.

{*Но и сверх сих образов правления, бывают правительства отличные от всех сих именованных, которые с сих же троих или двоих, аки бы смешанный состав свой имеют.*

Еще Монархия двойственного вида есть:} в иной монархии не наследный скипетр содержится, но по смерти монарха единаго избирает народ монарха по согласию своему, несмотря на дети монарха умершаго. Таковая, аки бы была монархия Римская от кесаря Иулиа до Константина Палеолога, и ныне монархия германо-римская аки бы такая.

Иная же монархия наследная есть, в которой по отце сын или по брату брат, иногда же по отце и дщерь царствует. И тако в одном дому содержится скипетр, из рук в руки до сынов и внуков переходит, и разве пресечется линия (черта) крови самодержавной, в то время народ согласием монарха новый избирается. Таковые монархии многие прежде были и ныне суть, между которыми есть сия, преславно ныне процветающая монархия Всероссийская. <...>

NB Наследие ведомо от Рюрика.

NB Наследие ведомо Рамановых.

[Л. 18об] {*Тако в начале Монархии избирательной, какова была* ***воля*** *народная, сими словесы изобразить можем:*} «Согласно вси хо***щем***, — глаголет народ к монарху первому, — да, ты владееши нами

к общей пользе нашей, донде же жив пребываеши, и мы вси совлекаемся воли нашей, и тебе повинуемся {*не оставляюще нам себе самим никакой свободности к общим определениям, но токмо до смерти твоей*}. По твоей же смерти будет паки при нас воля наша, кому высочайшую над нами власть отдати по усмотрении достоинства и по нашем согласии».

В монархии же наследной, таковая была к первому монарху воля народная, аще и не словом, но делом изъявленная: «Согласно вси хощем, де ты к общей нашей пользе владеши не делами вечно, то есть понеже смертен еси, то да по тебе ты же сам впредь да оставляеши нам наследнаго владетеля, мы же единожды воли нашей совлекшееся {*никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употреблять не будем, но*} как тебе, так и наследником твоим по тебе повиноватися клятвенным обещанием одолжаемся, и наших по нас наследников тым же де долженством обязуем». <...>

{*5. Следует убо и сие, что нам зде разыскуется*}, что должен народ имети за прямаго и законнаго себе государя? Кого наследником по себе наречет старейший государь, несмотря, первороднаго ли сына, или меншаго, [Л. 19] или и не сына.

Ково государь назначит наследником, тот и есть наследник. <...>

Буде государь не назнача наследника умрет, то старший сын его наследник есть.

Буде старший сын не в живых, а у старшаго сына дети есть, то из ных старший наследник есть.

{*Исповести бо подобает, что и наследная монархия вреду некоему подлежит, а именно тому, о котором помянулось выше, в третьем доводе, от поборников государства избирательного положенном, то есть, что не всегда и от доброго государя сын ему подобный рождается*}, но [иногда] является {*аки*} весьма {*отличен от родителя*}, злонравный, нерадетельный, яростию побеждаемый, правды не ищущий, навыкати искуства или не хотящий или не могущий, таковый когда по родителю на место его взыдет, бедно деется с государством, {*а народ и такового наследника от короны родительской отрешить отнюдь не может, яко выше ясно показано. И сей един есть вред в наследной монархии, прочая во всем благополучна*}.

{*Воспоминая же примеры, такового Государств разделения не хвалим, и хвалить не можем дела оного: вельми бо Государствам*

вредное есть, и не токмо оная к нестроению и междуусобным браням, но иногда и к разорению крайнему приводит: чего домашний нам образ показала} Россия {*наша*}, разделена бывши по частям детем Володимеровым. {*Всяк бо из Российских летописцев (о чем и мнозии иностранные пишут) видеть может, каковые*} настали между частными оными Володимеровыми наследниками несогласия, раздоры, междоусобныя войны, которыми в полное безсилие пришла Россия, что под власть варварства татарскаго с великим своим студом и бедством [Л. 19об] подпала, и дивное есть Божие о ней смотрение, что не в конец порабощена стала, и имени своего между народами не погубила. Дотоле же приити в силу первую, и от варварскаго ига освободити себе не могла, донде же разсыпанная ея части в едино паки тело не собраны, и монаршею короною не связаны явилися, что премудро и благополучно зделал[114] {*вышепомянутый*} Великий Князь Иоанн Васильевич: {*того ради*} не может хвалити онаго в государствах разделения, однако же разделение оное подает {*нам довольный*} довод и пример, что самодержец {*наипаче же наследный*} имеет полную, незазорную, и {*прекословию не*} подлежащую власть определять наследство свое, {*которому похощет, сыну своему, или и иному мимо сыновей, усматривая достойного*}. Аще бо не имел {*бы от Бога таковой власти, и аки долг некий отдавать сыну большему наследство свое был бы должен*}, то како могл бы государь, выше помянутым образом разделяти государство свое и по частям раздавати сыном своим; как то многии, хотя не полезно, делали, и никто о том не спорил и не прекословил им.

АВТОРСКАЯ РУКОПИСЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ С КРИТИКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕКАТЕРИНЫ II (1794)[115]

[Л. 1] Падаю к ногам твоим, Г[осударыня]! Я горькими слезами осмеливаюсь пролить пред тобою чувствования души моей. Клянусь тебе всем, что есть на свете святого; проклинаю бытие мое, если не

[114] Далее зачеркнуто: «выше».

[115] РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 594. Л. 1–12. **Орфография и пунктуация приближены к современным, поскольку источник является писарской копией.**

горячая любовь к славе твоей, к славе отечеству моему, коему ты сделалась любезнейшей матерью, если не самое чистейшее усердие водит пером моим. Я не желаю оскорбить тебя: часы спокойствия чту драгоценными; но ужасная перспектива представляется моему воображению, возбуждает мою чувствительность.

Если я ошибаюсь, Г[осударыня], прости мою ошибку за то, что она произошла от сильного к тебе усердия и твердой уверенности в твоем человеколюбии. Ты позволяешь мыслить и говорить все безвредное; но сей мой разговор был бы вреден, и я был бы чудовище, если бы кроме тебя самой кому-либо дерзнул открыть мои чувствования. {*а*}[116] К тебе одной, умная, милая, несравненная Г[осударыня]! к тебе одной приношу чувствительную прискорбность, тобою же приключенную! Не пренебреги, монархиня, душевными сими убеждениями и не забывай, что мышь иногда прогрызть может сети, льва опутывающие [Л. 1об] Злосчастное и постыдное с нами в Польше приключение было мною предвидимо гораздо прежде. Но твердая уверенность в мудрости твоей отвергала всегда мои предчувствия, и недоверенность моя к самому себе, недоверенность, приобретенная сильным рассуждением, уничтожила мой страх; я уверен был, что я так как и другие могу ошибиться, и дай Боже, чтоб я и теперь ошибся.

Во-первых, думал я согласно с некоторыми, что наше отечество недостаточно людьми в рассуждении пространства земель, недостаточно (прости, Г[осударыня], моему чистосердечию), спокойствием и счастием, коих большему утверждению попрепятствовали тебе кровопролитные войны. Ты мучилась, и отечество лишилось через то спасительных твоих учреждений, начатых тобою, послабло их исполнение. Вот причина весьма сильная к жела[нию] нам мира, о коем всеми возможными способами должны стараться; а по сему же всеми возможностями оберегать людей и лучше оставлять приобретение новых земель, если оные большим пролитием крови будут покупаемы и с опасностью удерживаемы.

[Л. 2] {*в*} Если то подлинно, что последняя с турками война, как многие утверждают, произошла единственно от алчности к славе

[116] Здесь и далее буквенные обозначения примечаний, приведенных в конце документа.

покой[ного] к[нязя] П[отемкина], то должно признаться, Г[осударыня], (со всем мои почтением к великому сему духу), что многие великие люди бывают наивреднейшие люди {*c*}. Сия война была безмерно тягостна, и победы Оч[акова] и [И]зма[ила], они были такие победы, от коих, сохрани нас Боже. Ни людям, ни деньгам ни малейшей пощады, ни сожаления не было.

С другой стороны, шведы... Известно, что несколько несчастных минут осталось, чтобы быть {*д*} нам поверженными в поношение и бедствие. Известно какие страшные ошибки делаемы были нашими генералами и офицерами повсюду; и шведская война, не будучи поддерживаема толикою безмерною силою людей и денег как турецкая, служила ясным доказательством, что нас бить начинают, что мы расстраиваемся чувствительно более, и что служба наша совсем портится. Кое-как мы сжили с рук сие отягощение. Мудрость твоя отвратила готовые бедствия и дала вид Европе, [Л. 2об] что мы нимало не изнурены: те же праздники, те же веселья, и еще славное предприятие уничтожить вредную новость державы, вдруг возгордившейся и отвергающей древний союз.

Счастливый успех сопровождал сие предприятие.

Торжественное обещание не иметь никаких особливых сеймов кроме восстановления всего по-прежнему. Честное слово! Кто внушил тебе, Г[осударыня], отменить оное, кто внушил тебе сию слабую мысль к последнему разделу Польши, кроме доверенности? Но ради Бога, Г[осударыня], продолжай прощать мне мое дерзкое чистосердечие, которое ты утратила у сего народа и у всей Европы. Какая слабая политика {*е*} внушила тебе усилить нашего нового приятеля, которого дружба не может быть никогда надежна? Вот что думал я при последнем разделе Польши. Я думал, что чувствительные из поляков почувствуют с горестию несдержание твоего слова, а бедные из них, жаждущие спокойствия народного, воспламенятся сею чувствительностью.

[Л. 3] Преходя молчанием все страшные ошибки, ребячью слабость, сильное невежество в делах людей, от коих зависеть может общее спокойствие и многих тысяч несчастных (ни доносчиком, ни злобою дышущим не есмь) могу я только уверительно сказать, что последнему возмущению Польши мы сами единственные причины. Непомерная наша гордость и в то же время презрение и

беспечность к приятию мер для уничтожения сильной ненависти, нами в поляках произведенной, или вреда от оной ожидаемого, все сие утвердило меня еще более в страхе потерять Польшу. Я думал, что народ презираемый, раздраженный и между тем не лишенный способов к своему защищению; король, потерявший народную доверенность и любовь, но умный и чувствительный, готов признаться, что понадеялся на наше честное слово, не приминет употребить все средства доказать перед светом сколь тяжело быть презираемому, а есть старинное правило, что и самого жестокого труса до отчаяния доводить не должно.

[Л. 3об] Кажется, последние строки решили уже судьбу мою и я совершенно обвинен в прекрасной душе твоей, что осмелился некоторым образом защищать врагов наших. Г[осударыня], последуй мудрости твоей! Не уподобляйся толикому множеству на земле несчастных, страстями ослепленных, вспомни, сколько есть в истории примеров, что самые величайшие люди, а паче властители, ослепленные гневом и дышущие мщением, были вредны сами себе. Если несчастие сие тем сильнее, что оно неожидаемо, тем более потребно мудрости к отвращению могущих впредь случиться подобных бедствий.

Возвращаясь к моим предчувствиям, известно, что последствие оправдало мой страх и я пришел сам у себя в большую доверенность. Вот причина, что осмелился даже пред тобою открыть ужасные последствия, кои готовы поразить нас. {f}

Милая Г[осударыня]! Ты достойна того, чтобы щадить драгоценное твое спокойствие, чтоб печальными и мрачными представлениями не возбуждать [Л. 4] твоей чувствительности, я на то согласен: но если сею пощадою час от часу более удалять от тебя истину, и чрез то час от часу более все ослабевает; {g} не мыслит никто больше ни о чем, как только о своей корысти, стараясь только поверхностию угодить. Все места, чины и достоинства получаются побочными дорогами безо всякой заслуги и знания, во всех местах и во всех частях грабят; ты окружена такими людьми, кои только тебе льстить умеют и под видом хранения твоего покоя тебя обманывают. Будь уверена, Г[осударыня], что двор твой так уж настроен, что если надобно кому быть хвалиму или в чести, то непременно надобно быть подлу и токмо уметь угождать, не забо-

тясь о деле. Всякий из таких уверен, что если он угодил, самые величайшие ошибки будут признаны за бесчастие, и ежели не умел угодить, самые малейшие погрешности почтены будут страшными преступлениями. Но как ныне уже сих последних весьма мало, то и редко достается тебе видеть виноватых, что кроткому [Л. 4об] твоему характеру весьма приятно; и утопая в сем заблуждении, радуешься, что все идет хорошо, и окружающие тебя, будучи главными всему тому виновниками, продолжают ослеплять тебя еще более; а если имеешь близь себя достойных людей, то и оные, будучи или возвышены твоими любимцами, или зависимы от главных плохих людей, видя всеобщую расстроенность, не имеют ни какой охоты, ни смелости служить верою тебе. Молодой человек, возвышенный внезапно твоею единственною любовью, обольщенный сим неожиданным счастьем, принимается за дела, выше сил своих и большой опытности и благоразумия требующие, презирает заслуженных, кои принуждены себя уничижать или перестать быть тебе усердными; и все сие столько всем известно, и столько уже не тайно говорят об оном, что и не могу себе вообразить, как можно до такой степени скрывать от тебя столь известные истины.

Прости мне Г[осударыня]! Я иногда решаюсь думать, что какая-либо политика, кою я проникнуть не могу, [Л. 5] принуждает тебя к сему послаблению. Но какая бы причина тому ни была, токмо послабление сие, становясь час от часу чувствительнее, ведет за собою ужасные следствия. {*h*}

Можно ли иметь твердую надежду на сих льстящих низких душ, в коих безрассудная гордость или гнусная корысть затмила совсем чувства чести и должности. Не удобны ли они при первом случае продать за свои выгоды и благодетелей, и друзей своих. Будем ли мы всегда столь счастливы, чтобы не имевши искусных генералов {*j*}, офицеров, могли одерживать победу над неприятелями? А особливо когда еще страшный сей недостаток непомерными издержками и множеством людей заменить нельзя будет; ибо всем уже также известно, что доходы наши к своему поправлению требуют великого благоразумия и бережливости. Люди чувствительно выбираются и старые солдаты переводятся. Европа, с завистью всегда взирающая на возвышение наше, готова к малейшему [Л. 5об] у нас несчастию приложить большое. {*k*} Приобретения наши не могут

быть прочны снаружи. Мы будем иметь сильных неприятелей внутри. От сего Боже сохрани недовольных: а особливо если к несчастью нашему во время сего смятения и всеобщей расстроенности лишимся мы... без сильнейшей нашей горести не могу себе вообразить сей чувствительнейшей, но необходимой минуты. {e}

Помилуй, Г[осударыня], пощади славу твою и не помрачи столько величайших дел при начале и в продолжение царствования твоего, для нас тобою учиненных. Я клянусь тебе, что сие не невозможно, если ты остережешь, а паче в нынешнее смутное время. Но ты имеешь еще напротив средства и время, если последуешь твоей мудрости не токмо уничтожить настоящую пагубу, но и обеспечить отечество твое на будущее время. И какой бы прекрасный был подвиг обличить перед светом {m} тех мнимых благодетелей человечества, доказав им, что они не по силам свои на себя принимают; что сия наитруднейшая, [Л. 6] а большой мудрости требующая должность сделать людей счастливыми в руках у государей, и сколько средств они к тому имеют! Твои школы народные, Г[осударыня], Богу подобное дело, если бы {n} равно как и других заведений не ослабевало исполнение. Из всех твоих законов, поступков, из твоего святого Наказа видно было везде жаркое рвение сделать подданных твоих счастливыми, какое божественное намерение, как жалко, что оно погасло! Ты встретила трудности, может быть и самую неблагодарность, потеряла нечувствительно к тому охоту, а льстецы твои таковы были предупредить тебя, что люди не достойны счастья.

Я согласен на то, что большая часть людей или невежи, или ухищренны до того, что и самое для них добро потребно делать с большею осторожностью. Но государю, желающему жить в потомстве, при жизни быть славиму без лести, иметь в душе своей несумнительное утешение от доставления миллионам людей блаженства: такому государю какое бы могло быть помешательство в сем святом подвиге, кроме того, что не желает или не имеет времени за сие приняться. Можно ли приписать тебе последнее! Нет, Г<осударыня>, прости [Л. 6об] мне, если бы ты возвратила прежний жар свой, если ты усилилась разорвать льстивые сети, тебя окружающие, если ты, так сказать, помолодела и, переменя совсем вид двора твоего, возвратила бы свою доверенность верным твоим поддан-

ным, придворными интригами от тебя удаленным, и может быть, внутренне скрывающим свое огорчение, но кои при малейшем от тебя одобрении верно жизнью своею для тебя охотно пожертвовать готовы будут, но желания все их и старания с опытностью употребятся к усугублению славы твоей. Тогда бы благоразумие двора твоего разлилось на все отдаленные провинции пространного твоего владычества, и все принялись бы отличаться и угождать полезными делами, а не лестью и подлостью; тогда бы подданные твои тебя благославляли еще более. Неприятели бы почувствовали вновь победы наши не от толпы набранных и невыученных рекрут, не от рассыпаемых без всякой бережливости денег, но от искуства генералов и офицеров, кои бы не видя побочных дорог к своему произвождению, старались бы всеми силами быть лучше и искуснее [Л. 7], из отставных и заслуженных возвратились бы охотно из своих отставок, к коим приведены огорчением и побуждены *были истиною*[117], чего вам сказать не осмелись бы не из одного хвастовства и напоказ отличества, а отличались бы все самым делом.

Г[осударыня], не поверь моему представлению! употреби всю свою беспристрастность, призови людей, кои у нынешнего твоего более остроумного нежели благоразумного двора не в большой милости, и которые не умеют столько нравиться как другие, слывут, может быть, смешными, приласкай их, спроси чистосердечно, уверь что ни малейшего не будешь иметь неудовольствия за правду. Ты увидишь, что они замнутся и будут в нерешимости, а наконец, по нескольких запинках расскажут тебе, может быть, больше моего; и самые женщины к тебе приближенные, тобою любимые, к сему удобны они все, даже удивляются, Г[осударыня], знавши твой разум, но открыть тебе не смеют. Они, может быть, также по пристрастию и строже судят твои поступки, нежели должно, но не обвини их и не называй неблагодарными. Ты сама, Г[осударыня], причиною, что никто не осмеливается тебе сказать правды, кроме решившегося простяка, которому, может быть, [Л. 7об] погибель за сие наградою. Дорого заплати[т] за свое чистосердечие, а особливо если сие попадется в руки тебя окружающих, может быть, погибель

[117] Первоначально в тексте написано «истинною были», затем над словами проставлены порядковые цифры, обозначающие обратный порядок слов.

моя будет мне за сие наградою. Тщетно бы ты восхотела защитить меня от всех своих любимцев, кои так умеют из тебя сделать, что если мечтательная моя перемена не последует, так я должен уже считать себя пропащим {*q*}.

Я сокращаю мое представление. Я бы никогда оное не кончил, если бы следовал движениям моего сердца и не боялся отяготить тебя, я бы подробно означил тебе и доказал с изъяснением и имян и всего расстроенного, {*r*} коснулся бы намерений твоих и планов, кои ты, следуя худым советам и своему пристрастию, вместо добра ко вреду располагаешь; изобразил бы пред тобою картину блаженства, какое удобна ты учинить для человечества. Но все бы оное послужило лишь к усугублению бедствия моего и, может быть, признан бы я был за сумасшедшего. Паки прошу со слезами: прости мне дерзкое чистосердечие и будь моей защитительницею, а я пока жив посвящу тебе всю жизнь мою. Но если бы я увидел какой-либо успех [Л. 8] от моего донесения, я бы, целуя мысленно ноги твои, милая Г[осударыня]! уверился бы совершенно, что враги наши погибнут, а мы торжествовать будем, и победы наши не токмо временем блестящи, но и прочны будут, и спокойствие наше пребудет неизменно.

Хотя я не объявляю своего имени, но сыскать меня, конечно, не трудно будет, токмо прошу, Г[осударыня], не старайся узнать меня.

Писано апр[еля] 794 года.

Примечания

Писавши[й] сие письмо, как видно, принужден будучи по некоторым обстоятельствам поспешить с окончанием оного. Станется, что не имел времени обмыслить всех частей своего представления с таковою основательностью, каковой столь важная материя требовала. Почему напоследок, а паче по кончине, найти он мог без сомнения сам в своих прежних мнениях довольно неосмотрительности и самих погрешностей, коих чувствование сердца его вовлекло его разум. Он верно думал, что со всем добрым своим намерением [Л. 8об] темная сторона блистательной картины потемнена им слишком, хотя то может быть от чистого усердия и с самым нели-

цемерным благожеланием учинено; да если бы сии тени и подлинны были, то известно всему свету, сколько оные заменены славою и блистанием, так что наклонясь с благоговением к делам великим, можно совсем не вспомнить и не заметить малых погрешностей[118], погрешностей и несчастной слабости человеческой свойственных. Пол, лета, обстоятельства, сколько извинений, если бы кто и подлинно столь жесток и не благодарен сыскался, чтоб на сих темных местах захотел остановиться.

Итак, следующие примечания да послужат опровержением содержащих[ся] в письме необмысленных мнений и выражений.

{*а*} И действительно, может быть, оное долгое время не были никому известны и, может быть, и никогда бы, если бы не попались нечаянно в посторонние руки.

{*в*} Надлежит быть совершенно сведому во всех политических связях и отношениях, чтоб подавать таковые советы. Страдания человечества судьбою определены. Славный величайший человек, конечно, был бы тот, кто бы ежели [Л. 9] не сыскал и не мог произвести в действо способов уничтожить сии страдания. По крайней мере, уменьшил бы всевозможно оные и всевозможно умножил бы человеческое блаженство; но можно ли еще решительно сказать, чтоб всякое избежание от войны какой-нибудь державы послужило всегда ко благу оной. Мы видим множество примеров, что есть много зол необходимых, зол меньших[119], могущих заменить или отвратить величайшие.

{*с*} Это много кажется для к[нязя] П[отемкина] со всем тем, однако ж, сей дух действительно не был мелок. И ежели бы какой ангел его хранитель вложил ему мысль при начале последней с турками войны отречься от главноначальствования войсками или пойти в команду опытного, уже доказавшего пред целым светом свое искусство, словом сказать, великого генерала российского, то бы можно было не погреша назвать его самым великим.

{*д*} Известно, но кому же оное известно и как доказывать?

{*е*} Здесь, кажется, сочинитель письма совсем не за свое взялся дело и самые упражняющиеся в делах [Л. 9об] министерских и

[118] Далее повторно написано «погрешностей».

[119] Последняя буква вписана над строкой вместо зачеркнутого окончания «мых».

имеющие пред глазами своими все тайны кабинетов могут быть не согласны во многих подобных сему мнениях.

{*f*} Здесь также в жару усердия некоторые выражения может быть усилены излишне, как то и во многих потом местах.

{*g*} Кажется сей прекрасной душе подлинно излишним был сей совет. Мудрость блистала над всеми окружающими Ее.

{*h*} Не оправдало ли время страхи сии напрасными.

{*j*} Слишком.

{*k*} Ужасное место! строки горькие.

{e} Намерение и планы, о каких ниже сказано, если бы слухи о бранях были истинны, то страх сочинителя был бы основателен, и паче за славу; но сие не могло быть и да исчезнет такое на мудрость подозрение.

{*m*} Писавший разумеет здесь всех буйных патриотов, вводящих или намеревающихся ввести насильственные перемены в правление в какой бы оные земле ни были; по справедливости к такому предприятию потребно не токмо жаркое, единственное желание блага человечеству, но твердая, продолжительным рассуждением, [Л. 10] строгими совещаниями обнадеженная уверенностью в точном успехе, сопровождающем такое предприятие; а посему, кто может иметь столько удобности к перерождению, так сказать, рода человеческого; к увеличению блаженства его и к уменьшению страданий его, как просвещенный, мудрый, благодетельный государь, окруженный советниками опытными, беспристрастными, власть его не токмо над действиями людей, над самыми их сердцами, чувствованиями, которые власть, направленная единственно к их благу, колико бы вознесла монарха. Имя его было бы предметом обожания облаженствованного человечества.

{n} Кажется, сие уже никакому сомнению, ни спору не подвержено, что одно из величайших благ, людям дарованных, есть просвещение, но что есть истинное просвещение или каким образом оное должно быть всем открыто. Вот вопрос, требующий осмотрительного внимания. Умножить знания человека, сдернуть с глаз его повязку, скрывающую от оных свет истины. Не будет ли сходно как разумному или злому вложить нож в руки, если сердце его, воля его не преуготовлена, не направлена к употреблению дара сего [Л. 10об]

во благо, если слабые или ко тьме приученные[120] его неудобны еще к принятию настоящего света, а токмо разве некоторых отражений оного. Если воспитание столь сильно, что преиначивает самую природу, то нынешнее воспитание...

{*o*} Предыдущее примечание и многие в мире опыты служат неопровержимым доказательством, что и самое добро людям потребно делать с великою осторожностью, примеры на сие бесчисленны.

{*p*} Кажется, это не ошибка.

{*q*} И многие бы почли достойным за толикую дерзость, хотя и от доброго сердца произошла оная, а особливо люди коварные.

{*r*} Вот те планы, кои без сомнения всклепаны на великую особу.

{*s*} Я проезжал многие города и деревни, я видел повсюду и самих земледельцев, трудолюбивых, трезвых, здравых и веселых. Во дни отдохновения от трудов, в ясную погоду вся деревня небогато, но чисто и не без вкуса одетая, показывалась в улицах. Румянец живой на лицах служил вывескою их здравия и удовольствия. Они все обнимались. Тихие звоны полевых [Л. 11] инструментов раздавали сладостную гармонию, эхом ближних лесов повторяемую. Они прыгали, резвились и люби[ли] без распрей. Они пели согласным хором и с выходками, по переменно нежными или величественными, о провидении и благости творца своего невидимого, непостижимого, творца вселенной. Они прославляли потом великого человека, усладившего лета их. Старики рассказывали с ужасом, как несколько лет назад люди на зверей похожи были и злобою токмо один против другого дышали. Они все удивлялись, и даже говоря, верили истории: Боже мой, — говорил[и], — Боже мой, возможно ли, чтоб прежние люди сами себе толико вредили? Возможно ли, чтоб имели они такую желчь против своих ближних. Возможно ли, чтоб были такие черные души, что всякую минуту, быв подвержены смерти, еще более о взаимной злобе своей от беспорядков могли кратчайшую жизнь свою употребить на ухищрения, пронырства, на расставливание сетей и пр.: чтоб сходясь толпами, убивали друг друга явно и проискивали оскорблять других тайно? Нет, воистину это были чудовища»[121]. [Л. 11об] Еще просвещением, воспитанием и пр., так по несчастию друзья мои говорят,

[120] Далее зачеркнуто: «от н».

[121] Далее в квадратные скобки взято: «и ни чудовищи».

старшие предки наши таковы бывали, пока благотворная рука не пременила злобной навычки, коя превратилась было в природу. Пели новые гимны добродетелям и все около их улыбались. Вот отрывок описани[я] блаженства человеческого, слабой сени мечтающего, но может быть не невозможного события. В заключение сего примечания должно еще сказать в извинение писавшего письмо оное. Не покажется ли сыну, обожающему своего отца, что сей, идя чрез реку по мосту некрепкому, близок оборваться? Ему и мост представится несравненно хуже, и ноги отца слабые, и проводники не попечительные. Он поспешит удержать его от сего опасного перехода и в страхе, не имея время размыслить, закричит «милый батюшка, ради Бога, постойте на минуту, мост шатается, мне с берегу сие, кажется, виднее; ах он совсем готов повалиться». Отец же, будучи равнодушнее, опытнее, узнав подлинно свойство опасностей, свои силы, скажет ему улыбнувшись: ты обезумел мой сын! Опасности мною внушимы к отвращению, [Л. 12] но он извинит безумие сына как от доброго сердца произошедшее, и сему не останется более, как сложа руки и воздев их к небу, молить о благополучном переходе моста и о миновании сей опасности?

ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ[122]

Письмо анонимного автора, атрибутированное сотрудниками архива как «*Авторская рукопись политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II (1794 г., апрель)*», было обнаружено в бумагах Кабинета Екатерины II (Российский государственный архив древних актов, Фонд 10). Этот документ представляет собой написанную рукой одного человека копию послания, адресованного императрице, и комментариев к нему, а также небольшой фрагмент литературного текста. Данный, несомненно очень ценный источник по истории внешней политики, противоречий придворных группировок, отношений личности государственного деятеля и престола и, наконец, в целом общественного сознания дворянства конца XVIII века оставляет много трудноразрешимых вопросов.

[122] Курсивом в кавычках выделены цитаты из публикуемых источников.

Для анализа столь неординарной архивной находки были привлечены лучшие специалисты по истории русского XVIII века: Ольга Агеева, Владимир Алексеев, Андрей Андреев, Рудольф Боден, Константин Бугров, Ричард Вортман, Андрей Зорин, Иоахим Клейн, Вячеслав Лопатин, Дмитрий Полонский, Сергей Польской, Петр Стегний, Александр Строев, Ольга Хаванова, Клаус Шарф. Эти ученые щедро поделились своими соображениями, что позволило приблизиться к разгадке тайны авторства, обстоятельств возникновения и политического смысла письма.

Главный вопрос, конечно, был связан с фигурами самого автора послания на высочайшее имя и составленных к этому письму примечаний. Диапазон высказанных предположений был достаточно широк и включал такие персоны, как Павел Петрович, Александр Павлович, С.-А. Понятовский, А. С. Васильчиков, П. В. Завадовский, А. Р. Воронцов, Н. В. Репнин, П. А. Румянцев, Я. Е. Сиверс, Е. Р. Дашкова, М. Н. Муравьев и некоторые другие персонажи русского XVIII века. Соответственно варьировались и черты социального портрета человека, обратившегося к императрице с дерзкими и правдивыми словами, за которые «*может быть, погибель будет наградою*».

Доверительный тон письма и совершенно исключительное обращение «*милая Государыня*» натолкнули исследователей на мысль поискать смельчака с подобными взглядами в ближайшем окружении Екатерины II. В целом позиция автора письма была близка воззрениям на царствование венценосной матери удаленного в Гатчину великого князя Павла Петровича, полагающего, что «стоит оставить в стороне все бесполезные мечты о завоеваниях, которые служат только к приобретению славы, не доставляют истинных выгод, а только ослабляют государство»[123]. Нравы двора последних лет правления императрицы также очень тяготили юного Александра Павловича и порождали мысли о будущем отречении от престола, которыми он делился со своим наставником Ф.-С. Лагарпом: «Но не смогло это изменить принятого мною решения уклониться

[123] *Шумигорский Е. С.* Императрица Мария Федоровна. Ее биография // Русский архив. 1890. Кн. II. № 5–8. С. 56. [Ольга Хаванова указала на этот фрагмент воспоминаний брата австрийского императора Иосифа II Леопольда о встрече с «графом Северным», под именем которого Павел путешествовал по Европе].

впоследствии от поприща, мне предстоящего. Чем больше смотрю вокруг себя, тем более несносным это поприще мне видится. Непостижимо, что кругом творится: все воруют, порядочного человека не сыскать, это ужасно»[124].

В то же время тон письма отличался не подобающими для сына и внука и абсолютно немыслимыми для подданного самодержавного правителя интимными интонациями: «*несравненная Государыня*», «*если бы ты возвратила прежний жар свой*», «*если бы ты помолодела и возвратила свою доверенность верным твоим подданным, внутренне скрывающим свое огорчение, но кои при малейшем от тебя одобрении верно жизнью своею для тебя охотно пожертвовать готовы будут*», «*если бы я увидел какой-либо успех от моего донесения, я бы целуя мысленно ноги твои, милая Государыня, уверился бы, что враги наши погибнут*» и т. д.

Это обстоятельство позволило предположить, что за строками письма мог стоять один из фаворитов Екатерины. В данном контексте стоило рассмотреть кандидатуру Станислава Августа Понятовского, открыто писавшего в мемуарах о своих чувствах к императрице: «Возлюбленная, сыгравшая в моей судьбе роль арбитра; все мое существование было посвящено ей»[125]. Некоторые строки послания проникнуты симпатией к «*чувствительным из поляков, жаждущим спокойствия народного*» и к королю, «*умному, чувствительному*», наивно полагающемуся на «*честное слово*» в политике. Контрастируют с общей тональностью самодержавной доктрины и слова о «*сильной ненависти, нами в поляках произведенной*», и о «*последнем возмущении в Польше*», которому «*мы сами единственные причиной*». Однако маловероятно, что во время, когда переживались серьезные последствия ошибок О. А. Игельстрома, русского посла в Варшаве, сменившего на этом посту Я. Е. Сиверса[126],

---

[124] Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма, документы / Сост., вступ. и коммент. А. Андреева и Д. Тозато-Риго. М., 2014. С. 290. [На личность великого князя Александра Павловича посоветовал обратить внимание Андрей Зорин.]

[125] *Poniatowski S.-A.* Memoires. SPb. Vol. I. P. 136–137.

[126] В связи с этой отставкой следовало бы внимательнее взглянуть на фигуру Якова Ефимовича Сиверса, который, по мнению историка XIX — начала XX века Д. И. Иловайского, имел сентиментальные взгляды на отношения Польши к России и наклонность действовать самостоятельно (*Ило-*

последний польский король мог сетовать по поводу «*злосчастного и постыдного с нами в Польше приключения*», называть Российскую империю «*Отечеством*», а самого себя чуть ли не «*трусом*», лишь бы рассеять любые подозрения по поводу своего авторства. Вызывала сомнения и кандидатура А. С. Васильчикова, пользовавшегося особым расположением императрицы в 1772–1774 годах, но потом навсегда потерявшего фавор[127], удалившегося в Москву и лишь издали наблюдавшего за событиями при дворе[128].

Среди фаворитов императрицы наибольшее внимание исследователей привлекала личность П. В. Завадовского, бывшего «в случае», т. е. снискавшего особое расположение императрицы, в 1776–1777 годах, позже сохранившего свое положение при дворе и влияние в самых высоких кругах. Версия принадлежности письма перу Завадовского показалась наиболее реалистичной немецкому историку Клаусу Шарфу, который привел несколько убедительных аргументов, подтверждаемых данными источников и историографии[129]. В частности, автор послания скорбит не только по поводу ушедшей молодости императрицы и ее потухшего «*жара*», но также с горечью вспоминает «*величайшие дела и при начале и*

вайский Д. И. Гродненский сейм 1793 года: последний сейм Речи Посполитой. М., 1870. С. 262).

[127] В 1774 году Екатерина писала своему «богатырю» Потемкину, что выбор ее был определен «дешперацией», и жаловалась на «духоту» и «скуку душевную» (Екатерина II и Г. А. Потемкин: личная переписка. 1769–1791. М. 1997. Изд. В. С. Лопатина. С. 9, 14).

[128] 29 апреля 1794 года, после тяжелого поражения Русского гарнизона в Варшаве, П. В. Завадовский просил А. Р. Воронцова: «До времени, пожалуй, про себя сохрани сию весть, из которой делают еще тайну» (Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 111).

[129] *Alexander J. T.* Catherine's Love Notes to Peter Zavadovskii, 1776–77 as appendix in his biography // Idem. Catherine the Great. Life and Legend. N.Y.; Oxford, 1989. P. 342–354; *Humphreys L. J.* The Vorontsov Family: Russian Nobility in a Century of Change, 1725–1825. PhD diss. University of Pennsylvania. LA. 1969; *Marcum J. W.* Semen R. Vorontsov: Minister of the Court of St. James's for Catherine II, 1785–1796. PhD diss. University of North California. 1970; *Kenney J. J.* The Vorontsov party in Russian politics, 1785–1803: an Examination of the Influence of an Aristocratic Family at the Court of St. Petersburg in the Age of Revolution. PhD diss. Yale University. 1975. См. также недавно переведенную на русский язык фундаментальную работу Клауса Шарфа: *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015.

продолжении царствования» и особенно «*святой Наказ*» и «*школы народные*». В 1782 году именно Завадовский возглавил Комиссию «для заведения в России народных училищ»[130] и посвятил развитию образования немало усилий.

Продуманная взвешенная позиция в вопросах внешней экспансии также может сближать бывшего фаворита императрицы и автора письма, полагающего, что надо стремиться к миру, «*оберегать людей и лучше оставлять приобретение новых земель, если оные большим пролитием крови будут покупаемы и с опасностью удерживаемы*». В связи с этим Клаус Шарф приводит любопытные сведения о посвящении русских переводов двух известных европейских изданий, провозглашающих идеал мирной жизни без войн, именно Завадовскому и Безбородко, которые в глазах общественного мнения способны были признать существование альтернативы наступательной политике[131]. Немецкий историк также подчеркивает, что на заседании Государственного совета 20 апреля 1794 года двадцатишестилетний фаворит Платон Зубов, поддерживаемый графом Аркадием Морковым, недальновидно выступил за жесткую политику в отношении Польши, чему не смогли противостоять Безбородко и Завадовский.

Так же, как и автор письма, призывающий императрицу «*возвратить доверенность верным подданным и [достойным людям],*

---

[130] ПСЗ. Т. XXI. № 15507. С. 663–664. 1782. 7 сентября.

[131] Состоявший при походной канцелярии князя Г. А. Потемкина во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов Р. М. Цебриков перевел на русский язык книгу Анжа Гудара [Ange Goudar] «La Paix de l'Europe ne peut s'établir qu'à la suite d'une longue trève, ou Projet de pacification générale» (Amsterdam, 1757), озаглавив ее «Мир Европы не может иначе восстановиться, как только по продолжительном перемирии, или проект всеобщего замирения, сопряженного купно с отложением оружий на двадцать лет между всеми политическими державами» (СПб., 1789). Тексту предшествовало посвящение А. А. Безбородко «за благодеяния, оказанные им его брату и ему самому». Секретарь Заемного банка Ф. Т. Поспелов в том же 1789 году перевел «Lettres persanes» (Amsterdam, 1721) Шарля-Луи Монтескье [Charles-Louis Montesquieu], которые адресовал с благодарностью директору банка П. В. Завадовскому, «под вожделеннейшим начальством которого» он служил (Персидские письма из сочинений г. Монтескио. Переведены с французского языка [Ф. Поспеловым]. СПб., 1789. С. 5–6 ненум.). См. об этом также: *Schippan M.* Katharina II und die Rezeption des europäischen Friedensdenkens im Zarenreich // Katharina II., Russland und Europa / Ed. C. Scharf. Mainz, 2001. S. 263–264 (ссылка на статью также указана Клаусом Шарфом).

придворными интригами удаленным», Завадовский считал необходимым призвание к руководству армией престарелого П. А. Румянцева[132]. В сентябре 1794 года он писал своему патрону: «Хотя неудачею под Варшавой не весьма унываем: но следствия от нее неизбежны; обстоятельства сами давно внушают, что все дела военные должны прийти под Ваше единоначалие»[133].

Автора письма объединяет с Завадовским и резкое неприятие всевластия князя Потемкина, непомерное влияние занявшего его место Зубова и в целом осуждение порока фаворитизма при русском дворе. Он полагает, что Русско-турецкая война 1787–1791 годов «*произошла единственно от алчности к славе покойного К. П. <...> ни людям, ни деньгам ни малейшей пощады, ни сожаления не было*». Новый фаворит, «*обольщенный сим неожиданным счастьем, принимается за дела, выше сил своих и большой опытности и благоразумия требующих, презирает заслуженных, кои принуждены себя уничижать или перестать быть тебе усердными*». П. В. Завадовский в письме С. Р. Воронцову от 3 марта 1794 года также сокрушался: «Казалось прежде всем, что подобной власти, как имел князь Потемкин, никому стяжать нельзя; но теперешний фаворит несравненно больше имеет мочи. Покойник ворочал только одною военную частью, а сей все без изъятия привлек в свои руки»[134].

---

[132] Клаус Шарф указывает, что Екатерина в глаза сравнивала Румянцева с полководцем императора Юстиниана, называя «обожаемым Велизарием», а за глаза выражала желание сбыть фельдмаршала, находя «пребывание его в армии вредным ее делам» (см.: Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. По изданию в. кн. Николая Михайловича. СПб., 1996. С. 132).

[133] Письма П. В. Завадовского к фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву: 1775–1791 годов, с предисловием и примечаниями П. Майкова. СПб., 1901. С. 114.

[134] Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 104. Сходную цитату приводит в своих рассуждениях и Клаус Шарф: «Однако З[убов] понимал, что, делаясь причастным к государственной деятельности, он может только укрепить свое положение. Отсюда его усердие и рвение к государственным делам, понять и усвоить которые он оказывался бессилен. Во главе дипломатической части тогда стояли А. А. Безбородко, гр. А. Р. Воронцов и гр. П. В. Завадовский. Никто из них не был расположен вводить юнца Зубова в круг своей деятельности, в сложную сеть международных отношений. Да он и не был для этого пригоден. Завадовский писал о нем: "Из всех сил мучит себя над бумагами, не имея ни беглого ума, ни пространных способностей, коими одними двигать бы можно широкое бремя <...>. Прилежен довольно и понятен, но без

Несмотря на глубокие различия стилистики письма анонимного автора и эпистолярной манеры Завадовского, и в послании императрице, и в переписке графа встречаются некоторые одинаковые слова и выражения: «молодой человек» и «[наш] приятель». Достаточно сравнить пассаж из рукописи о *«молодом человеке, возвышенном внезапно твоей единственной любовью»* и придворную хронику Завадовского в письме к А. Р. Воронцову: «Молодой человек от часу выше и единодействующ; наш приятель оттерт от дел»[135].

И все же, несмотря на все приведенные доводы и ощущение приближения к отгадке личности анонима, нельзя привести хотя бы один неоспоримый аргумент, абсолютно точно идентифицирующий личность *«простяка»*, который решился на этот безрассудный поступок и *«пришел сам у себя в большую доверенность»*. Вполне можно предположить, что автором послания был Александр Романович Воронцов, брат Семена Романовича и Екатерины Романовны Дашковой, адресат П. В. Завадовского и А. А. Безбородко, разделяющий их мысли и принадлежащий к семье, которая, по словам императрицы, «родом невзлюбила» власть[136]. В архиве князя Воронцова приводится текст записки Екатерины неизвестному лицу по поводу отставки Александра Романовича в конце 1793 года: «Заготовьте указ об отставке Воронцова. <...> всегда знала, но теперь наивяще ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя, права не имею принудить быть усердным ко мне; заставить же и меня нельзя почесть усердным ко мне, кто ни есть. Разведены и развязаны навек будем»[137].

опытности посредственные дарования лишены успеха, чем медления в рассуждении дел приносит, чему, однако ж, никак не внемлет. Весьма прилежен к делам и, опричь оных, чужд всяких забав, но еще нов, и потому бремя выше настоящих его сил"» (Русский биографический словарь. Пг., 1916. Т. Жабокритский — Зяловский. С. 528).

[135] Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 137. Правда, в анонимном послании *«нашим приятелем»* назван тот, кто в письмах Завадовского именуется *«прусский король»*: *«Какая слабая политика внушила тебе усилить нашего нового приятеля, которого дружба не может быть никогда надежна?»*

[136] Письмо П. В. Завадовского С. Р. Воронцову. 1794. 4 апреля // Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 107–108.

[137] Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 103.

Возможность принадлежности обличающего престол послания перу удаленного от дел Воронцова не исключает П. В. Стегний[138], один из ведущих современных специалистов по истории внешней политики России XVIII века. Детальное знание вопроса позволило исследователю определить точки соприкосновения во взглядах анонимного автора и Александра Романовича, который единственно легитимной войной в истории России считал Северную войну, а русско-турецкий военный конфликт 1787–1791 годов связывал во многом с честолюбивыми замыслами Потемкина, критиковал второй раздел Польши, сочувствовал полякам и настаивал на соблюдении обязательств, данных этой стране и этому народу после первого раздела[139]. Не оставил П. В. Стегний без внимания и такие важные детали, как наличие в послании императрице размышлений о пагубности войн, акцентированность экономических вопросов, филиппики в адрес П. А. Зубова и А. И. Моркова с их планом ввода войск *в* Польшу, *против* которого Воронцов выступил еще в апреле 1792 года на заседании Государственного совета. П. В. Стегний также высказал предположение, что тесные родственные отношения Александра Романовича с сестрой, опальной в то время Екатериной Романовной Дашковой[140], могли стоять за фразой из письма: «*И самые женщины к тебе приближенные, тобою любимые, <...> открыть не смеют <...>; ты сама, Г[осударыня], причиною, что никто не осмеливается тебе сказать правды*».

Как уже указывалось, в архиве сохранился не подлинник письма, а копия с примечаниями и фрагментом из литературного произведения или его имитацией. В связи с этим встает вопрос о

---

[138] См.: *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М. 2002; *Он же.* Хроники времен Екатерины II. М., 2001.

[139] Удалившись в 1793 году от двора в свою родовую усадьбу Андреевское, А. Р. Воронцов составил А. А. Безбородко «Записку о наших делах в Польше», где критиковал «политические соображения, основанные на ветре и на прилаживании, дабы более и более себе почести, дома, деревни и другие разные выгоды быстро обрести» (Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 9. С. 508–511).

[140] В июле 1794 года П. В. Завадовский писал брату Александра Романовича, Семену Романовичу Воронцову, в Лондон: «Сестра твоя, княгиня Е.Р., собирается оставить года на два столицу; она недовольна, сам знаешь ее нрав, сколько трудно пребыть ей покойною в поступках и желаниях» (Письмо П. В. Завадовского С. Р. Воронцову. 1794, 28 июля // Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 122).

второй фигуре документа, авторе комментариев анонимного послания. Вслед за П. В. Стегнием можно предположить, что эта своеобразная рецензия была составлена по распоряжению самой императрицы, все же прочитавшей адресованные ей «*горькие строки*», которые «*долгое время не были никому известны и, может быть, и никогда бы, если бы не попались нечаянно в посторонние руки*»[141]. Прямые указания на личность автора комментариев также отсутствуют, однако некоторые черты его социального портрета прорисовываются с достаточной определенностью. Может на первый взгляд показаться неожиданным, но примечания к столь критическому посланию звучат как апология и свидетельствуют о близости взглядов двух авторов. Комментатор оправдывает «*толикую дерзость*» «*необмысленных мнений*» чувствами «*чистого усердия*» и «*нелицемерного благожелания*». Более того, он пытается смягчить тон письма и даже высказывает сходные суждения, сетуя, например, что «*ангел-хранитель*» не надоумил Потемкина «*при начале последней с турками войны отречься от главноначальствования войсками или пойти в команду опытного, [...] великого генерала российского*».

Все эти обстоятельства позволили П. В. Стегнию сделать весьма обоснованное предположение, что примечания могут принадлежать статс-секретарю императрицы А. А. Безбородко, которого связывали с А. Р. Воронцовым дружеские отношения, единая позиция по вопросам разделов Польши, а также враждебное отношение к фавориту Платону Зубову и его союзнику Аркадию Моркову. «Наш заносчивый товарищ, чем далее запутывает дела, тем паче он теряет голову, — писал в апреле-мае 1794 года А. А. Безбородко А. Р. Воронцову по поводу линии Моркова, — надобно будет бороться с подобными безрассудностями; но дабы я мог сильнее сражаться, Ваше Сиятельство, меня просветите и наставьте Вашим

[141] П. В. Стегний резонно усматривает здесь параллель с судьбой дневника статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого. Исследователь не исключает и неосторожность самого Александра Романовича, и результат негласного досмотра со стороны полиции, вполне возможного на фоне ссылки Радищева, которого Воронцов назначил директором петербургской таможни накануне ареста в 1790 году, а также, разумеется, процесса над Н. И. Новиковым и московскими мартинистами, после которого полиция обеих столиц была ориентирована на пресечение проникновения в Россию «якобинской заразы».

дружеским советом»[142]. Более того, П. В. Стегний проницательно заметил, что складывается впечатление, что и Воронцов, и Безбородко вели согласованную между собой игру с императрицей. Объектами их интриги, несомненно, являются Зубов и Морков[143]. Автор примечаний явно выгораживает, а порой и поддерживает автора письма[144].

Константин Бугров относит текст письма и комментариев к принципиально разным периодам, выделяя несколько случаев упоминания века Екатерины II в прошедшем времени. В частности, в примечаниях, с его точки зрения, возникает образ явно почившей императрицы: сей прекрасной душе подлинно излишним был сей совет; мудрость ее блистала над всеми окружающими Ее. Также в комментариях опровергаются излишние опасения автора письма по поводу ужасных следствий «случая» Зубова: не оправдало ли время страхи сии напрасными. Сравнение стилистики всего документа позволило К. Бугрову предположить, что автор критического письма придерживался более архаичной манеры и, вероятно, в отличие от его оппонента, занимал весьма скромные позиции в системе социальной иерархии. В данном контексте нельзя исключить, что письмо было прочитано и прокомментировано уже в XIX веке.

Важнейшей особенностью текста письма и примечаний является, как точно выразился Ричард Уортман, «литературная искушенность» и «литературный темперамент» авторов[145]. В примечаниях

---

[142] Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 286, 299 и др.

[143] Немаловажно также, что такие профессионалы, прекрасно знающие фонды РГАДА (Российский государственный архив древних актов) и АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи), как П. В. Стегний и О. Г. Агеева, склонны считать, что копия письма и комментариев принадлежит руке Безбородко. Стегний, например, отметил присущую Безбородко важную деталь структурирования текста — маркировка комментариев латинскими литерами.

[144] Андрей Зорин также заметил, что автор примечаний очень мягко и даже почтительно говорит об авторе письма, стараясь приуменьшить его вину.

[145] Собственно, и П. В. Завадовский не был чужд увлечениям словесностью, тем более что императрица доверяла ему корректировку своих сочинений. «Рюрик отослан для прочтения к Завадовскому», — записал 8 сентября 1786 года в своем дневнике А. В. Храповицкий о пьесе Екатерины «Из жизни Рюрика: подражание Шекспиру, без сохранения театральных обыкновенных правил» (*Храповицкий А. В.* Памятные записки. М., 1862. С. 14).

содержится поразительная стилизация или даже своеобразная пародия на «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева[146], где анонимный автор прославляет «*здравие и удовольствие земледельцев, трудолюбивых, трезвых, веселых*». Андрей Зорин проницательно заметил отсутствие в послании фрагмента, прокомментированного примечанием под литерой *s*, в котором изображается пастораль сельской жизни, и предположил, что это мог быть пассаж о пугачевщине.

Заканчивается документ притчей о сыне, который бессильно мечется по берегу, видя, как отец переходит реку по «*некрепкому, готовому оборваться мосту*». Он в исступлении кричит: «*Милый батюшка, постойте минуту, мост шатается, мне с берега виднее*». Отец же невозмутим, все знает наперед и прощает «*безумие сына как от доброго сердца произошедшее*».

Рудольф Боден и Кирилл Осповат в дискуссии на конференции «Интерпретации модерна в художественном нарративе: Европейские инновации и процессы культурного трансфера»[147] в целом отметили, что документ является важным свидетельством огромного резонанса, который имело произведение Радищева в среде образованной элиты и при дворе. Несмотря на судьбу автора, уничтожение почти всего тиража и запрет книги, безошибочно узнаваемая стилизация нашумевшего «Путешествия» оставалась мощным аргументом в политическом дискурсе того времени. В связи с этим Рудольф Боден напомнил о многочисленных слухах, которые окружали опальное произведение и его автора. В частности, сын Радищева в биографии отца писал: «В других современных изданиях помещаются о Радищеве известия, не заслуживающие никакого доверия, например, будто он в Сибири написал еще какое-то сочинение, за которое его послали еще дальше»[148]. «Подражание Радищеву», как отметил П. В. Стегний, вновь выводит на фигуру

[146] Своеобразное обыгрывание стилистики Радищева в рукописи отмечает и крупнейший специалист по истории русской литературы XVIII века Иоахим Клейн. См. работы И. Клейна по русской литературе: *Klein J.* Russische Literatur im 18. Jahrhundert. Köln: Böhlau, 2008; *Клейн И.* Пути культурного импорта: труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.

[147] Конференция проходила в сентябре 2016 года в Страсбурге.

[148] Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 102.

А. Р. Воронцова, вельможного друга и покровителя сосланного писателя[149].

В то же время литературная аранжировка документа и стилистика текста, не соответствующая манере ни одного из предполагаемых кандидатов на авторство письма и комментариев[150], породила у всех экспертов наиболее глубокие сомнения[151]. В целом можно сказать, что «*Авторская рукопись политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II*» лишь по своим идеям, ценностям и обличительному пафосу близка перу перечисленных претендентов. Константин Бугров назвал этот документ «образцом паррезии[152], повторяющим базовые черты критического памфлета XVIII века».

Знаток эпистолярного наследия Екатерины, Потемкина и Суворова В. С. Лопатин высказал мысль, что данная рукопись могла быть своеобразным политическим манифестом так называемого «социетета», группы, формирующейся вокруг оппозиционно настроенных братьев Воронцовых, Завадовского и Безбородко. Исследователь заимствовал данный емкий термин, близкий к понятию «общественники», т. е. влияющие на придворное общественное

[149] Хорошо известны письма А. Р. Воронцова от 1790 года брату Радищева и губернатору Твери Г. М. Осипову, в которых он пытается «по человечеству и из сожаления облегчить судьбу» ссыльного писателя (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 395–400).

[150] Эксперты так или иначе склоняются к тому, что данный документ не является переводом с французского и был изначально написан на русском языке. Так, А. Андреев, специалист по эпистолярным источникам французского происхождения, не усмотрел в документе явных переводческих штампов. В то же время П. В. Стегний высказал тонкое замечание, основанное на знании специфики работы переводчиков Коллегии иностранных дел, которые зачастую могли изменять стилистику транслируемого документа до неузнаваемости.

[151] Председатель возникшего еще в 1991 году Воронцовского общества, объединившего исследователей графского рода Воронцовых и Воронцовых-Дашковых, В. Н. Алексеев, как и другие эксперты, не может соотнести некоторую экзальтированность автора послания и трезвый аналитический подход, свойственный А. Р. Воронцову.

[152] Паррезия (парресия) может быть определена как откровенно-обличительная речь, когда и сам говорящий признает ее резкость. См. об этом подробнее: *Foucault M.* The Word Parrhesia // Foucault M. Fearless Speech. LA, 2001. P. 9–25.

мнение и присваивающие себе право выражать его, из писем и донесений адъютанта Потемкина М. А. Гарновского. В 1788 году этот человек, бывший важным доверенным лицом сиятельного князя, писал о людях, «любящих кричать, [чтобы] подать удобный случай и удержать в социетете лишнего человека»: «Надобно Вам знать, что теперь в Совете члены соединились воедино. Одно тело и душа с головой графа Воронцова. <...> К социетету принадлежит также камер-фрейлина [А. Н. Протасова], бесстыдно иногда горланящая, и цесарский посол Кобенцель»[153]. Не случайно П. В. Стегний определил послание как «коллективный вопль души клана Воронцовых», Дмитрий Полонский увидел в документе «самиздатовскую публицистику в эпистолярном жанре», а В. С. Лопатин уподобил рукопись «политическому памфлету, рассчитанному на хождение по рукам» и сочиненному «не крупным государственным чиновником, привыкшим к общению с верховной властью, а сентиментальным и наивным плакальщиком, испуганным Варшавской резней».

Архаичный сентиментальный слог, надрывная рыдающая интонация, соединенная с интимными обращениями к императрице, натолкнули специалистов и на целый ряд других соображений. Так, Андрей Андреев не исключает, что само послание и комментарии к нему принадлежат одному автору, который по-своему предвосхитил жанр «Апологии сумасшедшего» П. Я. Чаадаева. Обреченную готовность автора быть «*признанным за сумасшедшего*» и мотив «*безумия сына*» из притчи, которой, собственно, и заканчивается рукопись, подметил и Александр Строев. А. Строев также выделил наиболее публицистически заостренную часть послания, где автор упоминает «*мнимых благодетелей человечества*» и призывает императрицу «*уничтожить настоящую пагубу*». Исследователь полагает, что в данном случае речь идет о революционной Франции и, может быть, о масонском заговоре. Показательно, что этот завуалированный намек из письма анонима был прекрасно понят и раскрыт комментатором: «*Писавший разумеет здесь всех буйных патриотов, вводящих или намеревающихся ввести насильственные перемены в правление в какой бы оные земле ни были*».

[153] *Гарновский М. А.* Записки Михаила Гарновского 1786–1790 // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 29; № 6. С. 210. Людвиг фон Кобенцель — австрийский посол при русском дворе в 1784–1797 гг.

Для многих экспертов литературно-художественная и публицистическая природа рукописи подтверждается отсутствием реальной политической прагматики, заложенной в этом тексте. По мнению Дмитрия Полонского и Андрея Андреева, послание опаздывает как минимум на два года, критика престола в отношении политики в Польше лишена рациональности, поскольку драма разбитого караула в Варшаве, ошибочность союза с Пруссией и расширяющегося восстания Костюшко делает критику автора тактически бессмысленной.

С этой точки зрения в стилистике рукописи можно отметить не только доверительные интонации, но и отчаянную мольбу, почти молитву, обращенную к главному земному авторитету, выше которого только небесный престол. Именно традиция сакрализации образа монарха определяла обращение подданных в челобитных к самодержцу на «ты», подобно тому как верующий взывал к Богу: «Прости, Господи». Так А. Андреев приводит пример из биографии совсем юного и никому не известного В. Н. Каразина, который в 1798 году направил из-под ареста письмо Павлу I, где не только просил о помиловании, но также жаловался на его политику и хотел перемен, при этом постоянно обращаясь к императору на «ты». Преступление Каразина заключалось в том, что он решил тайно пересечь границу и избавить себя от суровых порядков нового царствования. «Прими мое признание, — пишет Каразин императору, — я желал укрыться от твоего правления, страшась его жестокости; многие примеры, разнесенные молвою в пространстве царства твоего, молвою, вероятно, удестеренные, грозили моему воображению день и ночь». Стоит заметить, что Каразин добился личной встречи с Павлом и был освобожден, а через несколько лет обратился уже с анонимным письмом к Александру I, в котором сформулировал предложения по улучшению общественного устройства. От лица «одного из прямых подданных» Каразин также обращался к императору на «ты» и начинал свое послание словами: «Каким прекрасным днем началось твое царствование!»[154] Подобная эпистолярная традиция дает основание предположить,

[154] *Каразин В. Н.* Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков, 1910. С. 612–613; 1–16.

что написавший столь дерзкие строки мог и не входить в ближайший круг императрицы, а просто создать стилизацию послания на высочайшее имя[155].

Таким образом, автор, с одной стороны, попытался действительно скрыть свою личность, не без основания заявив в письме «*не старайся узнать меня*». Комментарии также не только не приоткрыли тайну имени анонима, но еще более усилили интригу неясными намеками на «*некоторые обстоятельства, [по которым] писавший письмо принужден [был] поспешить с окончанием оного*». С другой стороны, в рукописи были открыто выражены чувства, которые разделяли многие представители образованного дворянства, внутренне протестующие против беспредела фаворитизма, «*гнусной корысти*», «*лести*», «*обмана*», «*грабительства*», «*пролития крови*», «*алчности к славе*». Автор признается, что «*все сие столько всем известно, и столько уже не тайно говорят об оном, что и не могу себе вообразить, как можно до такой степени скрывать от тебя столь известные истины*».

В то же время и в самом письме, и в комментариях указывается путь преодоления ситуации общего неблагополучия, который опять-таки сводится к личности монарха. Однако не следует думать, что в рукописи звучит лишь надрывная мольба поставить на место «*подлости*» «*чувство чести и должности*» «*отставных и заслуженных людей*». И аноним, и составитель примечаний рисуют образ идеального правителя, «*просвещенного, мудрого, благодетельного государя*», который окружен «*беспристрастными советниками*», разумеется подобными автору и комментатору. Такой монарх не следует только за «*жарким желанием блага человечеству*», а опирается на «*продолжительное рассуждение и уверенность в точном успехе*», достигнутыми в результате «*строгих совещаний*» с «*опытными*» государственными людьми.

[155] В этом отношении важно замечание Рудольфа Бодена, напомнившего, что, несмотря на ужесточающиеся наказания за челобитные и петиции, адресованные непосредственно монарху, Жалованная грамота дворянству 1785 года открывала привилегированному сословию возможность «беспосредственного» обращения к императрице: «...подтверждается собранию дворянства дозволения делать представления и жалобы чрез депутатов их как Сенату, так и Императорскому Величеству» (ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 350. 1785. 21 апреля).

Отразившиеся в письме настроения дворянской фронды, вдохновленные так или иначе гражданской ответственностью за результаты государственной политики, нравы двора, предпочтения самой императрицы, находились в контексте рациональной и целесообразной критики. Однако упования именно на добрую волю *«умной, милой, несравненной государыни»*, от которой все, собственно, и зависит, вскрывают противоречивый дуализм политического сознания этого периода в целом. С одной стороны, формирующиеся горизонтальные связи актуализировали позицию *гражданина*, ориентирующегося на просветительские ценности, с другой — центром картины мира *подданного* был всячески поддерживаемый престолом сакрализированный образ императора. Иными словами, важнейшая часть политической сферы в российском обществе, а именно данная *свыше абсолютная власть монарха*, находилась под действием Закона Божьего, что чрезвычайно осложняло проведение реформ в области законодательства на протяжении всего имперского периода. Как справедливо пишет О. А. Омельченко: «"Гражданские" законы относились к взаимоотношениям подданных между собой (лишь в эту область общественных отношений политико-правовые принципы абсолютизма допускали идеи естественного права). Отношения и взаимные права государственной власти и подданных регулировались "божескими узаконениями", за которыми признавался характер безусловных требований»[156].

Самодержавная доктрина с предельной четкостью была сформулирована в опубликованных здесь, частично впервые, рукописях Екатерины: «Собственноручный черновой проект наказа Сенату о самодержавной и законодательной власти Императорского Величества», «Собственноручные черновые бумаги о преимуществах Императорского Величества» и «Собственноручные черновые бумаги о роде и наследии Императорского Величества; о книге "Правда воли монаршей"»[157]. Субординация между *законом госу-*

[156] *Омельченко О. А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма. С. 32. См. также: *Кологривов С. Н.* Новонайденный труд Екатерины II // Русский архив. 1908. Кн. II. № 5–8. С. 169–177; *Коркунов Н. М.* Два проекта преобразования Сената второй половины царствования императрицы Екатерины II (1788–1794 гг.) // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 5. С. 139–171.

[157] Первый публикатор этих документов О. А. Омельченко полагает, что данные тексты должны были лечь в основу так называемого Наказа Сенату,

дарственным, Законом Божьим и *монаршей волей* выстраивалась в нескольких непреложных тезисах: империя управляется в соответствии с *законами*, единственным источником *государственного закона* на все времена является император, выше его воли только *Закон Божий*, которому единственному и подчиняется *самодержец*: «*Правитель империи правит по законам. К самодержавству принадлежит как исстари, так и ныне и на будущие времена, законодательство нераздельно. Самодержавная и законодательная власть не знает на земли сей выше себя. Отчету же в делах на сем свете не подвержен, да[ва]я оное и благодарение единому Богу*». Концепция отношений *подданных* и *монарха* логично определялась исключительностью законодательных прерогатив престола и сакральностью венценосной особы. Подданные именем Бога приносили императору клятву верности, их честь зависела от ревностной службы, их жизнь — от милости монарха: «*Императорского величества владеющей особы принадлежит присяга в верности от подданных. Преимущества, принадлежащие власти самодержавной императорского величества, суть жаловать достоинства, чины, имение. От самодержавной власти истекают чести, должности, достоинства по заслугам, усердию, ревности и верности. Право помилования принадлежит единственно императорскому величеству*».

Над проектом Наказа Сенату Екатерина работала в 1787 году, когда ее особенно стала волновать проблема наследования престола и возможности передачи власти не «*ближнему по крови рода императорского величества*», а другому лицу, выбранному по усмотрению самого монарха. Примечательно, что политическая логика российского абсолютизма заставляла самодержца не просто диктовать свою волю, а искать веские аргументы в отечественном и зарубежном законодательстве, историческом опыте страны, священных текстах Ветхого и Нового Заветов. Екатерина обращается к французскому переводу Билля о правах 1689 года[158], регламентирующего, в частности, наследование английской короны, а также

проект которого так и остался незавершенным (*Омельченко О. А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма. С. 40–41).

[158] Bill of Rights: «An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown» // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 235. Л. 21–35об.

запрашивает у своего статс-секретаря А. В. Храповицкого «Правду воли монаршей». 20 августа 1787 года в его дневнике была сделана запись: «Читали мне известный пассаж из "Правды воли монаршей". Тут или в манифесте Екатерины I сказано, что причиною несчастия царевича Алексея Петровича было ложное мнение, будто старшему сыну принадлежит престол»[159].

На первый взгляд может показаться, что собственноручные черновые бумаги о роде и наследии императорского величества, а также тщательно сделанные выписки из «Правды воли монаршей» отражают одно намерение императрицы — не допустить великого князя Павла Петровича к престолу. Однако в провозглашении за самодержцем права «*назначать наследника и определять порядок в наследии престола*» скрывалось, вероятно не очевидное и для самой императрицы, стремление преодолеть родовой порок самодержавия, передающего личность наследника во власть «равнодушной природы»[160].

В пунктах «*Об исключении от наследства*», а также в пристрастных цитатах из «Правды воли монаршей» прорисовывается образ идеального императора и «антигероя», воцарение которого грозит бедствиями всему государству. Преемник должен быть «*добрым, бодрым, искусным, благонравным*», способным «*доброе отечества состояние утвердить и укрепить*». С другой стороны, монарх наделен абсолютным правом отрешить от престола наследника, который не исповедует православие, имеет земли и корону за пределами России, замешан в бунте или заговоре, а также «*лишен ума, душевных, нравных и телесных качеств к управлению*». Иными словами, самодержец обязан оградить отечество от правителя «*злобного, нерадетельного, яростью побеждаемого, правды не ищущего*». Более того, автор «Правды воли монаршей» Феофан Прокопович признавал за императором власть «*судить смертью*» подобных наследников, однако Екатерина в своем конспекте старательно исключила любое упоминание о казнях и ограничилась нейтральным «*отрешением*» и «*наказанием*».

---

[159] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 37. См.: Устав о наследии престола (ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496–497. 1722. 5 февраля); Правда воли монаршей (Там же. Т. VII. № 4870. С. 602–643. 1726. 21 апреля).

[160] *Пушкин А. С.* «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

Если автора анонимного письма волнует засилье недостойных придворных, через чьи головы он пытается докричаться до престола, то императрица тревожится о том, кому она оставит этот престол, а вместе с ним и обширную вотчину, называемую Российской империей. В ноябре 1787 года она заметит Храповицкому: «Кажется, что во всех должно быть равному усердию в исполнении воли монаршей, тем более, что все дела принадлежат одной хозяйке. Может быть, думают, что я худая хозяйка»[161]. Из всего обилия канонических цитат в «Правде воли монаршей» Екатерину поразит именно фрагмент второй главы *«премудрого Экклезиаста»*: «И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это — суета!»[162]

XVIII век заканчивался надеждой *гражданина* на возможность воспитания личности самодержца и попыткой монарха укрепить *самодержавство* с помощью регламентирующего влияния *закона государственного* и авторитета *Закона Божьего*. На пороге стоял XIX век со «Стансами» Пушкина и «недостроенным зданием»[163] русского парламентаризма.

---

[161] *Храповицкий А. В.* Памятные записки. С. 44.

[162] В черновых записках Екатерины приведен церковнославянский текст: «*И возненавидех аз всяческая мира, и труд мой, в нем же трудихся аз под солнцем, яко оставляю его человеку, будущему по мне, и кто весть, мудр ли будет, или безумен, и обладати имать всем трудом, в нем же трудихся и мудровах под солнце: и се же суета*».

[163] Слова об «увенчании здания» принадлежали участнику земского движения второй половины XIX века И. И. Петрункевичу и обозначали создание при монархе всероссийского представительного органа.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

БЛАГОРОДНЫЙ, благородство 50, 63, 279, 311, 361, 390, 394, 409

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ 354–355

ВЗЯТКА (казнокрадство, лакомство, лихоимство, мздоимство, сребролюбие) 96, 253, 307–309, 317, 346

ГОСУДАРСТВО 321
- правовое (законная монархия) 18–19, 64, 220, 370–371, 473–474
- политизированное 273–274, 334
- полицейское 18–19, 69, 253
- регулярное (правильно расположенное, благоучрежденное) 18–20, 23, 220, 226, 241, 334
- *Polizeistaat, Reglamentstaat, Rechtsstaat* 18–19

государственный интерес (надобность, нужда, польза) 113, 213, 268, 275, 348, 353, 372–373

самодержавие (самодержец, самодержавство, самовластие) 244–245, 315, 440, 474

ГРАЖДАНИН 17, 37, 40–42, 50, 59, 61–64, 258, 321, 346, 361–375, 380–381, 385–386, 390–394, 399, 407–408, 473, 476, 411
- идеальный 38
- именитый 142, 310–311, 364
- истинный 372, 374, 380–381, 391

[1] Предметный указатель приводится для облегчения поиска толкований важнейших понятий, рассматриваемых в работе. Формулировки понятий приближены к лексике источников, их определения даются курсивом.

- новый 37
- полезный (годный) 373, 391

сын Отечества (сын государев) 261, 361, 380, 441–442, 446
сограждане (согражданин) 62, 240, 347, 365, 368, 385, 392–393, 408,
гражданское общество 39–41, 111
гражданство 38–39, 41, 111, 365–366,
горожанин 364, 370–371, 386
bourgeois, Bürger, citizen, citoyen, citoyenne, cittadino, ciudades, Staatsangehörige, Staatsbürger, Stadtbürger, Ständegesellschaft 41, 60, 62, 364, 369–371
Bürgerlichkeit, Öffentlichkeit, civil society 41, 364, 369–371

ЗАКОН 17, 20, 22–23, 24–28, 38, 43, 50, 59, 61–64, 67–68, 192, 204, 207, 211–213, 229, 237, 252, 260, 286–287, 314–316, 318, 321, 368, 383, 390, 399, 401, 404, 407, 411, 431, 434, 474

- Божий 28, 48, 62, 65, 67–69, 118, 121, 123, 125, 146, 148–149, 159, 193, 203–204, 237, 285, 314, 363, 400–403, 437, 473–474, 476
- государственный 28, 48, 62, 65, 67–69, 92, 118, 123, 125, 146, 148, 159, 203–204, 237, 244, 314–315, 341, 401, 473–474, 476
- гражданский 67–68, 123, 363, 431, 436
- естественный (природный) 67–68, 193, 237, 363, 401–402, 434–435, 438, 441
- моральный 261
- непременный (вечный, подлежащий вечности, непреложный, фундаментальный) 25, 27, 62–63, 213, 215–216, 243, 245, 272, 315–316, 404, 407, 417

законодатель (законоведец, законодавец (мудрый), законознатель, законоискусник, законоположник, законотолкователь); законотворчество (законоискусство, законоучение) 23, 62, 108, 110, 193, 238–243, 285–291, 295, 314, 316, 399, 418–419
манифест 25–26, 45, 207–208, 297, 314,
указ для всенародного сведения (объявленный во всенародное известие), именной, ложный (лжесоставной, пасквиль), печатный, сенатский (сенатский вследствие именного, объявленный из Сената) 25–27, 45, 62–63, 207, 210–213, 229, 234, 236, 297, 309, 314–316, 404
право, правовое сознание 24, 383, 400

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ 266, 268, 289, 316, 355, 382

КАЗНЬ

- смертная (натуральная) 79, 91, 125, 202, 437–438, 441, 475

- политическая (политическая смерть) 83, 85–88, 91–93, 95–96, 100, 111–112, 125, 155, 140, 202

возведение на виселицу 111, 114–115
гражданская смерть 111
положение на плаху 83, 87, 111, 115
шельмование 96–97, 99, 100–111, 202

ПОДДАННЫЙ 17, 37–38, 41–42, 47, 50, 61, 63, 321, 338, 342–343, 361, 365, 367–373, 375, 380, 386, 388–390, 393–394, 399, 407–408, 419, 434, 441, 462, 473–474

- верноподданный 346, 386, 388, 407
- древний (старый, природный, постоянный) 62, 343, 346–347, 357, 359–360, 385
- знатный (благородный) 63, 260, 359–361
- истинный (действительный, полезный, надобный, прямой) **10, 38, 279,** 343, 357, 361, 372
- любезный (вернолюбезный)208, 361, 386, 388
- низкий 359, 361, 386
- временный, новый (новокрещенный, новопросвещенный) **62, 257, 343,** 346–347, 351, 355–356, 359–360, 386,

иноверцы (иноземцы) 15, 346, 350, 354–356, 360,
подданство 38–39, 41, 59
poddaństwo, poddany, subditus, sujet, Untertan 37, **60, 342, 370**

ПОКАЯНИЕ 169

- древнее (каноническое)171
- публичное*170, 178–179, 182,* **402**

епитимья 151, 169, 182
исповедь 151, 169, 182
покаянная пустота (покаянное молчание) **174**

РАСКАЯНИЕ 169

РАБ 37, 47, 62, 334–339, 341, 368, 386, 383–385, 388–390, 394, 399, **407**

- нижайший, подданный, верноподданный, последний, страждущий 333, 336–338, 342, 385

холоп, chłop, Knecht 37, 62, 332–336, 385, 399

СОСЛОВИЕ 15, 29, 30–32, 34–36, 63

- благородное, низшее, подлое, просвещенное, третье 35, 64, 376, 379–381, 445

состояние 34–35, 208, 361
достоинство 34, 361, 394, 431, 474
чин (третий), estate (tiers état), Ständestaat 35

СУД
- Божий 86, 146, 159, 198
- Государственный 86, 146, 159, 198
- Страшный 75, 153, 198, 237, 401

правосудие 148, 444
судебный поединок 192
преступление (государственное, частное, пьяным делом) 75, 132

BEGRIFFSGESCHICHTE, History of Concepts 12–13, 60

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Август II Сильный, король Польши 224, 278, 300
Август III Саксонский, король Польши 72, 88
Авдонин Степан, денщик 184
Агеева О. Г. 153, 226, 340, 459, 467
Адабаш, полковник 182
Ададуров В. Е. 239
Александр I, российский император 242, 281, 459–460, 471
Александр II, российский император 400
Александров Александр, дворовой человек, калмык 185–187
Алексеев В. Н. 459, 469
Алексеев Мартын, крестьянин 180
Алексеев Никита, каторжанин 104
Алексеев П. А. 36
Алексеев Семен, священник 138
Алексеев Федор, дворовой человек 158
Алексеев Яков, помещик 138
Алексеев, придворный лакей 222
Алексеева Авдотья Гаврилова дочь, крестьянка 180–181
Алексей Михайлович, русский царь 262, 285, 327, 358
Алексей Петрович, царевич 219, 278, 475
Алмазов А. И. 146–147, 171, 173–175
Амвросий (А. С. Зертис-Каменский), архиепископ 120–121

[1] Содержание и некоторые принципы построения именного указателя соответствуют концепции работы, в текст которой включены выявленные в документах детальные обстоятельства жизни представителей всех сословий. В силу сложности и неопределенности иерархии русского общества XVIII века социальная идентификация многих персоналий дается в соответствии с текстом источников.

Андреев А. А. 459, 469–471
Андреев Василий, дворовой человек 121
Андриан (Андрей), патриарх 151
Аникеев, копиист 232
Анисимов Е. В. 77, 90, 96, 105, 142, 403, 406
Анна Иоанновна, российская императрица 74, 86, 88, 102, 155, 220, 227, 272
Анна Леопольдовна, российская правительница (регентша) 71, 90, 344
Антонов Егор, крестьянин 135
Аполлова Н. Г. 25, 346
Апраксин Ф. М. 337
Аракелов, торговец, армянин 222
Арефьев Никита, сторож земского суда 130
Архаров Н. П. 149, 299, 409
Арцыбашев Никита, земский комиссар 117
Афанасьев А. Н. 159
Афанасьев Андрей, иерей 168
Ахметов Богдан, романовский (костромской) татарин 81

Бабич М. В. 54
Бабкова Г. О. 183
Бавшеев, прапорщик 157
Багалей Д. И. 471
Баггер Х. 20
Бакастов Григорий, помещик 134, 157
Бакеев, регистратор 130
Бакунин А. М. 53
Балакирев И. А. 105
Балдин, копиист 138
Бантыш-Каменский Н.Н. 226
Баранов Григорий, земский комиссар 117
Баранов, придворный лакей 222
Барсков Я. Л. 10, 379
Бартенев П. И. 72, 245, 286, 293
Баскаков В. Г. 52, 57, 259–262, 283
Баузе Ф. Г. 288–289
Бахметев И. И. 94
Безбородко А. А. 22, 49, 50, 52–53, 56, 146, 217, 247, 270, 290–291, 391, 462–467, 469
Безобразов А. И. 80–81
Безобразов Никита, судья сыскного приказа 108

Безумов, уездный судья 138
Беккариа Ч. 51, 115, 117–118, 252, 365
Бекшеев Василий, прапорщик 138
Белавенец Дмитрий, смоленский шляхтич **129**
Белавенец Максим, смоленский шляхтич **129**
Белавенец Павел, смоленский шляхтич 129
Белавенец Семен, смоленский шляхтич 129
Белавенец Тимофей, смоленский шляхтич 129
Белавенец, недоросль из дворян 157
Белкович Анофрий, смоленский шляхтич 133
Белов Е. А. 81
Белявский М. Т. 31, 254
Белякова Е. В. 154–155
Бемер Ф. 57, 260
Бердеков Кузьма, капрал 196, 198
Бердников Л. И. 85
Березин, полковник 305
Берхгольц Ф.-В. 73, 84–85
Беспятых Ю. Н. 102
Бессарабов Н. В. 353
Бестужев-Рюмин А.П. 57, 88, 225, 241, 251
Бецкой И. И. 52, 210, 214–215, 253, 269–270, **277, 318, 339, 372, 378**
Бибиков А. А. 379
Бибиков А. И. 57, 259–260, 264, 379
Бикташева А. Н. 39
Бильфельд Я. Ф. 252, 365
Битяговская Катерина, полковница **210, 295**
Благова, помещица 158
Блакстон — см. Блэкстон Вильям
Блом К. 149–150
Блэкстон Вильям (Blackstone W.) **51, 253–254**
Бобровский П. О. 178–179
Боден Рудольф 459, 468, 472
Болотина Н. Ю. 126
Болотов А. Т. 104–105, 131, 300
Борисов Прокофий, прапорщик **138**
Борисов, землемер 298
Борисова Т. Ю. 15
Брагин Гаврила, однодворец **126**
Бредли Дж. — см. **Bradley J.**

Бретшнейдер Г. 150
Брикнер А. Г. 318
Брокгауз Ф. А. 94
Брюль Г. 88
Брюс Я. В. 84, 135–136, 409
Брюхов Григорий, городничий **184**
Брянцев А. М. 51, 254
Буганов В. И. 31
Бугров К. Д. 22, 245, 459, **467, 469**
Будагов Р. А. 364
Булгаков И. М. 319–320
Булгаков Я. И. 49, 52, 208, **242, 319–320, 338, 351**
Бунаков, стряпчий 130
Бутурлин А. Б. 94, 187
Бушуев, канцелярист 232
Бюшинг А.-Ф. 52, 318

Вагнер Наталья Алексеева дочь 295
Вагнер, поручик 295
Варвара, крепостная 130
Варлаам, епископ 199–200
Варфоломей, архимандрит 192
Василий Великий (Василий Кесарийский), **архиепископ** 165, 171–172, 175–177, 180, 191
Васильев Николай, актуариус 297
Васильчиков А. С. 459, 461
Вдовина Л. Н. 22
Велизарий Ф. 463
Веревкин Алексей, статский советник158
Веревкина, статская советница 158
Вернадский Г. В. 20, 21, 27
Верт П. 38
Веселовский Н. И. 78
Викторский С. К. 75
Вилье Ш. де, адвокат 287
Виноградов В. В. 36, 60
Витовтов Степан, секунд-майор 135
Вихляев И. И. 108
Владимир (Владимир I Святославович), **древнерусский князь** 46, 280, 418, 434, 447

Владимирский-Буданов М.Ф. 18, 24, 252
Волк, коллежский советник 239
Волков Д. В. 52, 239, 290
Волков М. Я. 131
Волков С. С. 327, 331, 333
Волконская, княгиня 135, 157
Волконский М. Н. 251
Володимер — см. Владимир (Владимир I Святославович)
Волоцкий Яков, подьячий 117
Волховский Афанасий, епископ 146
Вольтер 52, 126, 224, 252, 259, 264–265, 270–271, 339, 353
Воронин Андрей, солдат 232, 233
Воронцов А. Р. 52, 338, 376, 459, 461, 463–467, 469–470
Воронцов М. И. 57, 70, 251, 259–260, 338, 368, 377
Воронцов Р. И. 108, 239, 376
Воронцов С. Р. 52, 238, 338, 375, 376, 461, 463–465, 469–470
Воронцовский, полковник 84
Воскобойникова Н. П. 82
Востоков А. А. 109
Вуйчич, капитан 181–182
Вяземский А. А. 57, 210–211, 213–214, 217, 240, 242–243, 250, 271, 287, 320, 356
Вяземский И. А. 240

Гавриил, епископ 52, 188, 260
Гагарин А. М. 84
Гайгаров Никита, ямщик 87
Галем Г. 90
Ганнибал А. П. 105
Гарезин, кабинет-курьер 190
Гарновский М. А. 52, 231, 290, 291, 470
Гейм И. А. 53, 366
Герберштейн С. 176
Герман И. Е. 303
Гернич, капитан 182
Герцен А. И. 53
Геттун В. Н. 137
Гилленборг К. (Шиленбург К., Шленбург К., Gyllenborg C.) 92–93
Глаголева О. Е. 309
Глебов А. И. 108, 295.
Гликофриди-Леонцини А. 241

Глинский Б. Б. 21
Глушакова С. И. 39
Гоголь Н. В. 113, 143, 317, 319
Годунов Борис, русский царь 70
Голицын А. В. 82
Голицын А. Д. 94
Голицын Б. А. 81–82
Голицын Василий В. 81–82
Голицын Владимир Б. 54, 337, 380
Голицын Д. М. 84
Голицын Ф. Н. 52, 223–225, 246, 374, **381–383**
Голицына П. И. 376
Головкин Г. И. 84
Головкин М. Г. 88, 91, 98
Голубцов А. П. 174
Гольцев В. А. 281
Гончаров Илья, крестьянин 130
Гордон А. В. 24, 241
Горихвостов, инженер-майор 306
Горский А. А. 332
Горюшкин З. А. 289
Гохмут К. (Hochmuth K.) 87
Грибовский А. М. 52, 78, 247, 270, 272, 282, **284, 291**
Грибоедов А. С. 53, 270
Гривер Генрих, придворный мастер 222
Григоров Василий, прапорщик 130
Григоров Петр, подпоручик 181
Григорьев В. А. 27
Григорьев Ксенофонт, крепостной 135
Григорьев Михаил, крепостной 185–187
Гридунов Харитон, однодворец 127
Гримм Ф.-М. 52, 126
Гродненский Д. И. 461
Гросул В. Я. 40
Грот Я. К. 376, 379
Гуннинг Р. (Gunning R.) 340
Гурьев, полковник 235
Густав II Адольф, король Швеции 178

Д'Аламбер Ж.-Р. (D'Alembert J.-R.) 52, 119, **251, 252, 255, 259**

Давид, иудейский царь 193, 473
Даль В. И. 53, 331, 376, 383
Дамаскин Иоанн 173
Данилевский И. Н. 24, 27
Данилова Катерина, дворовая девка 185–186
Данилова Л. В. 28
Дашков М. И. 308
Дашкова Е. Р. 52, 320, 376–377, 379, 383, 459, **464–465**
Демидов П. А. 379
Депельмеер, доктор 135
Деревицкий Александр, подпоручик 126
Деревицкий, помещик 130
Державин Г. Р. 22, 52–54, 212, 237–239, 320–321, 376, 379, 389–390, 409
Десницкий С. Е. 51–52, 67, 118, 252, 254, 285, 287, 289
Деттиль, поручик 150
Деянов Федор, дворовой человек 121
Ди Симоне М. Р. (Simone M. R. di) 23
Дивов И. И. 108
Дидерот — см. Дидро Д.
Дидро Д. 52, 134, 252, 259, 267, 340, **341, 379, 382, 383**
Дмитриев Иван, купец 121
Дмитриевский А. А. 169
Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий I) 70
Дмитрий, митрополит 188
Долбилов М. Д. 39
Долгинцов, секретарь губернской канцелярии **232, 233**
Долгорукий Г. Ф. (Долгоруков Г. В.) 84
Домашнев С. Г. 210
Домна, дворовая девка 130
Дорофеев Иван, купец 99
Дорошка, коновал 80
Досифей, архимандрит 196, 198, **199, 200, 201**
Достоевский Ф. М. 99, 116, 188
Дружинина А. В. 39
Дружинина Е. И. 359
Дубосаров И. И. 137
Дуров, бригадир 239
Дьяков, полковник 306
Дягилев Иван, купец 386

Евфимия, игуменья 196, 197, 198
Екатерина I, российская императрица 88, 102, 118, 219–220, 410, 429, 475
Екатерина II, российская императрица 4, 8, 10, 17, 18–19, 21–22, 25, 30, 35, 40–41, 43, 48, 51–57, 62, 68–69, 77, 99, 102–103, 106, 108, 112, 118–121, 124–126, 134, 139–140, 143–144, 155–158, 160, 167–168, 182, 183, 186–187, 189, 192, 194–195, 196, 200–203, 207–208, 211–219, 221–227, 229–231, 235–236, 240–262, 264–278, 281–285, 287, 289–292, 296, 298, 302–303, 308, 312–317, 319–320, 325, 328–330, 337, 339, 340–341, 343–344, 346–349, 351–361, 363, 365, 367, 372, 374, 377–378, 381–385, 387–391, 394, 402–405, 407, 409–411, 415, 434, 439, 458–467, 469, 473–476
Елагин И. П. 240, 270, 328
Елагин, заседатель уездного суда138
Елизавета Английская (Елизавета I), английская королева 246, 249
Елизавета Петровна 45, 70–72, 74–79, 88, 91–95, 98, 100, 102, 103, 106–110, 112–116, 118, 121, 124, 139–141, 144, 149, 155, 160, 166, 186, 194, 211, 216, 221, 236, 271–272, 290, 338, 375, 377, 395
Емельянова Агафья, крестьянка 184
Епифанова Василиса, крепостная 136
Ерлич Иоаким (Ян), шляхтич 39
Еропкин А. М. 108
Ефимович Александр, капитан 145
Ефремов Даниил, тайный советник 169
Ефремова Мария Иванова, вдова тайного советника 169
Ефрон И. А. 94

Желябужский И. А. 81
Живов В. М. 11, 75, 203, 317
Жилин, помещик 135
Жильцов С. В. 113
Жолобов А. П. 48, 98
Жуков А. А. 48, 183, 185–190, 192–202
Жуков А. П. 183–187
Жуков Петр, вахмистр 167–168
Жукова А. И. 185
Жукова В. А. 185–186, 196, 197, 198
Жукова В. Н. 48, 183, 185–190, 192–202

Заблоцкий А. П. 245, 286, 293
Завадовский П. В. 270, 290–291, 459, 461–465, 467, 469
Загоскин Н. П. 27, 77

Заозерская Е. И. 183
Зарубин И. Н. (Иван Чика), казак 121
Захаров В. Н. 343
Зиновьев, асессор 304
Золотарев Максим, мещанин 99
Зорин А. Л. 4, *226*, 459, *467*, *468*
Зорин, откупщик 311
Зубов П. А. 22, 462–463, 465–467
Зуев Лука, солдат 87
Зыбелин С. Г. 285–286

Ибнеева Г. В. 226, 245, 355
Иван III, русский великий князь 332434, 447
Иван IV (Иоанн Антонович), российский император 120, 122, 344
Иваненко Петр, надворный советник 298
Иванов, квартирмейстер 301
Иванов, секретарь губернской канцелярии 239
Иванов В. А. 301
Иванов Герасим, крепостной 135
Иванов Егор, крестьянин 128
Иванов Иван, дворовой человек, столяр185–187
Иванов Иван, крепостной 135,
Иванов П. В. 301–302
Иванов П. И. 303
Иванов Степан, крестьянин 128
Иванов Федор, крепостной 135
Иванова Фекла, крепостная 136
Игельстром О. А. 352, 460
Игнатьев Алексей, дворовой человек 135
Игнатьев С. Л. 90
Изъединов, статский советник 222
Иловайский Д. И. 460
Ильин Еремей, сторож земского суда 130
Инкелес А. (см. *Inkeles A.*) 32
Иннокентий (Нечаев), епископ 52, 188, 260
Иоанн IV Постник, константинопольский патриарх 175
Иоанн Васильевич — см. Иван III
Иоасаф II, патриарх Московский и всея Руси 152
Ионова Авдотья, дворовая девка 185–186
Иосаф, епископ 196

Иосиф (Ивашка Ахметов), старец 81–82
Иосиф II Леопольд, император Священной Римской империи 459
Ираклий II, картли-кахетинский царь 49, 208
Ирицкий (Ирецкий), поручик 305
Ирицкий, контр-адмирал 305
Иродион, священник 80
Исаев И. А. 27
Иулиа — см. Юлиан Отступник

Кабанов В. В. 24, 27
Кагарлицкий Ю. В. 15
Каин Ванька (Осипов Иван) 105
Калайдович К. Ф. 159
Каменский М. Ф. 136–137
Кантемир Д. К. 162
Капнист В. В. 53, 304, 377, 389, 390
Капнист Николай, сержант 210, 295
Каппелер А. 33
Каразин В. Н. 471
Карамзин Н. М. 51, 391
Каратыгин П. П. 90
Карл XI, король Швеции 178
Карнович Е. П. 27, 43, 338
Карунтяев Петр, однодворец 184
Каховский М. В. 347, 350
Каштанов С. М. 37–38, 363–366
Квашнин-Самарин А.П. 108
Кене Ф.(Quesnay F.) 252
Кизеветтер А. А. 29, 30
Кинцыбай, сын ясашного тяглеца 159
Киприан, иеромонах 199
Киселев К. Д. 22
Клочков М. В. 252
Ключевский В. О. 29, 30
Кляйн И. — см. Klein J.
Кляшторный С. 352
Княжнин Я. Б. 9, 50, 53
Кобенцель Л. (Cobenzl J.-L.-J.) 470
Кобрин В. Б. 332
Коваленский М. Н. 77

Кодан С. В. 43
Козицкий Г. В. 52, 272, 375, 383–384, 393
Козлов И. И. 222, 240
Козлова Н. В. 237
Козловский А. С. 168
Козловский П. Б. 114
Козьмин С. М. 54, 320, 328
Кологривов С. Н. 473
Колошин А. М. 228
Колчин М. А. 166, 169–170, 200, 202
Комаров Василий, подканцелярист 138
Комылин (Камылин) Л. И. 240
Кондратьева Степанида, крепостная 136
Констан Бенжамен 368–369
Константин IX Палеолог, византийский император 445
Константин Павлович, великий князь 344
Конфино М. — см. *Confino M.*
Копосов Н. Е. 13
Коркунов Н. М. 21, 26–27, 29, 39, 212, 214, 273
Корогодин М. В. 177
Королев Сергей, крепостной 376
Костомаров Н. И. 90
Костюшко А. Т. Б. 471
Кочеткова Н. Д. 15
Кошелева О. Е. 309
Кравецкий А. Г. 15, 259
Красков Николай, прапорщик 127
Кречетников М. Н. 347, 350
Круглов В. М. 15
Крылов И. А. 318, 319
Кудинов О. А. 39
Кузнецов Кирилл, солдат 197
Кукарин, секретарь уездного суда 157
Кулаков И. П. 33
Куломзин А. Н. 251
Кунин Михаил Гаврилов, священник 138
Куракин Александр Б. (1697–1749) 94
Куракин Александр Б. (1752–1818) 376–377
Куракин Алексей Б. 376
Куракин Андрей, секретарь уездного суда 135

Куракин Ф. А. 377
Курбский А. М. 265
Курукин И. В. 70, 94
Кутайсов П. И. 54
Кутузов А. М. 10, 53, 378–379

Лабулэ Э. 369
Лаврентьев Дементий, стрелец 80
Лавров А. С. 152–154
Лагарп Ф.-С. 459, 460
Лазарев Степан, однодворец 127
Лаппо-Данилевский А. С. 29, 212
Лаптев, генерал-интендант 305
Ларсон Карл, придворный мастер 222
Ласси П. П. 92, 95, 107
Латкин В. Н. 18, 26, 27
Лебедев Василий, прапорщик 134
Левенвольд Р.-Г. 88, 90, 98
Ледонн Дж. — см. LeDonne J.P.
Лейбниц Г.-В. 253, 334
Леонтьев, солдат 135
Леонтьев, стряпчий 310
Леонтьев Алексей, дворовой человек 121
Леонтьев М. И. 77
Лермонтов М. Ю. 53, 317
Лесток И.-Г. 70, 72
Либратовский Г. К. 78
Лисеевич, титулярный советник 157
Лихачев Д. С. 35
Ломоносов М. В. 74, 187, 338, 395
Лопатин В. С. 461, 459, 469, 470
Лопатина Анна, помещица 136
Лопухин И. В. 52
Лопухина, генеральша 312
Лор Э. — см. *Lohr E.*
Лотман Ю. М. 317, 370, 395
Лохвицкий А. В. 159
Лукашевичева Анастасия, есаулина 210, 295
Лурье Я. С. 38, 363
Лушник Данила, прапорщик 128

Львов Н. А. 53, 389
Любавский М. К. 252
Люберас И.-Л. 101–102, 105
Людовик XV, король Франции **340**
Людовик XVI, король Франции **46**
Люзак Э. 252
Лютер М. 179
Лялин Василий, подпоручик 138
Лялина Дарья Матвеева дочь, камершерша 295
Ляпунов Василий, коллежский асессор 108

Мадариага И. де — см. *Madariaga I.de*
Майков П. М. 27, 43, 463
Майорова О. 39
Макаров А. В. 84
Максим 129
Максимов Ульян, крепостной 135
Максимова Наталья, крепостная 128
Мальмсбери Г.-Д. (Malmesbury H.-J.) 318
Манштейн К.-Г.(Manstein Ch.-H.) 70
Марасинова Е. Н. 4, 15, 40, 59, 137, 153, 296
Мария Федоровна, вдова прапорщика 134
Мария Федоровна, российская императрица 272, 459
Мария-Терезия, императрица Священной римской империи **246**
Марков, дворянин 139
Маркова Катерина, дворянка 139
Марселис Ш. де 70
Мартенс Ф. 273
Маслов Б. П. 15, 16, 40
Матвеев А. А. 84
Матвеев Андрей, крепостной 167
Медушевская О. М. 24, 27
Медушевский А. Н. 22, 28, 40, 220–221
Мезин С. А. 336
Мельгунов А. П. 55, 239, 351
Менгден К.-Л. 88, 91
Менгден, секунд-майор 304
Меншиков А. Д. 83
Меньшов Е., оброчный староста **309**
Местр Ж. де (Mastre J. de) **114, 369**

Мещерский А. И. 53
Мещерский П. С. 129
Микулин, капитан 129
Милов Л.В. 28, 34, 131, 137, 254, **303, 327, 360, 377, 382, 405**
Мильшин Петр, штык-юнкер 135
Милюков П. Н. 29, 30
Милютинович, прапорщик 182
Миних Б.-Х. 72, 87–89, 91, 98, 344
Миних И.-Э. 340–341
Мирзаханов, купец, армянин 222
Мирович В. Я. 120–122, 124
Миронов Б. Н. 20–21, 24, 31–33, 40, 216, 241
Михаил (Миткевич М.), архимандрит 196
Михаил Федорович, русский царь 327
Михайлов Иван, малолетний новокрещеный 133
Михайлов Прохор, малолетний 133
Михалев, секунд-майор 157
Михельсон И. И. 379
Монтескье Ш.-Л. 119, 252, 255, 262, 265, 349, **365, 462**
Морков А. И. 462, 465–467
Муравьев М. Н. 9, 50, 53, 393–394, 404, 459
Муратов Яков, сержант 138
Муромцев Иван, стрелец 80
Мусин-Оглы (Мусин-Оглу), визирь 345
Мясоедов, смотритель корчемств 211, 295

Наполеон I Бонапарт, французский император **301, 313**
Нарышкин А. А. 239
Нарышкин Л. А. 247
Нелединская Авдотья, помещица 158
Нелединский Андреян, провиантмейстер **158–159**
Неронов В., помещик 320
Нестеров Василий, поручик 143–144
Никитин Григорий, священник 181
Никитин Петр, священник 82
Никифоров Илья, поручик 134
Николай I, российский император 43, 302, 400, 409
Николай Михайлович, великий князь 463
Никонов Николай, прапорщик 136
Никулина Е. А. 94

Нилов Андрей Михайлович, помещик 376
Нимфодора, начальница монастыря 199–200
Ниящаева Васса, крестьянка 132
Ниямбиги, малолетняя 160
Новиков Н. И. 47, 50–51, 53, 62, 254, 362, 367, 375, **391–393, 409, 410, 466**
Нольте Х.-Х. — см. Nolte H.-H.
Нордстет *И.* 53, 366

Образцов, городничий 310
Одоевской Н. И. 177
Олимпиада, монахиня 138
Олсуфьев А. В. 112, 18, 239, 328
Омельченко О. А. 18–19, 26, 56, 108, 112, 218, 249, 251–253, 258, 261, 269, 287, 291, 415, 427, 473–474
Орлов С. М. 90
Орлов, работник 235–236
Осипов Г. М. 469
Осповат К. А. 468
Остерман А. И. 88–91, 98

Павел (Конюскевич П.), митрополит 196–197
Павел I, российский император 21, 49, 54, 57, 63, **142, 215, 223–224, 227, 244,** 272, 315, 321, 357, 364, 386, 390, 403, 459, 471, 475
Павленко Н. И. 20, 254
Павлов Д. Б. 126
Павлов-Сильванский Н.П. 29
Панин Н. И. 10, 21, 22, 51, 55, 57, 215, 224–225, 227, 231, 241–245, 251, 261, 265, 270, 283, 284, 288, 315, 321, 339, 351, 362, 377, 379, 390–391, 393, 403, 404, 406
Панин Н. П. 57, 244
Панин П. И. 22, 49, 50, 57, 187, 214–215, 223, 227, 283, 321, 379, 381, 390–391
Пекарский П. П. 70–71, 90, 334
Пентковский А. М. 175
Перич, подполковник 182
Перхавко В. Б. 15
Песков А. М. 364
Петр I, российский император 8, 18, 20, 23–24, 35–36, 69, 72–74, 79–81, 83–84, 86, 88, 97–98, 100–102, 105, 107, 131, 141, 153–154, 178–179, 197, 207, 209, 211, 216–217, 219–220, 226, 241–243, 258, 269, 271–272, 275–278, 285, 302, 312–313, 317, 319, 326, 328, 331, 333–337, 339, 341, 358, 372, 375, 385, 403, 405, 434
Петр II, российский император 86

Петр III, российский император 35, 45, 55, 109, 143, 221, 224, 229, 250, 267, 271, 274, 296, 344
Петров Григорий, дворовой человек 136
Петров Евстрат, крепостной 135
Петров М. М. 141
Петров, поручик 210, 295
Петрункевич И. И. 476
Пецольд И.-З. (Petzold J.-S.) 72, 88, 90–91, 98
Пигарев К. В. 404
Пикин Кондратий, посадский человек 87
Писаренко К. А. 92–93, 95, 108
Писарькова Л. Ф. 142, 317
Пихоя Р. Г. 117, 177
Плавинская Н. Ю. 249, 252
Платон (Левшин П. Г.), митрополит 52, 56, 242, 260, 409
Платонов Герасим, однодворец 127
Плетнева А. А. 15, 259
Плещеева А. И. 10
Победоносцев П. П. 192
Подлуцкий Михаил, смоленский шляхтич 129
Покок Дж. (*Pocock J.-G.-A.*) 13
Полетико Г. А. 53, 376
Полозов, подканцелярист 238–239
Полонский Д. Г. 334, 459, 470–471
Полтева Настасья, дворянка 185–187
Понятовский С.-А. 459–460
Попов В. С. 54, 222, 281, 376
Попов Кондратий, площадной подьячий 184
Порошин Михаил, капитан 138
Поспелов Ф. Т. 462
Постников, протопоп 191–192, 195
Потемкин Г. А. 52, 211, 223, 265, 290, 362, 376, 461–463, 465, 466, 469–470
Потемкин П. С. 379
Преображенский А. А. 31
Прокопович Ф. 19, 36, 51, 291, 335, 388, 475
Прокопович-Антонский А.А. 286
Пругавин А. С. 167
Пугачев Е. И. 45, 120–124, 126, 141, 207, 209, 301, 312, 343, 345, 363, 379
Пустошкин Иван, прапорщик 133, 157

Пуфендорф С. (Pufendorf S.) 50, 367, 373
Пушкин А. С. 8, 53, 79, 110, 145, 244, 317, 395, 404, 409–410, 475

Радищев А. Н. 51, 53, 67, 70, 288, 316, 362–363, 374, 379–381, 391–**393, 466, 468**–469
Раев М. — см. Raeff M.
Разин С. Т. 152
Разумовский А. Г. 78
Разумовский К. Г. 251
Рамантов Алексей, стряпчий 135
Расин Л. (Rasine L.) 369
Рашетт Ж.-Д. (Rachette A.-J.-S.-D.) **320**
Редин Д. А. 308–309
Рейснер М. А. 20
Ренбер Яков, регистратор губ**ернской канцелярии** 308
Репнин Н. В. 459
Ржевский А. И. 72
Ривьер П. (Rivière P.-P.) 270
Робинсон А. Н. 35
Ровоам, преемник иудейского **царя Соломона 442–443**
Рогов Илья, солдат 196
Роза Иван, сержант 150
Розанов Н. П. 166
Романович-Славатинский А.В. **30, 212**
Ростопчин Ф. В. 53, 376
Рохов, подполковник 56, 241
Рубцев Петр, капрал 197
Рудин С. Д. 303
Руднев Максим, дворянин 128
Румянцев А. И. 94
Румянцева М. Ф. 24, 27
Румянцев-Задунайский П.А. 46, 280, **459, 463**
Руссо Ж.-Ж. 51, 368–370, 380, 391
Рюрик, князь 445, 467
Ряжев А. С. 355
Рязанов Семен, стрелец 80–81

Савин, поручик 135–136, 157
Салтыков П. С. 189–190, 195
Салтыкова Д. Н. (Николаева Д., **Салтычиха) 134, 202–203**

Самарин, подполковник 304
Самарина, помещица 304
Самсонова Марфа, крепостная **135–136**
Сафонов М. М. 21
Свингины, помещицы 128
Свистунов П. С. 127
Сегюр Л.-Ф. 52, 215–216, 223, **246, 263–264,** 267, **270, 382–383, 387–388**
Седов С. А. 22
Семевский В. И. 21
Сергеевич В. И. 19, 263
Сергеевский Н. Г. 112
Серов Д. О. 197
Сиверс Я. Е. 459, 460
Сидорчук М. В. 44
Симанов Филипп, крестьянин 158
Скавронский М. К. 168, 239
Скорняков-Писарев Г.Г. 83
Скорятин Родион, дворянин 130
Скудин Логин, поручик 310
Смилянская Е. Б. 10–11, 15, 152–153
Смирнов С. И. 176
Снегирев И. М. 52
Соймонов Ф. И. 100
Соловьев С. М. 29–30, 77, 84, 90, 92, **98,** 105, 116, 118, 140, 157, 168, 187, 195, 202, 226, 260, 379
Солодилов Федор, поручик 130, 137
Соломон, иудейский царь 122, 363, 442–443
Солон, афинский политик 437
Соров Калина, солдат 196
Сорогин, поверенный казенной палаты 312
Софроний, архимандрит 78
Софья, русская царевна 81
Сперанский М. М. 43–44, 312
Срезневский И. И. 53, 331, 363, 366
Старков, землемер 303
Стегний П. В. 459, 465–470
Степанов Семен, крестьянин 87
Степанский А. Д. 40
Стивенс К. 33
Страхов И. В. 53, 376

Стрелков, ратман 303
Строганов А. С. 247
Строев А. Ф. 270, 459, 470
Суворов А. В. 469
Суворов В. И. 168
Суворов Н. С. 165, 173, 179–181
Судаков Иван, секретарь экспедиции Сената 76
Сукин И. Н. 312
Сумароков А. П. 52, 57, 2259–262, 314, 320, 377, 379
Суффольк (Suffolk М.-Н.) 318
Сыромятников Б. И. 20

Таганцев Н. С. 92, 93, 112
Тарановский Ф. В. 252
Тарловская В. Р. 35
Татищев А. Д. 185
Татищев В. Н. 9, 51, 100, 116, 286, 366
Телешев Петр, подпоручик 129
Темирязев И. Н. (Тимирязев И. Н.) 88, 91
Теплов Г. Н. 188–190, 239–240, 270, 291, 328
Тимофеев Д. В. 362
Тимофеева Федосья, крепостная 184
Титов, заседатель уездного суда 138
Тихонов Филин, крепостной 143–144
Тихонов Ю. А. 31
Тозато-Риго Д. 460
Толстой А. К. 107
Толстой Л. Н. 53, 137, 187, 266, 290, 313, 402
Томсинов В. А. 287, 289
Топорков Степан, денщик 184
Трепавлов В. В. 37, 38
Троицкий С. М. 35
Троцина К. 330
Трубашевский Никита, секунд-майор 138
Трубецкой И. Ю. 94
Трубецкой Н. Н. 378–379
Трубецкой Н. Ю. 72, 88
Трубецкой П. Н. 168, 239
Тугушева Матрена, помещица 136
Туманова А. С. 40

Туманский О. Г. 299
Туманский Ф. О. 389
Турбин, капитан 140
Тургенев И. С. 411
Турчанинов П. И. 54, 222
Тутолмин Т. И. 237–239
Тютчев С. Б. 300
Тютчев, майор 104

Улита, малолетняя 87
Уортман Р. — см. *Wortman R.*
Ураев Иван, корнет 138
Урусов В. А. 118
Устрялов Н. Г. 70
Ушаков А. И. 94
Ушаков Аполлон, поручик 122
Ушаков Тарас, майор 130

Фаддеева Агафья, солдатка 180–181
Фаизова И. В. 296
Фасмер М. 53, 342
Федор Алексеевич, русский царь 335
Федорова Афимья, жена однодворца 184
Федорова Мария, дочь канцеляриста 134
Федосеев Никита, крепостной 135
Федосов И. А. 256
Федосья, дворовая девка 130
Федотов Петр, священник 181
Фельдмессер Р. — см. Feldmesser R. 32
Феоктистов Федор, канцелярист 134
Филатьев, крепостной 134
Филатьева дочь Мавра, крепостной 134
Филипов Никифор, крепостной 184
Финч Э. (Finch E.) 90
Фитингоф И. Ф. 312
Флоря Б. Н. 33
Фомин Н. К. 309
Фонвизин Д. И. 9, 21, 49, 50–51, 53, **57, 215, 244,** 281, **315, 379, 381, 390–391, 394,** 404
Фрейманова Ева, шляхтинка 134

Фридланд П. 116
Фридрих II Великий, прусский король 246
Фридрих-Вильгельм I, прусский король 56, 241
Фриз Г.-Л. — см. *Freeze G.-L.*
Фруменков Г. Г. 167
Фуко Мишель — см. Foucault M.

Хаванова О. В. 459
Хавен П. фон (Haven P. von) 102
Харитонова Матрена, дворовая девка 136
Хильдермайер М. (*Hildermeier M.*) 40–41
Хорват И. С. 182
Хорошкевич А. Л. 332, 366, 375
Храповицкий А. В. 52–53, 219, 226–227, 231, 246–248, 253–254, 270, 272, 282–284, 290, 292, 466–467, 475–476
Хрисидис Н. — см. *Chrissidis N. A.*

Цебриков Р. М. 462

Чаадаев П. Я. 8, 470
Чепелев, секретарь уездного суда138
Чередин, секретарь 304
Черепнин Л. В. 33, 35, 308
Черкасский А. М. 88
Черная Л. А. 35
Черных П. Я. 335, 376
Чернышев З. Г. 121, 347, 350, 354
Чечулин Н. Д. 21, 68, 213, 252, 259, 348
Чичерин Б. Н. 29, 30
Чичерин Н. И. 187, 239
Чурбанов, работник 235–236

Шакловитый Ф. Л. 79–82
Шалдов, откупщик 311
Шаляпин С. О. 175
Шанский Андрей, солдат 128
Шарф К. 156, 304, 352, 459, 461–463
Шафиров М. П. 84
Шафиров П. П. 20, 83, 84, 85, 86, 97
Шварц Я.-Х. 70

Шекспир У. 467
Шенье Ж.-М. (Chénier M.-J. de) 368
Шепырев Е. Я. 314
Шерер И.-Б. 71
Шетарди Ж.-И. 70–71, 90
Шильдер Н. К. 281
Шишкин И. И. 90
Шишков А. С. 377
Шленбург К. — см. Гилленборг К.
Шмолл, еврей-арендатор 77
Шокуров Василий, коллежский советник 309
Штрубе де Пирмонт Ф.-Г. (Strube de Piermont F.-H.) 108
Шувалов И. И. 53, 246, 290, 338, 376–377, 395
Шувалов П. И. 94, 108
Шумигорский Е. С. 57, 215, 245, 315, 321, 390, 459

Щапов Я. Н. 175
Щербатов М. М. 50, 53, 69, 70–72, 113, 118, 245, 268, 272, 286, 292–293, 376
Щербачев Алексей, капитан 309
Щербачев Ивашка, дворовой человек 80–81
Щетинин, дворянин139
Щетинин Никита, титулярный советник 166
Щетинина Пелагея Афанасьева дочь, титулярная советница 166
Щетинов, дворянин 139
Щулепников Иван, геодезист 168
Щулепникова Федора Андреева дочь, вдова геодезиста 168

Эмме Ф. И. 108

Юзефович А. А. 299
Юзефович, титулярный советник 157
Юлаев Салават 105
Юлиан Отступник, римский император 445
Юль Ю. (Juel J.) 226
Юрганов А. Л. 15, 37–38, 332
Юсти И. Г.Г. фон 252
Юстиниан I, византийский император 285, 463
Юшков И. И. 108

Ягужинский П. И. 84, 87, 118

Яковенко Н. Н. 39
Яковлев Александр А. 100
Яковлев Алексей А. 228
Яковлев Матвей, крепостной 135
Яновский Прокофий, купец 129
Ястребинский Федор, сотник 198

Alef G. 332
Alexander J.-T. 461
Asch G.-Th. von 55, 274
Aust M. 303

Beccaria C. — см. **Беккариа Ч.**
Beck H. 172
Bennett H.-A. 35
Benz E. 334
Berman H.-J. 18
Black J.-L. 318
Bradley J. 40
Brown A.-H. 252
Bryner C. 113
Burbank J. 38
Butler W. 25, 256, 258

Catherine II — см. Екатерина II
Catherine the Great — см. Екатерина II
Chrissidis N.-A. 183
Confino M. 32–33, 40
Cracraft J. 178

D'Aubigne J.-H.-M. 172, 191
Darras J.-E. 171
Desnitsky S. E. — см. **Десницкий С. Е.**
Diderot D. — см. Дидро Д.
Dipper Ch. 13
Dixon S. 255
Dulac G. 341
Durkheim E. 400

Eisenstadt S.-N. 17
Elizabeth Petrovna — **см.** Елизавета Петровна
Evans R.-J. 115

Feldmesser R. 32
Feldtkeller A. 170
Florovsky A. 287
Foucault M. 115–116, 141, 160, 469
Freeze G.-L. 15, 32–33, 35, 176, 179

Geyer D. 28
Gleason A. 366
Glycofrydi-Leontsini A. **241**
Goudar Ange 462
Graff H.-J. 115
Greenberg J. 17
Griffiths D. 19, 35
Großfürsten Paul — **см. Павел I**

Hamilton S. 174
Hartley J.-M. 33, **308**
Humphreys L.-J. 461

Inkeles A. 32

Jetze F.-Ch. 103

Kappeler A. 25, **346**
Katharina II — **см. Екатерина II**
Kenney J. J. 21, 461
Kleff B. 90
Klein J. 459, **468**
Koselleck R. 13

Labriolle F. 23
LeDonne J.P. 156–157, 368
Leibniz — **см.** Лейбниц Г.-В.
Lentin A. 118
Lohr E. 38, 41

Madariaga I.de 15, 249, 252, 287, 342, 355
Mansfield M. C. 174, 191
Marasinova E. N. — см. Марасинова Е. Н.
Marcum J. W. 461
Marker G. 40
Martin Gohring 21
Martschukat J. 116
Maurer M. 370

Neusner J. 170
Nolte H.-H. 15, 32, 40, 336, 355, 357

Ostermann — см. Остерман А. И.
Otten F. 8
Otto A. 22

Peter der Grosse — см. Петр I
Peter III — см. Петр III
Peter the Great — см. Петр I
Pierre le Grand 341
Poe M. T. 332, 340
Polock J.-G.-A. 13
Poniatowski S.-A. — см. Понятовский С.-А.
Poschmann B. 173
Preu U. K. 364
Pufendorf S. — см. Пуфендорф

Raeff M. 18, 21, 249, 252
Ransel D. 245, 256
Renaud N. D. 27, 43
Ryan W. F. 154

Scharf C. — см. *Шарф К.*
Schierle I. 40–41
Schippan M. 462
Schmidt 15, 36, 361
Scott J. 32
Shcherbatov M. — см. Щербатов М. М.
Skinner Q. 13
Smith Adam 252

Smith D. 15, 40, 395
Spalding M. J. 171

Torke H.-J. 35

Uhalde K. 171
Unger J. 26

Vogel C. 173
Vorontsov S. R. — см. Воронцов С. Р.

Wcislo F. W. 18
Werner P. 35
Werth P. 38
White C. I. 171
Whittaker C. H. 15
Wirtschafter E. K. 33, 40,395
Wortman R. 18, 113–114, 400, 459, 467
Wurttemberg F.-E. von 55, 274

Zavadovskii P. — см. Завадовский П. В.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаю искреннюю признательность всем, кто был причастен к появлению этой книги, и прежде всего, этим коллегам, друзьям, родным:

Ольга Агеева,
Карине Айрапетян,
Владимир Алексеев,
Андрей Андреев,
Евгений Анисимов,
Александр Аксенов,
Елена Белякова,
Рудольф Боден,
Наталья Болотина,
Татьяна Борисова,
Елена Бородина,
Джозеф Брэдли,
Константин Бугров,
Ричард Уортман,
Владислав Гросул,
Андрей Гуськов,
Сандра Дальке,
Екатерина Евтухов,
Роберт Егер,
Ирина Жданова
Виктор Захаров,
Андрей Зорин,
Гузель Ибнеева,
Клаудио Ингерфлом,
Энесса Истомина,
Юрий Кагарлицкий,
Янис Каррас,
Николаус Катцер,
Надя Киценко,
Иоахим Клейн,
Наталия Козлова,
Ольга Кошелева,
Александр Каравецкий,
Борис Крейн,
Ирина Кулакова,
Мишель Ламарш Маррезе,
Татьяна Лаптева,
Наталия Лельчук,
Дмитрий Лисейцев,
Вячеслав Лопатин,
Изабель Мадариага,
Бенджамин МакГарр,
Дана Марасинова,
Александр Мартин,
Екатерина Махотина,
Евгений Мякинков,
Людмила Найденова,

[1] Также я благодарю моих учеников и студентов, каждого из которых помню, но не имею здесь возможности перечислить поименно.

Николай Никитин,
Ольга Новохатко,
Ханс-Хайнрих Нольте,
Анатолий Опарин,
Дмитрий Опарин,
Елена Пенская,
Валерий Перхавко,
Юрий Петров,
Любовь Писарькова,
Рудольф Пихойя,
Александра Плетнева,
Дмитрий Полонский,
Ирина Прохорова,
Сергей Польской,
Дмитрий Редин,
Ирина Рейфман,
Владислав Ржеуцкий,
Ричард Ричи,
Николай Рогожин,
Мария ди Сальво,
Денис Сдвижков,
Анна Семенова,
Елена Смилянская,
Петр Стегний,
Александр Строев,
Анна Тирахова,
Андрей Топычканов,
Ирина Федорчук,
Виктория Фреде,
Ольга Хаванова,
Рут Хубер,
Юлия Херцберг
Николаос Хрисидис,
Клаус Шарф,
Ингрид Ширле,
Чарльз Шлэкс.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.
РУССКИЙ XVIII ВЕК — НОВЫЙ ЯЗЫК,
НОВЫЕ ПОНЯТИЯ

DIE RUSSISCHE BEGRIFFSGESCHICHTE 13
История понятий: предмет и задачи; понятие «закон»: историографические проблемы; сословный строй в России XVIII века: вопрос дефиниций.

ТЕКСТ И РЕАЛЬНОСТЬ 43
Текст; от источника к реальности.

Глава I.
ЗАКОН БОЖИЙ И ЗАКОН ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

МОРАТОРИЙ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ 67
Понятие «закон»; «молитва императрицы»; «приговора к смертной казни не исполнять»; «положение на плаху»; от «казуса Шафирова» к «казусу Остермана»; политическая смерть и смертная казнь; политическая смерть и шельмование; «Ржаной остров» Рогервик; «Сенат великое опасение имеет»; «знаменитый пример императрицы Московии».

ЦЕРКОВНОЕ ПОКАЯНИЕ ПО СВЕТСКОМУ СУДУ 120
Дело Мировича, убийство Амвросия и пугачевщина; смертные убийства «пьяным делом и в беспамятстве»; повреждение и жестокость нравов; «поступать по точной силе 1754 года указа»; священник-дознаватель и судья-миссионер; «наказать купно церковным покаянием»; «от кнута последует скорбь, а от покаяния — сердечное восчувствование»; «попам в светские дела мешаться запрещено»; «повелеваю побуждать покаяться при помощи религиозных чувств

и молитвы»; «помолитесь обо мне, грешном»: очерк истории публичного покаяния; публичное покаяние в Воинском артикуле; дело Жуковых; инсценированное покаяние; «исповедающие беззаконие»; «в монастырь под начал».

Глава II.
ЗАКОН

ВЫСШИЙ СМЫСЛ ЗАКОНА 207
Манифесты, регламенты, инструкции; указ, закон, уложение; «сохранение в целости государства есть самый высочайший закон»; «монаршее слово» и закон; Указ Ее Императорского Величества за собственным подписанием; «объявляется во всенародное известие»; «вредные пасквили», «ложные списки» и «превратное толкование законов»; образ самодержавного законодателя.

ЗАКОНОИСКУСНИКИ 249
Мифы о Наказе; «мнения» о Наказе; «здравый смысл» и «предписания естества»; «законодательные основания долженствуют управлять людьми»; «уведываю мысли просвещенной части народа»; законодатели, законотолкователи и законоискусники.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И ЗАКОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
КАЗУС В РУССКОМ ПРАВЕ 294
«Приключения, в свете бывающие»; дворянская привелегия служить; страсти по межеванию; «богомерзкое мздоимство» и курьез с откупами; «есть подданные, но нет граждан».

Глава III.
ГРАЖДАНИН

ХОЛОПЫ И РАБЫ 325
Челобитные на высочайшее имя; «по прошении совершить: Вашего Величества нижайший раб».

ПОДДАННЫЕ 337
«Где до сего слово "раб" было, употреблять имя "подданный"»; подданные Российской империи; «новые» и «древние» подданные; «знатные» и «низкие» подданные.

ПОНЯТИЕ «ГРАЖДАНИН» 364
«Горожане», «граждане», «сограждане»; «Citoeyn» и «bourgeois».

«ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕБУЕТ ПОРЯДКА» 374
«Истинные граждане» и «подлые люди»; «потребна ли крепостным свобода?»

«ХОЛОПОМ И ШУТОМ НЕ БУДУ И У ЦАРЯ НЕБЕСНОГО» 385

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 397

ПРИЛОЖЕНИЯ

Собственноручный черновой проект Наказа Сенату о самодержавной и законодательной власти Императорского Величества 415

Собственноручные черновые бумаги о преимуществах Императорского Величества 418

Собственноручные черновые бумаги о роде и наследии Императорского Величества; о книге «Правда воли монаршей»; английский текст и французский перевод «Declaration of Rights» (1689) [последнее не собственноручно] 423

Авторская рукопись политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II (1794) 447

Примечание к публикации 458

Предметный указатель 477

Именной указатель 13

Благодарность 13

Елена Марасинова

«ЗАКОН» И «ГРАЖДАНИН» В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Очерки истории общественного сознания

Редакторы *Н. Лельчук, А. Опарин*
Дизайнер обложки *Д. Черногаев*
Корректор *М. Смирнова*
Компьютерная верстка *К. Москалев*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 32. Тираж 1000. Заказ № 7688.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14